

Министерство образования Российской Федерации
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Г.И. ХАНИН

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Том 1

Экономика СССР
в конце 30-х годов – 1987 год

НОВОСИБИРСК
2008

ББК 65.03 (2)6
X 191

Рецензенты:

Владимир Конторович, профессор, Хаверфордский колледж, США;
Майкл Элман, профессор, Амстердамский университет,
Нидерланды

Ханин, Г.И.

X 191 Экономическая история России в новейшее время : монография : В 2 т. / Г.И. Ханин; Новосиб. гос. техн. ун-т. – Новосибирск, 2008. – Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. – 516 с. (Серия «Монографии НГТУ»).

ISBN 978-5-7782-0903-9

В первом томе рассматривается экономическая история СССР с конца 30-х годов до 1987 года. Показаны характер перспективных планов в этот период, реальное динамико-экономическое развитие, произошедшие изменения в структуре экономики СССР. Выявлены факторы, обеспечившие успешное экономическое развитие в 40–50-е годы и причины затухания экономического роста начиная с конца 50-х годов. Большое внимание уделяется изменению в составе руководящих хозяйственных кадров и в организации управления народным хозяйством.

ББК 65.03 (2)6

ISBN 978-5-7782-0903-9

© Ханин Г.И., 2008

© Новосибирский государственный
технический университет, 2008

Ministry of Education of Russian Federation
NOVOSIBIRSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

G.I. KHANIN

ECONOMIC HISTORY OF RUSSIA IN THE XX CENTURY

Volume 1

Soviet economy from the
end of the 1930s to 1987

NOVOSIBIRSK
2008

BBC 65.03 (2)6
K 191

Reviewers:

Vladimir Kontorovich, professor, Haverford College, USA;
Michael Ellman, professor, Amsterdam University, Netherland

Khanin, G.I.

K 191 Economic History of Russia in XX century : monograph : in 2 v. /
G.I. Khanin; Novosibirsk state technical University. – Novosibirsk,
2008. – V. 1. Soviet economy from the end 1930s to 1987. – 516 p.
(Series «Monographs NSTU»).

ISBN 978-5-7782-0903-9

The book presents Soviet economic history from the end of the 1930s to 1987. It describes the nature of the long term plans and the actual course of economic development and change in the structure of the economy. The author analyzes the causes of successful economic development in the 1940s and 1950s, as well as the subsequent slowdown of economic growth, which started in the late 1950s. Much attention is paid to personnel changes among the top economic managers, and to the organization of the economy.

BBC 65.03 (2)6

ISBN 978-5-7782-0903-9

© Khanin G.I., 2008
© Novosibirsk state technical
University, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

История экономики, по мнению Й. Шумпетера, наряду с экономической теорией и статистикой, служит основным источником для понимания экономики, причем как раз экономическая история – самая важная из них¹. К сожалению, в последние десятилетия в экономических исследованиях и при подготовке экономистов и на Западе, и в нашей стране этому направлению экономической науки и образования уделялось мало внимания. Расплата за столь слабое внимание к экономической истории наступала, как правило, в периоды экономических кризисов и крупных экономических преобразований. Тогда обнаруживалось, что наши государственные деятели и их экономические советники не имеют ясного представления о длительном характере многих экономических процессов, об особенностях разрешения экономических проблем в нашей стране, поскольку отсутствовали объективные и глубокие научные произведения по экономической истории, особенно советского периода. Объективному изучению советской экономической истории в СССР препятствовали больше всего два обстоятельства: predetermined решениями КПСС и ее вождей основные выводы таких исследований и отсутствие достоверной официальной (другой пользоваться не разрешалось) макроэкономической статистики.

Понимая исключительную важность достоверности макроэкономической статистики для определения характера и перспектив экономического развития СССР, я с начала 70-х и до середины 80-х годов, используя различные, взаимоконтролирующие и независимые, методы

¹ Шумпетер Й.А. История экономического анализа.– СПб., 2004. – Т. 1. – С. 15.

и надежные исходные данные, пересчитал макроэкономические показатели развития экономики СССР за 1928–1987 годы. Результаты этих расчетов, докладывавшиеся в 70–80-е годы на научных конференциях и семинарах с небольшим числом участников, в полном объеме удалось опубликовать только в период перестройки¹.

Поскольку в постсоветский период достоверность макроэкономической статистики в России оставалась низкой, я, вместе со своими коллегами, вынужден был продолжать расчеты альтернативных оценок макроэкономических показателей России, используя, наряду со старыми, и новые методы и исходные данные. Уже в книге «Динамика экономического развития СССР» на основе проведенных расчетов давалась оценка развития советской экономики в отдельные периоды. Намерение продолжить и расширить эту проблематику появилось у меня в конце 90-х годов в связи с явными неудачами экономических реформ в России. Передо мной встал вопрос: была ли в этих реформах необходимость или можно было модернизировать советскую экономику другими методами? Это побудило меня вернуться к более глубокому и полному изучению советской экономики в наименее изученный период – с конца 30-х годов до 1960 года².

При написании настоящей книги, первый том которой посвящен периоду с конца 30-х годов по 1987 год, я поставил себе задачу дать объективную историю экономического развития СССР за это время. Большое внимание, наряду с оценкой динамики и структуры экономики, придавалось институциональным изменениям, а также персональному составу руководящих кадров. Экономическое развитие рассматривалось во взаимосвязи с изменениями в политической системе страны.

Образцом при написании этой книги являлись для меня труды великого экономического историка XX века Фернана Броделя «Капитализм и материальная цивилизация» и выдающегося советского эконо-

¹ В наиболее полном виде они изложены в книге: Ханин Г.И. Динамика экономического развития СССР. – Новосибирск, 1991.

² Результаты этого изучения были изложены в учебном пособии «Экономическая история России в новейшее время. – Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов – 1960 год», вышедшем небольшим тиражом в 2003 году в издательстве Новосибирского государственного технического университета.

мического историка Петра Лященко «История народного хозяйства СССР».

Нуждается в объяснении вопрос о хронологических рамках первого тома. Начало изложения относится ко времени завершения первоначальной модернизации советской экономики и формирования ее институтов. Конец рассматриваемого периода совпадает с началом запоздавшей попытки модернизации ее институтов и структуры в связи с новыми условиями развития общества и назревающим экономическим кризисом. Второй том будет посвящен экономике СССР периода перестройки и постсоветской экономике России.

Я благодарю моих рецензентов и давних коллег по изучению экономики СССР и России профессоров Хаверфордского колледжа (США) Владимира Конторовича и Амстердамского университета (Нидерланды) Майкла Элмана за их ценные замечания по рукописи этой книги. Искренне благодарю за ценные замечания профессора Новосибирской архитектурно-строительной академии Рифата Гусейнова и профессора НГТУ В.И. Игнатьева.

Основной проблемой, которая находится в центре внимания произведенного в монографии изложения и анализа новейшей истории советской экономики, является вопрос о ее жизнеспособности. Кризис советской экономики конца 80-х годов побудил многих советских экономистов и западных советологов и, пожалуй, в то время большинства граждан СССР дать отрицательный ответ на этот вопрос. Для более обоснованного ответа на этот вопрос (он обращен не только в прошлое, но и в будущее) необходим объективный анализ и огромных достижений, и очевидных провалов советской экономики, который и проведен в книге. Но он недостаточен. Необходима также и объективная интерпретация этих достижений и провалов. Здесь важно учесть, как минимум, три частично взаимосвязанных фактора:

- 1) возраст новой социальной системы;
- 2) качество правящего слоя;
- 3) уровень советской экономической науки.

Именно этим факторам в пылу зачастую справедливой критики результатов развития советской экономики либо уделялось мало внимания, либо они интерпретировались чаще всего в одностороннем на-

правлении. Между тем история других экономических и социальных систем демонстрирует множество примеров крайнего их несовершенства на ранних этапах развития, которые продолжались десятилетиями, а иногда и столетиями. Поэтому я старался в изложении показать, пусть и в ограниченной степени, влияние зрелости правящего слоя на характер и результаты функционирования советской экономики.

В книге немалое место уделяется дискуссиям среди советских экономистов и хозяйственников о путях развития советской экономики. В этих дискуссиях отразился уровень советской экономической науки того времени. Многолетние ее преследования в предыдущие десятилетия остро сказались на незрелом и неквалифицированном характере этих дискуссий.

ЧАСТЬ I

**ЭКОНОМИКА СССР
В КОНЦЕ 30-х годов – 1960 год**

Глава 1

ПРЕДВОЕННЫЙ И ВОЕННЫЙ ПЕРИОДЫ: ПРОВЕРКА НА ЗРЕЛОСТЬ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ ВЫДЕРЖАНА... С ТРУДОМ

1.1. ЧИСТКИ ПРИВОДЯТ... К УЛУЧШЕНИЮ КАДРОВ

Только глубокое непонимание настоящей экономической теории и пренебрежение к экономической истории, присущее многим российским экономистам, порождают представление о командной экономике как о наборе методов регулирования и организационных структур, воздействующих на экономику с одинаковой эффективностью (или неэффективностью), независимо от экономического положения страны, состояния производительных сил, конкретных методов планового руководства, интеллектуального уровня кадров управления, общекультурного уровня населения, политической обстановки в стране и в политическом руководстве. При решающей роли государства в управлении экономикой многие вопросы политической жизни, игнорируемые при исследовании рыночной экономики, приобретают важное, а иногда и решающее значение при анализе развития командной экономики.

Развитие командной экономики, как и других экономических систем, переживало периоды возникновения и достижения зрелости, когда ее возможности раскрывались наиболее полно. Многое говорит о том, что период зрелости экономики страны начался во второй половине 30-х годов. Тогда перед экономикой встала задача, намного более сложная, чем построить по иностранным образцам и зачастую под иностранным руководством современную индустриальную базу, –

надо было самостоятельно развивать научно-технический прогресс, освоить созданный производственный потенциал, обеспечить повышение эффективности экономики.

Для этого были определенные предпосылки, созданные в предыдущие годы колоссальными усилиями по расширению среднего и высшего образования. При всех крупных недостатках обучения в первой половине 30-х годов за годы советской власти было подготовлено значительное количество специалистов с высшим и средним специальным образованием, превосходящих по своей квалификации средний уровень руководящих кадров советской экономики середины 30-х годов, зачастую не имевших высшего и даже среднего специального образования. Особенно большой разрыв был у последних со специалистами, получившими высшее образование в 20-е годы, когда стандарты технического образования в СССР были достаточно высокими. Именно выпускники технических вузов 20-х годов, уже имевшие в это время опыт практической работы, прежде всего сменили старых руководителей промышленности в ряде ее важнейших отраслей. В качестве примера назову И.Ф. Тевосяна, В.С. Емельянова, А.П. Завенягина.

Руководящий и инженерно-технический персонал советской экономики этой поры, состоявший преимущественно из бывших профессиональных революционеров и героев гражданской войны, с новыми задачами справлялся плохо. Но и уступить место более подготовленным людям он не хотел. Социальный механизм командной экономики был плохо приспособлен для обновления кадров. Сигнал к массовому обновлению руководящих кадров был дан в известной речи И.В. Сталина 4 мая 1935 года на выпуске академиков Красной армии. Смысл этой речи был не понят нашими историками. В ней Сталин признавал неспособность старых кадров овладеть новой техникой, созданной в период двух пятилеток, и в сущности призывал к их замене новыми, более подготовленными кадрами. Часто высмеивавшийся как лицемерный лозунг «Кадры решают всё» был реальным проявлением осознания Сталиным бесполезности основной части старых руководителей для решения новых, более сложных экономических и военно-политических задач.

Варварским способом замены малоквалифицированных руководящих кадров на более квалифицированные и энергичные стала чистка

1937 года. В ходе ее произошла почти полная замена хозяйственных управленцев. На высшем уровне это, безусловно, резко повысило профессиональный уровень кадров. Достаточно сравнить, к примеру, фельдшерское образование наркома тяжпрома Серго Орджоникидзе с высокой профессиональной подготовкой наркомов важнейших отраслей тяжелой промышленности, назначенных в 1938–1939 годах, чтобы эта разница стала очевидной. Столь же очевидны профессиональные преимущества Н.А. Вознесенского в сравнении с В.В. Куйбышевым и А.Г. Зверева в сравнении с Г.Ф. Гринько. Такого же рода перемены произошли и на уровне начальников и главных инженеров главков, директоров крупнейших заводов. Даже в воспоминаниях такого бескомпромиссного противника сталинизма, как А.Д. Сахаров, признаются блестящие деловые качества многих руководителей того периода. Но не будем забывать, что это были типичные сталинские наркомы призыва 1937 года.

В это же время окончательно сформировались и другие необходимые элементы командной экономики. Сложилась стройная система контроля за действиями руководящих кадров, включавшая и партийный, и государственный (наркомгосконтроль), и, быть может, самый важный и осведомленный, контроль госбезопасности. Сложилась система строжайшей дисциплины и ответственности руководителей разного уровня, рабочих и колхозников за результаты труда, за выполнение планов. В период перестройки, в 80-е годы, система хозяйственного управления сталинской эпохи беспощадно осуждалась за суровость, жестокость. В пылу критики не замечали не только ее полного соответствия природе командной экономики. Отказывались видеть ее неразрывную связь с модернизацией экономики, с преобразованием аграрного общества в высокоиндустриальное, немыслимое без строгой дисциплины и ответственности. Сталинское руководство взяло на себя ту миссию преобразования поведения населения России, которую не успел выполнить капитализм, охвативший в свое время лишь небольшую часть хозяйственной жизни страны.

Интересна оценка репрессий 1937–1938 годов таким крайне антикоммунистическим и антисталинским автором, как Э. Радзинский, зачастую тонко чувствующим характер исторических процессов. Эту оценку мы находим в его очень неровной и часто поверхностной книге «Сталин»: «Полуграмотная, «подразложившаяся» верхушка, прояв-

лявшая «желание отдохнуть», должна была высвободить места для нового, образованного, выросшего при нем (Сталине) поколения» [1].

Сталин прекрасно понимал высокую степень склонности командной экономики к получению незаработанных доходов. Они могли быть достигнуты самыми разнообразными путями: скрытым ростом цен, получением более легкого плана, понижением качества продукции, приписками к реально выполненному. Здесь, конечно, у Радзинского, как и у меня, нет оправдания репрессиям (кто же поставил у власти эту полуграмотную верхушку?), но их объяснение выглядит совсем не традиционно – в русле исключительно борьбы Сталина за власть.

Писатель Александр Бек в знаменитой книге «Новое назначение» вкладывает в уста своего героя, министра Онисимова, следующее объяснение смены руководителей промышленности в 1937–1938 годах: «Вчерашние "ура-рыцари"». Онисимов этак назвал блестящее созвездие директоров, выдвинувшихся в начале тридцатых годов и затем, недавно, со сталинской безжалостностью почти сплошь истребленных... В своих тогдашних размышлениях о совершившемся Онисимов склонялся к мысли, что уцелел закономерно... Не однажды ему думалось, что, к своему счастью, он вовремя успел получить техническое образование, стать прокатчиком-специалистом. А топор репрессий снес, свалил хозяйственников, ни черта, собственно – так с присущей ему категоричностью мысленно он формулировал, – в технике не смысливших, никакой специальностью, кроме политики, не обладавших. Организаторы производства, они, как не раз убеждался Онисимов, лишь весьма неконкретно, смутно знали заводское дело, производство, которым руководили. Бег времени сделал их ненужными» [2].

Значительный интерес представляет оценка смены руководства в экономике в эти годы, сделанная Д.М. Гвишиани. Он был серьезным советским специалистом в области управления и в то же время, являясь родственником А.Н. Косыгина и сыном видного руководителя НКВД – генерала М. Гвишиани, хорошо знал новый слой советских хозяйственников и мог сравнить его со старым поколением хозяйственных руководителей. Д. Гвишиани писал уже в 90-е годы: «Мне кажется, что объективная причина выдвижения в 30–40-е годы плеяды молодых руководителей (следует перечень уже названных мною фамилий. – Г. Х.) состояла в вынужденной потребности в компетентных

кадрах управления народным хозяйством. Это обстоятельство заставило Сталина отказаться от сложившейся практики назначения руководящих кадров по принципу идеологической преданности. Новые люди были специалистами, выросшими на производстве, способными отвечать за конкретное дело» [3].

Обращаю внимание на мысль о вынужденном характере этой замены. При оценке сказанного Д. Гвишиани следует учесть, что по своим взглядам он был сторонником конвергенции, поэтому ни о какой идеологической приверженности к сталинизму здесь не может быть и речи. Смена хозяйственных кадров в 1937–1938 годах, касавшаяся не только наркоматов и главков, но часто и предприятий, и даже цехов и отделов предприятий, не могла не привести к временному снижению производства в некоторых отраслях, к снижению эффективности использования ресурсов. Однако прочность сложившегося к тому времени хозяйственного механизма оказалась настолько велика, что даже эта огромная кадровая перетряска не привела к катастрофическим последствиям для экономики.

Хочу отметить важное обстоятельство, которое, как мне кажется, недооценивается при объяснении данного феномена. В наименьшей степени пострадали от репрессий старые специалисты, технические (часть их продолжала работать в «шарашках») и, что кажется более неожиданным, экономические кадры. В определенном отношении их роль даже выросла. Укажу на два отнюдь не рядовых примера. Как вспоминает бывший министр внешней торговли СССР М.А. Меншиков, на коллегиях Министерства внешней торговли СССР перед войной, когда этот наркомат возглавлял А.И. Микоян, решающий голос принадлежал двум старым специалистам в области внешнеэкономических связей (одним из них был хорошо известный по своим работам профессор Л.И. Фрей). Показательно, что сам Микоян в своих воспоминаниях об этом умалчивает. Другой пример относится к деятельности Госбанка СССР, тоже в предвоенный период, когда им руководил Н.А. Булганин. При нем был создан экспертный совет, который возглавил очень талантливый экономист Ю.Е. Шенгер. В этот совет входили лучшие советские экономисты в области денежного обращения и кредита, в том числе такие крупные специалисты, как Ф.И. Михалевский, М.И. Боголепов, член первого правления Госбанка СССР В.С. Рапопорт [4].

И наконец, в высшем органе хозяйственного управления, в Госплане СССР, весной 1941 года был создан Совет научно-технической экспертизы, куда входили многие выдающиеся специалисты в области науки и техники [5]. Этот Совет осуществлял техническую экспертизу целесообразности крупных объектов строительства, разрабатывал план технического развития экономики (например, на период четвертой пятилетки).

Для лучшего понимания характера происходивших в конце 30-х годов перемен в высшем хозяйственном руководстве СССР показательно изменение положения в нем клана Кагановичей – братьев Лазаря и Михаила, один из которых, Лазарь Каганович, в середине 30-х годов был ближайшим к Сталину партийным и государственным руководителем. В 1938 году братья Кагановичи возглавляли два ведущих наркомата тяжелой промышленности – собственно наркомат тяжелой промышленности (Л. Каганович), куда входили тогда все ее отрасли, кроме машиностроения, и наркомат оборонной промышленности со всеми предприятиями оборонного машиностроения (М. Каганович). Кроме того, Л. Каганович одновременно (небывалый случай!) возглавлял важнейший наркомат путей сообщения, руководивший железнодорожным транспортом. Можно сказать, что все три наркомата занимали ключевое положение в экономике СССР и братья Кагановичи были «экономическими царями» советской экономики. При том ни один из них не имел технического образования и опыта хозяйственной деятельности на предприятиях промышленности, т.е. они были типичными партийными аппаратчиками. В то же время их (по крайней мере, Л. Кагановича) нельзя считать бездарными хозяйственными руководителями. Так, хорошо знавший Лазаря Кагановича по совместной работе в качестве его заместителя и критически относившийся к нему Н.К. Байбаков отмечает, что он «был энергичным и требовательным, внес немалый вклад в развитие топливных отраслей и железнодорожного транспорта» [6]. Вместе с тем братья Кагановичи, по отзывам Н.К. Байбакова и других высших хозяйственных руководителей того времени (например, А.И. Шахурин и В.С. Емельянова), были технически малограмотными, а М. Каганович – и организационно бестолковым [7].

Влияние клана Кагановичей на хозяйственные дела начало быстро уменьшаться уже в начале 1939 года, когда страна стала приходить в себя после массовых репрессий. Был разукрупнен наркомат оборонной

промышленности, из него выделились наркоматы судостроительной промышленности, вооружений и боеприпасов и во главе них были поставлены И. Тевосян, Б. Ванников, И. Сергеев. Все трое – технократы, а Тевосян и Ванников – талантливые руководители, с большим опытом хозяйственной работы. М. Каганович остался наркомом авиационной промышленности. В начале 1940 года он был заменен А. Шахуриным, имевшим высшее техническое образование и опыт хозяйственной работы.

Постепенно стало падать влияние и Л. Кагановича. Из его наркомата один за другим начали выделяться новые наркоматы. Еще в начале 1939 года выделились наркоматы черной и цветной металлургии. Первоначально новые наркомы были подобраны неудачно. Так, нарком черной металлургии А. Самохвалов оказался слабым руководителем и уже через год был заменен по-настоящему крепким хозяйственником И. Тевосяном, который быстро перестроил руководство отраслью. Во главе наркомата химической промышленности был поставлен опытный хозяйственник М.Г. Первухин. В конце концов из ведения Л. Кагановича был изъят остававшийся под его контролем наркомат – наркомат топливной промышленности, который в середине 1940 года был разделен на два – нефтяной и угольной промышленности. После устранения двух «последних могикан» периода дилетантского хозяйственного управления руководство важнейшими отраслями промышленности в середине 1940 года (после неудачной финской войны, стимулировавшей, думаю, эти перестановки) оказалось в основном в руках серьезных хозяйственников и специалистов. Были и исключения (например, во главе нефтяной промышленности до 1944 года стоял К.И. Седов, типичный аппаратчик), но это действительно были все-таки исключения, которые уже в ходе войны исправлялись. Тогда был заменен и Л. Каганович на посту наркома железнодорожного транспорта, и К. Седов, которого сменил профессионал Н. Байбаков.

1.2. ХОЗЯЙСТВЕННОЕ РУКОВОДСТВО ПЕРЕД ВОЙНОЙ РАЦИОНАЛИЗИРУЕТСЯ...

В целом вторая половина 30-х годов характеризовалась значительной рационализацией государственного и хозяйственного управления по сравнению с предыдущим периодом «дикого социализма», с при-

сущими ему поспешными и непродуманными реформами в различных областях. Начну со сферы образования, изменения в которой имели наиболее долгосрочные последствия для развития экономики. В 1934–1936 годах и в средней, и в высшей школе был восстановлен (во многом) характер обучения, присущий дореволюционной системе образования с регламентированным порядком занятий и достаточно жесткими требованиями к оценке знаний учащихся. Наряду с повышением оплаты труда преподавателей эти изменения привели к качественному росту обучения по сравнению с предыдущими годами, когда уровень знаний был зачастую просто ужасным. Выпускники средней и высшей школы второй половины 30-х годов стали серьезной опорой и для офицерских кадров военного времени, и для инженерно-технических работников периода войны и послевоенного развития экономики. Крупным шагом в повышении квалификационного состава кадров явилось создание системы трудовых резервов в 1940 году, которая позволила готовить значительно более квалифицированных рабочих, чем прежняя система индивидуальной подготовки и краткосрочной фабрично-заводской подготовки в ФЗУ.

В узкоэкономической области отмечу проведенную в 1936 году реформу оптовых цен, которая ликвидировала убыточность в основных отраслях тяжелой промышленности и дала возможность более обоснованно планировать стоимостную структуру промышленного производства, оценивать его динамику и многие другие структурные характеристики экономики. В 1938 году были введены повышенные нормы амортизационных отчислений с выделением в них отчислений на ремонт, что позволило намного улучшить содержание основных производственных фондов, которые раньше находились в тяжелом состоянии. К сожалению, тогда так и не была произведена планировавшаяся переоценка основных фондов – она могла бы помочь реально оценить их восстановительную стоимость и тем самым намного более обоснованно определять и структуру себестоимости продукции, и расходы на капитальный ремонт и капитальные вложения, их динамику.

Производившиеся организационные изменения также благотворно сказались на положении дел в экономике. Разукрупнение промышленных наркоматов в начале 1939 года позволило более квалифицированно руководить соответствующими отраслями промышленности. Положение в строительстве улучшилось благодаря созданию специ-

ального наркомата строительства, который обеспечил единое руководство этой отраслью, ранее разбросанное по различным наркоматам. Специалисты по материально-техническому снабжению отмечают положительное влияние централизации материально-технического снабжения, осуществленное в 1940 году. Созданный тогда же Государственный комитет по стандартам приложил огромные усилия для повышения качества выпускаемой в стране продукции, что дало положительные результаты, хотя, конечно, и не могло привести к радикальному улучшению в условиях, когда количественные показатели плана превалировали над показателями качества продукции, а контроль потребителей над качеством продукции был тогда минимальным. Отмечу расширение практики соревнования отдельных творческих коллективов при решении важнейших технических задач, получившего широкое развитие начиная с 1938 года, прежде всего в оборонной промышленности с ее превосходными результатами в конструировании многих образцов военной техники.

Безусловно, положительную роль в развитии экономики, при всей их жесткости и даже жестокости, сыграли меры по укреплению производственной дисциплины, принятые в конце 1938 года и летом 1940 года, и увеличение продолжительности рабочего дня с 7 до 8 часов, оправдываемые предвоенным состоянием советского общества.

Серьезными мероприятиями по совершенствованию хозяйственного механизма явились новые методы планирования производства и заготовок в сельском хозяйстве. Методы эти, конечно, целиком вписывались в систему централизованного управления экономикой, но делали ее более совершенной. Так, мясopоставки с 1 января 1940 года устанавливались колхозам в зависимости от земельной площади, закрепленной за ними, а не от поголовья скота, как это было ранее. Это мероприятие заинтересовывало колхозы в расширении поголовья скота и его продуктивности. В 1940 году был изменен и принцип установления норм обязательных поставок всех сельскохозяйственных культур (кроме технических) – также в зависимости от земельных площадей. В экономической литературе по истории сельскохозяйственного производства отмечается, что указанные мероприятия привели к росту посевных площадей и поголовья скота в сельском хозяйстве в 1939–1940 годах [8].

Важную роль в улучшении положения в экономике сыграли меры по совершенствованию контроля за заработной платой, проведенные в 1939–1940 годах, и методы установления налога с оборота, введенные с начала 1939 года. Из экономии места я опускаю многие важные вопросы организации экономики и планирования в предвоенный период, которые следовало бы проанализировать (нормирование труда и материалов, организация планирования, структура плановых органов и т.д.). Эта проблема к тому же плохо исследована в экономической и исторической литературе. Однако на основе имеющихся данных можно сделать вывод, что, хотя качество планирования улучшилось по сравнению с началом 30-х годов, когда оно было просто отвратительным, сохранялись многие беды начального периода советского планирования: позднее утверждение годовых планов, частая их корректировка в течение года, слабая обоснованность плановых заданий и т.д. Частично эти недостатки объяснялись быстрым изменением внешней обстановки. Так, необходимость наращивания военных расходов накануне войны или появление новой военной техники требовали внесения быстрых изменений в уже составленные планы. Частично причина состояла в недостаточной квалификации работников плановых органов и недооценке значения устойчивых и обоснованных планов высшим политическим руководством того времени. Немало было ошибок и в организационной структуре экономики. Заслуживает внимания критика А.И. Микояном в своих мемуарах, вышедших в 1999 году, изменений в составе и характере деятельности такого высшего хозяйственного органа, как Экономсовет СНК СССР, – Анастас Иванович назвал это «реорганизационной чехардой перед войной». Но само создание Экономсовета СНК СССР и Микоян считал обоснованной мерой. Положительно он оценил и создание летом 1940 года Бюро СНК по отраслям промышленности.

Важнейшим вопросом в системе управления советской экономикой было взаимоотношение партийного и государственного руководства. Руководящая роль ВКП(б) в управлении страной еще при жизни В.И. Ленина (в последние его годы) нашла отражение и в области руководства хозяйством – не только в определении партийными органами основных вопросов экономической политики, но и во вмешательстве в повседневную деятельность советских и хозяйственных органов различных уровней, прежде всего в подборе их руководящих кадров.

Несмотря на то что эта система имела очевидные недостатки и неоднократно подвергалась критике и самим Лениным, и некоторыми другими партийными руководителями 20-х годов (Л. Троцкий, Л. Красин), она существовала, хотя и в измененном виде, все годы советской власти. Объяснялось это, на мой взгляд, двумя обстоятельствами. Коммунистическая партия никогда полностью не доверяла хозяйственным кадрам ни в политическом, ни в хозяйственном отношении, не без основания опасаясь злоупотребления ими своими возможностями в личных целях, в ущерб интересам государства и всей политической системы. Обычные способы контроля за их деятельностью (государственные контрольные, финансовые и другие органы) казались недостаточными, поскольку могли проконтролировать лишь часть деятельности хозяйственных органов. С другой стороны, партийные органы обеспечивали известную межотраслевую хозяйственную координацию на территории, выполняя тем самым, в известной степени, роль органов территориального управления, что было особенно важно для решения срочных экономических задач в области сельского хозяйства, строительства, при стихийных бедствиях и т.д.

Разумеется, вмешательство партийных органов в деятельность хозяйственных, далеко не всегда, мягко говоря, к тому же компетентное, вызывало недовольство хозяйственных органов. Как пишет старый хозяйственник И.В. Парамонов, хорошо знавший Серго Орджоникидзе: «Серго решительно выступал против смещения партийных функций с хозяйственными, сопротивлялся подмене хозяйственных органов партийными» [9]. По-видимому, с середины 30-х годов Сталин тоже стал понимать недостатки дублирования партийных и хозяйственных органов. Об этом говорит критика чрезмерной вовлеченности партийных органов в хозяйственную жизнь, прозвучавшая в его выступлении на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 года. Партийные органы отвлекались от идейно-политической работы и воспитания кадров. Однако организационные формы эта линия нашла только в решениях XVIII съезда партии.

В рамках рационализации управления экономикой в начале третьей пятилетки произошло определенное ослабление вмешательства партийных органов в хозяйственную жизнь. Проявлением этого ослабления стало упразднение, в соответствии с изменениями в Уставе партии, отраслевых отделов в партийных органах (кроме сельскохозяйствен-

ного отдела) [10]. В то же время в этом Уставе вводилось право контроля партийных организаций за работой производственных предприятий и вменялось в обязанность наркоматских парторганизаций сигнализировать о недостатках в деятельности наркоматов [11]. Тем не менее в целом эти решения означали заметное ослабление вмешательства партии в повседневную хозяйственную жизнь, так как упразднялась деятельность основных носителей такого вмешательства – аппарата партийных органов. Однако уже через полгода произошел прямой поворот в этом вопросе, который, насколько мне известно, не нашел объяснения в российской историко-экономической литературе. 29 ноября 1939 года Политбюро ЦК приняло постановление о создании промышленных отделов в ЦК компартий союзных республик, обкомах, крайкомах и горкомах партии. Это постановление не было в то время опубликовано. Оно предусматривало восстановление упраздненных ранее отраслевых отделов в промышленности и на транспорте (но не в других отраслях экономики, например, в сфере торговли и финансов) «в целях усиления партийного руководства промышленностью и транспортом», в том числе и для «проверки работы партийных организаций по осуществлению ими права контроля деятельности администрации предприятий» [12]. Таким образом, возрождалась значительная часть прежней системы контроля партии за руководством промышленностью и транспортом. Правда, этим постановлением не восстанавливались промышленные отделы самого ЦК партии, что представляло собой весьма существенную непоследовательность и нежелание полностью восстановить прежнее положение дел в этой области, что, в частности, затрудняло контроль за работой наркоматов. Чем же объяснить такой быстрый поворот? В порядке гипотезы выскажу предположение, что за короткий срок выявилась опасность бесконтрольного (со стороны партийных органов) хозяйственного управления. Видимо, хозяйственные руководители воспользовались устранением партийного контроля для злоупотреблений в различных сферах хозяйственной жизни. Возможно также (в дополнение к первой причине), что у партийного руководства появились опасения политической опасности излишней самостоятельности хозяйственных руководителей, образования мощного замкнутого хозяйственного блока. Не исключены и ведомственные претензии партийного аппарата на большой удельный вес в общественной жизни.

Результаты деятельности восстановленных отраслевых отделов и контроля партийных организаций за администрацией оказались весьма низкими. Именно так оценила эту деятельность 18-я партийная конференция, в решении которой было сказано немало жестких слов в этом отношении [13]. В решениях конференции предусматривалось дальнейшее расширение роли партии в хозяйственной жизни. С этой целью, в частности, предполагалось иметь не одного, а несколько секретарей партийных комитетов в городах, областях, краях и ЦК союзных республик [14]. Решения 18-й партийной конференции были направлены на радикальное повышение роли партийных комитетов и первичных партийных организаций в хозяйственной жизни. Из сказанного можно сделать вывод, что попытка ослабить роль партии в руководстве экономикой при сохранении командной системы в то время оказалась неудачной, не оправдала себя.

При рассмотрении проблемы роли партийных органов в экономике в конце 30-х годов обращает на себя внимание следующее очень важное обстоятельство. В ЦК партии отраслевые органы так и не были восстановлены вплоть до начала войны. Чем объяснить эту кажущуюся непоследовательность? Думаю, это связано с тем, что Сталин понимал огромную опасность дублирования и некомпетентного вмешательства в хозяйственную жизнь на самом верхнем уровне руководства. С другой стороны, уровень компетентности аппарата наркоматов был более высоким, чем аппарата нижних органов, и деятельность наркоматов мог контролировать сам Сталин.

1.3. РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Начать оценку развития советской экономики в предвоенный период необходимо с анализа третьего пятилетнего плана. По методике составления он мало отличался от сложившейся уже с начала плана второй пятилетки схемы. Даже директивы по его составлению были приняты с большим опозданием: более чем через год после начала пятилетки. Важнее, однако, другое. Его задания исходили из достигнутых результатов развития советской экономики в предыдущий период в том виде, как они определялись советской статистикой, без учета обоснованности такого определения и серьезного анализа изменения

условий развития экономики. Таким образом, если, согласно официальным данным, национальный доход во второй пятилетке вырос на 111 % [15] (по исчислениям Р. Мурстина и Р. Пауэлла, учитывающим рост цен, ВВП вырос на 56,4 [16]), то плановое задание на следующую пятилетку никак не могло быть установлено намного ниже, чем в предыдущую. И действительно, оно предусматривало рост национального дохода на 80 % [17]. В пятилетнем плане, безусловно, отражалась растущая милитаризация советской экономики в условиях надвигающейся войны, но одновременно предусматривался довольно значительный рост и уровня жизни населения, и капитальных вложений в производственную и непроизводственную сферы (в сферу услуг) благодаря предполагавшемуся очень значительному повышению производительности труда и других показателей эффективности производства. Так, предусматривалось увеличение «потребления трудящихся» в 1,5 раза [18], обеспечиваемого ростом производства промышленных предметов потребления на 72 %, и продукции сельского хозяйства, сориентированного в основном на обеспечение нужд населения, на 52 % [19].

Рост продукции народного хозяйства предполагалось осуществить преимущественно за счет повышения производительности труда, которая должна была обеспечить рост промышленного производства на 70 %, а строительного – еще в большей степени. В свою очередь, такой огромный, по мировым меркам, рост производительности труда предполагалось обеспечить благодаря, в значительной степени, обновлению основных фондов – за счет ввода в действие основных фондов в объеме почти на 90 % большем, чем во второй пятилетке [20]. В частности, ввод в действие мощностей электростанций планировалось увеличить более чем в 2 раза, что должно было обеспечить рост производства электроэнергии более чем в 2 раза [21] и, следовательно, огромный рост электровооруженности работающих, число которых должно было увеличиваться поэтому относительно в небольших размерах. Надежды на высокую производительность, видимо, подкреплялись официальными данными о высоких ее показателях во второй пятилетке. В свою очередь, напряженные задания по вводу в действие производственных мощностей балансировались заданиями по росту производства продукции инвестиционного машиностроения. На бумаге, таким образом, все выглядело обоснованным и убедительным. Но,

как это часто бывало в советском планировании, забыли про овраги. А их было немало.

Весьма сомнительной выглядела неявная ориентация на результаты второй пятилетки. Ее действительно большие реальные достижения и по производству, и по эффективности были во многом компенсацией провалов первой пятилетки, результатом относительно простых мер по наведению элементарного порядка в различных областях производства. Добиться таких же результатов в третьей пятилетке было намного труднее и требовало каких-то специальных новаторских решений и действий, которые не предусматривались в плане. Еще более важно, что реализовался третий пятилетний план при огромном воздействии той чистки хозяйственных и иных руководящих кадров, а зачастую и кадров среднего звена управления, которая происходила в 1937–1938 годах. Какими бы ни были долгосрочные результаты этой чистки, на первых порах она неизбежно должна была дезорганизовать всю систему управления экономикой. Думать, что в этих условиях можно добиться крупных хозяйственных успехов, как планировалось пятилетним планом, было величайшей иллюзией, самообманом. В таких условиях особенно болезненно должны были сказаться и намеченные планы по расширению военного производства.

Грубые просчеты в плане третьей пятилетки проявились уже в первый ее год, когда репрессии достигли своего пика. В конце 30-х годов, как и позже в период войны, в вооруженных силах, происходил лихорадочный отбор руководящих кадров, пришедших к руководству взамен арестованных, – до тех пор, пока не находились более или менее способные люди. Нередко менялось несколько руководителей, пока подбирался подходящий. Как справедливо писал впоследствии И. Эренбург, новые руководители сидели на «краешке стула» [22] в ожидании своей замены (или ареста). В таких условиях невозможно было надеяться на хозяйственные успехи. Большим успехом было хотя бы сохранение прежнего уровня производства на старых предприятиях. Первым, как обычно, в 30–40-е годы хозяйственную дезорганизацию почувствовало население, ибо его нужды чаще всего в этот период не были приоритетными. Вопреки широко распространенному мнению, что товарный дефицит свирепствовал на рынке потребительских товаров все 30-е годы, был короткий период, когда он был менее значителен: в 1935–1937 годах. Индикатором степени дефицита являлось положение

в Москве, где он был, конечно, намного меньше, чем в других районах и городах страны. К открытию VII съезда Советов СССР (1935 г.) в одном из универмагов Москвы было вывешено объявление, что в продаже имеется 220 сортов хлеба [23]. Спустя два года в «Правде» с восторгом сообщалось о том, что в московских гастрономах имеются сотни сортов колбасных и рыбных изделий [24]. Но уже 25 января 1938 года В.И. Вернадский записывает в своем дневнике, что «в Москве не хватает продовольствия, тревожное недоумение. Перебои с маслом, рыбой, крупой. Исчезла селедка. Все более волнуются и жалуются хозяйки. В Иваново-Вознесенске массовое отравление черным хлебом» [25]. Жалобы на плохое продовольственное снабжение повторяются в этом дневнике в течение всего 1938 года [26]. Для такого драматического ухудшения продовольственного положения, казалось, не было объективных причин, поскольку в 1937 году и урожай зерновых был высокий, и продукция пищевой промышленности росла. Возможно, произошло резкое увеличение государственных резервов. Однако в 1939 году, даже еще до начала военного конфликта с Финляндией, резко обострившего продовольственное положение, оно продолжало ухудшаться [27].

Еще хуже обеспечивался в этот период (как и в предыдущие годы, после отмены нэпа) спрос населения на непродовольственные товары, при том, что их производство в 1935–1938 годах заметно выросло. Дефицит даже простейших из них, в отличие от продовольственных товаров, стал постоянным явлением и в Москве. Показателен в этой связи рассказ советского резидента в Финляндии о его попытке перед отъездом в Финляндию приобрести обувь: «В магазинах обуви вообще не оказалось» [28]. И это в Москве! Много красноречивых свидетельств чудовищного товарного дефицита в конце 30-х годов приводит Елена Осокина [29].

Если оценивать выполнение третьего пятилетнего плана в первые три года пятилетки, то оно выглядит катастрофическим. По большинству видов продукции гражданского назначения план по приросту выполнялся в незначительной степени. Сюда относятся и базовые продукты экономики (топливо, черные металлы). Намного ниже плановых заданий развивалась электроэнергетика. В сущности, топталась на одном месте, на сравнимой территории, продукция сельского хозяйства. Реальные доходы населения, в лучшем случае, оставались неизменными [30].

Непосредственным фактором срыва производственных заданий пятилетки являлся подлинный провал с намеченным вводом в действие производственных мощностей. Даже в стоимостном выражении ежегодный объем капитальных вложений был намного ниже намеченных пятилеткой (34 млрд р. вместо 38 млрд). Но на уровне натуральных показателей разрыв был просто ошеломляющим. Например, в такой приоритетной отрасли, как электроэнергетика, вместо ежегодного ввода в действие мощностей на 1,8 млн кВт вводилось лишь 0,6 млн, т. е. треть запланированного; из намеченных к вводу в действие в третьей пятилетке 20 доменных печей за 2 года и 8 месяцев было введено всего 5 печей. В других отраслях положение было еще хуже [31]. Огромный разрыв между выполнением плана капитальных вложений в стоимостном и натуральном выражении говорит прежде всего о значительных по масштабу инфляционных явлениях в этой сфере.

Столь катастрофическое невыполнение плановых заданий (помимо их недостаточной обоснованности) объяснялось незначительным ростом производства строительных материалов и стагнацией численности занятых в этой сфере. Отсутствие роста в производстве строительных материалов объяснялось тем же провалом программы ввода мощностей в этой отрасли. Стагнация численности занятых в строительстве была предопределена уже пятилетним планом, где был намечен, без достаточных предпосылок, рост производительности труда как основной фактор развития строительного производства. Поскольку технического перевооружения строительства не произошло, существенный рост производительности труда также оказался невозможным. К этому фактору добавилась дезорганизация строительства, вызванная массовыми репрессиями. Общая же численность занятых в строительстве в 1937 году составила 1,576 млн человек, а в 1940 году – 1,563 млн [32], т. е. даже сократилась, хотя предусматривался ее, пусть и небольшой, рост. Ключевая роль строительства в провале многих заданий пятилетки начала осознаваться лишь в 1939 году, когда стал проходить паралич в государственной деятельности, вызванный политическими репрессиями 1937–1938 годов. В мае 1939 года было принято решение о создании наркомата строительства СССР, во главе которого был поставлен опытный строитель С. Гинзбург. Но потребовался определенный период, чтобы этот наркомат начал реально влиять на деятельность отрасли. В отдельный наркомат была выделена в 1940 году

промышленность строительных материалов, что также способствовало улучшению руководства этой отраслью, обеспечивающей строительство материалами. Если рост строительного производства оценивать по производству основного строительного материала – цемента – в размере 4 % в 1940 году по сравнению с 1937 годом, то он, конечно, минимальный, но все же обеспечивал ежегодный рост производительности труда примерно на 1,5 %, что с учетом дезорганизации производства в первые два года третьей пятилетки является не столь уж плохим результатом.

В промышленности необходимо выделить два сектора, которые развивались по совершенно различным траекториям: гражданский и военный. В преддверии войны и в условиях реальных, довольно крупных, военных конфликтов (особенно в Финляндии) военному сектору придавалось как никогда приоритетное значение. В этом секторе велись наиболее значительные строительные работы, он снабжается в первоочередном порядке материалами и оборудованием, рабочей силой. Для этого ускоренными темпами развивались отрасли, обеспечивающие военный сектор сырьем и материалами (цветная металлургия, качественные черные металлы, некоторые отрасли химической промышленности). Согласно официальным данным, военная продукция в 1940 году выросла по сравнению с 1937 годом в 2,44 раза [33], а ее доля в объеме чистой продукции промышленности в текущих ценах выросла с 10,4 % в 1937 году до 22,5 – в 1940 [34]. Учитывая склонность советской статистики преувеличивать реальную динамику выпуска продукции в машиностроении, я произвел собственный расчет динамики производства военной продукции в СССР в 1937–1940 годах с годовой разбивкой, используя в качестве исходных официальные данные о выпуске военной продукции в эти годы и оптовые цены на типичные представители отдельных групп продукции в 1940 году. Произведенный подсчет, в который вошли основные виды вооружения, кроме производства военных судов и боеприпасов, выявил даже несколько больший объем выпуска военной техники, чем показала официальная статистика (редчайший случай!). Даже если не учитывать изменения качества военной техники, индекс роста продукции вооружения составил 2,48 раза. Между тем в этот период происходило очень быстрое качественное совершенствование многих видов военной техники. Так, танки Т-34 и КВ, которые начали выпускать в 1940 году,

были намного эффективнее выпускавшихся ранее. То же самое можно сказать об истребителях и о бомбардировщиках, совершенствовалось также артиллерийское вооружение; несколько меньше внимания уделялось производству винтовок и пулеметов. С учетом этого обстоятельства, производство военной техники выросло значительно больше. Производство артиллерийских снарядов увеличилось за тот же период с менее 5 млн шт. до 43 млн, т. е. более чем в 8 раз. Значительно выросло также производство военных судов, поскольку именно в третьей пятилетке началось выполнение амбициозной программы создания в СССР «большого флота». Можно поэтому предположить, что в целом оборонная промышленность росла даже быстрее, чем показывает официальная статистика. Причины такой необычной ситуации с советской статистикой нуждаются в дополнительном изучении. Правда, можно подозревать, что огромный количественный рост сопровождался значительным ухудшением качества военной продукции, на что также есть указания в вышедшей в 90-е годы исторической литературе. Я имею в виду небрежность в изготовлении продукции, производственные недостатки.

Измерение экономического роста в периоды коренных структурных сдвигов, к которым относится и рассматриваемый, сопряжено, как хорошо известно экономистам, с большими трудностями. Можно назвать три продукта, которые задают границы этого роста: железнодорожные перевозки, производство топлива, производство электроэнергии. Динамика грузовых железнодорожных перевозок задает нижнюю границу экономического роста. Они выросли в этот период с 354,8 млрд т/км до 415,0 млрд [35], или на 17 %. Производство угля и нефти – двух основных в то время видов топлива – выросло со 173,9 млн т до 197,0 млн, или на 13,2 % [36]. Обычно потребление топливно-энергетических ресурсов достаточно точно характеризует динамику экономики. Но в рассматриваемый период этот показатель определенно мог преуменьшать реальный рост экономики, так как он происходил преимущественно за счет наукоемкой для своего времени и трудоемкой продукции, но малотопливоемкой (с учетом и прямых, и косвенных затрат). Динамика производства электроэнергии задает верхнюю границу роста, поскольку производство электроэнергии в этот период значительно опережало в развитых капиталистических странах, принимаемых за эталон в этих сравнениях, рост национально-

го дохода и промышленной продукции. Производство электроэнергии с 1937 по 1940 год выросло с 36,2 млрд кВт·ч до 48,3 млрд [37], или на 33,4 %. Таким образом, даже опираясь только на данные о производстве ключевых продуктов народного хозяйства, можно предположить, что рост ВВП в этот период в СССР составил 15–20 %. И надо иметь в виду, что в эти годы, в основном в связи с присоединением новых районов, население СССР выросло примерно на 16 %. Правда, присоединенные районы по уровню экономического развития уступали СССР, хотя уровень жизни населения прибалтийских республик (кроме Литвы), безусловно, был выше, чем в СССР.

После войны западные экономисты приложили большие усилия, чтобы получить объективную оценку развития советской экономики в довоенный период. Я подробно анализировал успехи и неудачи этих попыток в книге «Советский экономический рост: анализ западных оценок». Здесь приведу эти оценки, относящиеся к 1937–1940 годам. Первым такую оценку дал еще в 1951 году Наум Ясный. Согласно его подсчетам, валовой национальный продукт СССР за этот период вырос на 19,5 % [38]. Впоследствии он снизил эту оценку до 10 % [39]. По наиболее авторитетным в западной литературе оценкам Абрама Бергсона, валовой национальный продукт СССР вырос за этот период на 18,2 % [40]. Я не буду здесь подробно анализировать качество этих оценок: этот анализ приведен в этой моей книге. Полагаю, что наиболее точной, хотя и не безупречной, является оценка А. Бергсона. Она хорошо согласуется с ключевыми экономическими показателями, о которых я говорил выше.

С учетом происшедшего в эти годы роста населения на 16–17 % указанный рост ВВП кажется небольшим. На душу населения он составляет 2–3 %. И все же это рост, а не спад. Даже для самого неблагоприятного периода, с точки зрения экономического роста, он все-таки продолжался и в абсолютном выражении, и на душу населения. Кризисным было состояние потребительского рынка, но не общего производства товаров и услуг. Не следует упускать из виду, что этому росту препятствовали многие политические события того времени: массовые чистки руководящих кадров всех уровней, три довольно крупных военных столкновения (о чем часто забывают экономические историки): бои на Халхин-Голе, польский поход, финская война. Наконец, по крайней мере две исключительно холодные зимы: 1938/39 и

1939/40 годов. Тяжело сказалась на экономике и мобилизация в вооруженные силы дополнительно нескольких миллионов мужчин трудоспособного возраста. Добавлю, что из трех лет пятилетки два года (1938 и 1939) были неурожайными. К тому же, очевидно, что социальные изменения в присоединенных к СССР областях не могли не сопровождаться крупными хозяйственными потерями для их экономики даже при самом тонком проведении этих преобразований, чего, конечно, не было. И то, что советская экономика выдержала эти испытания и не скатилась в общий экономический кризис, свидетельствует о ее жизнеспособности в данный период.

Об этом же говорит продолжение прогрессивных структурных изменений в экономике. Промышленность росла быстрее ВВП. По оценке Д. Ходжмена, она выросла в 1937–1940 годах на 15,9 %; по более поздним и более тщательным расчетам Г. Наттера (с учетом сложного машиностроения) – почти на 22,4 % [41]. Этот рост был в 2 раза меньше, чем показывала официальная статистика (45 %), что говорит об интенсивности инфляционных тенденций в экономике в этот период, и все же весьма высокий (примерно 7 % ежегодно), хотя и значительно ниже, чем в предыдущей пятилетке и чем было намечено в пятилетнем плане. Внутри промышленности более быстрыми темпами росли такие прогрессивные отрасли, как электроэнергетика, химическая промышленность, машиностроение (преимущественно оборонное), цветная металлургия. Следует иметь в виду, что натуральные показатели производства в ряде отраслей существенно недооценивали реального увеличения производства из-за происходивших прогрессивных структурных сдвигов в сторону выпуска более современной продукции. Так, в производстве продукции черной металлургии очень сильно вырос удельный вес качественного металла и электростали. Как уже говорилось, значительно выросли тактико-технические данные почти всех видов вооружения. Кстати, исчисленный Г. Наттером индекс промышленной продукции хорошо согласуется с увеличением потребления электроэнергии в промышленности в этот период.

Продолжали наращиваться, хотя и в замедленном темпе, расходы на науку, образование и здравоохранение.

Несмотря на крайне неблагоприятные погодные условия, ограниченность капитальных вложений, мобилизацию части трудоспособного населения продолжался рост сельскохозяйственного производства.

По сравнимой территории продукция сельского хозяйства в среднегодовом выражении превысила уровень предыдущей пятилетки более чем на 8 % [42]. Впрочем, учитывая то, что основное увеличение сельскохозяйственной продукции происходило во второй половине второй пятилетки, можно говорить и о застое выпуска продукции сельского хозяйства в третьей пятилетке. Здесь отставание от совершенно нереалистичных заданий пятилетнего плана было наибольшим.

В 1937–1940 годах повышались, хотя и значительно медленнее, чем планировалось в пятилетнем плане, некоторые показатели эффективности. Так, в промышленности при росте продукции (по Г. Наттеру) более чем на 22 % численность промышленно-производственного персонала увеличилась на 8,6 %, что означает рост годовой производительности труда почти на 13 %. Часовая производительность труда выросла значительно меньше вследствие того, что во втором полугодии 1940 года увеличена более чем на 14 % продолжительность рабочего дня. В расчете на год это дает увеличение продолжительности рабочего дня на 7 %. Получается рост часовой производительности труда на 6 %, или 2 % в год. Очень скромный, но все-таки рост. Данные по отдельным отраслям, где выпускалась относительно однородная продукция (черная металлургия, хлопчатобумажная промышленность, угольная промышленность, некоторые отрасли химической промышленности), показывают более значительные темпы повышения производительности труда [43]. В сельском хозяйстве росла урожайность большинства продуктов растениеводства, продуктивность животноводства (кроме молочного) [44], хотя этот рост был незначительным и заметно отставал от нереалистичных заданий пятилетнего плана.

Если судить о динамике материалоемкости по соотношению производства топливно-энергетических ресурсов и ВВП, производства продукции черной и цветной металлургии и продукции машиностроения, то она снижалась. Достаточно сказать, что выпуск промышленной продукции вырос более чем на 22 %, при росте (по Г. Наттеру) промежуточной промышленной продукции лишь на 10 %.

Гораздо хуже обстояло дело в третьей пятилетке с использованием основных фондов. Официальные данные о росте основных фондов всего народного хозяйства дают сильно преувеличенную оценку, поскольку в них недоучитывалась восстановительная стоимость основных фондов в 1937 году. Тем не менее даже эти данные показывают

резкое замедление роста основных фондов в третьей пятилетке по сравнению со второй. Так, по приводившимся Н.А. Вознесенским данным о динамике стоимости основных фондов социалистических предприятий (они концентрировали бóльшую часть этих фондов), их стоимость, не считая домашнего скота, выросла (в ценах 1945 года) с 285 млрд р. в 1932 году до 564 млрд в 1937 и 700 млрд в 1940 году [45], или на 279 млрд р. за 1932–1937 годы и на 136 млрд в 1937–1940 годах. Абсолютный ежегодный прирост основных фондов снизился с 55,6 млрд р. во второй пятилетке до 45,3 млрд в годы третьей пятилетки. Среднегодовой прирост в относительном выражении снизился более чем в 2 раза. Тем не менее, если доверять этим данным, он все же был весьма значительным: около 8 % ежегодно.

Натуральные данные, неизбежно неполные, дают весьма противоречивую картину реального роста основных фондов. Естественно, наибольший рост наблюдался в промышленности. Он был весьма внушительным в таких отраслях, как электроэнергетика и машиностроение. Так, мощность электростанций выросла с 8,2 млрд кВт до 11,2 млрд [46], или на 36 %. Парк металлорежущих станков вырос, по официальным данным, с 380 тыс. шт. на 01.01.1938 до 710 тыс. в конце 1940 года [47], или на 86 %. Однако эти данные вызывают большие сомнения в отношении их достоверности. Получается, что даже без учета выбытия парк металлорежущих станков ежегодно в третьей пятилетке увеличивался на 110 тыс. шт., в то время как производство металлорежущих станков даже в 1940 году составляло лишь 58 тыс. шт. Импорт металлорежущих станков, весьма значительный в начале второй пятилетки, резко сократился в конце второй пятилетки и в третьей пятилетке, за исключением 1940 года, когда он снова вырос (значительным оставался импорт только самых сложных станков). Выскажу предположение, что на конец 1937 года было большое количество не установленных станков и недоучитывался (или не учитывался?) их парк в военной промышленности.

В то же время очень медленно увеличивались фонды в черной металлургии и текстильной промышленности, в ряде других отраслей промышленности, вследствие невыполнения плана по вводу предприятий в действие в третьей пятилетке, о чем уже говорилось выше. Почти не выросло поголовье скота (кроме овец, коз и лошадей). Медленно увеличивался парк сельскохозяйственных машин.

Если опираться на официальные данные о росте производственных мощностей народного хозяйства, то обнаружится ухудшение их использования в третьей пятилетке. Особенно это заметно в машиностроении, металлообработке и сельском хозяйстве.

Резкое ухудшение товарно-денежной сбалансированности на потребительском рынке в 1938–1940 годах объяснялось главным образом глубокой дезорганизацией денежного обращения в этот период, а не системными недостатками командной экономики, которые не помешали обеспечить эту сбалансированность в приемлемых для населения размерах в 1935–1937 годах и в 50-е годы. Причинами этой дезорганизации, как мне представляется, были: переоценка хозяйственных достижений предыдущего периода; стремление в пропагандистских целях сохранить стабильность розничных цен; дезорганизация всего хозяйственного руководства в результате репрессий 1937–1938 годов и, в частности, в системе руководства розничной торговли (в Наркомате торговли СССР и наркоматах союзных республик), Госбанка СССР, в местных органах.

Первый грозный симптом глубокого неблагополучия в финансовой системе появился при составлении бюджета СССР на IV квартал 1937 года, когда его дефицит первоначально составил 5 % на годовом уровне, или 25 % на квартальном уровне [48], – колоссальная величина, свидетельствующая о глубочайших диспропорциях в экономике и нереалистичности экономического и финансового планирования в этом году.

В 1938 году, с которого размеры товарного дефицита стали особенно значительными, разрыв между ростом товарной и денежной массы принял чрезвычайно большие размеры, хотя этот разрыв наметился уже в 1937 году. В 1938 году розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли в текущих ценах вырос на 10 %, в то время как годовой фонд заработной платы, в основном определявший в то время размер денежных доходов населения, вырос на 17,2 % [49]. Понятно, что рост товарно-денежной несбалансированности при фиксированных государственных розничных ценах немедленно отразился на ценах колхозного рынка. Оборот колхозной базарной торговли вырос в 1938 году в текущих ценах по сравнению с 1937 годом на 35,5 % [50], что означало рост цен, как минимум, на ту же величину, а возможно, и большую, поскольку объем продукции сельского хозяйства в этом году по ряду видов был ниже, чем в предыдущем.

Я потому так подробно остановился на состоянии денежного обращения в 1938 году, что в ряде даже весьма квалифицированных работ трудности в этой области датируются 1940 годом, начиная с финской войны. Именно так рассматривает этот вопрос один из лучших знатоков истории денежного обращения З.В. Атлас [51]. Такого же мнения придерживался и другой серьезный знаток советского денежного обращения – В.М. Батырев. В книге Елены Осокиной факт расстройств денежного обращения в данный период упоминается, но ему отводится очень скромное место при объяснении причин огромного дефицита потребительских товаров в этот период [52]. Среди работ советских экономистов в области денежного обращения исключением является книга И.И. Конника, вышедшая в середине 60-х годов. Он совершенно правильно выделяет в третьей пятилетке два этапа в развитии денежного обращения: первый этап, вплоть до второй половины 1940 года, «когда в денежном обращении нарастала напряженность, связанная с частичной военной перестройкой экономики», и второй – со второй половины 1940 года до первой половины 1941 года, когда на основе успешного развития народного хозяйства стала преодолеваться возникшая напряженность [53]. По приводимым И.И. Конником данным, скорость оборота денег – наиболее точный показатель эффективности денежного обращения – упала с 12,6 оборота в 1936 году до 10,6 оборота в 1938 году и до 9,4 оборота – в 1939, лишь в 1940 году она выросла до 9,8 оборота, хотя уровень 1936 года далеко еще не был достигнут.

С оценкой И.И. Конника причин расстройства денежного обращения в первые годы третьей пятилетки нельзя полностью согласиться. Он связывает его лишь с частичной военной перестройкой экономики, не упоминая в этом месте об ухудшении уровня хозяйствования, на что указывает только при анализе причин его оздоровления в последующий период, когда, кстати сказать, эта военная перестройка не только продолжалась, но и усилилась. Конник совсем не упоминает о произведенном в 1940 году значительном, почти на 12 %, повышении уровня розничных цен [54], что качественно изменило ситуацию на потребительском рынке, выровняв соотношения стоимости продаваемых товаров и денежных доходов населения.

Немалую роль в оздоровлении денежного обращения сыграло и улучшение деятельности финансовых органов по сбору налогов. Но-

вый нарком финансов А.Г. Зверев предпринял энергичные шаги в этом направлении. Впоследствии он с гордостью и с полным основанием вспоминал об этом на примере сбора налога с оборота и налогов с населения в Российской Федерации: «С 1935 года план по этому налогу (налогу с оборота. – Г. Х.) наркоматом финансов не выполнялся. В 1939 году он впервые за несколько лет был не только выполнен, но и перевыполнен (на 4,6 %), а план по государственным доходам выполнили 50 финорганов РФ из 55. Из всех 2250 районов Российской Федерации план по платежам от населения был выполнен лишь 10 (десятью!) районами. В следующем году удалось поднять эту цифру до 125, а в 1939 году она менялась так: 295, 566, 851 и 774» [55] (речь идет о кварталах 1939 года).

Резкое улучшение товарно-денежной сбалансированности на потребительском рынке в первой половине 1941 года (о чем совершенно не упоминает Елена Осокина) сказалось даже в первые дни Великой Отечественной войны. Данные на этот счет имеются по Москве, которая переживала очень серьезные перебои в снабжении в предыдущие годы, особенно в период войны с Финляндией, несравненно менее масштабной. Приведу два авторитетных свидетельства того, что в первые недели войны положение на московском потребительском рынке было благополучным. Одно принадлежит известному английскому журналисту Александру Верту, который жил в это время в Москве и систематически вел дневник. Он пишет: «В начале июля еще ни в чем не ощущалось сколько-нибудь значительного недостатка и особенно много было продуктов питания и папирос» [56]. Известный советский журналист Юрий Жуков в своем дневнике писал с известным удивлением 25 июня 1941 года: «Очередей нет». Он же 1 июля записывает с тем же удивлением: «В магазинах все еще можно купить шоколад «дирижабль», макароны, теплую булку, велосипед, костюм» [57]. Ничего не пишет о дефиците потребительских товаров в начале войны и В.И. Вернадский, который систематически отмечал все недостатки в снабжении населения в предыдущие годы.

Немалую роль в поддержании относительной товарно-денежной стабильности в первые недели войны сыграли, конечно, введенные уже 23 июня ограничения по ежемесячной выдаче вкладов (не более 200 р. на одного вкладчика в месяц), что, впрочем, было не так уж и мало.

Острый дефицит потребительских товаров в 1937–1940 годах открывал большие возможности для развития теневой экономики и спекуляции. В книге Елены Осокиной эта проблема раскрыта очень ярко, подробно и убедительно [58]. Показаны весьма широкий размах и для своего времени высокая доходность теневого предпринимательства, широкие масштабы спекуляции торговых работников поступающими в их распоряжение дефицитными ресурсами, высокие доходы от этой спекуляции руководителей торговых предприятий и их покровителей в управлении торговли. Эти доходы нередко превышали оклады наркомов. Правоохранительные органы, опираясь на широкую сеть осведомителей в торговле (только по Москве их было около тысячи), выявляли многих проворовавшихся торговых работников и теневиков, но покончить с этими явлениями, конечно, не могли. Показательно, что если о дефиците министр торговли РСФСР Д.В. Павлов еще пишет в своих воспоминаниях, то о коррупции в торговле он даже не упоминает, несмотря на ее значительные размеры. А.И. Микоян, курировавший в правительстве вопросы торговли, в воспоминаниях об этой стороне своей деятельности тоже не пишет, что кажется просто невероятным (в случае с Д. Павловым это могло объясняться цензурными соображениями).

Растущая уверенность советского руководства в состоянии и возможностях советской экономики в результате перелома, достигнутого во втором полугодии 1940 года, нашла яркое отражение в народнохозяйственном плане на 1941 год. Следует отметить, что традиционно годовые планы были намного более реалистичны, чем пятилетние планы, ибо именно по результатам их выполнения практически оценивалась деятельность и Госплана, и наркоматов, и предприятий. Уже по одному этому, по характеру годового плана, по крайней мере, с 1933 года, когда советское экономическое планирование стало более реалистичным, можно было судить о положении в экономике. С другой стороны, основные положения народнохозяйственного плана на 1941 год были впервые в третьей пятилетке обнародованы официально, что говорило о растущей уверенности советского руководства в его реальности. Одновременно стало возможным обнародовать ряд данных о положении в экономике, которые несколько лет не публиковались в силу неблагоприятного положения в соответствующих отраслях.

Первое, что обращает на себя внимание при рассмотрении плана на 1941 год, – это его амбициозность. Она проявилась прежде всего в за-

даниях по росту промышленной продукции и капитальным вложениям. Предусматривался рост промышленной продукции на 17–18 %, т. е. заметно выше, чем намеченный прирост по пятилетнему плану. При этом основная часть прироста обеспечивалась за счет повышения производительности труда (на 12 %) [59]. В этом задании содержался, как обычно, некоторый инфляционный компонент, но он не был велик, максимум 3–4 %, о чем говорят задания по выпуску продукции в натуральном выражении, особенно значительные, как обычно, по средствам производства, но и по выпуску потребительских товаров (рост производства хлопчатобумажных тканей и кожаной обуви – на 11 %, сахара-песка – на 27, консервов – на 24 %) [60]. При этом особый упор делался на выпуск самой современной и качественной продукции, прежде всего для нужд военной промышленности. Так, намечалось увеличить выпуск специальных легирующих сталей на 100 % (!), производство специального листа – на 85 и быстрорежущей стали – на 125, станков-автоматов и полуавтоматов – на 76 % [61]. Таких напряженных заданий по выпуску новой техники на год не устанавливалось уже со времен первой пятилетки.

Намеченный большой рост промышленной продукции частично опирался на возможности, созданные присоединением к СССР прибалтийских республик, но этот фактор не был велик, так как их промышленный потенциал был незначителен. Более существенную роль играл, о чем уже говорилось, фактор увеличения фонда рабочего времени в результате перехода с июля 1940 года на восьмичасовой рабочий день, что, впрочем, лишь частично отразилось на результатах 1940 года. Очень большую роль в достижении намеченного подъема должно было сыграть капитальное строительство, особенно по непрерывным производствам, где возможности лучшего использования уже существующих производственных мощностей были ограниченными.

Программа капитальных вложений в народное хозяйство предусматривала их увеличение по сравнению с предыдущим годом более чем на 50 % [62]. Такой огромный рост капитальных вложений в экономику предусматривался также впервые со времен первой пятилетки – он призван был восполнить возникшее в первые три года третьей пятилетки отставание по вводу в действие производственных мощностей. Особенно большой рост капитальных вложений намечался по промышленности (на 76 %), в том числе в отрасли с непрерывным произ-

водством, лимитирующие рост всей промышленности, – в черную металлургию (на 122 %!), строительство электростанций (на 148 %!), нефтяную промышленность (на 123 %!) [63].

Задания ввести в действие производственные мощности по ряду важнейших продуктов были больше, чем их фактический ввод за первые три года третьей пятилетки. Так, намечался ввод в действие электростанций на 1,75 млн кВт – на уровне первых трех лет, запуск мартеновских печей – мощностью более чем в 2 раза по сравнению с первыми тремя годами третьей пятилетки, а произвести стали планировалось на уровне первых трех лет. Даже запуск веретен на хлопчатобумажных фабриках намечался большим, чем за первые три года пятилетки. Огромный рост капитальных вложений планировался и по железнодорожному транспорту (более чем на 55 %).

При всей очевидной ориентации годового плана на выпуск военной продукции и средств производства, в то же время (и это кажется особенно удивительным) намечалось, пусть и небольшое, повышение уровня жизни населения: увеличение производства многих потребительских товаров, продукции сельского хозяйства, расходов на социально-культурные мероприятия, числа учащихся во всех видах обучения.

Наиболее очевидные достижения нового поколения хозяйственных руководителей и обновленных методов хозяйственного руководства проявились в полном объеме в первом полугодии 1941 года. Следует отметить, что анализ результатов экономического развития в первом полугодии 1941 года сопряжен с серьезными трудностями. Дело в том, что в июне 1941 года значительная часть территории СССР (Прибалтика, Западная Украина и Западная Белоруссия) уже были оккупированы. В результате мобилизации, начавшейся эвакуации промышленности, дезорганизации транспортных перевозок пострадала и экономика в неоккупированных районах страны. Можно только сугубо ориентировочно внести поправки на эти факторы в общую экономическую картину страны.

По приведенным Н.А. Вознесенским данным, в середине 1941 года валовая продукция промышленности достигла 86 % от уровня, установленного на 1942 год заданием пятилетнего плана, т. е. 184 млрд р. [64], что дает достигнутый уровень промышленного производства равным 158 млрд р. за весь год. Это близко к заданию плана на 1941 год – 162 млрд р. и составляет 114,5 % к уровню 1940 года, что с учетом не-

избежного абсолютного роста производства во втором полугодии могло означать выполнение намеченного плана на 1941 год. Не очень ясное упоминание о середине года может относиться как к маю, последнему мирному месяцу, так и к июню 1941 года, когда уже велась война, что негативно сказывалось на объеме производства в этом месяце. Грузооборот железнодорожного транспорта, по данным Н.А. Вознесенского, в первом полугодии 1941 года вышел на уровень 90 % от заданий пятилетнего плана, т. е. 459 млрд т-км, что значительно больше, чем было намечено планом на 1941 год (431 млрд т-км), и на 10,8 % больше, чем в 1940 году, – это говорит о быстром росте экономики и особенно промышленности в первом полугодии (для более точной оценки следует сделать поправку на некоммерческие перевозки, для чего, к сожалению, у меня нет данных).

В соответствии с заданиями плана на 1941 год развивались основные отрасли тяжелой промышленности. Так, если экстраполировать результаты первого полугодия 1941 года на весь год, получается рост производства электроэнергии на 13,5 %, нефти на 11,1, угля на 10,8, чугуна на 20,8, стали на 24,6, проката черных металлов на 25,2, железной руды на 10,4 %. Эти результаты соответствуют заданиям годового плана по электроэнергии, нефти, выше заданий плана по чугуну и стали и лишь по углю заметно ниже заданий годового плана [65]. Следует при этом учитывать, что в ряде отраслей тяжелой промышленности не произошло намеченного годовым планом значительного ввода в действие производственных мощностей, которое обычно в СССР происходило в конце года. Происшедший в первом полугодии 1941 года прирост производства многих видов продукции (чугун, сталь, нефть...) оказался больше на годовом уровне, чем за все предыдущие годы третьей пятилетки.

В первом полугодии 1941 года по сравнению со среднесуточным производством в конце 1940 года среднесуточное производство важнейших продуктов тяжелой промышленности выросло на 7–18 %, что следует считать очень крупным достижением. Я беру для сравнения конец 1940 года потому, что условия первого полугодия 1941 года и конца 1940 года совершенно сравнимы: одинаковая продолжительность рабочего дня, те же территории. Особенно велики были достижения в области военной промышленности, что выразилось в развертывании массового производства новой военной техники (танков

Т-34, КВ, самолетов нового поколения и т.д.). Поскольку в конце 30-х годов советская экономика уже была полумилитаризована, ее успехи и неудачи выражались прежде всего в результатах работы военной промышленности и обеспечивающих ее отраслей. И именно эти отрасли быстро росли в тот период и в количественном (не стану, ввиду их общеизвестности, приводить цифры), и в качественном отношении. По расчетам М. Харрисона, во II квартале 1941 года объем производства военной продукции составил к среднегодовому уровню 1940 года 132 % [66], что следует считать очень крупным достижением. Остальные отрасли экономики, вплоть до начала 1941 года, переживали застой, что, принимая во внимание огромные военные расходы, можно было бы считать даже достижением. Однако в первом полугодии 1941 года произошел рост, как мы видели, уже всех отраслей тяжелой промышленности. План I квартала (последнего мирного квартала) был выполнен промышленностью на 100,5 %, а по ряду наркоматов перевыполнен на 1–5 % (по наркоматам электропромышленности, электростанций, по чермету, цветмету, химпрому, текстильпрому, тяжмашу), при невыполнении плана только по трем наркоматам (нефти, средмаша, общемаша). При этом почти по всем наркоматам план по численности работников был недовыполнен, что означало перевыполнение чрезвычайно напряженного плана по производительности труда [67]. Если предположить, что задания I квартала устанавливались в соответствии с годовым планом, то из этих данных следует, что объем производства промышленной продукции вырос на 19 %, занятость на 4 % (5 % по плану) и годовая производительность труда выросла более чем на 14 %. Годовой фонд рабочего времени в связи с изменением продолжительности рабочего дня увеличился примерно на 14 %, однако, учитывая, что значительная часть промышленности (не менее 40 %) носит непрерывный характер, фактически фонд рабочего времени вырос на 9 % и, следовательно, часовая производительность труда возросла примерно на 5 %, что, конечно, очень много по любым меркам – лучшим советским и западным. Еще более разительны результаты по отдельным отраслям промышленности. Так, по ранее систематически отстававшей станкостроительной промышленности (Главстанкопрому Наркомтяжпрома СССР) план I квартала по товарной продукции был выполнен на 109,7 % (!), валовой продукции – на 117,8, по производительности труда – на 106,1 %; себестоимость продукции при плане

снижения на 3,1 % была снижена до 6,1 [68]. Также перевыполнен был план по двум другим главам этого наркомата – Глававтогену и Главдизелю. Особенно важно, что был выполнен план освоения новых станков. И хотя на росте промышленной продукции и производительности труда, несомненно, сказался скрытый рост цен и масштабы промышленного роста были меньше, чем рапортовалось, эти показатели – весьма впечатляющие. План перевозок по железнодорожному транспорту был перевыполнен на 4,9 % при невыполнении плана по численности работающих, что означало значительное перевыполнение плана по производительности труда на железных дорогах [69]. Хуже обстояло дело со строительством. План I квартала по объему строительства был выполнен на катастрофически низкую величину – 66,2 %, при том что план по численности строительных рабочих – на 76,5 % [70]. В строительстве не произошло никакого роста производительности труда.

В советской и западной экономической литературе последних лет третья пятилетка оценивается с точки зрения результатов экономического развития чрезвычайно низко. Создается впечатление чуть ли не полного застоя экономики в этот период.

К сожалению, эта распространенная тенденция нашла отражение и в работах высококвалифицированного знатока советской экономики Р. Дэвиса, автора многотомного фундаментального труда по ее истории в довоенный период. Освещая предвоенный период развития советской экономики, он пишет практически только о негативных явлениях [71]. Совершенно правильно излагая эти недостатки (которые, кстати, неоднократно описывались даже в советской экономической литературе), он, в отличие от предыдущих своих работ, просто не замечает ни достижений этого периода, ни объективных трудностей развития экономики, ни перелома, наступившего во второй половине 1940 года. Обсуждая, например, проблемы научно-технического прогресса, он ограничивается ссылкой на выпуск Харьковским электромеханическим заводом устаревших масляных реостатов. Довольно странный метод оценки важной экономической проблемы на основе отдельных примеров. Действительно, впечатляющих достижений в области научно-технического прогресса в гражданской промышленности в этот период было немного, о чем можно судить даже по содержанию обзорных статей на эту тему [72]. Но говорить о чуть ли не полном застое

в этой области в третьей пятилетке неправильно. Как минимум, с 1939 года, после преодоления известного паралича в экономической политике 1937–1938 годов, внимание к научно-техническому прогрессу даже в гражданских отраслях резко возросло. Повышалась роль главных конструкторов, главных технологов, воссоздавались экспериментальные цеха на промышленных предприятиях, усиливалось материальное и моральное стимулирование научно-технических разработок (упомяну учреждение Сталинских премий за достижения в этой области). О масштабе работ по научно-техническому прогрессу в такой важнейшей отрасли, как станкостроение, свидетельствует тот факт, что в 1939–1940 годах было освоено производство 277 новых типов металлорежущих станков [73] из примерно 300 типов, намеченных пятилетним планом. Далеко не все из них отвечали мировому уровню, но это был все же бесспорный и серьезный прогресс. Напомним и о том, что план по выпуску новых станков в I квартале 1941 года выполнялся, в отличие от предыдущих лет. И, конечно, просто огромным был прогресс в оборонной промышленности. При всем том, бесспорно, что в довоенный период советская наука и техника в основном заимствовали достижения зарубежной науки и техники, внося ничтожный самостоятельный вклад в развитие мировой науки и техники. Но советские разработчики были достаточно квалифицированы, чтобы заимствовать и потом внедрять эти достижения в промышленное производство и в другие области экономики, что тоже совсем не просто и говорит о достаточно высоком уровне экономического развития.

О большом внимании, которое уделялось в годы третьей пятилетки развитию науки, свидетельствуют значительное увеличение ассигнований на науку в бюджете СССР и рост числа занятых в этой отрасли – с 234 тыс. человек в 1937 году до 267 тыс. в 1940 году (исключая занятых в геологоразведке и гидрометеорологии) [74], или на 15,6 %.

Прежде чем делать общий вывод о развитии советской экономики в годы третьей пятилетки, необходимо остановиться на роли системы принудительного труда в тот период. Этот вопрос замалчивался в советское время, что создавало искаженное представление о характере развития советской экономики. Впервые он был подробно рассмотрен в книге А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Однако А. Солженицын, по необходимости, вынужден был опираться на личные впечатления и свидетельства бывших заключенных. В 90-е годы опубликовано до-

вольно много архивных материалов и исторических исследований о системе принудительного труда в СССР. Они прояснили некоторые вопросы о значении принудительного труда в развитии советской экономики. Впрочем, многое здесь все еще остается не совсем ясным. Дело в том, что эти работы в основном писали профессиональные историки, а не экономисты. Поэтому экономические проблемы принудительного труда освещались в этих работах весьма поверхностно.

Роль принудительного труда в экономике СССР в тот период нельзя считать ни решающей, как писал А. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ», ни незначительной. В общем числе экономически активного населения страны (более 100 млн человек) число заключенных составляло не более 2 %. Труд заключенных вообще не использовался в решающих областях экономики (электроэнергетика, машиностроение, основная часть топливной промышленности, сельское хозяйство, транспорт), не говоря уже о сфере услуг. Но он широко использовался в некоторых важных областях экономики в районах, где применение вольнонаемного труда было затруднительно в силу дороговизны связанных с этим расходов на оплату труда и создание бытовых условий проживания. Речь идет о цветной металлургии и лесной промышленности в северных и восточных районах страны, о железнодорожном и гидротехническом строительстве и некоторых других отраслях экономики.

Империя ГУЛАГа была создана уже в 30-е годы под руководством Г.Г. Ягоды и окончательно сформировалась Н.И. Ежовым. В годы третьей пятилетки она в количественном отношении не претерпела существенных изменений. Эту систему также сотрясали политические репрессии и смена руководства как на уровне центрального аппарата, так и на уровне отдельных лагерей. По-видимому, здесь тоже наблюдался застой в экономике в первые годы третьей пятилетки и некоторое повышение ее эффективности в последний год перед войной, когда стабилизировался управленческий аппарат. Но для более конкретных выводов в этой области пока нет достаточно надежных данных. Я, конечно, рассматриваю здесь только экономическую суть самой системы, оставляя в стороне как ее место в политической системе страны (подсистема страха), так и условия жизни (если их можно так назвать) заключенных, что, несомненно, играет решающую роль в оценке всей этой системы. Другой важный вопрос – экономические потери, которые несло общество от отвлечения миллионов физически крепких

и в значительной степени образованных людей для физического, зачастую неквалифицированного, труда.

Общий вывод из анализа экономики СССР в годы третьей пятилетки состоит в том, что, несмотря на огромные трудности и временный паралич хозяйственного руководства в начале пятилетки, в этот период были заложены основы успешного ее развития в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.

Третья пятилетка завершила этап развития советской экономики, начатый первой пятилеткой. При колоссальных человеческих и нравственных потерях, о которых справедливо писалось в 90-е годы и которые, конечно, сказались на всем последующем развитии советского общества и экономики, в этот период были заложены основы успешного развития советской экономики на протяжении нескольких десятилетий. Была по существу заново создана материальная база тяжелой и пищевой промышленности, коренной технической реконструкции подверглась материально-техническая база растениеводства, создано крупное производство в сельском хозяйстве с присущими ему сильными сторонами, обучена огромная масса инженерно-технических работников и рабочих, хотя качество обучения еще оставляло желать лучшего. Был подобран сильный состав руководящих работников в промышленности и на железнодорожном транспорте, в управлении экономикой (Госплан, Госбанк, Наркомфин СССР, отраслевые наркоматы, аппарат правительства). Была создана разветвленная сеть научно-исследовательских институтов, высших и средних учебных заведений. Начало создаваться специализированное строительное производство. Важную роль в создании этих предпосылок дальнейшего экономического роста сыграла третья пятилетка, хотя на ее результатах эти усилия сказались в полной мере лишь в последний мирный год.

Наиболее слабыми местами советской экономики в предвоенный период, которые не были преодолены и в ходе третьей пятилетки (только начали преодолеваться), можно считать: низкую квалификацию большинства рабочих и инженерно-технических работников основных отраслей экономики, не получившего качественного образования; расточительное использование материальных ресурсов и производственных фондов; плохую организацию труда; низкое качество продукции, особенно товаров народного потребления; узкий ассор-

тимент выпускаемой продукции, особенно предметов потребления; низкое качество планирования; низкую эффективность научно-технических исследований и неудовлетворительный уровень их внедрения в производство, за исключением военной техники; товарно-денежную несбалансированность по предметам потребления, систематические перебои в обеспечении ими населения.

Часть этих недостатков носила системный характер, вызванный особенностями командной экономики; другая часть являлась последствиями ускоренных темпов индустриализации и коллективизации, необходимости направлять огромные средства на укрепление военной мощи страны; третья – малым опытом управления командной экономикой, слабостью экономической науки, обобщавшей этот опыт, которой в тот период в области экономической теории не давали нормально развиваться; четвертая – наследием многовековой экономической и культурной отсталости России. Можно ли было эти недостатки преодолеть, должно было показать последующее развитие советской командной экономики.

1.4. ЭКЗАМЕН НА ЗРЕЛОСТЬ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Крупнейшим хозяйственным достижением военного периода следует считать увеличение производства основных видов военной техники в июле–августе 1941 года в несколько раз по сравнению с предвоенным периодом (хотя уже и перед войной экономика СССР была в высокой степени милитаризована). И это несмотря на оккупацию части территории страны и начало эвакуации многих промышленных предприятий, в том числе и оборонных. Другим хозяйственным достижением стала в целом успешная эвакуация нескольких тысяч крупных промышленных предприятий в восточные районы страны и миллионов людей – промышленного персонала и, что еще более важно, налаживание в кратчайшие сроки массового выпуска военной и иной продукции на этих предприятиях, смонтированных и запущенных на новых местах. При этом производительность труда на эвакуированных предприятиях, по расчетам известного английского экономиста М. Харрисона, возросла по сравнению с довоенным уровнем [75], хотя качественный состав работающих резко ухудшился в связи со значительным удельным весом женщин, детей и недавнего сельского насе-

ления; питание и другие бытовые условия работающих катастрофически ухудшились. В то же время производительность труда в гражданском секторе экономики, по расчетам того же Харрисона, упала примерно на 30 %, что легко объясняется все тем же ухудшением состава работающих и трудностями с обеспечением предприятий гражданской промышленности сырьем. Сыграло свою негативную роль и ухудшение состояния производственных фондов. Аналогичные явления имели место и в капиталистических странах в это же время, хотя и в меньших масштабах. В целом, если сравнить тенденции в изменении организации производства в период войны в США, Германии и в СССР в военной промышленности, то они оказываются очень похожими. О высокой эффективности советской военной промышленности в годы войны говорит тот факт, что, по подсчетам самого авторитетного западного знатока этой проблемы М. Харрисона, приведенным на конференции в Варвике (Великобритания), состоявшейся в 1995 году и посвященной военной экономике второй мировой войны, производительность труда в советской военной промышленности в 1943 году оказалась выше, чем в Германии и Великобритании, и уступала только производительности труда в военной промышленности США (это исчисление М. Харрисон произвел по моей просьбе и огласил устно на заседании конференции).

Я провел самостоятельный расчет относительного уровня производительности труда в военной промышленности основных воюющих государств, за исключением Италии и Японии (табл. 1). В основу расчета были положены данные об объеме военного производства в воюющих государствах, исчисленные известным немецким экономистом Р. Вагенфюром, и данные из различных источников о численности занятых в военной промышленности отдельных стран. Данные о военном производстве относятся к 1943 году, который для всех воюющих государств, кроме Германии, был годом максимума военного производства.

Расчет дает поразительные результаты. Производительность труда в военной промышленности СССР оказывается более чем в 2 раза выше, чем в Великобритании и Германии, и лишь незначительно ниже, чем в США. В то же время в целом по промышленности СССР отставание по производительности труда перед войной составляло 4–5 раз, а по сравнению с Великобританией и Германией – более чем в 2 раза.

Т а б л и ц а 1

Производительность труда в военной промышленности воюющих государств в 1943 г.

Страна	Объем производства, млрд долларов	Численность занятых, млн человек	Производительность труда, тыс. долларов (в ценах 1944 г.)
1	2	3	4 (2:3)
США	37,5	7	5,36
Германия	13,8	8,2	1,68
Великобритания	11,4	4	2,35
СССР	13,9	2,88	4,82

Источники. Данные об объеме военного производства: *Kennedy P.* The Rise and fall of the great powers. – N. Y., 1989. – P. 355; занятость в военной промышленности США и Великобритании: *Вишнев С.* Рабочая сила // Военное хозяйство капиталистических стран и переход к мирной экономике / Под ред. И.А. Трахтенберга. – М.: Госпланиздат, 1947. – С. 82; занятость в военной промышленности СССР: *Harrison M.* Accounting for war. – Cambridge University Press, 1996. – P. 87; по Германии исчислено на основе приведенных в статье В. Абельшаузера данных о численности занятых в промышленности (10,6 млн человек) и доле занятых в выполнении военных заказов (61 %) (*The economics of world war 11 / Ed. M. Harrison.* – Cambridge University Press, 1998. – P. 153, 160).

Очевидно, что технический уровень и особенно квалификация рабочих и инженерно-технических работников в то время в СССР были значительно ниже, чем в самых развитых странах капиталистического мира. Наиболее неправдоподобными в этом расчете выглядят данные по Германии. По-видимому, в исходные данные вкралась серьезная ошибка. В моем распоряжении есть и другие данные, согласно которым в военной промышленности Германии в 1943 году было занято лишь 2,68 млн человек [76]. Понятно, что использование этих данных приведет к иным показателям производительности труда – почти в 3 раза большей. Очевидно, что данные табл. 1 по Германии занижены. И, наконец, имеются данные о численности работающих на вермахт во всей промышленности: 6,6 млн человек, в том числе в машиностроении – 3,6 млн [77]. Здравый смысл подсказывает, что истинная величина находится в пределах 5–6 млн человек. Хотя численность населения в Германии была выше, чем в Великобритании, Германия в 1943 году почти не использовала женскую рабочую силу в промыш-

ленности, но зато использовала много иностранной рабочей силы (военнопленных и угнанных на работы в Германию). Разрыв в 1,5 раза в производительности труда между СССР и Германией подтверждается рассчитанными мною данными и по авиационной промышленности.

Для проверки обоснованности приведенного расчета я сопоставил трудоемкость выпуска примерно однородных видов продукции в США и СССР в годы войны (в СССР – это сведения по 1943 году, в США год не указан, но, по-видимому, тоже 1943 год, так как отчет президента Г. Трумэна, где содержатся эти данные, относится к 1944 году). В табл. 2 приведены результаты сопоставления трудоемкости по авиационной промышленности двух стран, в частности, в расчете на 1 л. с.

Т а б л и ц а 2

Трудоемкость выпуска самолетов в США и СССР в годы войны

Наименование самолетов	Страна	Мощность, л. с.	Трудоемкость	
			чел.-ч	в расчете на 1 л. с.
В-17	А СШ	4800	18700	3,89
В-25	А СШ	3400	15400	4,53
ИЛ-4	Р СССР	2200	12500	5,68
ПЕ-2	Р СССР	2100	13200	6,28

Источники. О трудоемкости самолетов в США: *Варга Е.* Изменения в экономике капитализма в итоге второй мировой войны. – М., 1946. – С. 107; по СССР: *Вознесенский Н.А.* Избранные произведения. – М., 1979. – С. 552.

Как видим, трудоемкость выпуска бомбардировщиков в СССР в расчете на 1 л. с. составляла к ближайшим по мощности самолетам (ИЛ-4 и В-25) 1,25, или США к СССР – 79 %. Таким образом, порядок величин тот же, что и в табл. 1¹.

Очень близкими были масштабы снижения трудоемкости при выпуске военной продукции в СССР и США, судя по данным, приведен-

¹ Сравнение производительности труда в авиационной промышленности СССР, Великобритании, Германии и США в 1943 году приведено в прил. 2.

ным в работах Е. Варги и Н. Вознесенского: соответственно по США и СССР, – примерно в 2 раза за годы войны.

Вызывает сомнение соотношение производительности труда в промышленности Германии и Великобритании, с одной стороны, и США – с другой. Здесь оно меньше, чем в целом по обрабатывающей промышленности этих стран перед второй мировой войной, хотя и незначительно (в Великобритании производительность труда составляла по обрабатывающей промышленности 44,7, в Германии – 50 %) [78].

Можно дать следующее объяснение результатам приведенных выше расчетов. Во-первых, в военной промышленности СССР использовались самые качественные ресурсы: оборудование, рабочая сила, руководящий персонал. Разрыв между техническим и квалификационным уровнем военной и гражданской продукции в СССР, очевидно, был значительно больше, чем в капиталистических странах. Вместе с тем организационное и техническое новаторство в советской военной промышленности оказалось бóльшим, чем в других странах. Можно сказать, что в военной промышленности СССР в период войны сформировался уникальный по своему качеству слой руководящих и научно-технических кадров, а также рабочих. Недаром и десятилетия после войны при решении сложных производственных и научно-технических задач использовались кадры именно военно-промышленного комплекса военного времени. К сожалению, преимущественно речь шла опять-таки о задачах внутри военно-промышленного комплекса и гораздо реже – о задачах, решаемых гражданской промышленностью. Это отражено даже в советской художественной литературе. Так, конфликт в книге Галины Николаевой «Битва в пути» разворачивается между консерватором директором тракторного завода Вальганом и пришедшим из танковой промышленности новатором в технике и организации производства главным инженером Бахиревым.

Вместе с тем следует учитывать и другие факторы. Качество продукции в СССР было заметно ниже, чем в других странах. Речь идет не о совершенстве отдельных моделей, а о качестве их изготовления на предприятиях. Упреки в адрес руководителей авиационной промышленности периода войны, приведшие к их аресту и осуждению в 1946 году, как теперь ясно, отнюдь не были необоснованными, хотя и вызывались, очевидно, недостаточно реальными плановыми заданиями. Во-вторых, фактическая продолжительность рабочего дня в совет-

ской промышленности была выше, чем в промышленности западных стран, и эта разница не улавливается при расчете производительности труда на одного человека, а не на человеко-час. Поэтому, кстати, разрыв с США по трудоемкости больше, чем в расчете на одного человека. Наконец, когда речь идет о Германии, следует иметь в виду, что пик германского военного производства был в 1944 году, когда производительность труда в военной промышленности выросла более чем на 20 % по сравнению с предыдущим годом, при том, что огромным препятствием для военного производства Германии в этом году являлись бомбардировки военных предприятий и городского населения. Особенностью германского военного производства являлось то, что в период войны, вплоть до 1944 года, производительность труда в военной промышленности не росла – в отличие от ряда других воевавших стран, в том числе и СССР, где она увеличилась вдвое, хотя исходный уровень объема производства был примерно одинаковым. При всем том достижения военной промышленности СССР в годы войны были огромными и явно недооцененными в силу отсутствия удовлетворительного сравнения с промышленностью других воевавших стран. Сразу после войны много писалось о необходимости использования опыта военной промышленности в гражданской, но делалось, видимо, в этом отношении совершенно недостаточно, даже при конверсии после войны, которая носила все же ограниченный характер. Поразительные достижения в военной промышленности тем более значимы, что они относятся к одной из самых сложных в техническом и организационном отношении отраслей экономики – к машиностроению, где отставание по производительности труда в СССР всегда было наиболее значительным.

О недооценке опыта руководителей военной промышленности говорит тот факт, что среди руководителей советской экономики высшего уровня (председатель Совета министров, его первые заместители, руководители центральных экономических ведомств) на протяжении многих лет очень слабо были представлены руководители военной промышленности. Как редкое исключение можно назвать назначение Д.Ф. Устинова в 1963–1965 годах председателем СНХ СССР и В.А. Малышева – председателем Государственного комитета по новой технике в 1947–1950 и 1955–1957 годах.

Один важный вопрос, связанный с сопоставлением производительности труда в военной промышленности, требует, особенно применительно к СССР, дополнительного изучения. Дело в том, что в своих расчетах я использовал данные о составе занятых в военной промышленности, куда включалась численность производственного персонала соответствующих военно-промышленных министерств (весьма значительная часть непромышленного персонала, включая занятых в строительстве и НИОКР, сюда, видимо, не включалась, хотя этот вопрос требует уточнения). Между тем выпуском военной продукции занимались и гражданские министерства. Может возникнуть вопрос: не преувеличивается ли производительность труда в советской военной промышленности в связи с тем, что эта категория работников здесь не фигурирует? Этот вопрос занимал и М. Харрисона, согласно исчислениям которого индекс военного производства СССР в период войны неожиданно оказался значительно больше индекса ЦСУ СССР. Одну из причин такого несоответствия М. Харрисон нашел как раз в расхождении индекса продукции военно-промышленных министерств (кроме танковой) и всей военной продукции, который, по данным ЦСУ СССР, составил соответственно по ведомственному принципу 251 %, а по товарному – 312 % [79]. Эти данные говорят о том, что военная часть продукции гражданских министерств росла в период войны быстрее, чем продукция военных министерств, что весьма правдоподобно, если учесть, что в годы войны во многих отраслях, особенно в машиностроении, гражданская продукция была сведена к минимуму и заменена военной, в то время как военные отрасли промышленности были достаточно загружены военной продукцией и в предвоенный период. Многие гражданские предприятия с началом войны были переведены в военно-промышленные наркоматы, но немалое их число оставалось в ведении гражданских наркоматов, производя в то же время военную продукцию. Прямые данные о роли гражданских предприятий в выпуске военной продукции я обнаружил в имеющейся литературе только по одному министерству – Министерству боеприпасов. По данным Н.С. Симонова, в этом министерстве в 1944 году было 128 предприятий, а всего привлеченных в той или иной степени к выпуску боеприпасов было 1124 предприятия. Однако в какой степени были привлечены другие министерства к выпуску боеприпасов, Н.С. Симонов, к сожалению, не сообщает [80]. Есть основания пред-

положить, что доля гражданских министерств в выпуске военной техники и боеприпасов все же была невелика, поскольку при большой их численности объем их производства был невелик. Об этом говорит сравнение численности занятых в военной промышленности с численностью занятых в машиностроении в годы войны. Эти данные практически идентичны [81]. Таким образом, учет военной продукции, выпускаемой гражданской промышленностью, как мне кажется, лишь в небольшой степени повлияет на результаты моего расчета. Но этот вопрос все же требует дополнительного прояснения.

Другая проблема, которая тоже требует прояснения, – это отраслевая разбивка занятых в промышленности западных стран. Статистикам известны трудности распределения продукции по отраслям промышленности. Не вдаваясь в статистические тонкости, отмечу, что при отнесении продукции к некоей отрасли по принципу преимущественного выпуска продукции, что скорее всего и происходило в этих странах, к данной отрасли относилась и численность работников, занятых выпуском гражданской продукции. Однако, хотя степень милитаризации советской промышленности была беспрецедентна, к 1943 году машиностроение и химическая промышленность всех воюющих стран преимущественно работали на оборону. Обе указанные поправки, возможно, изменят полученное соотношение не в пользу советской промышленности, но я не думаю, что изменения будут значительными.

Вместе с тем следует иметь в виду, что эта эффективность в военной промышленности достигалась и сопровождалась низкой эффективностью в сельском хозяйстве и в распределении продукции, особенно предметов потребления. Уже в июле–августе 1941 года, как следует из многочисленных воспоминаний современников, продовольственное положение в стране стало очень тяжелым, а зимой 1941 года разразился подлинный голод во многих регионах СССР. Очевидно, что это явилось результатом очень плохой системы распределения продукции, огромных транспортных трудностей и т.д. В период войны сельскохозяйственное производство значительно снизилось и не обеспечивало потребности населения в продуктах питания и легкой и пищевой промышленности в сырье. Это сокращение сельскохозяйственного производства объяснялось тем, что людские и материальные ресурсы для военных целей поставлялись прежде всего из деревни, откуда преимущественно мобилизовывалось мужское население, изы-

малась бóльшая часть тракторов и автомобилей, в то время как производство сельскохозяйственных машин и удобрений было практически прекращено. Из-за нехватки сельскохозяйственного сырья и рабочей силы пришлось в несколько раз сократить выпуск продукции легкой и пищевой промышленности. По аналогичным причинам сократилось и производство во многих других отраслях гражданской промышленности. Значительно снизилась в этот период и эффективность производства в невоенном секторе экономики вследствие ухудшения качественного состава кадров и снабжения этих отраслей сырьем и оборудованием.

Промежуточное положение между военной и гражданской промышленностью и сельским хозяйством занимал железнодорожный транспорт. Из-за своего военно-стратегического значения он имел приоритет в материальном снабжении и обеспечении рабочей силой. Однако железнодорожный транспорт с начала войны потерял немалую часть сети железных дорог и подвижного состава. Ухудшился и качественный состав работающих, где значительный удельный состав заняли женщины и подростки. В результате все качественные показатели работы железнодорожного транспорта в период войны заметно ухудшились. Многие исследователи и мемуаристы объясняют эти неудачи железнодорожного транспорта малокомпетентным руководством одного из оставшихся непрофессиональных наркомов предвоенного времени – Л. Кагановича. Замена его, которая производилась дважды в годы войны, приводила к улучшению работы железнодорожного транспорта. Вместе с тем безусловной заслугой и великим подвигом железнодорожного транспорта явилось одновременное решение в начале войны трех задач: обеспечение военных перевозок, народнохозяйственных перевозок и эвакуация огромного количества грузов и миллионов жителей из угрожаемых захватом немцами районов. И все это в условиях, когда часть железнодорожной сети подвергалась бомбардировкам немецкой авиацией. Тем не менее в советской экономической литературе успехи железнодорожного транспорта в годы войны явно преувеличивались. Низкая его эффективность, вызванная, правда, частично объективными причинами, замалчивалась. Так, фундаментальный факт, что производительность труда на железнодорожном транспорте в конце войны составляла лишь 56 % от предвоенного уровня, самый известный историк железнодорожного транспорта

этого периода Г.А. Куманев умудрился упрятать в примечание своей книги [82].

Крупным достижением советской военной экономики явилось начало крупномасштабного восстановления разрушенного войной хозяйства еще в период войны, начиная с 1943 года. Часто повторяемые в научных исследованиях размеры военных разрушений, основанные на данных созданной тогда Чрезвычайной комиссии по расследованию преступлений фашистских захватчиков, конечно, значительно преувеличены. В качестве примера можно привести оценку разрушений железнодорожного транспорта, согласно которой фашисты «взорвали и угнали в тыл около 16 тысяч паровозов и 428 тысяч вагонов» [83], в то время как перед войной железнодорожный транспорт располагал 26 тысячами паровозов и 715 тысячами вагонов в двухосном исчислении [84], из которых на оккупированной территории осталось лишь 15 % паровозов и 7,5 % вагонов [85]. Таким образом, потери в подвижном составе были преувеличены более чем в 4 раза. Тем не менее разрушения (во многом произведенные советскими властями при отступлении) были действительно велики, и требовались огромные расходы для восстановления. Трудность изыскания финансовых и материальных средств для восстановительных работ определялась тем, что одновременно производились огромные военные расходы, и необходимо было поддерживать функционирование уже действующих на неоккупированной территории предприятий. Таким образом, в отличие от царской России, где со второй половины первой мировой войны шло сокращение производственного потенциала, в СССР он начал увеличиваться с 1943 года.

Одинаково далеки от правды и хвастливые заявления об огромных успехах советской экономики периода войны, опровергаемые безмерными лишениями населения и большой зависимостью экономики от поставок по ленд-лизу, и утверждения о провале, крахе советской военной экономики, опровергаемые успешным обеспечением основных нужд фронта в военной технике и высоким ее техническим уровнем. Вместе с тем эффективность советской экономики военного времени в целом была еще низкой и намного уступала западной.

В любом случае эффективность в хозяйственной сфере оказалась намного выше, чем в военной. Победа над Германией была достигнута ценой жертв на поле боя и потерь в военной технике в несколько раз

бóльших, чем у Германии, и только при огромном превосходстве в живой силе и технике. Неэффективность вооруженных сил обусловила огромные их потребности в людях и технике, что оставляло для развития экономики ресурсы, достаточные в основном для военного сектора, где сосредоточились лучшие силы, и совершенно недостаточные для гражданской экономики, которая обеспечивалась по остаточному принципу и потому не могла быть эффективной.

Среди причин столь крупных неудач Красной армии, мне кажется, можно назвать и такую: сыграла определенную роль разница в возрастном и образовательном уровне между руководящими кадрами в армии и промышленности. В то время как в промышленности высшие ее руководители имели возраст 30–40 лет и, как правило, высшее образование, возраст военачальников был 40–50 лет, и многие из них не имели полноценного военного образования. Такая разница может вызвать удивление, если вспомнить, какое огромное значение придавал Сталин вооруженным силам. В порядке гипотезы выскажу предположение, что Сталин считал невозможным доверить руководство вооруженными силами людям, не «нюхавшим пороха». А порох «нюхали» участники первой мировой и гражданской войн, т. е. как раз военные в возрасте 40–50 лет, только небольшая часть которых получила полноценное высшее военное образование, в отличие опять-таки от руководителей промышленности, в основном уже достаточно хорошо образованных.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Радзинский Э. С.* Сталин: Жизнь и смерть / Э. С. Радзинский. – М., 1997. – С. 342.
2. *Бек А.* Новое назначение / А. Бек. – М. : Современник, 1989. – С. 141–142.
3. Премьер известный и неизвестный. Воспоминания о А. Косыгине / сост. Т. И. Фетисов. — М. : Республика, 1997. – С. 188.
4. *Шабанова Н. Н.* О себе и времени, в котором жила / Н. Н. Шабанова // Деньги и кредит. – 2000. – № 10. – С. 67–69.
5. *Хлусов М. И.* Развитие советской индустрии. 1946–1958 гг. / М. И. Хлусов. – М., 1977. – С. 23, 52–62.
6. *Байбаков Н. К.* Сорок лет в правительстве / Н. К. Байбаков. – М., 1993. – С. 17.
7. *Емельянов В. С.* О времени, товарищах и себе / В. С. Емельянов. – М., 1974. – С. 358.
8. История социалистической экономики СССР. – М., 1978. – Т. 4. – С. 117.

9. *Парамонов И. В.* Пути пройденные / И. В. Парамонов. – М., 1966. – С. 208.
10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1986. – Т. 7. – С. 90.
11. Там же. – С. 92.
12. Там же. – С. 145.
13. Там же. – С. 195–196.
14. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1986. – Т. 7. – С. 200.
15. *Вайнштейн А.* Народный доход в России и СССР / А. Вайнштейн. – М., 1969. – С. 102.
16. Цит. по: *The economic transformation of the Soviet Union, 1913–1945 / Ed. : R. W. Davies, M. Harrison, S. G. Wheatcroft.* – Cambridge University Press, 1994. – P. 269.
17. *Директивы* КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1957. – Т. 2. – С. 583.
18. Там же. – С. 582.
19. Там же. – С. 564, 570.
20. Там же. – С. 574.
21. Там же. – С. 574, 564.
22. *Эренбург И.* Собрание сочинений / И. Эренбург. – М., 1967. – Т. 9. – С. 185.
23. *Роговин В.* Сталинский неонэп / В. Роговин. – М., 1995. – С. 23.
24. Там же.
25. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. – М., 1967. – Т. 1. – С. 451.
26. Там же. – С. 452, 467, 475, 479, 483.
27. *Вернадский В. И.* Дневник 1939 года / В. И. Вернадский // Дружба народов. – 1993. – № 3. – С. 7, 14, 21. Удивительно, что в обширной книге Елены Осокиной «За фасадом “сталинского изобилия”», в которой тщательно отслеживаются все ухудшения в снабжении населения в 30-е годы, ухудшение его в 1938 году не отмечается.
28. *Синицын Е.* Резидент свидетельствует / Е. Синицын. – М., 1996. – С. 20.
29. *Осокина Е.* За фасадом «сталинского изобилия» / Е. Осокина – М., 1999. – С. 187, 228–231.
30. По расчетам А. Бергсона, потребление населения в 1940 году выросло по сравнению с 1937 годом на 13,4 %, т. е. даже ниже, чем рост населения.
31. Индустриализация СССР. – М., 1973. – С. 63, 69–70.
32. Народное хозяйство СССР в 1958 году. – М., 1959. – С. 658–659.
33. *The economic transformation of the Soviet Union, 1913–1945 / ed. : R. W. Davies, M. Harrison, S. G. Wheatcroft.* – Cambridge University Press, 1994. – P. 300.
34. Там же.
35. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 513.

36. Индустриализация СССР. – М., 1973. – С. 131–132; История второй мировой войны. – М., 1968. – Т. 2. – С. 376.
37. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 222.
38. *Ханин Г. И.* Советский экономический рост: анализ западных оценок / Г. И. Ханин. – Новосибирск, 1993. – С. 46.
39. Там же. – С. 49.
40. *Ханин Г. И.* Советский экономический рост: анализ западных оценок / Г. И. Ханин. – Новосибирск, 1993. – С. 90.
41. Там же. – С. 137, 141–142. В самой книге Г. Наттера «Growth of industrial production in Soviet Union. 1962» рост промышленной продукции оценивается в 16 %, в том числе гражданской – на 10 %, а военной – в 2,5 раза. Однако в этом расчете не учитывалась продукция сложного машиностроения, которая росла во все периоды намного быстрее, чем вся продукция советского гражданского машиностроения. Я скорректировал расчет Г. Наттера на основе общей корректировки с учетом фактора за 1913–1955 годы, который составил по приросту 1,4 раза.
42. История социалистической экономики СССР. – М., 1978. – Т. 5. – С. 123.
43. Там же. – С. 67–68.
44. Там же. – С. 127–133.
45. *Вознесенский Н. А.* Избранные произведения / Н. А. Вознесенский. – М., 1979. – С. 484.
46. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 230.
47. *Вознесенский Н. А.* Избранные произведения / Н. А. Вознесенский. – М., 1979. – С. 386; Народное хозяйство СССР в 1967 г., – М., 1968. – С. 118.
48. *Зверев А. Г.* Записки министра / А. Г. Зверев. – М., 1973. – С. 145.
49. *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма / И. В. Сталин. – М., 1952. – С. 624, 626; *Вознесенский Н. А.* Избранные произведения / Н. А. Вознесенский. – М., 1979. – С. 381.
50. *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма / И. В. Сталин. – М., 1952. – С. 624.
51. *Атлас З. В.* Социалистическая денежная система / З. В. Атлас. – М., 1969. – С. 285–288.
52. *Осокина Е.* За фасадом «сталинского изобилия» / Е. Осокина. – М., 1999. – С. 185–186.
53. *Конник И. И.* Деньги в период строительства коммунистического общества / И. И. Конник. – М., 1966. – С. 152.
54. *Атлас З. В.* Социалистическая денежная система / З. В. Атлас. – М., 1969. – С. 285.
55. *Зверев А. Г.* Записки министра / А. Г. Зверев. – М., 1973. – С. 147–148.
56. *Верт А.* Россия в войне. 1941–1945 / А. Верт. – М., 1967. – С. 125.
57. *Жуков Ю.* Крутые ступени / Ю. Жуков. – М., 1983. – С. 207, 209.
58. *Осокина Е.* За фасадом «сталинского изобилия» / Е. Осокина. – С. 222–227.

59. *Вознесенский Н. А.* Избранные произведения / Н. А. Вознесенский. – М., 1979. – С. 418.
60. Там же. – С. 419.
61. Там же. – С. 419–420.
62. Там же. – С. 433.
63. Там же. – С. 433–434.
64. *Вознесенский Н. А.* Избранные произведения / Н. А. Вознесенский. – М., 1979. – С. 486; Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1957. – С. 563.
65. Среднесуточная добыча угля выросла на 8,5 %, выплавка стали – на 7,7 %, и только (хотя это очень важно) сократилось среднесуточное производство нефти, возможно, из-за захвата месторождений в Дрогобыче. В то же время среднесуточное производство электроэнергии – ключевого продукта промышленности – выросло в первом полугодии 1941 года по сравнению с 1940 годом более чем на 13 %. Исчислено по данным: История второй мировой войны. – М., 1974. – Т. 3. – С. 376; *Вознесенский Н. А.* Избранные произведения / Н. А. Вознесенский. – М., 1979. – С. 415–416.
66. *Harrison M.* Accounting for war / M. Harrison. – Cambridge University Press, 1995. – P. 190.
67. Индустриализация СССР. – М., 1973. – С. 284–285.
68. Там же. – С. 204.
69. Там же. – С. 287.
70. Там же. – С. 286.
71. *Дэвис Р. У.* Развернутое наступление социализма по всему фронту. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал / Р. У. Дэвис, О. В. Хлевнюк. – М., 1997. – Т. 1 (экономическая часть статьи, очевидно, написана Р. Дэвисом).
72. История социалистической экономики СССР. – М., 1978. – С. 63–68, 162–164.
73. *Касьяненко В. И.* Завоевание экономической независимости СССР / В. И. Касьяненко. – М., 1972. – С. 201.
74. Народное хозяйство СССР в 1958 году. – М., 1959. – С. 658–659.
75. *Harrison M.* Accounting for war / M. Harrison. – Cambridge University Press, 1996. – P. 88.
76. Промышленность Германии во время войны 1939–1945 гг. – М., 1956.
77. Там же. – С. 234.
78. Экономика капиталистических стран. – М., 1959. – С. 819.
79. *Harrison M.* Accounting for war / M. Harrison. – Cambridge University Press, 1996. – P. 72.
80. *Симонов Н.* Военно-промышленный комплекс СССР. 20–50-е годы / Н. Симонов. – М., 1996. – С. 167.

81. *Harrison M.* Accounting for war / M. Harrison. – Cambridge University Press, 1995. – P. 83.

82. *Куманев Г. А.* На службе фронта и тыла / Г. А. Куманев. – М., 1976. – С. 390. То же самое он проделал и при переиздании этой книги в 1988 году.

83. *Ковалев И. В.* Транспорт в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) / И. В. Ковалев. – М., 1981. – С. 425.

84. Там же. – С. 12.

85. Там же. – С. 96.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Производство вооружения в 1937–1940 гг. (млн р., в ценах 1940 г.)

Виды вооружения	Цена за шт., тыс. р.	1937		1938		1939		1940	
		Количество	Стоимость	Количество	Стоимость	Количество	Стоимость	Количество	Стоимость
1. Пулеметы, тыс. шт.	0,535	42,3	22,6	77,1	41,2	113,7	66,8	96,5	51,6
2. Винтовки и карабины, млн шт.	0,163	0,58	94,2	1,17	191,5	1,5	324,0	1,46	238,1
3. Малокалиберная артиллерия, тыс. шт.	25,7	3,8	97,6	7,1	102,5	8,5	218,5	7,3	187,6
4. Средне- и крупнокалиберная артиллерия, тыс. шт.	57,0	1,7	96,9	5,2	296,4	8,7	495,9	7,5	427,5
5. Танки и танкетки, тыс. шт.	270,0	1,56	421,2	2,27	612,9	2,9	783,0	2,8	756,0

6. Истребители, тыс. шт.	208,0	2,1	436,8	2,0	416,0	3,7	769,6	4,66	969,3
7. Бомбардировщики, тыс. шт.	800,0	3,0	1040,0	2,0	1600,0	2,7	2160,0	3,57	2856,0
Итого			2209,3		3340,6		4817,8		5486,1

Окончание таблицы

Виды вооружения	Цена за шт., тыс. р.	1937		1938		1939		1940	
		Количество	Стоимость	Количество	Стоимость	Количество	Стоимость	Количество	Стоимость
К предыдущему году			–		1,51		1,44		1,14
1940/1937									2,48

Примечания. 1. Стоимость – в млн р., цена за пулеметы, винтовки и карабины – за тыс. шт., по остальным видам – за шт.

2. Данные о количестве выпущенных видов вооружения в 1937–1940 гг. – по кн.: История второй мировой войны. – М., 1974. – Т. 2. – С. 191, 194. Цены на военную технику приводятся по кн.: *Harrison M. Accounting for war.* – Cambridge University Press, 1995. – Р. 181–182. В качестве цен на пулеметы приняты цены на пулемет Дегтярева (7,62 мм), винтовки (7,62 мм), мелкокалиберную артиллерию (орудие ЗИС-5), крупно- и среднекалиберную артиллерию (76 мм орудие УСВ), танки Т-34, истребители ЯК-1, бомбардировщики ИЛ-4. Все цены приводятся по данным за 1940 г.

3. Все данные округлены.

Приложение 2

**РАСЧЕТ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА
В АВИАЦИОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР, США,
ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ГЕРМАНИИ В 1943 ГОДУ**

В основу расчета производительности труда в авиационной промышленности СССР, США, Великобритании и Германии (табл. 1–4) положены общая мощность моторов, установленных на самолетах, и численность занятых в авиационной промышленности этих стран в 1943 году. Достаточно очевидна взаимосвязь мощности моторов с полезностью и стоимостью выпускаемых самолетов.

Большая мощность моторов – это большая скорость самолетов, дальность и высота полета, большие возможности для перемещения боевого оружия: авиационных пушек, пулеметов и авиабомб. В то же время в экономическом исследовании использование мощности моторов позволяет относительно легко сопоставлять выпуск продукции в разных странах.

В моем распоряжении отсутствуют данные о выпуске в СССР отдельных видов самолетов по отдельным годам Великой Отечественной войны. Поэтому я прибег к следующему приему. Я исчислил общую мощность моторов на

Таблица 1

**Средняя мощность моторов в советской авиационной промышленности
в годы Великой Отечественной войны**

Тип самолетов	Мощность, л. с.	Количество самолетов	Общая мощность выпущенных моторов самолетов, млн л. с.
Яки	1130	37000	41,86
Лавочкины	1375	22000	30,25
Петляковы	2100	11000	23,1

Ильюшины	1600	40000	64,0
Туполевы	3700	800	2,96
МиГи	1200	3500	4,2
Итого	(1500)	120000	180,6

Примечание. Средняя мощность моторов военных самолетов периода войны – 1500 л. с.; по Якам – средняя из ЯК-9 и ЯК-1; по Лавочкиным – средняя из ЛАГГ-3 и ЛА-5; Петляковы – ПЕ-2 выпуска 1943 г.; Ильюшины – ИЛ-2; Туполевы – ТУ-2; МиГи – МиГ-3.

Источники. Мощности моторов: История второй мировой войны. – М., 1974. – Т. 3. – С. 424; – М., 1976. – Т. 6. – С. 354–356; количество произведенных самолетов в годы войны: *Шахурин А.И.* Крылья Победы. – М., 1990. – С. 288.

Т а б л и ц а 2

Расчет мощности моторов самолетов, произведенных авиационной промышленностью США в 1943 г.

Тип самолетов	Мощность, л. с.	Количество самолетов	Общая мощность моторов, млн л. с.
Тяжелые бомбардировщики дальнего действия	9000	92	0,86
Тяжелые бомбардировщики	4800	9393	45,08
Морские патрульные бомбардировщики	(3200)	2340	7,49
Средние и легкие бомбардировщики	3300	17530	57,85
Истребители	1250	23988	29,985
Морские разведчики	(1250)	734	0,92
Всего боевых самолетов			142,17
Тяжелые транспортные	4800	536	2,649
Средние и легкие транспортные	3300	6477	21,37
Тренировочные	(2250)	19929	44,84
Самолеты связи	(1000)	4377	4,37
Самолеты специального назначения	(1000)	493	4,93
Итого			220,32

Примечание. К тяжелым бомбардировщикам дальнего действия отнесены Б-29 с мощностью моторов около 9 тыс. л. с.; к тяжелым бомбардировщикам – Б-17 и Б-24л с мощностью моторов 4800 л. с.; к легким и средним бомбардировщикам – Б-25

и А-20б со средней мощностью моторов 3300 л. с.; средняя мощность моторов истребителей определена как среднеарифметическая истребителей П-40, Ф-4, П-39, П-51б; по транспортным самолетам мощность установлена в соответствии с мощностью моторов бомбардировщиков соответствующего класса; по остальным типам самолетов мощности моторов определены мною экспертно (указано в скобках) ввиду отсутствия данных в известной мне литературе.

Источники. Мощности моторов – источники те же, что и в табл. 1, количество самолетов по расчетам, данным в статье: *Чепраков В.* *Авиационная промышленность // Военное хозяйство капиталистических стран и переход к мирной экономике / Под ред. И.А. Трахтенберга.* – М.: Госпланиздат, 1947.

всех боевых самолетов, выпущенных в годы войны, а затем, разделив их на общий выпуск боевых самолетов за это время, получил среднюю мощность моторов одного самолета в период войны. Полученную величину я перемножил на выпуск боевых самолетов в 1943 году. Исчисленная величина несколько занижает реальную, так как в ходе войны боевые самолеты модернизировались и новые модификации были, как правило, мощнее. Кроме того, рос удельный вес самолетов с более высокой мощностью моторов, например, в конце войны – бомбардировщиков ПЕ-8. Но другого выхода у меня не было, и сделанные выводы надо качественно скорректировать на принятые допущения. Исходные данные и результаты расчета представлены в табл. 1.

Выпуск самолетов в СССР в 1943 году составил 35 000 шт. и это были почти исключительно боевые самолеты. Таким образом, общая мощность моторов выпущенных в этом году самолетов составила 52,5 млн л. с. (1500 л. с. × 35 000).

Т а б л и ц а 3

Расчет мощности моторов самолетов, произведенных авиационной промышленностью Великобритании в 1943 г.

Тип самолетов	Мощность моторов, л. с.	Количество самолетов	Общая мощность моторов, млн л. с.
Тяжелые бомбардировщики	5200	4614	23,992
Средние и легкие бомбардировщики	2740	3113	8,529
Истребители	1600	10827	17,163
Морские истребители	(1600)	1720	2,752
Учебные	(2170)	4825	10,470
Транспортные и специальные	2740	1264	3,463
Итого			66,339

Примечание. Данные о мощности моторов – см. примеч. к табл. 1–2. К тяжелым бомбардировщикам отнесены Галифакс-5 и Ланкастер-3, к легким и средним бомбардировщикам – Веллингтон-4, к истребителям – Спитфайер-9; мощность морских истребителей приравнена к мощности истребителей, мощность моторов учебных самолетов – к среднему показателю от моторов истребителей и легких и средних бомбардировщиков, мощность моторов транспортных и специальных самолетов – к мощности моторов средних и легких бомбардировщиков.

Источники. Мощности моторов – источники те же, что и в табл. 1; количество самолетов – по расчетам, данным в статье В. Чепракова, с. 421 (см. табл. 2).

Т а б л и ц а 4

Расчет мощности моторов самолетов, произведенных авиационной промышленностью Германии в 1943 г.

Тип самолетов	Мощность моторов, л. с.	Количество самолетов	Общая мощность моторов, млн л. с.
Бомбардировщики	2700	4649	12,552
Истребители	1456	10898	15,867
Штурмовики	1200	3266	3,919
Разведывательные	(600)	1117	0,670
Учебные	(2050)	2274	4,66
Транспортные	(2700)	1028	2,775
Итого			40,473

Примечание. Мощность моторов бомбардировщиков рассчитана как средняя мощности моторов Ю-88 и Хе-111, истребителей – как средняя по Ме-109г и ФВ-190а, штурмовиков – по Ю-87. Мощность моторов разведывательных самолетов определена мною экспертно, учебных самолетов – как средняя мощность моторов истребителей и бомбардировщиков, транспортных самолетов – по мощности бомбардировщиков.

Источники. Мощности моторов – источники те же, что и в табл. 1, количество самолетов – по расчетам, данным в статье В. Чепракова, с. 422 (см. табл. 2).

Особую сложность представляло определение численности занятых в авиационной промышленности. Более или менее ясна картина по двум странам: США и СССР.

В ноябре 1944 года на предприятиях основных поставщиков в США было занято 1,382 млн человек, на предприятиях субпоставщиков – 0,719 млн, всего – 2,095 млн человек (Чепраков В. Указ. соч. – С. 419). Правда, приведенные данные относятся к концу 1944 года, но, по данным различных источников,

общая численность занятых в промышленности США в 1944 году почти не изменилась по сравнению с 1943 годом. Заметный рост производства самолетов в 1944 году по сравнению с 1943 годом в США, следовательно, происходил в основном за счет повышения производительности труда. Осторожности ради, я уменьшу численность занятых в производстве самолетов в 1943 году до 2 млн человек.

На производственных предприятиях Министерства авиационной промышленности СССР в 1943 году было занято 670,6 тыс. человек (*Симонов Н.* Военно-промышленный комплекс СССР. 30–50-е годы. – М., 1996. – С. 157). И уже сразу при анализе численности занятых в авиационной промышленности СССР и США возникает проблема сопоставимости таких данных. В Министерстве авиационной промышленности СССР находилась большая часть предприятий, обеспечивающих выпуск самолетов (в том числе субпоставщиков – по терминологии американцев), за исключением производства рядового и качественного проката и поставок пулеметно-пушечного вооружения боевых самолетов. Возможно, что эти отрасли включаются в объем производства и численность занятых субпоставщиков в США. Поэтому вновь, осторожности ради, уменьшу численность занятых в авиационной промышленности США до 1,7 млн человек. Следует, кроме того, иметь в виду, что в отличие от СССР авиационная промышленность США производила и некоторое количество гражданской продукции, доля которой нам неизвестна. Приведенная величина (1,7 млн человек) минимальна, поскольку, по имеющимся данным, всего в оборонной промышленности США в июле 1943 года было занято 9,6 млн человек, а численность работавших в авиационной промышленности в воевавших странах составляла не менее 30–40 % занятых в военной промышленности.

Для Великобритании имеются данные по численности работавших на предприятиях министерства авиационной промышленности. Здесь было занято в июле 1944 года 1731 тыс. человек, или 43 % занятых в военной промышленности Великобритании в этот период (Военное хозяйство капиталистических стран... Указ. соч. – С. 86). В марте 1943 года в военной промышленности Великобритании насчитывалось 3436 тыс. работавших (История второй... Указ. соч. – Т. 6. – С. 382). Используя то же самое соотношение, получаем численность занятых в авиационной промышленности Великобритании – 1477 тыс. человек. К сожалению, неизвестно, какую часть составляли работавшие в смежных отраслях. Из осторожности и ради сопоставимости уменьшаю эту величину до 1200 тыс. человек.

Весьма сложные проблемы встают при определении числа занятых в авиационной промышленности Германии. В наиболее авторитетном издании по истории германской экономики в период войны приводятся данные о численности занятых в авиационной промышленности в 1943 году – 760 тыс. че-

людек, что хорошо согласуется с числом занятых в машиностроении в этом году – 3,6 млн человек (Промышленность Германии во время войны. – М., 1956. – С. 224, 234). Однако в этом же источнике говорится о том, что в авиационной промышленности Германии было занято, включая «все производственные ступени», около 2 млн человек (там же. – С. 104). Еще в 1941 году фактический руководитель авиационной промышленности Германии генерал-фельдмаршал Мильхе на ответственном совещании утверждал, что в авиационной промышленности Германии занято 1,3 млн человек. (Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. – М., 1967. – Т. 2. – С. 270, 273). Поэтому цифру в 760 тыс. человек можно считать заведомо минимальной. Советская военная разведка рассматривала для 1941 года число работавших в авиационной промышленности – 750 тыс. человек (1941 год. – М., 1998. – Кн. 1. – С. 751).

В очень серьезной работе крупного советского экономиста С. Вишнева о промышленности периода второй мировой войны приводятся следующие данные о занятости в авиационной промышленности в 1944 году: США – 2 млн человек, более 1,2 млн – в Великобритании и около 1 млн – в Германии (Вишнева С. Промышленность капиталистических стран во второй мировой войне. – М., 1947. – С. 142). Как видим, эти цифры с учетом разницы в датах близки к приводимым мною.

Представим теперь все исчисленные ранее данные в общей таблице, характеризующей уровень производительности труда в авиационной промышленности отдельных стран в 1943 году (табл. 5).

Т а б л и ц а 5

Уровень производительности труда в авиационной промышленности крупнейших стран мира в 1943 г.

Страны	Мощность моторов, млн л. с.	Численность занятых, млн чел.	Производительность труда, л. с.
1	2	3	4 (2:3)
США	220,3	1,7	129,6
Великобритания	66,3	1,2	55,2
СССР	52,5	0,67	78,3
Германия	40,5	0,52	77,8

Полученные данные подтверждают выводы, сделанные выше на основе исчисления производительности труда во всей военной промышленности крупнейших стран мира, но теперь уже по более точному исчислению, приме-

нительно к относительно однородной отрасли. СССР заметно отстает по производительности труда от США, но опережает такие передовые страны мира, как Великобритания и Германия. Значение этого факта возрастает еще больше, если вспомнить, что я, из осторожности, преуменьшил численность занятых в авиационной промышленности Великобритании и Германии и, возможно, даже США. Таким образом, в отрасли, являвшейся в то время носителем технического прогресса и высших методов организации производства, СССР в период войны по производительности труда опережал самые развитые капиталистические страны (кроме США) того периода.

Обоснованность полученных результатов сравнения производительности труда в СССР и США по авиационной промышленности подтверждается и данными о трудоемкости производства самолетов в расчете на 1 л. с. (см. параграф 1.3).

Разрыв между производительностью труда в СССР и в капиталистических странах уменьшится, если сделать поправку на разницу в качестве продукции. К сожалению, оценить ее величину не представляется возможным. Но и в этом случае превышение производительности труда в СССР по сравнению с Германией и Великобританией останется, что уже само по себе является крупнейшим достижением. Что касается Германии, то следует иметь в виду, что в 1944 году произошло очень сильное увеличение производства в авиационной промышленности Германии, в значительной степени за счет роста производительности труда. Так что 1943 год для Германии скорее всего нельзя считать показательным. Но и в СССР в 1944 году произошло повышение производительности труда, хотя, если судить по изменению трудоемкости выпуска самолетов, и небольшое. При оценке уровня производительности труда в СССР следовало бы учесть несравненно худшие условия жизни советских рабочих и служащих, полуголодное существование даже тех, кто трудился в оборонных отраслях, отвратительные жилищные условия и т.д.

По иронии судьбы руководство как раз авиационной промышленности, отличившейся исключительно высокими экономическими и техническими показателями в период войны, уже в 1946 году было репрессировано (арест министра А.И. Шахурина).

Глава 2

ПЕРВЫЙ ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД: ЭКЗАМЕН НА ЗРЕЛОСТЬ СДАЕТСЯ ВСЕ ЕЩЕ С ТРУДОМ

2.1. БЫСТРОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ

Быстрое послевоенное восстановление народного хозяйства СССР было очень крупным хозяйственным успехом. Следует иметь в виду, что предстояло восстановить, по моим подсчетам, примерно 30 % национального богатства страны, разрушенного немцами и советскими властями при отступлении. В СССР в результате военных действий, голода и бегства части населения на Запад было потеряно более 30 млн человек, притом в значительной части – мужского населения самых продуктивных возрастов. Кроме того, учитывая напряженные отношения с Западом, требовалось сохранить большие военные расходы и содержать вооруженные силы численностью более 3 млн человек, опять-таки мужского населения самых продуктивных возрастов. С другой стороны, большую роль в развитии советской экономики сыграли репарации, полученные от побежденных стран, особенно от Германии. До конца 40-х годов использовался труд около 2 млн военнопленных, что играло существенную роль в трудовом балансе нашей страны с учетом огромных потерь этих ресурсов в годы войны.

Баланс этих потерь и приобретений еще предстоит подвести, но очевидно, что задача восстановления экономики в СССР была не менее трудна, чем в Японии и Германии, и намного более сложна, чем в странах Западной Европы, не понесших таких огромных материаль-

ных и людских потерь и получавших большую помощь по плану Маршалла. Несмотря на эти колоссальные сложности послевоенного периода СССР восстановил довоенный уровень экономики примерно в то же время, что и Западная Германия, и раньше, чем Япония.

2.2. НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС НА ПОДЪЕМЕ С ПОМОЩЬЮ ИНОСТРАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ И ТЕХНИКИ

В четвертую пятилетку не только был восстановлен довоенный уровень производства, но и была значительно улучшена структура экономики, происходило довольно быстрое техническое обновление в промышленности и других отраслях народного хозяйства, во многом, правда, благодаря использованию технических достижений, полученных по репарациям, ленд-лизу, и не без помощи промышленного шпионажа в США в период войны.

Наиболее важным для быстрого технического прогресса в четвертой пятилетке явилось производство металлорежущего оборудования – технической основы во всем машиностроении. До войны, добившись больших успехов в количестве выпускаемых станков, СССР практически не производил самого современного и сложного металлорежущего оборудования и вынужден был его импортировать. В четвертой пятилетке был совершен подлинный прорыв в этой области. По сравнению с довоенным уровнем общее производство станков выросло по количеству на 60 %, а по суммарному весу станков и суммарной их мощности – на 136 %, что уже говорит об огромном прогрессе. Выпуск самых сложных прецизионных станков увеличился с 17 шт. в 1940 году до 2744 – в 1950, крупных тяжелых и уникальных – с 42 до 1537 шт., агрегатных станков – с 25 до 400, а их общий вес – с 212 до 3900 т [1]. Наконец впервые в массовом масштабе начали выпускаться автоматические линии и был пущен в эксплуатацию первый завод-автомат по производству автомобильных поршней. Одним словом, в важнейшей отрасли станкостроения произошла подлинная техническая революция, в результате которой отрасль вышла на технический уровень самых передовых капиталистических стран всего лишь за пять лет после тяжелейшей войны. Не вполне ясно, какую роль в этом экономическом чуде сыграли поставки по ленд-лизу, репарациям и вывозу из Герма-

нии технической документации. Видимо, немалую. Но ведь и внедрение чужого научно-технического опыта достаточно сложно и требует большой технической культуры. Что касается автоматических линий, то здесь СССР как будто шел просто вровень с США.

О том, что экономика восстанавливалась частично на более высокой технической базе, говорит заметный рост энерговооруженности в большинстве отраслей промышленности (например, в машиностроении – на 25 %, лесной и деревообрабатывающей промышленности на 39, легкой – на 24, топливной – на 42 % и т. д. [2]). Серьезно обновилась также и номенклатура производимой продукции в сторону более технически совершенной. Хотя у нас, к сожалению, отсутствуют специальные исследования по этому вопросу, можно полагать, что разрыв в техническом уровне советской промышленности и западной в этот период заметно сократился. Впечатляющие технические достижения были достигнуты в электроэнергетике, черной и цветной металлургии, гражданском машиностроении (и, конечно, в выпуске военной продукции), в химической промышленности. Сложнее обстоит дело с оценкой оригинальности новых технических решений. По-видимому, большая их часть была все же позаимствована тем или иным способом в западной промышленности. В этом, конечно, нет ничего позорного, это можно даже считать как известное достижение. Вспомним, что японская промышленность многие годы развивалась на заимствованной технике и технологии, за которую она, правда, платила, а советская промышленность использовала западные технические разработки обычно в этот период бесплатно. Оригинальными техническими решениями в эти годы (если верить очень серьезной книге С. Лилли о техническом прогрессе [3]) было внедрение автоматических линий в машиностроении (как уже упоминалось, в СССР был построен первый в мире завод-автомат), угольной техники и мощных землеройных машин. В других гражданских отраслях уровень выпускавшейся новой техники, видимо, соответствовал ее уровню в западных странах в довоенный период. Помимо молодости и недостаточной квалификации большей части научных и конструкторских кадров в СССР, на такой слабой оригинальности советского гражданского научно-технического прогресса сказались, конечно, сосредоточенность наиболее талантливых научных и технических работников в оборонных отраслях промышленности, где ими, тоже не без иностранной помощи, были осу-

ществлены очень серьезные проекты в исключительно сложных областях атомной, ракетной техники, реактивной авиации, радиолокации. Вместе с тем следует иметь в виду, что и в области оборонных исследований (но особенно в области гражданских научных исследований) в этот период велика была роль заимствованных материалов из области научно-технического прогресса, хотя точные цифры о соотношении самостоятельных и заимствованных разработок, к сожалению, отсутствуют.

Появившиеся в последнее время публикации о закрытых записках руководителей советской науки в отношении научных и технических разработок в начале шестой пятилетки (1955–1960 годы) подтверждают сделанный выше вывод, относящийся и к более раннему периоду. Так, в составленной А.Н. Несмеяновым, В.А. Малышевым и министром высшего образования СССР В.Е. Елютиным и направленной в ЦК КПСС записке о состоянии науки в шестой пятилетке признавалось, что в предшествующий период главные усилия советских ученых были направлены на «освоение нашей промышленностью зарубежных научных достижений» [4].

В то же время в этой записке отмечалось, что некоторые достижения советских ученых быстрее находили применение за рубежом, чем в СССР [5]. Руководители советской науки предлагали в следующей пятилетке сделать упор на развитие и расширение самостоятельной научной базы. Следует признать, что именно в шестой пятилетке были приложены огромные усилия для создания такой базы. Об этом можно судить по увеличению ассигнований на науку и по возросшему числу научных работников в СССР. Так, за 1950–1955 годы в научных институтах, где был сосредоточен основной научный потенциал страны, численность научных кадров увеличилась с 70,5 тыс. человек до 96,5 тыс. [6], а за 1955–1960 годы достигла 200,1 тыс. Среднегодовой прирост, следовательно, увеличился примерно с 5 тыс. до 20 тыс. человек, или только за одну пятилетку вырос более чем за весь предшествующий советский период.

Принципиально новые научные достижения или быстрое использование уже имевшихся научно-технических достижений в других странах оказалось бы невозможным без наличия достаточно квалифицированной базы научных и технических кадров. После войны были предприняты огромные усилия для приумножения достижений в этой

области довоенного периода. Речь здесь идет и об огромных вложениях в развитие науки и высшего образования, и о создании принципиально новых вузов типа Физтеха, и о значительном повышении материальной и моральной престижности научного труда. В связи с последним фактором необходимо напомнить об очень значительном повышении заработной платы высококвалифицированным научным работникам сразу после войны и о той обстановке огромного уважения к труду научных работников и выдающихся создателей новой техники, которая укрепилась в этот период. Достаточно высокие критерии в первый послевоенный период применялись при выборах в Академию наук СССР, что задавало тон и в общей оценке квалифицированного научного труда. В 1943 и 1946 годах в академики и члены-корреспонденты Академии наук СССР были избраны действительно выдающиеся ученые в области математики, физики, химии.

При этом, что очень важно, в сущности игнорировались их политические убеждения. Достаточно указать на избрание в академики, минуя члена-корреспондента, Льва Ландау в возрасте 38 лет, безусловно, настроенного, если не антисоветски, то антисталински (о чем говорит составленная им в 1938 году листовка). Даже в области общественных наук зачастую политические взгляды не принимались во внимание при выборах в Академию наук СССР. Тогда было избрано немало историков, сформировавшихся в царский период и относившихся к советской власти весьма скептически. Некоторым из них довелось по нескольку лет сидеть в тюрьмах за антисоветскую деятельность (или, точнее сказать, взгляды).

Для иллюстрации небывалой ни ранее, ни позднее, уже в 60–90-е годы, атмосферы при выборах академиков в 1946 году приведу выступление президента Академии наук СССР С.И. Вавилова, отстаивавшего кандидатуру Л.Д. Ландау. Он сказал: «Я не знаю, как остальным физикам-академикам, но лично мне стыдно, что я – академик, а Ландау – нет» [7].

В результате Л.Д. Ландау был избран единогласно, что не часто случалось в стенах Академии наук [8].

Правда, большая часть прироста ассигнований на науку пошла на научные исследования военной направленности, которые к концу периода составили более 80 % всех затрат на науку. Но часть ассигнований пришлась и на мирные направления исследований. Этот огромный прирост затрат на науку принес значительные плоды.

2.3. СОЗДАЮТСЯ НОВЫЕ ОТРАСЛИ

Среди практически совершенно новых отраслей советской промышленности, возникших в годы четвертой пятилетки, необходимо назвать радиоэлектронику. Только в 90-е годы в российской печати появились данные о ее развитии в СССР, которые позволяют воссоздать хотя бы в общих чертах ее историю, в то же время и сейчас некоторые очень важные стороны ее создания и развития остаются либо не раскрытыми, либо плохо освещенными. Я имею в виду экономику отрасли, данные о которой (особенно о производительности труда в ней, о себестоимости продукции) пока отсутствуют в сводном виде. При описании этой ключевой для современного научно-технического прогресса отрасли я воспользуюсь тремя источниками: вышедшей еще в 1980 году на Западе книгой известного ученого в области электроники, сбежавшего туда, Анатолия Федосеева [9]; объемистой и весьма содержательной книгой сына первого министра электронной промышленности А.А. Шокина (книга вышла в 1999 году и соединила в себе черты мемуарного произведения и историко-технического); книгой Николая Симонова о военно-промышленном комплексе СССР, вышедшей в 1996 году.

В то время, как научная и образовательная база радиотехники и электроники в СССР до войны была развита относительно неплохо, хотя и серьезно отставала от западной, промышленная база отрасли находилась в зачаточном состоянии. Об этом говорят и низкий объем производства радиоприемников, и крайне недостаточное количество радиопередатчиков в вооруженных силах, и минимальный объем и низкое качество радиолокационных установок. Недостатки в оснащении вооруженных сил радиотехнической продукцией в годы войны устранялись главным образом благодаря ленд-лизу.

Для преодоления или, лучше сказать, уменьшения отставания советской радиоэлектроники в годы четвертой пятилетки использовались главным образом два метода: научный шпионаж (в основном в США) и огромный вывоз оборудования радиоэлектронной промышленности из Германии [10].

Кроме того, перед самой войной видные деятели науки и промышленности в этой области побывали в США и изучили там технику и организацию производства, среди них были и А. Федосеев, и А. Шокин.

Не будет преувеличением сказать, что радиоэлектронная промышленность как самостоятельная и довольно развитая отрасль возникла в СССР именно в четвертой пятилетке. Были созданы десятки научно-исследовательских институтов в составе ряда министерств и построены десятки промышленных предприятий. Понятно, что использование ленд-лиза, научного шпионажа и репараций сильно облегчило развитие отрасли, но при этом требовалось приложить немало усилий: построить здания и сооружения для институтов и заводов, установить оборудование, наладить технологию и организацию производства. Для этого нужны были немалые средства и высокая квалификация рабочих, инженерно-технических работников, научных работников, руководителей отрасли.

О стремительном развитии радиоэлектроники в четвертой пятилетке говорят прежде всего сводные показатели. Если до войны в радиотехнической промышленности, в основном ядре отрасли, было всего лишь 13 заводов со смешной численностью занятых в 21,6 тыс. человек [11], то уже в 1950 году во всей отрасли было 98 заводов, на которых работало 250 тыс. человек [12]. Для сравнения: в США в 1947 году в этой отрасли было занято 500 тыс. работающих. То есть по численности это отрасли уже одного порядка в обеих странах, но, конечно, не по объему производства, и не по качеству, и не по себестоимости продукции.

Наиболее крупные наши достижения этой отрасли были в военной радиоэлектронике. Среди них надо назвать массовое производство радиолокаторов и систем управления ракетными комплексами ПВО, прежде всего ПВО Москвы. Об этой системе А. Шокин пишет следующее: «Создание за 4,5 года такой системы, какой явилась московская зенитно-ракетная система ПВО, – задача фантастическая для любого государства... Все эти работы были бы совершенно невозможны, если бы к этому времени в результате радиолокационной пятилетки (1946–1949 годы. – Г.Х.) в СССР не было развернуто производство современных электронных приборов, в особенности СВЧ-техники» [13]. К достижениям этой отрасли следует отнести и разработку первых электронно-вычислительных машин, с отставанием на несколько лет от США и Великобритании, но впереди остальной Европы и Японии.

Гораздо скромнее были достижения радиоэлектроники в области удовлетворения нужд населения. Но и здесь следует отметить массо-

вое производство радиоприемников, начало производства телевизоров и создание первых телевизионных центров, требующих сложного радиоэлектронного оборудования.

Однако при всех достижениях эта отрасль к началу пятой пятилетки еще очень сильно отставала от США. Как совершенно справедливо отмечают А. Шокин и ряд других исследователей, у СССР просто не хватало средств для развития этой отрасли одновременно с развитием атомной промышленности и других отраслей вооружения.

Благодаря техническому прогрессу и улучшению организации производства производительность труда в ряде отраслей народного хозяйства превзошла довоенный уровень. Так, в промышленности, по моим примерным подсчетам, она в 1950 году заметно превзошла довоенный уровень в электроэнергетике (на 42 %), черной металлургии (более 20 %), машиностроении, химической и резино-асбестовой промышленности. В то же время существенно не выросла производительность труда в лесной и деревообрабатывающей промышленности, в угольной, легкой и пищевой промышленности; не увеличилась – в сельском хозяйстве; примерно на 10 % выросла – на железнодорожном транспорте. Незначительно выросла производительность труда по сравнению с довоенным уровнем в строительстве. С учетом огромных потерь в квалифицированной рабочей силе за годы войны, большого притока малоквалифицированной рабочей силы из деревни и женщин (их доля в общей численности занятых заметно выросла) полученный относительно скромный рост производительности труда является на самом деле немалым достижением. Он не уступает росту производительности труда в промышленности США за тот же период, хотя последние развивались в намного более благоприятных условиях [14]. В Японии же производительность труда в промышленности в 1950 году отставала от довоенного уровня на 34 % [15].

При оценке роста производительности труда в гражданской промышленности и других отраслях мирной экономики следует иметь в виду, что при относительно слабой экономической базе в этот период советское государство решало сложнейшие задачи по организации производства ядерного оружия, ракетной и реактивной техники, радиолокации, систем противовоздушной обороны, и именно на этих направлениях были сосредоточены лучшие научно-технические и организационные силы страны.

Крупнейшим организационным и научно-техническим достижением первых послевоенных лет явилась программа создания ядерного оружия в СССР. Она требовала огромных финансовых вложений, организации производства множества новых для СССР видов оборудования, приборов и материалов высокого технического уровня (именно на неспособность СССР наладить их производство рассчитывали США), координации деятельности многих производственных и научных организаций. То, что эта задача была успешно решена в разоренной войной стране в исторически кратчайшие сроки (хотя и с широким использованием иностранного опыта, полученного благодаря разведке и немецким специалистам), говорит о высоком организационном и квалификационном уровне советского руководящего, научно-технического и инженерно-технического, а также рабочего персонала в этот период. Советские люди оказались способными решать такие сложнейшие задачи, сопоставимые с задачами, решавшимися в США, которые намного превосходили СССР по уровню экономического развития.

В связи с рекордно быстрым созданием в СССР ядерного и ракетного оружия хочу обратить внимание еще на несколько обстоятельств. Во-первых, при создании этих отраслей был найден уникальный и крайне эффективный способ сочетания в одной организационной структуре фундаментальной, прикладной науки, опытно-конструкторских, проектных и строительных организаций, промышленных звеньев. До того и после того при создании новой техники все эти стадии выполнялись различными ведомствами, преследующими свои собственные интересы, что резко замедляло сроки и ухудшало качество внедрения новой техники. Наиболее проницательные советские ученые впоследствии предлагали воспользоваться этим великолепно оправдавшим себя опытом и при создании гражданской новой техники [16]. Однако бездарное советское руководство в 60–80-е годы игнорировало эти предложения.

Во-вторых, указанные проекты осуществлялись хозяйственными руководителями, хорошо показавшими себя в период войны (Л. Берия, Б. Ванников, Д. Устинов и др.).

В-третьих, в реализации этих проектов огромная роль принадлежала ученым, которым были созданы прекрасные материальные условия для работы и творчества.

2.4. ВОЕННЫЙ ОПЫТ ИСПОЛЬЗУЕТСЯ ПЛОХО

В то же время, как мне представляется, в послевоенные годы не были в достаточной мере использованы крупные организационные достижения предвоенного и военного периодов, такие как система скоростного проектирования, разработанная В. Грабиным, поточное производство многих видов продукции. Высшее советское хозяйственное руководство энергично и умело занималось наращиванием объемов производства, капитальных вложений в технический прогресс. Но распространение передовых приемов производства и управления, для которого командная экономика предоставляла большие возможности, не являлось приоритетным направлением хозяйственной политики. Нельзя сказать, что этому не уделялось внимания. Социалистическое соревнование было широко развито и сыграло определенную роль в повышении эффективности производства в четвертую пятилетку. Но распространение передовых приемов труда и управления не было органически включено в процесс планирования и управления, не являлось, как правило, обосновывающей частью составления народнохозяйственных планов. Хотя я и не могу согласиться в полной мере с утверждением В. Молотова, что И. Сталин не был хорошим экономистом, но, очевидно, ряд практических вопросов экономики, в частности, методологию планирования, он знал и понимал недостаточно. Да и было бы странно требовать от государственного руководителя одинаково глубокого понимания всех проблем страны.

Однако он не давал развернуться в достаточной степени талантливым экономистам, которых было тогда немало и среди старых специалистов, и среди молодых хозяйственников, сформировавшихся уже в советское время.

С другой стороны, для распространения передового опыта организации производства и управления им нужно было учитывать специфику в отдельных отраслях и даже на отдельных предприятиях, что возлагало, возможно, непосильное бремя на деятельность руководящих органов. Но хотя бы некоторые, наиболее эффективные, мероприятия в этой области можно было централизованно распространять по всей стране.

2.5. УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКОЙ РАЦИОНАЛИЗИРУЕТСЯ

К числу серьезных мероприятий по совершенствованию управления советской экономикой в послевоенный период следует отнести следующие: создание в 1947 году Госкомитета по новой технике, который под руководством В.А. Малышева сыграл важную роль в ускорении технического прогресса в экономике [17], создание в том же году Госкомитета по материально-техническому снабжению, который централизовал снабженческие процессы и намного улучшил их организацию; реорганизацию Госплана СССР в начале четвертой пятилетки, направленную на улучшение планирования и управления крупными экономическими сегментами в экономике. Заметно улучшилось в первые годы пятилетки качество составления планов. Большие усилия предпринимались по усовершенствованию нормирования расхода материалов, сбалансированности и обоснованности планов. Улучшилась практика определения производственных мощностей предприятий, более полно стали учитываться резервы производства, достижения передовых коллективов. Для более строгого контроля за использованием продукции увеличилось число материальных балансов, которые теперь составлялись по всей номенклатуре фондируемой продукции, достигшей в 1950 году 1500 наименований. Расширилось утверждение норм по использованию материалов, что позволяло контролировать снижение материальных издержек в экономике – традиционно слабом месте советской экономики. Если при разработке государственного плана снабжения на 1946 год Госснаб СССР рассмотрел 1814 норм, то при разработке плана снабжения на 1950 год их было уже 4500, а при разработке плана на 1951 год – более 6000. В результате составления норм расхода материалов и контроля за их исполнением удалось улучшить использование материалов. Так, фактические нормы расхода металлов были снижены в 1949 году на 6,8 %, в 1950 – на 7,1; нормы расхода топлива были снижены в 1949 году на 4,95 %, в 1950 году – на 4 [18]. Такое сокращение весьма значительно, и в нем, конечно, отразился низкий исходный уровень. Вместе с тем, как отмечал крупный специалист в этой области Э. Локшин, нормирование металла охватывало лишь 60 % всего его расхода, а следовало охватить, по его мнению, 75–80 %. Кроме того, многие нормы устанавливали достаточно

высокий уровень расхода материалов, например, коэффициент использования металла в размере 0,45–0,60 [19].

Очевидно, что качественное и значительное (на порядок) расширение нормирования всех видов ресурсов и контроля за его исполнением увеличивало, опять-таки на порядок, нагрузку на планирующие и вообще государственные органы. Оно требовало также и намного большей интеллектуализации планирования, так как указанная деятельность с точки зрения методологии намного сложнее, чем та практика планирования, которая преобладала в 30-е годы. Результаты, достигнутые в четвертой пятилетке, как будто указывали на решение задачи, но нужно, повторяю, принимать во внимание низкий исходный уровень эффективности производства. Как видно из уже приведенных примеров по разработке норм расхода металла, эта эффективность все еще была низкой, хотя и повышалась.

При всем том, однако, общие результаты экономического развития и в отношении повышения эффективности производства были немалыми при естественных ограничениях, связанных с плохим состоянием оборудования, низкой квалификацией рабочей силы и ИТР и другими объективными трудностями этого периода. К концу четвертой пятилетки очень быстро росла производительность труда, снижалась себестоимость продукции (на огромную величину в 6–7 % ежегодно), улучшалось использование оборудования. Благодаря повышению эффективности производства удавалось обеспечить ежегодное значительное снижение розничных и оптовых цен, успешное выполнение бюджета страны и финансовых планов министерств. Можно, таким образом, утверждать, что в последние годы четвертой пятилетки советская экономика твердо встала на путь интенсивного развития.

2.6. ЭКОНОМИКА В СССР ВОССТАНАВЛИВАЕТСЯ БЫСТРЕЕ, ЧЕМ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Для объективной оценки результатов экономического развития СССР в четвертой пятилетке целесообразно сравнить их с развитием двух крупных капиталистических стран, понесших сравнимые людские и материальные потери и тоже достаточно быстро восстановивших свой довоенный уровень, – с Японией и Западной Германией.

Возрождение экономики этих стран, лежавших буквально в руинах в конце войны, справедливо расценивается историками экономики как крупнейшее экономическое достижение, экономическое чудо. Объективные условия экономического развития, как мне представляется, у этих стран были примерно одинаковы. По одним показателям СССР имел более благоприятные условия – возможность использования огромных репараций и труда военнопленных. По другим – в более благоприятном положении находились эти страны: им совсем не пришлось в этот период нести военные расходы, только оккупационные расходы на содержание оккупационных войск, бывшие, однако, намного меньше, чем военные расходы СССР. Плюсы и минусы здесь примерно равноценны. Правда, ни Японии, ни Западной Германии не довелось, к счастью, использовать для восстановления своей экономики в значительных размерах труд заключенных, и лишь в этом, отнюдь не маловажном, отношении советская экономика явно уступала экономике этих двух стран. Тем не менее, принимая во внимание сказанное, можно уверенно утверждать, что восстановление довоенного уровня экономического развития СССР было примерно таким же экономическим чудом, как и восстановление экономики Японии и Западной Германии. Уместно напомнить в этой связи, что довоенный уровень валового национального продукта был в этих странах восстановлен позднее, чем в СССР (в Германии – на два года, Японии – на пять лет). Но эти страны сумели при исключительных экономических трудностях все же сохранить демократические институты, правда (что немаловажно), под прикрытием американских штыков, которые защищали население не только от внешней угрозы, но и от левых движений, достаточно сильных и в Западной Германии, и особенно в Японии сразу после второй мировой войны. Но американские оккупационные войска лишь облегчили переходный период. Присутствие американских оккупационных войск в других странах ничего не решило: например, режим Ли Сын Мана в Южной Корее так и остался крайне неэффективным, жестоким и коррумпированным и рассыпался, в сущности, в первые же дни корейской войны. Другим серьезным отличием результатов советского экономического развития от японского и западно-германского в этот период явилось разное положение на потребительском рынке, в частности, с качеством потребительских товаров. В СССР при суммарном равновесии денежной и товарной массы

по большинству товарных групп существовал дефицит, особенно в провинции, при товарном избытке в Москве по некоторым товарным группам. Ввиду слабой заинтересованности в повышении качества продукции и расширении ассортимента и качество потребительских товаров было низким, и количество их – ограниченным. Крайне неразвитой оставалась сфера ряда услуг (торговых, развлекательных, туристических и т. д.).

Достижения в сельском хозяйстве были скромнее, чем в промышленности и других, несельскохозяйственных, отраслях экономики, так как традиционно сельское хозяйство в СССР не относилось к приоритетным отраслям экономики ввиду того, что не обеспечивало первоочередных задач, стоящих тогда перед советской системой. Начало четвертой пятилетки в сельском хозяйстве оказалось неудачным. Из-за крайне неблагоприятных климатических условий в ряде основных зерновых районов производство зерновых катастрофически снизилось. К этим объективным трудностям добавилось преступное (в отличие от аналогичной ситуации в 1936 году), иначе не могу его определить, поведение властей, не удосужившихся использовать для снабжения населения имевшиеся немалые государственные резервы зерна и даже экспортировавших немалое его количество. В результате разразился голод, унесший более миллиона жизней. В последующем положение в сельском хозяйстве СССР значительно улучшилось. Достижения и в этой области были весьма внушительны. К концу четвертой пятилетки был достигнут довоенный уровень продукции сельского хозяйства. Учитывая огромный урон, который понесло советское сельское хозяйство в период войны, этот результат можно считать весьма значительным. Примерно такой же результат был достигнут в сельском хозяйстве западно-европейских стран, пострадавших от войны. Но потери этих стран были существенно меньше. Напомню, что основная часть мобилизованных в армию в СССР была из сельской местности, причем большая часть из них либо погибла на войне, либо не вернулась в деревню после войны. Огромный урон понес парк сельскохозяйственных машин, производство которых было практически прекращено в годы войны. Значительно сократилось поголовье скота. В четвертую пятилетку, несмотря на огромные расходы на восстановление промышленности, других несельскохозяйственных отраслей и на военные расходы, были

предприняты большие усилия по увеличению производства сельскохозяйственной техники, минеральных удобрений, по подготовке квалифицированных кадров, что и обеспечило восстановление сельскохозяйственного производства в столь короткий срок.

Качественное изменение в состоянии советского общества к концу четвертой пятилетки по сравнению с довоенным уровнем проявилось в ходе корейской войны. Здесь в воздухе столкнулись две крупнейшие военные державы — США и СССР. В отличие от второй мировой войны, когда советская авиация несла в воздушных боях гораздо большие потери, чем немецкая, в Корее потери превосходной американской авиации были примерно такими же, как советской, а по некоторым источникам — даже большими.

2.7. ЧИСТКИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ... В ХУДШУЮ СТОРОНУ

Малоисследованным остается вопрос о характере изменения руководящих кадров высшего звена в четвертой пятилетке. Есть немало свидетельств того, что уже в этот период начались изменения к худшему в их составе. Но для полной картины данных все же недостаточно. Начну с того, что со смещением Н.А. Вознесенского в 1949 году произошла тотальная чистка руководства Госпланом СССР. При всей противоречивости фигуры Н. А. Вознесенского (о нем как о хозяйственном руководителе отрицательно отзывались А.И. Микоян в своих воспоминаниях и сын министра электронной промышленности А.А. Шокин (со слов отца), все же Н.А. Вознесенский обладал серьезными экономическими знаниями и народнохозяйственным кругозором. Судя по некоторым из «вычищенных» в этот период из Госплана СССР (например, выдающийся советский экономист А.М. Бирман и крупнейший специалист в области цен Ш.Я. Турецкий), Н.А. Вознесенский сумел подобрать сильный состав работников Госплана СССР. Можно полагать, что новые работники Госплана СССР и его руководитель М.З. Сабуров были все же слабее прежнего состава. Впрочем, сами тексты пятого и шестого пятилетних планов, составленные под руководством М. Сабурова, не выглядят с точки зрения обоснованности и целеустремленности хуже, чем третий и четвертый пятилетние планы, составленные под руководством Н.А. Вознесенского. К сожалению, я не могу сказать что-то определенное в отношении годовых

планов, поскольку их тексты не публиковались. Трудно судить, в какой степени ошибки в руководстве хозяйством, о которых идет здесь речь, связаны с инициативой М. Сабурова и в какой степени были ему навязаны сверху.

Многочисленные аресты или смещения произошли в 1949–1950 годах в связи с начавшейся тогда антисемитской кампанией. Среди арестованных и смещенных со своих постов были такие видные хозяйственники военного времени, как легендарный директор Челябинского Танкограда И.М. Зальцман, министр строительства С. Гинзбург и ряд других хозяйственников рангом ниже [20]. Понятно, что перетряски кадров наверху, как и в 1937–1938 годах, хотя и в значительно меньших масштабах, временно дезорганизовывали работу государственного экономического аппарата и негативно сказывались на экономическом развитии страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Айзенштадт Л. А.* Очерки по истории станкостроения СССР / Л. А. Айзенштадт, С. А. Чихачев. – М., 1957. – С. 353, 436, 439–458, 467–468, 518.
2. Промышленность СССР. – М., 1957. – С. 23, 24, 138, 139, 206, 242, 243, 321.
3. *Лилли С.* Мода, машины и история / С. Лилли. – М., 1970. – С. 255, 398.
4. *Федосеев А. П.* Западня: Человек и социализм / А. П. Федосеев. – Франкфурт-на-Майне : Посев, 1976. – 376 с.
5. *Иванов В. К.* Как создавался образ советской науки / В. К. Иванов // Вест. РАН. – 2001. – Т. 71, № 2. – С. 104.
6. Там же.
7. Народное хозяйство СССР в 1958 году. – М., 1959. – С. 843; Народное хозяйство СССР в 1960 году. – М., 1961. – С. 783.
8. *Ландау-Дробанцева К.* Академик Ландау. Как мы жили / К. Ландау-Дробанцева. – М., 2000. – С. 143.
9. *Федосеев А. П.* Западня: Человек и социализм / А. П. Федосеев. – Франкфурт-на-Майне : Посев, 1976. – 376 с.
10. *Кнышевский П.* Добыча. Тайна германских репараций / П. Кнышевский. – М., 1994. – С. 35–41.
11. *Симонов Н.* Военно-промышленный комплекс СССР. 20–50-е годы / Н. Симонов. – М., 1996. – С. 252.

12. *Симонов Н.* Военно-промышленный комплекс СССР. 20–50-е годы / Н. Симонов. – М., 1996. – С. 260.
13. *Шокин А. А.* Министр невероятной промышленности / А. А. Шокин. – М., 1999. – С. 145.
14. Экономика капиталистических стран. – М., 1959. – С. 819–827.
15. Там же. – С. 829.
16. *Мучник В. С.* Некоторые особенности современного этапа развития техники и технологии / В. С. Мучник, Э. Б. Голланд // Научно-технический прогресс. Моделирование народного хозяйства. – М., 1976. – С. 126–142.
17. *Чалмаев В.* Малышев / В. Чалмаев. – М., 1976. – С. 311–320.
18. *Локшин Э.* Планирование материально-технического снабжения / Э. Локшин // Народное хозяйство СССР. – М., 1951. – С. 319. Этот сборник, выходящий ежегодно с 1947 по 1951 год и содержащий важнейшие статьи по экономическим вопросам, публиковавшиеся в ведущих советских журналах, стал источником многих сведений о развитии советской экономики в годы четвертой пятилетки.
19. Там же. – С. 231.
20. *Костырченко Г.* В плену у красного фараона / Г. Костырченко. – М., 1994. – С. 257–283.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 3

**ПОРТРЕТЫ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ
«АТОМНОГО ПРОЕКТА»**

(по книге С. Пестова «Бомба»¹ и воспоминаниям А. Сахарова²)

Для того чтобы дать более наглядную характеристику хозяйственного руководства сталинского периода, я воспользовался двумя первоклассными литературными источниками: один из них – бестселлер середины 90-х годов – книга Станислава Пестова «Бомба»; другой – воспоминания Андрея Сахарова. Обе книги посвящены (книга А. Сахарова – частично) созданию ядерного оружия в СССР. Особенность этих книг – не только высокая достоверность приводимых в них сведений, но и (что во многом определило мой выбор) ярко выраженная негативная оценка авторами сталинской политической и экономической системы. Тем ценнее высокая оценка, даваемая ими хозяйственным руководителям того времени, которые возглавляли атомный проект. Следует, конечно, иметь в виду, что в этот проект привлекали лучших руководителей, учитывая его колоссальное значение для судьбы СССР. Однако определенное представление о характере хозяйственного руководства в сталинский период эти портреты могут дать.

При чтении книги Станислава Пестова бросается в глаза следующее обстоятельство. Автор с отвращением и презрением отзывается о сталинской политической и экономической системе. Но как только он переходит к самой истории атомного проекта, основанной на рассказах его участников, обнаруживается «удивительное» обстоятельство: бездарный, по мнению автора, Сталин нашел для этого проекта очень способных ученых и хозяйственных руководителей. И советские разведчики действовали весьма эффективно и профессионально.

Очень неохотно С. Пестов отзывается одобрительно о руководителе атомного проекта Л. Берии. Но удачный подбор научных и технических руководителей атомного проекта, осуществлявшийся Л. Берией, говорит сам за себя. При всей неприязни к Л. Берии С. Пестов вынужден признать, что избранный им путь организации строительства без смет и проектов, чертежей и массы других бумаг оказался самым эффективным и коротким путем (с. 271). Л. Берия защищает «диссидента» Льва Альтшуллера, осмелившегося публич-

¹ Пестов С. Бомба. Тайны и страсти атомной преисподней. – СПб., 1995.

² Сахаров А. Воспоминания // Знамя. – 1990. – № 11 и 12.

но критиковать Т.Д. Лысенко (с. 235). Даже замахнувшегося на него пепельницей П. Зернова Берия, вопреки мнению автора, представляет к званию Героя Социалистического Труда, и П. Зернов звание получает, что нетрудно проверить по указу, опубликованному в документальной книге об истории атомного проекта.

Автор приводит мнение о Л. Берии научного руководителя атомного проекта Ю. Харитона: «Берия, надо сказать, действовал с размахом, энергично, напористо. Часто выезжал на объекты, разбирался на месте, и все задуманное обязательно доводилось до конца. Никогда не стеснявшийся нахамить и оскорбить человека, Берия был с нами терпим и, трудно даже сказать, крайне вежлив. Если интересы дела требовали пойти на конфликт с какими-либо идеологическими моментами, он не задумываясь шел на такой конфликт» (с. 146). Подобное мнение высказывал и профессор Головин – один из заместителей И. Курчатова: «Берия был прекрасным организатором – энергичным и въедливым. Если он, например, брал на ночь бумаги, то к утру документы возвращались с резонными замечаниями и дельными предложениями. Он хорошо разбирался в людях, все проверял лично и скрыть от него промахи было невозможно» (там же).

С восхищением отзываясь С. Пестов о директоре КБ-11, осуществлявшем научно-исследовательские работы по атомной бомбе и ее окончательную сборку, – о Павле Михайловиче Зернове. «Он, – говорил потом Ю. Харитон, – мог видеть одновременно крупное и мелочи». В самом начале войны его посылают на завод стрелкового оружия с заданием увеличить в десять раз выпуск крупнокалиберных пулеметов. Через месяц Павел Михайлович с этим заданием справился. После он налаживает выпуск легких танков в Харькове, организует новый танковый завод на верфях Сталинграда, отправляет танки из проходной на близкий тогда фронт. Случилось однажды, что в кабинете секретаря ЦК ВКП(б) Зернов потерял сознание – он не спал перед этим семь суток подряд.

Всему делу очень повезло, когда встретились вместе два выдающихся деятеля – Зернов и Харитон, каждый из них стоил много, но вместе они составляли то золотое целое, то единство научной мысли и крупномасштабной инженерной практики, которое всегда обеспечивает успех научному поиску» (с. 222–223).

Ссылаясь на профессора Альтгаузена, С. Пестов высоко отзываясь о заместителе наркома НКВД А.П. Завенягине, возглавлявшем комиссию по атомному сырью, запасы которого к началу атомного проекта в СССР были открыты в ничтожном размере. «Исключительно деловой и талантливый организатор. Благодаря ему освоение атомного сырья пошло бешеными темпами» (с. 245).

А вот что пишет С. Пестов о директоре комбината в Челябинске Борисе Глебовиче Музрукове. «Бывший детдомовец Б.Г. Музруков был известным металлургом на Путиловском заводе. Там он участвовал в создании новой брони для Т-28. Главного металлурга вскоре назначают директором «Уралмаша», на этом гиганте директора менялись, как перчатки, – он был почти неуправляемым. «Укротить» его первым смог Музруков, а в первые же дни войны он сумел в немыслимо короткие сроки наладить выпуск корпусов тяжелых танков, а потом и массовый выпуск Т-34, решивших исход главной переломной битвы под Курском» (с. 269). На заводе «Маяк» «Борис Глебович был в числе самых первых, которые тогда еще не знали, как надо делать, но отлично понимали, что надо как можно быстрее. Нужны были богатый опыт инженера, твердая рука и умная голова, чтобы все это превратить в стройное предприятие и огромный целеустремленный коллектив. Как и на «Уралмаше», Музруков сумел поднять эту работу, причем без истерик, разносов, выкручивания рук» (с. 270).

О главном инженере комбината в Челябинске, производившего исходный полуфабрикат для изготовления атомного оружия, – будущем министре среднего машиностроения Ефиме Павловиче Славском его заместитель по строительству Филиппов отзывался так: «Славский обладал исключительной эрудицией, удивительной способностью предвидения и принимал решения не в угоду ведомственным интересам, а иногда и вопреки им» (с. 260).

С. Пестов показывает и присущую многим из этой плеяды руководителей жестокость и зачастую самодурство. По воспоминаниям того же Филиппова, которые, конечно же, нуждаются в проверке, Б. Ванников проводил производственные совещания о ходе строительства следующим образом: «Ванников выходил из кабинета к столу, снимал пиджак и аккуратно вешал на стул. Из заднего кармана вынимал пистолет и клал его на стол. Открывая совещание, он провозглашал: «Ну... мать... докладывайте!» Вел оперативку напористо, с большим высокомерием, в выражениях не стеснялся... У таких руководителей, как Ванников и Завенягин, требовательность всегда сопровождалась угрозами, это передавалось от старшего начальства, для которого мат и оскорбление подчиненных были нормой» (с. 264). Считали ли эти руководители, что с нашими тогдашними строителями, в отличие от ученых, только в таком тоне и можно говорить, чтобы добиться успеха?

Перейду к воспоминаниям А.Д. Сахарова. Он описывает свои впечатления о Ванникове: «Ванников был... очень колоритной личностью. В 30-е годы... он приобрел большой опыт в руководстве военной промышленностью, военноконструкторскими и военно-научными разработками... Он был крайне осторожен, умен (и циничен)» (№ 11, с. 135). О таких руководителях атомного проекта, как В. Малышев и А. Завенягин, А.Д. Сахаров отзывался без восхищения, но и без сомнений в их компетентности. Вот как он пишет о Ефиме

Славском: «Человек, несомненно, больших способностей и работоспособности, решительный и смелый, достаточно вдумчивый, умный и стремящийся составить себе четкое мнение по любому предмету, в то же время упрямый, часто нетерпимый к чужому мнению» (№ 12, с. 68). О Музрукове: «Музруков был очень колоритной и значительной фигурой – одним из наиболее крупных организаторов промышленности, с которыми я сталкивался... Во время войны он стал директором «Уралмаша»... эта работа требовала величайшей самоотдачи и огромных организаторских и технических талантов от руководителей. Музруков кончил войну с первой звездой Героя Социалистического Труда и без одного легкого. Затем он – начальник комбинатов МСМ, что было не легче...» (там же, с. 50). О руководителях советского военно-промышленного комплекса Д. Устинове и Л. Смирнове: «Оба они – очень деловые, знающие и талантливые, энергичные люди, с большими организаторскими способностями, всецело преданные своему делу, ставшему самоцелью, подчиняющие без колебаний всё этой задаче» (там же, с. 67).

Глава 3

ПЯТАЯ ПЯТИЛЕТКА: ЭКЗАМЕН НА ЗРЕЛОСТЬ НАКОНЕЦ СДАН

3.1. АНАЛИЗ ПЛАНА ПЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ (1951–1955 годы)

На развитие советской экономики в пятую пятилетку влияли как позитивные, так и негативные объективные экономические факторы. К позитивным прежде всего следует отнести качественно выросший уровень квалификации рабочих, инженерно-технических и руководящих хозяйственных кадров (хотя в отношении последних наблюдались и факторы ухудшения). Созданная в предыдущий период индустриальная, строительная и научно-техническая база позволяла быстро наращивать объем технически достаточно совершенных для своего времени производственных фондов. Методы централизованного планирования и хозяйственного руководства в результате уже описанных выше изменений значительно усовершенствовались, что повышало эффективность использования ресурсов. С другой стороны, происходили и негативные изменения. Прежде всего качественно ухудшилась международная обстановка, с началом корейской войны превратившись в сущности в предвоенную. Опасность новой мировой войны стала реальностью. Известно, что в это время в США были очень популярны планы превентивной войны против СССР, обусловленные превосходством США в ядерном оружии и средствах его доставки. Это заставило СССР на порядок нарастить военные расходы, увеличив примерно в 2 раза численность вооруженных сил, сравнивающуюся с предвоенным уровнем 1941 года, и организовать массовое производство ядерного оружия, ракетной и реактивной техники, обыч-

ного оружия для своей армии и армий восточно-европейских стран, Китая и воюющей Кореи. Большая доля ресурсов советской экономики стала использоваться для военных целей, что, конечно, сильно осложняло экономическое развитие страны и особенно – дальнейшее повышение уровня жизни населения. Одновременно всё бóльшие сбои стала давать система государственного руководства, вначале из-за резкого снижения активности Сталина, а после его смерти – из-за борьбы за власть его вчерашних соратников, из-за значительных изменений в структуре органов хозяйственного руководства, ослаблявших его эффективность.

Начну с влияния повышения квалификационного состава хозяйственных кадров. Именно в пятую пятилетку в полной мере сказались те огромные усилия, которые предпринимались за последние 20–25 лет по количественному, а начиная с середины 30-х годов – и по качественному совершенствованию образовательного и профессионального уровня населения. Обобщающим показателем этих усилий явилась доля расходов на образование в национальном доходе. Уже в 1950 году она достигла почти 8 % [1] и была в 2 раза больше доли расходов на образование в США в тот же период [2]. В результате в СССР число лиц, имеющих образование, особенно среднее, среднетехническое и высшее, выросло на порядок за период после 1928 года. Наиболее концентрированно результат этих усилий выразился в том, что уже в 1940 году дипломированных инженеров в СССР было больше, чем в США, и это опережение сохранялось в 50–60-е годы. А ведь еще в конце 20-х годов инженеров в нашей стране хронически не хватало.

К этому количественному росту добавился качественный рост. С середины 30-х годов требования к подготовке специалистов резко возросли. И если подготовленных в 30-е годы специалистов в большинстве можно было считать полуспециалистами, то выпускаемые в послевоенный период, а они и стали преобладать среди хозяйственных руководителей именно в 50-е годы, уже были полноценными специалистами, зачастую не уступавшими по уровню общей инженерной и специальной подготовки американским и западно-европейским. Еще в четвертую пятилетку практики преобладали среди инженерно-технических работников непосредственно на производстве, но с начала 50-х годов положение коренным образом изменилось. Таким образом, если во второй половине 30-х годов высококвалифицированные и

талантливые руководители стали преобладать на самом верхнем уровне хозяйственного руководства, а на среднем уровне в основном были плохо образованные практики, то с начала 50-х годов дипломированные и хорошо обученные специалисты стали преобладать и на среднем и даже на низшем уровне (мастера). Одновременно качественно вырос уровень подготовки рабочих кадров [3]. И это качественное улучшение состава кадров в народном хозяйстве (за исключением сельского хозяйства, где положение было хуже) явилось, на мой взгляд, главной причиной огромных успехов советской экономики в пятой пятилетке.

Утвержденные на XIX съезде партии директивы по пятому пятилетнему плану на 1951–1955 годы были сориентированы на решающую роль интенсивных факторов в развитии советской экономики. Это выражалось в том, что основной прирост продукции во всех отраслях народного хозяйства предполагалось получить за счет производительности труда. В абсолютном выражении предполагалось обеспечить ежегодный прирост производительности труда в основных отраслях производственной сферы примерно на 8–10 % – это огромная величина. Такой прирост обеспечивался за счет роста фондовооруженности (предполагалось значительно увеличить производственные капиталовложения) и лучшего использования имевшихся производственных фондов. Большое значение придавалось такому интенсивному фактору, как реконструкция промышленных предприятий. Концентрированное выражение курса на интенсификацию экономики нашел в заданиях по снижению себестоимости промышленной, строительной и сельскохозяйственной продукции примерно на 4 % ежегодно, что с учетом уже достигнутого значительного снижения себестоимости продукции в конце четвертой пятилетки следует считать достаточно напряженным заданием, предполагавшим существенное повышение эффективности использования всех видов ресурсов.

Другое очень важное проявление курса на интенсификацию экономики – намеченное небывалое ранее (кроме второй пятилетки) сближение роста продукции группы А и группы Б, а также рост розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли в размере, превышавшем намеченный рост национального дохода (соответственно 70 и 60 %), и значительное увеличение жилищного строительства. Намерение осуществить столь значительный рост уровня жизни населения тем более примечательно, что этот пятилетний план

составлялся в условиях резкого обострения международной напряженности, и было бы естественно ожидать резкого сокращения заданий по уровню жизни населения, если не полного прекращения роста этого уровня. То обстоятельство, что это не предусматривалось (и не осуществлялось), говорит о больших возможностях советской экономики в те годы: одновременно наращивать производственные возможности экономики, военные расходы и повышать уровень жизни населения, в основном, правда, городского.

Особого внимания заслуживает обоснованность намеченных в пятилетке заданий по сельскому хозяйству. Вследствие неудач в развитии сельского хозяйства в первые годы пятой пятилетки в экономической литературе часто делают вывод об ошибочности принятой при разработке пятилетнего плана стратегии развития этой отрасли. Иной точки зрения придерживался такой квалифицированный советский экономист, как Д. Шепилов. В вышедших посмертно мемуарах он писал: «В ряде важнейших решений и начатых крупных мероприятий партия и ее Центральный комитет приняли целостную генеральную программу дальнейшего мощного подъема сельского хозяйства. Ее важнейшими составными частями были:

Комплексная механизация и электрификация сельского хозяйства на основе мощного развития тракторостроения и сельскохозяйственного машиностроения, а также грандиозного плана строительства гидро- и тепловых электростанций. Орошение и обводнение обширных территорий путем использования дешевой гидроэнергии каскада строящихся гидростанций на основных реках, а также путем строительства каналов и оросительных систем. Создание грандиозных защитных полос и другие мероприятия по борьбе с засухой. Перевод всего земледелия и животноводства на научную базу современной агротехники и зоотехники: повсеместное внедрение правильных севооборотов, селекция и семеноводство, породное районирование скота и т.д.

Главную идею этой разносторонней генеральной программы, ее, так сказать, философию можно было бы определить одним термином: интенсификация сельского хозяйства. Не идти по пути расширения посевных площадей, а вести курс на неуклонное повышение урожайности полей и продуктивности животноводства» [4].

Шепилову легко возразить: почему же эта замечательная программа не привела к подъему сельского хозяйства в начале пятой пятилет-

ки? Это возражение только частично обосновано. Уже после разработки программы произошли события, которые серьезно помешали ее осуществлению. Я имею в виду корейскую войну и вызванные ею значительный рост военных расходов в СССР и пересмотр всех народно-хозяйственных пропорций. Вместе с тем достаточно очевидно, что на развитии сельского хозяйства крайне негативно сказывалась слабая материальная заинтересованность сельских тружеников в развитии общественного хозяйства, ограничения на ведение личного подсобного хозяйства (хотя и эти препятствия частично были связаны с уровнем военных расходов). В настоящее время в печати все чаще с сожалением отмечается, например, ошибочность прекращения полезащитных лесонасаждений после смерти Сталина. Многие проекты должны были дать результат на рубеже пятой и шестой пятилеток. По-видимому, в намеченной программе было много обоснованного, от чего потом, при Хрущеве, ошибочно отказались, и упущений. Взятый же курс на интенсификацию сельского хозяйства был, конечно, правильным и шел в русле остальных мероприятий, проводившихся в этом направлении во всех отраслях экономики.

Реальность плана пятой пятилетки может быть оценена сопоставлением намеченного роста основных фондов и национального дохода. Правда, в самом плане заданий по росту основных фондов не было, как не опубликованы и данные об объеме основных фондов в начале пятилетки. Но эти показатели могут быть рассчитаны (хотя бы примерно) исходя из других показателей. Так, показатель объема основных фондов в СССР может быть исчислен из объема основных фондов на 1 января 1968 года и роста основных фондов за 1950–1967 годы (соответственно 594 млрд р. и 4,3 раза). Хотя индекс роста основных фондов исчислен в сопоставимых, а не текущих ценах с учетом малого роста цен на инвестиционные товары в 50-е годы и отсутствия переоценки основных фондов по восстановительной стоимости, такой расчет может дать примерное представление об объеме основных фондов по балансовой стоимости в 1950 году: объем оказывается равным 138,4 млрд р. Абсолютные данные по объему капиталовложений в плане также не приводились, однако намечалось увеличение государственных капиталовложений по сравнению с четвертой пятилеткой на 90 % [5]. Предполагая такой же объем всех капиталовложений и равенство ввода в действие основных фондов и капитальных вложений и

зная объем капиталовложений в четвертой пятилетке – 41,2 млрд р., получаем (без выбытия) объем основных фондов на конец пятой пятилетки равным 216,7 млрд р., а с учетом выбытия в размере 3 % ежегодно – на 20 млрд р. меньше, т. е. 196 млрд р., с приростом фондов на 41,6 %, – значительно меньше предполагаемого роста национального дохода. Разница должна была обеспечиваться за счет роста фондоотдачи, что выглядело реальным, если учесть ее низкий уровень в начале пятилетки, и вписывалось в курс на интенсификацию экономики.

Однако советское руководство при составлении этого, как и других планов, пало жертвой собственной недостоверной статистики. Дело в том, что восстановительная стоимость основных фондов в СССР была намного больше балансовой вследствие серьезной инфляции в сфере инвестиций в 30–40-е годы. Примерный размер этого превышения для середины 50-х годов оценивался крупнейшим специалистом в этой области Я.Б. Квашой в 1,5 раза. Если предположить (для чего есть основания), что такое же соотношение было в 1950 году, то восстановительная стоимость основных фондов составила 207,4 млрд р., и тогда намечавшийся объем капиталовложений в размере 74 млрд р. обеспечивал (с учетом выбытия основных фондов в размере 30 млрд р.) прирост основных фондов всего лишь на 20 %. С учетом этого намечавшийся рост национального дохода выглядел совершенно нереальным. Однако приведенный расчет, по-видимому, переоценивает размеры выбытия основных фондов вследствие износа. Взятые из норм амортизации основных фондов, эти нормы скорее всего значительно переоценивают реальные размеры износа и нуждаются в серьезном уточнении. Я счел необходимым привести данный расчет для иллюстрации сложных проблем, возникающих при анализе реальности долгосрочных планов на основе макроэкономических показателей, даже весьма как будто надежных. Использование для оценки реальности пятого пятилетнего плана заданий по вводу производственных мощностей по ряду видов продукции в промышленности дает лучшие результаты, чем указанный выше расчет, но он тоже выглядит недостаточно обоснованным, так как предусматривалось очень значительное улучшение использования производственных мощностей.

Возникает вопрос и о реальности намеченного огромного роста капитальных вложений. Очевидно, что он требовал радикального технического переоснащения строительства, которое к началу пятой пяти-

летки было еще царством ручного труда. Об этой проблеме в самих директивах нет ни слова. Однако практически именно такое переоснащение и произошло. Механовооруженность труда в строительстве в пятой пятилетке выросла по официальным, мало искаженным в этот период, данным в 2 раза [6], что и заложило материальные основы для значительного роста производительности труда в строительстве этой пятилетки.

Для обеспечения запланированного роста капитальных вложений требовался также и огромный рост продукции инвестиционного машиностроения. В пятилетнем плане намечался огромный рост продукции машиностроения – в 2 раза, без разбивки, естественно, по отдельным видам машиностроения, которое включало и военную продукцию, и потребительские товары долговременного пользования (последние, впрочем, в незначительном объеме). Однако задания по выпуску отдельных видов продукции машиностроения позволяют сделать вывод, что примерно в таком же объеме планировался и рост инвестиционного машиностроения, за исключением сельскохозяйственного и автомобилестроения, рост которого планировался в размере лишь 20 %. Встает, однако, тот же вопрос о реальности намеченного плана. Ведь он предусматривал ежегодный рост продукции машиностроения почти на 20 % и немногим меньший рост производительности труда, чего никогда ранее в машиностроении не было. К тому же, в отличие от строительства, здесь шла речь не о замене преимущественно ручного труда на механизированный, а о замене одного уровня механизации на другой, за исключением вспомогательных и погрузочно-разгрузочных работ, в которых, правда, была занята значительная часть работающих – чуть ли не половина.

В тексте директив по составлению пятого пятилетнего плана никакого, даже качественного, обоснования таких огромных заданий не приводилось. Не ясна была и реальность обеспечения этого роста производственными мощностями. Ведь речь шла либо об увеличении мощности в 2 раза, либо о качественном улучшении использования существующих мощностей. В директивах отсутствовали (видимо, впервые) задания по производству металлорежущих станков и кузнечно-прессового оборудования, определявших рост производственных мощностей в машиностроении. А ведь речь должна была идти чуть ли не об удвоении их парка за пятилетку. Ретроспективный анализ пока-

зывает, что и в этой пятилетке значительную роль в приросте парка металлорежущих станков играли репарации, что кажется совершенно неожиданным, ибо пик изъятий репарационного оборудования пришелся на начало послевоенного периода. Парк металлорежущего оборудования вырос за четыре года пятилетки с 1,2 до 1,7 млн ед., т. е. на 500 тыс. ед., при том что за этот период было произведено лишь 340 тыс. металлорежущих станков [7]. К тому же за этот период должно было выбыть минимум 200 тыс. таких станков. Следовательно, отечественный выпуск обеспечивал лишь половину требуемого количества для прироста парка и возмещения выбытия. Совершенно неожиданно эта доля оказывалась такой же, как в годы четвертой пятилетки [8].

Роль внешней торговли в этом изменении парка была ничтожной, так как импорт станков был примерно равен экспорту. Очевидное объяснение состоит в том, что в четвертую пятилетку была установлена лишь половина полученных по репарациям металлорежущих станков, но тогда их количество выглядит совершенно фантастическим: чуть ли не 800 тыс. шт. Однако и такой большой рост парка металлорежущих станков был недостаточен для прироста мощностей в 2 раза. Следовательно, имелось в виду значительное улучшение их использования.

Предполагалось также значительное снижение материалоемкости продукции машиностроения. Об этом говорит сравнение намеченного удвоения продукции машиностроения с намеченным же ростом производства проката черных металлов, главным тогда конструкционным материалом в машиностроении, лишь на 64 %. Судя по соотношению, рассчитанному мною с использованием альтернативной оценки динамики продукции машиностроения за шестую пятилетку [9], этот прирост не мог обеспечить намеченное увеличение продукции машиностроения, следовательно, это задание было нереальным, что ставило под сомнение и реальность всего плана капитального строительства. Конечно, для окончательного вывода нужно учесть намечаемое изменение структуры продукции машиностроения в пятой пятилетке, но вряд ли оно коренным образом отличалось от ее изменения в шестой пятилетке.

В целом на основе приведенных данных можно считать, что план пятой пятилетки был более обоснованным, чем предыдущие пятилетние планы, но все же недостаточно обоснованным, страдавшим тради-

ционной для советского планирования переоценкой возможностей советской экономики. Что касается структурных характеристик плана, то они намечались в правильном направлении.

3.2. ВЫПОЛНЕНИЕ ПЛАНА ПЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Если судить по данным о вводе в действие производственных мощностей по некоторым видам промышленной продукции за счет капитального строительства [10], то вывод о нереальности многих показателей пятого пятилетнего плана оказался верным. По основным капиталоемким продуктам (черной металлургии, угольной промышленности) прирост ввода в действие производственных мощностей по сравнению с четвертой пятилеткой был совершенно незначительным, и только в электроэнергетике он увеличился в 2 раза. Тем не менее планы по выпуску соответствующих видов продукции были выполнены и даже перевыполнены. Очевидно, что это произошло за счет значительного улучшения использования действующих производственных мощностей (а также других источников их расширения помимо капитального строительства, например, за счет модернизации оборудования). В качестве примера значительного улучшения использования мощностей можно привести производство проката черных металлов, которое выросло на 14,4 млн т при вводе в действие производственных мощностей только на 5,6 млн т (по другим видам продукции черной металлургии улучшение было меньшим).

И все же рост производственных мощностей и основных фондов в пятой пятилетке был весьма значительным. Так, в промышленности рост мощности электромоторов, который достаточно точно характеризует рост активной части основных производственных фондов, составил 75 % [11]. При этом в ряде отраслей мощности электромоторов выросли более чем в 2 раза (угольная промышленность, нефтеперерабатывающая) [12]. Следует, однако, иметь в виду, что в пятой пятилетке несколько увеличилась доля промышленности в капиталовложениях в народное хозяйство.

Таким образом, достаточно тщательный анализ заданий пятой пятилетки по промышленности показывает, что они были весьма реальными, возможно, самыми реальными с начала советского долгосрочного планирования. Это говорит о выросшей квалификации плановых

работников и высшего политического руководства в экономической области.

Крупнейшим достижением советской экономики, позволившим обеспечить огромный рост производительности труда в различных отраслях экономики, прежде всего в промышленности, было очень быстрое развитие электроэнергетики. В этот период были введены в действие строившиеся ускоренными темпами крупнейшие гидроэлектростанции и ряд теплоэлектростанций. В результате мощность электростанций выросла почти в 2 раза – с 19,6 млн кВт в 1950 году до 37,2 млн в 1955. Таким образом, за одну пятилетку были введены мощности, равные тем, которые были введены за все годы советской власти!

Для выполнения заданий пятилетки по резкому сокращению материалоёмкости продукции в 1952 году было принято постановление правительства о мероприятиях по снижению веса оборудования и машин [13]. Оно констатировало излишний вес многих машин, выпускаемых промышленностью, и намечало меры по конструированию машин и контролю за качеством технической документации, что позволило бы снизить вес машин. Одновременно в постановлении шла речь о выпуске облегченных видов металлопроката и, что особенно интересно, пластмасс, производство которых было в то время в СССР весьма незначительным. К этой проблеме (увеличению производства пластмасс) снова вернулись уже в 1958 году.

Почти одновременно с этим постановлением было принято другое – о мерах по борьбе с выпуском некачественной и некомплектной продукции и по дальнейшему улучшению качества промышленной продукции. В нем констатировалось неудовлетворительное положение с качеством продукции практически во всех отраслях гражданской промышленности и предусматривались традиционные в советской экономике меры по повышению качества продукции (усиление наказаний за низкое качество, повышение роли отделов технического контроля, стандартов и т.д.). Новым в этом постановлении по сравнению с предыдущими было то значение, которое придавалось усилению влияния потребителей на качество, хотя формы этого усиления были указаны весьма невразумительно.

Считается, что как раз в отношении качества принимавшиеся меры оказались наименее результативными. К сожалению, трудно предста-

вить обобщающий показатель динамики качества продукции: удовлетворительного обобщающего измерителя не придумано, да и вряд ли он возможен. Поэтому приходится прибегнуть к оценкам очевидцев. Приведу свидетельство академика А.Г. Аганбегяна, в то время, когда он об этом говорил, ярого противника командной экономики, что делает это свидетельство еще более ценным. «Вспомним хотя бы пятидесятые годы. Да, наши вещи были не такими красивыми и не такими модными, как зарубежные, но зато любая из них была более долговечной. Неказистые отечественные радиоприемники работали десятилетиями. Наша автомашина «Победа» (сейчас увидишь на улицах – волнуешься) даже для своего времени была не такой уж модной или быстроходной, но отличалась прочностью, надежностью. В середине пятидесятых годов, сразу после окончания института, я в ГУМе купил маме телевизор. Он проработал лет двадцать – и ничего в нем не ломалось. А наши первые холодильники «Саратов» и «ЗИЛ»? Ведь раньше мы вообще не знали, что такое мастер по ремонту бытовой техники. Мы их никогда не вызывали, потому что она не ломалась» [14].

Обращает на себя внимание и намеченное в пятилетнем плане увеличение в 2 раза материальных и продовольственных резервов, что напоминает аналогичную задачу в третьей пятилетке, накануне второй мировой войны, когда такая задача характеризовала значительный упор на подготовку к возможной войне. Другими показателями пятой пятилетки в этом же направлении, но также нацеленными и на ускорение научно-технического прогресса, были высокие задания по росту производства цветных металлов (например, алюминия – в 2,6 раза, свинца – в 2,7 раза).

Другой важный фактор быстрого экономического роста – ввод в действие новых производственных мощностей и рост парка оборудования в важнейших отраслях экономики. В отличие от предыдущего периода, когда в основном шло восстановление старых производственных мощностей, зачастую со старым парком оборудования и старой технологией, в пятой пятилетке новые производственные мощности вводились, как правило, на технически более совершенном оборудовании и по более совершенной технологии. Это стало возможным благодаря значительному увеличению производственных капиталовложений, осуществленному одновременно с мероприятиями по за-

метному повышению уровня жизни населения и укреплению обороноспособности страны.

Вследствие значительных и технически эффективных капиталовложений в этот период, как и в предыдущий, заметно выросла электровооруженность промышленности (преимущественно в интервале 20–40 %). Особенно быстро росла электровооруженность в тех отраслях, где уровень механизации был относительно низок в предыдущий период: в угольной промышленности – на 65 %, в лесной и деревообрабатывающей – на 89 %.

Наряду с увеличением ввода производственных мощностей большую роль в ускорении темпов экономического развития в конце четвертой – начале пятой пятилетки сыграла деятельность Госплана СССР по улучшению использования производственных мощностей. Истинное положение дел с производственными мощностями скрывалось предприятиями для получения более легкого плана. Созданная Госпланом СССР специальная инспекция по производственным мощностям проделала большую работу, выявляя их истинный масштаб в ряде отраслей промышленности, и на этой основе им были установлены более высокие задания, которые приходилось выполнять на имеющихся мощностях [15].

3.3. ВТОРАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ НАЧИНАЕТСЯ

Принципиально новым явлением, ставшим возможным благодаря качественному улучшению состава кадров и методов управления производством, стало резкое ускорение роста производительности труда и превращение этого фактора в основной фактор роста производства. Такое положение ранее было только во второй пятилетке, но тогда оно лишь компенсировало снижение производительности труда в первой пятилетке. В годы пятой пятилетки при высоких темпах роста производства примерно две трети прироста обеспечивались за счет повышения производительности труда.

К тому же повышение производительности труда стало главным фактором роста производства практически во всех отраслях экономики, включая сельское хозяйство, угольную и лесную промышленность, где в предыдущий период производительность труда не росла. Огромным ростом производительности труда в годы пятой пятилетки объяс-

няется тот примечательный факт, что такие достаточно чувствительные мероприятия, как прекращение использования труда военнопленных и резкое сокращение использования труда заключенных в ряде отраслей экономики, осуществленные соответственно в начале и конце пятилетки, заметно не повлияли на рост производства, хотя и тогда, и впоследствии использование труда заключенных рассматривалось многими экономистами как чуть ли не важнейший фактор экономического развития СССР. Сокращение использования труда заключенных заметно повлияло, по-видимому, только на развитие золотодобывающей промышленности, но точных данных на этот счет в моем распоряжении нет.

Результатом энергично проводимой механизации ручного труда явилось такое крупнейшее достижение, как строительство Волго-Донского канала, – в кратчайший срок (два с половиной года вместо первоначально намечавшихся пяти лет) и с использованием 200 тыс. работников вместо 500 тыс. по первоначальному плану [16]. Благодаря освоенному выпуску судов на конвейере, с широкой специализацией и кооперированием, удалось значительно снизить трудоемкость их строительства и ускорить сроки, в результате чего в 1950 году судостроительная промышленность произвела судов в несколько раз больше, чем в 1941 году [17].

Эти мероприятия связаны с деятельностью В.А. Малышева, одного из самых талантливых советских хозяйственников того периода. Он сыграл огромную роль в создании очень мощной танковой промышленности в годы войны, а после войны, возглавив Госкомитет СССР по науке и технике, мечтал о полном техническом перевооружении и организационной перестройке советской экономики. В то время она носила, с точки зрения техники и организации, весьма разношерстный характер. В ней сочетались предприятия дореволюционные, построенные в 30-е годы, но рассчитанные на натуральное хозяйство, самообеспечение, и так же в сущности организованные хозяйства военного времени. Судя по высказываниям и действиям В.А. Малышева как председателя Госкомтехники, министра судостроительной промышленности, он и вынашивал план кардинальной перестройки промышленности, строительства и транспорта на новейшей технической и организационной основе [18]. Немало ему удалось сделать в этом направлении, но многое не удалось. И в силу того, что его возможно-

сти были ограничены в административном плане, и в силу того, что такая перестройка требовала колоссальных капиталовложений – по сути это могла быть вторая индустриализация, для которой не оказалось достаточных ресурсов, отвлекаемых на колоссальные военные расходы.

Вторая индустриализация по замыслу значительно отличалась от первой. Она опиралась на несравненно более подготовленную армию рабочих и инженерно-технических работников, мощный научно-технический потенциал. Можно было использовать на этот раз в основном собственную машиностроительную базу. Главным направлением второй индустриализации было не новое строительство, а реконструкция старых предприятий, которая требовала меньших капиталовложений. Новое строительство было необходимо в основном при создании новых отраслей промышленности. Упор на этот раз делался на организационные факторы, т. е. более совершенную организацию, на методы производства, использовавшиеся в довоенный и особенно в военный период в военной промышленности, а также на изменение типа организации производства при его специализации и кооперировании, внутриотраслевого и межотраслевого. Больше внимание уделялось качеству продукции. Одним словом, индустриализация пятой пятилетки носила интенсивный, а не экстенсивный, как первая, характер. Но она имела и свои специфические проблемы и трудности. Она наталкивалась на слабые места традиционной командной экономики: неудовлетворительное материально-техническое снабжение, упор на количественные показатели, ведомственность, слабую нацеленность экономических показателей на новые потребности. Частично эти проблемы решались, о чем говорили огромные производственные успехи 50-х годов. Но многое не удалось, ибо целый ряд экономических проблем не нашел своего решения в теоретическом либо в практическом плане, даже при реализации верных теоретических разработок.

Вторая индустриализация требовала финансовых ресурсов, по-видимому, сопоставимых по своей доле в ВВП с затратами на первую, осуществленную до войны. Однако индустриализация 50-х годов была уже невозможна за счет снижения уровня жизни населения или резкого сокращения военных расходов, не совместимого с обеспечением военного паритета с огромной военной машиной Запада. Точнее, для

такого резкого сокращения требовались очень серьезные внешнеполитические уступки. На них был готов идти Л. Берия, предлагавший уступить ГДР взамен на нейтрализацию Германии и разрядку военной напряженности. Видимо, Л. Берия понимал несовместимость второй индустриализации с чрезмерными военными расходами.

Уже первая попытка форсированно осуществить вторую индустриализацию в 1956 году провалилась из-за нехватки ресурсов. В декабре 1956 года в решениях пленума ЦК КПСС было указано на чрезмерный, непосильный объем капитальных вложений. В 1956 году не были выполнены годовые задания по ведущим показателям промышленности того времени: углю, металлу, цементу и лесу. Последние три продукта определяли развитие капитального строительства. Поэтому в решении пленума ЦК КПСС в декабре 1956 года и предлагалось сократить задания по капитальному строительству и отдельным отраслям промышленности [19].

Так, амбициозная шестая пятилетка, призванная дать старт экономической гонке с США, стала буксовать уже с первого года.

Наряду с ростом производительности труда в пятой пятилетке улучшались все остальные показатели эффективности использования ресурсов. Об улучшении использования основных производственных фондов говорит повышение как фондоотдачи (первый и последний раз в послевоенный период), так и практически всех натуральных показателей эффективности эксплуатации оборудования в отдельных отраслях и, обобщенно, электрической нагрузки электродвигателей [20]. Чрезвычайно важно отметить резкое улучшение использования оборотных фондов. Излишние запасы традиционно были ахиллесовой пятой советской экономики – они вызывались неудовлетворительной организацией производства как на предприятиях, так и во всем народном хозяйстве. В пятую пятилетку темпы роста промышленности, по официальной оценке, были почти в 2 раза быстрее, чем оборотных средств в запасах товарно-материальных ценностей. Особенно значительным оказалось это превышение по незавершенному производству и запасам готовой продукции, что говорило о качественном улучшении организации производства на уровне предприятий и народного хозяйства [21]. Обобщающим показателем повышения эффективности производства в этот период явилось значительное снижение себестоимости промышленной продукции (в ценах, сопоставимых с ценами в преды-

душий период). При всей неточности этого показателя, он все же характеризует тенденцию изменения уровня затрат. В среднегодовом исчислении себестоимость продукции снижалась в этот период более чем на 4 % [22]. Благодаря такому быстрому снижению затрат прибыль в народном хозяйстве за годы пятой пятилетки выросла почти в 2 раза, при неоднократном снижении оптовых цен.

Вследствие быстрого повышения эффективности производства в начале 50-х годов резко увеличились военные расходы, продолжали повышаться реальные доходы населения, развернулись крупные стройки народнохозяйственного значения. Такое сочетание не удавалось обеспечить перед второй мировой войной, при гораздо более низком уровне эффективности производства.

3.4. ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ УЛУЧШЕНИЕ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В ПЯТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ

В первые годы пятилетки в связи с застоем сельскохозяйственного производства и значительным увеличением военных расходов после начала войны в Корею росло преимущественно производство и потребление непродовольственных товаров, что, кстати, при этих условиях тоже можно считать немалым достижением. После смерти Сталина и целого ряда мер по сокращению военных и других связанных с ними расходов (например, строительства ряда железнодорожных линий стратегического значения) производство и особенно потребление продовольственных и непродовольственных товаров возросло, можно сказать, на порядок. Резкое повышение эффективности производства, определенное сокращение военных расходов в 1953–1954 годах и использование части очень крупных к 1953 году золотых резервов для закупки предметов потребления и сырья для их производства позволили, начиная с 1953 года, качественно поднять производство предметов потребления и потребительскую способность населения. Наряду с очень заметным ростом производства традиционных товаров (мяса, молочных продуктов, тканей, обуви и т.д.) в этот период впервые в массовом масштабе было развернуто производство многих товаров культурно-бытового назначения долговременного пользования (выпуск наручных часов увеличился более чем в 5 раз и достиг 8 млн шт., более чем в 3 раза выросло производство радиоприемников, началось

массовое производство телевизоров, бытовой мебели). СССР с большим опозданием по сравнению с западными странами вступал в эру общества благосостояния. Все еще ничтожным оставалось производство легковых автомобилей, холодильников и стиральных машин. Но заметно расширилось жилищное строительство, хотя это еще не могло заметно повлиять на обеспеченность населения жильем. Уровень жизни населения, по западным стандартам, все еще оставался низким, но приближение к этим стандартам уже началось, и для советского населения этот период (автор хорошо это помнит по своим юношеским впечатлениям) представлялся временем небывалого расцвета благосостояния и уменьшения товарного дефицита, по крайней мере в крупных городах.

Принятые осенью 1953 года постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР о развитии сельского хозяйства, об увеличении производства предметов потребления, о расширении розничного товарооборота намечали огромный рост производства и потребительских благ в 1955–1956 годах. Размеры этого увеличения были значительно большими, чем даже тот, совсем немалый, рост, что намечался по пятому пятилетнему плану. Однако для квалифицированного экономиста очевидно, что новые задания предполагали столь колоссальный рост сельскохозяйственного производства и капиталовложений в сельское хозяйство и производство группы Б, что достичь его было невозможно. Повышение производства и потребительских благ в 2–2,5 раза за 5–6 лет, как предусматривалось этими постановлениями, требовало либо фантастического роста эффективности производства во всей экономике, либо полного сворачивания военных расходов, что не предусматривалось. Этот нереальный план ставился в 1955 году в вину Г.М. Маленкову и принятому курсу, который связывался с его именем, указывалось прежде всего на недооценку опережающего роста производства группы А. В свете сказанного выше такой упрек выглядит оправданным, хотя формально решения принимались всем руководством страны.

Принятие указанных постановлений было одним из ранних симптомов того, что более реальное в послевоенный период планирование советской экономики снова становилось менее реальным. Однако усилия, прилагавшиеся к выполнению этих постановлений, действительно привели к значительному расширению производства потребительских товаров, хотя и в гораздо меньших размерах, чем планировалось.

3.5. ЭКОНОМИКА СССР ВЫИГРЫВАЕТ СОРЕВНОВАНИЕ С КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМИ СТРАНАМИ

Достигнутые в пятой пятилетке темпы роста советской экономики намного превышали темпы роста в США, Великобритании и ряде других относительно медленно растущих в этот период капиталистических стран. Но они часто превышали и темпы развития экономики в Японии и Западной Германии, которые считались странами экономического чуда. Так, производство электроэнергии, самое концентрированное выражение уровня экономического развития страны, в 1950 году в СССР превышало уровень ФРГ в 2 раза, а в 1955 году – уже в 2,2 раза. По прокату черных металлов опережение в 1950 году было в 2,55 раза, а в 1955 году – в 2,48 раза. По производству цемента в 1950 году СССР несколько отставал, а в 1955 году уже заметно опережал ФРГ. Рост производства хлопчатобумажных тканей, кожаной обуви и радиоприемников в СССР был выше, чем в ФРГ. По производству электроэнергии СССР опережал Японию в 1950 году в 2,03 раза, в 1955 году – в 2,61 раза; по производству проката опережение сократилось с 5,1 до 4,25 раза; по цементу опережение составило в 1950 году 2,26 раза, в 1955 году – 2,12 раза. Грузооборот государственных железных дорог вырос в Японии за этот период в 1,28 раза, в СССР – 1,61 раза. Таким образом, и Японию, если судить по наиболее надежным натуральным показателям, по темпам роста промышленности СССР скорее опережал. То же самое можно сказать и в отношении производительности труда. И в ФРГ, и в Японии в этот период значительная часть прироста промышленной продукции обеспечивалась за счет увеличения численности работающих в промышленности, в то время как в СССР преобладающее значение имел рост производительности труда. В отношении Японии следует иметь в виду, что быстрый рост производства в этот период происходил при крайне низком уровне жизни населения, которое еще более ухудшилось по сравнению с весьма низким довоенным уровнем. Прирост производства был сориентирован на наращивание производственного потенциала и на стремительный рост экспорта, а не на повышение внутреннего потребления. При наличии массовой безработицы миллионы рабочих трудились по 10–14 часов в день (как в советских лагерях). Продажа детей в рабство, дочерей в дома терпимости – это было повседневным явлением в Японии начала 50-х годов.

Сотни тысяч детей в возрасте 10–12 лет работали на японских фабриках с утра до поздней ночи [23]. Крайне тяжелыми были жилищные условия трудящихся. Как видим, очень многое в условиях жизни населения Японии в этот период напоминало тяжелейшие условия жизни населения СССР в период индустриализации в 30-е годы, а кое-что (применение детского труда, продолжительность рабочего дня, продажа детей в рабство) было еще хуже.

3.6. ПОДЪЕМ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Крупнейшим хозяйственным достижением 50-х годов явился грандиозный (не побоюсь этого слова) подъем сельского хозяйства. И это было важнейшим условием повышения уровня жизни населения, подъема легкой и пищевой промышленности. Именно в сельском хозяйстве на протяжении долгих лет достижения советской экономики были наименее значительными, и многие специалисты внутри страны и за рубежом считали, что крупных достижений в этой области ждать невозможно из-за органических дефектов колхозного строя и в целом общественного хозяйства, особенно явных именно в этой отрасли экономики. Однако, как только советское государственное руководство определило подъем сельского хозяйства как свою первоочередную задачу (начиная с 1953 года), достижения не замедлили появиться. В целом за 1952–1958 годы продукция сельского хозяйства СССР выросла примерно в 1,5 раза, т. е. почти на 10 % ежегодно. Таких колоссальных темпов роста в нормальный (а не восстановительный период) не знало, насколько мне известно, сельское хозяйство ни в одной стране капиталистического мира, даже в США в 60–70-е годы XIX века. Другой особенностью роста сельскохозяйственного производства явилось то, что он происходил преимущественно на интенсивной основе. За указанный период численность занятых в сельском хозяйстве практически не изменилась. Это означает, что производительность труда в сельском хозяйстве росла ежегодно на те же почти 10 %. И это совершенно небывалый рост производительности труда в сельском хозяйстве, практически равный росту производительности труда в промышленности в этот же период.

Если сопоставить рост урожайности и посевных площадей, поголовья скота и продуктивности животных, то при существенном росте

посевных площадей и поголовья скота все же бóльшая часть прироста сельскохозяйственной продукции обеспечивалась за счет роста урожайности и повышения продуктивности животноводства. Таким образом, и в сельском хозяйстве преобладали интенсивные методы, как и предполагалось директивами XIX съезда КПСС.

Решающий фактор роста сельскохозяйственного производства — это улучшение материально-технической оснащенности сельского хозяйства и качества руководства сельским хозяйством. Парк важнейших сельскохозяйственных машин и орудий в этот период вырос в 1,5–2 раза благодаря росту отечественного сельскохозяйственного машиностроения. Значительно были увеличены поставки сельскому хозяйству минеральных удобрений.

Сельское хозяйство укрепились квалифицированными специалистами: механизаторами, руководителями сельскохозяйственных предприятий, направленными сюда из промышленности, из управленческого аппарата, партийных органов. Если до сентябрьского пленума ЦК КПСС 1953 года большинство сельских управленцев имело начальное образование, то теперь произошла их массовая замена на руководителей со средним специальным и высшим образованием. Резко повысился квалификационный уровень механизаторов сельского хозяйства, их ряды также пополнились работниками промышленности и вновь обученными механизаторами.

Наконец (но отнюдь не в последней степени), огромный подъем сельского хозяйства в этот период обеспечивался серией мероприятий по повышению уровня жизни тружеников села и их заинтересованности в результатах сельскохозяйственного производства: повышением заготовительных и закупочных цен, уменьшением налогового бремени, поощрением личного подсобного хозяйства, более высокими ставками оплаты труда работников МТС и совхозов.

В целом этот период показал, что колхозы и совхозы при обоснованной экономической политике и помощи могут быть достаточно эффективными хозяйственными предприятиями.

3.7. НЕДОСТАТКИ СОХРАНЯЮТСЯ

Впечатляющие достижения советской экономики в пятой пятилетке не должны заслонять многие хронические ее недостатки, которые в этот период только несколько ослабли. Качество многих изделий оста-

валось низким. Это относится прежде всего к потребительским товарам (особенно к их внешнему виду), но и к средствам производства тоже, в частности, к оборудованию. Сошлюсь на книгу О. Антонова «Для всех и для себя», вышедшую, правда, в середине 60-х годов, но приводящую многочисленные факты низкого качества изделий, характерные в определенной степени и для середины 50-х годов. Многочисленные постановления о повышении качества продукции давали ограниченный результат. Хотя в связи с большей товарно-денежной сбалансированностью и усилением внимания к производству потребительских товаров именно в середине 50-х годов дефицит потребительских товаров уменьшился, он все еще оставался значительным, поскольку торговля имела ограниченные возможности воздействия на структуру промышленного производства, да и стимулы для такого воздействия у самой торговли были ограниченные. Для выполнения плана товарооборота хватало и выделяемых ресурсов. К сожалению, именно по проблеме дефицитности на потребительском рынке мы практически не имеем надежных данных. Это связано с тем, что в статистике розничной торговли в то время дефицитность продукции, или иначе – обеспеченность спроса населения, практически не отражалась. Изменение уровня запасов по ограниченному кругу укрупненных товарных групп могло характеризовать этот процесс только очень грубо. Здесь уместно отметить, что советское руководство уделяло деятельности Министерства торговли (в отличие, скажем, от министерств, занимавшихся тяжелой промышленностью), весьма немного внимания (хотя и больше, чем в предыдущие периоды). Даже не было попытки внедрить такие показатели деятельности или методы стимулирования, которые побуждали бы торговые организации и министерства, производящие потребительские товары, добиваться лучшего удовлетворения спроса населения, в отличие от некоторых стран Восточной Европы, таких как ГДР или Чехословакия, где эта линия и тогда, и позднее, в 60-е годы, проводилась более активно и результативно. Историкам предстоит еще серьезно вникнуть в деятельность и Министерства торговли, и Госкомитета СССР по материально-техническому снабжению, чтобы выявить реальный механизм советской экономики в этот период и его реальные результаты. Эта сфера советской экономики (сфера обращения) до сих пор остается малоисследованной. Определенным шагом в ее изучении можно считать работы Елены Осокиной, но они от-

носятся к довоенному периоду, и, к сожалению, при всей их информативности и правдивости, у них все-таки более разоблачительный уклон, чем аналитический.

Крупные достижения советской науки в середине 50-х годов не должны создавать впечатления полного благополучия в этой сфере. За успехами в ряде областей науки и техники скрываются крупные провалы в других областях. Конечно, дефекты советской системы организации научных исследований и отсутствие свободы публичного обсуждения конкретных недостатков в научных исследованиях приводили к образованию многих зон бедствия в научно-технических исследованиях и разработках. Очень точно об этих провалах и их причинах говорил в середине 50-х годов крупнейший советский ученый в области механики академик Л.И. Седов в статье, опубликованной в 1955 году в газете «Известия». Ввиду важности статьи приведу из нее значительные выдержки. Автор подвергает критике деятельность многих отраслевых институтов, превратившихся в «резерв квалифицированной рабочей силы, которая используется различными конструкторскими бюро для ликвидации всякого рода прорывов. В лучшем случае, на отраслевые институты возлагается еще оценка различных предложений и составление экспертиз, необходимых для подготовки документации в министерствах» [24].

Уничтожающей критике подвергает Л. Седов профессиональный и моральный уровень значительной части научных работников того периода. «В настоящее время практически невозможно производить замену научных руководителей или исполнителей в институтах и в вузах без вскрытия и фиксации особых, вопиющих прегрешений» [25].

На этом можно было бы поставить точку, так как уже сказанное Л. Седовым подтверждает удручающее положение в этой сфере. Но продолжу. «Показной энтузиазм, внешние признаки большой загрузки и сверхдолгое сидение в кабинетах зачастую служат основанием для положительной характеристики научных работников, несмотря на то, что их отдача, связанная с настоящими знаниями и творческой деятельностью, явно недостаточна. Бывают случаи, когда отдельные известные профессора оказывают поддержку и окружают себя малоквалифицированными, посредственными научными работниками, главная заслуга которых состоит в слепой преданности и в восхвалении своего патрона. В результате, на нездоровой почве возникает сплоченная кли-

ка, которая захватывает командные и руководящие посты, однако ее общий низкий уровень приводит к снижению уровня целой отрасли науки, служит тормозом в деле выдвижения действительно даровитых молодых кадров... Еще очень часто (! – Г. Х.) неверные или слабые работы не получают ясной и должной квалификации. Критические замечания сплошь и рядом проходят бесследно как для виновников низкого качества работ, так и для организаций, в которых эти работы произведены. Либеральное отношение к неоспоримому научному браку достигает иногда совершенно поразительных размеров» [26]. Какое же лечение предлагал Л. Седов от этих пороков советской науки? «Надо создать обстановку, при которой фиксирование ошибок в научных работах и искоренение различного рода халтуры встречало бы всемерную общественную поддержку и рассматривалось бы как дело чести, как дело государственной важности, как забота о повышении производительности труда в науке» [27]. Вот этой «всемерной общественной поддержки», и прежде всего государственной, впоследствии остро не хватало советской науке, как и другим областям жизни. И поэтому загнивание должно было в этих условиях охватывать все новые и новые области науки и техники.

Кстати, в своей статье Л. Седов сетует на то, что «замечательный производственный опыт, накопленный, например, в авиационной промышленности, еще слабо используется в других отраслях производства» [28], о чем я уже писал.

Отступление. Политический фон экономического развития конца 40-х – начала 50-х годов.

Для лучшего понимания событий экономической жизни первой половины 50-х годов необходимо, хотя бы вкратце, попытаться воссоздать их политический фон и оценку его Сталиным, который определял характер социально-экономического развития партии и страны. При этом следует учитывать, что как раз в начале 50-х годов вследствие преклонного возраста и ухудшения здоровья политическая активность Сталина резко снизилась, и на повседневный ход политической и хозяйственной жизни все больше стали влиять его ближайшие соратники. На этот счет имеется достаточное количество свидетельств людей из ближайшего окружения Сталина (например, в воспоминаниях Н.С. Хрущева, беседах В.М. Молотова с Ф. Чуевым). Приведу наиболее пространное изложение этого обстоятельства из воспоминания

Н.Г. Кузнецова, бывшего в то время министром Военно-Морского флота. «Когда я снова вернулся на работу в Москву в 1951 году, я заметил крупные изменения в руководстве страной. Сталин, возведенный в ранг непогрешимого, уже редко появлялся на сцене, но именем его прикрывались те, кто фактически стоял у власти. На XIX съезде партии и знаменитом после него Пленуме ЦК уже все видели, что происходит что-то неладное, что Сталин только подмахивает перечни постановлений правительства. «Тройки» и «пятерки» уже полностью заменили его в практической работе, не решая острых вопросов. В этом «окружении» не было слаженности. Мне приходилось наблюдать работу «тройки»: Берия, Маленков и Булганин. Чувствовалось, что каждый тянул к себе, проворачивал то, что ему ближе. Государственного подхода не было. Этим они не помогли Сталину в конце его жизни, а наоборот, оставили самое тягостное впечатление. Много решений было принято, исходя из субъективных потребностей членов «тройки» или «пятерки». Каждый старался протолкнуть дела, которыми он ведал, отталкивая того, кто послабее... Самые острые вопросы, которые выдвигала жизнь в деле руководства страной, не решались и никто не чувствовал ответственности за это» [29].

С другой стороны, конечно, никто, кроме Сталина, не мог решать принципиальные вопросы дальнейшего развития советского общества (или откладывать их решение). Некоторые высказывания Сталина в этот период и практические шаги в деятельности советского государства помогают воссоздать оценку Сталиным положения в стране и партии в начале 50-х годов. Если охарактеризовать ее кратко, то, как мне кажется, речь может идти об известной растерянности и о растущей тревоге за будущее страны и социализма. На такой вывод наталкивают и свидетельства двух людей, достаточно близко общавшихся со Сталиным в этот период: Д. Шепилова, назначенного незадолго до смерти Сталина председателем Идеологической комиссии ЦК КПСС, и Д.Г. Чеснокова, избранного на XIX съезде партии членом Президиума ЦК КПСС. Из воспоминаний Д. Шепилова очевидно, что Сталин уже после XIX съезда партии был крайне недоволен состоянием многих областей жизни советского общества, и по его указанию было создано несколько комиссий по подготовке новых решений в различных областях жизни общества. Более подробно Д. Шепилов пишет о крайне негативной оценке Сталиным состояния идеологической работы и

просто уничтожающей оценке им важнейших деятелей в этой области за их догматизм и низкий интеллектуальный уровень. В ряде работ последнего времени делаются ссылки на телефонный звонок Сталина Д.Г. Чеснокову: за несколько дней до своей смерти Сталин буквально умолял Чеснокова (нашел, на кого надеяться!) взяться за решение теоретических проблем, без решения которых «мы погибнем». С другой стороны, работа Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» говорит о большом беспокойстве Сталина за судьбы социализма в СССР в связи с сохранением товарно-денежных отношений и двух форм собственности.

Очень важным мне представляется в этой связи свидетельство Л. Кагановича. Обращая внимание на слова Сталина в его выступлении на XIX съезде партии о том, что братским партиям надо учиться не только на наших достижениях, но и на наших ошибках, Л. Каганович полагал, что, если бы Сталин жил, он бы выступил с самокритичным докладом [30]. Выскажу предположение, что нежелание Сталина выступить с отчетным докладом на XIX съезде объяснялось не столько его физической слабостью (он сумел в течение полутора часов говорить на последующем пленуме ЦК КПСС), сколько неготовностью представить программу политических и экономических изменений.

Какие основания были у Сталина для такого острого беспокойства за судьбы социализма в СССР в период, казалось, его самых больших успехов, после победы революции в Китае и крупнейших экономических и военно-технических достижений СССР в конце 40-х – начале 50-х годов, о которых говорилось выше? Прежде всего Сталин, конечно, полностью осознавал экономическое, военное и научно-техническое превосходство капиталистического лагеря над социалистическим и невозможность его преодолеть в обозримом будущем, несмотря на большие экономические успехи СССР и других социалистических стран.

По абсолютному объему промышленного и сельскохозяйственного производства в этот период капиталистический мир на порядок был сильнее социалистического. По производству электроэнергии это превосходство составляло не менее 8 раз, выпуску стали – 5 раз, производству цемента – 5 раз и т. д. По численности населения и запасам природных ресурсов капиталистический мир также значительно превосходил социалистический. При этом, что исключительно важно, в

отличие от 30-х годов, когда капиталистический мир был расколот, в начале 50-х годов, несмотря на отдельные разногласия между капиталистическими странами, они были достаточно сплочены под руководством США. Научно-техническое превосходство капиталистического мира проявилось в том, что основные научные и технические достижения этого периода были сделаны в капиталистических странах, хотя наука в СССР и других социалистических странах росла и количественно и качественно (имеются в виду, конечно, естественные науки), а в военной области в СССР были немалые собственные достижения и оригинальные разработки. Наконец, в военной области превосходство США и ее союзников наиболее отчетливо выражалось в запасах ядерного оружия и средствах их доставки. Несомненно, на мрачную оценку Сталиным перспектив социалистического лагеря влияло и то, что послевоенные иллюзии неизбежности сильного экономического кризиса в капиталистических странах, аналогичного тому, что разразился после первой мировой войны, оказались призрачными. Как раз в начале 50-х годов происходило быстрое экономическое восстановление в Западной Европе и Японии, не оправдались и надежды на значительный рост левых сил в мире. После первых, довольно внушительных, успехов сразу после войны, левые силы в конце 40-х – начале 50-х годов потерпели серьезные поражения в подавляющем большинстве стран Европы, Азии и Латинской Америки. Война в Корее как раз к началу 50-х годов выявила (при всех крупных неудачах южно-корейской и американской армий в первый период войны) военное и экономическое превосходство США и их союзников. Следует иметь в виду, что в США в этот период очень серьезно обсуждался план превентивного военного нападения на СССР, и возможность возникновения такой войны в связи с каким-нибудь локальным конфликтом была чрезвычайно велика. Крупнейшей неудачей Сталина, имевшей далеко идущие последствия, была неспособность изменить избранный коммунистическим руководством Югославии независимый курс внешней и внутренней политики.

Вместе с тем, при всей внешней стабильности внутривнутриполитического положения в СССР и здесь далеко не все было спокойно. Прежде всего обозначились серьезные разногласия по многим внутри- и внешнеполитическим вопросам в среде советских руководителей. Сталин имел основания опасаться, что после его смерти верх возьмут силы,

склонные к уступкам капиталистическим странам в области и внутренней, и внешней политики, и это, собственно, и подтвердилось реальными действиями нового послесталинского руководства. В то же время в стране исподволь нарастало недовольство сложившейся тоталитарной системой, о чем говорило появление довольно многочисленных подпольных молодежных организаций, создававшихся под лозунгами демократического возрождения социализма. Впервые начались серьезные волнения в лагерях (уничтожение стукачей, забастовки). Сохранялось и партизанское движение на Западной Украине, хотя и в сильно ослабленном виде. Видимо, у Сталина вызывала сомнения идейная устойчивость нового правящего слоя, утвердившегося после уничтожения ленинской партии в 1937–1938 годах. Недаром уже тогда, в качестве превентивной меры, Сталин сопровождал смену партийного и государственного аппарата резким усилением его политического образования на базе высших партийных школ и Академии общественных наук. Совсем не случайно, что чистка в партии в 1937–1938 годах сочеталась с повышенным вниманием Сталина к идейной подготовке руководящих партийных кадров и вообще к политической учебе. Сталин имел основания полагать, что технический профессионализм и управленческие способности нового руководящего слоя не будут подкрепляться его идейной приверженностью социализму и коммунизму, как и случилось впоследствии.

Но политическое образование не могло заменить жизненный опыт и социальное происхождение.

Появившиеся в печати осенью 1999 года записи выступления Сталина на пленуме ЦК КПСС после XIX съезда партии, сделанные академиком А.М. Румянцевым, говорят о признании Сталиным раскола в Политбюро и партии. Эти записи подтверждают догадку, высказанную за много лет до этого А. Авторхановым, относительно раскола в советском политическом руководстве в последние годы жизни Сталина.

Осмысление работ Сталина последних лет его жизни, его действий в области внешней политики в те же годы, материалов XIX съезда партии, персональные изменения в высшем руководстве и многое другое привело меня к гипотезе, что Сталин в последние годы жизни в полной мере осознал завершенность предыдущего этапа социально-экономического развития СССР и тупиковость его дальнейшего продолжения. В связи с этим он готовил, а частично уже и начал, очень

серьезные изменения всей социально-экономической системы в направлении ее демократизации, большей социальной направленности экономики. В этой связи имелось в виду и ослабление напряженности в отношениях с западными странами. Предполагалась и децентрализация в управлении экономикой [31].

Смерть Сталина (скорее всего, насильственная, в целях предотвращения указанных изменений) прервала реализацию многих положений этой программы либеризации советского общества, в особенности изменение роли партии в жизни советского общества...

Исследователи общественного развития СССР в послевоенный период, как мне кажется, не обратили внимания на очень важные положения из отчетного доклада Г. Маленкова на XIX съезде партии, которые свидетельствовали об осознании Сталиным (а только он мог взять на себя ответственность за определение важных теоретических положений) необходимости глубоких изменений в характере политического устройства советского общества. В разделе о положении в партии акцентировалось внимание на четырех пунктах: 1) необходимо дать больший простор самокритике и критике снизу; 2) дисциплина, партийная и государственная, должна быть укреплена и стать единой для всех – руководителей и руководимых; 3) выдвижение и подбор кадров должны проводиться более строго, не должно быть места для кумовства и личных капризов; 4) необходимо усилить идеологическую работу, чтобы не допустить возрождения буржуазной идеологии и остатков антиленинских групп [32]. Положения отчетных докладов на съездах партии были указанием к действию и программными документами для партии и государства. В положениях впервые после 20-х годов, и, кажется, еще более решительно, говорится о бюрократическом перерождении государственного и партийного аппарата, грозящем крахом советской системы (без чего бессмысленно было об этом писать). Партия нацеливала на преодоление этих явлений, но в докладе отсутствовал механизм проведения этих изменений. Как будто бы их инициаторами должны были стать рядовые граждане и члены партии. Но это трудно было совместить с сохранением тоталитарного режима и отсутствием свободы выбора, реальной выборной системы и т.д. Во всяком случае, можно утверждать, что к концу жизни И. Сталин и часть его окружения видели грозные опасности для будущего советской социалистической системы. При всех ограниченных правах отдельных граждан и

членов партии влиять на положение дел в обществе такая возможность все же существовала, особенно для членов партии. Речь, конечно, не шла об определении политического курса, но лишь о критике злоупотреблений и ошибочных действий должностных лиц. Сошлюсь на такого беспощадного критика сталинского курса и сталинской политической системы, как Л. Оников, много лет проработавшего в партийном аппарате. Вот что он пишет: «В 50-х годах мне самому, молодому партийному работнику, приходилось критиковать первого секретаря и других секретарей ЦК КП Эстонии, где я начинал свою работу. Тогда можно было критиковать любое, самое высокое должностное лицо в партии и государстве, кроме членов Политбюро, не говоря, конечно, о Сталине. Это держало в узде, и порой жестко, верхушку аппарата. Внутрипартийный беспредел начался позже, начиная с прихода к власти Хрущева и до Горбачева» [33].

Смерть Сталина закончила тот период развития социалистического общества в СССР, который Лев Копелев очень удачно охарактеризовал как «рабовладельческий период первоначального социалистического накопления», когда неизбежны «варварские методы преодоления варварства» [34]. Самые трудные задачи социалистического строительства, казавшиеся неразрешимыми в крайне отсталой стране в капиталистическом окружении, в значительной степени были разрешены: создана достаточно мощная индустриальная, научно-образовательная база, военная мощь, создано социалистическое окружение. Население страны, при всем недовольстве многими сторонами действительности, под влиянием пропаганды, страха и реальных достижений в большинстве приняло социалистические ценности. Господство общественной собственности, созданной при советской власти, делало немислимой реставрацию капитализма уже в силу хотя бы того, что невозможно было ни найти дореволюционной собственности, ни продать ее отечественным собственникам.

Вместе с тем в общественной системе оставались многочисленные элементы «рабовладельческого периода», азиатского способа производства и жизни, которые делали несчастной жизнь большей части граждан и не позволяли обеспечить дальнейшее успешное развитие советского общества. Здесь и нищенский уровень жизни большинства населения, и политическое и правовое бесправие граждан, и существование гигантской системы принудительного труда, и многие структур-

ные недостатки экономики. В целом и по уровню жизни, и по экономическому уровню, и по политическим правам и свободам граждан советская система далеко уступала капиталистической, которая в то время уже восприняла многие традиционно социалистические ценности, но превосходила общественные системы большинства развивающихся стран того периода.

Будущее социализма и СССР зависело от того, сумеет ли послесталинское руководство найти путь постепенного преодоления элементов «рабовладельческого периода», не разрушая социалистических ценностей и стабильности общественного устройства. Это была задача колоссальной сложности, ибо речь шла об изменении уже сложившейся и укоренившейся системы. Как и всякий глубокий общественный переход, этот был сопряжен с опасностью общественной дестабилизации и дезорганизации. Его приходилось осуществлять на уже сложившемся человеческом материале, ментальность которого сформировалась десятилетиями жизни в деспотическом обществе и столетиями жизни в авторитарном российском обществе. Вместе с тем за весь период советской власти не было более благоприятного периода для начала такого поворота, ибо уже сложились материальные, внешнеполитические, социальные силы для его осуществления (многочисленный слой интеллигенции и квалифицированных рабочих, часть государственного и партийного аппарата), которые тяготились тоталитарным строем и хотели его либерализации. Наличие квалифицированных кадров позволяло обеспечить замену еще оставшихся на своих местах малообразованных и привыкших исключительно к насильственным методам руководителей более способными и демократическими и в то же время достаточно требовательными, как это диктовалось потребностями индустриального общества и командной системы экономики. Важнейшие преобразования в политической жизни и стиле управления в более демократическом духе должны были сопровождаться повышением уровня жизни населения (чтобы не вызывать социального взрыва из-за накопившихся социальных проблем), снижением военных расходов (что требовало улучшения отношений с западными странами). Необходимое расширение контактов с Западом все более широких кругов советского населения также требовало синхронизации с повышением уровня жизни, ибо шок от сопоставления со значительно более высоким уровнем жизни на Западе неизбежно должен был привести к уменьше-

нию привлекательности советского образа жизни и социалистических идей. Одним словом, назревшие социальные изменения требовали от руководства страны и партии необыкновенно тонкой и прозорливой работы. Нельзя было также не учитывать многовековых традиций русского общества, привыкшего к авторитарным методам управления. Вот почему решающее значение, как это всегда бывает в тоталитарной системе, имели качество личности и политическая линия нового лидера страны.

В коммунистических партиях сталинского типа не было условий для проявления стратегически мыслящего государственного и партийного деятеля. Вождь партии монополизировал выработку стратегии развития и функции единственного теоретика. От остальных требовалась лишь высокая исполнительность и компетентность в рамках выработанных вождем установок. Самостоятельная теоретическая работа, независимое мышление в партии исключались. Поэтому самостоятельный политический деятель мог появиться лишь случайно, почти нелегально. В руководстве КПСС самостоятельным политическим мышлением обладали только два человека: Л. Берия и В. Молотов. Первый – благодаря большому здравому смыслу и огромному опыту хозяйственной и политической работы (НКВД). Второй – благодаря тоже большому опыту административной работы в качестве главы правительства в течение 11 лет и склонности к теоретическому мышлению, не поощрявшемуся, но и не пресекавшемуся Сталиным. Л. Берия, как показали его действия после смерти И.В. Сталина, был сторонником значительной либерализации общества, вплоть до роспуска колхозов в отдельных регионах, ограничения роли партии в жизни общества, смягчения международной обстановки, расширения прав союзных республик, реабилитации части политических заключенных и прекращения пыток, уменьшения военных расходов на основе смягчения международной напряженности. В. Молотов, если судить по его практическим действиям и воспоминаниям, был не против известной корректировки во внутренней и внешней политике, но в целом считал надолго единственно возможным и целесообразным способом функционирования социалистического общества уже сложившийся тип, нуждавшийся в усовершенствовании, в устранении пережитков капитализма в виде товарно-денежных отношений и колхозов и чрезмерных привилегий номенклатуры.

Безусловно, к концу жизни Сталина политическая и хозяйственная напряженность достигла критического уровня. Речь не идет об экономическом кризисе. Росло даже производство потребительских товаров. Но уровень жизни основной части населения был крайне низким, а требования к нему со стороны государства чрезмерно высокими, что ощущали на себе не только рядовые граждане, но и руководители, которые, однако, щедро вознаграждались за те требования, которые к ним предъявлялись. Хозяйственные трудности начала 50-х годов определялись колоссальными военными расходами в условиях противостояния СССР и его союзников несравненно более могущественной экономически коалиции капиталистических государств и полупараличом государственного управления в условиях резкого ослабления активности деятельности И.В. Сталина. Определенное ухудшение качественного состава руководящих кадров в стране началось уже сразу после войны. Устранение талантливого хозяйственника Н.А. Вознесенского, ленинградской группы государственных деятелей, более организованных и квалифицированных, пожалуй, лучшего администратора советского периода В. Молотова, ряда крупнейших хозяйственников еврейской национальности в конце 40-х годов – все это серьезно ослабило эффективность хозяйственного управления командной экономикой. Такие выдвиженцы конца 40-х годов, как Н.С. Хрущев и Н.А. Булганин, значительно уступали по своим деловым качествам В.М. Молотову, Н.А. Вознесенскому и А.А. Жданову.

К середине 50-х годов, после налаживания массового производства атомного и водородного оружия и средств его доставки, военная опасность для СССР серьезно уменьшилась. Было достигнуто определенное смягчение международной напряженности. Экономическая мощь страны значительно укрепилась. Все эти события создали благоприятные возможности для внутривнутриполитической разрядки: освобождения политзаключенных, смягчения уголовного законодательства, повышения уровня жизни населения, большего внимания к материальным и духовным нуждам советских людей. У значительной части правящего слоя появилось острое желание смягчить казавшееся чрезмерным и обременительным бремя забот и требовательности предыдущего периода. Здесь совпадали желания простых людей и части руководителей и объективные возможности экономического и политического состояния общества. Вопрос состоял в нахождении грани между

возможным и невозможным, опасным для развития экономики в условиях командной системы степенью снижения уровня требовательности и дисциплины. Нужен был тщательный и объективный анализ реального состояния экономики в сопоставлении с другими развитыми странами и потребностями дальнейшего экономического развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Вайнштейн А.* Народный доход России и СССР / А. Вайнштейн. – М., 1969. – С. 161; Народное хозяйство СССР в 1967 г. – М., 1968. – С. 888.
2. *Мельянцеv В. А.* Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность / В. А. Мельянцеv. – М., 1995. – С. 181.
3. *Хлусов М. И.* Развитие советской индустрии. 1946–1958 гг. / М. И. Хлусов. – М., 1976. – С. 105–113.
4. *Шепилов Д.* Непримкнувший / Д. Шепилов. – М., 2001. – С. 286.
5. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1958. Т. 3. – С. 670. По этому же источнику приводятся и другие задания пятого пятилетнего плана, установленные директивами XIX съезда КПСС.
6. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 639.
7. Народное хозяйство СССР в 1958 году. – М., 1959. – С. 231.
8. *Ханин Г. И.* Динамика экономического развития СССР / Г. И. Ханин. – Новосибирск, 1991. – С. 265.
9. Там же. – С. 164.
10. Народное хозяйство СССР в 1960 году. – М., 1961. – С. 605.
11. *Ханин Г. И.* Динамика экономического развития СССР / Г. И. Ханин. – Новосибирск, 1991. – С. 263.
12. Там же. – С. 261.
13. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1958. – С. 638–641.
14. *Аганбегян А. Г.* В первом эшелоне перестройки / А. Г. Аганбегян. – Новосибирск, 1989. – С. 22.
15. *Хлусов М. И.* Развитие советской индустрии. 1946–1958 гг. / М. И. Хлусов. – М., 1976. – С. 56–58.
16. *Чалмаев В.* Малышев / В. Чалмаев. – М., 1978. – С. 315.
17. Там же. – С. 328.
18. Там же. – С. 314–316.
19. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1958. – С. 146–147.
20. *Ханин Г. И.* Динамика экономического развития СССР / Г. И. Ханин. – Новосибирск, 1991. – С. 263.

21. *Хейнман С. А.* Проблемы интенсификации промышленного производства / С. А. Хейнман. – М., 1968. – С. 14–15.
22. *Плышевский Б. П.* Национальный доход СССР за 20 лет / Б. П. Плышевский. – М., 1964. – С. 100.
23. *Варга Е. С.* Основные вопросы экономики и политики империализма / Е. С. Варга. – М., 1953. – С. 237–238. Выдающийся советский экономист Е. Варга в своих работах приводил только хорошо проверенные данные.
24. *Седов Л.* Размышление об ученых и науке / Л. Седов. – М., 1980. – С. 341.
25. Там же. – С. 342.
26. Там же. – С. 343.
27. Там же.
28. Там же. – С. 345.
29. *Кузнецов Н. Г.* Крутые повороты / Н. Г. Кузнецов. – М., 1995. – С. 87–88.
30. *Каганович Л.* Памятные записки / Л. Каганович. – М., 1996. – С. 498.
31. Эта гипотеза изложена и обоснована в сокращенном виде в моей статье «Сталин инициатор перестройки и либерализации?» (ЭКО. – 2005. – № 10). Полный ее текст имеется в Интернете на сайте Socionet.ru
32. Цит. по: *Боффа Дж.* История Советского Союза / Дж. Боффа. – М., 1994. – Т. 2. – С. 390.
33. *Оников Л.* КПСС: анатомия распада / Л. Оников. – М., 1996. – С. 34–35.
34. *Копелев Л.* Утоли мои печали / Л. Копелев. – М., 1991. – С. 229.

Глава 4

ШЕСТАЯ ПЯТИЛЕТКА – ТРИУМФ И НАЧАЛО КРИЗИСА СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ

4.1. ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЛ СОБОЙ ПЛАН ШЕСТОЙ ПЯТИЛЕТКИ?

*Ш*естой пятилетний план на 1956–1960 годы составлялся под влиянием огромных успехов, достигнутых в пятой пятилетке, и ясного осознания тех областей хозяйствования, где советская экономика продолжала отставать от западной. Пятилетка призвана была, мобилизуя интеллектуальные усилия общества и его огромный потенциал в разных сферах, так блестяще продемонстрированный совсем недавно при создании ядерного и ракетного оружия, преодолеть имевшиеся отставания и проделать значительный шаг к решению поставленной в пятилетнем плане задачи – догнать США в экономическом отношении.

По характеру поставленных перед шестой пятилеткой задач ее можно назвать пятилеткой второй индустриализации. Дело не только и не столько в том, что предполагалось почти удвоить объем промышленной продукции. Промышленность должна была приобрести новый вид: с высоким уровнем новейшей техники и технологии, развитой специализацией и кооперированием, комплексной механизацией и автоматизацией, резким сокращением ручного труда, улучшением условий жизни, труда и быта людей. Достижения пятой пятилетки предполагалось закрепить и приумножить.

Понятно, что указанные цели требовали очень серьезных изменений хозяйствования, преобладавшего в промышленности и других отраслях экономики долгое время (30–40-е годы). Нужны были корен-

ные изменения в качестве и руководящих кадров, и исполнителей, с более высоким уровнем квалификации и инициативы, проявлявшимся раньше лишь в некоторых отраслях экономики. Если глядеть шире, сама страна должна была стать иной.

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с пятилетним планом, это то, что он весь нацелен на научно-технический прогресс. И на макро-, и на микроуровне. Предполагалось ускоренное развитие отраслей, определяющих научно-технический прогресс (электроэнергетика, химическая промышленность, радиотехническая, электроника, приборостроение). Какую отрасль гражданской промышленности ни взять, предполагалось ускоренное развитие видов продукции и технологий, по которым СССР отставал от крупнейших капиталистических стран. При этом речь шла не о каком-то медленном устранении этого отставания, а о скачкообразном рывке вперед. Только в качестве примера: производство низколегированных сталей планировалось увеличить в 17 раз, холоднокатаного листа – в 4 раза [1], автоматических и полуавтоматических линий и оборудования для автоматических цехов и заводов – в 5 раз [2], литейного оборудования – не менее чем в 8 раз [3], синтетических волокон – в 5 раз [4].

Подобное скачкообразное повышение технического уровня экономики, однако, неизбежно должно было натолкнуться, как и при любом большом скачке, на очень серьезные препятствия. Впервые советская промышленность, прикладная наука и техника сталкивались с такими огромными задачами, которые они должны были решить исключительно собственными силами, используя западные достижения лишь в качестве образца по техническим публикациям и выставкам, а зачастую заново, как, например, по автоматическому оборудованию. Конечно, для решения подобных задач советские ученые и производственники были подготовлены лучше, чем раньше, благодаря более высокой квалификации. Однако было сомнительно, чтобы все эти задачи удалось решить враз и в столь короткие сроки. Ведь немало времени требовалось для экспериментов, налаживания опытного производства. Затем предстояло либо спроектировать и построить новые заводы, либо реконструировать старые, произвести перестройку производства. К таким задачам была плохо подготовлена именно гражданская промышленность, но даже частичное их решение подняло бы промышленность СССР на новую высоту.

Другой особенностью шестого пятилетнего плана был решительный сдвиг к специализации производства в отличие от прежней его замкнутости в пределах отдельных предприятий и министерств. Наиболее наглядно эта тенденция проявилась в планировании специализированного производства изделий общемашиностроительного применения – литья, штамповок и т.д. Оно практически отсутствовало в предыдущий период как самостоятельное. Теперь же предусматривалось строительство ни больше ни меньше, как 23 специализированных, оснащенных новейшей техникой литейных заводов общей мощностью 1,5 млн т в год и ряда специализированных литейных цехов на уже построенных или строящихся предприятиях, в том числе цеха мощностью 150 тыс. т на Павлодарском комбайновом заводе [5]. Планировались и другие мероприятия в том же направлении, к примеру, организация производства стандартного инструмента исключительно на специализированных инструментальных предприятиях и почти полное обеспечение потребности в запасных частях к тракторам и сельскохозяйственным машинам на специализированных заводах по производству таких запасных частей.

Курс на интенсификацию промышленного производства нашел свое выражение также в том, что значительную часть его прироста предусматривалось обеспечить за счет лучшего использования уже имевшихся производственных мощностей, а не за счет их нового строительства, а также за счет увеличения производительности труда на основе его механизации и автоматизации и улучшения организации производства. Планировалось существенно снизить материалоемкость продукции, хотя конкретные цифры в этом отношении не указывались. Концентрированное выражение курса на интенсификацию производства нашел в заданиях по снижению себестоимости промышленной продукции – на 17 %, т. е. на уровне предыдущей пятилетки.

В шестой пятилетке предполагалось значительно повысить уровень жизни населения за счет повышения личного и общественного потребления. Впервые предусматривалось уменьшение продолжительности рабочей недели. На порядок увеличивались мизерные до того пенсии рабочим и служащим. Объем жилищного строительства планировалось удвоить. Наконец на 50–70 % и более предусматривалось увеличение производства основных продовольственных и промышленных товаров, а по предметам долговременного пользования их рост наме-

чался в несколько раз. Поистине это была пятилетка достижения общества массового потребления на основе интенсификации производства и сокращения военных расходов. О том, что они должны были сократиться, прямо не говорилось, но косвенно это можно было определить, сравнивая намеченный рост производства продукции машиностроения на 85 % и задания по производству гражданской продукции инвестиционного и потребительского назначения, которые были значительно выше этого показателя (предполагался, судя по косвенным данным, лишь рост ракетно-ядерного потенциала).

Можно сказать, что судьба пятилетки зависела от масштабов интеллектуализации общества и сокращения военных расходов. Таким образом, советское общество должно было стать более умным и менее милитаризованным.

Если говорить только применительно к проблеме научно-технического прогресса, то стать более умным означало целый ряд явлений экономической жизни. Это и улучшение управления научно-техническим прогрессом, которое традиционно было слабым в СССР. Это и повышение роли научно-технического прогресса в оценке деятельности предприятий и министерств в ущерб, в известной степени, заданиям по текущему производству, которые тоже были весьма напряженными. Это и изменение традиционных организационных форм взаимоотношений промышленности, науки и проектирования: эти области экономики (кроме военной промышленности, и то не всей) были в СССР организационно разобщены и имели свои, нередко противоположные, цели. Это и удачный подбор руководства и персонала научных институтов, КБ и проектных институтов гражданского профиля. Фигурально выражаясь, в этой огромной сфере надо было найти своих Королевых, Курчатовых, Микоянов и Туполевых. Но помимо того, что их число вообще ограничено законами природы, необходимо было их разыскать и расставить на руководящие посты, что плохо получалось в командной экономике, где (исключая военную промышленность) больше ценили послушание, чем талант и инициативу. Надо было также оснастить новые НИИ опытными заводами, испытательными стендами, полигонами, уникальными приборами и т.д. Все это требовало немалых материальных затрат и создания новых отраслей промышленности (например, научного приборостроения). Конечно, к этому времени был уже накоплен немалый организационный опыт ре-

шения подобных задач, но само гигантское расширение их круга делало эти задачи особенно трудными. Требовалась подлинная интеллектуальная и организационная революция в экономике, сравнимая по масштабу с первой индустриализацией, но иная, более сложная по форме и содержанию. Подобные задачи до сих пор даже не ставились, и уже одно это обстоятельство, в известной степени, могло предвещать неудачу грандиозным планам ускорения.

Я ограничился анализом заданий по промышленности, ибо задания по другим отраслям имели ту же самую направленность: интенсификация производства и ускоренный технический прогресс.

Для шестой пятилетки гораздо труднее, чем для предыдущих, оценить соответствие плана производственных капитальных вложений заданиям пятилетки по производству продукции товаров и услуг.

Плановики относительно неплохо научились оценивать потребность в капитальных вложениях для нового строительства в традиционных отраслях экономики. Гораздо сложнее было определить потребность в них для новых отраслей экономики (а их в этой пятилетке было особенно много), для реконструкции производства, для внедрения новой техники и новых технологий. В шестой пятилетке именно многочисленные задачи по новой технике и новым технологиям во всех отраслях экономики занимали особенно большой удельный вес, и здесь ошибки были наиболее вероятны. Кроме того, обоснованность плана зависела от выполнения планов по улучшению использования производственных мощностей, они также были очень напряженными. В директивах по составлению шестого пятилетнего плана предусматривался рост капитальных вложений в неизменных ценах на 67 %. Учитывая намеченный рост жилищного строительства в 2 раза и задания по вводу в действие учреждений здравоохранения более чем в 2 раза (по другим отраслям непромышленной сферы задания отсутствовали), можно полагать, что рост капитальных вложений в производственную сферу был намечен заметно меньше, чем рост всех капитальных вложений. Такое распределение капитальных вложений делало выполнение заданий пятилетки в области производства особенно сомнительным – возможным лишь при чрезвычайном росте эффективности производства, на что и рассчитывали составители плана. Сказанное мною выше (при анализе пятого пятилетнего плана) относительно просчетов плановиков в связи с неумением учесть восстано-

вительную стоимость основных фондов в полной мере относится и к шестой пятилетке и дополнительно подтверждает недостаточную обоснованность намеченного объема капитальных вложений.

Как раз тогда, когда решался вопрос о способности командной экономики поддерживать паритет в экономическом соревновании с капитализмом по всему фронту, а не по отдельным его направлениям, что удавалось и ранее, институциональные механизмы и персональный состав руководителей российской экономики и политики подверглись резкому ухудшению.

4.2. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПОСЛЕ СМЕРТИ СТАЛИНА НАЧИНАЮТ РАЗВАЛИВАТЬ КОМАНДНУЮ ЭКОНОМИКУ

Два институциональных изменения, происшедшие почти сразу после смерти Сталина, имели самые негативные последствия для развития экономики. Во-первых, в системе органов управления экономикой заметно возросла роль партийного аппарата. Серьезнейшие проблемы, связанные с подменой партийными органами деятельности государственных органов, осознавались еще в начале 20-х годов (напомню, например, критику такой подмены со стороны Л.Б. Красина). Однако узость преданного новому строю слоя руководящих кадров и перво-степенное значение политической лояльности кадров по сравнению с их профессиональной компетентностью в период нерешенного еще вопроса «кто кого» в пользу социализма заставляли сохранять тогда такое дублирование. Формирование широкого слоя собственных квалифицированных кадров с годами делало такое дублирование все большим анахронизмом и помехой для компетентного руководства экономикой и обществом. Отсюда почти непрерывное (за исключением предвоенного и военного периодов) усиление роли государственных органов по сравнению с партийными, начиная с середины 30-х годов. Свое самое яркое отражение этот процесс получил в том, что большинство членов Политбюро уже в конце 30-х годов занимало государственные посты, а деятельность партийных органов (заседания Политбюро, пленумы ЦК, съезды партии) была резко ограничена и свернута. Наиболее квалифицированная часть правящего слоя была занята также в государственном аппарате. С приходом на пост первого

секретаря ЦК КПСС профессионального партийного аппаратчика Н.С. Хрущева, постепенного забиравшего в свои руки руководство партией и страной, это положение стало быстро меняться. Хрущев в борьбе за власть в стране опирался преимущественно на партийный аппарат и секретарей обкомов партии, которых было большинство среди членов ЦК, в то время как его оппоненты имели сильные позиции в государственном аппарате. Победа Хрущева над так называемой антипартийной группой означала резкое усиление роли партийного аппарата в руководстве экономикой как на высшем уровне (аппарат ЦК), так и на местах (аппарат местных партийных комитетов). Помимо неизбежной подмены деятельности непосредственно связанных с экономикой государственных органов деятельностью партийных, произошло и общее ухудшение качества руководства в связи с тем, что профессиональный состав партийных органов был слабее. К тому же они были во многом безответственны.

Другим институциональным преобразованием было резкое понижение роли контрольных органов в жизни общества. Речь идет прежде всего о контрольной функции органов государственной безопасности. В условиях командной экономики и политики взаимоконтролирующие органы власти выступали известным суррогатом политической демократии. Они давали возможность политическому руководству иметь объективную информацию о положении дел в обществе. С этой точки зрения наличие двух центральных органов власти – партии и госбезопасности, взаимоконтролирующих друг друга, имело для системы позитивное значение. Напомню в этой связи эпизод из книги А. Бека «Назначение», где вновь назначенный министром Онисимов в беседе со Сталиным узнает от него некоторые сведения о технологии производства на своих предприятиях, неизвестные даже ему самому, и только потом понимает, что они были сообщены Сталину сотрудниками госбезопасности. Понятно, что партийные и хозяйственные руководители тяготились этим контролем со стороны органов госбезопасности. Понижение их статуса после смещения Л. Берии с поста министра внутренних дел позволило лишить органы госбезопасности контрольной функции по отношению к другим органам власти. Расширилась таким образом возможность безнаказанных злоупотреблений и ошибок в хозяйственной политике и практике. Г. Попов совершенно справедливо расценил ослабление роли госбезопасности в системе органов

государственной власти СССР как важнейшую причину краха советской системы [6]. Уместно в этой связи привести мнение известного разоблачителя сталинских преступлений Александра Орлова: «Члены Политбюро, руководившие промышленностью и торговлей, были уязвлены тем, что экономическое управление НКВД регулярно вскрывало скандальные случаи коррупции, растрат и хищений на предприятиях» [7].

В то же время понизился статус и других контрольных органов, который был весьма высок во времена Сталина (Министерства государственного контроля, контрольных органов Министерства финансов и отдельных министерств).

Серьезную дезорганизацию в деятельность хозяйственных органов внесли проведенные сразу после смерти Сталина изменения в организации высшего хозяйственного руководства. Были значительно укрупнены промышленные министерства, в результате чего создавались огромные министерства с широкой специализацией, не способные квалифицированно руководить столь громоздкими отраслями. Уже через год пришлось эти министерства снова разукрупнять. Понятно, что такая реорганизация, связанная с большими персональными перемещениями, неминуемо дезорганизовала хозяйственное руководство. Был ликвидирован Госснаб СССР, созданный незадолго до этого. Имеющееся в литературе объяснение этой акции нельзя считать удовлетворительным. Утверждается [8], что он чрезмерно централизовал планирование материально-технического снабжения (о чем будет сказано ниже) и что выяснилась нецелесообразность раздельного планирования и материально-технического снабжения. Действительно, здесь есть серьезная проблема, и очевидно, что между Госпланом СССР и Госснабом СССР нередко возникали серьезные разногласия. Но они как раз могли пойти на пользу дела, если Госснаб СССР отстаивал интересы потребителей продукции народного хозяйства. Попутно отмечу, что значение организации материально-технического снабжения в функционировании советской экономики, в лучшем случае, недооценивается, но обычно просто игнорируется в работах по истории советской экономики (и советских, и зарубежных), и это серьезно сказывается на их качестве.

Наконец, была серьезно подорвана роль Совета министров СССР в руководстве экономикой. Были ликвидированы отраслевые бюро, соз-

данные по комплексам отраслей экономики и возглавлявшиеся обычно членами Политбюро, различные отделы и группы в аппарате правительства [9]. Ослабление роли правительства в управлении экономикой усиливало проявления ведомственности и местничества, резко ослабляло силу централизованного управления. Авторитет и возможности Госплана СССР были намного ниже возможностей правительства. Министры чем дальше, тем меньше считались с Госпланом СССР.

4.3. ХОЗЯЙСТВЕННОЕ РУКОВОДСТВО СТАНОВИТСЯ ХУЖЕ

Персональные изменения, происходившие в середине 50-х годов, шли в том же направлении снижения эффективности государственного управления. Прежде всего все руководители послесталинского периода намного уступали Сталину в интеллекте, образованности и понимании той политической системы, которая сложилась в Советском Союзе. Сталин имел основания сказать им: «Вы котятя. Я умру, и империалисты вас передушат». Так и случилось. Другое дело, что он сам был в этом виноват. Система не обладала способностью продвигать вверх выдающихся государственных деятелей.

Период после смерти Сталина – это время непрерывной деградации государственного руководства. Конечно, наиболее удачным преемником Сталина был бы В. Молотов, имевший огромный опыт государственного руководства и понимание системы, наиболее образованный среди соратников. Но он был ошельмован самим Сталиным и оттеснен с первых ролей еще при жизни Сталина. Вскоре после смерти Сталина был устранен третий выдающийся по своим способностям государственный деятель – Л. Берия, безусловно, имевший огромные заслуги перед советской промышленностью и наукой и самостоятельное видение перспектив развития страны и внешней политики СССР, во многом близкие идеям перестройки.

Можно согласиться с оценкой качества послесталинского руководства, данной В.А. Крючковым: «Что делать со страной, как ею управлять в новых условиях, никто в нашем тогдашнем руководстве представления как раз и не имел... Лидера под стать этому сложному историческому моменту в нашем отечестве, как всегда, не «нашлось».

Именно поэтому государство да и общество в целом начали движение вперед без четкой концепции, без ясных ориентиров» [10].

Происшедшие в первые годы после смерти Сталина изменения в общественной и экономической жизни страны противоречиво повлияли на дальнейшее развитие СССР. Некоторые из произведенных изменений назрели, и их осуществление благотворно сказалось на экономике. Сюда относятся меры по ускоренному развитию потребительского сектора, о чем уже шла речь. Помимо огромной гуманитарной ценности, радикальное сокращение использования принудительного труда в результате амнистии 1953 года и массовой реабилитации по политическим статьям в 1954–1955 годах имело также и положительное экономическое значение, так как при возросшей квалификации работающих и механизации производства принудительный труд оказывался менее эффективным, чем вольнонаемный. В активную общественную жизнь включилось немало талантливых и энергичных специалистов в технической и особенно гуманитарной областях. Если говорить только об экономистах-ученых, которые лучше мне знакомы, то уже во второй половине 50-х годов очень плодотворно начали работать такие выдающиеся специалисты, как А.Л. Вайнштейн, Я.Б. Кваша, С.А. Хейнман, С.А. Далин, В.И. Зубчанинов и некоторые другие. Расширились международные научные контакты, обмен научно-технической литературой, внешнеэкономические связи с развитыми капиталистическими странами, что создало более благоприятные условия для экономического и научно-технического прогресса. Более свободная общественная атмосфера, уменьшение страха среди населения способствовали раскрытию творческих возможностей многих людей. В результате ряда решений уменьшилось число обязательных показателей деятельности министерств, главных управлений и предприятий, которые до этого чрезмерно регламентировали их хозяйственную жизнь в областях, мало связанных с общими пропорциями развития экономики. Повышение уровня жизни населения, улучшение жилищных условий благоприятствовали росту производительности труда.

Вместе с тем многие мероприятия этого периода либо явно подрывали механизмы командной экономики, либо просто оказались преждевременными.

В уже сложившейся социально-экономической системе вождь партии и государства обеспечивал единство деятельности всех государственных и общественных институтов, препятствовал присущим данной системе тенденциям к ведомственности и местничеству. Особенно это бесспорно в отношении такого вождя, как Сталин, пользовавшегося непререкаемым авторитетом и в интеллектуальном отношении действительно превосходившего других советских руководителей того периода. Создание демократического способа управления обществом и партией, столь же эффективного, как единоличное, требовало длительного времени и больших усилий, новых конструктивных социальных институтов. Немедленный переход от единоличного к коллективному руководству уже сам по себе серьезно дезорганизовал систему государственного руководства. Потребовалось несколько лет, прежде чем в СССР появился новый единоличный руководитель. Уже первый год после смерти Сталина охарактеризовался значительными изменениями к худшему в структуре руководства экономикой, о чем говорилось выше (см. параграф 4.2). Смещение Л. Берии сопровождалось уходом с высоких постов некоторых хозяйственных руководителей, тесно с ним связанных в своей повседневной деятельности. Так, был смещен один из самых талантливых хозяйственников и руководителей науки А.С. Елян, который возглавлял крупнейший оборонный институт, занимавшийся ракетной техникой. Начала ухудшаться и система управления, о чем уже говорилось в связи с упразднением бюро Совета министров СССР.

Были организационные мероприятия после смерти Сталина, которые имели положительное значение. К таким я бы отнес передачу оптовых баз из ведения промышленных министерств в ведение Министерства торговли СССР, проведенную впервые в советской истории, как подчеркивал тогдашний министр торговли СССР А.И. Микоян в докладе перед руководителями советской торговли [11]. Такая передача, безусловно, должна была усилить влияние торговли на формирование структуры производства потребительских товаров и уменьшить дефицит нужных населению товаров. Оправданными были и некоторые шаги по увеличению прав министерств и главков, предпринятые в апреле 1953 года.

Такой проницательный мыслитель, как Александр Зиновьев (которым восхищалась либеральная интеллигенция в 70-е годы и которого

замалчивала она же в 90-е годы), отмечал: «Ослабление системы репрессий и ликвидация ее в отношении высших лиц аппарата власти послужили одной из причин краха коммунизма в нашей стране. Ликвидация системы репрессий была таковой в отношении работников аппарата власти и управления, руководителей предприятий, учреждений, организаций. Это было ослабление их ответственности за состояние руководимых объектов. В хрущевские годы начала развиваться всеобщая система безответственности за ход жизни в стране... Подлинные хозяева общества обезопасили себя лично» [12].

Важнейшим проявлением растущей бесконтрольности экономического развития явилось резкое сокращение после смерти Сталина числа показателей народнохозяйственного плана. Оно проводилось под лозунгом расширения самостоятельности министерств и местных органов власти, сокращения административного аппарата. Этот процесс начался уже в 1953 году, почти сразу после смерти Сталина, и непрерывно продолжался вплоть до 1958 года. О динамике показателей народнохозяйственного плана в 1940–1958 годы говорят следующие данные, приведенные в книге Г. М. Сорокина [13]:

Годы	Число показателей
1940	4744
1953	9490
1954	6308
1955	3081
1956	3263
1957	3390
1958	1780

В командной экономике важнейшие народнохозяйственные пропорции обеспечиваются включением их в народнохозяйственный план. Исключение их из народнохозяйственного плана неизбежно ослабляет ответственность за их соблюдение. Увеличение числа показателей народнохозяйственного плана, помимо возможных излишеств в этом отношении, отражает усложнение экономики, появление новых продуктов и увеличение числа народнохозяйственных связей. Между тем, начиная с 1954 года, вопреки этой объективной тенденции, число народнохозяйственных показателей неуклонно (кроме 1956 и 1957 годов) сокращалось и уже к 1957 году уменьшилось по сравнению с 1953 го-

дом почти в 3 (!) раза. Дальнейшее их огромное (еще в 2 раза) сокращение произошло в 1958 году. Это не могло не сказаться негативно на развитии советской экономики. Одновременно сокращалась отчетность предприятий, что также частично приводило к уменьшению контроля и ответственности (в какой-то мере отчетность действительно была чрезмерной).

Как сообщают авторы учебника по организации и планированию народного хозяйства СССР, «из народнохозяйственного плана был исключен ряд видов продукции машиностроения, которая ранее планировалась по типоразмерам, маркам, мощности и ассортименту, значительное количество видов продукции, не являющихся в настоящее время дефицитными или же потребляемыми самими министерствами-изготовителями» [14].

Если не планировать номенклатуру по типоразмерам и другим параметрам, то в командной экономике возникает соблазн выпускать самую легкую номенклатуру для выполнения плана. Что касается дефицита, то сегодня его нет, а завтра он появится снова, и пройдет много времени, пока эта продукция вернется в народнохозяйственный план.

Никакой серьезной дискуссии о целесообразных размерах сокращения плановых и отчетных показателей в то время не проводилось.

В середине 50-х годов произошло еще одно событие, подорвавшее эффективность советской командной экономики. Г.А. Явлинский считает даже, что оно было роковым для нее. Предоставлю ему слово: «В середине 50-х годов в истории советской плановой экономики произошло знаменательное событие, до сих пор еще не привлекавшее того внимания, которого оно на самом деле заслуживало. Именно тогда Политбюро впервые не смогло принять решения о единовременном пересмотре норм выработки для всех работников промышленности, транспорта и связи – как оно делало все предыдущие годы сталинского режима. Практически прекратился плановый централизованный пересмотр норм труда. Это было началом конца социализма, смертным приговором системе, исполнение которого лишь растянулось потом на 35 лет» [15].

Может показаться, что Г. Явлинский преувеличивает, приписывая одному частному решению столь роковые последствия. На самом деле это решение вписывалось в ряд других решений, ослаблявших контроль за хозяйственной деятельностью экономических субъектов. Но и

само по себе оно было важным. Централизованный пересмотр норм выработки при всей его грубости (чем и обосновывался отказ от их единовременного пересмотра) являлся важнейшим способом, заставлявшим предприятия улучшать организацию производственных процессов и осуществлять технический прогресс. Другие способы (напряженные плановые задания, в частности, задания по повышению производительности труда) обеспечивали большие возможности для их выполнения обходными путями, например, нарушением планового ассортимента, их пересмотра в ходе выполнения плана, получения дополнительных ресурсов и т.д. Г. Явлинский на основе анализа эволюции плановой системы при преемниках Сталина делает вывод, совпадающий с моим: «Плановое хозяйство после утраты жесткого сталинистского контроля – это прогрессирующий паралич собственника-государства и наращивание мускулов агентами-предприятиями» [16]. Г. Явлинский считает этот процесс неизбежным в связи с усложнением хозяйственных связей и условий экономического роста. Мне представляется, что этот вывод верен лишь частично. Требовались новые, более сложные методы планирования этих связей.

С середины 50-х годов набирал силу процесс деградации личного состава высших руководящих кадров. Он происходил одновременно с процессом улучшения этого состава на среднем и низшем уровне, и поэтому его негативные последствия сказались далеко не сразу.

Очень точную, как мне кажется, оценку причин быстрого развития советской экономики в 50-е годы дал видный советский хозяйственник В.Н. Новиков – он занимал крупные посты в военной промышленности СССР при Сталине и Хрущеве, был председателем Ленинградского совнархоза, одного из лучших в начале 60-х годов, и председателем Госплана СССР в тот же период.

В.Н. Новиков, как видно из его воспоминаний, весьма критически оценивал эпоху Сталина и довольно благожелательно – эпоху Хрущева. Тем не менее он объяснял успехи советской промышленности в 50-е годы наследием предыдущего периода. «У опытных хозяйственников с годами сложилось убеждение, что, если на хорошо поставленном заводе сменить хорошее руководство на плохое, предприятие по инерции будет хорошо работать еще три года. С моей точки зрения, в масштабе СССР сбить государство в целом на худший ритм работы можно было только искусственными или нарочито глупыми мерами,

а при нормальном состоянии страны налаженное хозяйство при сложившихся кадрах и достигнутом уровне технического прогресса, при наличии талантливых конструкторов, технологов, ученых и квалифицированных рабочих могло сохранить набранные темпы более 10 лет (так и случилось. – Г. Х.). Нашу огромную махину непросто было раскачать, но и нелегко остановить» [17].

Исключительно важен вопрос, почему в советском государстве после смерти Сталина победили руководители, ориентированные на постепенный отказ от многих элементов командной экономики, необходимых для его эффективного функционирования. Частично это связано с осознанием необходимости изменения облика социалистического общества после завершения периода «первоначального рабовладельческого социалистического накопления». Такую необходимость в той или иной степени признавали все советские руководители послесталинского периода, о чем говорит практически единодушное принятие многих решений о либерализации политической и экономической жизни после смерти Сталина, совместимых с основами социалистического общества на данном уровне его развития. На другую важнейшую причину очень точно, на мой взгляд, указал В.М. Молотов в своих беседах с Ф. Чуевым. Размышляя о причинах победы Хрущева в партии, он говорил: «Все хотели передышки, полегче пожить... Дело идет не об отдельных лицах, а об основных кадрах, тем более о широких массах. Они очень устали. И не все наверху выдерживали этот курс. Потому что очень трудно его выдерживать... Все хотели передышки, чтобы напряженность куда-то ушла» [18].

Внешним выражением стремления к передышке явилось принятие летом 1953 года постановления правительства, запрещающего в государственных учреждениях работу после окончания трудового дня. Это постановление было восторженно встречено рядовыми работниками и руководителями министерств и ведомств, изнемогавших в сталинские времена от работы во внеурочное время, нередко по ночам, пока Сталин не покинет свое рабочее место.

Нет слов, столь напряженная, на износ, работа была оправдана лишь теми чрезвычайными обстоятельствами, близкими к военным, которые переживала страна в течение 25 лет. Поэтому смягчение режима работы государственного аппарата было неизбежным и оправданным. Но оно имело свои границы, определяемые сложностями

управления огромным государственным хозяйством. Хорошо известно, что руководители и многие сотрудники крупных западных корпораций задерживаются на работе намного дольше официального трудового дня, чтобы успеть выполнить свои неотложные дела. Советские министерства по размерам превосходили многие западные корпорации, и строгое следование установленным ограничениям рабочего дня должно было серьезно сказаться на качестве хозяйственного руководства.

В условиях рыночной экономики трудовые усилия и квалифицированность хозяйственного руководства довольно быстро проверяются финансовыми результатами деятельности корпораций и других экономических единиц. В результате акционеры, не получая достаточных дивидендов и обеспокоенные дальнейшей судьбой своих предприятий, смещают нерадивых руководителей. В командной экономике, где оптовые цены устанавливались исходя из затрат и не было конкуренции, определить реальную эффективность деятельности предприятий и министерств было значительно сложнее. И сместить нерадивых руководителей мог только вышестоящий орган. После смерти Сталина, как уже было показано, деятельность многих контрольных органов была парализована. В то же время другие институты социального контроля (партийные и профсоюзные организации, печать, жалобы и письма трудящихся, критика научной общественности) были развиты слабо и в условиях авторитарной системы оказались малодейственными – менее действенны, чем контрольные органы. К тому же реальные успехи советской экономики в пятой и начале шестой пятилетки создавали и у общественности, и у руководства страной впечатление, что в основном развитие экономики идет достаточно успешно и нет оснований для серьезной тревоги. В обществе набирала силу тенденция социального склероза. Две попытки серьезных политических изменений, предпринятые, по разным причинам и с разных позиций, Л. Берией и так называемой «антипартийной группой», во многом обоснованно критиковавшей уже проявившуюся некомпетентность Н. Хрущева как государственного деятеля, были относительно легко отбиты. Советская общественная система не содержала механизма самокорректировки под влиянием общественной критики. Только крупные политические и экономические провалы могли подвигнуть ее на серьезные изменения.

Деградация профессиональных качеств советского государственного руководства началась и в хозяйственном управлении. Неудачно были выбраны уже первые два главы правительства – Г. Маленков и Н. Булганин. Первый был профессиональным партийным аппаратчиком и никогда не отвечал (в отличие, скажем, от Л. Берии) за конкретный участок хозяйственной работы. Неудивительно, что очень скоро выявилась его непригодность как руководителя правительства, отвечавшего прежде всего за решение хозяйственных вопросов. Не лучшим оказался его преемник. Почти все воспоминания современников характеризуют Н. Булганина крайне негативно, как малоквалифицированного, безынициативного и посредственного человека. Можно назвать целый ряд государственных деятелей того времени, которые по своим личным и профессиональным качествам намного превосходили Маленкова и Булганина. Это, конечно, прежде всего Л. Берия и В. Молотов, имевшие многолетний опыт хозяйственного руководства. Но это также сильный хозяйственник и политический деятель, человек огромной энергии и большого ума – А. Микоян, единственным недостатком которого, с точки зрения возможности пребывания на посту главы правительства, была нерусская национальность. Но было немало и русских талантливых руководителей большого ранга, к примеру М.Г. Первухин, М.З. Сабуров. Одним словом, выбрали, как это часто делалось в России, худших.

Другой важнейший для хозяйственного руководства пост — председателя Госплана СССР – осенью 1955 года был доверен Н. Байбакову вместо М. Сабурова, занимавшего эту должность много лет и достаточно успешно руководившего Госпланом СССР, как это видно из анализа пятого пятилетнего плана и результатов его выполнения. Назначение председателем Госплана СССР министра нефтяной промышленности противоречило прежней правильной практике выдвижения на этот пост крупного государственного деятеля ранга члена Политбюро ЦК. Уже один только этот факт означал явное понижение статуса высшего планового органа страны, контролировавшего деятельность министерств. Но если уж назначать министра, то с большим опытом работы в ведущей отрасли экономики того времени – в машиностроении, точнее в оборонном машиностроении. И таких кандидатов было немало. Но выбрали опять-таки наиболее удобного. Это не могло не сказаться на качестве плана шестой пятилетки, которое было ниже

плана пятой пятилетки. Еще худшим было назначение в 1957 году, после смещения Н. Байбакова, выступившего против создания совнархозов, И. Кузьмина, вообще не имевшего опыта практической руководящей хозяйственной работы и единодушно оцениваемого как полное ничтожество, что вынудило Н. Хрущева снять его с этой должности в 1959 году.

Следующий этап демонтажа командной экономики связан с созданием совнархозов и разоблачением «антипартийной группы». Значительная, скорее всего бóльшая, часть хозяйственных руководителей высшего уровня была против перехода к территориальной системе управления экономикой. Самым известным среди противников такого перехода был авторитетнейший и опытнейший министр черной металлургии И. Тевосян. В результате перехода к совнархозам потеряли свою роль в хозяйственном руководстве крупнейшие советские управленцы – бывшие отраслевые министры в области промышленности. Одни из них вообще были отстранены от хозяйственного управления в качестве наказания за строптивость, как И. Тевосян. Другие потеряли в статусе и влиянии, возглавив бесправные госкомитеты или совнархозы с несравненно меньшей сферой хозяйственной деятельности. В результате разгрома «антипартийной группы» были отстранены от хозяйственного руководства такие крупнейшие и опытнейшие руководители советской экономики, как Л. Каганович, М.Г. Первухин, М. Сабуров. В какие-нибудь три-четыре года ушли из руководства экономикой (частично вынужденно – умерли, по болезни) выдающиеся хозяйственники сталинского призыва И.А. Лихачев, А.П. Завенягин, Б. Ванников, В.А. Малышев, М.В. Хруничев и ряд других, менее известных. Пришедшие им на смену, конечно, были их учениками, но менее жесткими и энергичными. Для подтверждения высочайшей квалификации и административных талантов большинства упомянутых хозяйственников сошлось на воспоминания такого противника сталинизма, как А.Д. Сахаров, который в связи со своей научной работой тесно общался со многими из них и очень высоко о них отзывался (см. гл. 2, прил. 3).

Показательно, что А.И. Микоян, много сделавший для разгрома «антипартийной группы» в 1957 году, вынужден был признать, что «в целом Политбюро до 1957 года (т. е. до разгрома «антипартийной группы») было более сильным по составу работников, чем после 1957 года» [19].

Процесс смены поколений и стиля хозяйственного управления завершился смещением руководителей Министерства финансов и Государственного банка СССР. Эти организации играли огромную роль в поддержании товарно-денежного равновесия в экономике. Выработанные еще в начале 30-х годов методы обеспечения такого равновесия (налоговая система, кассовые планы, балансы денежных доходов и расходов населения и т.д.) совершенствовались в 30–40-е годы и позволили обеспечить жесткий финансовый контроль за работой предприятий и поддержание стабильности денежного обращения и бездефицитности бюджета в нормальные периоды развития советской экономики, а их расстройство в чрезвычайные периоды – в меньшей степени, чем в аналогичной ситуации в капиталистических странах. Понятно, что такая жесткость финансового и денежного планирования вызывала недовольство многих производственных руководителей. Но при Сталине и в первые годы после его смерти эти наскоки и нападки, как правило, отбивались. Теперь, в менее требовательной обстановке, защитить главные финансовые структуры страны было уже некому. В 1960 году был смещен выдающийся многолетний руководитель Министерства финансов СССР А.Г. Зверев, а спустя некоторое время – по той же причине председатель Госбанка СССР А.К. Коровушкин. Ослабление контроля за денежно-финансовой сферой родило одну из самых опасных для командной экономики проблем – бесконтрольное выделение финансовых ресурсов. Ученые стали подвергать односторонней критике многие оправдавшие себя в предшествующий период методы поддержания товарно-денежной сбалансированности: опору на налог с оборота как основной источник доходов государственного бюджета; кассовые планы предприятий и т.д. Эта критика сказалась и на практике финансового регулирования, снижая значение этих регуляторов. Понятно, что ослабление финансового контроля неизбежно должно было привести к усилению товарно-денежной несбалансированности, к товарному дефициту. Ослаблению государственного руководства в конце 50-х годов способствовали и некоторые другие мероприятия, впоследствии, после смещения Н.С. Хрущева, отмененные. Так, в 1958 году было ликвидировано общесоюзное Министерство торговли, игравшее важную положительную роль в координации деятельности республиканских министерств торговли, взаимосвязи с Госпланом СССР и в обмене опытом организации торговли. В 1960 году было ликвидировано общесоюзное Министерство внутренних дел, что

резко ослабило борьбу с преступностью, которая носила общесоюзный, а не только местный характер.

Важнейший фактор разложения советской государственной и экономической системы – коррупция государственного аппарата. Несмотря на очевидность этого обстоятельства, в постсоветский период появилось очень мало работ, где освещалась бы динамика самого процесса коррумпирования власти. Очевидно, что коррупция и расхищение государственной собственности приобрели широкий размах и в сталинский период командной экономики. Одним из немногих авторов, кто добросовестно и талантливо исследовал тему экономической преступности в Советском Союзе, является Юрий Бокарев. В его работе приведено много примеров такой преступности в предвоенные годы, в годы войны и в первые послевоенные годы. Известно и из других источников, что к этим преступлениям было причастно немало высших государственных чинов, в том числе такие видные военные и гбешные деятели, как Г.К. Жуков, И.А. Серов, В.С. Абакумов, обогатившиеся на хищениях немецкой собственности. Вместе с тем многие государственные деятели ограничивались теми привилегиями, которые им предоставляло государство. Эти привилегии, довольно значительные, были предусмотрены во многом для того, чтобы предохранить государственных мужей от соблазна коррупции и других экономических преступлений. Но далеко не все деятели высшего эшелона довольствовались этими привилегиями. Как замечает Юрий Бокарев, «к середине 50-х годов представители различных слоев общества были основательно подготовлены для объединения в такие мафиозные кланы, которые могли влиять и на государственную политику» [20]. Очевидно, что в этих условиях роспуск общесоюзного Министерства внутренних дел никак не мог способствовать противодействию столь грозной опасности.

Очень точно время начала кризиса командной экономики определяет Н. Назарбаев в своей книге «Без правых и левых», вышедшей в начале 90-х годов: «На протяжении трех десятилетий никакой плановой экономики или планового хозяйства у нас просто не было... А за терминами этими скрывались не просто иные методы хозяйствования, а ужасающая бесхозяйственность и безответственность» [21].

Как видим, Н. Назарбаев достаточно точно определяет начало отхода от командной экономики: конец 50-х – начало 60-х годов, т. е.

в те же сроки, которые и я определяю на основе анализа действий хозяйственного руководства СССР.

Для подтверждения своего вывода о том, что разложение советской хозяйственной системы началось после 1953 года, сошлюсь не на сторонника коммунизма, а на его нынешнего горячего противника – Егора Гайдара. Период 1929–1953 годов он называет «единственным периодом, когда в стране действительно торжествовал коммунизм» [22], а период 1953–1985 годов – спуском с коммунистических «зияющих вершин» [23].

Отмечу и высказывание очень оригинального, хотя несколько неосторожного в экономических расчетах, экономиста Александра Анисимова: «Слабость системы советского типа состояла не в том, что она мало производила товары и услуги. Около 1984 года партийный аппарат, насыщавшийся до того в течение двух и даже трех десятилетий (т. е. после смерти Сталина. – Г. Х.) неспособными к эффективной деятельности элементами, потерял даже способность принимать рациональные решения» [24].

4.4. НЕПОСИЛЬНЫЕ ВОЕННЫЕ РАСХОДЫ, СОДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ И РАЗВИВАЮЩИМСЯ СТРАНАМ

Проблема объективного исчисления величины военных расходов СССР и их доли в валовом национальном продукте в советской экономической литературе была поставлена открыто только в конце 80-х годов. Невелики были достижения в этой области долгое время и в западной экономической литературе, и в исследованиях американской разведки. Сдвиги появились только в конце тех же 80-х годов благодаря исследованиям двух американцев, бывших граждан СССР, – Игоря Бирмана и Дмитрия Штейнберга (безвременно скончавшегося в начале 90-х годов). Но исследования И. Бирмана относятся к периоду 70–80-х годов, хотя методологию можно использовать и для более раннего периода.

Расчеты Д. Штейнберга показывают высокий уровень военных расходов в пятой пятилетке (соответственно 17 и 16 % в начале и в конце пятилетки) и 13 % – в 1960 году [25]. И хотя эти данные и методы их исчисления намного объективнее прежних (и советских, и западных), нет уверенности, что они точно отражают динамику этого

показателя. Очень важно также отметить, что расчеты Д. Штейнберга, как и ряда других западных и российских экономистов в последние годы, исчисляют долю военных расходов в ВВП или национальном доходе в текущих ценах. Однако цены на военную технику и НИОКР в СССР были значительно занижены по сравнению с ценами, в которых исчислялся фонд личного потребления населения, поскольку заниженными были цены на используемое при их изготовлении сырье. Следовательно, реально, в ценах единого уровня, их доля, по-видимому, достигала в тот период 18–20 % ВВП, если не больше.

Появившиеся недавно данные о проектировках бюджета СССР на 1953 год, составленного сразу после смерти И.В. Сталина (но до снятия Л. Берии и заключения перемирия в Корее), дают представление о тяжести военных расходов в советской экономике в начале 50-х годов. По этим проектировкам на официальные военные нужды предназначалось 24,8 % расходов бюджета, а на скрытые – «около трети» [26].

При фактических расходах государственного бюджета СССР в 1953 году, равных 51,5 млрд р. (в денонмированных рублях) [27], это должно было составить, полагая выражение «около трети» равным 31 %, примерно 56 % расходов бюджета, или 29,3 млрд р. Национальный доход СССР в 1953 году составил 81,4 млрд р. [28]. Следовательно, если верить указанному источнику, военные расходы СССР проектировались в размере более одной трети национального дохода, или более 25 % его ВВП в 1953 году.

Более точный характер динамики военных расходов СССР на закупку вооружения содержится в составленных Ю.В. Яременко ретроспективных расчетах межотраслевого баланса СССР за 1950–1970-е годы, впервые опубликованных в открытой печати только в 1999 году. В этом балансе имеется статья «Прочее конечное потребление», в которой отражены поставки отраслями народного хозяйства военной техники и другого материально-технического обеспечения вооруженных сил. Приведу данные по этой статье (в млрд р.) за 50-е – начало 60-х годов (в ценах 1958 года) в годовом выражении [29]:

1950	1951	1952	1953	1954	1955	1956	1957
1,36	1,91	2,70	2,85	2,78	3,28	3,21	2,93
1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965
3,37	3,70	4,53	4,80	5,35	6,93	7,05	6,23

Как видно из приведенных данных, военные закупки СССР по абсолютной величине четко разделяются на три периода. Первый – с 1950 по 1952 год, когда закупки выросли более чем в 2 раза, – огромное увеличение за столь короткий период, намного увеличивший их удельный вес в советском ВВП, выросшем за это время максимум на 15–20 %. Эти расходы почти не росли с 1953 до 1957 год включительно, хотя советский ВВП в этот период вырос почти на 50 %. Понятно, что такая переориентация советского экономического потенциала на гражданские нужды в столь значительных масштабах не могла не сопровождаться значительным повышением уровня жизни населения, ростом производственных капиталовложений и производственного потенциала. Это и был самый успешный период развития советской экономики после войны. Новое увеличение закупок вооружения начинается с 1958 года. Особенно большим оно оказалось в 1960 году. В целом за 1957–1960 годы закупки военной техники и обеспечение вооруженных сил выросли более чем в 1,5 раза. Этот рост продолжался и в начале 60-х годов (до 1964 года включительно), когда эти закупки снова увеличились в 1,5 раза. Еще больший размер закупок военной техники в конце 50-х годов показывает на основе архивных данных Николай Симонов в своей капитальной работе, посвященной развитию советского военно-промышленного комплекса в 20–50-е годы. По этим данным, валовая продукция военного назначения выросла по промышленности за 1958–1960 годы почти в 2 раза – с 3,88 до 7,43 млрд р. [30]. Правда, данные за 1960 год приводятся по ожидаемому выполнению, но, как правило, в советской промышленности планы в стоимостном выражении выполнялись и даже перевыполнялись.

Не менее важным, чем изменение абсолютного объема расходов на вооружение, является изменение их материально-вещественного состава. По данным А. Белоусова, основанных на новейших публикациях, доля расходов на приобретение ракетной техники возросла с 1958 по 1960 год с 9 до более чем 40 % [31]. Это означало, что в самые короткие сроки должна была быть создана огромная новая отрасль – производство ракетного оружия, увеличившая свое производство примерно в 10 раз. Феноменальное техническое и производственное достижение, но оно, естественно, требовало привлечения огромных ресурсов для создания новейших материалов, специального топлива, электронной техники, новейших разработок в области приборострое-

ния и т.д. В условиях слабой развитости этих отраслей в СССР основная часть их продукции должна была использоваться для ракетной техники, в ущерб мирному использованию.

Близкие к сообщению А. Белоусова данные о развитии ракетной техники приводят И. Быстрова, Г. Рябов. «В декабре 1959 года был создан элитный вид вооруженных сил – ракетные войска стратегического назначения. Чтобы укомплектовать их техникой, в проекте заданий на 1960 год предусматривался рост ракетного производства по сравнению с 1959 годом в 2 раза, а против контрольных цифр, утвержденных ЦК КПСС и СМ СССР на 1960, – в 3,3 раза. Вместе с тем намечалось уменьшить объем капитального строительства на 1960 год, прежде всего за счет сокращения строительства культурно-бытовых объектов, здравоохранения и жилья» [32].

Закупки военной техники для внутренних нужд – это важнейший, но не единственный показатель тяжести военных расходов для экономики страны. Другой показатель, тоже исключительно важный, – использование научно-технического потенциала. По расчетам А. Белоусова, которые нуждаются в проверке и уточнении, военные НИОКР в общих расходах на науку в 50-е годы составляли 80 %, а в 1970 – снизились до немногим более 50 %, хотя их доля в ВВП продолжала оставаться очень высокой – 2,1 % [33]. Очень важное значение имеет и доля капитальных вложений, используемых для сооружения военных объектов (например, аэродромов, военных баз, ракетных площадок и шахт и т.д.), данные о которой отсутствуют.

Понятно, что такое огромное наращивание военного потенциала СССР в конце 50-х – начале 60-х годов сыграло очень важную роль и в замедлении экономического развития СССР, и в усилении товарно-денежной несбалансированности, и в увеличении дефицита потребительских благ, наряду, конечно, с другими факторами, о которых речь шла выше.

Огромные затраты по наращиванию военных расходов были использованы достаточно эффективно. Опоздав с развертыванием исследований и разработок ядерного оружия на четыре года, СССР уже в 50-е годы произвел 354 ядерных заряда, что лишь немногим меньше, чем в США в 40-е годы, а в 60-е годы – около 2000, опять же лишь немногим менее, чем в США в 50-е годы. Бóльшим в 50-е годы было отставание СССР в производстве средств доставки, но в 60-е годы оно

сократилось до минимума... Как видно из перечня принятых на вооружение Советской Армии средств военной техники, в послевоенный период была осуществлена огромная программа перевооружения армии для условий ведения ядерной войны.

Важнейшая задача советской экономики в 50-е годы – создать экономические условия для нормального функционирования руководимого Советским Союзом социалистического лагеря. Это означало: обеспечить потребности европейских социалистических стран в сырье и материалах, в отсутствующих у них машинах и оборудовании, в военной технике. Взамен можно было получить необходимые СССР потребительские товары, некоторые виды сырья и произведенные из советского сырья машины и оборудование и потребительские товары (например, ткани и одежду). Особой задачей было обеспечение огромных потребностей в продукции Китайской Народной Республики. Решение данных задач возлагало серьезное бремя на советскую экономику. Ввиду слабой платежеспособности большинства восточно-европейских стран и Китая часть поставок приходилось осуществлять на условиях кредита. Оценивая в целом результаты, можно сказать, что данная задача была решена. Внешнеторговые связи социалистических стран, в условиях частичной автаркии их экономики от несоциалистического мира, позволили обеспечить высокие темпы экономического роста не только в СССР, но и со второй половины 50-х годов в других социалистических странах. Эти темпы роста превосходили темпы роста экономики всего мирового хозяйства и в отдельности – развитых и развивающихся стран. В этом крупнейшем достижении важнейшую роль сыграли советские торговые поставки, предоставленные кредиты и безвозмездная техническая помощь.

Немалых усилий требовало и экономическое содействие развивающимся странам, начавшееся в шестой пятилетке. Стремясь усилить свое влияние на политику этих стран, Советский Союз начал осуществление в некоторых из них крупных инвестиционных проектов на льготных финансовых условиях. Среди наиболее крупных – такие строительные проекты, требовавшие и высокого строительного и проектного мастерства, и поставок современного оборудования, как Асуанская плотина в Египте и металлургический комбинат в Бхилаи (Индия).

4.5. ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС В ШЕСТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ

Изучение многочисленных публикаций в советской экономической литературе 30–50-х годов, решений КПСС и советского правительства по экономическим вопросам показывает, что у советских экономистов и государственных деятелей была в основном ясность в отношении серьезного отставания СССР в эффективности производства и техническом прогрессе от развитых капиталистических стран, особенно в гражданских отраслях. Предпринимались и большие усилия по преодолению такого отставания. Эти усилия дали немалый результат в пятой пятилетке. На июньском пленуме ЦК КПСС 1955 года с большой настойчивостью выдвигалось требование ускорить технический прогресс, специализацию и кооперирование, улучшить организацию производства.

Вопросы технического прогресса, в котором наметилось новое серьезное отставание, были поставлены в центр деятельности хозяйственных министерств и партийных организаций. Намного выросли ассигнования на научно-технические исследования, увеличилось число научных организаций и конструкторских бюро, число занятых в НИОКР. Эти усилия дали значительный эффект именно во второй половине 50-х годов. Тогда СССР буквально потряс капиталистический мир многими своими научно-техническими достижениями в области авиации, космических исследований, ядерной энергии. Эти результаты показали огромный научно-технический потенциал СССР, достигнутый в кратчайший срок и в очень сложных условиях. Но не менее важными, хотя и не столь ошеломляющими, оказались достижения в области научно-технического прогресса во многих отраслях гражданской промышленности. Число внедренных видов машин и оборудования выросло за годы шестой пятилетки в несколько раз, а в ряде отраслей – в 5–10 раз. Это значит, что было налажено производство тысяч наименований машин и приборов, которые ранее не производились вообще. В ряде отраслей советской промышленности технический уровень в этот период уже не уступал техническому уровню в самых развитых капиталистических странах (черная металлургия, электроэнергетика), а кое в чем и превосходил: более мощные электростанции, мощные сети передач электроэнергии, металлургические заводы очень высокого технического уровня. В других отраслях отставание сохранялось, но

оно заметно уменьшилось. Правда, отсутствуют сводные данные о масштабах отставания в научно-техническом прогрессе. В силу сложности исчисления данного показателя и его неоднозначности (появление опытных образцов, массовое производство) вряд ли вообще его можно исчислить, и это мое соображение может выглядеть недоказанным. К тому же другие показатели эффективности производства (себестоимость продукции, производительность труда и т.д.), о чем пойдет речь ниже, стали относительно (по темпам) ухудшаться. Но это противоречие может быть объяснено ухудшением использования достижений научно-технического прогресса, ухудшением организации производства и рядом других причин.

Единственным известным мне исследованием соотношения технического уровня советской и западных экономик являются работы Сергея Глазьева конца 80-х – начала 90-х годов. В этих работах С.Ю. Глазьев сопоставляет отставания СССР от некоторых эталонных государств по отдельным техническим уровням развития экономики. Из представленных расчетов следует, что с 1950 года (год начала расчетов) разрыв между техническим уровнем советской экономики и экономик ведущих западных стран неуклонно увеличивался. Более внимательное ознакомление с исходными данными этих расчетов позволяет усомниться в полной их убедительности и обоснованности. Дело в том, что в качестве показателей для сравнения С. Глазьев отобрал очень узкий круг, безусловно, важных, но далеко не полных показателей.

Кроме того, сравнение ведется только по показателям двух технологических уровней. Опущены более традиционный и новейший (пятый) технологический уровни. С. Глазьев сам подтверждает, что по пятому уровню в 50-е и последующие годы СССР не отставал от США. Как минимум, можно утверждать, что данная проблема не нашла еще научного решения. В порядке гипотезы выскажу предположение, что в 50-е годы по гражданской технике и технологии отставание от США не увеличивалось, а в отдельные периоды и сокращалось. Что касается военной техники, на которую в СССР приходилось более половины продукции машиностроения, то здесь отставание было минимальным, а в ряде областей СССР даже несколько опережал США (создание зенитных ракет, водородного оружия, баллистических ракет, стрелкового и артиллерийского оружия, танков). Конечно, с точки

зрения экономики столь стремительное развитие военной техники было скорее минусом, чем плюсом. Оно отвлекало огромные и лучшие технические силы от совершенствования гражданской техники. Но для полной оценки технического прогресса и потенциала советской науки и техники надо обязательно включать военную технику в общий расчет, и в этом случае предположение о сокращения разрыва с США в области техники окажется почти очевидным.

В качестве примеров быстрого сокращения расстояния между уровнем техники и технологии в СССР и США в шестой пятилетке укажу на три отрасли промышленности: черную металлургию, электроэнергетику, станкостроение. По таким основным характеристикам развития черной металлургии и электроэнергетики, как мощность агрегатов (доменных и мартеновских печей, турбин и генераторов), в конце войны СССР отставал от США довольно значительно, лет на 10–15 как минимум. К середине 50-х годов размеры вновь производимых и строящихся агрегатов в обеих отраслях практически совпадали, а частично СССР даже опережал США в этом отношении. Некоторые строящиеся в СССР объекты черной металлургии и электроэнергетики не имели себе равных по мощности в США. Весьма значительное сближение технических уровней двух стран произошло в такой исключительно сложной и требующей высокой культуры производства отрасли, как станкостроение. В конце войны СССР не производил очень многие самые сложные виды металлорежущих станков и кузнечно-прессового оборудования и вынужден был импортировать их из-за границы. В течение первых 10 послевоенных лет в СССР было налажено производство практически всех видов и типоразмеров необходимых машиностроению видов металлорежущих станков, кузнечно-прессового и литейного оборудования. Импорт этих видов оборудования из капиталистических стран был почти полностью прекращен, и начался довольно значительный экспорт советского станкостроительного оборудования в несоциалистические страны. Разрыв в техническом уровне выпускаемого станкостроительного оборудования, составлявший в начале послевоенного периода 15–20 лет, сократился до нескольких лет. Очень сильно сблизились и соотношение выпусков в двух странах металлорежущего и более эффективного кузнечно-прессового оборудования. За годы пятой пятилетки выпуск металлорежущих станков вырос более чем на 60 % и по количеству почти

сравнился с выпуском металлорежущих станков в США в этот период. В то же время средняя мощность одного станка выросла на 4,9 %, средний вес – на 10,2 %. Производство самых сложных прецизионных и крупных, тяжелых и уникальных станков выросло более чем в 2 раза. В таких же масштабах увеличилось и число специальных, специализированных и агрегатных станков, в 2–3 раза – число типоразмеров станков [34].

Значительные усилия в 50-е годы предпринимались по преодолению отставания от США там, где оно было самым значительным, – в области, которая приобретала решающее значение и в обеспечении обороноспособности, и в развитии экономики в целом, и в повышении уровня жизни населения. Речь идет об электронной промышленности. До второй мировой войны и, естественно, в военные годы радиотехника и электронная промышленность были наиболее отстающими отраслями советской промышленности. Свидетельство тому – крайне слабое обеспечение населения радиотехнической продукцией и, что было для СССР в то время особенно важно, обороны страны – средствами связи. Число радиолокационных станций было мизерным, а их технический уровень крайне низким. В годы войны пришлось везти из США огромное количество средств связи и радиолокационных установок. Уже в ходе войны для преодоления отставания в области радиолокации был создан Комитет по радиолокации, а после войны – специальное Министерство средств связи. Был построен ряд радиотехнических заводов, предприятий по выпуску электронных компонентов. Крупным достижением советских радиотехников и электронщиков явилось обеспечение выпуска радиолокационной аппаратуры для Военно-Морского флота и авиации и, особенно, для ракетной техники при создании системы ПВО Москвы. Сложнейшие научно-технические проблемы были решены (в том числе и благодаря шпионажу) при создании электронно-вычислительной техники для научных, управленческих и, в первую очередь, военных нужд. Об этих достижениях советской электронной промышленности с большим знанием дела и весьма подробно рассказано в книге сына первого советского министра электронной промышленности А. А. Шокина «Министр невероятной промышленности», вышедшей в 1999 году. Крупным достижением радиотехнической и электронной промышленности стало создание крупномасштабного производства телевизоров в СССР в 50-е годы. Эти победы советской электронной

промышленности получили высокое признание иностранных специалистов на международной выставке в Брюсселе в 1958 году [35].

Сводные данные о развитии радиоэлектронной промышленности показывают ее значительный рост в 50-е годы. Так, в пятой пятилетке число заводов этой отрасли выросло с 98 до 156, число занятых на них – с 250 тыс. человек до 470 тыс., т. е. почти в 2 раза (!). Общий объем продукции вырос в стоимостном выражении в неизменных ценах почти в 4 раза. Поскольку может возникнуть сомнение в достоверности этого показателя ввиду возможного скрытого роста цен, приведу данные в натуральном выражении. Производство электровакуумных приборов выросло более чем в 3 раза, в том числе электронно-лучевых трубок – более чем в 15 раз, полупроводниковых приборов – более чем в 30 раз [36]. Очевидно, что такой огромный рост производства электронно-лучевых трубок и полупроводниковых приборов объясняется их почти полным отсутствием в начале периода. Основная часть товарной продукции этой отрасли использовалась для военных нужд. В моем распоряжении нет сквозных данных о динамике производства полупроводниковых приборов в СССР в 50-е годы, сошлюсь поэтому на данные за более долгий период. Так, с 1957 по 1967 год производство транзисторов в СССР выросло с 2,7 млн шт. до 134 млн, т. е. более чем в 50 раз. Быстро росло производство транзисторов, конечно, и в США. Но отставание от США в этот период сократилось: если в 1957 году оно составляло примерно 10 раз, то в 1965 – менее 7 раз. Тоже, конечно, очень большой разрыв, но все же меньше, чем в 1957 году. При этом американский уровень 1957 года по производству транзисторов был в СССР в 1967 году превзойден почти в 5 раз.

Большой прогресс был достигнут в производстве и использовании вычислительной техники – в военных и в мирных целях. Работы в области электронно-вычислительной техники в СССР начались на несколько лет позже, чем в США. Но по техническому уровню созданные тогда наши образцы электронно-вычислительной техники не уступали западным. Огромный вклад в развитие вычислительной техники внесли такие выдающиеся ученые, как С.А. Лебедев, И.С. Брук и др. [37]. Правда, в отличие от США, у нас электронно-вычислительные машины использовались преимущественно в военном деле и при создании военной техники. Но как раз приход шестой пятилетки ознаменовался началом широкого применения ЭВМ в планировании и управлении

экономикой, в научных исследованиях в этой области. Вопросы лучшего использования ЭВМ в управлении народным хозяйством стали широко обсуждаться начиная примерно с 1958 года.

Нет необходимости доказывать, что внешняя торговля – зеркало экономики страны. Если оценивать прогресс в экономике СССР в шестой пятилетке через призму внешней торговли, то обнаружится, что доля машин и оборудования в экспорте на наиболее требовательном рынке несоциалистических стран выросла с ничтожной величины в 5 % в 1955 году до 17 % – в 1960 году, а в абсолютном выражении – в 7 раз [38].

4.6. УЛУЧШЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА

Существенный прогресс в организации производства в шестой пятилетке был связан с растущей механизацией труда во вспомогательных цехах промышленных предприятий. Традиционно в этих цехах на советских заводах преобладал ручной труд, поскольку механизация здесь связана с наибольшими трудностями. Особенно плохо организован был труд по транспортировке и перемещению грузов на предприятиях. С 1954 по 1959 год доля занятых в этой, крайне малопродуктивной, сфере в результате механизации ее сократилась с 23,5 до 16,9 %, а доля рабочих, занятых механизированным транспортом, выросла с 26 до 32,3 % от общего числа транспортных рабочих. Это было достигнуто в очень короткий срок, что следует считать не только крупной экономической победой, но и важным шагом в повышении уровня организации производства, приближении его к западным стандартам. Предпосылки для быстрого роста механизации транспортных процессов на предприятиях были заложены значительным увеличением в 50-е годы производства транспортно-перемещающих механизмов, которые почти отсутствовали в довоенный период.

В начале и середине 50-х годов, аналогично предвоенному периоду, произошли прорывы в организации производства, позволявшие при их широком распространении на порядок поднять экономические показатели ряда отраслей промышленности. Сошлюсь при этом на исследование крупного специалиста в области экономической эффективности технического прогресса в СССР – К.И. Клименко. При переходе к крупносерийному производству на основе комплексной перестройки и совершенствования производства (при тех же самых парке оборудо-

вания и числе работающих) были многократно повышены объемы производства и показатели эффективности. Так, на Невском насосном заводе в начале 50-х годов выпуск насосов увеличился в 6 раз (с учетом сокращения сменности с 2 до 1,25 – почти в 10 раз), трудоемкость изделий уменьшилась в 2,5 раза и себестоимость – более чем в 2 раза. Этот метод был применен позднее на некоторых других машиностроительных заводах, например, при совершенствовании производства вихревых насосов в 1953–1956 годах. Это дало увеличение выпуска насосов за четыре года в 10 раз, снижение нормированной трудоемкости насосов за три года в 2–3 раза, а их себестоимости – в 1,9–2,8 раза. Экономия от снижения себестоимости обеспечила покрытие затрат на совершенствование производства менее чем за год. Метод комплексного совершенствования технологии и организации производства позволил станкостроительным заводам перейти на поточные методы производства. В 1958 году эти методы были внедрены на 14 станкостроительных заводах с охватом свыше 40 % всего производства станков в СССР. С 1955 по 1958 год выпуск станков поточным методом увеличился в 3 раза [39]. В результате внедрения поточных линий на ряде станкостроительных заводов резко (от 41 до 239 %) выросла фондоотдача [40], что следует признать крупнейшим достижением. Приведенные данные могут вызвать известное недоверие. Я не исключаю, что в ряде случаев они преувеличены предприятиями, желавшими продемонстрировать свои успехи. Однако К.И. Клименко и С.А. Хейнман были слишком опытными экономистами, чтобы попасться на крупные искажения. И, самое главное, эти данные корреспондировали с данными о повышении эффективности производства в тот же период в машиностроении, с учетом доли названных предприятий в общем объеме продукции отрасли.

Много поразительных примеров огромного экономического эффекта перехода на поточное производство на ряде предприятий машиностроения и приборостроения приведено в замечательной работе С.А. Хейнмана «Организация производства и производительности труда», вышедшей в 1960 году. Вместе с тем автор отмечает, что даже в передовой ленинградской промышленности на поточных линиях было занято всего несколько процентов работающих в машиностроении и приборостроении Ленинграда в 1959 году [41].

4.7. ИТОГИ ПЕРВЫХ ТРЕХ ЛЕТ ШЕСТОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Происшедшие в конце пятой и начале шестой пятилетки изменения в общественной и экономической системе негативно сказались на экономическом развитии СССР уже в первые три года шестой пятилетки. Темпы экономического развития страны в этот период по-прежнему оставались высокими. Продолжалось быстрое повышение уровня жизни населения, количественный и качественный рост просвещения и здравоохранения; впервые в советский период развернулось массовое жилищное строительство. Укреплялась военная мощь страны. Но экономические достижения уже не были столь впечатляющими, как в пятую пятилетку. И, что самое главное, прервался переход к интенсивной экономике, начавшийся в пятой пятилетке.

Шестая пятилетка характеризовалась, как уже говорилось, значительным повышением уровня жизни населения. Правда, прирост производства предметов потребления и их потребления был меньше относительно, а иногда и абсолютно, чем в пятой пятилетке. Но огромный размах приобрело жилищное строительство. Если в пятой пятилетке его абсолютный прирост по сравнению с четвертой в стоимостном выражении составил 7 млрд р., то в шестой по сравнению с пятой он составил 19 млрд р. и ежегодный объем жилищного строительства вырос почти в 2 раза. Вместо 5–6 млн человек в год – в пятой пятилетке, что лишь немного превосходило естественный прирост населения, в шестой пятилетке ежегодно новое жилье получали 10–11 млн человек. Это означает, что значительно улучшили жилищные условия за пятилетку почти четверть жителей страны – огромное достижение по любым меркам. Значительно выросло также и строительство объектов социально-культурной сферы (почти в 2 раза в стоимостном выражении). Заметно, на 15–20 % и более на душу населения, увеличилось производство чулочно-носочных изделий, бельевого и верхнего трикотажа, обуви кожаной (почти на 40 %), часов бытовых. Еще больше, нередко в 1,5–2 раза, выросло промышленное производство продовольственных товаров (например, сахара-песка – почти на 2/3, цельномолочной продукции – более чем в 3 раза). При значительном относительном росте оставался весьма скромным объем производства товаров длительного пользования.

Но в то же время, уже в первые три года шестой пятилетки, наметились и серьезные сбои в развитии экономики. Так, резко замедлился

по сравнению с предшествующим периодом ввод мощностей в машиностроении, а значит, и рост парка металлорежущего и кузнечно-прессового оборудования. Если в пятой пятилетке ежегодно этот парк увеличивался на 125 тыс. шт. по металлорежущим станкам, то за три года шестой пятилетки – только на 70 тыс., соответственно по кузнечно-прессовому оборудованию – на 16 тыс ед.

Наиболее заметным оказался спад в темпах роста производительности труда в промышленности. Для оценки темпов этого роста воспользуюсь, хотя и не свободными от недостатков, но наиболее точными из имеющихся годовых оценок, оценками американского экономиста Г. Наттера. Согласно его подсчетам, среднегодовые темпы роста гражданской советской промышленности уменьшились с 9,6 % в пятой пятилетке до 7,1 % в 1956–1958 годах [42]. Это очень заметное падение темпов роста за такой короткий период времени. Однако самым тревожным было драматическое падение темпов роста производительности труда в 2 раза: с 6 % в пятой пятилетке до 3 % в 1956–1958 годах. Если в пятой пятилетке темпы роста производительности труда в советской промышленности не уступали японским и западногерманским, то впервые в годы шестой пятилетки, если верить оценкам Г. Наттера, они уже намного им уступали и соответствовали росту производительности труда в экономике гораздо медленнее развивающимся странам Западной Европы и США. В отличие от пятой пятилетки, в начале шестой пятилетки выпуск промышленной продукции увеличивался в основном за счет роста не производительности труда, а численности работающих, что говорило о переходе к экстенсивному типу развития промышленности. Об ухудшении положения с эффективностью производства свидетельствовало и резкое замедление снижения себестоимости промышленной продукции. Уже в 1956 году этот показатель был 2,8 % вместо 4–5 % в годы пятой пятилетки. В последующие годы темпы снижения себестоимости промышленной продукции продолжали падать. При всей неточности этого показателя как измерителя эффективности производства тенденции он все же отражал. При этом ежегодное снижение себестоимости продукции почти на 3 %, если оно не сопровождалось ухудшением качества продукции, было все-таки достаточно высоким.

По сравнению с пятой пятилеткой ухудшились такие обобщающие показатели эффективности производства, как материалоемкость про-

дукции и фондоотдача. Если в пятой пятилетке, по официальным данным, фондоотдача росла и в целом по народному хозяйству, и по промышленности, то в первые годы шестой пятилетки она заметно упала и в целом по народному хозяйству, и в промышленности [43]. Снижение эффективности производства (доля военных расходов не выросла в этот период) отразилось в резком увеличении разрыва между темпами роста промышленных групп А и Б. Если в пятой пятилетке темпы роста группы А лишь в 1,1 раза превышали темпы роста группы Б, то в первые три года шестой пятилетки этот разрыв вырос до 1,4 раза. Производство все больше стало работать само на себя.

Как изменялась материалоемкость продукции за годы пятой и шестой пятилеток, обнаруживается на примере лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности по данным составленных Ю.В. Яременко межотраслевых балансов за 50–60-е годы. Эта отрасль выбрана потому, что из всех отраслей экономики она меньше всего зависит от изменения ценностных сдвигов в экономике. Так вот, коэффициент прямых материальных затрат (затраты материалов, производимых в данной отрасли на 1 р. ее валовой продукции) снизился в 1950–1955 годы с 0,47 до 0,38 – это огромное сокращение. В то же время с 1955 по 1960 год сокращение составило лишь полтора процентных пункта – с 0,382 по 0,366, причем в 1958–1960 годах этот показатель вообще не сокращался [44].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1986. – Т. 9. – С. 33.
2. Там же. – С. 40.
3. Там же.
4. Там же. – С. 46.
5. Там же. – С. 51.
6. *Попов Г.* Снова в оппозиции / Г. Попов. – М., 1994. – С. 18.
7. *Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений / А. Орлов. – М., 1991. – С. 248.
8. Экономика материально-технического снабжения. – М., 1960. – С. 94.
9. *Хлусов М. И.* Развитие советской индустрии 1946–1958 гг. / М. И. Хлусов. – М., 1977. – С. 35.
10. *Крючков В. А.* Личное дело / В. А. Крючков. – М., 1996. – Т. 1. – С. 31.
11. Правда. – 1953. – 25 октября. – С. 3.

12. *Зиновьев А.* Русский эксперимент / А. Зиновьев. – М., 1995. – С. 64–65.
13. *Сорокин Г. М.* Планирование народного хозяйства СССР / Г. М. Сорокин. – М., 1960. – С. 234.
14. *Брагинский Б.И.* Планирование и организация народного хозяйства СССР / Б. И. Брагинский, Н. С. Коваль. – М., 1954. – С. 164–165.
15. *Явлинский Г. А.* Экономика России: наследство и возможности / Г. А. Явлинский // Октябрь. – 1995. – № 7. – С. 163.
16. Там же. – С. 166.
17. *Новиков В. Н.* В годы руководства Н.С. Хрущева / В. Н. Новиков // Вопросы истории. – 1989. – № 1. – С. 106.
18. Сто сорок бесед с В. Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. – М., 1991. – С. 312.
19. *Микоян А. И.* Так было / А. И. Микоян. – М., 1999. – С. 604.
20. *Бокарев Ю.* Власть и преступность в России / Ю. Бокарев // Россия – XXI. – 1994. – № 3. – С. 94.
21. Цит. по: *Валовой Д.* Кремлевский тупик. Назарбаев / Д. Валовой. – М., 1993. – С. 53.
22. *Гайдар Е.* Государство и эволюция / Е. Гайдар. – СПб., 1997. – С. 113.
23. Там же.
24. *Анисимов А.* Мировой конфликтный потенциал и Россия / А. Анисимов // Россия – XXI. – 1994. – № 1–2. – С. 5.
25. Цит. по: *Белусов А. Р.* Становление советской индустриальной системы / А. Р. Белусов // Россия – XXI. – 2000. – № 3. – С. 49.
26. *Жуков Ю. Н.* Борьба за власть в партийно-государственных верхах весной 1953 г. / Ю. Н. Жуков // Вопросы истории. – 1996. – № 5–6. – С. 50.
27. *Плышевский Б. П.* Национальный доход СССР за 20 лет / Б. П. Плышевский. – М., 1964. – С. 103.
28. *Вайнштейн А.* Народный доход России и СССР / А. Вайнштейн. – М., 1969. – С. 161.
29. *Яременко Ю. В.* Приоритеты структурной политики и опыт реформ / Ю. В. Яременко. – М., 1999. – С. 270–353.
30. *Симонов Н. С.* Военно-промышленный комплекс СССР. 20–50-е годы / Н. С. Симонов. – М., 1996. – С. 283.
31. *Белусов А. Р.* Становление советской индустриальной системы / А. Р. Белусов // Россия – XXI. – 2000. – № 3. – С. 55.
32. *Быстрова И. В.* Военно-промышленный комплекс СССР / И. В. Быстрова, Г. Е. Рябов // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. – М., 1997. – Т. 2. – С. 194.
33. *Белусов А. Р.* Становление советской индустриальной системы / А. Р. Белусов // Россия – XXI. – 2000. – № 3. – С. 34.

34. *Айзеншадт Л. А.* Очерки по истории станкостроения в СССР / Л. А. Айзеншадт, С. А. Чихачев. – М., 1957. – С. 467–468, 518.
35. *Шокин А. А.* Министр невероятной промышленности / А. А. Шокин. – М., 1999. – С. 166.
36. *Симонов Н.* Военно-промышленный комплекс СССР. 20–50-е годы / Н. Симонов. – М., 1996. – С. 260. Из этого источника заимствованы все данные по развитию электронной промышленности.
37. Зачем же подтасовывать факты? / В. Пржиялковский [и др.] // PC-week. – 2000. – № 19. – С. 26–27.
38. Внешняя торговля СССР : статист. сборник. – М., 1966. – С. 116–118.
39. *Клименко К. И.* Экономические проблемы технического прогресса в машиностроении СССР / К. И. Клименко. – М., 1965. – С. 163–165.
40. *Хейнман С. А.* Экономические проблемы организации промышленного производства / С. А. Хейнман. – М., 1961. – С. 152.
41. *Хейнман С. А.* Организация производства и производительности труда / С. А. Хейнман. – М., 1960. – С. 158.
42. Цит. по: *Хейнман С. А.* Советская экономика в презентации Г. Наттера / С. А. Хейнман // Вопросы экономики. – 1962. – № 9. – С. 98.
43. *Сорокин Г. М.* Планирование народного хозяйства СССР / Г. М. Сорокин. – М., 1961. – С. 327.
44. Рассчитано по: *Яременко Ю. В.* Приоритеты структурной политики и опыт реформ / Ю. В. Яременко. – М., 1999. – С. 270–353.

Глава 5

НАЧАЛО СЕМИЛЕТКИ: НОВЫЕ СИМПТОМЫ КРИЗИСА

5.1. АНАЛИЗ СЕМИЛЕТНЕГО ПЛАНА (1959–1965 годы)

Причины отказа от выполнения шестой пятилетки и замены ее семилеткой не вполне ясны. В экономической литературе высказывалось предположение, что эта причина – в невыполнении заданий шестой пятилетки по ряду показателей. Однако в этом отношении она не отличалась от предыдущих пятилеток. Другое предположение состоит в том, что намеревались сделать больший крен в развитии самых прогрессивных отраслей экономики и отраслей военно-промышленного комплекса. Второе предположение кажется мне более правдоподобным.

Контрольные цифры развития страны на 1959–1965 годы, утвержденные XXI съездом КПСС, предусматривали коренное преобразование характера советской экономики. Этот период рассматривался как важнейший этап в достижении превосходства советской экономики над американской, причем не только по абсолютному объему, но и по производству на душу населения уже в начале 70-х годов. С этой целью намечалось сохранить высокие темпы экономического развития предыдущего периода. Огромные капитальные вложения должны были обеспечить техническое перевооружение значительной части экономики и вырасти по сравнению с предыдущим периодом на 80 %, в том числе по промышленности – на огромную величину: в 2 раза [1].

Для обеспечения этого колоссального роста предусматривалось быстрое увеличение выпуска продукции строительства и особенно продукции машиностроения. Последнюю планировалось нарастить

тоже в 2 раза, т. е. со среднегодовым темпом в 13–14 %. Очевидно, что увеличение численности занятых могло обеспечить лишь небольшую часть намеченного прироста продукции строительства и машиностроения. Основную часть предполагалось осуществить за счет роста производительности труда и других мер по повышению эффективности (например, снижения удельных расходов черных металлов на 25 %) [2]. При старой организации производства в машиностроении это, конечно, было немыслимо. Поэтому намечалась коренная перестройка организационной структуры. Главный упор здесь делался на преодолении одного из самых традиционных дефектов советского машиностроения – его натурализации. Предполагалось осуществить небывалую по масштабам программу организации производства изделий общемашиностроительного назначения на специализированных заводах и в цехах. Только по производству литья и штамповок должно было быть построено 75–80 таких заводов и цехов [3] – огромной мощности, видимо, покрывавшей все потребности советского машиностроения в литье и поковках. На таком мероприятии давно настаивали крупнейшие советские экономисты, например, С.А. Хейнман. По объему запланированного в этой области семилетка намного превосходила намеченное шестым пятилетним планом. Нетрудно заметить, что указанные направления семилетнего плана во многом продолжают линию пятого и шестого пятилетних планов. Совпали и причины невыполнения этих намерений.

«Величественные планы семилетки» (как тогда любили говорить), однако, вскоре начали разбиваться о те дефекты тогдашнего советского общественного и экономического механизма и структурные дефекты, о которых уже шла речь. Очевидно, например, что обширная программа создания специализированных производств требовала огромных капитальных вложений. Общий объем этих вложений в машиностроение в контрольных цифрах не указывался, в отличие от капитальных вложений в другие отрасли промышленности. Значит, он был намечен намного выше среднего роста по промышленности, основная его часть шла, безусловно, на оборонную промышленность. И для запланированного создания специализированных производств в столь грандиозных масштабах средств, конечно же, не хватало. Реально осуществилась лишь небольшая их часть. Последствия такого провала, конечно, тоже достаточно очевидны. Реконструкция распределе-

ния капитальных вложений в промышленность в семилетке показывает, что резко возрасли капитальные вложения в две отрасли, в контрольных цифрах не указанные, нацеленные в основном на военные нужды: цветная металлургия (в особенности по производству редкоземельных продуктов, которые прямо названы в тексте контрольных цифр) и машиностроение, преимущественно, очевидно, оборонное. Рост продукции машиностроения в отраслевом разрезе был приведен по приборостроению (особенно счетным и математическим машинам – в 4,5–4,7 раза, однако до относительно небольшой даже для того времени величины – немногим более 2 млрд р.), химическому оборудованию (более чем в 3 раза). Даже производство технологического оборудования для литейной промышленности намечалось с ростом лишь в 2,3–2,4 раза, что плохо согласовалось с грандиозными планами по строительству специализированных литейных цехов и заводов.

При составлении плана семилетки советское руководство в очередной раз пало жертвой собственной статистики. Если исходить из намечавшегося объема капитальных вложений и наличия основных фондов на начало семилетки, намеченный в ней рост национального дохода (или валового внутреннего продукта, который тогда не исчислялся, но легко может быть исчислен на основе данных семилетнего плана) не выглядел чрезмерно нереалистичным. Располагая основными фондами примерно в 300 млрд р., семилетний план предусматривал капитальные вложения (со средствами колхозов) порядка 220 млрд р. [4], что с учетом возмещения выбытия фондов в размере 15 % обеспечивало их рост примерно на 60 %, т. е. в таком же объеме, что и рост национального дохода. Однако, как уже тогда показал Я.Б. Кваша в вышедшей в 1959 году книге «Амортизация и сроки службы основных фондов», восстановительная стоимость основных фондов в СССР была примерно в 1,5 раза выше, чем балансовая. Если же исходить из восстановительной стоимости основных фондов, то при намечавшемся объеме капитальных вложений с учетом выбытия основных фондов в размере около 70 млрд р. планировавшийся объем ввода в действие основных фондов позволял обеспечить их прирост лишь на треть от их величины в начале периода. При таком условии намечавшийся прирост национального дохода или ВВП мог быть достигнут лишь при совершенно фантастическом увеличении фондоотдачи. Понятно, что нереальность плана всплыла уже в начале его реализации. Поскольку

намеченные планы военного строительства пересматривать не хотели, жертвами стали сельское хозяйство, жилищное строительство, ряд мероприятий по повышению уровня жизни населения и вложения в специализацию и кооперирование производства. На сельском хозяйстве это сказалось уже в самом конце 50-х годов, когда после быстрого роста в предшествующий период его рост почти прекратился. В связи с этим резко замедлился рост реальных доходов населения, и вскоре СССР был вынужден импортировать зерно, отвлекая валютные ресурсы от закупок новой техники.

Сохранение высоких темпов экономического роста с точки зрения распределения ресурсов требовало либо дальнейшего снижения уровня жизни населения, либо (и) сокращения военных расходов. Оба эти пути были неприемлемы для советского руководства в то время. Что касается сокращения военных расходов, то руководство, судя по всему, действительно опасалось, что Запад, и прежде всего США, воспользовавшись своим огромным военным превосходством в ядерном вооружении и во многих других областях (ВВС, ВМФ), может навязать СССР войну, пока тот не окреп в достаточной степени. О таких планах Пентагона сообщала советскому руководству внешняя разведка в поворотном 1960 году (нельзя исключать, что такие планы и разрабатывались в расчете, что они станут достоянием советского руководства и навяжут ему разорительную гонку вооружений) [5].

В целом план семилетки был обоснован значительно хуже, чем планы пятой пятилетки и даже шестой. Это подтверждает, что упреки современников в отношении некомпетентности председателя Госплана СССР И. Кузьмина были справедливыми.

5.2. ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА: УСПЕХИ И НЕУДАЧИ

Очевидно, что после 1958 года внедрение методов комплексного совершенствования технологии и организации производства резко пошло на убыль. Нельзя считать случайным, что это совпадало с ликвидацией отраслевых министерств, ибо внедрение легче всего проходило как раз при централизованном контроле и руководстве отраслевых министерств и, конечно, Госплана СССР. Принципиальная важность указанных изменений состояла в том, что они касались организации про-

изводства – области, в которой советская экономика традиционно, в силу более низкой общей культуры и отсутствия конкуренции, сильно отставала от экономики капиталистических стран. Это отставание начало преодолеваться лишь с общим ростом культуры и зрелости общества.

Конец 50-х годов характеризовался большей откровенностью в выявлении многих недостатков советской экономики по сравнению с экономикой капиталистических стран. В работах С. Хейнмана, вышедших в свет в конце 50-х – начале 60-х годов, было выявлено как техническое отставание советской промышленности в ряде отраслей, так и, особенно, организационное отставание. В материалах двух пленумов ЦК КПСС (в июне 1959 года и в июле 1960 года) также много и достаточно откровенно говорилось о техническом и организационном отставании, намечались пути его сокращения. Большие надежды возлагались на специализацию, унификацию и типизацию продукции, для чего в условиях командной экономики существовали объективно большие возможности, чем в рыночной экономике. Возможность повышения производительности труда открывалась в связи с распространением поточных линий в промышленности. Приводимые в экономической литературе оценки эффективности этих уже осуществленных организационных нововведений были достаточно впечатляющими. Так, внедрение поточных линий на одном из крупнейших станкостроительных заводов – «Красный пролетарий» – позволило увеличить выпуск продукции на одного рабочего в 1,6–2,5 раза при снижении себестоимости на 15–30 % [6]. В работах С. Хейнмана приводились и другие примеры достаточно масштабного и очень эффективного внедрения поточных линий. Однако в конце 50-х годов поточные линии означали лишь несколько процентов от выпуска продукции промышленности, и требовались большие усилия для внедрения этих и других мероприятий организационного характера в практику. В 1959–1960 годах распространение поточных линий, если судить по Ленинграду, где имела такая статистика, было исключительно быстрым. За два года (1959 и 1960) в ленинградской промышленности внедрено больше поточных линий, чем за весь предшествующий период. Имевшиеся данные об экономической эффективности показывали их исключительно быструю окупаемость и сильное положительное влияние на все экономические показатели [7]. Можно, однако, предположить,

что отчетные данные преувеличивались. Кроме того, возможности ленинградской промышленности в улучшении организации производства были намного больше, чем в остальной стране (за исключением московской).

О том, что серьезное улучшение организации производства было возможно, свидетельствовал опыт передовых предприятий. Его распространение зависело от настойчивости руководящих органов, квалификации хозяйственных руководителей на всех уровнях. Но именно этими качествами кадры большей частью не обладали или постепенно их утрачивали. Самоуспокоенности политического и хозяйственного руководства, не прилагавшего особых усилий к внедрению новой техники и методов лучшей организации производства, пособляла и официальная статистика, создавая ложную картину не столь уж большого и к тому же быстро сокращавшегося отставания промышленности СССР по уровню производительности труда от США и других капиталистических стран. Даже С. Хейнман вынужден был пользоваться подобными преувеличенными официальными оценками. Однако в своих самостоятельных расчетах он по отдельным отраслям (например, хлопчатобумажной промышленности) приходил к гораздо менее успокаивающей картине. По его расчетам, в этой отрасли несмотря на очень широкое внедрение автоматических станков во второй половине 50-х годов отставание по производительности труда от США составило более 3 раз [8]. Широкое распространение прогрессивных методов организации производства затруднялось и нехваткой способных руководителей, и их сосредоточением преимущественно в военно-промышленном комплексе, и неспособностью плановых органов воздействовать на предприятия и министерства с целью повышения эффективности производства, и здесь роковую роль сыграла лживость статистической информации. Министерства и предприятия могли показывать, особенно в многономенклатурных отраслях, значительное повышение производительности труда, достигнутое за счет скрытого роста цен, а плановые органы не могли, да и не хотели уличить их в обмане. Политическое руководство не нашло в себе силы покончить с многолетним статистическим обманом в то время, когда для его искоренения создались наилучшие условия, когда были не только мнимые, но и очень большие реальные успехи советской экономики.

Как раз тогда, когда решался вопрос о способности командной экономики поддерживать паритет в экономическом соревновании с капитализмом по всему фронту, а не по отдельным его направлениям, что удавалось и ранее, институциональные механизмы и персональный состав руководителей советской экономики и политики подвергся резкому ухудшению, о чем уже говорилось выше.

5.3. ПОПЫТКА РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПЛАНИРОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ С ПОМОЩЬЮ ЭВМ И ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ

Некоторый шанс повышения эффективности командной экономики давало создание и распространение электронно-вычислительной техники в начале 50-х годов и новых экономико-математических методов исследований. Управление из одного центра очень сложной экономической системой и контроль и регулирование ее текущего состояния требовало огромного количества вычислений. Именно ввиду колоссальных величин этих вычислений, притом в короткие сроки, отводимые для составления планов, приходилось во многом искусственно ограничивать число планируемых показателей и номенклатуру распределяемой продукции, что приводило к серьезным диспропорциям как раз по продуктам, не включенным в народнохозяйственный план. Использование несравненно более быстродействующей вычислительной техники позволяло этот дефект централизованного планирования существенно уменьшить. Такое новое средство планирования, как межотраслевой баланс, расширял возможности вариантных расчетов при составлении плана. При решении производственных задач и даже некоторых народнохозяйственных полезным мог оказаться такой новый метод составления планов, как линейное программирование. Правда, возможности электронно-вычислительной техники в то время были еще не очень велики по сравнению со сложностью задач, а новые методы планирования – далеко не столь эффективны, как казалось многим в конце 50-х годов. Но уже организационные решения в этой области показали характер советского общества в то время. С одной стороны, поражает энергия, проявленная советскими учеными на этом этапе. Стоило только снять запрет на исследования в области кибернетики и применения математических методов в экономике, как в эту

сферу исследований буквально хлынул поток высокоталантливых и квалифицированных математиков и экономистов разных поколений. К развитию этих исследований «приложили руку» такие выдающиеся ученые, как академики А.Н. Колмогоров, А.И. Берг, В.С. Немчинов, член-корреспондент АН СССР А.Л. Ляпунов, крупнейший математик «инженер И.А. Полетаев» и многие другие. К ним благосклонно относилась Академия наук СССР, создав у себя ряд научных учреждений данного профиля.

Практические результаты от применения новых методов, естественно, были невелики. Новая область исследований делала в СССР только первые шаги. Шел процесс приобретения опыта и новых знаний. Применявшиеся математические методы были еще достаточно примитивны. Например, использовавшаяся статическая модель межотраслевого баланса позволяла решить очень ограниченный круг экономических задач народнохозяйственного уровня. Требовалось время для подготовки информации, используемой в новых методах экономических исследований. Возникла несогласованность используемой для планирования и отчетов экономической информации с той, что была необходима для применения новых методов. Нередко достигаемый эффект при проведенных расчетах не использовался, так как противоречил интересам предприятий. Например, более рациональные схемы перевозок грузов противоречили интересам транспортных предприятий, заинтересованных в росте объема перевозок, даже нерациональных, но оплачиваемых потребителями.

Большие сложности создавала слабая техническая оснащенность новых научных и вычислительных центров. Вычислительная техника того времени была еще малопроизводительна. К тому же, при ограниченном объеме, она распределялась прежде всего в пользу оборонных предприятий и институтов естественного профиля. Здесь следует отметить, что создание мощной для того времени отрасли по производству электронно-вычислительной техники – крупнейшее научно-техническое и промышленное достижение, советская наука в этой области не намного отставала тогда от западной. Самая крупная в то время ЭВМ БЭС-6 соответствовала по техническим характеристикам аналогичным американским. И хотя производство электронно-вычислительной техники в СССР в несколько раз отставало от американского по объему, СССР занимал в этой отрасли второе место в мире.

Тогда же выяснились и серьезные препятствия для использования вычислительной техники, создаваемые сложившейся к тому времени социально-экономической моделью. В советском руководстве не нашлось человека, который оценил бы потенциальные возможности этого направления научно-практических исследований для экономики. Сам Н.С. Хрущев, если судить по его выступлениям, мало что понимал в этой области в конце 50-х годов. В авторитарной стране такое равнодушие первого руководителя было чревато огромной недооценкой любого направления. Нет данных, что и его главный экономический помощник А.Н. Косыгин был в этой области достаточно компетентен. При отсутствии мощной поддержки сверху усилия отдельных хозяйственных руководителей, а тем более ученых, давали небольшой эффект.

Известен весьма показательный случай, когда очень талантливый советский ученый И. Полетаев представил в Министерство обороны (он был в то время военнотружущим) проект создания сети больших ЭВМ для управления экономикой в мирное и военное время. Начальник политуправления Советской Армии спросил у проектантов: «А где здесь, в вашей машине, руководящая роль партии?» Поскольку ее там не было, проект был отвергнут, а его авторы (кроме И. Полетаева, в нем участвовали и другие крупные математики) были отправлены в отставку из Вооруженных сил СССР [9].

5.4. ПЕРВЫЕ СИМПТОМЫ КРИЗИСА «СОВЕТСКОГО ЧУДА»

Уже в 1959–1960 годах выявилось, что намеченные семилетним планом важные и необходимые мероприятия по обновлению производственной базы советской экономики срываются. Этот факт был недооценен и государственным руководством Советского Союза, и отечественными и зарубежными учеными, замороженными действительными успехами советской экономики и науки и все еще обсуждавшими время, когда Советский Союз перегонит США в экономическом развитии. На июльском пленуме ЦК КПСС 1960 года председатель Государственного комитета СССР по автоматизации и машиностроению А. И. Костоусов привел весьма тревожные данные о развитии этой отрасли в количественном и качественном отношении. Он сообщил, что план капитальных вложений в эту отрасль (в узком смысле, без военно-промышленного комплекса) выполнен в 1959 году

и I квартале 1960 года только на 85 и 88 % соответственно. План по капитальным вложениям в оборудование был выполнен в 1959 году только на 88 %. Уже эти данные предвещали серьезные проблемы с техническим перевооружением народного хозяйства. Еще более тревожными были данные о качестве проектируемой продукции машиностроения. А.И. Костоусов сообщил, что из 759 новых видов тракторов и сельскохозяйственных машин, представленных в 1959 году на государственные испытания, только 88 принято к производству, остальные либо забракованы (186), либо отправлены на доработку [10]. На том же пленуме ЦК КПСС, весьма скучном и малосодержательном, за исключением нескольких выступлений, академик В.А. Трапезников откровенно и, пожалуй, впервые публично объяснил усложняющиеся проблемы с научно-техническим прогрессом: до сих пор советская экономика опиралась на иностранные технические достижения, теперь же ей приходится опираться на собственные, а для этого не приспособлена структура разработки и внедрения – сеть научных институтов, конструкторских бюро на предприятиях, испытательные стенды и полигоны и т.д. Всю эту дорогостоящую и требующую большого числа инженерно-технических работников технологическую цепочку в гражданской промышленности придется создавать во многом заново [11].

Конечно, сами по себе приведенные данные не казались катастрофическими. План по капитальным вложениям мог быть и превышен. Даже принятые к внедрению образцы сельскохозяйственной техники означали определенный прогресс в техническом оснащении сельского хозяйства. Но это был уже первый серьезный звонок о надвигающемся кризисе в наращивании основных производственных фондов. Он не был услышан не только советским руководством, но и подавляющим большинством советских и западных экономистов. Единственное мне известное исключение – это крупнейший статистик Колин Кларк, который на слушаниях в Конгрессе США еще в середине 60-х годов говорил о надвигающемся в СССР инвестиционном кризисе. В СССР публично выражали беспокойство в связи со сложностями обновления производственных фондов Я.Б. Кваша и А.И. Ноткин.

По-видимому, впервые в этот период появились серьезные затруднения с обеспечением научно-технического прогресса и в оборонной промышленности. Очень показательную историю в этой связи расска-

зал Сергей Хрущев в своих воспоминаниях. В руки советских властей попала американская ракета типа «воздух-воздух» «Сайдуиндер», намного превосходившая аналогичные советские ракеты. Было решено ее скопировать. Однако в попавшем образце отсутствовала очень важная часть – чувствительный элемент головки. «Принцип его работы не составлял секрета, а вот при организации производства завод столкнулся с чрезвычайными трудностями. Брак превышал девяносто девять процентов (!! – Г. Х.). Бились долго, ничто не помогало. Решили создать компетентную комиссию из ученых, производственников и администраторов, ей поручили разобраться и найти путь выхода из кризиса... Комиссия заседала долго, скрупулезно исследовала технологию, выслушала десятки предложений и сотни жалоб. Электронщики кивали на машиностроителей – нет необходимого оборудования. Пошли к машиностроителям, те сослались на некачественный металл: из того, что им поставляют, лучшего не сделаешь. Metallурги только развели руками – руда поступает такого качества, что скажите «спасибо» и за это. Горная промышленность сослалась на низкое качество оборудования для обработки руд, поставляемого машиностроением. Круг замкнулся.

Проблема оказалась неразрешимой. Наша система, настроенная на иные «управляющие воздействия», в условиях ослабления командного режима, еще совсем робкой демократизации, функционировать отказывалась» [12]. И дальше Сергей Хрущев пересказывает историю с нарушением инструкции по изготовлению краски, использовавшейся в авиационной промышленности, что повлекло несколько аварий в авиации во время Великой Отечественной войны. Трех провинившихся – директора, главного инженера и главного контролера – расстреляли на глазах руководителей других аналогичных предприятий. «На следующий день все разъехались по домам. Больше неприятностей с краской не отмечалось. Технология выдерживалась строго. Теперь времена поменялись, а система осталась прежней, вот она и не работала» [13]. В конце концов проблему как-то удалось решить, брак уменьшить и производство ракеты было налажено.

В целом достигнутые Советским Союзом успехи в экономическом, социальном и оборонном строительстве в 30–50-х годах казались и во многом были феноменальными. Несмотря на две тяжелейшие войны и не менее катастрофический период коллективизации, были созданы

современная промышленность, развитой транспорт, механизированное сельское хозяйство, очень развитая система образования и здравоохранения и самая современная оборона. Слова «русское чудо» казались вполне уместными. Однако сохранялись и многие слабые места советской экономики: более низкая эффективность использования ресурсов по сравнению с капиталистическими странами, малоэффективное сельское хозяйство, отставание в новейших отраслях промышленности, по многим направлениям науки и техники (самый яркий пример – почти полное отсутствие Нобелевских премий советским ученым). Потребительский рынок оставался дефицитным, а качество потребительских товаров и многих средств производства – невысоким. Некоторые из указанных слабых мест – результат гипертрофии оборонного сектора, другие – следствие недостатков командной экономики, если с этими недостатками не бороться и им не противодействовать. Только самые квалифицированные экономисты (Я. Кваша – в СССР, К. Кларк – на Западе) заметили появление грозной опасности замедления темпов роста производственных фондов уже в конце 50-х годов.

При рассмотрении причин затухания экономического роста в СССР в конце 50-х годов нельзя обойти вопрос об ухудшении качества хозяйственного руководства, о чем я уже говорил неоднократно. На первую роль в этом руководстве в начале семилетки выдвинулся А.Н. Косыгин. Он вовремя поддержал Н.С. Хрущева в его борьбе с «антипартийной группой» и в награду за это был на июньском пленуме ЦК КПСС 1957 года избран кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, а вслед за тем – и заместителем председателя Совета Министров СССР. В июне 1959 года он назначен председателем Госплана СССР, а 4 мая 1960 года – первым заместителем председателя Совета Министров СССР и в том же месяце – членом Президиума ЦК КПСС, что уже даже формально делало его первым лицом в руководстве экономикой (сам Н.С. Хрущев вмешивался в вопросы экономики эпизодически – либо по самым принципиальным вопросам, либо по очень частным).

В годы застоя и перестройки имя А.Н. Косыгина было поднято на пьедестал как исключительно компетентного и умного, даже выдающегося хозяйственника. Во многом это было связано с тем, что он считался «отцом» реформы 1965 года, признанной очень успешной. Его компетентность противопоставлялась вопиющей некомпетентности в

хозяйственных вопросах других членов государственного руководства периода Н. Хрущева и Л. Брежнева. Если, однако, попытаться объективно оценить результаты хозяйственной деятельности А. Косыгина в период, предшествующий его подъему на пьедестал власти, то трудно обнаружить, в отличие от многих других высших хозяйственных руководителей того времени, какие-либо крупные хозяйственные успехи. Правда, ему достались не самые выигрышные тогда отрасли – легкая и пищевая промышленность. Его роль в эвакуации предприятий в годы войны, судя по всему, была невелика и касалась тоже преимущественно отраслей легкой и пищевой промышленности. Как бы то ни было, крупные успехи в хозяйственной деятельности А.Н. Косыгина обнаружить трудно, как, впрочем, и крупные провалы. Косыгина ценил, ему симпатизировал Сталин, что может говорить либо о неизвестных нам хозяйственных достижениях, либо просто о личной симпатии вождя. В деятельности Косыгина и после его продвижения на высший экономический пост трудно найти какие-то серьезные успехи или недостатки.

Хотя период второй половины 60-х годов выходит за рамки рассматриваемой темы, отмечу, что мнимые успехи экономической реформы 1965 года – либо статистическая иллюзия (мои расчеты говорят о падении темпов основных экономических показателей в этот период), либо результат благоприятного стечения обстоятельств, например, погоды в сельском хозяйстве.

О наступлении конца кратковременной золотой эры в советской экономике 50-х годов говорили и другие явления экономической жизни того периода. Резко замедлился прирост сельскохозяйственного производства в конце 50-х годов. Фантастические планы «перегоним Америку по производству мяса и молока» провалились спустя два года после их объявления. Вскрылись большие приписки в статистических данных о производстве зерна, животноводческой продукции [14]. Резко усилился дефицит многих видов потребительских товаров. Росло недовольство населения качеством потребительских товаров. При недостатке одних товаров, в торговле накапливались большие запасы не пользовавшихся спросом у населения тканей, швейных изделий, обуви [15]. Стремясь усилить воздействие торговли на промышленность, ЦК КПСС и Совет Министров СССР в августе 1960 года приняли постановление «О мерах по дальнейшему улучшению торговли», которым

предусматривалось утверждение планов по производству товаров народного потребления на основе заказов торговых организаций [16]. Однако из этого, казалось, революционного постановления ничего серьезного не вышло. Оно противоречило всей логике командной экономики в том виде, как она сложилась в СССР. Кроме того, для производства многих нужных предметов потребления просто не хватало ресурсов, используемых в военно-промышленном комплексе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1986. – Т. 9. – С. 366.
2. Там же. – С. 349.
3. Там же. – С. 355.
4. Там же. – С. 366, 368.
5. *Фурсенко А.* Адская игра / А. Фурсенко, Тимоти Нафтали. – М., 1999. – С. 48.
6. *Хейнман С. А.* Организация производства и производительности труда / С. А. Хейнман. – М., 1960. – С. 145.
7. *Хейнман С. А.* Экономические проблемы организации промышленного производства / С. А. Хейнман. – М., 1961. – С. 147–155.
8. *Хейнман С. А.* Организация производства и производительности труда / С. А. Хейнман. – М., 1960. – С. 42.
9. Очерки по истории информатики в России. – Новосибирск, 1998. – С. 524–525.
10. Пленум ЦК КПСС. 13–16 июля 1960 г. – М., 1960. – С. 116.
11. Там же. – С. 153–155.
12. *Хрущев С.* Никита Хрущев: кризисы и ракеты / С. Хрущев. – М., 1994. – С. 354.
13. Там же. – С. 355–357.
14. *Пихоя Р. Г.* КПСС и власть / Р. Г. Пихоя. – М., 1998. – С. 174–177.
15. *Дихтяр Г. А.* Советская торговля в период развернутого строительства коммунизма / Г. А. Дихтяр. – М., 1965. – С. 355.
16. Там же. – С. 356.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многие читатели, закончив эту часть книги, наверняка скажут: ну вот, Ханин стал из белого, каким он был еще недавно, красным. В этом утверждении будет частица правды. Удручающие результаты перехода к рыночным отношениям в России в 90-е годы подтолкнули меня к переоценке многих явлений и событий в советской экономике. Но высокая оценка достижений советской экономики в 50-е годы содержится и в моей книге, написанной еще в 1991 году¹. В ней подробно раскрываются причины этих успехов. Но я считаю недопустимым подходить к научному произведению с примитивным вопросом: вы за белых или за красных? Такая постановка до боли напоминает борьбу с буржуазной идеологией в советский период, когда критерием научного творчества в общественных науках принималось следование определенным догмам, а не научной истине. Последствия такого подхода, равнозначного отрицанию науки вообще, хорошо известны. И то, что ему продолжают нередко следовать и теперь, говорит о том, что мы недалеко ушли от тех времен. В сущности оно говорит также и о неуверенности сторонников политических и экономических изменений в России в 90-е годы в своих убеждениях и результатах своего правления.

Отмечу также, что само по себе признание экономических возможностей командной экономики не дает ответа на вопрос, следует ли возвращаться к командной экономике, не говоря уже о том, есть ли для этого реальные возможности. Социально-экономическая система не ограничивается экономикой, хотя экономика играет в ней огромную роль. Политические и гражданские права граждан, религиозные свободы, свобода выбора деятельности и многое другое играют не мень-

¹ *Ханин Г.И.* Динамика экономического развития СССР. – Новосибирск, 1991.

шую роль, чем уровень жизни населения или военное могущество страны. Командная экономика преуспевала в периоды ограничения политических свобод и прав граждан. И, наоборот, их расширение часто (но не всегда) противоречило экономическим успехам командной экономики. Что предпочтут граждане страны: экономические успехи или политические свободы – могут решить только они сами. Трагическая неудача экономических реформ в России и других странах СНГ и состоит в том, что она вынуждает отвечать на этот вопрос. Очевидно, что граждане любой страны хотели бы и того и другого: гражданских свобод и экономических успехов. Далеко не всегда, однако, такое сочетание оказывается возможным. В интересах преодоления экономической отсталости нередко приходится жертвовать политическими свободами. И это происходило не только в СССР. Почти все успехи экономического развития в третьем мире сопровождалось длительное время жестким ограничением политических свобод, проводились в условиях военных диктатур. Да и рождение капитализма, за буквально единичными исключениями, в Западной Европе, происходило при серьезных ограничениях политических прав и свобод (например, избирательных прав). И конечно, этого следовало ожидать в послереволюционной России, стране со слабыми демократическими традициями, к тому же страшно разоренной первой мировой и гражданской войнами и в результате этого еще более отставшей от передовых капиталистических стран, чем до первой мировой войны. Особую сложность задаче преодоления экономического отставания придавала попытка решения ее в совершенно новой социально-экономической системе, для формирования которой не было ни научной базы, ни какого-либо практического опыта. И сложности только возрастали в преддверии неизбежной, как тогда казалось, войны с враждебным капиталистическим окружением, намного превосходившим СССР по экономическим и военным возможностям.

Другая проблема, которая возникает при оценке возможностей командной экономики, состоит в соотношении политических и социально-экономических прав. Советская социальная система предоставляла невиданные для своего времени социальные права гражданам: отсутствие безработицы, бесплатное образование и здравоохранение и т.д. Эти права частично облегчали развитие экономики, обеспечивая ее образованными и здоровыми работниками, частично затрундняли, ос-

лабляя стимулы к труду в условиях всеобщей занятости. При этом возникал выбор между расширением социально-экономических и политических прав, который не имеет однозначного решения и по-разному решается различными категориями граждан, в зависимости от значимости для них тех или иных прав.

Главный вывод, который следует из истории советской экономики в 40–50-е годы, состоит в том, что вопреки очень широко распространенному убеждению, сложившемуся в 80-е годы в результате крупных неудач советской экономики, командная экономика, когда она была действительно командной, а не ее фикцией, как в 60–80-е годы, может добиваться экономических результатов, не худших, а часто и лучших, по сравнению с экономиками самых передовых и быстро развивающихся государств мира. Утверждения о крахе командной экономики, ее коллапсе явно не соответствуют действительности. Она была убита прежде всего неумелыми действиями своих собственных вождей, но и усилиями в определенной степени своих политических противников, умело использовавших слабости советской экономики в 80-е годы [2].

Самый крупный фактор кризиса советской экономики, первые симптомы которого появились еще в конце 50-х годов, – колоссальные военные расходы. Я оставляю историкам внешней политики определить, в какой степени эти колоссальные военные расходы были вынужденным ответом на военные приготовления и агрессивные намерения Запада, а в какой – диктовались миссионерскими чертами советской внешней политики, своекорыстными интересами военно-промышленного комплекса. Я хотел бы только отметить, что считать такую экономическую стратегию неизбежной для социалистической страны – неправильно. И СССР в период нэпа, и Китай в последние 20 лет развивали свою экономику при минимальных относительных военных расходах. Программу смягчения международной напряженности осуществлял И. Сталин в 1952–1953 годах. К сожалению, она тогда была принята лишь частично, и уже через несколько лет страна возвратилась к более агрессивной внешней политике.

Многочисленные стратегические и тактические ошибки советского руководства в 50-е годы в области экономики, которые в конце концов привели к ее кризису в 80-е годы, имели один общий корень: политическая система СССР была построена таким образом, что исключала борьбу мнений при выборе экономической политики и выборе самых

компетентных политических лидеров. Если уподобить советскую экономику огромному акционерному обществу, для чего есть основания, то проблема состояла в выборе совета директоров и правления этого общества, а также критериев оценки успешности его развития. И если в отношении этих критериев проблема могла быть решена, но удовлетворительно не решалась из-за нежелания вождей получать объективную экономическую информацию, то уж выбор подходящих лидеров, даже в кризисных ситуациях, совершался, как правило, из клановых соображений и удобства для номенклатуры, а не в процессе сопоставления политических и экономических программ и действительных достижений потенциальных кандидатов в различных областях деятельности.

Когда лидеры оказывались достаточно компетентными (как это было со Сталиным), система могла развиваться относительно успешно. Как только лидер оказывался негодным, как это было с его преемниками, система постепенно начинала разваливаться.

В условиях отсутствия борьбы мнений не могла успешно развиваться и экономическая теория. Как остроумно заметил один мой студент, единственным человеком, который понимал систему, был ее создатель (Сталин), и он унес ее секрет с собой в могилу. Однако и определенные достижения в прикладной экономической науке использовались на практике недостаточно. К тому же сложившаяся система организации экономических исследований выдвигала на передний план не самых лучших и талантливых ученых, а наиболее послушных, покорно повторявших «решения партии и правительства».

Мои исследования не подтверждают часто выдвигаемое утверждение, что командная экономика была способна успешно развивать только традиционные отрасли экономики, но не передовые в техническом отношении наукоемкие отрасли. Советская экономика успешно развивала в 50-е годы как раз самые передовые в то время отрасли экономики: атомную и ракетную, авиационную и электронную промышленность, производство вычислительной техники. Советское государство уделяло огромное внимание науке и высшему образованию – интеллектуальной базе развития наукоемкого производства. Правда, наукоемкие отрасли носили преимущественно военную направленность, но это уже совсем другой вопрос. Верно также и то, что научно-технический прогресс в СССР носил во многом заимствованный ха-

ракти. Но таким он был долгое время и в Японии. Формирование научных школ – это длительный процесс. В ряде областей науки и техники советские ученые научились самостоятельно решать сложные научно-технические задачи.

Наиболее крупным дефектом командной экономики, проявившемся в этот период, была высокая степень дефицитности рынка потребительских товаров. Она была значительно меньше, конечно, чем в 30-е годы и во время войны, но сохранялась и нередко усиливалась. Точные измерители степени дефицитности на потребительском рынке в данный период невозможно, к сожалению, установить, ибо соответствующие обследования начались в СССР только в 60-е годы. К тому же она была неравномерной, гораздо больше проявлялась в сельской местности и мелких городах, чем в крупных городах, а тем более в Москве и Ленинграде, столицах союзных республик, крупных областных центрах. Однако было бы ошибочным, как мне кажется, на этом основании считать такую сильную дефицитность на потребительском рынке имманентной чертой командной экономики. Разумеется, было невозможно обеспечить то разнообразие потребительских товаров, которое дает рыночная экономика. Но это разнообразие особенно важно для 5–10 % самой состоятельной части населения. Остальное население готово удовлетвориться гораздо меньшим разнообразием товаров, лишь бы они были в наличии по приемлемым ценам и приемлемого качества. Такое разнообразие в 70–80-е годы обеспечивалось и в странах рыночного социализма (Венгрия, Польша), и в странах с командной экономикой (Чехословакия, ГДР). Советское государственное руководство проявило редкое безразличие к деятельности внутренней торговли и не сумело добиться реализации даже тех правильных постановлений, которые оно же и выпускало, хотя такие возможности были.

Закономерен вопрос о том, могли ли сохраниться высокие темпы развития советской экономики 50-х годов при лучшей экономической политике в последующий период. Известно, что в 60-е и, особенно, 70-е годы развитые капиталистические страны, в том числе и те, кого относят к странам «экономического чуда», значительно уменьшили темпы экономического роста. Некоторые из факторов, которые привели к этому уменьшению, носят специфически западный характер, например, влияние энергетического кризиса. Другие – более всеобщие,

относятся и к СССР, например, ослабление преимуществ догоняющего развития или большая роль экологических ограничений. Мне представляется, что определенное замедление экономического роста скорее всего должно было произойти и в СССР, но он имел возможности по-прежнему опережать в своем экономическом росте развитые капиталистические страны.

У читателей книги неизбежно возникнет вопрос, можно ли в настоящее время успешно вернуться к командной экономике. По мере углубления экономического кризиса в России этот вопрос будет возникать снова и снова. Сразу же скажу, что этот вопрос неразрывно связан с политическими условиями такого возврата и ценой, которое общество заплатит за такой возврат. Очевидно, что для разных слоев общества эта цена будет не одинаковой. Но во всякой случае об этой стороне вопроса нельзя забывать. Рассуждения коммунистическо-патриотической оппозиции о том, что и волки будут целы, и овцы сыты, т. е. и демократические свободы сохранятся в полном объеме, и экономика возродится, – выгодны в предвыборных условиях, но вводят в заблуждение общественное мнение. С чисто же экономической точки зрения такой возврат, исходя из опыта 40–50-х годов, выглядит и возможным, и эффективным по сравнению с нынешним хозяйственным механизмом, особенно если при этом будут учтены в полной мере и дефекты хозяйственного механизма 40–50-х годов. Насколько это реально – другой вопрос, который требует анализа состояния нынешнего российского общества, что выходит за рамки темы данной части книги.

ЧАСТЬ II

**ЭКОНОМИКА СССР
В 1961–1965 годах**

Глава 1

ПОВОРОТ К РЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ: НЕЗАМЕЧЕННАЯ СТРАНИЦА СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

1.1. ПРИЧИНЫ ПОВОРОТА К РЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ

Уже в самом начале 60-х годов советское государственное руководство в полной мере осознало, что надежды на быстрый экономический рост и победу в экономическом соревновании с капитализмом, питавшиеся действительно выдающимися успехами советской экономики в 50-е годы, не оправдались. Темпы экономического роста в 1960–1961 годах оказались намного меньше, чем среднегодовые темпы роста национального дохода и промышленной продукции, намеченные в программе КПСС и семилетнем плане развития народного хозяйства СССР¹. Это было тяжелейшим ударом для советского руководства и прежде всего Н.С. Хрущева, который именно на успехах в экономическом соревновании с капитализмом строил свою стратегию победы над капитализмом.

Разумеется, Н.С. Хрущев не мог мириться с такой неудачей. Следовало определить ее причины и выработать линию на перелом наметившейся негативной тенденции. Самое же главное, что замедление темпов экономического развития ощутимо сказалось на социально-экономическом положении страны: резко замедлился рост уровня жизни населения, увеличился товарный дефицит на потребительском рынке, усилилась инфляция. Ухудшалось качество многих видов продукции. Недовольство экономическим положением охватывало все

¹ Предыдущие два года семилетки анализировались в части I. В этой части анализируется последующий пятилетний период.

большие слои населения, сопровождалось появлением оппозиционных политических настроений.

Следует отметить, что заметный спад в темпах экономического роста в начале 60-х годов произошел не только в СССР, но и в ряде других социалистических стран Восточной Европы. И там возникла экономическая дискуссия о причинах этого спада, которая была намного откровеннее и глубже, чем в СССР. И, конечно, о ней стало известно в советских научных и хозяйственных кругах. Значительная часть хозяйственных руководителей и ученых в этих странах пришла тогда к выводу, что причинами негативных экономических явлений были ослабление в предшествующий период централизации хозяйственной жизни, снижение уровня дисциплины рядовых работников и хозяйственных руководителей и многое другое, что я назвал демонтажем командной экономики. Наиболее отчетливо эту точку зрения выразили польские экономисты В. Вакар и Я. Зелинский. Выделяя два типа хозрасчета, традиционный прямой и косвенный (рыночный), они писали на основе опыта децентрализации польской экономики во второй половине 50-х годов, что частичное введение элементов косвенного хозрасчета ничего не даст и даже нежелательно, так как должно привести к «распаду внутренней согласованности плана, возникновению «узких мест» и излишков, внесет хаос и путаницу в ход общественного воспроизводства» [1]. В результате аналогичных советским хозяйственным неудач польское руководство усилило в начале 60-х годов централизацию хозяйственной жизни. Подобные же явления, мнения и действия имели место и в Чехословакии в тот же период [2]. Особенностью Советского Союза явилось то, что в отличие от многих восточно-европейских стран, официально, в программных документах партии курс на рецентрализацию хозяйственной жизни не объявлялся, чтобы не скомпрометировать «мудрость» государственного и партийного руководства, но фактически интенсивно проводился и широко обосновывался в экономической литературе, особенно в ведущем экономическом журнале – органе Госплана СССР «Плановое хозяйство».

Явочная рецентрализация советской экономики в первой половине 60-х годов, в сущности, прошла практически мимо внимания подавляющего большинства историков СССР вообще и экономических историков в частности, как советских (российских), так и западных. Я просмотрел ряд работ последнего времени по истории СССР хрущевского периода, написанных российскими авторами, и ни в одной из

них не обнаружил указания на процесс рецентрализации экономики в те годы [3]. Это же относится и к немногочисленной мемуарной литературе об этом периоде (мемуары А.И. Микояна, А.Г. Зверева, В.Н. Новикова, Д.В. Павлова и некоторых других крупных хозяйственников того периода). Не нашло это явление отражения и в западной экономической литературе по советской истории и истории советской экономики (книги А. Ноува, Ф. Хэнсона, популярный на Западе учебник П. Грегори и Р. Стюарта по советской экономике, сборник статей по биографии Н.С. Хрущева, вышедший в США в 2000 году [4]). Лишь в учебнике Н. Верта по истории советского государства содержится вполне определенная, хотя далеко не полная, характеристика рецентрализации советской экономики в начале 60-х годов [5].

Наиболее поразительным примером полного игнорирования происходивших в первой половине 60-х годов изменений в управлении советской экономикой является вышедший в 1980 году шестой том «Истории социалистической экономики СССР», посвященный развитию экономики СССР в 1960–1979 годах. Эта книга, формата Большой Советской энциклопедии и объемом более 700 страниц, даже не упомянула об этих изменениях, что отражает крайне низкий уровень официальной советской экономической истории части науки того периода.

1.2. НАПРАВЛЕНИЯ РЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ

В рецентрализации экономики Советского Союза в начале 60-х годов можно выделить следующие направления:

- рецентрализация управления экономикой;
- увеличение числа директивных показателей;
- увеличение детализации распределения материальных ресурсов;
- усиление нормирования всех видов ресурсов;
- ограничение личного хозяйства рабочих и служащих и работников сельского хозяйства;
- качественное усиление борьбы с коррупцией в государственном аппарате и с экономической преступностью;
- обновление руководящих кадров.

Нетрудно заметить, что все эти меры шли в направлении, противоположном тому, который развертывался, начиная с 1953 года. Некоторые из них, такие как ликвидация промысловой кооперации, шли даже

дальше по усилению централизации, чем в период классической модели командной экономики.

Рассмотрим указанные направления рецентрализации последовательно.

1.2.1. РЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ

Рецентрализация экономики началась с образования советов народного хозяйства в трех крупнейших республиках СССР – России, Украине, Казахстане в начале 1960 года. Это важнейшее организационное мероприятие прошло внешне незаметно, без объяснения общественной причин такого изменения. Правда, областные совнархозы в этих республиках оставались, но между ними и центральными органами управления образовалось мощное и очень влиятельное промежуточное звено – республиканские совнархозы. Теперь центральным хозяйственным органам можно было иметь дело не с десятками мелких совнархозов, а с тремя очень крупными республиканскими совнархозами, что, конечно, существенно упрощало задачу управления промышленностью и строительством. Важно и то, что один, самый крупный, республиканский совнархоз размещался в Москве и, таким образом, роль Москвы в управлении экономикой существенно усиливалась, вопреки первоначальным планам Н.С. Хрущева уменьшить роль московской элиты в управлении страной. Императивы экономического развития оказались сильнее политических мотивов и предпочтений.

Причины создания республиканских совнархозов достаточно очевидны. Мелкие совнархозы, какими в основном они и были, не имели в своем распоряжении ни достаточных материальных и финансовых ресурсов, ни квалифицированных руководящих кадров, чтобы успешно руководить подведомственным хозяйством и осуществлять экономическое и техническое развитие. С появлением республиканских совнархозов не изменилась роль предприятий в системе хозяйственного управления. Мало что изменилось в системе управления научно-техническим прогрессом, ставшей к тому времени наиболее важной. Сохранилось и большое количество маломощных совнархозов на областном уровне. Ни данное, ни другие мероприятия по рецентрализации, проводившиеся в 1961–1962 годах, не привели к улучшению экономического положения всей страны, промышленности и строительства, в частности. Темпы экономического роста продолжали

снижаться. Потребовались новые организационные мероприятия по рецентрализации экономики. Они были проведены на ноябрьском пленуме ЦК КПСС 1962 года.

В настоящее время в распоряжении исследователей имеется неоценимый новый источник, характеризующий процесс подготовки решений ноябрьского пленума ЦК КПСС, – черновые протоколы заседаний Президиума ЦК КПСС. На заседаниях Президиума и его члены, и особенно Н.С. Хрущев гораздо откровеннее, чем в публичных выступлениях, давали негативные оценки положения в экономике страны, объясняли мотивы своих действий. Теперь видны и различные точки зрения отдельных членов Президиума ЦК КПСС в решении некоторых вопросов управления экономикой, хотя принципиально взгляды членов Президиума не расходились с точкой зрения Н.С. Хрущева.

И в решениях пленума, и в обширном докладе на пленуме Н.С. Хрущева давалась в целом положительная оценка развития экономики СССР и выполнения семилетнего плана, но приводимые в них многочисленные примеры неэффективного развития в отдельных отраслях экономики, и особенно в развитии научно-технического прогресса свидетельствовали о том, что положение в экономике не так благополучно, как следовало из официальных данных, и необходимы новые экономические и организационные решения, чтобы переломить негативные явления в экономике.

Самым заметным решением ноябрьского пленума ЦК КПСС в области государственного и хозяйственного руководства экономикой явилась реорганизация партийного руководства по производственному принципу. Это решение, внешне относящееся к партийному строительству, конечно, имело прямое отношение к руководству экономикой, если учесть ключевую роль партии в руководстве экономикой. Об этом прямо говорил Н.С. Хрущев на одном из заседаний Президиума ЦК КПСС, предшествующем пленуму ЦК КПСС. На заседании Президиума ЦК КПСС 31 октября 1962 года Н.С. Хрущев достаточно откровенно признал, что капиталисты в погоне за прибылью гораздо эффективнее используют производственные мощности, чем они используются в СССР. «У нас это ослаблено. Бюрократ этим не страдает, он гарантирован. Поэтому здесь только партия может: если партия ослабит внимание, контроль, свои требования, – значит, может быть застой. Кто должен тут? Тут административное вмешательство. А в административном – кто? Партия» [6].

Коренное изменение системы партийного руководства, в противоречии со сложившимся еще с ленинских времен территориальным принципом, должно было иметь серьезные причины. Между тем и в советской, и в постсоветской экономической литературе оно трактуется практически единодушно, как пример абсурдности и волюнтаризма. На мой взгляд, это решение – результат осознания Н.С. Хрущевым пагубности роли партии в экономике как важного, но безответственного элемента. Своим решением Н.С. Хрущев попытался сделать партию и ее руководящие органы ответственным элементом советской экономической жизни. Мерилом успешности деятельности партийных организаций всех уровней в соответствии с проведенной реформой должны были стать конкретные результаты экономического развития на предприятиях и в соответствующих экономических районах всей страны, поскольку разделение по производственному принципу было доведено до уровня центральных партийных органов, где сформировались Бюро ЦК КПСС по промышленности и строительству и по сельскому хозяйству. Когда партийные органы отвечали одновременно за несколько отраслей экономики, спрос с них за результаты хозяйственной деятельности был затруднен. Практически, независимо от структуры хозяйства административного района, партийные органы и их руководители, как неоднократно отмечалось в воспоминаниях этих руководителей, например, П.Е. Шелеста, самого Н.С. Хрущева, наибольшее внимание, примерно 3/4 времени, отдавали руководству сельским хозяйством. Этим решением, однако, не была затронута другая аномалия в структуре политического руководства в СССР – дублирование деятельности партийных и хозяйственных органов. Напротив, в связи с повышением ответственности партийных органов за конкретные области деятельности это явление еще больше усилилось. Важно также иметь в виду, что результативность этого деления партийных органов по производственному принципу зависела от реальной требовательности высших партийных органов к низшим. С другой стороны, кажутся обоснованными мнения критиков этих решений, которые упрекают произведенную реорганизацию в том, что она могла привести к ослаблению политической деятельности партии, ее идеологической составляющей. Но фактически партия как политический организм умерла уже очень давно, а ее идеологическая работа к этому времени во многом носила формальный, преимущественно запретительный характер, мало что прибавляя к авторитету партии и социализма, скорее наобо-

рот. Понятно, что именно необходимость отвечать за конкретные результаты хозяйственной деятельности и вызывало наибольшее, как мне представляется, раздражение партийных руководителей, привыкших как раз к безответственности, и еще больше озлобляло их против Н.С. Хрущева. Последующие уверения в том, что это решение было ошибочным в силу забвения роли партии как политического руководителя общества, казались лишь удобным прикрытием истинных мотивов этого недовольства. Н.С. Хрущев получил поддержку в борьбе с «антипартийной группой» со стороны руководителей местных партийных органов именно за обещание более «легкой жизни», и даже ограниченная попытка вернуться, под давлением обстоятельств, к большей ответственности отталкивала теперь уже их от него в сторону тех, кто готов был эту «легкую жизнь» им сохранить.

Другим важным политическим решением, имевшим и большое экономическое значение для рецентрализации, было повышение роли контрольных органов в экономической жизни. Ранее я показал, что ослабление роли контрольных органов, начавшееся сразу после смерти Сталина, рождало безответственность и коррупцию в государственном и хозяйственном аппарате. Решение этого пленума создать мощный партийно-государственный орган – Комитет партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета министров СССР, во главе с уже очень влиятельным к тому времени членом Президиума ЦК и близким к Н.С. Хрущеву А.Н. Шелепиным, было направлено на ослабление этих негативных явлений в экономической и общественной жизни. По мнению Р.Г. Пихои, изучившего множество документов о деятельности высших органов власти в СССР послевоенного периода, этот орган – бюрократический монстр – фактически дублировал и отраслевые отделы ЦК КПСС, и аппарат Совета министров СССР [7]. Такого же мнения придерживается и автор первой в России биографии А.Н. Шелепина – Леонид Млечин, опирающийся главным образом на беседы с высокопоставленными деятелями того периода. «Создавался орган с огромными, почти неограниченными полномочиями, получивший право контролировать и партийные органы, и правительство, и Вооруженные силы, и даже КГБ» [8] (эти утверждения, конечно, нуждаются в критической оценке на основе архивных документов о реальной деятельности нового органа, что до сих пор не было произведено). О влиятельности нового органа в немалой степени говорит уровень его руководителей. Опубликованный в книге Л. Млечина перечень замес-

тителей А.Н.Шелепина не впечатляет. В нем отсутствуют крупные фигуры, с явными заслугами и большим, и успешным опытом работы, в частности, в экономике. В любом случае утверждение о повышении роли контрольных органов благодаря этому решению не вызывает сомнений.

В соответствии с решениями ноябрьского пленума ЦК КПСС (1962) для руководства техническим прогрессом и определением на его основе перспектив развития соответствующих отраслей промышленности были созданы государственные отраслевые комитеты по важнейшим отраслям промышленности. В подчинение этим комитетам были переданы из ведения совнархозов предприятия, непосредственно осуществлявшие НИОКР, – отраслевые научно-исследовательские институты, конструкторские бюро, опытные заводы и т.д. Государственные комитеты должны были совместно с Госпланом СССР, на основе разработок своих научных учреждений и своего аппарата определять перспективы экономического и технического развития соответствующих отраслей промышленности. Частично новые государственные органы напоминали упраздненные пять лет назад отраслевые промышленные министерства. Но производственные предприятия по-прежнему оставались в подчинении совнархозов. И этим отраслевые комитеты принципиально отличались от отраслевых министерств. Однако часть функций этих министерств они все-таки приобрели. Многие крупные хозяйственные руководители, направленные в 1957 году в регионы для руководства совнархозами (например, Н.К. Байбаков), были теперь возвращены в Москву и назначены руководителями отраслевых комитетов в ранге министров СССР. С созданием отраслевых промышленных комитетов децентрализация экономики сделала еще один шаг.

Если в промышленности производственные предприятия были оставлены в распоряжении совнархозов, и тем самым преемственность с прежними решениями была хотя бы частично сохранена, то в строительстве от них в значительной степени отказались. Строительные и проектные организации были полностью выведены из подчинения совнархозов и переданы: первые – в подчинение Советам министров союзных республик, вторые – в подчинение реорганизованного Госкомитета по строительству Совета министров СССР, который также должен был осуществлять и общее руководство строительством.

Наконец не остались неизменными и сами совнархозы. В соответствии с решениями того же пленума ЦК КПСС они были значительно

укрупнены и число их сократилось в несколько раз, а масштабы, соответственно, увеличились. Такое укрупнение могло усилить качество хозяйственного руководства, поскольку легче было найти квалифицированных руководителей для крупных совнархозов, и в то же время осложнило процесс управления, поскольку совнархозам пришлось теперь руководить значительно бóльшим числом отраслей и предприятий. Правда, эти совнархозы были полностью освобождены от руководства строительством и сферой НИОКР. Укрупнение совнархозов было следующим шагом в рецентрализации экономики.

Для руководства работой всей промышленностью был создан СНХ СССР – суперминистерство, которому были подчинены республиканские совнархозы, отраслевые комитеты и огромная сеть организаций материально-технического снабжения. Он также перенял от Госплана СССР функции по годовому планированию [9], что было совершенно необычным в практике советского планирования, когда в одном административном органе сосредоточивались и плановые, и административные функции, конечно, под общим руководством ЦК КПСС и Совета министров СССР. Таким образом, создавался еще один крупнейший центральный орган с огромными полномочиями. В связи с созданием СНХ СССР был упразднен Госэкономсовет, занимавшийся перспективным планированием народного хозяйства, и его функции были переданы Госплану СССР.

В марте 1963 года был создан еще один орган по управлению экономикой, что не было предусмотрено решениями ноябрьского пленума ЦК КПСС, – Высший совет народного хозяйства СССР (ВСНХ СССР). Создание этого органа, не предусмотренного, кстати, и Конституцией СССР, венчало организационные изменения по рецентрализации экономики. Определенные в постановлении функции этого органа в области экономики [10] были столь велики, что непонятно было, чем должен в области экономики заниматься Совет министров СССР. Правда, в этом постановлении ВСНХ СССР объявлялся высшим государственным органом по руководству промышленностью и строительством. Но в его подчинение были переданы не только СНХ СССР и основные государственные производственные комитеты, руководившие атомной промышленностью, электроэнергетикой и газовой промышленностью, государственные комитеты по оборонным отраслям промышленности, государственным стандартам и по делам изобретений и открытий, но также Госплан СССР, занимавшийся планированием

ем и контролем за выполнением планов по всей экономике, а также Государственный комитет по координации научно-исследовательских работ, Стройбанк СССР и Государственная комиссия по запасам полезных ископаемых. Поскольку решение внешнеполитических и оборонно-промышленных вопросов, а также руководство деятельностью всех силовых структур давно были выведены из сферы влияния Совета министров СССР, его сфера деятельности теперь ограничивалась в сущности сельским хозяйством, розничной торговлей, внешней торговлей, образованием и здравоохранением, общим контролем над деятельностью Министерства финансов СССР. На это обстоятельство указывал В.Н. Новиков, бывший в то время председателем Комиссии по внешнеэкономическим вопросам Совета министров СССР: «Высший совет народного хозяйства во главе с Д.Ф. Устиновым практически заменял или подменял Совмин. Все оперативные вопросы, большие и малые, решались именно в ВСНХ» [11].

Нет нужды доказывать, что принятые организационные решения привели к большим перемещениям кадров для создания новых организационных структур, преимущественно в Москве, но также и в крупных региональных центрах. Этот процесс напоминал ту «перетряску» кадров, которая происходила весьма болезненно в 1957 году, но теперь уже в противоположном направлении, не из Москвы, а наоборот – из областей в Москву или в республиканские столицы. Естественно полагать, что региональные руководители, поддержавшие в 1957 году Н.С. Хрущева в немалой степени из-за его готовности передать им больше власти в экономике, были недовольны принятыми решениями, повышавшими роль центра в управлении экономикой в ущерб областям. Правда, руководители центральных органов должны были быть довольными, но большинство из них, видимо, считало принятые решения недостаточными.

В проводившихся мероприятиях по рецентрализации управления экономикой было немало поспешности и импровизации. Взаимоотношения органов управления были плохо продуманы, их функции зачастую пересекались. Впоследствии справедливо писалось [12], что в результате этих решений система управления экономикой усложнилась и запуталась. Некоторые первоначально принятые решения пришлось исправлять спустя буквально несколько месяцев после их принятия. Так, в соответствии с принятыми в феврале 1963 года постановлениями ЦК КПСС и Совета министров СССР, конкретизировавшими реше-

ния ноябрьского пленума ЦК КПСС, Госплану СССР была возвращена функция годового планирования, а со СНХ СССР она была снята [13]. ВСНХ СССР вообще был создан дополнительно к органам, намечавшимся постановлениями пленума ЦК КПСС.

Ни опубликованные архивные материалы, ни воспоминания руководителей хозяйственных органов тех лет не позволяют оценить эффективность проведенных мероприятий. Эти источники к тому же крайне малочисленны и малоконкретны. Обращает на себя внимание, однако, что Н.К. Байбаков описывает свою деятельность во главе Государственного комитета химической и нефтяной промышленности (так он назывался с мая 1963 года, а в марте был только Комитетом по химии) без особого энтузиазма [14], хотя и не давая негативной оценки этого нововведения.

Поскольку принятые решения по рецентрализации управления экономикой означали практически признание ошибочности мероприятий по децентрализации экономики, проводившихся как возрождение ленинских принципов управления экономикой и отказ от сталинской чрезмерной централизации, Н.С. Хрущев должен был продемонстрировать, что это не так или не совсем так. Поэтому в его докладе на пленуме ЦК КПСС содержались призывы к развитию демократических начал управления производством путем создания производственных комитетов на предприятиях [15] и предложение о том, что «необходимо составление планов и их реализацию возложить на республики, их Госпланы и Советы народного хозяйства», оставив Госплану СССР задачу «стыковать» эти планы [16]. Вполне возможно, что Н.С. Хрущев искренне надеялся на действенность и целесообразность этих мер. Но в таком случае он проявлял изрядную наивность и непонимание характера процесса народнохозяйственного планирования: и предприятия, и союзные республики больше всего были заинтересованы при существовавшем хозяйственном механизме в заниженных планах, а задача народнохозяйственного планирования выходила далеко за функции стыковки планов, составляемых в республиках, призвана была обеспечить народнохозяйственные интересы и изменение, а не консервацию народнохозяйственных пропорций.

Н.С. Хрущев отдавал себе отчет, что любые организационные меры не дадут эффекта, если будут осуществляться малокомпетентными и пассивными работниками. Он с глубоким раздражением говорил о качестве работы Госплана СССР (тогда им еще руководил

В.Н. Новиков): «Госплан наш такой, что надо думать о каком-то органе по контролю над ним: в Госплане много людей, которые уже «родились» в Госплане. Он работает, он занят, ему обеспечена зарплата, а в промышленности вот такое положение» [17]. «Корявый» стиль изложения может быть связан с «корявым» стилем самого автора либо с неточной записью, но мысль тем не менее ясна.

Активно обсуждалось в связи с реорганизацией управления экономикой низкое качество работы плановых органов. Очень критически оценивал ее Н.С. Хрущев в выступлениях на пленуме ЦК КПСС [18] и на заседаниях Президиума ЦК КПСС. Но наиболее откровенно эту неудовлетворенность выразил А.И. Костоусов – председатель Комитета по машиностроению и автоматизации, в январе 1963 года: «В чем недостатки наших планов? Откровенно говоря, можно сказать, что наши планы никогда не базировались на расчетах, на работе научно-исследовательских организаций... Превалял валовой подход, определялись тонны, говорилось о достаточном уровне количества. А какое количество – этого никто не хотел знать, это никого не интересует» [19]. После этого убийственного не только для плановых органов, но и для высшего политического руководства заявления, против которого никто не возразил, положение, однако, ничуть не изменилось.

1.2.2 УВЕЛИЧЕНИЕ ЧИСЛА ДИРЕКТИВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ И ДЕТАЛИЗАЦИЯ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ

С самого начала 60-х годов в советской экономической литературе развернулась всесторонняя критика происходившего в предшествующий период сокращения планируемых показателей, низкого качества государственного управления экономикой. Критики такого чрезмерного сокращения единодушно утверждали, что оно нарушало пропорциональность в развитии экономики, затрудняло обоснование народнохозяйственных планов и контроль за затратами ресурсов. Самую активную позицию в этой критике занимал журнал «Плановое хозяйство», отражавший точку зрения Госплана СССР, органом которого он являлся. В сумме эта критика охватывала все мероприятия, проводившиеся в этой области в предшествующий период, хотя полного возврата к масштабам планового регулирования, существовавшего до 1953 года, не предлагалось.

А. Якоби и П. Менделевич уже в первом номере этого журнала за 1961 год подвергли критике состояние нормирования материальных ресурсов в стране. Авторы обращали внимание на действительно возмутительный факт: нередко нормы расхода материальных ресурсов устанавливаются в народнохозяйственном плане и планах совнархозов выше фактически достигнутых в предыдущий год [20]. Такое «планирование» позволяло предприятиям не предпринимать никаких усилий по сокращению фактических норм расходования материальных ресурсов. В то же время нормативная база по материальным ресурсам, используемая при разработке народнохозяйственного плана (и контролю за его выполнением), была крайне ограничена. Так, по прокату черных металлов нормативами было охвачено всего 30 % их потребления в машиностроении и металлообработке [21]. Ю. Колдомасов показал трудность увязки плана производства и капитального строительства в условиях, когда балансы оборудования разрабатываются только по некоторым важнейшим видам продукции и не отражается весь их спектр, необходимый для такой увязки и возможный при составлении их в стоимостном выражении по всем видам машиностроительной продукции инвестиционного назначения [22]. Б. Глускер, один из наиболее решительных сторонников расширения круга планируемых показателей, отмечая многочисленные диспропорции, появившиеся в экономике в последние годы, объяснял их слишком общим, неконкретным характером устанавливаемых в народнохозяйственном плане натуральных показателей и плановых материальных балансов. Он предлагал «пойти на некоторое расширение ассортимента планируемой центральными органами продукции, прежде всего за счет включения в нее новых материалов, новых типов оборудования и т.п.» [23]. Он сообщил о том, что в этом направлении практика планирования уже смещается. «В народнохозяйственном плане на 1962 год имеется в виду несколько расширить номенклатуру продукции, по которой утверждаются планы производства» [24].

Демонстрируя новую тенденцию появления, наряду с традиционно дефицитными видами предметов потребления в розничном товарообороте, довольно большой массы излишних предметов потребления, Р. Локшин связывал это с отсутствием, при обосновании планов розничного товарооборота, расчетов потребности в важнейших видах предметов потребления в натуральном выражении, при наличии толь-

ко расчетов соответствия общей товарной массы и денежного спроса – как это практиковалось вплоть до начала 60-х годов [25].

Важнейшим (и нередко недооцениваемым в российской и западной экономической литературе) инструментом централизации командной экономики являлась система материально-технического снабжения. Именно на эту систему как государственный орган возлагалась ответственность за обеспечение огромного количества потребителей многочисленными предметами производственно-технического назначения. Разумеется, эту функцию данная система могла выполнять только совместно с Госпланом СССР, министерствами и предприятиями. Но по отношению к ним она выступала в качестве «главного погонялы» наряду с партийными и контрольными органами. Значимость этой системы в классической командной экономике подчеркивалась тем обстоятельством, что с момента создания Госснаба СССР в 1947 году во главе ее был поставлен член Политбюро ЦК ВКП (б) – Л.М. Каганович. В послевоенный период только два хозяйственных органа в СССР возглавлялись членами Политбюро ЦК – Госплан и Госснаб, а после смещения Н.А. Вознесенского с поста председателя Госплана СССР и до избрания М.З. Сабурова осенью 1952 года в расширенный состав Президиума ЦК КПСС – только один. Это подчеркивало важнейшее значение, которое придавалось Госснабу в системе экономического руководства. Нелишне напомнить, что смещение Н.А. Вознесенского последовало после докладной записки заместителя председателя Госснаба СССР, в которой отмечались недостатки Госплана СССР при составлении народнохозяйственного плана на I квартал 1949 года. В этом факте также отражалась роль Госснаба СССР в руководстве командной экономикой.

В известной степени, роль централизованной системы материально-технического снабжения в формировании народнохозяйственного плана и регулирования экономикой была даже больше, чем Госплана СССР. В решающей области планирования – формировании плана в натуральном выражении Госплан СССР непосредственно влиял на формирование номенклатуры народнохозяйственного плана даже в периоды наиболее жесткого планирования по нескольким тысячам позиций, в то время как номенклатура плана снабжения по планируемой продукции охватывала в разные периоды 18–30 тыс позиций. Не удивительно, что отдельные советские экономисты (например, И.В. Нит и П.А. Медведев) в 80-е годы считали, что истинным руководителем

советской экономики был не Госплан СССР, а Госснаб СССР. Правда, возможности Госснаба СССР воздействовать на деятельность предприятий были весьма ограниченными, поскольку отсутствовали административные рычаги, а материальные санкции за нарушение обязательств по поставкам были весьма скромными. Поэтому Госснаб СССР должен был для воздействия на недобросовестных поставщиков прибегать к содействию партийных органов и тех же Госплана СССР и отраслевых министерств.

Колебания в номенклатуре плана материально-технического снабжения и народнохозяйственного плана, естественно, шли в одном направлении и даже примерно в тех же размерах. Так, вслед за сокращением в 1954 году номенклатуры промышленной продукции народнохозяйственного плана по сравнению с 1953 годом в 3 раза произошло ее сокращение в 2 раза по фондируемой (она же была планируемой) промышленной продукции в плане снабжения. Расширение номенклатуры промышленной продукции в народнохозяйственном плане сопровождалось и расширением номенклатуры фондируемой и централизованно планируемой продукции в плане материально-технического снабжения. К сожалению, мне не удалось найти в экономической литературе начала 60-х годов прямых данных об изменении объема номенклатуры фондируемой и планируемой продукции (имеются данные лишь по фондируемой продукции госплановской номенклатуры, число наименований которой в 1953 году составляло 1600 наименований и, следовательно, в 1954 году – 800 наименований), поэтому приходится только высказать предположение на основе прошлого опыта, что она росла пропорционально росту номенклатуры продукции в натуральном выражении в народнохозяйственном плане. Эта тенденция очевидна лишь по фондируемой продукции, число наименований которой в начале 60-х годов превысило 1000 наименований.

Понятно, что руководители местных хозяйственных органов без восторга приняли меры по усилению централизации экономики, уменьшающие их власть и самостоятельность, даже если многие из них понимали обоснованность тех мер с общегосударственной точки зрения. Однако, воспитанные в традициях партийной дисциплины, лишь немногие из них осмеливались протестовать против новых решений. Одним из таких немногих был председатель Кемеровского совнархоза Л. Графов, выступивший в прениях по докладу Н.С. Хрущева на ноябрьском пленуме ЦК КПСС. Единственный из выступавших на

этом пленуме, он не только осудил намечаемые меры, но и привел довольно показательные данные о масштабе проведенных мероприятий по рецентрализации экономики в области плановых показателей. Л. Графов сообщил: «...если в 1958 году утверждалось 1200 плановых показателей по производству, то в 1962 году их уже утверждается 1670, или на 39 % больше, по труду устанавливалось 14 показателей, сейчас – 22, или на 57 % больше, по себестоимости – 2, сейчас – 10, или в 5 раз больше» [26].

Под влиянием возникших серьезных хозяйственных трудностей пришлось вернуться к уже полузабытым в предыдущий период, особенно с переходом к совнархозам, словам о дисциплине и ответственности. Так, в передовой статье журнала «Плановое хозяйство» № 7 за 1961 год отмечалось: «опыт последних лет показывает, что на отдельных (традиционный эвфемизм в советской пропаганде. – Г.Х.) участках хозяйства централизованный контроль за выполнением заданий народнохозяйственного плана был ослаблен» [27]. И дальше в передовой статье для обоснования этого вывода с большой тревогой указывалось на многочисленные случаи потери хозяйственниками ответственности за выполнение плановых заданий, самовольные корректировки планов, приписки и другие способы обмана государства с целью сокрытия истинного положения дел на своих предприятиях и в организациях (совнархозах).

До какой степени удалось осуществить намечавшееся усиление централизации планирования и распределения ресурсов в начале 60-х годов в целом по стране (а не по одному Кемеровскому совнархозу, что, конечно, тоже показательно), мне, не имея доступа к архивным документам, в полной мере сказать трудно. Единственное, что можно вполне определенно и уверенно сказать, используя литературные источники, так это то, что такие действия предпринимались во всех указанных направлениях. Более или менее определенные сведения о масштабе этих действий, и то лишь для одного года, имеются применительно к номенклатуре планируемой промышленной продукции. Ранее я приводил данные о сокращении номенклатуры народнохозяйственного плана за 1953–1958 годы. Теперь можно уточнить, что в номенклатуре народнохозяйственного плана большую часть («более 5 тысяч» из 9490 позиций) занимали задания по номенклатуре промышленной продукции [28]. Судя по приводимым в книге Б. Глускера данным, к 1958 году их число сократилось почти до 1000 наименова-

ний [29]. В народнохозяйственном плане на 1963 год были установлены задания по номенклатуре промышленной продукции примерно по 1100 наименованиям, не считая «именников», т.е. крупных по размеру видов оборудования, выделяемых на конкретные объекты [30]. Очевидно некоторое увеличение плановой номенклатуры промышленной продукции, но этот уровень все еще не достигает уровня 1953 и даже 1957 года. Экстраполируя эту тенденцию на другие мероприятия по централизации планирования, можно сказать, что в 1962–1963 годах она заметно усилилась, но уровень централизации периода классической модели командной экономики не был достигнут. И все-таки централизация в управлении страной при ее разумном проведении могла способствовать улучшению качества планирования и более тщательному контролю за работой промышленности всех отраслей народного хозяйства.

1.2.3. ОГРАНИЧЕНИЕ ПОДСОБНЫХ ХОЗЯЙСТВ

В сельском хозяйстве уже с конца 50-х годов Н.С. Хрущев проводил линию на свертывание личного подсобного хозяйства колхозников, рабочих и служащих совхозов. В этой политике сочеталось убеждение (справедливое), что забота о личном подсобном хозяйстве отвлекает людей от производительного труда в общественном хозяйстве, со стремлением улучшить качество жизни работников сельского хозяйства (особенно женщин), вынужденных трудиться с утра до позднего вечера в общественном хозяйстве и личном хозяйстве, которое Н.С. Хрущев считал малопродуктивным, поскольку оно основывалось на ручном труде. В тот период у Н.С. Хрущева было представление об огромных возможностях общественного хозяйства, стоит только дать ему необходимые ресурсы, предложить рациональные приемы работы и хороших руководителей.

Кампания по сокращению личного подсобного хозяйства совпала с движением «догнать и перегнать США по молоку и мясу». Уже на декабрьском пленуме ЦК КПСС в 1958 году Н.С. Хрущев потребовал сократить размеры приусадебных хозяйств и численность скота в личном владении работников совхозов [31]. С этой целью было рекомендовано совхозам выкупить личный скот у работников совхозов. Следующим шагом в том же направлении летом 1959 года было запрещение держать скот жителям городов, что тоже было справедливо, поскольку скот кормили там дешевым хлебом, но цены на хлеб тем

не менее повышать не решались [32]. Поскольку надежды на бурное развитие общественного хозяйства, в том числе и животноводства, не оправдались, борьба с личным подсобным хозяйством привела к замедлению роста продукции сельского хозяйства. Хотя это выявилось уже в начале 60-х годов, явно поспешные меры по свертыванию личного подсобного хозяйства тем не менее при Н.С. Хрущеве так и не отменили.

1.2.4. УСИЛЕНИЕ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Либерализация экономической и политической жизни после смерти Сталина привела к усилению экономической преступности и появлению преступных организованных группировок в различных сферах экономической жизни, прежде всего, разумеется, в торговле. Конечно, экономическая преступность получила широкое распространение и в период классической модели командной экономики [33]. В ее сферу вовлекались не только хозяйственники, но и работники государственного и партийного аппарата, правоохранительных органов. Однако тогда с этой преступностью велась систематическая борьба, которая сдерживала вал экономической преступности. Правоохранительные органы имели широкую агентуру осведомителей в хозяйственных органах, в том числе и в торговле, и это позволяло относительно своевременно выявлять и ликвидировать очаги экономической преступности [34]. В связи с политической либерализацией эта сеть осведомителей была либо ликвидирована, либо очень резко сокращена. В 1956–1960 годах, если судить по известной мне советской исторической, юридической и экономико-статистической литературе, в СССР не было серьезной борьбы с экономической преступностью. Не удивительно, что в этих условиях экономическая преступность расцвела пышным цветом. Расширилась и ее сфера в связи с политической либерализацией. Приток иностранных туристов, деловых людей, расширение других международных контактов (например, научных), проведение международных фестивалей, конгрессов, спортивных соревнований, обучение иностранных студентов в советских вузах – все это благоприятствовало возникновению валютной спекуляции в связи с завышенным валютным курсом рубля и разницей в ценах на товары внутри страны и за границей, по некоторым их видам – огромной. Нет нужды доказывать, что экономическая преступность не только разру-

шала основные моральные ценности советского общества, но и наносила большой непосредственный экономический ущерб, отвлекая трудовые ресурсы, ослабляя стимулы к производительному труду, разлагая государственный и партийный аппарат. Следует отметить, что немалую роль в развитии экономической преступности в торговле, общественном питании и материально-техническом снабжении играла и хроническая недооценка труда торговых работников. В 1940–1960 годах их зарплата не превышала 70 % от средней заработной платы в народном хозяйстве [35].

Уже с самого начала 1961 года, практически одновременно с другими мероприятиями по рецентрализации экономики, заметно усилилась деятельность правоохранительных органов СССР по борьбе с экономическими преступлениями в самых разных направлениях. Первый удар был нанесен по валютной спекуляции, которая достигла к тому времени, особенно в Москве, больших размеров. Органами КГБ были арестованы самые крупные валютные спекулянты тех лет – Рокотов и Файбишенко [36]. Они были приговорены к расстрелу. Столь суровый и незаконный (по указу, принятому задним числом после совершения преступления) приговор отражал, помимо традиционного презрения советских руководителей и судов того времени к принципам права, глубокий страх Н.С. Хрущева перед разрастанием экономической преступности, влияющей на политическую и экономическую обстановку в стране, ослабляющей эффективность советского общества.

Другим крупным событием в борьбе с экономической преступностью, получившим, как и дело Рокотова–Файбишенко, широкую, хотя и далеко не полную огласку, было разоблачение преступной деятельности целого сообщества руководящих торговых работников, крупных деятелей администрации Ленинграда и области, местных партийных и правоохранительных органов во главе с председателем Ленинградского горисполкома, членом ЦК КПСС Н.И. Смирновым [37], пользовавшимся поддержкой и покровительством второго человека в руководстве ЦК КПСС – Ф.Р. Козлова. Несмотря на активное противодействие руководства Ленинградского обкома КПСС это дело было доведено до суда и многие торговые, административные и партийные работники Ленинграда оказались на скамье подсудимых. Возможно, что активность прокуратуры СССР и других центральных правоохранительных органов в этом деле диктовалась не только директивой об

усилении борьбы с организованной преступностью, но и внутривнутрипартийной борьбой в руководстве КПСС. Так, по крайней мере, считает следователь по этому делу А.И. Кирпичников [38], и эта версия выглядит весьма правдоподобной, что, однако, не меняет, как следует и из воспоминаний самого А.И. Кирпичникова, основной цели этой кампании, активно проводившейся в этот период и в других районах страны, в том числе и в Москве. Подводя итоги этой кампании в 1961–1962 годах, когда она еще далеко не была доведена до конца, Н.С. Хрущев в докладе (не вошедшем в стенографический отчет в этой части) на ноябрьском пленуме ЦК КПСС говорил о 12 тысячах арестованных за экономические преступления, в том числе и более 4 тысяч партработников [39]. Было вынесено более 150 расстрельных приговоров, что уже напоминало сталинские времена. Исключительно важно и то, что в этом докладе сообщалось (что также не вошло в опубликованный текст) об отмене принятого в 1938 году постановления, требующего решения партийных органов для привлечения члена партии к судебной ответственности. Этот документ, принятый тогда, по-видимому, для ограничения произвола органов НКВД против членов партии, впоследствии ограждал многих членов партии от судебных преследований, если у них была поддержка руководителей партийного аппарата. Отмена постановления также не могла не настроить против Н.С. Хрущева партийных работников и нечистоплотных членов партии.

1.2.5. ОБНОВЛЕНИЕ РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ

Создание новых органов управления экономикой потребовало крупных кадровых перемещений в этой сфере. Анализ этих перемещений – самостоятельная проблема, которая требует отдельного рассмотрения. Здесь я очень кратко рассмотрю только ее основные направления применительно к высшим органам хозяйственного управления. Во-первых, произошло известное омоложение руководящих кадров и выдвижение новых фигур, ранее занимавших скромное место в управленческой пирамиде. Процесс старения руководящих кадров, происходивший в последние годы жизни и после смерти Сталина, был остановлен: частично повернут в обратном направлении – во главе новых органов управления экономикой в ЦК КПСС были выдвинуты новые фигуры в возрасте до 50 лет, что для того времени считалось молодым возрастом. Во главе Бюро ЦК КПСС по промышленности, приобретшего огромное значение в связи с перестройкой партийных органов по

производственному принципу, был поставлен П.В. Рудаков, ранее занимавший пост руководителя одного из промышленных отделов ЦК КПСС. Во главе аналогичного Бюро по сельскому хозяйству был выдвинут В.Н. Поляков, также не занимавший прежде значительных административных должностей.

Председателем Комитета партийно-государственного контроля был поставлен А.Н. Шелепин, которому исполнилось «только» 44 года, почти мальчишеский возраст по понятиям бюрократического аппарата того времени. Другой особенностью кадровой политики этого периода явилось выдвижение на первый план руководителей с большим опытом работы в военной промышленности. ВСНХ СССР, игравший ключевую роль в управлении экономикой, возглавил многолетний министр оборонной промышленности и председатель ВПК Совета министров СССР Д.Ф. Устинов. Госплан СССР несколько лет возглавлял его долголетний коллега В.Н. Новиков. СНХ РСФСР, руководивший промышленностью самой большой республики СССР, возглавлял еще один крупный деятель оборонной промышленности – С.А. Афанасьев. Очевидно, что такое выдвижение на первый план в руководство всей экономикой представителей промышленности преследовало цель перенести в гражданские отрасли организационный и технологический опыт этого передового в СССР сектора экономики.

В целом эти кадровые изменения шли в направлении повышения эффективности высшего хозяйственного руководства, после довольно долгого периода его ухудшения после смерти Сталина.

1.2.6. МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ

Оценивая в целом комплекс мероприятий по рецентрализации экономики, проводившихся в 1961–1965 годах, следует констатировать, что они частично вернули советскую экономику к ее классической модели. Это была, конечно, весьма мягкая классическая модель с точки зрения централизации управления и по степени жесткости в отношении работников.

Каковы же экономические последствия частичной рецентрализации управления экономикой в первой половине 60-х годов? В полной мере эти меры стали проводиться в 1963–1965 годах, поэтому целесообразно сравнить характер развития советской экономики в 1961–1962 и 1963–1965 годах. Разумеется, характер экономического развития оп-

ределялся не только изменениями в методах управления, но и другими факторами (например, структурной политикой или климатическими условиями в сельском хозяйстве), но несомненно, что изменение методов управления экономикой при этом является все же важнейшим фактором.

Для сравнения экономического развития СССР в периоды ослабления и усиления централизации управления экономикой в указанные периоды были использованы данные советской статистики и альтернативные оценки западной статистики экономического роста (мои данные относятся к пятилетнему периоду, без выделения отдельных лет). Заодно для выявления тенденций был взят также и конец 50-х годов. Результаты сравнения представлены в табл. 1.

Три первых индикатора (табл. 1) не показывают ускорения экономического развития после 1962 года. В то же время последние три показателя демонстрируют ускорение экономического развития, хотя и небольшое. Показателен в этом отношении исчисленный Объединенной экономической комиссией конгресса США индекс валового национального продукта. По моим расчетам, основанным на абсолютных данных об объеме ВВП в ценах 1970 года, исчисленного экспертами Объединенной экономической комиссии конгресса США, за 1959–1962 годы среднегодовые темпы роста ВВП составили 4,7 %, в то время как за 1963–1965 годы – 5,25 %. Еще более отчетливо ускорение экономического развития СССР, начиная с 1962 года, подтверждается внутренним потреблением топлива – этот параметр обычно хорошо корреспондирует с объемом производства. Если в 1959–1962 годах внутреннее потребление топлива росло в среднем на 4,8 %, то в 1963–1965 годах – на 8,4 %. Что касается динамики перевозок грузов железнодорожным транспортом, то в этот период точность отражения его динамики экономического развития уменьшилась вследствие, с одной стороны, увеличения удельного веса других видов транспорта, особенно трубопроводного, а с другой – изменения в структуре топливного баланса в пользу нефти и газа, транспортируемых преимущественно по трубам¹.

Еще одним свидетельством результативности «нового курса» в экономической политике (а также проводившихся структурных изменений в экономике) служит резкий рост розничного товарооборота в конце

¹ Динамика перевозок грузов всем транспортом показывает значительное ускорение их в 1963–1965 годах.

Таблица 1

**Сравнение годовых темпов прироста экономических показателей
в 1959–1965 гг., % к предыдущему году**

Показатели	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965
Национальный доход, исчисляемый ЦСУ СССР	12,4	7,4	7,7	6,8	5,7	4,0	9,3	6,9
Продукция промышленности, исчисляемая ЦСУ СССР	10,3	11,4	9,5	9,1	9,7	8,1	7,3	8,7
Перевозки грузов железнодорожным транспортом	8,6	9,0	6,9	5,5	4,5	3,9	6,0	5,5
Производство топлива (в условном выражении)	7,2	7,0	5,1	5,2	5,7	6,3	8,8	6,0
Внутреннее потребление топлива	6,6	5,9	3,9	4,6	4,6	9,2	5,5	10,6
ВНП по расчетам, представленным Объединенной экономической комиссией конгресса США	5,7	4,0	5,6	3,7	-1,0	10,0	6,2	5,9

Примечание. Динамика внутреннего потребления топлива рассчитана: для 1958–1960 годов на основе данных о производстве топлива и его экспорте, для 1961–1965 годов по опубликованным в 1960–1965 годах в справочнике «Народное хозяйство СССР» ежегодно (за исключением данных за 1961 год) балансах топливно-энергетических ресурсов. Поскольку данные балансы топливно-энергетических ресурсов за 1961 год не были опубликованы, динамика внутреннего потребления топлива за 1961 и 1962 годы приведена экспертно в среднегодовом исчислении в равных величинах за оба года.

Источники. Народное хозяйство СССР в 1961 году. – М., 1962. – С. 203; Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 59, 235; Транспорт СССР. – М., 1972. – С. 92. ВНП по расчетам, представленным Объединенной комиссией конгресса США; USSR: measures of economic growth and development. U.S. Congress. Jont Economic Comitee Washington, DC, 1982. – P. 52–53.

периода. При всех искажениях его динамики официальной статистикой этот показатель верно отражал тенденции. В 1965 году розничный товарооборот вырос на 9,9 %, в то время как в предыдущие четыре года его ежегодный рост в среднем составлял немногим более 4 %.

Даже небольшое ускорение экономического развития в 1963–1965 годах может служить доказательством результативности проведенных в первой половине 60-х годов мер по рецентрализации экономики. Удалось не только приостановить довольно быстро идущую тенденцию к падению темпов экономического роста, но и повернуть ее вспять. Тем не менее эти темпы были далеки от темпов 50-х годов и лишь немногим превышали американские в этот период. О победе в экономическом соревновании с капитализмом приходилось забыть. В то же время данные топливно-энергетического баланса, который, конечно, тоже несовершенен, говорят о радикальном ускорении экономического развития СССР в 1963–1965 годах.

Перелом в тенденциях экономического развития СССР был осуществлен в 1963–1965 годах в результате реставрации лишь части элементов классической модели командной экономики. Многие рациональные ее элементы так и не были восстановлены: низким был уровень централизации планирования производства продукции в натуральном выражении и материально-технического снабжения, не был восстановлен Госснаб СССР, не возобновлена практика пересмотра норм выработки, не восстановлена министерская система управления промышленностью и т.д. Так и не начали реализовываться предложения многих советских экономистов по улучшению качества планирования и управления. Организация внутрипроизводственного управления оставалась низкой. Продолжала оставаться низкой система материального и морального поощрения за качественный и квалифицированный труд. Тем не менее даже проведенные мероприятия показали, что применение имманентных командной экономике методов управления дает положительные результаты. Положительные результаты были достигнуты благодаря аналогичным мероприятиям по рецентрализации управления экономикой также в таких социалистических странах, как Польша и Чехословакия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Глинский Б.* Теория и практика управления промышленными предприятиями / Б. Глинский. – М., 1969. – С. 6.
2. *Шик О.* Весеннее возрождение – иллюзии и действительность / О. Шик. – М., 1991. – С. 146–147.
3. Например, *Пыжиков А.* Хрущевская «оттепель» / А. Пыжиков. – М., 2002, где имеется обширная глава об экономическом развитии СССР в хрущевский период.
4. *Nikita Khrushchev* / ed. : by W. Taubman, S. Khrushchev, A. Gleason. – New Haven, L., 2000.
5. *Верт Н.* История советского государства / Н. Верт. – М., 2000. – С. 414, 419.
6. Президиум ЦК КПСС. 1953–1964. – М., 2003. – С. 561.
7. *Пихоя Р. Г.* Советский Союз: история власти / Р. Г. Пихоя. – Новосибирск, 2000. – С. 222.
8. *Млечин Л.* Железный Шурик / Л. Млечин. – М., 2004. – С. 318.
9. Пленум ЦК КПСС 19–23 ноября 1962 года. – М., 1963. – С. 451.
10. Об образовании Высшего совета народного хозяйства СССР Совета министров СССР (ВСНХ СССР) : ст. 49, принято 13 марта 1963 г. // Собр. постановлений правительства СССР. – М., 1963.
11. *Новиков В. Н.* В годы руководства Хрущева / В. Н. Новиков // Вопросы истории. – 1989. – № 2. – С. 106.
12. *Медведев Р.* Хрущев Н.С. Политическая биография / Р. Медведев. – М., 1990. – С. 202.
13. СП Правительства СССР. – 1963. – № 1. – С. 2, 4.
14. *Байбаков Н. К.* Сорок лет в правительстве / Н. К. Байбаков. – М., 1993. – С. 89–93.
15. Пленум ЦК КПСС. 19–23 ноября 1962 года. – М., 1963. – С. 62–59.
16. Там же. – С. 60.
17. Президиум ЦК КПСС. 1953–1964. – М., 2003. – С. 560.
18. Пленум ЦК КПСС. 19–23 ноября 1962 года. – М., 1963. – С. 48–56.
19. Президиум ЦК КПСС. 1953–1964. – М., 2003. – С. 686.
20. *Якоби А.* Улучшить организацию и методы нормирования расхода материальных ресурсов / А. Якоби, П. Менделевич // Плановое хозяйство. – 1961. – № 1. – С. 23.
21. Там же. – С. 25.
22. *Колдомасов Ю.* Усовершенствовать методику разработки сводного баланса оборудования / Ю. Колдомасов // Плановое хозяйство. – 1961. – № 4. – С. 41.
23. *Глускер Б.* К вопросу о построении системы показателей народнохозяйственного плана / Б. Глускер // Плановое хозяйство. – 1962. – № 9. – С. 37.

24. *Глускер Б.* К вопросу о построении системы показателей народнохозяйственного плана / Б. Глускер // Плановое хозяйство. – 1962. – № 9. – С. 38.
25. *Локишин Р.* Производство товаров и платежеспособный спрос / Р. Локишин // Плановое хозяйство. – 1963. – № 1. – С. 20.
26. Пленум ЦК КПСС. 19–23 ноября 1962 года. – М., 1963. – С. 356.
27. Плановое хозяйство. – 1961. – № 7. – С. 7.
28. *Глускер Б.* О системе показателей народнохозяйственного плана / Б. Глускер, П. Крылов // Плановое хозяйство. – 1954. – № 5. – С. 79–84.
29. *Глускер Б.* Система показателей народнохозяйственного плана / Б. Глускер. – М., 1963. – С. 19.
30. Там же. – С. 21. Б. Глускер приводит данные о сокращении номенклатуры в 2 раза в 1954 и в 1958 гг., но общее число показателей народнохозяйственного плана сокращалось и в промежутке между этими датами и, по видимому, пусть и незначительно, – в 1958–1961 гг.
31. *Млечин Л.* Железный Шурик / Л. Млечин. – М., 2004. – С. 332.
32. Там же. – С. 333.
33. *Осокина Е.* За фасадом «сталинского изобилия» / Е. Осокина – М., 1999. – С. 222–227.
34. Там же. – С. 226.
35. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 657–658.
36. *Рокотов В.* Казнь мотылька / В. Рокотов // Совершенно секретно. – 2004. – № 7. – С. 29–31.
37. *Кирпичников А. И.* Взятка и коррупция в России / А. И. Кирпичников. – М., 1997. – С. 253–274.
38. Там же. – С. 272–273.
39. *Твардовский А. Т.* Рабочие дневники / А. Т. Твардовский // Знамя. – 2000. – № 7. – С. 140.

Глава 2

КАДРОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ВЫСШЕМ ХОЗЯЙСТВЕННОМ РУКОВОДСТВЕ

2.1. КАДРОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ВЫСШЕМ ПАРТИЙНОМ РУКОВОДСТВЕ ЭКОНОМИКОЙ

Учитывая ключевую роль партии в данный период не только в определении экономической политики, но и в оперативном руководстве экономикой, целесообразно начать анализ изменений в высшем хозяйственном руководстве с руководства партией, большая часть которого прямо или косвенно участвовала в управлении экономикой. Даже очень дружественно настроенный к Н.С. Хрущеву А.И. Микоян вынужден был признать, что «в целом Политбюро до 1957 года (т.е. до разгрома «антипартийной группы») было более сильным по составу работников, чем после 1957 года» [1].

Почти весь анализируемый период во главе КПСС и советского правительства стоял Н.С. Хрущев. Поэтому, по необходимости, состояние высшего советского, хозяйственного руководства в этот период приходится начинать с его характеристики как хозяйственного руководителя. Теперь имеется уже достаточно источников (документальных и мемуарных), чтобы стало возможным дать объективную характеристику этого государственного деятеля. Бесспорно, он был чрезвычайно энергичным человеком, искренне заботившимся о процветании и могуществе Советского Союза и его народа. Вопрос в том, насколько он был подготовлен к миссии руководителя огромного государства. И здесь придется начать с того, что он не получил серьезного образования, ни школьного, ни высшего. И эти серьезнейшие изъяны в образовании он не компенсировал (в отличие, скажем, от

Сталина) чтением политической и экономической литературы. Для этого у него не было ни времени, ни, похоже, желания. Даже его дети не могут вспомнить серьезных книг, которые он читал, будучи высшим руководителем государства. Он полагался, видимо, на собственный немалый жизненный опыт, уроки Сталина и советы его политических коллег и советников. Поскольку эти советы шли в разных направлениях, то приходилось выбирать нужное чисто интуитивно, нередко под влиянием преимущественно узкополитических соображений или особенностей текущего момента, иногда просто случайных. Важно и то, что прямо хозяйственными вопросами как основным делом ему заниматься не доводилось, поскольку всю зрелую жизнь он был профессиональным партийным работником. Понятно, уже в силу этого ему трудно было ориентироваться в экономических вопросах.

В силу того что основное внимание в государственной деятельности в этот период Н.С. Хрущев вынужден был уделять вопросам внешней политики, внутрипартийных отношений, оборонной политики, на экономические проблемы оставалось не так уж много времени. Больше всего он занимался сельским хозяйством, в котором считал себя специалистом, ибо партийный работник того времени, как я уже писал, в основном сталкивался как раз с сельским хозяйством и его проблемами. Сельское хозяйство он любил, сам выращивал у себя на даче сельскохозяйственные культуры и, по воспоминаниям родственников, не без успеха. Был у него интерес и к строительству. Гораздо меньший – к промышленности.

Очень сильной стороной Хрущева как хозяйственного руководителя был огромный интерес и уважение к естественным и техническим наукам, к ученым этих же специальностей. Он жадно следил за новейшими научными достижениями и делал все, что от него зависело, чтобы достижения и отечественной, и зарубежной науки как можно быстрее внедрялись в производство. В таком его отношении к науке случались досадные неудачи (например, поддержка Т.Д. Лысенко из-за его, как Хрущеву казалось, близости к практике), но эти неудачи были скорее исключениями. Макроэкономические проблемы и вопросы экономической политики он понимал, видимо, на уровне здравого смысла. Статистики он, конечно, не знал и установить, что советская макроэкономическая статистика лжет, и понять, насколько это опасно, а тем более, как это устранить, – был не способен.

Вторыми по значимости деятелями в руководстве ЦК КПСС в данный период были последовательно А.И. Кириченко, Ф.Р. Козлов, Л.И. Брежнев. Трудно сказать что-то определенное о А.И. Кириченко. Мнения современников об этой политической фигуре расходятся. Одни делают акцент на его грубость, другие – на требовательность. Скорее всего было и то, и другое, что в СССР того периода чаще всего совпадало. Как мне кажется, именно второе качество, все более выходящее из моды, привело к его падению (и, конечно, ревность других секретарей ЦК к его власти и влиянию). Остальные секретари ЦК поставили Н.С. Хрущеву ультиматум: или Кириченко, или они, и Хрущев сдался, показав свою слабость. Кириченко был освобожден от высокой должности и быстро сошел с политической сцены. Большим влиянием в руководстве страны стал пользоваться после смещения Кириченко Ф.Р. Козлов. О той поре В.Н. Новиков писал, что «практически власть была в его руках» [2]. Однако, судя по описанию Новиковым должностных обязанностей Козлова [3], вряд ли он «влезал» в повседневную хозяйственную жизнь. В.Н. Новиков в разных местах своих воспоминаний с глубоким уважением отзывается о деловых и моральных качествах Ф.Р. Козлова. В какой-то степени здесь сказались их многолетняя дружба и сотрудничество. В то же время А.И. Микоян резко отрицательно отзывался об интеллектуальных, о деловых и моральных качествах Козлова, положительно отзываясь о Кириченко [4]. После того как Ф.Р. Козлова разбил паралич, его преемником стал Л.И. Брежнев. До этого Л.И. Брежнев руководил в ЦК КПСС военно-промышленным комплексом. И, скорее всего, эта область хозяйственной жизни осталась за ним на новом посту. Из всех названных вторых лиц в партии последний был самым слабым как руководитель – не столько даже по профессиональным качествам, сколько по волевым, легко поддаваясь влиянию более волевых и компетентных руководителей, как, например, Д.Ф. Устинов, что, впрочем, нередко могло идти и на пользу делу.

2.2. КАДРОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ВЫСШЕМ ГОСУДАРСТВЕННОМ РУКОВОДСТВЕ ЭКОНОМИКОЙ

Повседневное руководство хозяйственной жизнью осуществлял Совет министров СССР, который с 1958 года возглавлялся Н.С. Хрущевым. Но в силу занятости многими другими областями деятельности Хрущев, естественно, перепоручал хозяйственную сферу

своим заместителям. С 1958 по 1960 год первым заместителем председателя Советам министров СССР был Ф.Р. Козлов, а после его перехода на работу в качестве секретаря ЦК КПСС его место занял А.Н. Косыгин. Мне уже приходилось весьма скептически высказываться о его деловых и политических качествах в предыдущей части книги. Появившиеся с тех пор материалы подтвердили эту оценку. На заседаниях Президиума ЦК КПСС при обсуждении хозяйственных вопросов А.Н. Косыгин вел себя весьма пассивно, и в его выступлениях на этих заседаниях трудно найти интересные мысли. Н.С. Хрущев явно был недоволен его деятельностью как первого заместителя главы правительства и несколько раз прямо об этом говорил. Впервые на заседании Президиума ЦК КПСС Хрущев высказал недовольство деятельностью Косыгина 17 июня 1961 года: «Я считаю, что мы плохо руководим промышленностью, Госплан плохо руководит и плохо руководит Совет министров. Я критикую тов. Косыгина, потому что он, как говорится, мой первый заместитель» [5]. О недовольстве Н.С. Хрущева состоянием экономики и руководством ею уже летом 1961 года можно судить и по следующему его утверждению на том же заседании: «Если мы, товарищи, не сделаем выводов, тогда партия должна сделать вывод, что мы не годимся, что мы болтуны, а не руководители» [6]. Аналогичные упреки в адрес Косыгина делал Хрущев и позже, на заседаниях Президиума ЦК КПСС. Так, на заседании 28 февраля 1963 года, обсуждавшем вопрос о создании ВСНХ СССР, и именно в связи с созданием этого органа, Хрущев прямо «критикует тов. Косыгина за плохую организацию руководства хозяйством» [7]. Не удивительно, что вскоре он фактически заменил А.Н. Косыгина в качестве руководителя экономики Д.Ф. Устиновым, импонировавшим ему своими достижениями в военно-промышленном комплексе.

Многочисленные свидетельства (выступления на заседаниях Президиума ЦК КПСС, беседы с единомышленниками, родственниками, сообщения самих руководителей партии) подтверждают, что в конце своего правления Н.С. Хрущев испытывал глубокое разочарование и раздражение в отношении подавляющего большинства своих соратников по руководству партией и правительством за их бездарность и бездеятельность. Избавившись от более талантливых и энергичных соперников в борьбе с Л. Берией, «антипартийной группой», по-видимому, секретарями ЦК КПСС, выброшенными из руководства в 1960–1961 годах, и окружив себя внешне послушными людьми, Н.С. Хру-

щев обнаружил, как и многие другие руководители в аналогичной ситуации, что послушные – бесполезны в качестве руководителей. Отсюда его грубые упреки им за их бездарность и бездеятельность, особенно после ухода из руководства Ф.Р. Козлова. О том, как отзывался о большинстве из своих соратников Н.С. Хрущев, лучше всего говорят высказывания, приводившиеся в докладе, который был подготовлен к пленуму ЦК КПСС, снимавшему Н.С. Хрущева: «дурак, бездельник, лентяй, вонь, грязная муха, мокрая курица, жопа» – это только «печатные» из употребляемых им оскорблений» [8]. Разумеется, в этих высказываниях отразились малокультурность Н.С. Хрущева, его раздражение в связи с хозяйственными неудачами и в то же время, по-видимому, справедливая оценка большинства соратников.

В последние годы своего правления, разочаровавшись в прежних соратниках, Н.С. Хрущев пытался влить в руководство «свежую кровь», более молодые и энергичные кадры. Одновременно он сделал ставку на руководителей военной промышленности как наиболее результативных. Так, в партийном и хозяйственном руководстве возросло влияние таких, относительно молодых для того времени, деятелей, как А.Н. Шелепин и Д.С. Полянский, которым не было еще 45 лет, когда они стали заместителями Председателя Совета министров СССР и секретарями ЦК КПСС, а Шелепин еще и возглавил очень влиятельное ведомство партийно-государственного контроля. В то время как о А.Н. Шелепине находим в исторической и мемуарной литературе немало положительных отзывов как о государственном деятеле, немногочисленные упоминания о Д.С. Полянском носят негативный характер.

Среди руководителей военной промышленности, выдвинутых на лидерство всей экономической обстановкой, можно назвать прежде всего Д.Ф. Устинова, возглавившего главный орган по руководству экономикой – ВСНХ СССР, В.Н. Новикова, несколько лет руководившего Госпланом СССР, С.А. Афанасьева, ставшего председателем СНХ СССР. Вновь назначенные председатели Государственных комитетов были достаточно опытными и проверенными хозяйственниками сталинского времени, но их влияние в силу ограниченности функций этих органов было также ограниченным, хотя и немалым.

Имеется очень мало свидетельств о характере деятельности этих лидеров на указанных постах. Можно только предполагать, что стиль руководства на новых должностях соответствовал прежнему – в оборонной промышленности (натуру не изменишь). Недавно появились

воспоминания об этом генерал-полковника И. Илларионова [9], бывшего в течение почти 30 лет помощником Д.Ф. Устинова. Описав в интервью журналисту Евгению Жирнову высочайшую требовательность Д. Устинова во время его работы во главе оборонной промышленности СССР, И. Илларионов отмечает, что, работая в Совете министров СССР, Д.Ф. Устинов «стал намного жестче. Особенно после того как его назначили в 1963 году председателем Высшего совета народного хозяйства СССР. Помню, на заседании ВСНХ один крупный руководитель сказал ему, что незачем, мол, устанавливать нереальные сроки, “ведь сейчас не война”. Так Устинов просто выгнал его вон. Нам тоже доставалось. Тогда было принято решение полностью обеспечить страну минеральными удобрениями. А на химических заводах – сплошные неприятности, то происшествия, то отставание от графика и т.д. Он поручил это дело мне, я попробовал, было, сказать, что в химии ничего не понимаю. Он рассердился: «Езжай! На месте разберешься. Ты должен все в этом деле понимать. И чтобы я больше таких разговоров не слышал». Из крайне немногочисленных опубликованных материалов о деятельности Устинова на новом посту можно отметить его выступление в прениях по докладу Хрущева на декабрьском пленуме 1963 года, посвященном ускоренному развитию химической промышленности СССР. Выступление было одним из самых содержательных на этом пленуме, из него видна конкретная и энергичная деятельность нового органа по наведению порядка в организации строительства предприятий химической промышленности. Однако наибольшее впечатление производят содержащиеся в этом выступлении предложения о распространении организационного опыта военной промышленности для улучшения организации гражданской промышленности: заблаговременная подготовка к пуску новых предприятий, параллельная работа всех участников процесса НИОКР при освоении новой продукции, ревизия состояния производственных мощностей, разработка типовых схем организации производственного процесса.

В целом на основе изложенного можно утверждать, что в начале 60-х годов продолжалось ухудшение качества высшего хозяйственного руководства, но предпринимались и попытки остановить этот процесс, что удалось только частично.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Микоян А. И.* Так и было / А. И. Микоян. – М., 1999. – С. 604.
2. *Новиков В. Н.* В годы руководства Хрущева / В. Н. Новиков // *Вопр. истории.* – 1989. – № 2. – С. 106.
3. Там же.
4. *Микоян А. И.* Так и было / А. И. Микоян. – М., 1999. – С. 609–611.
5. Президиум ЦК КПСС. 1953–1964. – М., 2003. – С. 524.
6. Там же.
7. Там же. – С. 699.
8. *Пихоя Р.* Советский Союз: история власти / Р. Пихоя. – Новосибирск, 2000. – С. 229.
9. Самый сталинский министр // *Коммерсант – власть.* – 2001. – 20 ноября.

Глава 3

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС В СССР

3.1. УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ

Двумя важнейшими особенностями научно-технического прогресса в этот период являлись: начавшаяся смена поколений в связи со смертью или с прекращением активной научной деятельности из-за возраста и болезней старых ученых и инженеров, воспитанных в царское время или в 20-е годы и сохранявших, в своем большинстве, высокие профессиональные и моральные качества, и исчерпание запаса научно-технических знаний, полученных в результате репараций, ленд-лиза, промышленного шпионажа в 30–40-е годы, использования опыта и знаний немецких специалистов, вывезенных из Германии после войны и возвращенных туда после 1955 года. Дальнейшее развитие отечественной науки и техники зависело от способности советской системы воспитать новое поколение высокопрофессиональных и нравственных ученых и инженеров и создать условия для их творческой и результативной работы. В то же время и в науке происходил постепенный переход от классической модели командной экономики, характеризовавшейся высокой требовательностью к исполнителям, к либеральной модели с ослабленной ответственностью и требовательностью к работникам и учреждениям («не война»).

Советское руководство и прежде всего Н.С. Хрущев в этот период были поистине одержимы научно-техническим прогрессом. Вдохновленные успехами в космосе они ждали от советской науки таких же блистательных успехов и в других областях жизни. Однако особенности научного творчества и условия его эффективности многие из них

понимали плохо. Они зачастую переносили в эту сферу представления из области промышленности и военного дела, где решающую роль в успехе часто играло количество использованных для решения поставленных задач ресурсов. И денег на науку, преимущественно, конечно, военно-ориентированную, но и не только, они не жалели. Так, бюджетные ассигнования на науку, бывшие тогда основными, выросли в номинальном выражении с 1960 по 1965 год почти в 2 раза – с 2,1 млрд р. до 4,1 млрд – значительно больше, чем за предыдущие 10 лет [1]. Даже в реальном выражении, с учетом ежегодного роста цен в этот период в 2–3 %, этот рост ассигнований на науку следует признать феноменальным.

Благодаря росту ассигнований на науку стремительно росло число научных работников: с 354 тыс. человек в начале периода до 664 тыс. в конце периода [2], опять-таки намного больше, чем в предыдущие 10 лет. Впечатлял и рост подготовки аспирантов – будущих научных и педагогических работников, их число выросло с 36 тыс. в начале периода до 91 тыс. в конце периода – рост чуть ли не в 3 раза! [3]. С количественной точки зрения, по числу занятых в науке специалистов советская наука в начале 60-х годов почти сравнялась с американской, о чем с гордостью сообщали советские руководители, умалчивая при этом о сводных и объективных результатах научной деятельности. Гораздо реже говорилось об ассигнованиях на науку, по которым СССР заметно уступал США (там ассигнования на науку составили в 1965 году 21 млрд долларов, в то время как в СССР – 6,9 млрд р., т.е. примерно в 3 раза меньше) [4], занимая, однако, по ассигнованиям второе место в мире, преимущественно за счет средств, выделенных на научные исследования военного назначения.

Впрочем, сравнение ассигнований на науку по валютному курсу или общему паритету покупательной способности может ввести в заблуждение ввиду того, что большая часть расходов на науку приходится на заработную плату и высокая заработная плата американских ученых превышала сопоставимые расходы США.

Высоким оставался престиж научного работника. Для молодых людей заниматься наукой считалось и престижным, и увлекательным, и денежным делом, поскольку все еще оплата научных работников была намного выше, чем средняя по стране. Огромными тиражами издавалась научная и научно-популярная литература, миллионными тиражами выходили научно-популярные и технические журналы,

научная фантастика. Большой популярностью пользовалось и научно-популярное кино. Что очень важно, неплохой была политическая атмосфера в стране. Политические репрессии ушли в прошлое, и можно было относительно свободно обсуждать многие острые политические проблемы, не опасаясь, что за неосторожные слова придется отвечать перед органами государственной власти. Особенно благодатная морально-политическая атмосфера была в сильных научных коллективах, например, в Новосибирском Академгородке, чему я был непосредственным свидетелем. И по этой причине тоже в науку охотно шли мыслящие и умные молодые люди.

В советской науке и технике нередко вложение средств и полученный результат не совпадали в гораздо большей степени, чем в западной науке и технике. Результаты научно-технического прогресса целесообразно рассмотреть по трем сферам: фундаментальная наука, прикладная наука, разработки, при всей условности данной классификации и возможности пересечения отдельных сфер. Следует иметь в виду огромные трудности получения данных о результатах научно-технического прогресса и с методологической стороны, и с точки зрения наличия достоверных данных.

Относительно наиболее благоприятные условия в СССР имелись для развития фундаментальных исследований в области естественных наук. В эту сферу охотнее всего шла талантливая молодежь, здесь в ряде направлений традиционно были сильные научные школы, здесь меньше всего было вмешательство в научный процесс по идеологическим мотивам. Наконец, после войны основной центр исследований в области фундаментальной науки – Академия наук СССР – возглавлялся действительно выдающимися учеными: С.И. Вавиловым, А.Н. Несмеяновым, М.В. Келдышем, Сибирское отделение Академии наук СССР – М.А. Лаврентьевым. Эти люди умели по достоинству оценивать результативность научных исследований. Гораздо меньшая часть фундаментальных исследований выполнялась в нескольких университетах (Московском, Ленинградском и др.).

Если к занятым в фундаментальных науках отнести научных работников АН СССР и АН союзных республик, а также отраслевых академий (кроме Академии коммунального хозяйства и Академии педагогических наук), то окажется, что в них в конце 1967 года было занято 69,2 тыс. человек из общего количества научных работников, равного 770 тыс. [5] или 8,9 %. Вместе с занятыми научной работой

в ведущих университетах страны эта доля, видимо, вырастет до 10–12 %, т.е. примерно столько же, сколько в США в это время.

Долгое время в СССР не предпринималось усилий для сопоставления результативности фундаментальных научных исследований из опасения принизить роль отечественной науки, которая являлась гордостью советского руководства. Первым за эту проблему не побоялся взяться П.Л. Капица. Он взял за основу такой оценки количество публикаций в ведущих областях естественных и технических наук в главных научных журналах. По такому критерию Советский Союз, занимающая почетное второе место в середине 60-х годов, уступал США в 2 раза, что при равенстве числа научных работников означало отставание по производительности труда тоже примерно в 2 раза [6], гораздо в меньшей степени, однако, чем по ВВП и продукции промышленности, по подсчетам западных и объективных советских ученых. Есть много оснований думать, что такая оценка значительно преувеличивает результативность советской фундаментальной науки в этот период. Требования к качеству публикаций в советских научных журналах были ниже, чем в западных. К тому же публикация – публикации рознь. Если взять до настоящего времени самый объективный показатель в этой области (кроме математики) – число Нобелевских премий, то доля советской науки была значительно меньше. Нобелевскими лауреатами в этот период стали лишь трое советских ученых: физики А.А. Прохоров и Н.Г. Басов (одна на двоих), химик Н.Н. Семенов. Учитывая, что ежегодно за достижения в естественных науках присваивается шесть Нобелевских премий, получается, что на долю советских ученых выпало лишь 7 % – примерно такова была доля СССР в численности населения мира в то время. Тем не менее это наилучший результат за все годы советской власти, что дает основание полагать, что данный период был самым успешным для отечественной науки. Следует обратить внимание на то, что за работы, выполненные в конце 50-х годов, присуждены Нобелевские премии в начале XXI века российским физикам Ж.И. Алферову, В.Я. Гинзбургу и В.А. Александрову. Обоснованность полученного соотношения подтверждается долей советских ученых среди иностранных членов самого старого и авторитетного научного общества мира – Лондонского Королевского научного общества. Среди более чем 70 иностранных членов этого общества было пять советских ученых: астрофизик В.А. Амбарцумян, химики Н.Н. Семенов и А.Н. Несмеянов, математики А.Н. Колмогоров и И.М. Виноградов [7].

Получаются те же 7 % с включением в этот перечень и математиков, которым Нобелевские премии не присваивались. Здесь не учтен П.Л. Капица – он был принят в Лондонское Королевское научное общество, когда работал в Великобритании, и поэтому не считался иностранным членом этого общества.

Такие результаты были значительно выше, чем в дореволюционной России, – тогда среди российских ученых было только два лауреата Нобелевской премии (И.П. Павлов и И.И. Мечников) и, насколько мне известно, ни одного члена Лондонского Королевского научного общества. Заметен рост СССР по этому показателю и по сравнению с довоенным периодом, когда среди иностранных членов Лондонского Королевского научного общества советских ученых не было (эмигрант В.Н. Ипатьев, видимо, не в счет). Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что указанные члены Лондонского Королевского научного общества стали ими в основном в 50-е годы, а в анализируемый период их число не увеличилось. Бесспорно, что в этот период СССР вошел в число крупнейших держав мира по развитию науки. Тем не менее этот рост был несоизмерим с ростом затрат на науку. Ее производительность по этому показателю уступала американской уже, по-видимому, в 8–10 раз, если учесть, что американцы обычно получали две трети Нобелевских премий. Таким образом, производительность труда в отечественной науке оказывалась намного хуже, чем этот показатель в материальном производстве. Здесь, правда, следует учесть большую милитаризованность советской науки, где возможности обнародования научных результатов были меньше, чем в других странах. В итоге в высшей, интеллектуальной сфере Советский Союз демонстрировал огромное отставание от США, лишь частично, хотя и в немалой степени, объясняемое его отставанием в прошлом и притоком иностранных ученых в США в 30–40-е годы. К сожалению, за этот период отсутствуют данные об индексе цитируемости советских ученых (поскольку этот показатель начал исчисляться позднее), что позволило бы более точно определить место советской науки в мировой науке.

Поскольку в нашей стране нередко подвергается сомнению объективность Нобелевского комитета (которое я не разделяю), приведу мнение об уровне советской фундаментальной науки в одной из двух самых престижных и успешных областей отечественной науки – физике (вторая – математика) крупнейшего советского физика, автора уни-

верситетского учебника по физике С.Э. Фриша, высказанное в конце 60-х годов: «Надо признать, что за все годы развития советской физики новых, в полном смысле этого слова, открытий сделано мало. Во всяком случае, гораздо меньше, чем могло бы быть сделано при имеющемся объеме научных учреждений и существующих кадрах» [8].

3.2. УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ ПРИКЛАДНОЙ НАУКИ И РАЗРАБОТОК

Самой значительной по численности занятых в ней и по расходам частью советского НИОКР была прикладная наука. Здесь функционировали тысячи научно-исследовательских институтов, подчиненных отраслевым министерствам и госкомитетам, сотни вузовских лабораторий. Она питалась результатами отечественных фундаментальных и, в еще большей степени, зарубежных исследований, получаемых из зарубежной научной литературы и других зарубежных источников (выставки, научные конференции, промышленный шпионаж). Последний источник, очевидно, преобладал, так как вклад советской науки в мировую в то время был невелик.

Определение результативности советской прикладной науки сопряжено, пожалуй, с еще большими трудностями, чем фундаментальной. В странах с рыночной экономикой прикладная наука чаще всего объединена с разработками в рамках концернов. В СССР они были разбединены. Фактически единственными критериями результативности прикладной гражданской науки были авторские свидетельства на изобретения и проданные лицензии. По первому показателю результаты выглядели весьма внушительными, число авторских свидетельств быстро росло и оказывалось близким числу выданных патентов в США. Однако условия получения авторских свидетельств в СССР были несравненно легче, чем патентов в США. Так что сравнение по этим показателям весьма сомнительно. Что касается проданных лицензий, то их статистика в те годы была засекречена и не опубликована и впоследствии за этот период, насколько мне известно. Приходится пользоваться подсчетами известного американского исследователя влияния западной технологии на советскую экономику Энтони Сэттона, согласно которым проданных лицензий на начало 1967 года было 61. Учитывая, что лицензии начали продаваться с 1962 года, когда был создан «Лицензинторг», ежегодно за весь этот период продавалось

лишь 10 лицензий – совершенно ничтожная величина. Данные о стоимости экспорта лицензий не публиковались ни в то время, ни впоследствии, но если судить по средней стоимости одной лицензии, закупленной в 1961–1964 годах в Японии [9], в размере 0,35 млн долларов, то ежегодная выручка составила всего 3,5 млн долларов, в то время как в США в тот же период она исчислялась несколькими миллиардами долларов. По этому показателю СССР, следовательно, в прикладной науке отставал еще больше, чем в фундаментальных исследованиях. Вместе с тем положительные сдвиги были и в этой сфере науки. Как уже упоминалось, в 1962 году в СССР было впервые образовано внешнеторговое объединение «Лицензинторг», которое и реализовывало советские лицензии. Некоторые из них охотно покупались в самых развитых капиталистических странах, как, например, лицензии на процесс непрерывной разливки стали, на установку плазменной дуговой сварки, на сварочные электроды и на ряд других технологий видов оборудования [10], созданных в том числе и в первой половине 60-х годов.

Уровень последней стадии технического прогресса – выпуск современной техники целесообразно будет рассмотреть отдельно по военной и гражданской продукции.

О наличии в СССР в это время конкурентоспособных видов машиностроительной продукции свидетельствует экспорт в ряд развитых капиталистических стран часов, вертолетов, энергетического оборудования, легковых автомашин. Хотя общие размеры машинного экспорта в эти страны, наиболее требовательного к качеству продукции и его техническому обслуживанию, были все еще невелики. Так, экспорт машин и оборудования в Японию вырос со смешной цифры в 189 тыс. р. в 1960 году до 1984 тыс. р. в 1965 году, т. е. более чем в 10 раз, но все еще был ничтожного размера, в Бельгию – соответственно 455 тыс. и 2184 тыс. р., в Швецию – 143 тыс. и 640 тыс. р. (в 1964 году – 1354 тыс. р.) [11]. Прогресс, но ничтожный. Вместе с тем следует отметить довольно значительный экспорт таких весьма сложных видов продукции машиностроения, как часы и автомобилей. Так, только часы Первого часового завода экспортировались в 60 стран мира, в том числе в Великобританию, Канаду и Францию, а довольно простые легковые автомобили завода АЗЛК («Москвичи») – почти в 80 стран мира и на экспорт шло 60 % автомобилей этого завода [12]. Понятно, что эти часы и легковые автомобили ценились прежде всего за их дешевизну,

но и минимальный уровень качества продукции тоже обеспечивался. По широко распространенному мнению, советские часы в то время были высокого качества.

Что касается военной техники, то здесь отставание от западной, прежде всего американской, все же чаще всего составляло несколько лет. Ряд образцов советской военной техники, видимо, не уступал западной. Притом речь идет о весьма сложных образцах, таких как атомные бомбы, ракеты, самолеты, вертолеты. Нет необходимости приводить по данному факту многочисленные свидетельства, они хорошо известны и по российской, и, что более важно и объективно, по западной литературе, освещающей историю военной техники. Это говорит о высоком уровне советских прикладных исследований и разработок в такой области, где были сосредоточены лучшие отечественные научно-технические силы. Уместно в этой связи напомнить не только о запусках советских баллистических ракет и спутников, которые до середины 60-х годов опережали по своим техническим данным американские, но и об испытании первой системы противоракетной обороны под руководством Г.В. Кисунько – она произошла на полтора года раньше американской [13]. Однако эти успехи касались узкоограниченной группы направлений. Правда, для их реализации требовались усилия многих отраслей и предприятий смежных отраслей, которые, однако, были на значительно более низком уровне. Так, конструкторы ракет и спутников непрерывно жаловались на низкий уровень электронной техники. В то же время многие изделия в этой отрасли создавались позднее, чем в США, и под влиянием американских достижений в этой области. Об этом весьма убедительно на примере прежде всего военной электроники писал хорошо знавший процесс научных исследований крупный специалист в этой области А. Федосеев. По его наблюдениям, относящимся к 60-м годам, большая часть разработок военной техники укладывалась в следующую схему:

- 1) сегодня появляются сведения или образец новой техники из-за рубежа;
- 2) два-три года военные и партийные организации осознают значение этого факта;
- 3) год-два занимает «организация» правительственного решения и «втыкание» разработки в соответствующий институт или конструкторское бюро (КБ);

- 4) год-два – разработка;
- 5) два-три года – пуск в производство;
- 6) год-два – принятие на вооружение.

Естественно, к моменту принятия на вооружение изделие безнадежно устаревает, и все начинается сначала. В подтверждение А. Федосеев приводит многочисленные примеры заимствований из области военной электроники [14].

3.3. ВЛИЯНИЕ НАУКИ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СССР

Было бы соблазнительно получить сводный показатель развития научно-технических исследований в СССР по отношению к другим крупным странам мира, да еще и в динамике. Такой общий показатель для прикладных исследований был предложен японскими учеными в виде двух показателей: технического уровня и потенциала технических разработок. Показатель технического уровня представляет собой удельный вес среднеарифметического числа патентных регистраций, объема патентно-лицензионной работы, объема экспорта техноемких товаров, объема вновь созданной стоимости в обрабатывающей промышленности в суммарном объеме показателей для пяти стран (США, ФРГ, Японии, Великобритании, Франции). Потенциал технических разработок представляет собой удельный вес среднеарифметического технического уровня, объема затрат ресурсов на научные исследования, результатов научных исследований (среднеарифметического числа зарегистрированных за рубежом патентов и объем патентно-лицензионного экспорта) в соответствующем суммарном показателе для тех же пяти стран [15]. При определенных усилиях такой показатель может быть исчислен и для СССР (для ряда лет), что позволило бы произвести динамические и пространственные сопоставления. Априори можно сказать, что соответствующие показатели для СССР оказались бы очень низкими из-за низких показателей патентно-лицензионной деятельности и экспорта техноемкой продукции. Этот показатель недооценивал бы все же реальный научно-технический уровень советской экономики из-за ее гипертрофированной милитаризации и замкнутости. Но он выявил бы ее реальное сильное отставание от ведущих капиталистических стран вследствие недостатков в развитии науки и во внедрении собственных и иностранных достижений в экономику.

Из имеющихся в советской и российской экономической литературе оценок уровня и особенно динамики научно-технического прогресса в седьмой пятилетке наиболее обоснованной, как мне представляется, выглядит оценка С.И. Голосовского и Б.М. Гринчеля, данная еще в 1981 году. Она, правда, не касается непосредственно фундаментальной науки и ограничивается гражданским сектором НИОКР, что несколько занижает динамику в этот период, хотя, скорее всего, тенденции научно-технического прогресса в обоих секторах были те же самые. Голосовский и Гринчель рассчитали сводный показатель динамики технических показателей основных видов гражданской техники. Этот показатель за пятую и шестую пятилетки, по их расчетам, увеличивался соответственно на 19,0 и 19,9 %, а за седьмую пятилетку – лишь на 12,15 % [16]. Заметно вырос и средний период производства одних и тех же моделей оборудования: с 9,6 лет в 1958–1960 годах до 11 лет в 1961–1965 годах [17]. И наконец рассчитанный ими вклад научно-технического прогресса в рост национального дохода в части качества техники и технологии оказался минимальным за все периоды и почти в 2 раза меньшим, чем в предыдущую пятилетку (соответственно 28,6 и 54,2 %) [18]. К другим выводам пришли западные экономисты, проделавшие скрупулезный анализ технического прогресса в СССР. Так, по расчетам Р. Дэвиса в 1956–1960 годах из 15 сравнений технического прогресса СССР опережал по темпам роста четыре самые технически развитые страны Запада (США, ФРГ, Великобританию, Японию) по 6 позициям, отставал тоже по 6, был на одном уровне по 3 позициям. Таким образом, в рассматриваемый период СССР шел по этой оценке на одном уровне с западными странами. В 1961–1965 годах из 23 сравнений технического прогресса СССР опережал эти же страны по 11 позициям, отставал по 8, по 4 позициям был на том же уровне [19]. Следовательно, в этот период СССР уже опережал западные страны. Однако, как мне представляется, этот вывод делается все же по весьма ограниченному кругу направлений технического прогресса (для данного периода – душевое потребление электроэнергии, доля электропередач напряжением более 300 кВ, доля производства электроэнергии на атомных электростанциях, доля производства стали с обогащением кислородом, доля кузнечно-прессовых машин в производстве металлообрабатывающего оборудования, доля станков с программным управлением, душевое производство синтетической резины, химических и синтетических волокон, синтетического каучука, телефонов на душу населения), чтобы считать его достаточно убедительным.

3.4. ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКОЙ НАУКИ

В качестве иллюстрации сходства процессов, происходивших в обоих – гражданском и военном – секторах советских НИОКР, приведу пример, взятый из воспоминаний сотрудника знаменитого закрытого городка Красноярск-26 – Якова Ладыженского, работавшего в тоже знаменитом ОКБ-10, которое занималось конструированием спутников связи. Автор вспоминает, что, когда он в 1963 году пришел в этот научный центр, в его отделе работало 12 человек, а через три года сотрудников было уже 120. «Что интересно – объем и тематика работ практически не выросли, ну, может, чуть-чуть. Еще более интересно – практически всю нагрузку несли те же двенадцать “стариков”. Новички же старательно имитировали трудовую деятельность, пробивали себе жилье, активничали на профсоюзных и комсомольских собраниях» [20]. Вот еще когда, оказывается, начался застой.

Явное несоответствие между огромными усилиями по развитию науки и слабой отдачей от этих усилий вызвало в этот период, как никогда раньше, когда этих усилий было меньше, большую озабоченность государственного и партийного руководства (по крайней мере части его) и наиболее творческой части научного сообщества и советской интеллигенции.

Начну с партийного руководства. Несомненно, Н.С. Хрущев чем дальше, тем больше понимал глубину отставания советской науки и техники. Именно этим, по моему мнению, объясняются резкие нападки Н.С. Хрущева на Академию наук СССР, которые долгое время, вплоть до наших дней, расцениваются как признак его невежественности и сумасбродства. В беседе с историком Н.А. Барсуковым В.Е. Семичастный, бывший в то время председателем КГБ СССР, кажется, впервые привел доводы Н.С. Хрущева в пользу разгона (а точнее, коренной реорганизации) Академии наук СССР, которые он приводил на пленуме ЦК КПСС в июле 1964 года, незадолго до своего смещения. «Он сравнивал положение Академии наук СССР с положением ее в царской России («Она там деньги приносила государству, а не брала у него, как наша»), ссылаясь на Великобританию, где вообще нет никакой Академии, а наука развивается гораздо лучше, чем у нас» [21].

Среди видных советских ученых наиболее резким и последовательным критиком положения в советской науке был П.Л. Капица, хорошо знакомый с деятельностью английской науки (скорее всего он и

подсказал сравнение положения именно в ней с советской наукой Н.С. Хрущеву). Выступая на общем собрании Академии наук СССР в конце 1965 года, когда и проводятся ежегодные общие собрания, П.Л. Капица, кажется, единственный из ученых, прямо сказал (хотя и не привел количественных данных, необходимых для такого утверждения), что «надо не бояться сказать, что за последние несколько лет разрыв в науке между нашей страной и Америкой не только не перестал сокращаться, но увеличился, мы срочно должны искать путь навестать происшедшее отставание» [22]. П.Л. Капица в 50-х – первой половине 60-х годов выдвигал целый ряд объяснений этому отставанию. Не вдаваясь в науковедческие тонкости, отмечу, что главными из них он считал слабость международных контактов, забюрократизированность научных учреждений, неумение и нежелание ценить настоящих научных работников, излишнюю численность работников, слабую связь с производством [23]. Он противопоставлял бюрократическую деятельность Академии наук СССР деятельности Лондонского Королевского научного общества, предлагал освободить Президиум Академии наук СССР от административных дел, сосредоточив его деятельность на идейном руководстве наукой [24]. Капица предлагал коренным образом изменить порядок финансирования науки, перейдя от финансирования научных учреждений к финансированию ученых и проектов, к чему в российской науке только начинают переходить в начале XXI века. Следует отметить, что уже в 1956 году он говорил о том, что «еще очень мало областей в науке, в которых мы занимаем ведущее место», и сравнивал наше положение по отношению к передовым в науке государствам с положением корабля, идущего вслед за ледоколом [25], что очень похоже на высказывание А.Д. Сахарова более чем через десять лет по тому же поводу о лыжнике, идущем по протеренной колее.

Относительно мало в этот период П.Л. Капица писал о неудовлетворительной системе выборов в Академию наук СССР, о чем он много писал в 30-е годы, впервые столкнувшись с системой Академии наук СССР. Об этой стороне проблемы отставания советской науки высказывался не кто иной, как сам президент Академии наук СССР в начале 60-х годов М.В. Келдыш. По воспоминаниям члена-корреспондента Академии наук СССР С.Э. Фриша, выступая на отделении физико-математических наук Академии, М.В. Келдыш сказал, видимо, в середине 60-х годов (не для протокола): «На днях мы с Петром Лео-

нидовичем Капицей, взяв список всех членов Академии, попробовали разбить его на три группы: группу таких, которых по научным заслугам надо было обязательно выбрать в Академию; таких, которых можно было выбрать, а можно было и не выбрать; наконец, таких, которых, безусловно, не следовало выбирать. И знаете, что получилось? Примерно на каждую группу пришлось по одной трети» [26]. Следовательно, в самый лучший период для советской науки академиков, действительно отвечавших предъявляемым Уставом Академии требованиям, была только одна треть.

Ни критика П.Л. Капицы, ни скептицизм М.В. Келдыша о качестве академиков никак не сказались на характере деятельности Академии наук СССР. Сами академики, в большинстве своем при таком их качестве, естественно, не собирались менять порядки в этой системе. А Хрущев, собиравшийся ее реорганизовать, был, к радости для большинства руководителей и членов Академии наук СССР, смещен и осужден в подготовленном для обоснования его смещения докладе Полянского за попытки реорганизовать Академию наук СССР. Консервативная политическая система встала на защиту консервативной научной системы.

По наиболее важным для экономики, особенно для обороны, направлениям научных исследований советское руководство принимало достаточно энергичные меры. Так, крупнейшим событием в этой сфере стало создание Зеленограда – центра научных исследований опытного производства в области электроники. Решение об этом было принято Н.С. Хрущевым летом 1962 года, после посещения им в Ленинграде знаменитого КБ-2 – научного центра в области микроэлектроники, возглавлявшегося двумя эмигрировавшими из США учеными Ф.Г. Старосом и И.В. Бергом. Активную роль в создании этого центра в Зеленограде играл председатель Госкомитета по радиоэлектронной технике А.И. Шокин.

Впоследствии советские и российские ученые неоднократно сетовали, что крупнейшим промахом советского руководства, в отличие от сталинского, не жалевшего средств для развития атомной энергии и ракетной техники, было недостаточное внимание развитию электронной промышленности. В этом, по их мнению, была чуть ли не основная причина проигрыша в экономическом и военно-техническом соревновании с США. По-видимому, в этих рассуждениях немало справедливого. Но необходимо иметь в виду, что у хрущевского руко-

водства, как и у сталинского, не было ресурсов для одновременного развития всех отраслей научно-технического прогресса, и к тому же еще и военно-промышленного комплекса. Чем-то надо было жертвовать. При всем том, как раз в данный период усилия по развитию электронной промышленности были весьма значительные, хотя их нелегко сравнить с усилиями по атомной и ракетной проблеме ввиду разнородности технологии этих отраслей и их направленности. По крайней мере, в кратчайший срок, в течение буквально нескольких лет на месте небольшого городка Крюково, рядом с Москвой, был построен научно-производственный город Зеленоград, с пятью крупнейшими институтами по электронной технике (вместо двух, существовавших в отрасли до 1962 года), двумя крупнейшими производственными предприятиями отрасли, вузом по электронной промышленности и всей необходимой для жизни ученых и производственников жилой и социально-бытовой инфраструктурой [27]. Это был аналог закрытых научных городков атомной промышленности и Новосибирского Академгородка, строившегося почти одновременно. По весьма компетентной оценке академика Ж.И. Алферова, Зеленоград «создавался как мощнейший центр микроэлектроники. В то время – в конце 60-х – начале 70-х годов – Зеленоград вообще соответствовал уровню мировых стандартов» [28].

В отношении прикладных научных исследований и разработок в этот период характер дискуссий и принимаемых решений был ограниченным. Редки были даже предложения о создании научно-производственных объединений или переводе на хозрасчет научно-прикладных организаций. Наиболее заметным решением в этой области было создание госкомитетов по отраслям промышленности, которые призваны были централизовать техническую политику и руководить НИОКР в соответствующих отраслях. Удалось ли им достигнуть чего-то существенного в этой области, сказать трудно. Помимо того, что у исследователей не хватает данных по этому вопросу, слишком мало прошло времени с момента их создания до их преобразования в отраслевые министерства в конце 1965 года, чтобы делать определенные выводы. В «докладе Полянского» их деятельность подверглась сокрушительной критике в разделе, посвященном как раз техническому прогрессу: «Были созданы многочисленные Государственные технические комитеты, но у них нет прав, они оторваны от производства, их планы внедрения новой техники для предприятий не обязательны.

В результате решение важнейших технических проблем серьезно замедлилось, еще больше стало параллелизма и дублирования, осуществление единой технической политики стало практически невозможным» [29].

Пожалуй, наиболее энергичные усилия по ускорению научно-технического прогресса в СССР предпринимались в это время председателем президиума недавно созданного Сибирского отделения Академии наук СССР М.А. Лаврентьевым. Он достаточно критически относился к состоянию научных исследований в СССР и особенно – к их внедрению в производство. Его авторитет в глазах Н.С. Хрущева был чрезвычайно велик по-видимому, выше, чем М.В. Келдыша, о чем говорит назначение М.А. Лаврентьева председателем Научного комитета при Совете министров СССР осенью 1963 года, призванного стать коллективным научным советником советского государственного руководства. Этот орган был распущен на следующий день после отставки Н.С. Хрущева, а его сотрудники немедленно выселены из Кремля, где они размещались.

Летом 1962 года известный советский журналист Анатолий Аграновский в Новосибирском Академгородке имел откровенную беседу с М.А. Лаврентьевым, в которой последний весьма критически отозвался об общем положении в науке, прежде всего академической, о состоянии многих академических институтов и известных ученых. Сложившееся положение в академической науке М.А. Лаврентьев считал феодализмом в науке, он назвал богадельнями такие известные академические институты, как Институт механики и Энергетический институт АН СССР. В этих и других академических институтах их руководители окружали себя подхалимами и не давали ходу молодым талантливым ученым. Лаврентьев говорил о вреде, который приносили переставшие работать ученые, и призывал к систематической перетряске научных учреждений, чтобы дать дорогу работающим ученым [30].

О вреде существовавшей системы защиты диссертаций еще за два года до этого высказывался в беседе с Анатолием Аграновским крупный физик в области ядерной энергии, член-корреспондент АН СССР М.Т. Мещеряков. Он также сетовал на низкую требовательность экспертных комиссий Всесоюзной аттестационной комиссии при присуждении ученых степеней (и это в физике – самой, наряду с математикой, эффективной в СССР области фундаментальной науки). Он же говорил о важности повышения КПД использования талантов в СССР [31].

Оценивая на основе приведенных данных, состояние научно-технического прогресса в первой половине 60-х годов, следует сделать вывод, что, в отличие от 50-х годов, когда СССР в целом сокращал отставание от передовых капиталистических стран, в данный период это решающее для развития экономики страны направление, хотя и развивалось и в него вкладывались большие и растущие средства, вследствие крупнейших институциональных слабостей, за исключением, возможно, военно-научного направления, развивалось медленнее, чем в развитых капиталистических странах. Тем самым, в сущности, предопределялось поражение СССР и мирового социализма в решающей сфере экономического и научно-технического соревнования с капитализмом. Это обстоятельство был вынужден, хотя и с оговорками и косвенно, признать Президиум ЦК КПСС в так называемом «докладе Полянского» в связи с предстоящим смещением Н.С. Хрущева. В докладе говорилось об этой проблеме следующее: «Даже в вопросах технического прогресса – развитие и внедрение в производство новейших завоеваний науки и техники – у нас делается далеко не так и не все, что можно было делать. Мы законно гордимся достижениями нашей науки, они поистине велики. Но не следует закрывать глаза на то, что в ряде отраслей производства наш технический прогресс далеко отстал от уровня развитых капиталистических стран. И в отдельных случаях отставание не уменьшается, а увеличивается» [32].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 889.
2. Там же. – С. 812.
3. Там же. – С. 814.
4. История социалистической экономики СССР. – М., 1978. – Т. 6. – С. 589.
5. *Народное хозяйство СССР в 1967 году.* – М., 1968. – С. 810–811.
6. *Капица П. Л.* Эксперимент, теория, практика / П. Л. Капица. – М., 1981. – С. 205.
7. БСЭ. 3-е изд. – Т. 15. – С. 46.
8. *Фриш С. Э.* Сквозь призму времени / С. Э. Фриш. – М., 1990. – С. 194–195.
9. *Industrial Innovation in Soviet Economy* // ed. : A. Amann, D. Cooper. – L., 1982. – P. 52.
10. *Ильин В. А.* Сделано в СССР / В. А. Ильин. – М., 1976. – С. 37–43.
11. *Внешняя торговля СССР. Статистический сборник 1918–1966 гг.* – М., 1967. – С. 119.

12. *Лебедев Б.* Зачем порушили? / Б. Лебедев // Советская Россия. – 2003. – 11 января.
13. *Кисунько Г.* Секретный полигон / Г. Кисунько. – М., 1996. – С. 4–6, 412.
14. *Федосеев А.* Западня? / А. Федосеев. – Л., 1980. – С. 117.
15. *Хисао Каамори.* Япония – мировая экономическая держава / Хисао Каамори, Дзюн Вада. – М., 1986. – С. 165.
16. *Голосовский С. И.* Измерение влияния научно-технического прогресса на эффективность общественного производства / С. И. Голосовский, Б. М. Гринчель. – М., 1981. – С. 101.
17. Там же. – С. 111.
18. Там же. – С. 153.
19. *Industrial Innovation in Soviet Economy* // ed. : A. Amann, D. Cooper. – L., 1982. – P. 52.
20. *Ладыженский Я.* Красноярск-26 / Я. Ладыженский // Дружба народов. – 1996. – № 8. – С. 142.
21. *Неизвестная Россия.* – М., 1992. – Т. 1. – С. 278.
22. *Капица П. Л.* Эксперимент, теория, практика / П. Л. Капица. – М., 1981. – С. 208.
23. Там же. – С. 176–238. Об огромных ограничениях в области международных связей советских ученых в этот период много пишет выдающийся советский астрофизик И. Шкловский, который впервые получил возможность выехать за границу только в 1967 году (*Шкловский И.* Эшелон. – М., 1991. – С. 60, 89). В то же время намного более посредственные ученые такую возможность имели, как и представители, как его называет Шкловский, «Министерства любви», т.е. КГБ.
24. Там же. – С. 180–182. Эти высказывания относятся к 1956 году.
25. Там же. – С. 177.
26. *Фриш С. Э.* Сквозь призму времени / С. Э. Фриш. – М., 1990. – С. 334.
27. *Шохин А. А.* Министр невероятной промышленности / А. А. Шохин. – М., 1999. – С. 215–126.
28. *В Силиконовой тени* // Эксперт. – 2000. – № 30.
29. *Источник.* – 1998. – № 2. – С. 106.
30. *Аграновский А.* Избранное. В 2 т. / А. Аграновский. – М., 1987. – Т. 2. – С. 197–199.
31. Там же. – С. 182.
32. *Источник.* – 1998. – № 2. – С. 106.

Глава 4

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СССР

4.1. РОЛЬ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Во внешнеэкономических связях СССР отражались, как в зеркале, экономическое положение СССР, особенности его экономической системы, характер его внешней политики, положение в мировой экономике.

Начну с последнего. 1960–1965 годы стали периодом успешного развития капиталистического мирового хозяйства. Особенно в развитых капиталистических странах, где производилась большая часть продукции мировой экономики. Кейнсианские методы стимулирования экономического роста вполне успешно функционировали и обеспечивали быстрый экономический рост с небольшой инфляцией и ограниченной безработицей в развитых капиталистических странах. Гораздо хуже положение было в развивающихся странах, где царила нищета основной части населения, но и здесь наблюдался экономический рост – и в целом, и на душу населения, хотя и незначительный.

Энергетический и сырьевой секторы не создавали препятствия для роста экономики развитой группы капиталистических стран. Бурно разворачивалась в этот период научно-техническая революция, улучшалась организация производства – все это создавало материальные и организационные условия для быстрого экономического роста на интенсивной основе. Страны же социалистического лагеря столкнулись в этот период с гораздо большими проблемами экономического и политического характера. Многие из них, как и СССР, переживали резкое замедление, а в отдельные годы и прекращение экономического роста.

Научно-технический прогресс и особенно внедрение его достижений шли медленно. Экономическое развитие носило во многом экстенсивный характер. Серьезное влияние на развитие экономики многих социалистических стран Европы оказали советско-китайский политический конфликт и экономический кризис в Китае, вызванный крахом политики «большого скачка», который привел к сворачиванию экономических связей с Китаем.

С точки зрения положения в мировой экономике в этот период условия для развития советской экономики были благоприятными, спрос мирового рынка на продукцию ряда отраслей советской экономики рос, особенно в развитых капиталистических странах, которые способны были поставлять и многие виды продукции, необходимые для развития советской экономики, предоставлять ей, при определенных условиях, финансовые ресурсы и научно-технический опыт.

Между тем географическая структура внешней торговли СССР складывалась в полном противоречии с состоянием мировой экономики. На социалистические страны, концентрировавшие, при объективном подсчете, не более 15 % мировой продукции, приходилось до 70 % внешнеторговых связей СССР. Даже с учетом географической близости многих из социалистических стран Европы к СССР эта доля представляется крайне завышенной с точки зрения экономических условий. Очевидно, что в этом факте огромную роль играли не экономические, а политические соображения. СССР был ведущей силой социалистического лагеря. Его сохранение, при признании ведущей роли СССР, казалось, было и в идеологических, и в геополитических интересах СССР. Развивавшиеся по советской экономической модели, при большой разнице объективных условий, социалистические страны Европы не создали стабильной и устойчивой экономики. Их экономическая и социальная стабильность в этих условиях возможна была только при разнообразной помощи СССР в виде льготных кредитов, бесплатной проектной и технической документации, при заниженных ценах на сырье, низких требованиях к качеству покупаемой продукции обрабатывающей промышленности этих стран, бесперебойной поставке им необходимого сырья, малой тяжести военных расходов и т.д. Стоило только СССР предъявить, например, обычные требования к зачастую наспех созданной в этих странах обрабатывающей промышленности, и экономика этих стран просто рухнула бы. Эти страны не нашли бы покупателей на свою продук-

цию и на мировом капиталистическом рынке, что было бы необходимо для получения сырья и материалов, многих видов предметов потребления. Правда, отдельные отрасли промышленности социалистических стран, хотя и отставали от западных по качеству продукции, но превосходили аналогичные советские отрасли, и с этой точки зрения торговля по этим отраслям могла казаться выгодной для СССР (речь идет о некоторых отраслях продукции машиностроения ГДР и Чехословакии, легкой и пищевой промышленности некоторых из этих стран). Тепличные условия, создаваемые СССР для своих союзников во внешнеэкономических связях, очевидно, в долгосрочном плане оказывали им (и СССР) плохую услугу, ослабляя их усилия по совершенствованию своей экономики.

Преимущественно политическими соображениями диктовалось и налаживание экономических отношений со многими развивающимися странами. В первую очередь отношения строились со странами так называемой социалистической ориентации, которым предоставлялись фактически непогашаемые кредиты, возводились на эти кредиты многочисленные производственные и непроизводственные объекты.

Советские внешнеэкономические связи в минимальной степени (и это было их самой негативной стороной) выявляли (в отличие от рыночной экономики) реальную эффективность советской экономики в целом и отдельных ее отраслей и предприятий. Подобная цель никогда не ставилась перед советской внешней торговлей. Такое положение, конечно, прежде всего определялось монополией внешней торговли, которая отгораживала внешний и внутренний рынок, производство и торговлю. Но даже в рамках государственного руководства экономикой можно было, по-видимому, найти способы большей увязки деятельности предприятий с успехами или неудачами на внешнем рынке. Такие деятели внешней торговли СССР Н.С. Смеляков, подталкивали к этому советское руководство, но безуспешно.

4.2. ИЗМЕНЕНИЯ СТРУКТУРЫ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Перейду от преимущественно теоретических соображений к практическому состоянию внешнеэкономических отношений СССР в этот период. Начать надо с того, что объем внешней торговли СССР не

соответствовал его экономическому потенциалу. Являясь в это время второй страной в мире по величине ВВП и объему промышленной продукции, СССР занимал лишь седьмое место в мире по величине внешнеторгового оборота [1]. Это, помимо огромного внутреннего рынка, определялось проводившейся многие годы политики максимального ограничения внешнеторговых связей для обеспечения технико-экономической независимости от капиталистического мира.

В целом данный период как раз характеризовался интенсивным развитием внешнеэкономических связей СССР. Их объем вырос в текущих ценах с 10,08 млрд инвалютных рублей в 1960 году до 14,6 млрд в 1965 году [2], т.е. примерно на 45 %. С учетом довольно медленной инфляции в этот период рост составил немногим более 40 %. Иными словами, он был заметно выше, чем рост ВВП в СССР в эти годы, и примерно таким же, как рост экспорта в капиталистическом мировом хозяйстве в тот же период [3]. Вместе с тем этот рост был значительно меньшим, чем в предыдущем пятилетии, когда он составил в текущих ценах 72 % [4]. В этом резком сокращении динамики внешнеэкономических связей отразилось резкое замедление экономического развития СССР и его основных внешнеэкономических партнеров в этот период. Не удалось СССР в эти годы продемонстрировать в этой области, опять-таки в отличие от предыдущего периода, и преимущества в темпах роста по сравнению со странами капиталистической системы. Число стран, с которыми осуществлялись внешнеэкономические связи, выросло за этот период с 80 до 97 [5], в основном в связи с образованием в эти годы на месте колоний независимых государств, преимущественно в Африке.

Географическая структура внешней торговли за данный период изменилась незначительно. Пожалуй, самым заметным изменением явился рост удельного веса развивающихся стран с менее 8 % в 1960 году до 12 % в 1965 году, преимущественно за счет роста экспорта в эту группу стран почти в 3 раза при росте импорта лишь в 1,5 раза [6]. Очевидно, что этот рост был связан с увеличением поставок в эти страны на условиях кредита комплектных предприятий и оружия. В качестве коммерческих успехов в связях с этой группой стран можно указать на быстрый рост торговли с Аргентиной, которая увеличилась почти в 3 раза, и Бразилией (более чем в 2 раза), поскольку политические соображения в торговле с этими странами не играли, по-видимому, большой роли, хотя в этих странах в исследуемый период и возникли левые правительства.

Товарная структура экспорта почти не изменилась за эти годы. Она оставалась преимущественно сырьевой направленности и соответствовала скорее высокоразвитой развивающейся стране (типа Мексики или Бразилии), чем супердержаве, претендовавшей на мировое лидерство и победу в экономическом соревновании с капитализмом. Правда, в отличие от развивающихся стран, в структуре советского экспорта не преобладали продукты сельского хозяйства или продукция транснациональных корпораций. Сложное производство нефти – одной из главных статей советского экспорта в этот период – осуществлялось за счет продукции национального производства. То же самое можно сказать о продукции черной и цветной металлургии. Вообще, преобладание в экспорте продукции тяжелой промышленности говорило, конечно, об относительной развитости советской экономики. Самой слабой чертой структуры советского экспорта явилась относительно небольшая доля машин и оборудования в нем (лишь немногим более 20 %, включая и военную технику). Особенно унижительной была ничтожная доля машин и оборудования в экспорте в развитые капиталистические страны, где ее нередко оказывалось менее 1 %. Такой низкий удельный вес говорил, конечно, прежде всего об остром дефиците конкурентоспособной продукции. Вместе с тем вряд ли эта структура полностью соответствовала структуре советской экономики в те годы. В развитые капиталистические страны был запрещен вывоз наиболее развитой части советской экономики – средств военной техники. По балансовым соображениям, которые играли ключевую роль в формировании структуры экспорта, ограничивался экспорт конкурентоспособной продукции, например, часов, воздушных судов, комплектных предприятий. По тем же соображениям, а также из-за инертности хозяйственных организаций ничтожным был экспорт наукоемкой продукции, которая в этот период имела в СССР в значительном объеме и не уступала по качеству или по соотношению цена–качество западной. На научной конференции, посвященной результатам внешнеэкономического развития за годы советской власти, один из выступавших сетовал на неиспользованные возможности экспорта продукции таких отраслей советской промышленности, как атомное энергетическое машиностроение, космическая и авиационная техника [7].

Самым заметным изменением в советском экспорте в этот период явилось резкое возрастание экспорта нефти и нефтепродуктов (особенно нефти): с 17,8 млн т в 1960 году до 43 млн в 1965 году [8], почти

в одинаковом объеме и в социалистические, и в развитые, и в развивающиеся страны. Этот рост опирался на стремительный рост производства нефти в СССР за счет освоения месторождений Поволжья – нефть являлась относительно легкодоступной статьей советского экспорта. Однако он все же требовал немалых капиталовложений и в добычу, и в переработку нефти, что вызывало растущую озабоченность советских хозяйственников, которые начали требовать финансового участия социалистических стран в добыче, переработке и транспортировке нефти [9]. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что экспорт нефти и нефтепродуктов в социалистические страны намного превосходил темпы роста экономики этих стран, их автопарка, нефтехимического производства. Можно полагать, что часть таких поставок некоторые из этих стран затем перепродавали по более высоким ценам на свободную конвертируемую валюту, которой им тогда остро не хватало, на мировом капиталистическом рынке и этим путем также эксплуатировали советскую экономику.

Импорт из социалистических и развитых капиталистических стран играл немаловажную роль в развитии советской экономики и удовлетворении потребностей населения в более качественных потребительских товарах, чем производимые советской промышленностью. Вследствие того, что советская судостроительная промышленность была сориентирована на военное кораблестроение, потребности в морских судах гражданского назначения преимущественно обеспечивались за счет импорта из социалистических (ГДР, Польша) и некоторых капиталистических стран. Импорт обеспечивал также значительную часть внутренних потребностей в железнодорожном подвижном составе (локомотивы, пассажирские вагоны), в других видах машин и оборудования, производство которых в СССР было слабо налажено (пищевое, полиграфическое оборудование и т.д.). Наиболее спорным моментом в политике импорта было решение об удовлетворении основной части потребностей в быстро развивающейся химической промышленности за счет импорта, притом преимущественно из капиталистических стран, где оно, конечно, было наиболее развитым. Тем самым СССР и другие социалистические страны впервые в послевоенной истории расписались в своей неспособности решить самостоятельно важную народнохозяйственную проблему. Это было началом той «импортной чумы», которая впоследствии поразила всю советскую экономику. В отличие от периода

классической командной экономики, когда при появлении сложной проблемы мобилизовывались все внутренние ресурсы для ее решения, сейчас пошли по самому легкому, но и демобилизующему пути: решать проблемы за счет импорта из капиталистических стран. Другим новым моментом в советском импорте в этот период были массовые закупки зерна в капиталистических странах после катастрофического неурожая 1963 года. Это было еще одно проявление слабости советской экономики и растущей зависимости ее от внешнего мира, преимущественно капиталистического. Массовые закупки зерна и оборудования для химической промышленности сигнализировали о растущей неспособности советской экономики одновременно решать задачи повышения уровня жизни населения, наращивания производственного и научного потенциала и военной мощи. Одной из этих задач приходилось жертвовать. Как мы увидим далее, такой задачей стало расширение военного потенциала, но сдерживание его производилось в явно недостаточном объеме.

В результате интенсивного использования импорта из капиталистических стран для решения внутриэкономических проблем, а также слабости экспортной базы для расширения торговли с этими странами СССР был вынужден резко сократить свои огромные для страны с небольшим объемом внешней торговли с капиталистическим миром золотовалютные резервы, которые он многие десятилетия берег на случай ухудшения международной обстановки или войны. По расчетам западных экономистов, в результате крупных продаж золота, которые составляли тогда основу советских золотовалютных резервов, они сократились с 2,5 млрд долларов в конце 1960 года до 1,5 млрд долларов в конце 1964 года, т.е. на 40 % [10]. В результате отношение этих резервов к импорту из стран с твердой валютой снизилось с 2,5 в конце 1960 года до единицы в конце 1964 года [11]. И хотя этот резерв по международным нормам все еще оставался большим, но с учетом особенностей положения советского государства в мире и выявившейся тенденции валютно-финансовое положение СССР впервые после войны оказалось довольно уязвимым.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Внешнеэкономические связи СССР за 50 лет. – М., 1967. – С. 9.
2. Экспортные цены в 1965 году выросли по сравнению с 1960 годом лишь на 3 % (Капиталистические и развивающиеся страны. – М., 1973. – С. 242).
3. Капиталистические и развивающиеся страны. – М., 1973. – С. 234.
4. Внешнеэкономические связи СССР за 50 лет. – М., 1967. – С. 9.
5. Внешняя торговля СССР. Статистический справочник. – М., 1987. – С. 6.
6. Там же. – С. 63.
7. Внешнеэкономические связи СССР за 50 лет. – М., 1967. – С. 149.
8. Там же. – С. 66.
9. Там же. – С. 66.
10. *Hanson P.* The rise and fall of the soviet economy / P. Hanson. – L., 2003. – P. 84.
11. *Ibid.*

Глава 5

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СССР

5.1. ТЯЖЕЛАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Бросаящейся в глаза особенностью экономического развития СССР в данный период явилась небывалая в послевоенный период диспропорция между весьма внушительными достижениями экономики в сфере материального производства, роста его объема и весьма скромными результатами конечного экономического развития страны. Это обстоятельство свидетельствует о том, что в эти годы еще более значительные масштабы приобрел «самоедский характер» советской экономики, т.е. ее работа не на конечный результат, а саму на себя в связи с низким уровнем использования ресурсов. С этой точки зрения особенно важно проанализировать соотношение развития производства и розничного товарооборота, отражающего изменение уровня жизни населения.

Начну анализ развития экономики с ее ведущей отрасли – промышленности. Вопреки широко распространенному мнению о консервативности советской экономики, о медленных ее структурных изменениях в последние десятилетия советской власти, в данный период происходили как раз быстрые структурные изменения в экономике вообще, а в промышленности – в особенности. Какими бы измерителями ни пользоваться (доля отраслей в объеме промышленной продукции в текущих ценах или доля занятых), но очевидно, что в промышленной продукции СССР быстро росла доля отраслей, традиционно относящихся к прогрессивным отраслям промышленности: электроэнергетика, нефтяная и газовая промышленность, химическая

промышленность, машиностроение. Внутри ряда сложных по своему составу из указанных отраслей опять-таки наиболее быстро росли самые прогрессивные подотрасли.

Весьма впечатляет развитие в этот период электроэнергетики – ведущей отрасли экономики, определяющей во многом развитие всей страны. Производство электроэнергии выросло с 292,3 млрд кВт·ч в 1960 году до 507,8 млрд в 1965 году [1], или на 73,7 %. Этот рост явился результатом грандиозного электроэнергетического строительства и быстрого развития электроэнергетического машиностроения, обеспечивавшего новые стройки оборудованием, и топливной промышленности, обеспечивавшей тепловые электростанции сырьем. Мастерство и способность мобилизовать значительные ресурсы позволили советским строителям быстро возводить крупные объекты электроэнергетики, какие не сооружались даже в развитых капиталистических странах в этот период. Именно в силу этого мастерства многие развивающиеся страны и, конечно, социалистические страны охотно приглашали советских строителей сооружать и у них электроэнергетические объекты и обеспечивать их оборудованием. Советские электроэнергетики законно гордились мощными и весьма протяженными линиями электропередач (их протяженность возросла в этот период более чем в 2 раза), сооружавшимися часто в суровых климатических условиях. Строители электростанций и линий электропередач становились героями художественных произведений, фильмов, песен и стихотворений, а руководители строительных организаций электроэнергетики – подлинными национальными героями.

В результате быстрого развития электроэнергетики заметно выросла доля СССР по выработке электроэнергии в сравнении с ведущими капиталистическими странами. Так, по отношению к США она выросла с 33 % в 1960 году до 41 % в 1965 году, а по отношению к совокупному производству электроэнергии в трех крупнейших странах Западной Европы (Великобритании, Франции, ФРГ) за тот же период – с 89 до 108 % [2]. Рост производства электроэнергии в СССР в эти годы опережал также ее рост в Японии – стране наиболее быстро развивавшейся в этот период среди всех капиталистических стран, где она выросла на 64 % [3]. В этот период в СССР началось, наряду со строительством тепловых и гидроэлектростанций, сооружение крупных атомных электростанций, хотя здесь СССР отставал от других развитых стран ввиду запоздалого развития атомного машиностроения.

Вместе с тем в электроэнергетике произошло ухудшение некоторых экономических показателей. Так, продолжилось начавшееся еще в шестой пятилетке уменьшение числа часов использования единицы мощности как по тепловым, так и по гидроэлектростанциям [4]. С другой стороны, продолжалось уменьшение расхода топлива на единицу произведенной электроэнергии [5], произошел быстрый рост производительности труда, связанный с переходом к более мощным электроагрегатам.

Крупным успехом советской промышленности явилось значительное расширение производства другой базовой отрасли экономики – топливной промышленности. Производство топлива выросло в условных единицах с 692,8 млн т в 1960 году до 966,6 млн в 1965 году [6], или почти на 40 %. И по этому показателю доля СССР по отношению к США и трем западно-европейским странам в этот период заметно выросла [7]. Рост производства топлива обеспечивал и рост производства электроэнергии на теплоэлектростанциях, и увеличивавшиеся потребности химической промышленности, и быстро растущие поставки топлива на экспорт. При всем том рост производства топлива оказался заметно меньше, чем планировался в семилетнем плане, и нехватка топлива ощущалась в ряде отраслей экономики.

Наиболее заметным событием в развитии топливной промышленности СССР в этот период явился перенос тяжести в развитии этой отрасли с угля, как это было с начала века, на нефть и газ. В производстве нефти и газа на этом этапе проявились возросшие возможности всех отраслей советской экономики: строительства, нефтяной и газовой промышленности, машиностроения по производству бурового и прочего оборудования. Наряду с расширением добычи нефти и газа быстро увеличилась протяженность нефте- и газопроводов. Нефтяники и газовики, строители нефте- и газопроводов становились в эти годы национальными героями, как и строители электростанций. Производство нефти в СССР выросло со 142 млн т в 1960 году до 243 млн в 1965 году, или на 71 %, в результате чего СССР стал второй в мире страной по добыче нефти [8]. Причем это было достигнуто исключительно собственными усилиями, в отличие, скажем, от Саудовской Аравии, где добычу вели иностранные компании и где, кстати, в этот период увеличилось производство нефти значительно меньше и в абсолютном, и в относительном выражении. Еще более выдающимся достижением следует признать увеличение в СССР производства при-

родного газа с небольшой величины в 47 млрд м³ в 1960 году до 129,3 млрд в 1965 году, т.е. почти в 3 раза, что выдвинуло СССР также на второе место в мире после США [9]. Вместе с тем производство угля в этот период выросло незначительно, и это было результатом как, главным образом, осознанного курса на преимущественное развитие нефтяной и газовой промышленности, так и возникших серьезных трудностей в развитии угольной промышленности вследствие устарелости имевшихся технологий его добычи, особенно шахтной добычи.

Довольно быстро развивалась в эти годы еще одна базовая отрасль экономики – черная металлургия. Если судить по выпуску в тоннах, выпуск готового проката черных металлов вырос с 43,7 млн т в 1960 году до 61,6 млн в 1965 году, т.е. на 41 % [10]. Доля производства стали заметно выросла по отношению к США и к трем крупнейшим западно-европейским странам [11]. Очень заметным по темпам роста было отставание только от Японии, где производство стали и проката черных металлов в этот период почти удвоилось, что не помешало СССР по производству черных металлов оставаться второй страной в мире после США. Производство черных металлов увеличивалось за счет сооружения новых металлургических предприятий («Северосталь») и, преимущественно, за счет реконструкции и расширения старых металлургических комбинатов. Строительство новых домен и мартеновских печей, прокатных станов было еще одним «коньком» советского строительства, а выпуск оборудования для них – хорошо освоенным производством в советском тяжелом машиностроении. Причем вводились доменные и мартеновские печи, прокатные станы повышенной мощности, по своим размерам не уступавшие металлургическим агрегатам крупнейших капиталистических стран [12]. Такие агрегаты СССР успешно строил и своим союзникам – социалистическим и развивающимся странам.

Начали предприниматься усилия и по улучшению качества и эффективности металлургического производства, где отставание СССР от других стран было весьма велико. Уже в середине 50-х годов выявилось, что погоня за количеством произведенного металла в тоннах привела к замедленному производству экономичных видов черных металлов на всех стадиях производства – чугуна, стали, проката дальнейшего передела. Об этом заговорили в печати сами работники черной металлургии [13]. Кроме того, в СССР медленно внедрялись новые методы производства черных металлов, нередко разработанные впер-

вые в самом же СССР, такие как конверторное производство стали, непрерывная разливка стали, методы производства стали путем прямого восстановления железа и т.д. Жертвами низкого качества черных металлов становились их потребители, которые вынуждены были вследствие этого тратить на выпуск продукции гораздо больше металла, чем в капиталистических странах, где качество черных металлов было намного выше. Поэтому развитие черной металлургии в этот период надо рассматривать не столько с точки зрения действительно внушительного количественного роста, сколько под углом зрения более эффективного производства и выпуска более качественного металла.

Определенные усилия по улучшению качества металла и повышению эффективности металлургического производства предпринимались, хотя и с большим опозданием. Так, заметно изменилась в эти годы структура капитальных вложений в черную металлургию по сравнению с предыдущими периодами. В ней весьма заметно выросла доля конверторного и электросталеплавильного производства за счет мартеновского, стало больше цехов четвертого передела [14]. Однако, поскольку цикл строительства в советских условиях был длинным, это изменение структуры капиталовложений не привело к сколько-нибудь заметному изменению структуры производства стали [15]. Правда, несколько выросла доля листового проката в общем производстве готового проката черных металлов (с 32 до 37 %), особенно наиболее дефицитного и эффективного тонколистового проката [16]. В то же время почти не изменилось число выпускаемых профилей проката черных металлов [17], хотя по этому важнейшему показателю СССР в несколько раз уступал развитым капиталистическим странам. Производство на установках непрерывной разливки стали или агрегатах прямого восстановления железа росло очень медленно, намного уступая росту его в развитых странах, особенно в Японии, которая использовала советские лицензии по непрерывной разливке стали. Наконец, сталь часто выпускалась с многочисленными отступлениями от технологического процесса, что уменьшало прочность изготавливаемого из нее проката, хотя количественных данных на этот счет, к сожалению, привести не могу, ибо не нашел их в литературе. Из-за низкого качества продукции черной металлургии сложилось глубокое противоречие между огромным производством черных металлов в тоннах и гораздо меньшим выпуском конечных продуктов из их металлов, что наиболее проницательные, и потому редкие, исследователи советской экономи-

ки объясняли именно низким качеством продукции советской черной металлургии. Так, А. Безансон остроумно предлагал разделить все производство стали в СССР на шесть категорий: 1) производство настоящей стали, 2) производство низкокачественной стали, 3) производство бракованной стали, 4) производство стали, предназначенной для ржавления (!), 5) производство псевдостали и, наконец, 6) псевдопроизводство стали. А. Безансон полагал, что специалист по советской экономике способен, вероятно, без труда распределить все производство стали по этим шести категориям [18]. Пока таких специалистов не нашлось ни в России, ни на Западе. Не очень ясно, даже на качественном уровне, как менялось это соотношение. Могла бы помочь статистика рекламаций, но она не публиковалась. Единственным относительно надежным индикатором можно считать частоту критических выступлений в печати по поводу низкого качества металла, и, судя по книге О.К. Антонова «Для всех и для себя», где многие из этих публикаций представлены, это число росло.

Более быстро, чем черная металлургия, традиционно в СССР росла цветная металлургия. Эта отрасль, возникшая в основном при советской власти, обеспечивала материалами бурно развивавшиеся отрасли советской промышленности – атомную, аэрокосмическую, электронную, многие отрасли традиционного машиностроения, а также растущий спрос социалистических стран на продукцию этой отрасли, пополняя золотовалютные резервы страны. Продукция цветной металлургии, по данным составленных Ю.В. Яременко межотраслевых балансов, выросла с 3898 млн р. в 1960 году до 6478 млн в 1965 году, т.е. на 66 % [19]. Учитывая малономенклатурный характер продукции отрасли, можно полагать, что примерно таким же был и рост физического объема продукции этой отрасли. Данные по этой отрасли, как наиболее тесно связанной с военно-промышленным комплексом страны, публиковались в советское время крайне скупно, особенно по таким видам продукции, как никель, золото, редкие металлы. Относительно часто упоминалась алюминиевая промышленность, сооружение ее предприятий в Восточной Сибири объявлялось комсомольскими стройками (Братский, Саянский алюминиевые заводы в Восточной Сибири на базе сооружаемых здесь крупнейших гидроэлектростанций с дешевой электроэнергией). Именно по алюминиевой промышленности имеются данные о росте ее производства в 1959–1965 годах более чем в 2 раза [20], что намного превышало рост про-

изводства алюминия во всех капиталистических странах в этот период, кроме Японии [21].

Несмотря на то что в предыдущий период были достигнуты огромные успехи в развитии машиностроения, позволившие создать мощный экономический и оборонный потенциал страны и обеспечить нужды многих социалистических и развивающихся стран в инвестиционных товарах, необходимость в ускоренном развитии этой отрасли оставалась. Во-первых, велика была еще доля ручного труда во всех сферах народного хозяйства и необходимы были большие поставки машин и механизмов для замены ручного труда машинным. Во-вторых, слабо развиты были некоторые отрасли самого машиностроения (химическое, для легкой и пищевой промышленности, полиграфическое, гражданское судостроение и т.д.). В-третьих, совершенно ничтожным по сравнению с другими странами было обеспечение населения СССР товарами культурно-бытового назначения длительного пользования (легковые автомобили, холодильники и т.д.). В-четвертых, велико было отставание от развитых капиталистических стран в производстве продукции электроники и гражданского самолетостроения. Именно вследствие этих причин крупнейшие советские экономисты в этот период выступали за усиление внимания к средствам производства, в особенности к продукции машиностроения, в то время как часть советских экономистов, озабоченных отставанием СССР в производстве потребительских благ, призывала ослабить это внимание [22]. Впрочем, эти призывы не находили отклика у плановых органов, предусматривавших в пятилетних планах по-прежнему преимущественное развитие машиностроения по сравнению со многими другими отраслями промышленности.

Для характеристики динамики выпуска продукции машиностроения в данный период воспользуюсь своими старыми расчетами этой динамики. Пользуясь случаем, отмечу, что, вопреки широко распространенному мнению, в мой расчет этой динамики я включал и динамику военной промышленности СССР. По этому расчету продукция машиностроения выросла на весьма внушительную величину в 50 %, хотя и несколько снизилась по относительному приросту по сравнению с предыдущей пятилеткой, когда он составил 58 % [23]. Однако уже здесь выявляется весьма тревожная и новая для послевоенного периода тенденция. Этот рост происходил, в отличие от большинства других отраслей промышленности, впервые преимущественно на ярко

выраженной экстенсивной основе: численность работающих в отрасли выросла на 34 % и, следовательно, производительность труда – только на 12 %, что было в 2 раза меньше, чем в предыдущей пятилетке, и означало рост этого показателя на минимальную величину в 2,3 % ежегодно [24].

Другой характерной особенностью развития машиностроения в этот период, как и других отраслей промышленности, явилось резкое ухудшение качества продукции. Получая нереальные при производственных и социально-экономических условиях того времени производственные задания по количественному выпуску продукции, предприятия отвечали на них ухудшением качества продукции. Прочитав в этой связи одного крупного японского специалиста – президента Центра комплексных исследований концерна «Мицубиси» Нобору Макино: «Впервые я посетил Советский Союз в середине 60-х годов. Уже тогда после посещения нескольких заводов, включая и высокотехнологичные, у меня, честно говоря, появились некоторые сомнения относительно их технического уровня. Например, я приобрел транзисторный радиоприемник, привез его в Японию, разобрал, проверил качество деталей и убедился, что почти все из них, если судить по японским стандартам, были бракованными. Мне довелось повидать и шарикоподшипниковые заводы, и автомобильные, и радиозаводы, производительность которых, примерно на порядок, отставала от соответствующего японского показателя» [25]. Наблюдения японского инженера совпадали с буквально валом жалоб на низкое качество продукции машиностроения, которые нашли отражение в советской прессе в тот период и были обобщены в книге О.К. Антонова «Для всех и для себя», вышедшей как раз в 1965 году.

Развитие этой отрасли происходило по-разному в различных отраслях в зависимости от значимости их для экономики страны. Традиционное различие между военной продукцией и гражданской носит упрощенный характер. Так, исчисленный мною индекс гражданской машиностроительной продукции только на основе количества выпускаемой продукции вырос на 41 %, конечно, преуменьшал реальный рост продукции, так как не учитывал повышение технико-экономических показателей отдельных изделий. Если судить по этим данным, можно допустить, что оба эти сектора развивались почти одинаково.

Видимо, целесообразно различать темпы роста продукции машиностроения по трем направлениям: чисто гражданской, военной и отраслям двойного назначения.

В табл. 2 приведены исчисленные мною данные о динамике продукции важнейших отраслей гражданского машиностроения на основе их производства в натуральном выражении, без учета, к сожалению, изменения технико-экономических показателей и качества в 1965 году по сравнению с 1960 годом [26].

Т а б л и ц а 2

**Индекс выпуска продукции гражданского машиностроения
за 1961–1965 гг., % (1960 г. – 100 %)**

Отрасли	Индекс
Энергетическое машиностроение	136
Электротехническая промышленность	167
Станкостроение	118
Тракторное и сельскохозяйственное машиностроение	182
Автомобильная промышленность	114
Строительное и дорожное машиностроение	167
Подъемно-транспортное машиностроение	169
Оборудование для металлургической, нефтяной и угольной промышленности	103
Железнодорожное машиностроение	118
Оборудование для легкой промышленности	137
Товары культурно-бытового назначения	170

Как видим, наиболее быстро развивались отрасли инвестиционного машиностроения, которые позволяли механизировать ручной труд в отраслях, где была еще велика доля ручного труда (тракторное и сельскохозяйственное машиностроение, подъемно-транспортное, строительное и дорожное). Вместе с тем весьма скромными были приросты продукции машиностроения, непосредственно связанного с приростом производственных мощностей. Эти отрасли машиностроения были хорошо развиты в предыдущий период, они обеспечивали нужды капитального строительства, и необходимость в их значительном расширении отсутствовала. Очень быстро росло производство товаров культурно-бытового назначения (кроме легковых автомобилей, которые включались в продукцию автомобильной промышленности). Помимо включенных в индекс часов, радиоприемников, телевизоров, мотоциклов и мотороллеров, бытовых холодильников, следует указать на

огромный рост производства стиральных бытовых машин (с 895 тыс до 3430 тыс. шт.), электропылесосов бытовых (с 501 тыс. до 800 тыс. шт.) [27]. Не удивительно, что такой бурный количественный рост производства товаров культурно-бытового назначения, часто на оборонных заводах, где они не являлись основной продукцией, происходил при их низком качестве. О том, какой огромный брак первоначально был на Красноярском машиностроительном заводе, производившем знаменитые холодильники «Бирюса», рассказал Я. Ладыженский [28].

Первая половина 60-х годов характеризовалась принятием новой военной доктрины СССР, ориентированной на ведение военных действий с широким применением ядерного и ракетного оружия. В связи с этим усилия военной промышленности сосредоточивались на выпуске ядерных боеголовок и средств их доставки (ракет различной дальности, стратегических и тактических бомбардировщиков, атомных и дизельных подводных лодок с ядерным оружием на борту). Такой курс означал кардинальные изменения структуры военно-промышленного комплекса: сокращение выпуска традиционного оружия (самолетов, танков, артиллерийского орудия, боеприпасов) и значительное, часто огромное, расширение выпуска новых видов оружия и, что особенно важно, сложнейших средств их комплектации, прежде всего продукции радиоэлектроники, а значит, и множества новых видов материалов и комплектующих, необходимых для выпуска новейших средств ведения военных действий (качественной стали и проката, цветных и редких металлов и т.д.). Все это были изделия высочайшего технического уровня, входящие в пятый технологический уклад. Освоение их производства означало вступление советской экономики на новый уровень технического развития, пусть и в ограниченной, но весьма значительной области, имеющей потенциально не только военное, но и гражданское применение. Решение этой грандиозной задачи было сопряжено с колоссальными трудностями, но успех ее был бы свидетельством высокого уровня советской экономики.

С точки зрения количества стратегических ядерных средств, достижения данного периода могут показаться относительно скромными. Так, число ядерных боеголовок, размещенных на средствах стратегического назначения, выросло, если верить данным Роберта Макнамары, с 300 до 600 шт., т.е. в 2 раза, или на 300 шт. против прироста в 280 шт. в предыдущем пятилетии [29], т.е. их производство выросло меньше

чем на 10 %. Превосходство США по количеству таких боеголовок оставалось огромным: почти в 10 раз, что, наверное, было уже избыточным. Несравненно большим был сдвиг в СССР в производстве средств доставки ядерного оружия стратегического назначения. Так, число очень дорогих стратегических бомбардировщиков выросло с нескольких самолетов в 1955 году до 150 в 1960 и до 250 в 1965 году, их производство, следовательно, даже снизилось по сравнению с предыдущей пятилеткой, что было связано с изменением приоритетов в выпуске средств доставки – с бомбардировщиков на ракеты дальнего действия. В то же время число межконтинентальных баллистических ракет увеличилось с нескольких ракет в 1960 году до 250 в 1965 году, а очень дорогих атомных подводных лодок, оснащенных несколькими баллистическими ракетами дальнего действия, – с 15 лодок в 1960 году до 25 в 1965 году [30], следовательно, общее производство средств доставки выросло по сравнению с предыдущим пятилетием почти в 2 раза. Не стану анализировать выпуск в натуральном выражении других видов военной продукции в этой пятилетке. Приводимые в отечественной литературе постсоветского периода данные недостаточно дифференцированы по годам. К тому же имеются большие трудности их сопоставления в связи с изменениями в их технических данных. Достаточно только сказать, что наиболее интенсивно росло производство средств оружия стратегического назначения, предназначенного для решающего удара по потенциальному противнику, и значительно медленнее – средств оперативного и тактического назначения, особенно традиционной военной техники. Очень важно отметить (это осталось не замеченным экономическими и военными историками, в том числе и крупнейшим из них – Н. Симоновым), что в данном периоде можно выделить два этапа в выпуске военной техники: интенсивного, даже лихорадочного их наращивания в 1961–1962 годах и сдерживания роста их производства, а иногда и сокращения – в 1963–1965 годах. К этому вопросу я вернусь при рассмотрении экономической структурной политики в данный период.

В военной промышленности, как и в гражданской, хотя, по-видимому, и в меньшей степени, существовали серьезные проблемы с качеством выпускаемых изделий. 16 февраля 1961 года в связи с многочисленными фактами нарушения технологических процессов производства специальной и общей военной техники, приведшего в ряде случаев к серьезным отказам и авариям с человеческими жертвами,

ЦК КПСС и СМ СССР приняли постановление «О мерах по улучшению качества военной техники». На предприятиях, выполнявших оборонный заказ, в соответствии с постановлением увеличивался аппарат военной приемки, укреплялись службы технического контроля, применялись более строгие меры административной и уголовной ответственности за допущение брака и отклонение от установленных технических условий и технологического процесса [31]. Сам характер принимаемых мер свидетельствовал о неблагополучии с качеством продукции в оборонной промышленности. Трудно сказать, насколько действенными оказались эти меры. Однако в августе 1964 года комиссия СМ СССР по военно-промышленным вопросам признала, что «...положение с качеством выпускаемых изделий на ряде заводов все еще остается неудовлетворительным» [32].

В советской оборонной промышленности всегда сочеталось производство военной техники, рассматриваемой как основной вид продукции, и выпуск гражданских изделий, которому, конечно, уделялось гораздо меньше внимания. Однако наличие квалифицированных специалистов и качественного оборудования и материалов позволяло выпускать многие гражданские изделия на этих предприятиях относительно высокого, по советским меркам, качества, особенно в 50-е годы. Среди предприятий двойного назначения в оборонной промышленности особое место занимала авиационная промышленность. До начала 60-х годов эта отрасль в основном выпускала изделия военного назначения. Для выпуска гражданских самолетов не хватало производственных мощностей, да и спрос на услуги гражданского воздушного транспорта был ограничен в связи с низким уровнем благосостояния населения. Поэтому объем перевозок пассажиров гражданским воздушным транспортом в СССР отставал от перевозок в США во много раз. Парк гражданских воздушных самолетов был невелик и состоял в значительной степени из устаревших марок с выработанным сроком службы.

В начале 60-х годов положение во всех этих отношениях резко изменилось. Благосостояние населения значительно выросло, и при низкой цене авиабилетов, не включавшей инвестиционной составляющей, и при низкой цене нефтепродуктов авиапоездки стали доступны широкой массе советских граждан. В то же время произошло резкое сокращение спроса Министерства обороны на самолеты, так как упор в военной доктрине СССР переместился с самолетов на ракеты. Огромные мощности авиационных заводов (а авиационная промышленность

СССР была по мощности второй в мире после США) можно было использовать теперь для выпуска гражданской авиатехники, используя при ее производстве и огромные мощности авиазаводов, и их совершенную технику, и квалифицированный инженерный и рабочий состав. Советские авиаконструкторы разработали достаточно современные гражданские самолеты различной дальности полета. Поскольку в первой половине 60-х годов объем авиаперевозок пассажиров вырос почти в 3 раза, спрос «Аэрофлота», единственной пассажирской компании в стране, на самолеты вырос на порядок. Гражданские самолеты стали выпускаться уже не единицами и десятками, как в 50-е годы, а сотнями. Конечно, такой рост производства гражданских самолетов весьма высокого качества был крупным успехом советского машиностроения.

Другой отраслью машиностроения, которая чрезвычайно быстро развивалась в этот период, была электронная промышленность. Ее рост в СССР стимулировался прежде всего потребностью в электронике при выпуске различных видов военной техники – в отличие от западных стран, где одновременно быстро нарастали объемы и промышленной, и бытовой электроники, для чего в СССР не было необходимых ресурсов и платежеспособного спроса.

Огромное внимание в данный период советское руководство и особенно Н.С. Хрущев уделяли развитию химической промышленности. Это диктовалось и нашим глубоким отставанием в этой отрасли от капиталистических стран, и новейшими открытиями в химии, расширившими область эффективного использования ряда химических материалов, и слабой химизацией земледелия в СССР, сдерживавшей развитие сельского хозяйства, повышение урожайности сельскохозяйственных культур. Курс на ускоренное развитие химической промышленности был взят еще в 1958 году и весьма настойчиво, хотя с большими трудностями и колебаниями проводился в 1960–1965 годах. Он нашел выражение прежде всего в резком повышении доли химической и нефтехимической промышленности в капитальных вложениях в промышленность: с 4 % в 1950 году и 7 % в 1960 до 11,4 % в 1965 году [33]. Благодаря таким капитальным вложениям основные производственные фонды в эту отрасль и численность рабочих росли намного быстрее, чем в других отраслях промышленности. Так, по промышленно-производственным фондам прирост составил, по официальным, конечно, преувеличенным данным, за эти же пять лет 132 %, в то время как

по тоже быстро растущей электроэнергетике – только 80 % [34]. Численность же рабочих в отрасли выросла почти в 2 раза [35]. Если судить по росту численности занятых, всего лишь за пять лет была создана такая же по объему отрасль, как за весь предшествующий (досоветский и советский) период экономического развития страны. Были созданы десятки крупнейших в мире предприятий по выпуску серной кислоты, минеральных удобрений, искусственных и синтетических волокон, пластмасс и ряда других химических материалов и изделий. Производство серной кислоты выросло на 58 %, минеральных удобрений в условных единицах – в 2,25 раза, синтетических смол, пластических масс, химических волокон – почти в 2 раза, химических средств защиты растений – почти в 3 раза [36]. Благодаря этому весьма заметно увеличилась доля СССР в мировом производстве многих химических изделий. Так, по минеральным удобрениям доля СССР по отношению к США выросла с 42 % в 1960 году до 65 % в 1965 году, по отношению к ФРГ, Англии и Франции, вместе взятым, – с 48 % в 1960 году до 87 % в 1965 году, по химическим волокнам по отношению к США наша страна осталась на уровне 1960 года – 27 %, а по отношению к трем западно-европейским странам доля СССР возросла с 30 до 39 % [37]. И лишь по синтетическим смолам и пластическим массам удельный вес СССР заметно не вырос, поскольку в большинстве капиталистических стран рост производства этого вида продукции происходил в тех же относительных размерах, что и в СССР, а в ряде из них даже значительно быстрее, например, в Японии почти в 3 раза [38]. Доля СССР в производстве пластмасс и синтетических смол оставалась по отношению к США весьма небольшой (менее 15 %, в связи с чем данные о сравнительном объеме производства этого продукта по отношению к другим развитым странам в советских статистических справочниках того времени не публиковались).

Лихорадочный рост производства и капитального строительства в химической и нефтехимической промышленности сопровождался множеством неурядиц в обеспечении пропорционального развития отдельных отраслей самой химической промышленности, капитального строительства в отрасли и обеспечении ее проектной документацией, строительными материалами, оборудованием. Эти обычные в советской системе (а частично и в любой системе в период ее быстрого роста) недостатки усугублялись безответственностью и некомпетентностью ряда управляющих органов, особенно в области материально-

технического снабжения. Выдающийся советский журналист Анатолий Аграновский в 1962 году изучил работу «Химкомплекта», одного из важнейших снабженческо-сбытовых учреждений для химической промышленности, занимавшегося комплектованием строек химической промышленности оборудованием. Описанная им картина не только показывает беспорядок в этой конкретной сфере, но и проливает свет на более общие пороки сложившегося в этот период хозяйственного механизма.

А. Аграновский прежде всего обращает внимание на крайне низкий уровень компетентности работников главка: «Я вдруг по-новому услышал здесь примелькавшийся термин “подбор кадров”: где-то они выпали, эти люди, здесь их “подобрали”... Их послали в главк не потому, что они тут нужны, а потому, что там они не были нужны» [39]. В отраслевых отделах «Химкомплекта» из 64 сотрудников только 16 инженеров и 7 техников работали по специальности. Остальные – мясомолочники, путейцы, текстильщики, статистики, педагоги, юристы и люди без всяких дипломов и даже без аттестатов зрелости [40].

А. Аграновский приводит много примеров малограмотности и безответственности в работе «Химкомплекта». Он (а не работники главка!) сопоставил объем оборудования, которым были снабжены отдельные стройки, и состояние строительства на этих объектах. Выяснилось, что очень часто оборудование поставлялось на те стройки, где даже фундамент еще не был заложен, и отсутствовало на пусковых объектах. Две пусковые стройки не были введены в строй из-за нехватки нескольких десятков километров кабеля, и в то же время на других стройках его было в избытке – не использовалось более 7 тыс. км кабеля [41]. А. Аграновский объясняет эти нелепые и безответственные действия главка отсутствием у его работников материальной заинтересованности в конечных результатах. Он метко сравнивает систему материального поощрения в главке со стрелковыми соревнованиями, на которых призы раздаются не за число попаданий, а за число выпущенных пуль. И произносит суровый приговор этой системе. «Итак, с одной стороны, полная безнаказанность, с другой – полная незаинтересованность. Какая благодатная почва для произрастания бездумья, безделья, карьеризма, равнодушия, беспринципности» [42]. Все эти качества расцвели во многих советских учреждениях при длительном попустительстве руководящих органов, в данном случае – Госплана СССР, которому подчинялась в этот период система «комплектов».

Конечно, такой огромный рост производства химических изделий сопровождался, как и в других отраслях, ускоренным количественным развитием при ухудшении качества продукции, и сообщения об этом систематически появлялись в советской периодической печати того времени. Были они и в выступлениях участников декабрьского пленума ЦК КПСС 1963 года. Низкое качество продукции, конечно, снижало значение огромного роста этой отрасли в данный период и самое главное – влияние этого роста на развитие всей остальной экономики, которое оказалось намного меньше, чем ожидалось.

Промышленность строительных материалов и особенно ее отдельные отрасли также развивались весьма быстро в анализируемый период. Ее общий объем, по моим подсчетам, не отражающим, однако, изменение качества продукции, вырос на 46 %, незначительно отличаясь от ее официальной оценки [43]. Намного быстрее росло производство таких строительных материалов, как цемент (59 %), и возникшее совсем недавно в СССР производство сборных железобетонных конструкций и деталей (85 %), линолеума (134 %) [44]. Поскольку отдельные производства промышленности строительных материалов расширялись на новой технической базе, а другие реконструировались на новой технической базе, в отрасли в целом значительно быстрее, чем во всей промышленности, росли оснащенность основными фондами, фондовооруженность и производительность труда. Так, мощность электромоторов (как наиболее точный измеритель величины основных фондов) выросла с 4,7 млн кВт в начале данного периода до 7,9 млн в конце периода [45], т.е. на 68 %, при увеличении числа занятых в отрасли менее чем на 10 %. Не удивительно, что производительность труда в отрасли выросла почти на 40 % – почетный показатель для любой страны и намного выше, чем в среднем по отечественной промышленности. Важным показателем прогресса в отрасли явилось улучшение использования оборудования. Так, средняя часовая производительность вращающихся цементных печей выросла с 15,6 до 21,4 т, что, конечно, связано прежде всего с техническим перевооружением отрасли, но вырос также и коэффициент использования вращающихся печей, достигнув максимального за послевоенный период уровня 0,89 [46].

В связи с быстрым развитием отрасли выросло производство строительных материалов по отношению к крупным капиталистическим странам. Так, по отношению к США производство цемента вы-

росло в этот период с 81 до 111 %, таким образом, СССР по этому важнейшему виду продукции превзошел США, что можно было считать крупнейшим достижением, а по отношению к трем важнейшим странам Западной Европы его доля выросла с 86 до 98 % [47]. Даже в Японии, где в этот период разворачивалось грандиозное промышленное строительство, производство цемента («хлеба строительства», как любили писать в СССР) выросло меньше, чем в нашей стране. Вместе с тем можно обоснованно предположить, что такое обильное снабжение возводимых объектов строительными материалами в гораздо большей степени способствовало расточительности в использовании строительных материалов, являясь одним из факторов работы экономики самой на себя.

Традиционные для очень богатой лесом страны лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная отрасли промышленности развивались весьма неровно по отдельным подотраслям. На их развитии сказывались, с одной стороны, ограничение потребности в лесе из-за сокращения потребления дров в качестве топлива и лесных материалов как строительных материалов в связи с заменой их другими, более дешевыми, видами топлива и заменой другими, более качественными и дешевыми, строительными материалами, а с другой – необходимость развития очень отставших в СССР отраслей, таких как производство бумаги, картона, мебели. Имелись также большие возможности экспорта лесной продукции.

Лесозаготовительная промышленность росла крайне медленно, лишь на 2 % за пятилетку [48], практически роста уже не было. Это была первая крупная отрасль в стране, в которой рост прекратился, вопреки заданиям семилетнего плана, которые предусматривали рост этой отрасли на 17 % [49]. Стагнация этой отрасли сказалась неблагоприятно на динамике других отраслей: угольной промышленности (крепеж), химической промышленности, строительстве, экспорте. Советские хозяйственные органы в отличие от прошлого, когда отставание какой-то отрасли вызывало серию кадровых, организационных и финансовых решений, весьма апатично отнеслись к отставанию этой важнейшей отрасли, что являлось свидетельством растущей неспособности государственного аппарата к позитивным действиям.

Несмотря на то что оснащение лесозаготовительной промышленности машинами и механизмами продолжалось быстро, производительность труда в отрасли, по официальным данным, которым можно дове-

рять ввиду однородности продукции отрасли, росла медленно, за весь период на 12 % [50]. При этом еще в 1960 году этот рост составил 8 %, т.е. почти столько же, сколько за последующие пять лет, а в 1965 году он снизился до ничтожных 0,8 %, практически прекратился [51].

В отличие от лесозаготовительной промышленности, в которой была занята основная часть работающих в отрасли, другие подотрасли этой отрасли развивались весьма быстро. Правда, производство пиломатериалов выросло лишь на 5 %, но производство целлюлозы увеличилось почти на 42 %, бумаги – на 38, картона – на 62 %, недавно возникшего производства древесно-волоконистых и древесно-стружечных плит, являвшихся прогрессивным строительным материалом и сырьем для выпуска мебели, – соответственно более чем в 2 и 5 раз [52]. Тем не менее план семилетки был и по этим продуктам сильно невыполнен, намного больше, чем по вывозке леса, что говорило преимущественно о значительно большей материалоемкости продукции, чем предусматривалось в плане. Так, производство мебели намечалось увеличить в 2,4 раза, а выросло оно за годы пятилетки менее чем на 70 %, по официальным, явно завышенным вследствие скрытой инфляции, данным.

В отраслях по переработке древесины быстрее росла и производительность труда в связи с тем, что она опиралась на создание новых, мощных и технически хорошо оснащенных, крупных предприятий целлюлозно-бумажной и мебельной промышленности, обеспеченных преимущественно импортным оборудованием, поскольку эта отрасль машиностроения в СССР была крайне слабо развита. Свидетельством быстрого роста технической оснащенности этих отраслей является рост электровооруженности в целлюлозно-бумажной промышленности на 30 % [53]. Выработка на одного работающего (по официальным данным, которым также можно доверять ввиду относительной однородности продукции) в целлюлозно-бумажной промышленности увеличилась на 21 %, а в деревообрабатывающей промышленности – на 20 % [54].

Быстро развивалась в этот период и мебельная промышленность, которая по недоразумению включалась в продукцию легкой промышленности, хотя в основном производилась из дерева, кроме кроватей металлических [55]. Однако количественный рост выпуска в этой отрасли не сопровождался качественным улучшением, зачастую шел даже в ущерб качеству, вследствие чего жалобы на низкое качество мебели

стали в этот период одной из наиболее распространенных тем в советской печати. Конечно, эта отрасль, как и многие другие отрасли производства потребительских товаров, оставалась «падчерицей» в отношении капитальных вложений, новой техники и квалифицированных кадров рабочих, инженеров, а тем более дизайнеров.

5.2. ЛЕГКАЯ И ПИЩЕВАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Крупнейшим провалом завершились планы догнать уже в 1965 году США по производству продуктов легкой и пищевой промышленности на душу населения [56], где отставание СССР от США было наименьшим, в отличие от предметов потребления долгосрочного пользования, где оно было колоссальным, особенно по легковым автомобилям, по которым в это время советское руководство и соревноваться с США не намеревалось. Обеспеченность советского населения одеждой, обувью и продуктами питания на уровне США было бы, конечно, крупнейшим достижением советской экономики и усилило бы авторитет советского руководства среди населения СССР и привлекательность социализма как экономической системы в глазах народов всего мира. Грандиозные планы развития производства легкой и пищевой промышленности опирались на столь же грандиозные планы развития сельского хозяйства, химической промышленности, огромного капитального строительства в легкой и пищевой промышленности. Остановлюсь на последнем обстоятельстве более подробно, так как положение в химической промышленности уже рассматривалось выше, а в сельском хозяйстве будет рассмотрено далее. Предполагалось, что в результате сооружения множества новых предприятий ввод в действие прядильных веретен увеличится по сравнению с предыдущим семилетием в 3,7 (!) раза, ткацких станков – в 3 раза, мощностей по производству обуви – более чем в 2 раза [57]. Общие капитальные вложения в легкую и пищевую промышленность должны были вырасти в семилетке примерно в 2 раза по сравнению с предыдущим семилетием [58]. В результате этих мер по таким традиционным видам продукции предметов потребления, по которым уже был достигнут значительный прогресс в 50-е годы, планировалось дальнейшее увеличение: производство хлопчатобумажных тканей должно было вырасти почти на 40 %, а пользовавшихся наибольшим неудовлетворенным спросом шелковых тканей – даже на 76 %, бельевого и верхнего трикотажа

соответственно – на 96 и 65 %, обуви – на 45 % [59]. Фактически же развитие легкой промышленности по сравнению с плановым ростом нельзя назвать иначе, как провалом. В 1965 году по сравнению с 1960 годом производство хлопчатобумажных тканей выросло лишь на 10 %, шерстяных и льняных – менее чем на 10, шелковых – менее чем на 20 %, т.е. лишь ненамного больше, чем увеличилась численность населения, которое выросло за эту пятилетку на 10 % [60]. Лишь по бельевому и верхнему трикотажу задания семилетки были почти выполнены. Показательно, что даже такое далеко не полное выполнение плана по продукции легкой промышленности не привело к дефициту этой продукции. Напротив, как раз к концу пятилетки выявились большие излишки продукции этой отрасли, при недостатке, конечно, высококачественных ее продуктов. Таким образом, грандиозные планы по вводу мощностей в легкой и пищевой промышленности были сорваны. Правда, ввод прядильных веретен вырос почти в 3 раза, но ткацких станков – лишь в 1,5 раза, а обуви – даже меньше, чем в предыдущей пятилетке [61]. Производство хлопчатобумажных тканей в 1965 году так и не превзошло уровня США, составив лишь 66 % по сравнению с 57 % в 1960 году (ввиду того что население СССР в те годы было примерно на 15 % больше, чем в США, разрыв по производству на душу населения был еще больше), а по производству шерстяных тканей наша страна давно уже превзошла США, где потребность в них была значительно меньше, чем в СССР, из-за большого производства трикотажа. Что касается шелковых тканей, бельевого и верхнего трикотажа, то даже в 1970 году СССР очень значительно отставал по их производству на душу населения от США [62].

В отличие от легкой промышленности в пищевой имелись значительные успехи, несмотря на то что продукция сельского хозяйства росла в эту пятилетку медленно. Это объяснялось, в частности, тем, что в такой отрасли, как сахарная промышленность, для производства сахара начали в большом объеме использовать сахарный тростник, импортируемый из Кубы, с которой как раз в начале пятилетки были установлены широкие экономические связи. В результате производство сахара из тростника увеличилось почти в 2 раза, в то время как производство из сахарной свеклы – лишь на 30 % [63]. Исключительно большой рост выпуска продукции наблюдался в рыбной промышленности (на 63 %) за счет увеличения объемов вылова рыбы в открытом океане, что потребовало создания мощного траулерного флота. Почти

в 2 раза больше стали производить виноградного вина, что также потребовало расширения мощностей по выпуску винно-водочной продукции. На 74 % выросло производство растительных масел, на 45 % – производство консервов. Следует отметить огромный (почти в 7 раз) рост производства, возникшего фактически только в этой пятилетке, синтетических моющих веществ, которые по промышленной классификации относились к пищевой промышленности, хотя правильно было бы отнести их к химической промышленности. В то же время производство таких видов продукции пищевой промышленности, как мясомолочные и хлебобулочные изделия, продукция кондитерской промышленности, росло относительно медленно (на 29–30 % и меньше), но все же намного больше, чем выросло население СССР. По-видимому, качество многих видов пищевой продукции при таком большом росте их количества снижалось, хотя конкретных данных на этот счет мало.

Поскольку требовалось значительно расширить производственные мощности в соответствии с реально выросшим сырьевым обеспечением и предполагаемым его ростом, в отрасли осуществлялось интенсивное производственное строительство. В результате мощность электродвигателей в отрасли выросла с 5,1 до 7,8 млн кВт, т.е. более чем в 1,5 раза [64] при росте численности занятых лишь на 20 %, что привело и к значительному росту производительности труда в отрасли.

5.3. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Крупнейшим провалом в области экономики в эти годы стало сельское хозяйство, являвшееся основой для развития легкой и пищевой промышленности и подъема уровня жизни населения. Установленное семилетним планом задание по развитию сельского хозяйства (рост на 70 %), конечно, было совершенно не обоснованным. Оно опиралось на тенденции предыдущих лет, когда существовали легкодоступные резервы роста сельскохозяйственного производства, и не подтверждалось ни мировым, ни российским опытом. Уже первые два года выполнения семилетнего плана показали явную невыполнимость его заданий. В этот период сельскохозяйственное производство росло значительно медленнее намеченного, особенно в сравнении с производством в 1958 году, когда вследствие исключительно благоприятных климатических условий был отмечен максимальный уровень зернового

производства. По сравнению со среднегодовым производством рост все-таки был заметным, почти 5 % ежегодно [65], но и он в 1960 году почти прекратился, что уже было полным провалом. Справедливости ради следует отметить, что советское руководство в этот период обычно оперативно реагировало на провалы в экономике. Другое дело, насколько принимаемые меры оказывались результативными. Состоявшийся в январе 1961 года пленум ЦК КПСС весьма откровенно признал неэффективность сельского хозяйства в два предыдущих года, но причину усмотрел в недостаточных капитальных вложениях в сельское хозяйство, прежде всего в ирригацию и мелиорацию [66], что было справедливым, но односторонним. И хотя производство сельскохозяйственных машин после некоторой заминки в конце предыдущего пятилетия начало расти, почти полный застой сельскохозяйственного производства продолжался и в 1961–1963 годах. Особенно сильный удар сельскому хозяйству и сельскохозяйственной политике этого периода нанес катастрофический неурожай зерновых в 1963 году. Неурожай оказался почти таким же сильным, как в 1955 году [67]. Медленно развивались и другие отрасли сельскохозяйственного производства. Застой в сельском хозяйстве вызывал растущее недовольство населения и падение престижа советского руководства в мире. Хвастливые призывы догнать Америку по производству молока и мяса пришлось на время забыть. Требовались гораздо более действенные меры для развития сельского хозяйства, чем принимавшиеся в предыдущий период. Советское руководство и в первую очередь Н.С. Хрущев увидели выход из застоя сельского хозяйства в его химизации наряду с улучшением его технического оснащения, которое приводило все-таки больше к росту производительности труда, чем к увеличению производства продукции. Анализ показал, что советские сельскохозяйственные предприятия получали минеральных удобрений на 1 га сельскохозяйственных угодий во много раз меньше, чем сельскохозяйственные предприятия развитых капиталистических стран, и было правомерно искать здесь источник низкой урожайности многих сельскохозяйственных культур. Речь шла также об отставании в использовании других химических средств повышения продуктивности сельского хозяйства: химических средств борьбы с вредителями сельского хозяйства, химических кормовых белков и т.д., где отставание от развитых капиталистических стран было также огромным. Этот очевидный источник роста продуктивности сельского хозяйства ранее использовался слабо,

так как развитие химической промышленности требовало огромных капитальных вложений, а их можно было взять за счет других отраслей экономики, в том числе и военно-промышленного комплекса. Декабрьский пленум ЦК КПСС 1963 года разработал, можно смело сказать, грандиозную программу развития химической промышленности в интересах прежде всего сельского хозяйства. Предыдущая программа была разработана в 1958 году и, хотя привела к определенным успехам, все же оказалась значительно недовыполнена во многом в связи с тем, что ею пришлось пожертвовать в пользу военно-промышленного комплекса. Теперь, после достигнутого летом 1963 года смягчения международной напряженности и улучшения отношений с США, можно было надеяться на более успешное становление химической отрасли.

Общие итоги развития сельского хозяйства за анализируемый период, если полностью доверять данным советской сельскохозяйственной статистики, выглядят неудовлетворительными, хотя их и нельзя считать полным провалом. По сравнению с 1960 годом сельскохозяйственное производство в 1965 году, максимальном за пятилетку по объему, выросло на 12 %, что лишь немногим превысило рост населения, которое увеличилось за этот период на 10 % [68]. Бесспорно, на такой мизерный рост повлияли ограничения в личном подсобном хозяйстве, которые были введены в конце 50-х годов. Сельскохозяйственное производство в личных подсобных хозяйствах рабочих, служащих и колхозников выросло всего лишь на 2 %, что скорее можно признать успехом – при этих ограничениях. В то же время производство в общественном секторе выросло на 18 % [69]. Таким образом, надежда Н.С. Хрущева на то, что работники сельского хозяйства, освобожденные от забот о личном хозяйстве, используют свои трудовые ресурсы для более интенсивного труда в общественном хозяйстве, оправдались лишь в небольшой степени. Неудача в сельском хозяйстве была особенно заметной при сопоставлении с вложениями в него, осуществлявшимися преимущественно за счет государственных средств. Так, все энергетические мощности в сельском хозяйстве выросли за анализируемый период со 155,9 млн л.с. до 236,6 млн, или более чем на 50 %, а в абсолютном выражении прирост составил почти столько же, сколько за все предыдущее десятилетие [70]. Производство минеральных удобрений, почти совпадающее с их использованием внутри страны, выросло в 2,25 раза, в абсолютном выражении их при-

рост был в 2 раза больше, чем в предыдущее десятилетие [71], кормовых дрожжей – почти в 4 раза [72]. Правда, большие планы по ирригации выполнялись слабо: площадь выросла лишь на 5 %, или на 0,5 млн га при плане роста на 2–3 млн га [73]. Интригующим является то обстоятельство, что в то же время ввод в действие орошаемых площадей вырос на 1,5 млн га, или в 2 раза больше, чем в предыдущей пятилетке. Такое расхождение может означать либо вывод из орошаемых земель огромной площади, либо то, что эти введенные на бумаге площади по их техническому состоянию не были зачислены в орошаемые.

В чем же была причина столь неудовлетворительного развития сельского хозяйства в этот период? Часто в отечественной и западной экономической и исторической литературе указывается на неэффективность общественных форм ведения сельского хозяйства [74]. Нет слов, в сельском хозяйстве недостатки командной экономики обнаруживались наиболее ярко, поскольку быстро меняющиеся условия в этой отрасли особенно затрудняли централизованное руководство. Но это обстоятельство не помешало быстрому развитию сельского хозяйства в годы второй пятилетки, в 50-е годы в СССР и в ряде социалистических стран в те же 50-е годы. Что нового случилось в первой половине 60-х годов, что так сильно затормозило рост этой отрасли?

Доля сельского хозяйства в капитальных вложениях не уменьшилась по сравнению с предыдущим периодом, даже выросла (соответственно 15 и 16,2 %) [75]. Но в предыдущий период, очевидно, получить отдачу от этих вложений было легче, поскольку вовлекались в производство целинные земли. Денежные доходы работников сельского хозяйства в этот период росли даже быстрее, чем доходы работников остальных отраслей экономики [76]. Это происходило преимущественно за счет быстрого роста доходов от общественного хозяйства, но также в связи с ростом цен на колхозном рынке. Тем не менее наблюдался быстрый отток населения из деревни, особенно молодежи – подлинное бегство из деревни. Его можно объяснить огромным разрывом комфортности жизни в деревне и городе в эти годы. Деревня была лишена многих, как раз в этот период быстро растущих, благ городской цивилизации, которые так ценит население, особенно молодежь. Из-за неразвитости сферы услуг в сельской местности растущие денежные доходы нелегко было реализовать.

5.4. СТРОИТЕЛЬСТВО

Определение состояния и динамики строительства в данный период затрудняется главным образом одним обстоятельством: у меня нет данных о размерах военного строительства в широком смысле слова, включавшего и многочисленные военные объекты Министерства обороны, и предприятия оборонной промышленности. Очевидно, что это строительство было не просто значительным, оно могло сильно вырасти по сравнению с предыдущим периодом. Строительство стартовых площадок для ракет, шахт для их запуска, космодромов было весьма дорогостоящим. Кроме того, в этот период началось возведение исключительно затратного сооружения в интересах противовоздушной обороны – подземного города под Москвой и многих других объектов противовоздушной обороны (убежищ и т.д.). Возможно, именно сооружением этих объектов и объясняется частично столь интриговавшее и советских, и западных экономистов несоответствие между объемом производства в машиностроении и гражданском строительстве и колоссальным объемом производства проката черных металлов и цемента.

С указанной оговоркой, которая может означать, что мои оценки объема и динамики строительства занижены, охарактеризую положение в строительстве в седьмой пятилетке, опираясь на свои расчеты альтернативного индекса этой отрасли.

Выполнение намеченных огромных заданий по развитию экономики и повышению уровня жизни населения требовали дальнейшего разворота и без того огромного строительства. Можно выделить разные направления строительства: одни развивались бурно, а другие – относительно медленно. Среди аутсайдеров оказалось жилищное строительство. Оно достигло огромных масштабов в предыдущей пятилетке (на уровне самых передовых стран – в расчете на душу населения), и в дальнейшем наращивать его объемы было уже крайне тяжело, хотя намеченные объемы были несколько невыполнены. В некоторых неперспективных отраслях произошло даже свертывание строительства. К таким относились угольная промышленность (ее стали вытеснять уже в этот период нефтяная и газовая), где ввод мощностей снизился почти на 40 % по сравнению с предыдущей пятилеткой, и черная металлургия, по некоторым продуктам которой ввод мощностей также сократился [77]. В то же время очень значительным был ввод мощностей в электроэнергетике (165 %) – он и раньше был здесь значитель-

ным, сети газопроводов (129) и нефтепроводов (157), обеспечивавших развитие нефтяной и газовой промышленности, в легкой и пищевой промышленности (по 140 %) [78].

Заметный сдвиг наблюдался в ранее пренебрегаемом строительстве автомобильных дорог с твердым покрытием (375 %) – в этой области СССР отставал от других стран в расчете на душу населения и на единицу площади в десятки раз. Судя по огромному росту авиаперевозок, в этот период огромных масштабов достигло строительство объектов авиационного транспорта (аэродромов, аэровокзалов и т.д.). Очень значительно возрос ввод в действие мест в школах (200 %) и больницах (291 %). Таким образом, достаточно динамично развивалось строительство и в отраслях производственной, и непроизводственной сферы, ориентированной на нужды населения (сельское хозяйство, легкая и пищевая промышленность, школы и больницы, авиационный транспорт), и в тяжелой промышленности (электроэнергетика, цветная металлургия, нефтяная и газовая промышленность) – без каких-то явных предпочтений каждой из этих сфер.

Анализ этих весьма разнородных данных о строительстве в отдельных отраслях показал, что продукция строительства выросла за этот период на 29 % [79]. Это было намного меньше, чем в предыдущем пятилетии, когда рост составил, по моим расчетам, 50 %. Снижение динамики в строительстве проявилось более заметно, чем в промышленности, но здесь мог сказаться неучет строительства для обороны. Тем не менее и этот рост следует признать весьма большим, а достижения строительства в ряде областей (в том числе и в тех, о которых специально здесь не говорилось – как в химической промышленности) – даже выдающимися в количественном отношении и с точки зрения сложности решаемых строителями задач. Намного хуже выглядели технико-экономические показатели строительства. В этом отношении строительство повторило свой плохой «рекорд» предыдущей пятилетки, когда производительность труда не выросла вообще, при огромном росте технической оснащенности отрасли. В эту пятилетку производительность труда выросла на 7 % – такой рост, конечно же, был минимальным. Этот убогий результат имел место, несмотря на то что парк строительной техники в эту пятилетку вырос в 1,5–2 раза [80], а механооруженность на одного рабочего увеличилась на 38 %. И хотя в последнем показателе заложен немалый инфляционный компонент, даже с его учетом (в размере 15 %) рост все же был весьма существен-

ным. Очевидно, что такое неудовлетворительное положение должно было вызвать серьезное беспокойство у государственных органов, но этого, как и с лесной промышленностью, не произошло, в немалой степени из-за ошибочной статистической информации, показывавшей вполне удовлетворительную картину. По тем же расчетам, выросла на 7 % и материалоемкость продукции. Фондоотдача, если ориентироваться на пополнение парка основного оборудования, значительно снизилась. Одним словом, отрасль по экономическим показателям превратилась в больную – узкое место в экономике, оттягивая от других отраслей огромные ресурсы. При этом речь идет о важнейшей отрасли, в которой к концу пятилетки было занято только на строительном-монтажных работах более 5,6 млн человек [81], использовались огромные материальные ресурсы и от развития которой зависело развитие всего народного хозяйства.

5.5. СФЕРА УСЛУГ

После рассмотрения состояния и динамики сферы производства товаров в седьмой пятилетке перейду к рассмотрению отраслей сферы услуг. Оно будет намного более кратким. Во-первых, эта сфера в СССР была значительно меньше сферы производства товаров. Во-вторых, о ее развитии имеется намного меньше достоверных данных. В-третьих, для этой сферы я не делал альтернативных оценок и вынужден пользоваться лишь самыми достоверными из оценок официальной статистики.

Начну с транспорта. Наиболее важными изменениями в этой отрасли в данный период явилось стремительное развитие трех отраслей, которые ранее были в СССР развиты слабо. Речь идет о трубопроводном транспорте, морском транспорте и воздушном транспорте. Первые два вида транспорта использовались либо полностью, либо в основном для перевозки грузов, в то время как воздушный – преимущественно для перевозки пассажиров. Развитие трубопроводного транспорта было связано в основном с развитием в этот период нефтяной и газовой промышленности. Месторождения нефти и газа, как правило, отделены от потребителей значительными расстояниями, поэтому использование трубопроводов в транспортировке сырья было либо единственно возможным (для газа), либо наиболее дешевым. О гигантском размахе строительства трубопроводов в этот период уже говорилось выше, при

рассмотрении вопроса о развитии строительства и нефтегазовой промышленности. Можно сказать, что в эти годы окончательно сложилась огромная и сложнейшая в техническом отношении система трубопроводного транспорта как самостоятельная часть транспортной системы СССР. За рассматриваемый период грузооборот нефтепроводов вырос почти в 3 раза, а их протяженность – почти в 2 раза [82]. Протяженность газопроводов увеличилась за этот период почти в 2 раза, достигнув весьма солидной величины в 42 тыс. км, а прокачка ими газа выросла почти в 4 раза [83].

По экономическим и военно-стратегическим соображениям СССР в это пятилетие предпринял огромные усилия по расширению своего морского флота. До этого морской флот СССР был по сравнению с морским флотом крупных (а нередко и небольших) западных стран ничтожным по общему водоизмещению. Значительную часть внешнеторговых грузов приходилось поэтому перевозить на западных судах. Такой мизерный флот не мог осуществлять массовые секретные перевозки грузов и военнослужащих в отдаленные от СССР дружественные ему государства (например, на Кубу или в Конго). Закупив большое число морских сухогрузов и танкеров в других странах и обучив работе на них нужное количество специалистов, СССР сумел значительно расширить свой морской флот и объем перевозки грузов, в основном внешнеторговых. Что очень важно, благодаря такому обновлению и расширению морской флот, еще недавно оснащенный старыми судами, стал одним из самых молодых в мире. Объем грузооборота морского транспорта вырос за пятилетку почти в 3 раза (!), а перевозки грузов – почти в 2 раза [84]. При этом, несмотря на огромный количественный рост, который часто сопровождается ухудшением качественных показателей работы, здесь произошло явное их улучшение, практически по всем экономическим показателям. Особенно значительным был рост производительности труда одного работника, занятого на перевозках (более чем в 2 раза), что частично объяснялось не только увеличением средней дальности перевозок, изменением структуры перевозимых грузов, но и лучшими техническими показателями новых судов и хорошим их использованием. Одним словом, развитие морского транспорта можно считать крупным успехом советской экономики в этот период.

Еще одним крупным успехом было развитие воздушного транспорта. Он также был слабо развит в предыдущий период, потому что

мощности авиационной промышленности использовались в основном для военного самолетостроения. Не хватало средств и для дорогостоящего наземного обслуживания. В результате перевозки пассажиров в СССР авиатранспортом очень сильно уступали авиаперевозкам в США. Так, в 1960 году было перевезено лишь 16 млн пассажиров, на уровне США в 1950 году [85]. За анализируемый период перевозки пассажиров выросли почти в 3 раза, а пассажирооборот, в связи с ростом дальности перевозок, – более чем в 3 раза [86]. И отрыв от США, где авиапассажирские перевозки также стремительно росли, сократился по числу перевезенных пассажиров с 10 до 9 лет. К сожалению, в опубликованной статистике отсутствуют технико-экономические показатели воздушного транспорта.

О более быстром развитии указанных видов транспорта говорят и данные о росте их основных производственных фондов по сравнению с традиционными видами транспорта. Так, на железнодорожном транспорте производственные фонды выросли лишь на 30 %, на речном транспорте союзных республик – на 44, в то время как на морском и речном транспорте Министерства морского флота СССР – на 93, нефтепроводах – на 119, газопроводах – на 182, воздушном транспорте – на 98 % [87]. И хотя эти данные содержат немалый инфляционный компонент, они убедительно говорят о стремительном развитии в этот период прогрессивных видов транспорта, а при сравнении с ростом их продукции – и об улучшении использования основных фондов в этих отраслях транспорта.

Гораздо более скромными были темпы развития традиционных видов транспорта. Среди них ведущее положение по объему грузооборота и перевозкам пассажиров на дальние расстояния оставалось у железных дорог. Объем грузооборота железнодорожного транспорта увеличился за этот период на 28 %, вместо 49 % за предыдущий период [88]. Сокращение относительного прироста почти в 2 раза, помимо возросшей конкуренции других видов транспорта, прежде всего трубопроводного, и изменение структуры народного хозяйства в пользу менее грузоемких отраслей весьма наглядно демонстрировали замедление экономического развития СССР. Еще медленнее был прирост пассажирских железнодорожных перевозок (на 15 %), что уже определенно было связано с конкуренцией воздушного транспорта. Тем не менее серьезных нареканий на работу по объему перевозимых грузов железнодорожного транспорта в то время еще не высказывалось.

Расширение материально-технической базы железнодорожного транспорта было весьма ограниченным. Ввод новых железнодорожных линий, несмотря на исключительно высокую нагрузку существующей сети железных дорог, был незначительным: менее 7 тыс. км, с учетом и вторых путей. В основном средства вкладывались в коренную реконструкцию локомотивного хозяйства. В кратчайший срок, в течение 7–8 лет с начала этого процесса, основная часть перевозок стала осуществляться тепловозами и электровозами вместо паровозов. Таких темпов до того не наблюдалось ни в одной стране мира, и это следует признать крупнейшим экономическим и техническим достижением. Проводились и другие серьезные работы (автоблокировка и т.д.), в результате серьезно улучшились и экономические, и эксплуатационные показатели железнодорожного транспорта. Производительность труда одного работника, занятого на перевозках, выросла на 30,8 % [89] – весьма внушительный показатель, хотя и меньший, чем в предыдущей пятилетке. Заметно снизилась себестоимость перевозок грузов и пассажиров, прибыль выросла почти в 1,5 раза [90]. Улучшились все эксплуатационные показатели железнодорожного транспорта (средняя участковая и средняя техническая скорости движения грузового поезда, скорость движения пассажирского поезда, среднесуточный пробег локомотива в грузовом движении, средний вес нетто и брутто грузового поезда) [91].

Пожалуй, наибольшие трудности вызывает оценка деятельности в этот период автомобильного транспорта. Прежде всего он был расплывчат между транспортом общего пользования и ведомственным транспортом, рассредоточенным по десяткам тысяч производственных и торговых предприятий. Если по первому виду предприятий существовала, пусть и очень несовершенная, но регулярная статистика, то в автотранспортных цехах предприятий, где вели ее нерегулярно, она была еще менее достоверна. Приписки на автомобильном транспорте давно уже стали традицией.

Имеющиеся данные все же дают основания считать, что автомобильный транспорт в этот период относился к промежуточному виду между явно выраженными фаворитами (трубопроводный, морской, воздушный) и аутсайдерами (железнодорожный и речной) транспорта. О большом внимании, которое уделялось в этот период развитию автомобильного транспорта, говорит очень высокий прирост основных фондов шоссейных дорог и дорожного хозяйства (88 %) и автомобиль-

ного транспорта общего пользования (119 %) [92]. Последняя цифра несколько преувеличивает общий прирост основных фондов, поскольку относится к автотранспорту общего пользования, удельный вес которого в этот период заметно вырос. И, конечно, этот показатель тоже несет сильный инфляционный компонент, но общую тенденцию все же отражает.

При таком огромном росте основных фондов полученный рост грузооборота выглядит (особенно с учетом больших и скорее всего растущих приписок) весьма скромным, даже незначительным: лишь на 45 % [93]. Это говорит о крайнем неблагополучии в этом, огромном по численности занятых, секторе транспорта. И в самом деле, ни один вид транспорта не подвергался уже в этот период такой критике, как автомобильный транспорт, за приписки и бесхозяйственность. Статистический прирост производительности труда на 17 % по грузовому автотранспорту общего пользования не вызывает доверия и, в основной части, очевидно, является результатом статистических манипуляций. Очень скромным был рост прибыли на автомобильном транспорте общего пользования, намного меньшим, чем рост основных фондов, что означало резкое уменьшение рентабельности. Недаром один из первых экономических экспериментов в СССР по совершенствованию управления экономикой проводился именно на автомобильном транспорте как наименее благополучном.

Исключительно быстро в этот период росли перевозки пассажиров автобусами и легковыми такси: по пассажирообороту почти в 2 раза [94].

Связь в СССР традиционно была «пасынком» экономики. Это относилось даже к связи в вооруженных силах, ужасное состояние в этой сфере выявила только Великая Отечественная война. А что уж говорить об остальной связи, обслуживающей преимущественно нужды населения! Жалкое состояние связи в СССР лучше всего определялось мизерным числом телефонных аппаратов на душу населения. По этому показателю СССР долгое время отставал от развитых капиталистических стран в десятки раз. К тому же они обслуживались очень долгое время в значительной степени вручную, от чего на Западе отказались уже в 20-е годы. В удовлетворительном состоянии была только правительственная связь и связь некоторых ведомств (например, МВД).

Только с середины 50-х годов процесс модернизации экономики дошел до связи. Важным этапом в этом процессе явился рассматри-

ваемый период. Нагляднее всего поворот к нуждам связи отражает динамика основных фондов Министерства связи СССР: они выросли за пятилетку на 77 % [95], намного больше, чем по всей экономике. Плоды предпринятых усилий не замедлили появиться, об этом говорит рост продукции связи в стоимостном выражении, который при неизменных в то время тарифах отражал реальную динамику становления отрасли. Она выросла с 1,36 млрд р. в 1960 году до 2,01 млрд в 1965 году, или на 48 % [96]. Впрочем, отставание от США оставалось колоссальным. Для его характеристики воспользуюсь разницей в стоимости основных фондов: соответственно 3 млрд р. и 37 млрд долларов в 1963 году [97]. Другим показателем быстрого развития связи в этот период может служить увеличение численности занятых на предприятиях Министерства связи СССР – на 38 % вместо 21 % за предыдущую пятилетку [98]. За этот период заметно выросли все натуральные показатели развития связи: число предприятий связи (на 15 %), отправление писем (на 25), посылок (на 41 %, что частично отражало растущий дефицит потребительских товаров в провинции), газет и журналов (на 57), телеграмм, междугородных разговоров (на 39 %) [99]. Однако самым заметным результатом модернизации связи явилось увеличение числа телефонных аппаратов у населения – с 4,3 млн до 6,4 млн (почти на 50 %), но все еще мизерное количество для страны с населением более 200 млн человек, и значительное повышение удельного веса автоматической телефонной связи [100]. Существенно выросло в этот период количество радиоприемников и телевизоров у населения, а также число радио- и телестанций. В целом этот период, бесспорно, отмечен быстрым развитием связи в СССР, хотя она все еще оставалась «лилипутом» по сравнению со связью в других развитых странах. Что касается технико-экономических показателей связи, то они скорее всего даже ухудшились: прибыль в отрасли выросла меньше чем на 10 % [101] при росте продукции, напомним, почти на 50 %. Вероятно, это связано с чрезмерным увеличением численности занятых и ростом амортизационных отчислений по возросшим основным фондам.

Крупнейшей отраслью сферы услуг была розничная торговля (включая и общественное питание). В СССР после отмены нэпа она традиционно являлась неприоритетной отраслью как по материальной базе, уровню оплаты труда персонала, так и по характеру оказываемых услуг – узкий ассортимент товаров, низкое качество многих из них и

постоянный дефицит значительной части товаров. Положение во всех этих направлениях (кроме оплаты труда) начало заметно меняться к лучшему только после 1953 года. К началу 60-х годов по советским меркам заметно расширилась сеть магазинов и предприятий общественного питания, сократился товарный дефицит. Появился даже избыток некоторых товаров.

В соответствии с намеченными семилеткой огромными заданиями по росту национального дохода, по повышению уровня жизни населения и расширению сельскохозяйственного производства и производства продукции группы Б планировалось очень большое увеличение объема розничного товарооборота, улучшение его структуры и сети торговых организаций. Невыполнение заданий семилетки повлекло, естественно, и большое отклонение развития торговли от намеченных проектировок.

Динамика розничного товарооборота обеспечивалась возможностями его товарного наполнения за счет отечественного производства и импорта, который впервые в этот период стал важной частью товарооборота. С другой стороны, на объем торговли влияли урбанизация населения и денатурализация товарного обеспечения, и в связи с урбанизацией, и в связи с сокращением самообеспечения сельского населения некоторыми продовольственными товарами. Тем не менее рост розничного товарооборота всех видов торговли, даже по официальным данным, явно преувеличенным из-за скрытого роста розничных цен, вырос в текущих ценах (снижения цен в этот период не было) с 82,3 млрд р. в 1960 году до 108,4 млрд в 1965 году [102], или на 37 %. С учетом роста населения примерно на 10 %, а городского – на 15 % и реального роста розничных цен (видимо, на 10 %), душевой рост, таким образом, практически оказался небольшим. О развитии этой сферы лучше всего свидетельствует динамика численности ее организаций и занятости в ней. Число магазинов увеличилось за этот период на 14 % [103]. Учитывая, что новые магазины были просторнее и технически лучше оснащены и что одновременно реконструировались и старые магазины (число предприятий общественного питания увеличилось еще больше), можно говорить об умеренном росте основных фондов торговли, сопоставимом, впрочем, с их реальным ростом по всей экономике. В то же время численность занятых в торговле и общественном питании выросла на 33 % [104] – существенно больше, чем по всей экономике.

Самое заметное новое (в таких масштабах) явление в розничной торговле в этот период, наряду с дефицитом целого ряда товаров и целых товарных групп, – появление крупных товарных групп, по которым предложение превышало спрос. Это вызывало большое беспокойство советского хозяйственного руководства, так как создавались серьезные финансовые проблемы в самой торговле и для целых отраслей и подотраслей промышленности.

Впервые развернутое исследование этой проблемы в СССР было осуществлено Р. Локшиным. Он разделил стоимость запасов розничной торговли и розничного товарооборота на три группы: первая группа – товары, по которым спрос удовлетворялся; вторая группа – товары, по которым предложение превышало спрос; третья группа – товары, по которым спрос превышал предложение. Оказалось, что первая группа составила 26 % запасов и 31 % товарооборота, вторая группа – 55 % запасов и 31 % товарооборота и третья группа – 19 % запасов и 33 % розничного товарооборота [105] (по неясным причинам у автора исчезли 5 % розничного товарооборота). Новым в этом разделении являлось то, что столь значительная доля запасов и товарооборота принадлежала товарам, по которым предложение превышало спрос. К ним в начале 60-х годов относились сахар, шелковые и шерстяные ткани, швейные изделия, обувь и некоторые другие товары, которые, кстати, очень долгое время принадлежали к числу дефицитных. То обстоятельство, что только меньшая часть запасов и розничного товарооборота принадлежала к первой группе, говорит о неудовлетворительном состоянии розничного товарооборота. Причинами столь неудовлетворительного положения, сложившегося в этой отрасли со структурой розничного товарооборота, были не только очень серьезные ошибки в изучении спроса населения на потребительские товары, который в условиях почти всеобщего дефицита изучался очень плохо, но и негибкая система розничного ценообразования, не позволявшая изменять цены, даже если они не обеспечивали долгое время уравновешивание спроса и предложения. Обе эти проблемы в начале 60-х годов активно рассматривались в экономической литературе. Однако хозяйственная практика плохо прислушивалась к разумным советам некоторых экономистов, предлагавших шире использовать изменение розничных цен для уравновешивания спроса и предложения, не только в силу нетрадиционного для стандартной советской экономической теории и практики характера этих советов (хотя они

все же активно применялись в отдельные периоды в СССР), но и из-за опасения увеличением цен вызвать возмущение населения, привыкшего к постоянному снижению цен, и в связи с неумелым использованием этого инструмента. Так, повышение розничных цен на животноводческую продукцию летом 1962 года вызвало кровавые события в Новочеркасске, которые надолго отвратили государство от аналогичных попыток, при всей их экономической обоснованности.

Более быстрое, чем розничный товарооборот, наращивание численности работающих и производственных площадей при наличии большого объема нереализуемой продукции привело к серьезному ухудшению финансового положения торговли. Заметно выросли издержки обращения по отношению к объему товарооборота всех видов торговли [106] и произошло абсолютное сокращение объема прибыли в торговле в 1965 году по сравнению с 1960 годом [107]. Таким образом, торговля примкнула к другим отраслям, которые стали головной болью для советского руководства в этот период. При всем том нельзя сказать, что этой отраслью совсем пренебрегали, ведь налицо был рост и численности работающих, и производственных площадей. О существенном улучшении положения в торговле, о культуре торговли говорит, например, увеличение емкости холодильного оборудования, от которого зависит сохранность многих продовольственных товаров, а она выросла со 127 тыс. т в 1960 году до 369 тыс. в 1965 году [108], т.е. почти в 3 раза.

Из остальных видов услуг рассмотрю самые важные из них – образование и здравоохранение. Об образовании частично уже шла речь выше, при рассмотрении вопросов научно-технического прогресса. Из приведенных там данных видно, что эта отрасль развивалась очень быстро, особенно высшее, наиболее дорогостоящее и квалифицированное образование, включая аспирантуру. Частично о росте этой сферы говорит изменение численности учителей (без совместителей) в школах: с 2043 до 2497 тыс. человек [109], или на 22,2 %. Исключительно быстро увеличивалось число детей и, естественно, воспитателей в детских яслях и садах, в пионерских лагерях. Что касается высшей школы, то обращает на себя внимание колоссальный рост (в 2–3 раза) студентов по таким специальностям, как электронная техника, электроприборостроение и автоматика, радиотехника и связь, химические технологии, требующим очень дорогостоящей учебной базы и квалифицированных преподавателей.

Быстро развивалось в этот период и здравоохранение. Какие бы количественные показатели этой сферы мы ни взяли, они росли очень быстро: число врачей и среднего медицинского персонала (26,5 и 29 %), больничных коек (30 %).

В качестве обобщающих показателей развития всей сферы услуг я рассматривал долю сферы в численности занятых, долю в капитальных вложениях и бюджетные расходы. Доля непроизводственной сферы, которая почти совпадала со сферой услуг в этой пятилетке, выросла с 17 до 20 % [110], в капитальных вложениях (вместе с транспортом и связью) – с 26,8 % в шестой пятилетке до 30,2 % в данном периоде [111]. Расходы на просвещение и здравоохранение из государственного бюджета и других источников выросли с 19,3 млрд р. до 30,9 млрд [112], или более чем в 1,5 раза в текущих ценах и, как минимум, на 40 % в постоянных – огромное увеличение. Выросла и доля просвещения и здравоохранения в бюджетных расходах. Из приведенных данных следует два вывода. Во-первых, сфере услуг в этот период уделялось большое внимание и она уже не была «пасынком» экономики, как в 30–40-е годы. Во-вторых, СССР следовал общемировым тенденциям в развитии экономики, связанным с ростом доли сферы услуг в экономике, хотя эта доля все еще была значительно ниже, чем у развитых стран, что было связано и с разницей в уровне развития, и с невозможностью вследствие объективных условий развивать некоторые отрасли этой сферы слишком быстро, и с недооценкой значения некоторых ее отраслей (например, торговли), хотя и меньшей, чем в 30–40-е годы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 193.
2. Там же. – С. 158.
3. БСЭ. – 3-е изд. – М., 1978. – Т. 30. – С. 528.
4. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 232.
5. Там же. – С. 233.
6. Там же. – С. 235.
7. Там же. – С. 158.
8. Там же. – С. 236; Капиталистические и развивающиеся страны. – М., 1973. – С. 42.
9. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 237.
10. Там же. – С. 145.
11. Там же. – С. 160.

12. История социалистической экономики. – М., 1980. – Т. 7. – С. 271–272.
13. Начальник технического управления Минчермета СССР в статье «Планирование, отставшее от жизни» // Правда. – 1 июля 1956. Цит. по: *Антонов О. К.* Для всех и для себя / О. К. Антонов. – М., 1965. – С. 63–66.
14. *Иванцова И. П.* Научно-технический прогресс и структура металлопродукции / И. П. Иванцова. – М., 1977. – С. 82.
15. Там же. – С. 73.
16. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 245.
17. Исчислено по: *Иванцова И. П.* Научно-технический прогресс и структура металлопродукции / И. П. Иванцова. – М., 1977. – С. 119–120.
18. *Безансон А.* Русское прошлое и советское настоящее / А. Безансон. – Л., 1984. – С. 272.
19. *Яременко Ю. В.* Приоритеты структурной политики и опыт реформ / Ю. В. Яременко. – М., 1999. – Приложение. Табл. 11, 16.
20. БСЭ. – 3-е изд. – М., 1970. – Т. 1. – С. 491.
21. Там же.
22. *Ноткин А. И.* Общие вопросы структуры народного хозяйства СССР / А. И. Ноткин // Структура народного хозяйства СССР. – М., 1967. – С. 31–41.
23. *Ханин Г. И.* Динамика экономического развития СССР / Г. И. Ханин. – Новосибирск, 1991. – С. 161.
24. Там же.
25. «Японское чудо» и советская экономическая реформа. – М., 1991. – С. 88.
26. *Ханин Г. И.* Динамика экономического развития СССР / Г. И. Ханин. – Новосибирск, 1991. – С. 238–241.
27. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 200–201.
28. *Ладыженский Я.* Красноярск-26 / Я. Ладыженский // Дружба народов. – 1996. – № 8. – С. 131.
29. *Макнамара Р.* Путем ошибок к катастрофе / Р. Макнамара. – М., 1986. – Приложение 4.
30. Там же.
31. *Симонов Н.* Военно-промышленный комплекс СССР в 20–50-е гг. / Н. Симонов. – М., 1996. – С. 291.
32. Там же.
33. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 622.
34. Там же. – С. 215.
35. Там же. – С. 207.
36. Там же. – С. 193–194.
37. Там же. – С. 160–161.
38. Капиталистические и развивающиеся страны. – М., 1973. – С. 64–65.
39. *Аграновский А.* Избранное / А. Аграновский. – М., 1987. – Т. 1. – С. 90.
40. Там же.

41. *Аграновский А.* Избранное / А. Аграновский. – М., 1987. – Т. 1. – С. 93–94, 96.
42. Там же. – С. 98.
43. *Ханин Г.И.* Динамика экономического развития СССР / Г. И. Ханин. – Новосибирск, 1991. – С. 170.
44. История социалистической экономики. Т. 7. – М., 1980. – С. 233.
45. *Ханин Г.И.* Динамика экономического развития СССР / Г. И. Ханин. – Новосибирск. – С. 231–232.
46. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 282.
47. Там же. – С. 161.
48. Там же. – С. 272.
49. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1985. – Т. 9. – С. 350.
50. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 211.
51. Там же.
52. Там же. – С. 277, 279.
53. Там же. – С. 223.
54. Там же. – С. 211.
55. Там же. – С. 306.
56. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1988. – Т. 10. – С. 351–352.
57. Там же. – С. 352.
58. Там же. – С. 367.
59. Там же. – С. 351.
60. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 290.
61. *Ханин Г.И.* Динамика экономического развития СССР. – Новосибирск, 1991. – С. 231.
62. СССР и зарубежные страны. – М., 1987. – С. 166–169.
63. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 308.
64. *Ханин Г.И.* Динамика экономического развития СССР / Г. И. Ханин. – Новосибирск, 1991. – С. 261–262.
65. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 326.
66. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1986. – Т. 10. – С. 19–21.
67. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 370.
68. Там же. – С. 7, 329.
69. Там же. – С. 329.
70. Там же. – С. 454.
71. Там же. – С. 251.
72. Там же. – С. 262.
73. Там же. – С. 420.
74. *Hanson P.* The Rise and Fall of the soviet economy / P. Hanson. – N.Y.; L., 2003. – P. 76–79.

75. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 618–619.
76. *Свердлик Б.* Общественный продукт и денежный оборот / Б. Свердлик. – Новосибирск, 1981. – С. 141.
77. *Ханин Г. И.* Динамика экономического развития СССР / Г. И. Ханин. – Новосибирск, 1991. – С. 230–231.
78. Там же.
79. Там же. – С. 172.
80. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 640.
81. Там же. – С. 648.
82. Там же. – С. 572.
83. Там же.
84. Там же. – С. 533.
85. Там же. – С. 592; Экономика капиталистических стран. – М., 1959. – С. 932–933.
86. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 592.
87. Транспорт и связь СССР. – М., 1972. – С. 29.
88. Там же. – С. 92.
89. Там же. – С. 109.
90. Там же. – С. 111.
91. Там же. – С. 104–108.
92. Там же. – С. 29.
93. Там же. – С. 18.
94. Там же. – С. 246–247.
95. Там же. – С. 29.
96. Там же. – С. 273.
97. Структура народного хозяйства СССР. – М., 1967. – С. 75.
98. Транспорт и связь СССР. – М., 1972. – С. 299.
99. Там же. – С. 274.
100. Там же. – С. 28.
101. Там же. – С. 300.
102. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 711.
103. Там же. – С. 741.
104. Там же. – С. 733.
105. *Локшин Р.* Производство товаров и платежеспособный спрос / Р. Локшин // Плановое хозяйство. – 1963. – № 1. – С. 25.
106. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 734.
107. Там же. – С. 738.
108. Там же. – С. 749.
109. Там же. – С. 778.
110. Там же. – С. 646.
111. Там же. – С. 620.
112. Там же. – С. 888.

Глава 6

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Как же менялся уровень жизни населения в данный период? Здесь надо выделить четыре основных показателя этого уровня. Во-первых, продолжительность жизни; во-вторых, уровень потребления материальных благ (включая обеспеченность жильем); в-третьих, развитие общественных фондов потребления; в-четвертых, продолжительность рабочего дня.

Наибольшие успехи в СССР при рассмотрении уровня жизни были достигнуты в продолжительности жизни. Еще в конце 50-х годов СССР, отставая по многим другим показателям уровня жизни от развитых стран, по этому показателю почти сравнялся с развитыми странами. За исключительно короткий срок – немногим более 30 лет, с 1926–1927 годов по 1958–1959 годы, она выросла с 44 до 69 лет, или на 25 лет [1]. Такого стремительного улучшения этого показателя не было тогда ни в одной из несоциалистических стран. По этому показателю СССР отставал от развитых стран всего на несколько лет, от многих – всего на 1–2 года [2]. В анализируемом периоде этот показатель вырос на 1 год и достиг 70 лет, что тоже было существенным успехом, ибо, как и в других развитых странах, по мере увеличения средней продолжительности жизни и приближения ее к 70 годам дальнейший рост этого показателя резко замедлялся и составлял за 5 лет 1 год [3]. Таким образом, по динамике этого показателя СССР в рассматриваемый период развивался, как и другие цивилизованные страны, не лучше, но и не хуже.

Значительно хуже обстояло дело с потреблением материальных благ. Это следует из уже сказанного выше о развитии легкой и пищевой промышленности, сельского хозяйства, производства товаров культурно-бытового назначения. В общем-то, здесь прогресс был

несомненным. Но он, во-первых, был относительно невелик; во-вторых, сопровождался товарным дефицитом; в-третьих, оказался весьма неравномерным для отдельных категорий населения; в-четвертых, далеко не соответствовал недавним правительственным обещаниям изобилия материальных благ в ближайшие 10–20 лет. На третьем пункте следует остановиться отдельно. Дело в том, что материальные блага распределялись в СССР традиционно неравномерно как в территориальном разрезе, так и по социальным группам. В географическом аспекте привилегированными были крупные промышленные и административные центры, прежде всего Москва и Ленинград. В социальном аспекте привилегированными были высший и средний чиновничий аппарат, жители закрытых городов, видные ученые и деятели культуры и, конечно, работники торговли и те, кто их проверял, кто им покровительствовал, и т.д. Неравномерность в обеспечении материальными благами приводила к тому, что даже при их небольшом росте в целом по стране привилегированное меньшинство могло быстро наращивать это потребление, а большинство населения при этом потребляло меньше материальных благ. Это создавало у большинства населения ощущение, что жить стало хуже. Видимо, такое положение как раз и сложилось в рассматриваемом периоде, что объясняет небывалое ранее усиление социальной напряженности, выразившейся в крупных социальных волнениях (Караганда, Новочеркасск и т.д.). К сожалению, отсутствуют опубликованные материальные балансы в территориальном разрезе, чтобы можно было проиллюстрировать высказанное утверждение конкретными цифрами. Тем более, нет таких опубликованных данных в социальном разрезе.

Если взять средние данные по стране, ориентируясь на бюджет населения, то из них видно, что по продовольственным продуктам произошел весьма скромный (на 6–8 % за весь период) по сравнению с предыдущим периодом рост душевого потребления наиболее качественных продуктов питания (мяса и мясных изделий, молочных изделий, яиц, рыбных изделий, овощей и бахчевых), на 15 % – сахара, это произошло при естественном сокращении душевого потребления низкокачественных продуктов (хлебобулочных изделий и картофеля) [4]. Эти данные хорошо корреспондируют с производством и экспортно-импортным сальдо по указанным продуктам. Если верить официальным данным о производстве, гораздо больше увеличилось душевое потребление таких высококачественных продуктов, как фрукты и яго-

ды (в 1,5 раза), виноград (тоже в 1,5 раза), виноградное вино (почти в 2 раза) [5].

Что касается непродовольственных товаров, то произошло весьма незначительное увеличение душевого потребления всех видов тканей, включая и те, по которым спрос удовлетворялся явно недостаточно, весьма заметный (почти на 40 %) рост ранее слабо развитого потребления верхнего и бельевого трикотажа, чулочно-носочных изделий и более чем на 20 % кожаной обуви [6].

По товарам культурно-бытового назначения, по часам душевые продажи даже несколько сократились, так как этими товарами были к тому времени обеспечены все взрослые жители СССР; несколько выросли душевые продажи радиоприемников, хотя они тоже были почти в каждой семье. В то же время более чем в 2 раза выросли душевые продажи таких еще редких для советских домашних хозяйств предметов, как телевизоры и холодильники, почти в 3 раза – стиральные машины [7]. Почти не увеличились продажи уже широко распространенных и дешевых товаров культурно-бытового назначения: мотоциклов и велосипедов. В целом обеспеченность населения такими товарами, как телевизоры и холодильники, выросла на 1000 человек почти в 3 раза, стиральных машин – почти в 4 раза, пылесосов – более чем в 2 раза [8]. При всем том обеспеченность этими дорогостоящими предметами оставалась весьма низкой (например, 69 телевизоров на 1000 человек населения) и они были доступны лишь наиболее обеспеченным группам населения. Самым большим пробелом в обеспечении населения потребительскими товарами можно считать отсутствие тогда массового производства легковых автомобилей.

Если просуммировать приведенные наиболее достоверные, не искаженные скрытым ростом цен, данные, то вырисовывается картина пусть скромного, но вполне определенного роста потребления материальных благ, на душу населения сопоставимого с душевым ростом валового национального продукта, хотя и скошенного в пользу наиболее привилегированных слоев населения, что вызывало (наряду с растущими трудностями приобретения нужных товаров) недовольство большей части населения в течение почти всего этого периода.

Как я уже говорил, заметную роль в обеспеченности населения потребительскими товарами сыграл в этот период рост потребительского импорта. Непосредственно к поставкам товаров народного потребления кратковременного пользования относились две статьи структуры

экспорта и импорта: «продовольственные товары и сырье для их производства» и «промышленные товары народного потребления». Исходя из объема экспорта и импорта в инвалютных рублях в 1960 и 1965 годах было исчислено сальдо экспорта и импорта за эти годы. В 1960 году импорт по этим статьям превысил экспорт на 684 млн р., а в 1965 году – уже на 1701 млн р. [9]. Может показаться, что сальдо менее 2 млрд р. по сравнению с розничным товарооборотом, превышающим 100 млрд р., – малозначимый фактор динамики розничного товарооборота. Однако надо иметь в виду, что валютный курс рубля был существенно завышен вообще, а по непродовольственным товарам народного потребления в особенности – нередко во много раз. Так что роль рассмотренного фактора была весьма значительна.

Обращает на себя внимание тот факт, что основная часть прироста этого сальдо пришлась на 1964–1965 годы. За 1958–1963 годы, т. е. за пять лет, оно выросло с 637,7 млн р. до 935,6 млн, или всего лишь почти на 200 млн р. [10], а за эти два года – более чем на 700 млн р.

Нельзя считать совпадением, что именно в 1965 году были достигнуты самые высокие в этот период темпы роста розничного товарооборота: по официальной оценке, в 9,9 % по сравнению с 3,6 – 6,2 % в предыдущие годы [11]. Очевидно, что новое послехрущевское руководство таким образом пыталось завоевать свой авторитет в глазах населения.

Особенностью данного периода является упор при повышении уровня жизни населения не на увеличение индивидуальной оплаты труда, а на увеличение объема общественных фондов потребления как более соответствующих, по мнению советского руководства, природе социалистического общества. В эти фонды включались многообразные выплаты населению, не связанные с оплатой труда, и предоставление бесплатных услуг. В расчете на душу населения эти выплаты и формы поощрения выросли со 127 до 182 р. [12], или более чем на 40 %, т. е. были намного выше, чем по потреблению большинства материальных благ на душу населения. При всей важности подобного источника повышения доходов населения следует обратить внимание на то, что упор именно на этот фактор, не связанный, как правило, с индивидуальным трудовым вкладом отдельных работников, создавал опасность ослабления материальных стимулов к труду и развития паразитизма у отдельных граждан.

Жилищное строительство оставалось, пожалуй, единственным крупным сегментом уровня жизни, где, по крайней мере на первый

взгляд, произошло ухудшение положения. Число построенных квартир на 1000 человек населения сократилось весьма заметно: с 12,1 до 9,7 [13]. Очевидно, что советская экономика в этот период ввиду замедленных темпов своего развития уже не могла, как в предыдущей пятилетке, добиваться улучшения всех показателей, определявших уровень жизни, и чем-то приходилось жертвовать. Тем не менее и по этому показателю в конце рассматриваемого периода СССР находился вполне на уровне подавляющего большинства развитых стран [14]. Эти данные, однако, могут ввести в заблуждение. И размер квартир, и их комфортность в СССР намного уступали жилищному строительству в капиталистических странах. При всем том гигантское городское жилищное строительство обеспечило заметное улучшение жилищных условий населения, в основном городского. Городской жилищный фонд за данный период увеличился с 958 млн до 1238 млн м², т.е. намного больше, чем наблюдался тогда рост городского населения, в результате чего многие миллионы советских граждан улучшили свои жилищные условия.

Если просуммировать приведенные данные об уровне жизни населения СССР в этот период, то напрашивается вывод о несомненном его росте, однако намного меньшем, чем было намечено в семилетнем плане и программе партии, где он выглядел вполне сравнимым с ростом уровня жизни в капиталистических странах. Положение дел омрачалось растущим товарным дефицитом, низким качеством многих потребительских товаров и все более явной неравномерностью в их использовании по географическому признаку и социальным группам.

Были ли возможности большего роста уровня жизни населения при той же динамике валового внутреннего продукта? Самые значительные резервы заключались в экономии на военных расходах, и я покажу, как уже с 1962 года этот резерв начал использоваться. Большое сомнение вызывает возможность экономии на производственных капиталовложениях – мысль, уже в тот период высказывавшаяся некоторыми экономистами, ссылавшимися на гипертрофию производства группы А в структуре промышленной продукции по сравнению с другими странами, по которым можно было произвести сопоставимые расчеты. В пользу этой точки зрения, казалось, говорило и увеличение разрыва между темпами роста групп А и Б в тот период, а также обнаружившаяся гипертрофия парка отдельных видов оборудования (например, металлорежущих станков). Этой проблеме уделял много вни-

мания в своих работах данного периода такой крупный экономист, как А.И. Ноткин. Он убедительно, на мой взгляд, показал, что экономия на производственных капиталовложениях затруднила бы технический прогресс в экономике, рост производительности труда и, в конечном счете, замедлила бы и повышение уровня жизни населения. В частности, он обратил внимание на начавшееся уже с 50-х годов увеличение среднего возраста оборудования промышленности и на слабое развитие ряда отраслей промышленности СССР, которое требовало увеличения вложений в эти отрасли [15].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 182.
2. Там же.
3. *Росетт Э.* Продолжительность человеческой жизни / Э. Росетт. – М., 1981. – С. 211.
4. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 697.
5. Там же. – С. 410–411.
6. Там же. – С. 308.
7. Там же. – С. 696.
8. Там же. – С. 698.
9. Структура народного хозяйства СССР. – М., 1967. – С. 42.
10. Там же.
113. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 59.
114. Там же. – С. 674.
11. Там же. – С. 175.
12. Там же.
13. Структура народного хозяйства СССР. – М., 1967. – С. 39–45.

Глава 7

СОСТОЯНИЕ ФИНАНСОВОЙ И ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМ

Растущие трудности в развитии советской экономики в первой половине 60-х годов не могли не сказаться на состоянии кредитно-финансовой системы и денежного обращения в СССР. Несмотря на официальный и скрытый рост розничных и оптовых цен, медленным оказался прирост доходов государственного бюджета (при том, что доля средств, остающихся у предприятий, не изменилась): соответственно 21 и 25 млрд р. за шестую и седьмую пятилетки, а в относительном выражении снизился с 34 до 32 % за пятилетку [1]. Хотя формально сохранялся бездефицитный бюджет, но эта бездефицитность в отличие от прошлых послевоенных лет была достигнута с большим трудом: пришлось пойти на такую болезненную «операцию», как повышение розничных цен на животноводческие продукты для уменьшения размера субсидий сельскому хозяйству; пришлось сократить и военные расходы. Как отмечает хорошо знавший «кухню» советского бюджета В.К. Ситнин: «...уже в начале 60-х годов появились первые симптомы бюджетного дефицита» [2]. И это, как отмечает Ситнин, создало дополнительное напряжение в денежном обращении, ослабило контроль за эмиссионной директивой. Тут надо бросить упрек и А.Н. Косыгину. Лично руководя Минфином и Госбанком, он не мог не знать о складывавшихся там трудностях, но никаких мер к пресечению «либерализма» в финансовой политике не предпринимал [3]. В связи с превышением роста денежных доходов населения над расходами выросли «ножницы» между ними, которые, по оценкам известного советско-американского экономиста И. Бирмана, составили в 1960 году 2 млрд р., а в 1965 году – уже 4 млрд [4]. Сумма вкладов населения в

сберегательные кассы и Госбанк СССР в этот период выросли в 1,8 раза (намного быстрее роста денежных доходов), а в абсолютном выражении – лишь на 1 млрд р. меньше, чем за предыдущие 10 лет [5]. Можно сказать, что в этот период в СССР началась инфляция. Она лишь в небольшой степени коснулась преysкуранных цен, которые выросли в этот период всего только на 1 % (вместо их падения в целом в предыдущие 13 послевоенных лет), но поднялись на нерегулируемом колхозном рынке на 13 % [6]. Еще вроде не очень много, но лиха беда начало. Довольно быстрым был скрытый рост розничных и оптовых цен, с которым почти перестали бороться. Многочисленные примеры скрытого роста розничных и оптовых цен в этот период приводит О. Антонов в своей книге «Для всех и для себя», о которой я уже упоминал. По моим расчетам, оптовые цены в этот период выросли в целом по народному хозяйству на 11,5 %, в том числе скрытый их рост составил 8 %, на уровне предыдущей пятилетки [7].

Прорывы в финансовом хозяйстве предприятий в этот период все шире стали покрываться кредитами Госбанка СССР, получившего дополнительные ресурсы за счет выросшей денежной эмиссии. За эту пятилетку краткосрочные кредиты Госбанка выросли почти так же, как за предыдущие 10 лет [8]. Старые кредиты зачастую покрывались предприятиями за счет новых.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Плышевский Б. П.* Национальный доход СССР за 20 лет / Б. П. Плышевский. – М., 1964. – С. 101, 148; Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 886.
2. *Ситнин В. К.* Из опыта финансово-кредитных реформ в СССР / В. К. Ситнин // Проблемы прогнозирования. – 1994. – № 6. – С. 47.
3. Там же.
4. *Бирман И.* Экономика недостатч / И. Бирман. – Н.У., 1983. – С. 74.
5. Народное хозяйство в 1967 году. – М., 1968. – С. 699.
6. Торговля СССР. – М., 1987. – С. 74, 341.
7. *Ханин Г. И.* Динамика экономического развития СССР / Г. И. Ханин. – Новосибирск, 1991. – С. 214.
8. Денежно-кредитная система СССР. – М., 1967. – С. 310.

Глава 8

ИЗМЕНЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

8.1. СТРУКТУРНАЯ ПОЛИТИКА

Одно из наиболее заметных направлений изменения экономической политики в этот период – рецентрализация управления экономикой – уже было рассмотрено в главе 1. Оно, бесспорно, как было уже показано, способствовало некоторому повышению эффективности экономики Советского Союза. Но радикального улучшения дел в стране, как следует из итогов развития экономики СССР в 1963–1965 годах, не произошло. Качество продукции, особенно потребительских товаров, оставалось низким, производительность труда росла медленно, отставание от развитых капиталистических стран не преодолевалось и т.д. Становилось очевидным, что, во-первых, требовались иные направления изменения экономической политики; во-вторых, нужно было еще больше ужесточить и модифицировать рецентрализацию либо найти другие методы повышения эффективности экономики.

Рассмотрю эти иные направления изменения экономической политики. Здесь прежде всего встают вопросы структурной политики, а среди них – уровень военных расходов и положение военно-промышленного комплекса в экономике страны. Пока развитие экономики шло быстро, гипертрофия военных расходов не ощущалась столь болезненно. Когда развитие страны замедлилось, неизбежно должен был возникнуть вопрос о том, по силам ли СССР столь большие военные расходы. Единственным местом, где этот вопрос мог обсуждаться, был Президиум ЦК КПСС, а единственным человеком, который мог его поставить, был Н.С. Хрущев. И он действительно его поставил, и довольно быстро – после появления серьезных экономических трудностей. Впервые Н.С. Хрущев высказался по этому поводу на заседании Президиума ЦК КПСС 31 мая 1962 года при обсуждении вопроса

о корректировке заданий контрольных цифр развития народного хозяйства на оставшиеся годы семилетки. (Пользуясь случаем, отмечу, что само обсуждение этого вопроса свидетельствует о том, что советское руководство достаточно серьезно относилось к разработке среднесрочных планов развития советской экономики. Я пишу об этом в связи с тем, что некоторые квалифицированные читатели моей предыдущей книги, ссылаясь на известные исследования американского экономиста Евгения Залесского по истории советского планирования, утверждали, что среднесрочные планы носили чисто пропагандистский характер, и поэтому выделение в моей книге пятилетних планов как этапов в развитии советской экономики носит искусственный характер.) Говоря о военных расходах в плане и бюджете на следующий год, он сказал: «... мы сократили на 2,4 млрд р. и, видимо, еще 3 млрд р. набьют в старых ценах [1]». Таким образом, впервые после середины 50-х годов было принято решение о сдерживании наращивания военных расходов. И это на пике противостояния с США по берлинскому вопросу и на фоне уже принятого решения о поставке наших ракет с ядерными боеголовками на Кубу. Можно сказать, что принятое тогда решение переломило, пусть на время, тенденцию к непомерному росту советских военных расходов, ставших непосильным бременем для экономики страны. Использование данных межотраслевого баланса, опубликованных в книге Ю.В. Яременко, позволяет более конкретно определить динамику материальной части военных расходов в этот период. Если взять их важнейшую часть, связанную с поставками военной техники (обозначенной там как «прочее конечное потребление»), то выяснится, что поставки военной техники наращивались вплоть до 1963 года включительно (с 4,2 до 6,48 млрд р.), притом как раз в 1963 году – особенно интенсивно (с 4,9 млрд р. в 1962 году до 6,48 млрд в 1963 году) [2], и, следовательно, слова Хрущева о сокращении относились к первоначальным планам еще более резкого их наращивания, да еще почему-то в старых ценах. Однако уже в 1964 году их рост был минимален, а в 1965 году произошло их резкое сокращение (с 6,62 до 5,79 млрд р.) [3]. И как раз в 1965 году резко увеличились поставки продукции машиностроения для личного потребления населения, что позволяет предположить начало процесса конверсии военного производства, о чем, кстати, свидетельствуют, в частности, и приводившиеся выше воспоминания Я. Ладыженского о налаживании производства холодильников на Красноярском машиностроительном заводе.

8.2. УЛУЧШЕНИЯ МЕТОДОВ ПЛАНИРОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ

Одним из направлений экономической политики в стране стала ориентация на централизацию управления экономикой. Практическая ориентация на централизацию не исключала сомнений в потенциале этого направления, вызванных растущей сложностью экономики и разнообразием потребностей населения. Важную роль в совершенствовании методов централизованного управления экономикой играло внедрение в практику планирования и управления электронно-вычислительной техники. Было очевидно, что успешно управлять столь сложным объектом, как современная экономика огромной страны, с помощью счет и арифмометров (в лучшем случае – счетно-перфорационных машин) невозможно. Техника управления катастрофически отставала от объекта управления. В этой связи можно было утверждать, что переход к планированию и социализму произошел преждевременно. Казалось, что создание ЭВМ (тогда еще крайне несовершенных) позволяло подвести под социалистическую систему адекватную ей материально-информационную базу. Уже говорилось о том, что как раз в семилетнем плане развитию электронно-вычислительной техники придавалось первостепенное значение, притом не только для научно-военных целей, но и для нужд экономики. Однако требовалось также создать научную базу для использования ЭВМ в планировании и управлении советской экономикой. Эта задача, конечно, не могла быть решена быстро. Как раз в начале 60-х годов в этой области наблюдался огромный приток молодых научных сил экономистов и математиков. Усиленно и успешно перенимался западный опыт по таким направлениям, как линейное программирование, межотраслевой баланс, эконометрика. Не ясно было только, как перестроить всю систему планирования и управления под новую техническую базу. Требовалось народнохозяйственное видение этой задачи. За нее взялся молодой тогда специалист по вычислительной технике и крупный математик В.М. Глушков из Академии наук Украины. Он исходил из того, что в советской экономике возник кризис управления, связанный с неспособностью органов управления эффективно справляться с огромным потоком экономической информации, аналогичный тому кризису, который возник когда-то в общинно-родовом строе и привел к его разрушению и переходу к товарно-денежным отношениям и пирамидаль-

ным иерархическим структурам [4]. Весьма удачное сравнение, поскольку советская экономика была в сущности во многом безденежной. Этот кризис управления Глушков и его единомышленники надеялись преодолеть с помощью электронно-вычислительной техники, «коллективного мозга». Вряд ли тогда существовали и научные, и технические условия для решения такой задачи. Но это не означает, что даже тогда нельзя было улучшить качество планирования и управления на предложенной основе.

Первоначально Глушкову и его идеям сопутствовала удача. Идея создания общегосударственной автоматизированной системы управления, выдвинутая Глушковым и поддержанная пользовавшимся большим авторитетом у советского руководства президентом Академии наук СССР М.В. Келдышем, получила также одобрение А.Н. Косыгина, в результате чего была создана комиссия под председательством В.М. Глушкова по подготовке соответствующего постановления правительства, куда вошли такие влиятельные тогда научные работники и чиновники, как академик Н.П. Федоренко, начальник ЦСУ В.Н. Старовский, первый заместитель министра Министерства связи СССР и другие работники органов управления [5]. Так возникла необычная для тех условий структура, в которой члену-корреспонденту Академии наук подчинялись академики и министры.

Глушков избрал необычный и очень плодотворный путь изучения экономики и управления ею. Он имел возможность (и пользовался ею) «прийти в любой кабинет – к министру, председателю Госплана – задавать вопросы или просто сесть в уголке и смотреть, как он работает, что он решает, как решает, по каким процедурам и т.д. Я получил разрешение ознакомиться по-своему выбору с любыми промышленными объектами» [6]. Этот осознанный метод изучения управления имел большие достоинства, ибо позволял выявить реальные проблемы управления. «За 1963 год он изучил работу Госплана СССР с помощью ответственных работников оборонных отделов, которые оказывали ему, видимо, особую поддержку, ЦСУ СССР, побывал не менее чем на 100 объектах предприятий и организаций самого различного профиля – от заводов и шахт до совхозов» [7]. После этого был разработан первый эскизный проект Единой государственной сети вычислительных центров. Этот проект до 1977 года был секретным [8]. В этот проект была включена и плодотворная идея безденежных расчетов насе-

ления, которую исключили по совету Келдыша. Проект был поддержан и В.С. Немчиновым. «К сожалению, – вспоминает Глушков, – после рассмотрения проекта комиссией от него почти ничего не осталось, вся экономическая часть была изъята, осталась только сама сеть. Изъятые материалы уничтожались, сжигались, так как были секретными. Нам даже не разрешили иметь копию в институте. Поэтому мы не можем их восстановить» [9]. Основным противником проекта выступил В.Н. Старовский. Под его влиянием А.Н. Косыгин сделал фактически основным его разработчиком ЦСУ СССР, в результате чего в проекте осталась одна статистика, против чего возражал уже Госплан СССР, которому в конце 1964 года поручили доработать проект, чем он и занимался еще два года. До 1968 года проект еще, как вспоминал Глушков, «мусолили-мусолили». Не читая проекта, трудно судить, каков был бы его эффект (многие коллеги Глушкова считали, что был упущен уникальный шанс для спасения советской экономики). Одно остается бесспорным: идея создания сети вычислительных центров была через два года подхвачена американцами [10]. Глушкова же в этот период активно не поддержали ни А.Н. Косыгин, ни М.В. Келдыш, ни его друзья из военно-промышленного комплекса. Обращаться к общественности было бессмысленно: ее не существовало. Как и независимых средств массовой информации.

8.3. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ

Другим направлением совершенствования экономической системы были очень осторожные экономические эксперименты и дискуссии по децентрализации управления экономикой и расширению товарно-денежных отношений. То, что им давали возможность проявиться, говорило о многом. Значит, эта идея бродила в головах некоторых советских руководителей, прежде всего Хрущева, но окончательного и твердого решения принято не было: надо обсудить и попробовать. Получится – хорошо, нет – не поздно дать «задний ход».

Тем не менее то обстоятельство, что статьи ведущих «товарников» того периода (Е.Г. Либерман, В.С. Немчинов) печатались и обсуждались в центральных органах партийной печати, говорит, как минимум, о доброжелательном отношении руководства партии и страны к этим взглядам, хотя допускалась и их цивилизованная критика. Об этой дискуссии будет рассказано ниже. Не менее важно то, что одновре-

менно (с 1964 года) начались экономические эксперименты по расширению хозяйственной самостоятельности предприятий. При всей ограниченности их масштаба они также говорили о направлении экономических поисков.

Наиболее значительными были два эксперимента: в легкой промышленности и на автомобильном транспорте. Оба они начались в 1964 году. Эксперименты проводились в самых неблагополучных отраслях экономики: в легкой промышленности – из-за низкого качества продукции и неудовлетворительного ассортимента изделий, в автотранспорте – из-за чудовищной неэффективности и столь же чудовищных приписок. Проводились аналогичные эксперименты и в строительстве («Главмосстрое»), еще одной крайне неблагополучной отрасли. В легкой промышленности двум швейным объединениям (московской «Большевичке» и горьковскому «Маяку») было предоставлено право работать по заказам торговли [11]. С 1965 года аналогичные права были предоставлены обувным и швейным предприятиям крупнейших городов европейской части страны и предприятиям, поставляющим им материалы. Эти предприятия могли теперь сами устанавливать планы по объему производства и номенклатуре продукции, а также другие технико-экономические показатели, которые раньше устанавливались им в директивном порядке. Единственным директивным показателем оставалась прибыль. Работа этих предприятий оценивалась по выполнению принятых ими обязательств перед торговыми предприятиями и плана по прибыли. Были введены жесткие санкции за нарушение сроков выполнения принятых обязательств [12].

Очевидно, что этот эксперимент явился отходом от централизованного регулирования и крупным шагом к рыночному регулированию. Понятно, что такое решение вносило диссонанс во всю систему планирования и управления. Оставался нерешенным самый главный вопрос о методах установления оптовых и розничных цен на заказываемую продукцию. Предприятия могли уклониться от выпуска малорентабельной продукции. Здесь неизбежны были разногласия между торговыми организациями и предприятиями промышленности. В экономической литературе нет исследований, подводящих итоги этого эксперимента. Они, очевидно, и не могли появиться в тех условиях, когда от эксперимента практически отказались. Имеющиеся в периодической печати того периода данные говорят о лучшем удовлетворении спроса торговли и о сокращении выпуска продукции в натураль-

ном выражении вследствие более высоких требований к качеству продукции. Поскольку от всей промышленности (и легкой в том числе) по-прежнему требовали объемных показателей – уже одно это должно было вынудить руководство экономикой страны отказаться от начатого эксперимента. При более разумном экономическом и политическом руководстве вполне можно было, хотя и не без серьезных проблем, совмещать разный уровень централизации в зависимости от отраслей экономики, как это и делалось в ряде социалистических стран Европы и Азии и в то время, и впоследствии (двухуровневая экономика). Возможно, Хрущев и пошел бы на этот шаг. О его понимании такой необходимости свидетельствуют воспоминания бывшего министра торговли СССР Д.В. Павлова. Еще в 1958 году Хрущев говорил Павлову: «Торговля должна строиться на принципе купли-продажи. Где выгодно, пусть покупают торговые организации без вмешательства Минторга» [13]. Впрочем, это намерение так и не осуществилось до последнего года руководства Н.С. Хрущева, несмотря на поддержку руководителей торговли. У Косыгина, ставшего его преемником на посту главы правительства, не хватило либо желания, либо сил продолжить и расширить этот эксперимент.

Другой эксперимент по децентрализации экономики проводился с несколькими грузо-автоперевозочными предприятиями, начавшими работать по заказам потребителей. Автотранспорт уже в то время характеризовался исключительной неэффективностью и огромными приписками, для сокрытия этой неэффективности. Включенным в эксперимент предприятиям также резко сократили число директивных показателей (с 30 до одного – прибыли). Автоперевозчики значительно лучше стали удовлетворять потребности клиентов, но потеряли интерес (и возможности) к припискам, что неблагоприятно сказывалось на отчетных показателях отрасли. И здесь тоже возник вопрос о цене на разновыгодные перевозки. Этот эксперимент в конце 1965 года был значительно расширен [14]. Результат не замедлил сказаться: грузооборот автомобильного транспорта, возраставший в предыдущую пятилетку в среднем на 4,6 млрд т-км в ед., в 1966 году вырос менее чем на 2 млрд т-км [15]. И это при том, что в сфере эксперимента оказалась лишь небольшая часть отрасли. Для помешанной на «показухе» части советского правящего слоя такое ухудшение показателей трудно было перенести. Уже в следующем году эксперимент был прекращен, и показатели отрасли вернулись к привычному уровню роста.

Таким образом, исключительно важные эксперименты по расширению прав предприятий, не вписавшись в общую систему управления экономикой, были свернуты уже в конце 1966 года, несмотря на многие положительные результаты. Потребовалось еще 20 лет, чтобы в СССР вернулись к этим идеям. Как видим, в этот период не были проведены меры ни по улучшению централизованного планирования, ни по децентрализации управления экономикой (о характере экономической реформы 1965 года будет сказано в следующей, третьей, части книги).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Президиум ЦК КПСС 1953–1964. – М., 2003. – С. 560.
2. *Яременко Ю. В.* Приоритеты структурной политики и опыт реформ / Ю. В. Яременко. – М., 1999. – Приложение.
3. Там же.
4. *Моев В.* Бразды управления / В. Моев. – М., 1974. – С. 82–84.
5. *Малиновский Н.* История вычислительной техники в лицах / Н. Малиновский. – М., 1995. – С. 154.
6. Там же. – С. 156.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же. – С. 157.
10. Там же. – С. 161.
115. Экономический ежегодник. – М., 1965. – С. 90–91.
11. Там же. – С. 92–93.
12. *Павлов Д.* Стойкость / Д. Павлов. – М., 1979. – С. 284.
13. *Рывкина В.* Социальный эксперимент / В. Рывкина, А. В. Винокур. – Новосибирск, 1968. – С. 86.
14. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 576.

Глава 9

ДИСКУССИЯ ВОКРУГ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ

Растущие трудности советской экономики в начале 60-х годов подтолкнули часть правящего класса СССР задуматься о существенной корректировке сложившегося за предыдущие три десятилетия хозяйственного механизма в сторону его децентрализации и усиления роли товарно-денежных отношений, что способствовало бы сближению, хотя бы частично, с хозяйственным механизмом капиталистических стран. Для традиционного советского политического мышления и советской идеологии, жестко противопоставлявшей социализм капитализму и убеждавшей в преимуществах первого, такое решение было и нелегким, и опасным, так как размывало основы советской политической и идеологической системы. К тому же такая точка зрения была далеко не бесспорна: реальные отличия советского хозяйственного механизма и его институтов от западных рыночных были слишком велики, чтобы допустить успешное их перенесение на советскую экономику. Существовал и отрицательный опыт децентрализации экономики в СССР и других социалистических странах во второй половине 50-х годов. Не убеждала в преимуществах расширения товарно-денежных отношений и аргументация о достижениях советской экономики в период нэпа, поскольку нэп оказался неспособным решить задачи реконструктивного периода.

Открыл дискуссию (и в этом была ее важная особенность) профессор из провинциального вуза – Е.Г. Либерман. Его статья под скромным заголовком «План, прибыль, премия» была опубликована в газете ЦК КПСС «Правда» 9 сентября 1962 года. Само место публикации придавало высказанным в статье взглядам оттенок респектабельности: «Правда» не станет печатать чепуху. Нет смысла в работе по экономи-

ческой истории (а не истории экономической мысли) подробно пересказывать содержание статьи, тем более что впоследствии ее идеи многократно излагались и в других работах советских экономистов и хозяйственников. В статье указывалось на широко известные недостатки командной экономики в СССР. Отличался от общеизвестного вывод из приводимых фактов. Автор утверждал, что выход из этих трудностей состоит в значительном расширении хозяйственной самостоятельности предприятий, в улучшении системы индивидуального, и особенно коллективного, материального стимулирования, в ориентации последней на показатель прибыли и рентабельности, традиционно (и справедливо) привязываемых к рыночной и капиталистической экономике. Первое время дискуссия носила весьма вялый характер. Она явно оживилась во второй половине 1964 года. Толчком к расширению дискуссии послужила статья в журнале «Коммунист», № 5, за 1964 год очень авторитетного и уважаемого за статистические исследования и независимое от властей поведение (например, во время биологической дискуссии 1948 года) экономиста – академика В.С. Немчинова, возглавлявшего тогда Отделение экономики АН СССР. Изложенные в его статье взгляды повторяли содержание вышедшей в начале 1963 года брошюры «О дальнейшем совершенствовании планирования и управления народным хозяйством». Эта брошюра привлекла внимание научных работников, в то время как статья, вышедшая в теоретическом журнале ЦК КПСС, заинтересовала гораздо более широкий круг и научных работников, и многих практиков. Журнал получил множество откликов на эту статью и в № 15 за тот же год опубликовал уборым шрифтом обширный обзор этих откликов [1].

И брошюра, и статья В.С. Немчинова содержали, наряду с объективной критикой состояния существовавшего тогда хозяйственного механизма (за исключением научно-технического развития), весьма обширный и комплексный проект значительного расширения товарно-денежных отношений и децентрализации экономики, который автор назвал переходом к хозрасчетному планированию. Этот проект включал в себя и достаточно новаторский пересмотр взаимоотношений предприятий и государства с помощью формирования на конкурсных началах государственного заказа, и децентрализацию ценообразования, и новые методы формирования директивных цен по формуле социалистической цены производства, и постепенный переход от материально-технического снабжения к свободной торговле средствами

производства, и повышение роли прибыли и рентабельности при оценке деятельности предприятий. Предлагалось ввести плату за фонды для обеспечения лучшего их использования. Можно сказать, что в данный период это был всеобъемлющий план перехода к частично рыночным отношениям в СССР, хотя сам этот термин автором не использовался и заменялся эвфемизмом хозрасчетного планирования.

Обсуждение статьи Немчинова в «Коммунисте» носило совершенно объективный характер. Излагались и доводы сторонников идеи хозрасчетного планирования, их соображения по улучшению предлагаемого в статье механизма, и доводы противников этой идеи. Никаких идеологических ярлыков не использовалось, хотя еще недавно тот же журнал резко критиковал за аналогичные идеи руководство Югославии, опыт которой по переходу к рынку был весьма противоречив – скорее негативным.

Доводы большинства сторонников статьи мало что добавляли к самой статье. Пожалуй, наиболее интересным было мнение Я.Г. Либермана (не путать с Е.Г. Либерманом) о необходимости социалистического соревнования (эвфемизм конкуренции) между предприятиями и организациями, в явном виде фигурировавшего в статье только применительно к методам формирования государственного заказа.

Гораздо содержательнее были выступления противников идеи Немчинова. В качестве примера приведу мнение М. Федоровича. «Для того чтобы в наших условиях можно было размещать план-заказы между предприятиями, надо располагать во всех отраслях промышленности избыточными производственными мощностями, загружая те из них, которые являются в техническом отношении наиболее совершенными... Избыточными же мощностями мы, как правило, не располагаем... А что делать, если не найдется предприятий, желающих принять к исполнению заказ на новые изделия и предпочитающих выпускать привычную для них продукцию? Очевидно, что в этом случае, придется возвратиться к обычному, директивному планированию... Предлагаемая система хозрасчетного планирования практически неосуществима... Применение хозрасчетного планирования еще больше осложнило бы технику планирования и, в конце концов, в результате бесконечных «увязок» – «парализовало» бы все управление народным хозяйством. Директивное планирование – основа социалистического хозяйства» [2]. Как нетрудно заметить, Федорович весьма точно подметил присущее многим сторонникам реформирования советской эко-

номики недодуманность их предложений. Весьма обоснованные возражения выдвигались и против перехода к оптовой торговле средствами производства ввиду опасности его реализации для обеспечения приоритетных нужд экономики.

Заметное влияние на ход дискуссии оказало выступление в «Правде» от 17 августа 1964 года авторитетного специалиста в области автоматического управления академика В.А. Трапезникова, поскольку традиционно в СССР голос «технарей» звучал весомее голоса «гуманитариев», пользовавшихся во многом заслуженно небольшим авторитетом и у общественности, и у советского руководства. Под красноречивым заголовком «За гибкое экономическое управление предприятиями» автор, ссылаясь на неэффективность мелочного и детального административного управления (в том числе и в области научно-технического развития, хорошо знакомого ему), предлагал перенести тяжесть управления на использование многочисленных экономических регуляторов, к которым он относил переменные цены, процент за кредит, налоги, штрафы и т.д., не раскрывая механизма их образования.

В защиту расширения хозяйственной самостоятельности предприятий и роли прибыли как основного показателя их деятельности в августе – сентябре 1964 года в печати выступили Е.Г. Либерман, известный экономист Л.А. Леонтьев и некоторые авторитетные хозяйственники. Отметив безответственность органов управления и сбыта, некоторые хозяйственники видели выход в создании на их основе хозяйственных производственных и сбытовых объединений [3]. О переводе производства и торговли на коммерческую основу писал не кто иной, как председатель Госкомитета Совета министров СССР по торговле А. Струев в «Правде» 15 декабря 1964 года [4], деятельность которого и снизу, и сверху критиковали за товарный дефицит.

Очень заметным явлением в экономической дискуссии явилась книга крупного авиаконструктора Олега Антонова «Для всех и для себя», вышедшая в 1965 году. Ее влияние определялось не только высказанными в ней идеями или даже фактами. Она была необычно для того времени написана: умно и ярко. Автор брал из печати многочисленные примеры неэффективности советской экономики: расточительство, низкое качество изделий, медленный научно-технический прогресс, и во всех этих негативных явлениях из самых разных отраслей экономики находил общую причину. Для средств производства такой общей причиной оказывалось несовершенство оценок деятельности предпри-

ятий по промежуточным результатам, а не по конечным, учитывающим качество и полезность изделий. Для предметов потребления причиной являлось отсутствие влияния потребителя на оценку деятельности торговых предприятий, предприятий сферы услуг и, в конце концов, всей сферы производства потребительских товаров и услуг. В конечном счете беды советской экономики автор видел в отсутствии или слабости обратных связей. Он полагал возможным установить такие цены, которые учитывали бы качество и полезность продукции средств производства, а в потребительской сфере предлагал сделать судьей потребителя, в сущности ликвидировав директивное планирование вообще [5]. Непонятно было, однако, как быть с многочисленными продуктами, обслуживавшими обе сферы. Оставалось и много других вопросов, которые обходил или не видел талантливый автор. Самым ярким в этой книге оставалось впечатление о явной неэффективности существующего хозяйственного механизма. Намного слабее, как и у других советских авторов того времени, выглядела позитивная сторона.

Еще одним заметным литературным документом той дискуссии явилась небольшая по объему книга Геннадия Лисичкина «План и рынок». Тоже весьма живо написанная, она аргументировала необходимость перехода к рынку (это страшное для советских экономистов того времени слово, наконец, было произнесено!) сравнением военного коммунизма и нэпа – в пользу нэпа. Автор широко использовал высказывания Ленина с обоснованием нэпа и достижениями нэпа для своей аргументации. Почти забытый для большинства советских людей того времени нэп был возрожден как удачный пример успешного социалистического хозяйствования. А с высказываниями Ленина, даже относящимися к другой эпохе, нелегко было спорить официальным идеологам.

Поскольку реальная история нэпа была тогда почти неизвестна (советские историки, естественно, были еще менее правдивы, чем экономисты), а объяснение успехов нэпа условиями восстановительного периода далеко не всем было понятно, эта книга долгое время, несмотря (или благодаря) на критику в печати во второй половине 60-х годов, считалась многими наиболее удачной для обоснования необходимости сочетания плана и рынка (как это обеспечить на практике, автор говорил весьма туманно).

Наконец, ставшие к этому времени весьма популярными среди советских экономистов сторонники оптимального планирования тоже,

косвенно, внесли свой вклад в развернувшуюся дискуссию. Демонстрируемая ими взаимосвязь экономических оценок с конкретной экономической ситуацией для лучшего использования ресурсов подталкивала экономическую мысль к рациональности рыночных цен.

Каков же был «сухой остаток» от этой дискуссии для советского руководства? Она убедила часть хозяйственного руководства в целесообразности расширения товарно-денежных отношений, но внушила также сомнения в целесообразности слишком быстрых шагов в этом направлении не только в силу их опасности для сложившейся социальной системы, но и из-за их явной недодуманности самими экономистами, для чего просто не было времени и интеллектуальных сил.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Социалистическое хозяйство и планирование производства // Коммунист. – 1964. – № 15. – С. 47–58.
2. Там же. – С. 50–51.
3. Экономический ежегодник. – М., 1965. – С. 162.
4. Там же. – С. 164.
5. Антонов О. К. Для всех и для себя / О. К. Антонов. – М., 1965. – С. 240.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Период 1961–1965 годов – один из самых противоречивых в развитии советской экономики и советского общества. В это время уже отчетливо проявилось исчерпание сложившихся после смерти Сталина методов управления экономикой, обнаружился кризис либеральной модели командной экономики. Советскому «экономическому чуду» 50-х годов пришел конец. Вместе с тем, поскольку по инерции старые сталинские методы управления еще действовали, как и кадры, сформировавшиеся в тот период, даже частичное возрождение методов классической модели командной экономики в середине данного периода позволило оживить хозяйственную жизнь, ускорить экономическое развитие. Советской экономике в эти годы еще удавалось успешно решать крупные народнохозяйственные задачи (развитие военной промышленности, военной электроники, электроэнергетики, нефтяной и газовой промышленности, химической промышленности, ряда отраслей пищевой промышленности, морского, трубопроводного и воздушного транспорта, выпуска предметов культурно-бытового назначения долговременного пользования и т.д.). Советское руководство своевременно, за отдельными исключениями, реагировало на возникавшие экономические проблемы и использовало привычные методы их решения: изменение организационных структур, смена руководства, методы материального поощрения, выделение дополнительных капитальных вложений, повышение требовательности к кадрам. Эти меры давали частичный результат, обнаруживая сохранявшуюся жизнеспособность советского общества. Однако советской экономике все труднее удавалось в этот период решать одновременно четыре основные задачи: создание условий для устойчивого экономического роста, повышение уровня жизни населения, увеличение военных расходов, оказание экономической и военной помощи своим союзникам. Одной из них приходилось жертвовать.

Наибольшие трудности в советской экономике возникали при решении следующих задач: развитие собственного научно-технического потенциала, повышение качества и разнообразия продукции, особенно потребительских товаров, лучшее использование имевшихся ресурсов, проникновение на требовательные внешние рынки. Неспособность решать эти задачи демонстрировали и методы хозяйствования, и интеллектуальный потенциал общества, особенно в гуманитарной области, ослабленный в предшествующий советский период. Попытки восстановить этот потенциал в послесталинский период давали частичные результаты. В эти годы оживилась интеллектуальная жизнь: «разгорелись» содержательные экономические дискуссии, выдвинулись новые имена талантливых ученых, создавались крупные научные центры с более свободным интеллектуальным климатом, усилилась критика состояния научно-технического прогресса. Однако совершить поворот в интеллектуальной области так и не удалось. В сложившейся в предшествующий период политической системе СССР практически невозможно было выдвинуться лидеру с выдающимися способностями, необходимыми для выдвижения новаторской политической и экономической программы. Эту проблему понял Сталин незадолго до смерти и попытался совершить перестройку политической системы СССР в направлении ее демократизации и выдвинуть новых лидеров, относительно молодых и ярких, но смерть (возможно, насильственная для предотвращения этих изменений) сорвала эту попытку¹.

Советское руководство в первый послесталинский период непрерывно сталкивалось с дилеммой: возврат к мягкой (без массовых репрессий) форме сталинской системы или политическая и экономическая либерализация. Опираясь на доставшийся в наследство производственный и человеческий потенциал и заимствования зарубежных научно-технических достижений, оно имело возможность избегать крайних решений, относительно успешно лавируя между этими крайними решениями. Другой дилеммой был структурный выбор: между инвестиционными, военными и потребительскими нуждами. В этом

¹ Ханин Г.И. «Оттепель» и «перестройка» начались при Сталине (гипотеза) // ЭКО. – 2005. – № 9.

вопросе выбор был более очевиден: как и в середине 50-х годов частично пожертвовали нуждами непомерно разросшегося военно-промышленного комплекса.

Крупные научно-технические достижения в ряде областей создавали иллюзию благополучия с интеллектуальным потенциалом. При этом в явном виде не ставился вопрос о его в значительной степени заимствованном характере. Самое же главное, игнорировалась проблема слабости гуманитарного интеллектуального потенциала, подорванного десятилетиями пренебрежения его развитием и прямым его подрывом в результате физических и моральных репрессий, крайнего ослабления гуманитарного высшего образования. Советская политическая система заостенела, а интеллектуальная жизнь в гуманитарной сфере все более напоминала интеллектуальную пустыню. В этой обстановке трудно было ожидать успехов в реформировании политической и социально-экономической жизни.

ЧАСТЬ III

**СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИКА
В 1966–1987 годах**

ВВЕДЕНИЕ

В отличие от предыдущего периода продолжительностью всего лишь в пять лет, эта часть моей работы охватывает более 20 лет. Такая хронология экономических событий в СССР определяется тем, что хотя в стране происходили некоторые изменения в экономической политике и в экономическом положении, которые будут отмечены в тексте, в целом это был относительно однородный период с достаточно устойчивыми экономическими и политическими тенденциями. Впоследствии это время будет названо периодом «застоя». Это, конечно, весьма неточное название, создающее впечатление экономического «застоя». Между тем экономический прогресс в данный период наблюдался, а в отдельных отраслях экономики он был значительным и впечатляющим. Но он был затухающим и с каждой пятилеткой все менее существенным, просто поддерживаясь инерцией предыдущего периода. Зачастую он обеспечивался внешними благоприятными факторами (например, ростом мировых цен на нефть). В экономике накапливалось все больше и больше диспропорций и противоречий, а советское руководство не принимало серьезных мер по их устранению или уменьшению. В стране царил идейный и политический «застой». Тревожные голоса отдельных экономистов и ученых других специальностей о состоянии экономики либо заглушались, либо игнорировались. Парадное благополучие обеспечивалось лживой макроэкономической статистикой. Удачное определение этого периода содержится в названии сборника статей, вышедшего в конце перестройки: «Погружение в трясину»¹. Именно в эти годы, внешне благополучные, подрывались моральные, кадровые и идейные возможности дальнейшего прогресса советского общества, что проявилось в последующем развитии советского и российского общества.

¹ Погружение в трясину (Анатомия застоя). – М., 1991.

Глава 1

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

1.1. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА 1965 ГОДА: ЗАМЫСЕЛ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ

Наиболее заметным событием в институциональных изменениях начала этого периода была экономическая реформа 1965 года. Заметным – не значит значительным. Хотя на начальном этапе в различных комиссиях по формированию содержания реформы участвовали немногие сторонники радикальных, для того времени, реформ экономической системы рыночной направленности (Л. Вааг, И. Бирман, В. Белкин, некоторые другие), окончательный ее вариант формировался сторонниками несущественных изменений в экономической системе, убежденных противников рыночной экономики при социализме (например, И. Малышев) и ветеранов командной системы (А. Коробов, А. Бачурин) [1].

Следует обратить внимание на то, что с самого начала экономическая реформа готовилась применительно только к одной отрасли экономики, пусть и ведущей – промышленности. Изменения в хозяйственном механизме сельского хозяйства были определены на мартовском пленуме ЦК КПСС 1965 года, не затронутыми реформой оказались транспорт, внешняя и внутренняя торговля, система управления НИОКР, многие другие области экономики. Уже только этим определялся ее ограниченный характер.

Основные направления экономической реформы в промышленности были определены сентябрьским пленумом ЦК КПСС 1965 года [2]. В развитие этих решений были приняты два постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР, детализирующие принятые на пленуме решения [3]. Одно из них касалось системы управления промыш-

ленностью, другое – собственно экономической реформы. Внимательное ознакомление с содержанием принятых в сентябре 1965 года решений относительно изменения порядка планирования и экономического стимулирования промышленного производства показывает, что слово «реформа» для них было слишком сильным. Никаких существенных изменений в экономическую систему эти решения не внесли. В сущности они очень напоминали проведенные в конце 50-х годов в некоторых восточно-европейских странах меры по децентрализации экономики, которые быстро показали там свою неэффективность и вредность, о чем я уже писал выше (часть II, § 1.1).

Намеченные в решениях мероприятия включали следующее:

- некоторое сокращение числа обобщающих плановых показателей за счет устранения таких качественных показателей, как уровень производительности труда, себестоимость продукции, а также численность занятых и средняя заработная плата. Вместо них в качестве обобщающих качественных показателей были избраны прибыль и рентабельность продукции по отношению к стоимости основных оборотных фондов. Предполагалось в соответствии с высказанными в ходе дискуссии многочисленными доводами ряда экономистов, что прибыль и рентабельность в качестве директивных показателей окажутся более удачной характеристикой эффективности работы предприятий, чем названные выше показатели;
- повышение роли коллективных видов материального стимулирования, зависящих от результатов деятельности всего предприятия;
- принятие уровня прибыли и рентабельности, ранее игравших второстепенную роль при оценке деятельности предприятий, в качестве основных показателей при формировании коллективных видов материального стимулирования (при выполнении плана по номенклатуре продукции);
- установление объема реализованной продукции в качестве основного показателя объема производства вместо валовой продукции;
- повышение роли хозяйственных договоров во взаимоотношениях предприятий вместе с «туманным» обещанием постепенного перехода к оптовой торговле средствами производства.

В совокупности данные мероприятия должны были означать переход от формального хозрасчета к полному хозрасчету.

В решениях сентябрьского пленума ЦК КПСС предусматривались мероприятия по улучшению планирования работы предприятий,

в частности, по повышению роли перспективного планирования и по недопущению частых корректировок текущих планов, которые к этому времени стали подлинным бедствием для народного хозяйства.

Для обеспечения нормальной работы предприятий предполагалось в 1967 году реформировать оптовые цены промышленности с целью ликвидации убыточности ряда отраслей и уменьшения дифференциации в уровне рентабельности по отдельным продуктам. Повышалась роль кредита в хозяйственной деятельности предприятий. Произошли некоторые изменения в финансовой системе: введены плата в бюджет от стоимости основных фондов и фиксированные платежи в связи с более благоприятными природными условиями.

В 1967–1969 годах были приняты постановления о переходе на аналогичные условия с учетом отраслевых особенностей совхозов и капитального строительства. Для успешного проведения экономической реформы в 1967 году была проведена реформа оптовых цен на промышленные товары, которая ликвидировала убыточность некоторых отраслей, устранила чрезмерную рентабельность других и создала условия для выполнения финансовых мероприятий реформы и образования предусмотренных реформой фондов экономического стимулирования и платежей в бюджет.

Поскольку намеченные мероприятия повышали роль связываемых с рыночным хозяйством категорий (прибыль, рентабельность, кредит, цена, договор) и сокращалось число директивных обобщающих (именно обобщающих, а не всех) показателей, многим экономистам и внутри СССР, и за границей казалось, что советская экономика сделала большой шаг к реформированию на рыночных началах, произошла, как тогда говорили на Западе, «либерманизация» (по имени Е.Г. Либермана) советской экономики. Но анализ предусмотренных мероприятий, а тем более анализ практики их осуществления показывает, что эти мероприятия носили чисто внешний, поверхностный, во многом показной характер, ничего общего с рыночной экономикой не имевший.

Прежде всего сохранялись основы командной экономики: директивное установление величины этих показателей, независимо от реальных потребностей экономики и населения, поскольку план по номенклатуре и централизованное распределение продукции оставались неизменными, хотя утверждаемые Советом министров СССР задания по номенклатуре сократились, преимущественно за счет их укрупнения, в 2 раза и составили в 1968 году всего 615 наименований [4].

Неизменным оставалось и директивное установление оптовых и розничных цен, уровней оплаты труда и процента за кредит. В этих условиях за «капиталистическими» наименованиями сохранялось вполне социалистическое содержание. Такие поверхностные изменения нельзя назвать реформой иначе как в кавычках. Если сопоставить эти меры с проводившимися изменениями в хозяйственном механизме некоторых социалистических стран в конце 50-х годов, то даже по сравнению с теми ограниченными и малоуспешными реформами советские выглядят особенно куцыми. Так, в СССР даже не предусматривалось, в отличие от восточно-европейских стран, создание производственных объединений. Не произошло и децентрализации ценообразования и планирования номенклатуры продукции. Это не означает, что мероприятия никак не повлияли на развитие промышленности. Влияние было и весьма отрицательное. Неудачи «реформы» вынужден признать даже такой ее сторонник, как тогдашний председатель Госплана СССР Н. Байбаков, что не помешало ему уже через несколько страниц своих воспоминаний писать об успехах советской экономики в результате проведения этой «реформы» [5].

Наиболее важным последствием «реформы» 1965 года явились даже не ее непосредственные результаты, а поданные ею сигналы экономической науке и практике о заимствовании капиталистических методов хозяйствования вместо трудных поисков методов, присущих социалистической экономике. Таким образом, вслед за вынужденным техническим заимствованием СССР встал на путь социального заимствования, расписавшись в неспособности найти оригинальные решения своих экономических проблем. И это при том, что такие решения, вырванные из иного социально-экономического контекста, заведомо могли давать намного худшие результаты.

Некоторое сокращение круга директивных обобщающих показателей и привязка части материального поощрения к таким показателям, как прибыль и рентабельность, усилили существовавшую и ранее возможность обхода государственных и общественных интересов с выгодой для коллектива, особенно для его руководства. В то же время провозглашавшиеся цели повышения эффективности экономики, качества продукции и лучшего удовлетворения запросов потребителей не были достигнуты, так как не обеспечивались проводившимися мерами.

Отступления от общегосударственных интересов в виде скрытого роста оптовых цен и нарушения планового ассортимента в новых

условиях стали обыденными. Они влияли на новые показатели, особенно на прибыль и рентабельность, гораздо сильнее, чем на старые. Например, на выполнение заданий по снижению себестоимости продукции они почти не влияли, а в стоимости валовой продукции доля прибыли была невелика. Ощутимее они влияли на уровень оплаты труда, которая теперь уже зависела в гораздо большей степени от фактического роста этих показателей. Причем все эти старые способы нарушать плановую дисциплину получили большие возможности для своей реализации еще и в силу продолжавшейся деградации хозяйственного аппарата, который все меньше был способен противостоять антигосударственным действиям руководителей предприятий. Больше того, промышленные министерства получали план в тех же показателях и поэтому становились вольными или невольными соучастниками этих действий. С другой стороны, те мероприятия, которые должны были способствовать улучшению качества продукции и удовлетворению нужд потребителей (повышение роли хозяйственных договоров и постепенный переход к оптовой торговле средствами производства), так и не были реализованы, поскольку для этого не создавались необходимые условия, да и не было особого желания у государственного руководства их создавать. Такое мероприятие, как повышение роли кредита в жизни предприятий, было использовано для затыкания дыр в финансовом хозяйстве, ибо старые кредиты, как правило, погашались новыми, к которым был открыт широкий доступ. Иными словами, советское руководство совершило все те ошибки, которые в конце 50-х годов совершили по неопытности руководители восточно-европейских стран и от которых они отказались в начале 60-х годов. Но в СССР не дошли до осознания значимости создания производственных объединений, которые получили широкое распространение в европейских социалистических странах уже в конце 50-х годов. Сложившийся хозяйственный механизм в нашей стране соединил все худшие стороны и командной, и рыночной экономики.

Что же было причиной таких явно неудачных изменений в хозяйственном механизме? Выскажу свою гипотезу. Те, кто готовил проект реформы, и не собирались производить серьезных изменений в хозяйственном механизме. Им было указано учесть научную критику, и они учли ее самым простым и, как им казалось, неопасным для системы способом, введя некоторые предлагавшиеся учеными показатели, лишив их реального позитивного содержания. Возможно, кое-кто из

авторов рассчитывал таким образом скомпрометировать новые идеи, что и случилось. В лучшем случае, мы имеем дело с посредственностью авторов реформы. У высших же государственных руководителей не хватило ни квалификации, ни ума, чтобы эти намерения обнаружить и предотвратить. Снижение интеллектуального уровня государственного руководства к этому времени стало уже очевидным. Справедливости ради следует отметить, что настороженное отношение к этой реформе все же было у некоторых высших советских руководителей. Так, председатель Президиума Верховного совета СССР Н.В. Подгорный еще на стадии обсуждения ее заявил: «На кой черт нам эта реформа?» [6]. Столь же скептически по отношению к реформе был настроен Л.И. Брежнев. Уже после сентябрьского пленума ЦК КПСС он говорил о А.Н. Косыгине: «Ну что он придумал? Реформа. Реформа. Кому это нужно и кто это поймет? Работать нужно лучше, вот и вся проблема» [7]. При всей здравости суждений, какая убогая форма выражения мысли и какая беспринципность действий двух самых высоких советских руководителей!

Впоследствии, уже в период перестройки [8] и в постсоветский период, вокруг замысла и результатов реформы 1965 года развернулась обширная дискуссия. Многие экономисты рассматривали ее как первый шаг к рыночным реформам, оборвавшийся из-за чехословацких событий 1968 года, но и в таком виде давший все же положительный результат; другие (сторонники командной экономики) рассматривали реформу как значительный шаг к рыночной экономике, нанесший огромный ущерб советской экономике. Первым мощным обвинительным актом против реформы 1965 года явился весьма содержательный и яркий (и потому незамеченный и неоцененный в то время) сборник статей экономистов коммунистического направления «Альтернатива: выбор пути», вышедший в 1990 году тиражом в 100 тыс. экземпляров. В большинстве статей этого сборника реформа 1965 года расценивалась как начало развала советской экономики, как результат восприятия чуждых социализму экономических воззрений. В качестве образца приведу рассуждения А.М. Еремина: «Большой вред курс 1965 года наносил тем, что тормозил совершенствование системы планирования, а без развития она постепенно хирела. Реформа дала толчок групповому эгоизму, погоня за прибылью вела к завышению цен, к вымыванию из производства дешевого, но нужного людям ассортимента. Погоня за сиюминутной прибылью привела к замедлению научно-технического

прогресса, а значит, и роста производительности труда» [9]. Еще более сокрушительной и аргументированной критике подверг содержание реформы 1965 года австрийский экономист-марксист с большим опытом практической экономической работы в австрийской экономике Л. Маше-Суница [10]. Михаил Антонов еще более суров: «По сути, это уже была неформальная приватизация предприятий их руководством. Косыгин... открыл дорогу ренегатам Горбачеву и Ельцину. «Косыгинская реформа» создала условия для как бы узаконенного вредительства... В результате «косыгинской реформы» советская экономика пошла вразнос... Расширение самостоятельности предприятий на основе погони за прибылью, по сути, покончило с плановой системой СССР» [11].

Моя критика этой реформы во многом близка к указанной критике, кроме обвинений в злонамеренности (вредительстве), но не столь категорична и лишена крайностей. Реформа не покончила с плановой системой в СССР, хотя заметно ее ослабила. Советская экономика не пошла вразнос после реформы, хотя и заметно снизила свою эффективность. Реформа 1965 года обострила проблемы, которые были и раньше. Например, введенный после 1958 года показатель затрат на 1 рубль товарной продукции (вместо многочисленных показателей по снижению себестоимости продукции) по своему экономическому смыслу был довольно близок показателю рентабельности. Противники реформы, сильные в ее критике, не могли представить тогда убедительной и конкретной программы мероприятий в социалистическом духе. Более убедительно утверждение М. Антонова, что «еще более сильный удар нанесла реформа Косыгина по идеологическим и нравственным основам социалистического общества» [12], но не более сильный, чем репрессии сталинского периода, недемократизм общественной системы, незаконные привилегии и коррупция, официальная ложь, блат и другие пороки общественной системы.

В экономической системе СССР сохранялись тогда еще достаточно мощные инструменты, которые не давали разрушиться советской экономике под влиянием эгоистических действий хозяйственных руководителей, активизировавшихся хозяйственной реформой. Этому препятствовали и многочисленные, выросшие впоследствии в числе, директивные натуральные показатели, и контроль за поставками со стороны Госснаба СССР, и деятельность Госкомцен СССР, в какой-то степени противостоявшая бесконтрольному росту цен, и предприятия-

потребители, и Минфин СССР, и наконец высшее советское руководство, пусть с большим опозданием, но исправлявшее самые очевидные ошибки, допущенные в ходе осуществления реформы.

1.2. РЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ В НАЧАЛЕ 70-х годов

Хозяйственные неудачи при осуществлении экономической реформы, о которых пойдет речь дальше в главе 3, вынудили уже с самого начала 70-х годов развернуть рецентрализацию советской экономики. Повторилась ситуация начала 60-х годов, когда после неудач децентрализации приступили к ее рецентрализации. Правда, была возможность более решительной и последовательной децентрализации по примеру Венгрии и Чехословакии, начавших достаточно радикальные экономические реформы в 1968 году. На подобном процессе настаивал тогда ряд советских экономистов, но были опасения политического характера, мешали и некоторые экономические неудачи в этих странах, особенно в Чехословакии в 1968 году.

Рецентрализация с начала 70-х годов выразилась, во-первых, в смещении акцента в экономической политике с мер по повышению экономического стимулирования предприятий на меры по улучшению планирования и централизованного управления; во-вторых, в возвращении ряда дореформенных показателей планирования.

Экономическую «реформу» 1965 года формально не отменяли и не осуждали. Это поставило бы под удар престиж существовавшего политического руководства, которое ее провело. Но фактически в систему управления предприятиями ввели такие изменения, которые шли в разрез с первоначальными замыслами авторов «реформы» и с ее духом.

Внимание плановых органов и советских ученых-экономистов с начала 70-х годов было обращено в сторону совершенствования методов централизованного управления экономикой. Именно в этот период начали активно изучаться и внедряться в плановую работу такие заимствованные из практики хозяйственного и государственного управления западных стран методы, как системный анализ и программно-целевой подход в планировании. Эти методы многими экономистами стали рассматриваться как такая же панацея для решения экономических проблем, как ранее – линейное программирование и сетевые графики, к этому времени уже слегка скомпрометированные из-за отсут-

ствия видимого результата. И системный анализ, и программно-целевой подход более охотно воспринимались и плановыми органами, и министерствами не только в силу преклонения перед всем западным, но и потому, что в отличие от идей по децентрализации экономики не угрожали их экономической власти. Требовалось время, чтобы убедиться, что и эти методы, как и их предшественники, мало помогают решению проблем советской экономики. А пока все были при деле: и плановики, и научные работники. То же самое можно сказать и о растущем интересе к долгосрочному планированию под влиянием не только прошлой советской практики в этом направлении (план ГОЭЛРО), но и растущего интереса на Западе к футурологическим исследованиям и долгосрочным планам и прогнозам. В 1973 году было принято решение о разработке долгосрочного плана развития советской экономики до 1990 года.

Возобновился интерес и к идеям В.М. Глушкова о создании автоматизированной системы управления экономикой, хорошо вписывающейся в рецентрализацию экономики. Хотя в середине 60-х годов его предложения были спущены советским государственным руководством на тормозах, теперь они нашли поддержку в военно-промышленном комплексе, глава которого Д.Ф. Устинов «пригласил к себе руководителей оборонных министерств и приказал им делать все, что говорит Глушков» [13]. В каждом из девяти оборонных министерств был создан свой институт по созданию отраслевых автоматизированных систем под методическим руководством Глушкова, а сам Институт кибернетики АН Украины стал разрабатывать заводские системы: для гражданских отраслей – Львовскую, для военных – Кунцевскую. Для общего руководства внедрением АСУ в оборонной промышленности был по примеру создания ракетной техники образован Межведомственный комитет девяти отраслей под руководством министра радиопромышленности В.Д. Калмыкова и Совет директоров головных институтов. Научным руководителем обоих этих органов был назначен В.М. Глушков [14]. Активная работа по внедрению АСУ на уровне Госплана УССР и министерств проводилась под руководством Глушкова и на Украине.

В конце 60-х годов под влиянием планов США по созданию сети вычислительных центров и своих отечественных неудач в экономике возобновился интерес к идеям Глушкова и у высшего советского государственного руководства. Была создана комиссия в составе ряда со-

юзных министров с участием В.М. Глушкова по разработке концепции создания такой сети и системы управления с ее помощью всей экономикой – общегосударственная автоматизированная система (ОГАС). Однако предложения Глушкова по организации этой работы по примеру решения атомной и ракетной проблем в 40–50-е годы были отклонены и «задача, по словам Глушкова, техницировалась, т.е. изменялась в сторону Государственной сети вычислительных центров, а что касалось экономики, разработки математических моделей для ОГАС и т.д., – все это «смазали» [15]. На заседании Политбюро осенью 1970 года, где было принято такое решение, Глушков после его принятия заявил: «Если мы сейчас этого не сделаем, то во второй половине 70-х годов советская экономика столкнется с такими трудностями, что к этому вопросу все равно придется вернуться» [16]. Решение о создании ОГАС было записано в решениях XXIV съезда КПСС. В начале 70-х годов А.Н. Косыгин, ранее настороженно относившийся к работам по ОГАС, после посещения одного из институтов, разрабатывавших ОАСУ для оборонных отраслей промышленности, убедившись в достижениях этой системы, стал поддерживать эти разработки и для их ускорения дал указание Совету министров СССР создать Академию народного хозяйства для обучения высших хозяйственных руководителей современным методам управления экономикой, в особенности использованию ЭВМ в управлении экономикой [17]. Тем не менее работы по ОГАС шли медленно и бессистемно, а основное внимание в применении автоматизированных систем управления было переключено на решение не экономических задач, а задач управления технологическими процессами [18].

Сторонники идей Глушкова считают, что фактический срыв создания ОГАС в 70–80-е годы сыграл роковую роль в судьбе советской экономики. Так, руководитель Совета директоров институтов по разработке ОАСУ оборонных отраслей промышленности Ю. Антипов пишет уже в 90-е годы: «Неприятие ОГАС было стратегической ошибкой нашего руководства, нашего общества... Реализация ОГАС в годы жизни Глушкова могла бы вывести страну на новый уровень развития, соответствующий постиндустриальному обществу. Помешали созданию ОГАС некомпетентность высшего звена руководства, нежелание среднего бюрократического звена работать под жестким контролем и на основе объективной информации, собираемой и обрабатываемой с помощью ЭВМ, неготовность общества в целом, несовершенство существовавших

в то время технических средств, непонимание, а то и противодействие ученых-экономистов новым методам управления» [19].

Отношение к идеям Глушкова характерно для того стиля государственного руководства, который сложился в период «застоя». Можно по-разному относиться к реалистичности и результативности этих идей. Но раз они в принципе были одобрены, следовало (как поступили бы Сталин и Хрущев) создать условия для их осуществления. А именно, как совершенно правильно настаивал Глушков, основываясь на предыдущем, полностью оправдавшем себя, опыте создания атомного и ракетного оружия, создать специальный, независимый орган по координации этими работами под научным руководством автора идеи для обеспечения методологического, информационного и технического единства разрабатываемой системы, с подчинением ему всех научных и внедренческих организаций. Вместо этого автор идеи был практически отстранен от руководства разработкой всей системы, она была раздроблена на фактически независимые системы, единство обеспечения поэтому осуществить не удалось. Огромные вложения в АСУ различного уровня были сделаны, а отдача от них оказалась ничтожной.

Немалую роль в таком ходе событий сыграли, видимо, как подозревал В.М. Глушков, опасения А.Н.Косыгина, что ОГАС станет конкурирующим органом власти и влияния [20]. В самом деле, автоматизированные системы управления позволяли вскрыть многие пороки сложившейся хозяйственной системы, которые так усиленно пытались скрывать от широкой общественности. Монополия на экономическую информацию была бы нарушена.

Внимательное изучение многочисленных работ Глушкова по созданию ОГАС и ГСВЦ и текст его бесед с В. Моевым показывают, что Глушков был очень глубоким человеком, понимавшим гораздо лучше, чем многие другие руководители и научные работники того времени, проблемы и противоречия советского общества и искавшим весьма изобретательные и неординарные пути их разрешения. Интеллект Глушкова отпугивал весьма посредственных руководителей того периода. Наверняка он обнаружил бы и гигантские искажения макроэкономической информации, поскольку с такими искажениями нормальное планирование было бы невозможно. Проблема для властей решилась сама собой с его смертью в начале 1982 года.

Убеждение Глушкова, что советская экономика натолкнулась в начале 50-х годов на информационный барьер, для преодоления которого

нужно широчайшее использование современной вычислительной техники и информационных технологий, поддерживается сейчас крупными знатоками советской экономики, например, Марком Харрисоном [21].

Глушков видел в ОГАС прежде всего средство централизации управления экономикой, что затруднительно при ручном управлении, хотя допускал и возможность использования его для расширения хозяйственной самостоятельности предприятий [22]. Однако, как совершенно правильно отмечал в западной печати хорошо знающий проблему внедрения ЭВМ в экономику СССР Игорь Бирман: «Не была сформулирована хоть сколько-нибудь содержательная экономическая концепция, которая могла бы быть положена в основу планирования на базе современной техники... Фактически новая техника остается только техникой, она подводится под замшелые экономические идеи» [23]. Именно этого и хотел избежать Глушков. Его идеи не были замшелыми.

Под влиянием неудач с внедрением после 1965 года новых экономических показателей оценки деятельности предприятий с начала 70-х годов происходил возврат ряда старых показателей оценки деятельности предприятий и различных отраслей экономики. При этом старые показатели не отменялись, чтобы не признать ошибочность ранее принятых решений. Они дополнялись новыми. Понятно, что оценка деятельности предприятий тем самым еще больше усложнялась [24].

В начале 70-х годов к прежним директивным показателям в промышленности было добавлено шесть новых: производительность труда, валовая продукция (на основе которой в большинстве отраслей промышленности рассчитывалась производительность труда), задания по выпуску предметов потребления в тяжелой промышленности, задания по повышению качества продукции, по затратам сырья и топлива на единицу продукции в стоимостном выражении, объем фондов экономического стимулирования. Фактически был восстановлен показатель снижения себестоимости продукции, так как он был введен в состав фондообразующих показателей [25].

Очевидно, что эти новые показатели, в значительной степени представлявшие восстановление старых, дореформенных, отвечали выявившимся недостаткам введенных в ходе реформы показателей. Так, показатель производительности труда должен был усилить контроль за повышением производительности труда, ослабленный устранением

этого показателя из числа директивных показателей. Достижение плановых объемных показателей было возможно за счет увеличения численности работающих, искажения планового ассортимента и скрытого роста цен. Задания по выпуску предметов потребления предприятиями тяжелой промышленности должны были принудить их производить больше товаров для населения, от чего они уклонялись. Задания по качеству продукции призваны были добиться перелома в наиболее тяжелой для советской экономики сфере. Утверждение заданий по снижению норм расхода материальных ресурсов заставляло добиваться снижения материалоемкости продукции – другой слабой стороны советской экономики. Показатель себестоимости продукции призван был уменьшить недостатки показателя прибыли. Наконец директивное установление объемов фондов экономического стимулирования должно было ограничить их размеры, что в предыдущей пятилетке создавало большие сложности в обеспечении товарно-денежной сбалансированности на рынке прежде всего потребительских товаров. Иными словами, на каждую новую проблему советское руководство отвечало новым директивным показателем. Тем самым оно расписывалось в неспособности показателей, введенных в ходе реформы (прибыль, рентабельность, объем реализованной продукции), и системы экономических стимулов решить эти проблемы. Как показала последующая практика, новые показатели не оправдали возлагавшиеся на них надежды. Предприятия научились (при попустительстве вышестоящих организаций) «выполнять» их путем разнообразных ухищрений. Решающим было не качество показателя, а требовательность при его осуществлении, которая продолжала ослабляться. Однако в сочетании с ростом заданий по номенклатуре эти новые показатели означали еще одно проявление усиления централизации в управлении экономикой. Оказалась ли централизация в результате большей или меньшей, чем до 1965 года, вопрос непростой. В каких-то отношениях больше, в других – меньше. Что безусловно, так это то, что бумаг стало намного больше с учетом все более многочисленных планов и показателей, часто расчетных, но обязательных к заполнению.

Пожалуй, единственным событием в этот период в противоположном направлении был перевод Министерства приборостроения СССР на хозяйственный расчет с расширением его прав и возможностей. Это министерство находилось в особо благоприятном положении с точки зрения возможности «вздувать» объем продукции в стоимостном вы-

ражении вследствие ее огромной номенклатуры, и оно в полной мере воспользовалось такой возможностью. Видимо, потому этот эксперимент и не был расширен.

1.3. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ «РЕФОРМА» 1979 года В ПРОМЫШЛЕННОСТИ: ЗАМЫСЕЛ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РЕФОРМЫ 1983–1986 годов

Экономической «реформе» 1979 года в промышленности не повезло в экономической литературе, особенно в мемуаристике. Многие авторы не считают необходимым вообще о ней упоминать, считая, видимо, ничтожным событием. Другие упоминают вскользь. Поразительно, что о ней вообще не упоминают крупные хозяйственные деятели того периода, оставившие мемуары. Так, ни слова о ней не говорит главный ее автор – В.Н. Новиков в своих воспоминаниях о А.Н. Косыгине. Нет о ней ни слова в воспоминаниях В.С. Павлова, Н.И. Рыжкова, Г.Х. Попова (близкого в то время к хозяйственным «верхам»), не говоря уже о М.С. Горбачеве, ставшем к тому времени кандидатом в члены Политбюро ЦК.

В то же время отдельные авторы считают эту реформу важнейшим и многообещающим событием в экономической жизни СССР [26]. Эта реформа имеет любопытную предысторию. По воспоминаниям хорошо осведомленного в событиях того времени, в силу своей должности заместителя главного редактора «Правды», известного журналиста и экономиста Дмитрия Валового в середине 1977 года во исполнение решений XXV съезда КПСС о совершенствовании планирования и управления экономикой комиссией под руководством А.П. Кириленко, отвечавшего тогда в Политбюро за экономику, было подготовлено и принято Политбюро постановление «О новой экономической реформе» [27]. Как уверяет Д. Валовой (и подтверждает еще более осведомленный главный редактор газеты В.А. Афанасьев), под влиянием критики содержания этого, еще не опубликованного тогда, постановления Д. Валовым (без ссылки на его авторство) в трех номерах «Правды» в ноябре 1977 года, проект «похоронили». Следующий проект готовила уже комиссия под руководством заместителя председателя Совета министров СССР В.Н. Новикова.

12 июля 1979 года было принято постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об улучшении планирования и усилении воздей-

ствия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы». Чтобы подчеркнуть значение, которое придавалось этому постановлению, ЦК КПСС принял специальное постановление «О дальнейшем совершенствовании хозяйственного механизма и задачах партийных и государственных органов». Изложу вкратце основное содержание и экономический смысл принятого постановления [28].

Хотя в заголовке постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР планирование и хозяйственный механизм (под которым понимались экономические регуляторы) стояли рядом, но впереди все же было планирование, и именно ему уделялось в постановлении наибольшее внимание. Анализ документа убеждает в том, что руководящие органы страны намеревались и дальше усиливать централизацию экономики. Это проявилось в самой традиционно важной части советского планирования – в планировании натуральных показателей. Предусматривалось значительное расширение числа планируемых централизованно (по народнохозяйственному плану) видов продукции. Только по машиностроительной продукции их число должно было возрасти до 5–6 тыс. наименований [29], что позволяло рассчитать и обосновать их на главном вычислительном центре Госплана СССР (до этого постановления было не более 2000 наименований всех видов планируемой продукции). Мало того, теперь оценку выполнения плана по объему производства предусматривалось осуществлять по всем заключенным предприятиями договорам и принятой там номенклатуре продукции, которая включала уже сотни тысяч наименований.

Для того чтобы поднять роль плана в управлении и улучшить его обоснованность, предусматривалось повышение роли перспективного планирования производства и капитального строительства. Вводился новый объемный показатель планирования и оценки деятельности: вместо многократно критикуемого и на бумаге отменяемого показателя валовой продукции, содержащего повторный счет материальных затрат, вводился показатель нормативно-чистой продукции, свободный от материальных затрат. Добавлялись новые директивные показатели – численность работающих и снижение норм затрат важнейших видов материалов на выпуск продукции. Сохранялись возникшие в 70-е годы показатели качества продукции и внедрения новой техники.

Что касается экономических рычагов, то они сохранялись в прежнем виде, но, во-первых, рассчитывались по долговременным и устой-

чивым нормативам и, во-вторых, привязывались к новым показателям планирования. Для проведения в жизнь намеченных мероприятий предусматривалась в 1982 году реформа оптовых цен промышленности с целью устранения перекосов в рентабельности в отдельных отраслях и изделиях.

Это очень объемистое постановление, только небольшая часть которого приведена здесь, включало многие предложения советских экономистов разных взглядов по улучшению планирования и материального стимулирования производства, научно-техническому прогрессу и повышению качества продукции. Однако эти весьма противоречивые предложения не были выстроены хоть в какую-то систему, и совсем не ясно было, насколько они совместимы друг с другом и реалистичны.

Все мероприятия этой «реформы» могут быть подразделены на полезные, утопичные, но безвредные, вредные.

К полезным можно отнести увеличение числа натуральных показателей, что обеспечивало лучшую сбалансированность развития народного хозяйства и обоснованность планов. Расширение круга планируемых натуральных показателей явилось осязаемым следствием применения ЭВМ в планировании.

К утопичным, но безвредным можно отнести стремление сделать пятилетний план действительно основой планирования. Такое намерение провозглашалось многократно после 1955 года и ни разу не осуществлялось ввиду невозможности предусмотреть в пятилетнем плане условия развития экономики на пять лет вперед в достаточно детализированном виде. Этого не удавалось сделать и на год.

К вредным (и тоже утопичным) можно отнести попытку оценивать работу предприятий по выполнению договорных обязательств и введение показателя нормативно-чистой продукции. В условиях командной экономики между поставщиком и потребителем заведомо устанавливались неравноправные отношения. Эти неравноправные отношения неминуемо закреплялись и в договорах. Показатель нормативно-чистой продукции, имея преимущество перед показателем валовой продукции как свободный от материальных затрат, носил искусственный характер и был вырван из всей совокупности хозяйственных отношений. Для него требовалось разработать миллионы нормативов, и было практически невозможно проконтролировать ни саму их разработку, ни выполнение плана по этому показателю.

Однако даже полезные мероприятия требовали большой настойчивости для их проведения.

Приведу оценки данного постановления представителями различных экономических взглядов. Его безоговорочным сторонником был Дмитрий Валовой, всю сознательную жизнь борющийся против показателя валовой продукции. Вот как он объясняет отсутствие положительного влияния этого постановления на хозяйственную жизнь: «После отстранения Косыгина постановление 1979 года оказалось беспризорным... для экономического отдела ЦК оно было «чужеродным» телом. Постановление готовилось в правительстве в «противовес» тому, что делалось под эгидой отдела ЦК... Без вала они не представляли себе управление экономикой. А после отставки Косыгина руководящая роль экономикой перешла в руки Экономического отдела ЦК... Каких-либо существенных мер по переходу на новые условия хозяйствования, предусмотренных реформой 1979 года, не принималось» [30]. К сказанному Валовым можно добавить, что автор реформы В.Н. Новиков в 1980 году был освобожден от своей должности и отправлен на пенсию.

А вот что пишет об этой реформе Евгений Ясин: «Гора родила мышь... Сейчас ясно, что такое постановление не могло ничего поправить. Но тогда люди питали какие-то надежды: может быть, на этот раз что-то выйдет... Конечно, не вышло. Более того, постановление практически было проигнорировано. Его по существу просто не стали выполнять» [31].

В чем сходятся и Валовой, и Ясин, так это в том, что постановление и не собирались выполнять. Это же подтверждает высокопоставленный чиновник Совета министров СССР того периода Игорь Простяков [32], который тоже связывает это со смертью Косыгина.

Оценка Игорем Бирманом этой «реформы» близка моей (или моя близка к его оценке): «Плохо увязанный набор общих пожеланий, организационных перестроек и некоторых весьма противоречивых экономических мер, которые в целом не уменьшают централизацию управления экономикой, не затрагивают основные причины недоброкачества существующей системы» [33].

А вот как отзывался об этой реформе В. Селюнин: «То была, если в двух словах, контрреформа в пику остаткам экономических реформ, начавшихся в 1965 году и вскоре успешно проваленных... после смерти Брежнева ”695 механизм“ скончался сам по себе» [34].

История с «реформой» 1979 года еще раз показала интеллектуальную и организационную беспомощность и бездарность брежневского руководства и еще больше скомпрометировала командную экономику.

В целом попытки децентрализации 70-х годов, в отличие от аналогичных действий в первой половине 60-х годов, не дали положительных результатов. Возможно, они позволили избежать худшего. Такой результат был связан прежде всего с общей деградацией хозяйственного и государственного руководства того периода, дееспособность которого является неременным условием успеха централизации экономики. Но также и с его интеллектуальной бесплодностью: не были поддержаны немногие попытки научных работников и практиков обновить существовавшие методы централизованного хозяйствования в соответствии с новой обстановкой в экономике.

В сущности, продолжением и развитием «реформы» 1979 года явился широкомасштабный экономический эксперимент в промышленности в 1983–1985 годах. Правда, уже тогда, до прихода Горбачева к власти, если верить воспоминаниям Игоря Простякова и Егора Гайдара [35] (а я не вижу смысла им говорить неправду), имелись проекты более радикальных реформ, включавших отказ от части директивных показателей, допущение кооперации, индивидуальной трудовой деятельности и частичной децентрализации внешней торговли и т. д. Эти проекты были даже приняты комиссией по совершенствованию управления экономикой Политбюро ЦК, но не были реализованы в виде конкретных постановлений. А вот широкомасштабный эксперимент, начавшийся летом 1983 года на предприятиях двух союзных и трех республиканских министерств, предусматривал главным образом все ту же оценку деятельности предприятий по результатам выполнения договорных обязательств и поощрение при образовании фондов экономического стимулирования не за выполнение плана, как раньше, а за фактическое улучшение экономических показателей по сравнению с предыдущим периодом. С 1985 года после положительных, по отчетности, результатов эксперимента он был распространен на многие промышленные министерства.

Поскольку общие результаты работы промышленности в 1985–1986 годах несколько улучшились, это можно было принять за успех эксперимента. На этом настаивают активные участники и авторы эксперимента – Игорь Простяков и видный работник Госплана СССР того

периода – О. Юнь [36]. Они упрекают советское руководство тех лет в поспешном свертывании эксперимента уже в 1986 году. При всем том, что поспешность и импульсивность действий в самом деле были характерны для нового советского руководства, нет оснований утверждать, что эксперимент удался. Многие критики (среди них В. Селюнин и Е. Ясин) оправданно связывают улучшение результатов деятельности предприятий, работавших в условиях эксперимента, с привилегиями в обеспечении их материальными ресурсами. Блестящая критика эксперимента дана в знаменитой статье В. Селюнина «Эксперимент» [37], в которой было показано, что эксперимент не коснулся основных пороков существовавшего тогда хозяйственного механизма (плохого планирования, учета реального спроса, медленного научно-технического прогресса, стимулирования снижения материалоемкости продукции). Что касается улучшения работы в промышленности, то это объяснялось другими причинами.

1.4. ИЗМЕНЕНИЯ В СОСТАВЕ И СТИЛЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РУКОВОДСТВА ДЕГРАДАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ХОЗЯЙСТВЕННОГО РУКОВОДСТВА В БРЕЖНЕВСКИЙ ПЕРИОД

Состав и стиль хозяйственного руководства в основной части анализируемого периода определялись принятым после смещения Н.С. Хрущева курсом на стабильность руководства. Под этим благозвучным термином крылось стремление пришедшего к власти политического руководства сохраниться наверху любой ценой, несмотря на результаты своей деятельности. Такой курс вполне устраивал партийную и хозяйственную номенклатуру. Кадровый застой наряду с застоём идеологическим, однако, обрекал страну на постепенное «вползание» в хозяйственный и общественный застой.

В основной части данного периода сохранялась поразительная стабильность состава хозяйственного руководства, куда я включаю, ввиду огромной роли партийного аппарата в хозяйственной жизни, и партийное руководство. В течение 18 лет во главе партии оставался тот же самый генеральный секретарь ЦК! 15 лет руководил страной один и тот же председатель Совета министров. Еще больше, вплоть до 1987 года, – председатель Госплана СССР. Примерно столько же лет были у руля многие члены Политбюро ЦК, секретари ЦК, министры

СССР, первые секретари ЦК союзных республик, обкомов партии, главков, отделов министерств и ведомств, директора крупных предприятий. И это несмотря на то, что в тот же период вполне выявилась устойчивая тенденция ухудшения экономического положения в целом по стране и в подавляющем большинстве отраслей экономики, на предприятиях. Все это явилось свидетельством небывалого для СССР иммобилизма политической системы, выводимой ранее из этого состояния энергией вождей страны. Смена хозяйственных руководителей происходила в эти годы либо в связи со смертью или с тяжелой болезнью, либо в связи с недостаточной лояльностью к вышестоящим руководителям (как это было с Н. Подгорным, А. Шелепиным, П. Шелестом и некоторыми другими членами Политбюро и секретарями ЦК партии), либо в связи со сверхобычными злоупотреблениями властью и провалами в работе, коррумпированностью, как это было с руководителями Грузии и Азербайджана в 70-е годы.

Замечательно образное и точное описание деградации хозяйственного руководства в период застоя дал автор книги «Русская система управления» А.А. Прохоров, обширную цитату из которой я приведу: «Деградация системы постепенно спускалась с верхнего этажа управленческой системы на нижний. По моим приблизительным подсчетам, каждое десятилетие она завоевывала одну нижнюю ступеньку, один уровень управленческой пирамиды. В пятидесятые годы еще снимали с работы, а разгромная статья в газете была приговором карьере. Но наказания стали мягче и безадресные, плохая работа поощрялась чаще, система не была уже такой чудовищно жестокой, в ней можно было жить и работать. На верхних уровнях появились и широко распространились бездари. Тогда же начал широко применяться выговор – специфично русское “наказание без наказания”. Этакий ритуальный компромисс стабильного и нестабильного режимов управления, когда правила нестабильного режима требовали наказать сотрудника, а правила наступающего стабильного режима предписывали не наказывать. Влияние выговора на последующую карьеру неуклонно уменьшалось. Затем наступили 60-е годы, когда уже совсем помягчело, а в 70-е – наступил полный развал... Начавшаяся потеря управляемости к началу 80-х годов достигла уже карикатурных форм. Обновление руководящих кадров почти прекратилось... Фактически на работе можно было уже вообще ничего не делать, и никакой управы на халтурщиков, дармоедов и бездарей не было и быть не могло. К началу перестройки

спускавшийся “сверху” режим “хронического согласования” достиг уровня предприятия, захватил все учреждения. В те годы часть директоров заводов по-прежнему работала так, как было заведено при Сталине, – по двенадцать часов в сутки, с нервотрепками, с нагонями, с руганью, с вырыванием плана в последние дни месяца. А часть уже “поняла службу», освоила правила “бесконфликтного” управления и жила себе спокойно, проводя значительную часть рабочего времени на согласованиях в Москве, разъезжая по командировкам в братские социалистические страны. Эти директора спокойно существовали, заседаая в загородных профилакториях и саунах, распространяя вокруг своеобразную ауру ленивого барского ритма жизни. На вышестоящих по отношению к предприятию этажах управления – в промышленных объединениях, главках, министерствах, настоящей работы уже не было, только бесконечные согласования... В низовых подразделениях колесо планового управления еще крутилось по инерции, но было ясно, что еще десятилетие – и заводы тоже будут захвачены застойным управлением. Постепенно они тоже перестали бы работать. Управление вообще все заостенело, перестало бы работать в принципе. В предперестроечный период основной движущей силой народного хозяйства были уже не предприятия, а цехи (предприятия-то как раз чаще уже были неуправляемы)... Основной рабочей лошадкой был уже не нарком или министр, не начальник главка или директор предприятия – от них уже мало что зависело. Рабочая лошадка той эпохи – начальник цеха. Продлился застойный период еще десять лет, и главной движущей силой системы управления стал бы мастер или бригадир» [38].

Внутри рассматриваемого периода тоже были свои подпериоды, как раз продолжительностью в 10 лет, о чем пишет и А.А. Прохоров. В 1966–1975 годах система еще имела некоторый динамизм, подлинный застой наступил в последнее десятилетие, вплоть до 1983 года – до прихода к руководству страны и партии Ю.В. Андропова. В определенной степени этот перелом был связан с ухудшением здоровья Брежнева, который как раз в 1975 году перенес инсульт, после чего трудовая активность Леонида Ильича катастрофически снизилась. В преклонный возраст вступили и другие советские высшие руководители того периода, что также привело к снижению их трудовой активности. К началу 80-х годов в Политбюро оставались только два относительно нестарых члена – Горбачев и Романов.

От общего описания системы управления в этот период можно перейти теперь к характеристике деятельности высших советских руководителей, связанных с руководством экономикой. Первым из них, естественно, был Л.И. Брежнев [39]. В период перестройки и в постсоветский период в научных и публицистических работах преобладало резко негативное отношение в Л.И. Брежневу как к государственному деятелю, противопоставляемому «хорошему» Косыгину. Уверен, что такое противопоставление не обоснованно. Более объективные в оценках воспоминания западных государственных деятелей периода до 1976 года дают представление о Брежневе как о крупном государственном деятеле, умном и компетентном, жестко и умело отстаивавшем интересы СССР в переговорах. Если вернуться к проблемам экономики, то у Брежнева был определенный багаж в этой области. У него было высшее техническое образование, небольшой опыт практической деятельности на металлургическом заводе, работа заместителем председателя Днепропетровского горисполкома, секретарем Днепропетровского обкома партии по военной промышленности перед войной, он возглавлял обкомы партии крупнейших индустриальных областей Украины (Запорожского и Днепропетровского), был первым секретарем ЦК партии двух союзных республик (Молдавии и Казахстана). При важной роли партии в руководстве экономикой и высокой требовательности к кадрам в то время – деловая никчемность просто исключалась. При том, что, конечно, экономическая компетентность партийных работников была намного ниже, чем хозяйственных. Наконец, Брежнев несколько лет в качестве секретаря ЦК партии курировал оборонную промышленность, где были высокая культура производства и высококвалифицированные кадры. Все это должно было сформировать общий экономический кругозор и чутье. Конечно, непосредственных экономических знаний в области экономической теории, статистики, специальных экономических дисциплин и опыта непосредственного хозяйственного руководства у него не было. Поэтому он передоверил руководство экономикой (прежде всего гражданской) Косыгину, и в этом как раз и была его самая большая кадровая ошибка. Видимо, Косыгин устраивал его как человек достаточно покладистый и не претендовавший на пост Генерального секретаря. Брежнев в отличие от Хрущева старался не вмешиваться в экономические вопросы. Военную промышленность он доверил Д.Ф. Устинову. Пожалуй, только к сельскому хозяйству он испытывал специальный

интерес и проявлял о нем заботу, понимая значение успешного развития сельского хозяйства для социальной стабильности и всегда поддерживая приоритет этой отрасли в обеспечении ресурсами.

Из весьма немногочисленных и отрывочных воспоминаний о его деятельности в хозяйственной сфере видно, что он подозрительно (и не без оснований) относился к реформе 1965 года и большое внимание уделял соотношению производственных групп А и Б, поддерживая их сближение в пятилетних планах, чему должно было содействовать и приоритетное развитие сельского хозяйства.

Помимо сосредоточенности Брежнева на решении внеэкономических вопросов, фатальную роль для экономики страны сыграли еще и такие черты его характера, как мягкость и всепрощенство, совершенно недопустимые в командной экономике, как и вообще в хозяйственном руководстве. Они помогли ему удержаться так долго у власти, сохранив хорошие отношения со многими высшими руководителями, но были губительны для экономики. После 1975 года он к тому же стал уже и физически недееспособен. Мягкость и всепрощенство Брежнева, как зараза, передавались и на нижние уровни руководства. Справедливости ради следует отметить, что он не препятствовал смещению самых разложившихся руководителей Грузии и Азербайджана в 70-е годы, близкого ему первого секретаря Краснодарского обкома партии В.С. Медунова и арестам коррумпированных работников торговли Москвы, ряда других коррумпированных высокопоставленных деятелей в начале 80-х годов.

Разумеется, Брежнев видел и сильные (по опыту работы в военно-космической и вообще военно-промышленной отрасли), и слабые стороны советской экономики. Его недовольство многими аспектами состояния советской экономики проявлялось в резко критических ежегодных выступлениях на пленумах ЦК КПСС, обсуждавших обычно в конце года годовые планы развития экономики. Но будучи недостаточно подготовленным в экономическом отношении он не знал, как исправить эти пороки. Он не хотел (и не мог в силу своего характера, состояния социальной системы и правящей верхушки того периода) вернуться к классической модели командной экономики и видел трудности и малоэффективность перехода к рыночной экономике и несовместимость ее с коммунистической системой. Мало что конструктивного могли предложить ему и его экономические советники, и вообще официальная экономическая наука, которая тоже не знала, что делать

(при всем том, что у отдельных ученых было немало конструктивных предложений по решению частных проблем экономики). Гнев за экономические неудачи обращался против А.Н. Косыгина. Этим (а не ревностью, как часто полагают) объясняются их плохие отношения в 70-е годы. Но Брежнев не видел, кем можно заменить Косыгина.

Брежнев был малоинтеллигентным (почти не читал книг) и нетворческим человеком. В этом отношении претензии к нему обоснованы. Но таких государственных деятелей в мире (и в самых крупных странах) довольно много. В СССР, где роль лидера всегда была исключительно высокой, эти простительные для лидеров других государств недостатки, имели фатальные последствия.

Деятельность А.Н. Косыгина в период, когда он возглавлял правительство СССР (1965–1980 годы), вполне соответствовала его предшествующей деятельности, характеристика которой была мною дана раньше [40]. В отличие от Черчилля, который не хотел председательствовать при развале Британской империи, Косыгин председательствовал при развале советской экономики, поскольку именно он нес в советском руководстве основную ответственность за экономику, во всяком случае за ее основную гражданскую часть [41]. Нет слов, Косыгин не был полностью свободен в своих действиях в области экономики. Основные принципиальные вопросы решало Политбюро, но нет доказательств того, что оно решало их ошибочно вопреки обоснованной точке зрения Косыгина. Более важным было то, что многие персональные назначения руководителей решались в партийном аппарате, и это, конечно, вызывало недовольство Косыгина, но опять-таки неизвестно из мемуаров о крупных конфликтах между ними по номенклатуре высших хозяйственников, которые непосредственно подчинялись главе правительства.

Из мемуаров вырисовывается образ весьма компетентного в ряде вопросов, лично скромного и некорыстолюбивого, трудолюбивого и ответственного государственного деятеля, внимательно прислушивавшегося к мнению своих коллег и советников. Но вместе с тем и малотворческого, малотребовательного к министрам, и неконфликтного в отношениях с Генеральным секретарем ЦК партии, дорожившего своей должностью и, видимо, чувствовавшего свою вину за ухудшение положения в экономике.

В сущности, все три реформы, инициированные Косыгиным (1965 год, рецентрализация 70-х годов, реформа 1979 года), провали-

лись. При этом от реформы 1965 года пришлось начать отступать по инициативе самого Косыгина уже в 1967 году, когда выявилась несбалансированность бюджета на 1968 год из-за завышенной величины фондов предприятий [42]. Большой почитатель Косыгина, Байбаков вынужден был признать, что при проведении той реформы «не все предусмотрели, не все продумали, взвесили, плохо подготовили организационную часть реформы» [43]. Когда в начале 1971 года, по воспоминаниям хорошо его знавшего философа – академика Т.И. Ойзермана, со слов Косыгина, «...того очередной раз прорабатывали на Политбюро за провал реформы 1965 года», – Косыгин не нашел ничего лучше как сказать ему, «...что реформа и не начиналась» [44]. Минимально уважающий себя человек в случае, если ему помешали проводить предложенные им мероприятия, вместо того, чтобы подвергаться «проработке», подал бы в отставку или выступил бы с изложением своей позиции на пленуме ЦК. Отрицать этот провал по вине авторов реформы было уже невозможно. Столь же смешно и высказанное недоверие Косыгина к данным ЦСУ СССР о росте благосостояния населения СССР по сравнению с 1913 годом [45]. Как будто ЦСУ СССР ему не подчинялось!

Чрезвычайно показательна для характеристики Косыгина как государственного деятеля рассказанная Байбаковым история о представленном в середине десятой пятилетки Госпланом СССР докладе о состоянии советской экономики, в котором на основании установленного работниками Госплана значительных размеров скрытого роста цен в экономике, который обеспечивал половину прироста розничного товарооборота, делался вывод о неблагоприятном состоянии и перспективах советской экономики [46]. По словам Байбакова, Косыгин, слушая этот доклад, нервничал и в конце концов даже не дал его закончить(!) [47]. Так была по вине Косыгина «потоплена» возможность предотвращения кризиса советской экономики, когда уже появились его очевидные симптомы.

Можно поверить воспоминаниям его зятя Гвишиани, что Косыгин перед смертью тревожился о возможной неудаче следующей пятилетки [48]. Но тогда кризис в советской экономике видел уже каждый минимально думающий советский человек. Не очевидны и административные способности Косыгина. Во всяком случае, П. Шелест, назначенный после смещения с поста Первого секретаря ЦК Компартии Украины заместителем председателя Совета министров СССР, писал

в своих дневниках о хаотическом характере заседаний правительства и всей работы правительства [49].

При всех отмеченных недостатках Косыгина он намного превосходил по уровню понимания экономических проблем страны других членов Политбюро, в подавляющем большинстве партийных работников, которым тем не менее принадлежало последнее слово при решении принципиальных экономических вопросов. Уровень обсуждения экономических вопросов на Политбюро в последние годы жизни Брежнева красочно описывает Байбаков: «Едва Генсек с трудом дочитывал текст своего выступления, который ему подготовил аппарат, следовал вопрос: – Товарищи, какие будут замечания? Предложения? Со всех сторон слышались голоса: – Нет замечаний, Леонид Ильич, давайте принимать, согласны с этим... Так нередко и обсуждались, и принимались крупномасштабные решения – без глубокого анализа и взвешенного подхода. После подобных “обсуждений” Косыгина буквально трясло от возмущения» [50].

Из членов и кандидатов в члены Политбюро, секретарей ЦК брежневской эпохи больше всего должны были заниматься решением экономических вопросов Кириленко и Долгих, отвечавшие за гражданскую тяжелую промышленность и транспорт, Полянский, Кулаков и Горбачев, отвечавшие за сельское хозяйство, и Устинов, долгое время отвечавший за военно-промышленный комплекс. Само дублирование деятельности государственных и партийных органов в руководстве экономикой создавало немало проблем, независимо от личных качеств того или иного партийного деятеля, осложняло деятельность государственных органов. Воспоминания современников дают противоречивую характеристику личных и деловых качеств названных деятелей, не свободную, естественно, от субъективизма. Единодушно позитивная оценка дается Устинову, преимущественно негативная – Полянскому и Кириленко, преимущественно позитивная – Долгих. У многих из них, как и у Брежнева и Косыгина, в конце 70-х годов обострились проблемы со здоровьем, что также ограничивало их дееспособность.

В подавляющем большинстве министры экономического блока в этот период были хозяйственными деятелями сталинской школы, но уже заметно деградировавшими в соответствии с характером эпохи: чаще всего технически хорошо подготовленные, в меру требовательные, неплохие администраторы. Самыми лучшими считались министры военно-промышленного блока. Среди них были такие легендарные

деятели, как министр среднего машиностроения Е. Славский или министр цветной металлургии П. Ломако. Но даже и здесь наблюдалось ухудшение. Современники невысоко оценивали качества, например, министра общего машиностроения С. Афанасьева. Слабее выглядели министры гражданских отраслей. Конечно, и здесь были крупные и очень способные хозяйственные руководители, возглавлявшие, например, нефтяную и газовую промышленность или строительные министерства по сооружению предприятий этих отраслей. Но большинство министров гражданского блока, судя по результатам работы их отраслей и воспоминаниям современников, не отличалось выдающимися способностями, были среди них люди достаточно посредственные, сервильные, а нередко и коррумпированные. Впрочем, и объективные условия развития отдельных отраслей различались: одни отрасли щедро наделялись ресурсами, другие ресурсами обделялись. К концу 70-х годов большинство министров достигло преклонного возраста, и это также неблагоприятно сказывалось на их деловых качествах. Несмотря на то, что многие отрасли экономики работали крайне неудовлетворительно, министры менялись, как правило, только в связи со смертью или с тяжелыми заболеваниями. Такое всепрощенчество еще больше расхолаживало их. Снизилась и роль министров в управлении экономикой ввиду общей потери ее управляемости. В основном отраслевые министры в годы десятой и одиннадцатой пятилеток вкладывали свою энергию не в развитие самих отраслей или в научно-технический прогресс, а в корректировку плановых заданий. Вот как об этом пишет Байбаков: «Руководители ряда министерств начинали с просьбы о пересмотре плановых заданий уже с начала года, и потом так уже шло из квартала в квартал. Однако наибольший размах подобные “кампании” приобретали в конце года, в ноябре–декабре, и длились еще до последних дней декабря, а некоторые министерства умудрялись настаивать на корректировке плана даже в начале января... У ряда руководителей появилось убеждение, что главным местом в борьбе за выполнение плана являются проспект Маркса (где размещался Госплан СССР) и Кремль, а не их предприятия и отрасли» [51].

Сказанное относится не только к отраслевым министрам, но и к функциональным: председателям Госплана СССР Госснаба, ГКНТ, Госбанка, ЦСУ, министру финансов СССР и т. д. Возьмем для примера Председателя Госплана СССР Н.К. Байбакова. Это был типичный министр сталинской школы, имевший большие заслуги в развитии неф-

тяной промышленности СССР в 30–50-е годы и опыт работы по руководству несколькими совнархозами и госкомитетами, возглавлявший Госплан СССР в 1955–1957 годах. Следовательно, Байбаков обладал большим опытом хозяйственной работы и знанием советской хозяйственной системы. Однако на ключевом для советской экономики посту, как руководитель Госплана, он не проявил ни государственной мудрости и твердости, ни экономической компетентности и вместе с Косыгиным несет значительную ответственность за кризис советской экономики. Об уровне экономической образованности Байбакова говорит тот факт, что даже в начале 90-х годов он отрицал искажения макроэкономической статистики в советский период, обращаясь к авторитету бывшего председателя ЦСУ СССР М.А. Королева [52] и забывая, что сам же несколькими десятками страниц ранее в своих воспоминаниях рассказывал об этих искажениях в упоминавшемся выше докладе Госплана правительству в середине десятой пятилетки. В его интересных воспоминаниях почти нет размышлений по поводу макроэкономических проблем советской экономики того периода, но зато с большим удовольствием он повествует о своей действительно полезной поддержке отдельных изобретателей и новаторов, о собственных изобретениях в сфере нефтяной промышленности. Это и была его стихия, в этом и было его призвание. Наилучшим образом способности специалистов технократического профиля проявлялись в решении конкретных хозяйственных проектов большого масштаба – типа освоения гигантских месторождений газа и нефти Западной Сибири.

Таковыми же узкими специалистами и приспособленцами были в большинстве своем и другие функциональные министры того периода. Исключением был, по-видимому, академик В.А. Кириллин, руководивший коллективом ученых, составивших в конце 70-х годов объективный анализ положения дел в советской экономике, и поэтому смещенный со своего поста в 1980 году. Но в качестве председателя ГКНТ СССР и он был не в силах добиться ускорения научно-технического прогресса в СССР – и в силу того, что он не воспринимался экономикой, и в силу ограниченных возможностей самого ГКНТ в этой области.

С конца 1980 и до конца 1985 года, в течение пяти лет, пост главы советского правительства занимал Н.А. Тихонов. Он прошел типичный для высокопоставленного хозяйственного деятеля путь [53]: начальник цеха, главный инженер, директор крупнейших металлургических предприятий Донбасса (с середины 30-х до конца 40-х годов), затем

до 1957 года – начальник главка и заместитель министра черной металлургии, председатель Днепропетровского совнархоза, в 1960–1965 годах – заместитель председателя Государственного научно-экономического совета и Госплана СССР, с 1965 года заместитель председателя Совета министров СССР, с 1976 года – первый заместитель председателя Совета министров СССР. С точки зрения подготовленности к деятельности главы правительства его послужной список был вполне убедительный. Здесь и успешное (других тогда не держали долго на этом посту) руководство крупными предприятиями, работа в крупнейшем министерстве, руководство крупным многоотраслевым совнархозом, ответственная работа в центральных плановых органах. Возможное довоенное знакомство с Брежневым в большинстве этих назначений (кроме назначения в 1965 году заместителем председателя Совета министров СССР) не могло играть роли, так как Брежнев был далек от этих областей хозяйства. Обращает на себя внимание тот факт, что Тихонов был дважды лауреатом Сталинской премии (1943 и 1951) – это говорит о его инженерном и научном талантах. Поэтому характеристика, данная академиком Г. Арбатовым Тихонову («малограмотный, бездарный человек») [54], выглядит абсолютно несправедливой. В известном смысле у Тихонова было преимущество перед Косыгиным, поскольку он работал многие годы в тяжелой промышленности – ведущей отрасли советской экономики. С другой стороны, он не имел большого опыта в решении общеэкономических проблем. Отрасли, которые Тихонов согласно распределению обязанностей курировал в Совете министров СССР в качестве заместителя его председателя (добывающая промышленность и металлургия), развивались в эти годы относительно успешно. Очень скудны в мемуарной литературе сведения о деятельности Тихонова в качестве первого заместителя председателя Совета министров СССР и главы правительства. Следует, однако, отметить, что нет и отрицательных отзывов, даже от отнюдь не дружественных ему лиц, как Горбачев и Байбаков. Высоко отзывается о его личных и деловых качествах Е. Лигачев [55]. Самым заметным недостатком Тихонова в этой должности был его преклонный возраст (75 лет к моменту назначения главой правительства). Не видно и каких-то творческих идей у него на этом посту, что не удивительно в таком возрасте. Вместе с тем ему в заслугу можно поставить отказ от не оправдавшей себя реформы 1979 года и согласие на замену многих малоспособных министров экономического блока после смер-

ти Брежнева. Не следует забывать, что в последние три года его премьерства положение в советской экономике улучшилось, хотя, конечно, это не являлось исключительно его заслугой.

Ю.В. Андропов, сменивший Брежнева на посту Генерального секретаря ЦК партии в ноябре 1982 года, оставался у власти немногим более года. Часть этого времени он провел в больнице. Тем не менее этот очень короткий период явился важнейшим этапом в развитии советского общества и экономики. Отзывы о нем оставили почти исключительно те государственные деятели и ученые, кто симпатизировал Андропову и кто им в разное время был обласкан. Поэтому к этим отзывам нужно отнестись критически. Но дела Андропова за этот период говорят сами за себя.

Руководя Комитетом государственной безопасности, Андропов имел возможность получать достаточно полную информацию о состоянии советского общества и отечественной экономики. Для него не были тайной ее критическое состояние в начале 80-х годов и необходимость принятия срочных мер по ее оздоровлению. В то же время Андропов по своей практической деятельности имел минимальный хозяйственный опыт и испытывал неуверенность в том, какие именно меры нужно предпринимать. Одно ему было совершенно ясно: непосредственными причинами развала советской экономики в этот период были безответственность и низкая дисциплина сверху донизу, мощная коррупция в государственных службах и партийном аппарате. Именно с этими явлениями он начал решительную борьбу почти с первых же дней пребывания на своем посту. Такое поведение выглядело полной противоположностью многолетней практике брежневского периода. В известной степени это было возрождение методов классической модели командной экономики. Оздоровление экономики и общества началось с обновления разложившихся и престарелых руководящих кадров. К концу 1983 года было смещено 20 % первых секретарей обкомов партии, 22 % членов Совета министров СССР, а также значительное число членов высшего руководства аппарата ЦК партии [56]. Такого массового обновления кадров всего за один год не было уже очень давно. Новые назначенцы имели, как минимум, одно преимущество перед старыми: они были значительно моложе и, следовательно, дееспособнее. Большой демонстрационный эффект имели и вызвавшие среди интеллигенции нарекания и насмешки рейды милиции по парикмахерским, баням, кинотеатрам для вылавливания людей, нахо-

дившихся там в рабочее время. Эти меры демонстрировали твердое намерение нового руководства покончить с расхлябанностью и бездельем. Вместе с тем началось реформирование хозяйственного механизма: расширялась хозяйственная самостоятельность предприятий, допускалась с некоторым ограничением частная инициатива. Заслуживает внимание мнение о долгосрочных планах Андропова очень хорошо знавшего его по совместной профессиональной деятельности руководителя восточно-германской разведки Маркуса Вольфа: «Он размышлял о возможности социал-демократического “третьего пути”... в частном порядке обсуждал эксперименты политического плюрализма и экономического либерализма в Венгрии... Он наверняка не сделал бы того, что сделал Горбачев. Он выражал надежду на то, что каким-то способом можно совместить социалистическую собственность со свободным рынком и политической либерализацией, но наверняка его шаги к реформам были бы более тщательно продуманными... Реформы Андропова проводились бы сверху вниз, со всеми ограничениями, неизбежными при таком подходе. И все же я полагаю, что это было бы более разумное и выверенное движение к реформам» [57].

Непосредственно экономическими вопросами Андропов занимался (в силу своей малой компетентности в них), видимо, еще меньше, чем Брежнев, оставив их на усмотрение правительства и аппарата ЦК партии. Важнее была его кадровая политика в этой области. В чем-то она оказалась весьма разумной. Так, он оставил Тихонова во главе правительства и сместил многих непригодных министров и секретарей обкомов партии. По-видимому, удачным решением было назначение секретарем ЦК партии, отвечающим за военно-промышленный комплекс, Г.В. Романова, хорошо проявившего себя в руководстве экономикой Ленинградской области [58]. Еще одно удачное назначение – В. Воротникова на пост председателя правительства Российской Федерации. С другой стороны, как показали последующие события, явно неудачными оказались его ставки на М. Горбачева и Н. Рыжкова, не имевших каких-либо серьезных хозяйственных достижений в прошлом. Требуется изучения вопрос о деловых качествах Г. Алиева, назначенного первым заместителем председателя Советам министров СССР после, казалось, успешной борьбы с коррупцией в Азербайджане, на подъеме ее экономики – по данным официальной статистики, подвергаемой впоследствии сомнению [59]. В защиту кадровых назначений

«андроповской эры» можно сказать, что выбор среди номенклатурной «обоймы» был тогда невелик.

Видимо, не правы в равной степени и апологеты государственной мудрости Ю. Андропова, и его хулители, например, М. Антонов, считающий из ненависти к перестройке без каких-либо доказательств (совершенно игнорируя устранение Андроповым многих коррумпированных и некомпетентных деятелей), что Андропов «оставил после себя самую некомпетентную и продажную верхушку партии и государства в истории СССР» [60].

Мало что можно сказать о деятельности К.У. Черненко на посту Генерального секретаря ЦК партии в силу кратковременности этой деятельности и его крайне болезненного состояния во время пребывания на этом посту. Конечно, Черненко был совершенно не подготовлен к этой работе, потому что никогда не занимался ни в каком качестве хозяйственной деятельностью. К его чести надо отметить, что он хорошо понимал свою неподготовленность и не предпринимал попыток, судя по воспоминаниям современников, вмешиваться в хозяйственную жизнь страны, полностью доверив ее соответствующим должностным лицам в правительстве и ЦК партии. Он оставил в полной неприкосновенности состав и структуру руководящих хозяйственных органов, унаследованных от Андропова, а также начатые в то время хозяйственные реформы (эксперимент). Не была также остановлена и начатая при Андропове антикоррупционная кампания, она была даже интенсифицирована, распространившись на Узбекистан, там даже захватили партийное руководство республики. Таким образом, деятельность Черненко (и благодетельная бездеятельность) имела скорее положительное значение для экономики СССР.

Из других членов Политбюро ЦК КПСС заслуживает более тщательного и объективного анализа деятельность Г. Романова – первого секретаря Ленинградского обкома партии в начале 70-х годов. В период позднего «брежневизма» Ленинград выделялся многими своеобразными экономическими инициативами. Он был пионером в создании научно-производственных объединений, в развертывании массового жилищного строительства, подготовке новых рабочих кадров, становлении животноводческих комплексов, региональном планировании социально-экономического развития, строительстве дамбы на Неве, развертывании НИОКР и т. д. Что из указанных акций было пропагандистской показухой, а что имело реальный результат, необходимо про-

верить на основе достоверной экономической информации. В порядке гипотезы можно высказать предположение, что Г. Романов представлял собой руководителя мягкосталинского типа в условиях широких прав, предоставляемых крупным региональным лидерам в этот период. Следует обратить внимание на то, что будущий президент Франции Жискар Дестен высоко ценил интеллектуальный уровень Г.В. Романова, встречаясь и беседуя с ним, и со ссылкой на первого секретаря Польской компартии в 70-е годы Эдварда Герека писал о планах Брежнева в середине 70-х годов сделать Г.В. Романова своим преемником [61]. Интригующим остается вопрос, как бы пошло развитие СССР, если бы это намерение осуществилось.

Имелись ли, помимо закономерной смены нестабильной на стабильную фазу российского исторического процесса, о которой писал А.А. Прохоров, другие причины деградации советского хозяйственного руководства? Одна из них вполне очевидна – омертвление общественной жизни в период классической командной экономики, исчерпавшей себя уже в начале 50-х годов. Идеи революции и социализма, поддерживавшие общественный энтузиазм части населения, получившие серьезнейший удар в связи с разоблачениями преступлений сталинской эпохи на XX съезде партии, частично возродились в начале 60-х годов под влиянием успехов в различных областях жизни в СССР и успехов левого движения в капиталистическом мире в эти годы [62], но вновь потеряли свою привлекательность после подавления попыток обновления социализма в Чехословакии в 1968 году, инакомыслия в СССР в 70–80-е годы, экономических неудач этого периода в СССР и социальной несправедливости. Вместе с тем изменения в характере производства (его масштабов и сложности) затрудняли использование прежней техники планирования и управления. Последнее обстоятельство явилось основанием для одного из наиболее интересных толкований характера экономики 70–80-х годов в СССР как экономики бюрократического рынка или бюрократических согласований, выдвинутого Виталием Найшулем [63]. В. Найшуль утверждал, что в этот период в советской экономике господствовала не командная экономика, а бюрократический рынок согласований, и это было неизбежно. Эта концепция верно охватывает многие особенности и причины деградации командной экономики в тот период. Вместе с тем, как мне представляется, она упрощает характер существовавшей тогда хозяйственной системы. Многие черты командной экономики, хотя и в сильно дефор-

мированном виде, продолжали сохраняться. Никакие согласования не могли, к примеру, изменить основные направления развития советской экономики, хотя они и серьезно корректировались и согласованиями, и частично стихийным ее развитием. Так, линия на быстрое развитие производственной базы корректировалась скрытым ростом цен на инвестиционные товары. Но если было записано в пятилетнем плане ввести за пятилетку 60–70 млн кВт мощностей в электроэнергетике, то можно было ввести 50 млн, но никак не 10 или 20.

1.5. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОТОКАПИТАЛИЗМА, ПОПЫТКИ БОРЬБЫ С НИМ В БРЕЖНЕВСКИЙ ПЕРИОД ВЛИЯНИЕ ПРОТОКАПИТАЛИЗМА НА ХОЗЯЙСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ СССР

В рассматриваемый период впервые после нэпа теневая экономика начала оказывать серьезное воздействие на экономическую жизнь СССР и стала ее крупным фактором. Этому способствовали следующие обстоятельства. Во-первых, заметно выросшие в этот период реальные доходы населения не обеспечивались продукцией государственной экономики ни с точки зрения количества, ни, особенно, с точки зрения качества вследствие ее неповоротливости и незаинтересованности в повышении качества и ассортимента потребительских товаров и услуг. Слабо обеспечивался такой спрос и импортом пользовавшихся популярностью у населения потребительских товаров (например, джинсов). Это открывало высокоприбыльные возможности для удовлетворения спроса за счет контрабандного ввоза импортных товаров и теневого производства товаров и услуг. Во-вторых, в связи с почти полной стабильностью розничных цен и большим ростом денежных доходов населения нарастал разрыв между ними – денежный навес, что усиливало прибыльность теневой экономики. Наиболее ярким примером абсурдности ценообразования в этот период явился огромный (почти в 2 раза уже в начале 70-х годов) разрыв между государственными розничными ценами на легковые автомобили и ценой на те же марки легковых автомобилей на теневом рынке подержанных легковых автомобилей [64]. Еще более разительным примером этого разрыва явилась цена на черном рынке изданной малым тиражом книги М. Булгакова «Мастер и Маргарита». При официальной цене в 1 р. 53 к. она продавалась на черном рынке за 60–200 р. [65]. При таких

фантастических прибылях теневой экономики не удивительно, что, несмотря на большой риск быть арестованными, ею занималось все больше людей. Может даже возникнуть вопрос: не создавался ли денежный навес и неудовлетворенный спрос хотя бы частично сознательно – для содействия теневой экономики? В-третьих, в отличие от большинства восточно-европейских стран и даже от СССР в сталинскую эпоху (промысловая кооперация) в нашей стране в рассматриваемый период запрещалось мелкое предпринимательство, хотя при государственном контроле оно не способно было подорвать устои социализма, но позволяло государству получать доходы от этой деятельности и сокращать доходы теневой экономики. В-четвертых, даже в сфере средств производства расширялись возможности теневой экономики. Приписки в ряде отраслей экономики и плохо обоснованные (сознательно или по некомпетентности?) нормы расхода материальных ресурсов открывали возможности получения незаработанных доходов в виде заработной платы и продажи, скажем, автобензина и строительных материалов частным лицам. С другой стороны, растущее несовершенство планирования и материально-технического снабжения вынуждало руководителей самых разных уровней волей-неволей прибегать к услугам дельцов теневой экономики, припискам и взяткам (подаркам). В-пятых, после жестоких репрессий в отношении «теневи́ков» в начале 60-х годов с приходом к власти Брежнева преследования теневой экономики уменьшились. За валютные операции смертная казнь уже не применялась. Поскольку правоохранительные (а нередко и советские, и партийные) органы все шире стали смыкаться с теневой экономикой, преследования дельцов-«теневи́ков» и особенно их покровителей сократились, стали редкостью. Это обстоятельство также придавало смелости теневой экономике. В связи с терпимостью властей к теневой экономике Алан Безансон называл этот период долгосрочным нэпом, хотя и в патологических формах [66]. Только тогда, когда размеры теневой экономики начинали очень серьезно, критически угрожать экономике и общественной жизни отдельных регионов, давалась (и то не всегда) команда на ее массовое преследование. Но и при этом самые крупные покровители теневой экономики уходили от уголовной ответственности.

Особо крупные размеры первоначально теневая экономика приобрела в республиках Закавказья, особенно в Грузии и Азербайджане. Прекрасное описание идейно-политических особенностей ее в Грузии

(это описание относится и к Азербайджану) дано грузинским публицистом Георгием Нижарадзе: «В Грузии новые правила игры поняли раньше всех. А может быть, дело в национальных особенностях – Корейко у нас невозможен, грузину деньги нужны, чтобы тратить с размахом и напоказ.

Система альянса номенклатуры с теневиками в основном сложилась при В.П. Мжаванадзе (первый секретарь ЦК компартии Грузии в 1953–1971 годах. – Г.Х.). Появились ключевые фигуры, секретари ЦК и министры, ведавшие той или иной сферой производства и распределения ресурсов, каждый со своей камарильей и группой теневиков; основной фигурой же стала мадам Мжаванадзе. Имена сильных мира знали все, знали и то, что их образ жизни отнюдь не соответствует “идеалу коммуниста и гражданина”, однако особенного протеста это не вызывало, поскольку возобладал принцип “живи и давай жить другим”, а идейные коммунисты к этому времени в Грузии уже практически вымерли» [67].

Остается только хотя бы кратко отметить специфику теневой экономики в Грузии в экономическом плане. Она определялась географическими особенностями страны и менталитетом его населения. Здесь и выращивание, и полулегальная продажа в различных районах СССР теплолюбивых культур (мандарины, гвоздики), производство дефицитных промышленных товаров так называемыми цеховиками из украденного на государственных промышленных предприятиях сырья с последующей их продажей в различных регионах страны, и торговля валютой, импортными товарами, поступлением в вузы независимо от знаний и многое другое. За покровительство этим дельцам теневой экономики высокопоставленные государственные и партийные деятели получали огромные взятки, вследствие чего такая деятельность была исключительно выгодной. Должности в государственном и партийном аппарате прямо покупались за огромные по тем временам суммы в 100–200 тыс. р. Понятно, что такая деятельность требовала покровителей и в других районах страны, где реализовывались продукция и услуги теневиков, особенно в Москве, что делало теневую экономику опасной уже и для всей экономической и политической жизни СССР. С другой стороны, наносился урон государственной экономике самой Грузии, так как трудовые и материальные ресурсы перераспределялись в пользу частного сектора. По всем этим причинам партийное руководство СССР дало согласие на устранение В.П. Мжаванадзе с высокого

поста и замену его тогдашним министром внутренних дел Грузинской ССР Э.А. Шеварнадзе. Последовали многочисленные аресты деятелей теневой экономики и чистка государственных и партийных органов Грузии от коррумпированных элементов. Тем не менее приговоры деятелям теневой экономики Грузии были для того времени относительно умеренными. Так, самый крупный цеховик и богатейший человек Грузии, близкий к Мжаванадзе – Лазишвили был приговорен лишь к 15 годам тюремного заключения [68] и благополучно дожил до свержения советской власти в Грузии [69]. Главный покровитель теневой экономики Мжаванадзе не был даже исключен из партии, а неизбежно связанные с грузинскими деятелями теневой экономики их сообщники в России вообще были исключены из рассмотрения этих дел. О дальнейшем развитии в Грузии теневой экономики пишет Г. Нижарадзе: «В общем, в республике повеяли ветры перемен, но первые порывы скоро ослабли, паруса обвисли, и воцарился штиль. Оказалось, что новое руководство вовсе не собирается что-либо менять в корне, ибо номенклатурная система была уже общесоюзной... в тюрьме же оказались те, кто имел несчастье в свое время не скрывать своего пренебрежения к провинциалу из глухого горийского села... Через два-три года после прихода к власти Шеварнадзе номенклатурно-теневая система быстро оправилась и расцвела пышным цветом. Появились целые отрасли, к примеру, “соки”, принадлежность к которым надежно маркировала человека: когда о ком-нибудь говорили, что он работает в “соках”, всем было ясно, что данный индивид набит денежными знаками до отказа. Правда, потом этими самыми соками где-то в Заполярье отравился целый город и контору разгромили уже по указке из Москвы, но это детали, центр теневой экономики тут же переместился в “шерсть”» [70].

Аналогично грузинским развивались события в Азербайджане после прихода к власти в качестве первого секретаря ЦК компартии Азербайджана Гейдара Алиева в 1969 году [71].

В России и других республиках СССР размах борьбы с теневой экономикой (как и ее размеры) в 70-е годы был значительно меньшим. Конечно, соответствующие службы в этих регионах, чтобы показать свою нужность, периодически арестовали мелких расхитителей социалистической собственности и спекулянтов, но эти акции обычно касались рядовых исполнителей и не затрагивали высокопоставленных покровителей.

Следующий раунд борьбы с теневой экономикой развернулся уже в начале 80-х годов в России и Средней Азии. Центром теневой экономики в России явилась, естественно, Москва, где были сосредоточены основные властные структуры и жила наиболее состоятельная часть населения страны. Вот как описывает эволюцию теневой экономики и организованной экономической преступности в Москве заместитель начальника следственной части прокуратуры СССР В. Олейник: «Примерно с 1969 г. в Москве стали развиваться и утверждаться системы организованного обворовывания государства и населения, чему прежде всего способствовала нейтрализация органов ОБХСС (отделы борьбы с хищениями и спекуляцией), милиции за счет переориентации на проценты раскрываемости уголовных дел и нейтралитета по отношению к крупным расхитителям, высокопоставленным должностным лицам, корыстно злоупотребляющим служебным положением (руководителям пищевых и торговых предприятий, общепита, бытового обслуживания, культуры, здравоохранения, высшего и среднего образования)...

К 1971–1973 гг. система организованных хищений в торговле, сфере обслуживания и особенно в бытовке, местной промышленности уже функционировала. В этот период «предприятия» создавались на периферии: в Казахстане, других среднеазиатских республиках, на Кавказе, в Краснодарском крае, на Украине, в Ростовской области... Вторая стадия наступила после 1977–1978 гг. в связи с “издержками” – разоблачениями по всем этим делам впервые были выявлены “охранные группы от разоблачения, предупреждения” из числа работников правоохранительных органов, в основном МВД и в отдельных случаях прокуратуры, получавшие плату за свою работу... По таким делам вершились скорые приговоры, как правило, с исключительной мерой наказания – расстрел. И, как правило, прежде всего в отношении тех, кто слишком много рассказал или слишком много знает... В результате практически всех уголовных дел имелись выходы на взяточников, долежиков из числа руководителей высоких рангов на местах и в Москве, но ни один из них, за исключением Рытова (зам. министра рыбной промышленности), не был изобличен и привлечен к суду... оставшиеся на периферии “энергичные” люди-дельцы стали перебираться в этот период в центр, в Москву, где надежная охрана. Именно после 1978 г. в службу Моссовета, в Госкомитет цен, Минторг, в московскую городскую и областную торговлю, местную промышленность, комму-

нальное и бытовое обслуживание двинулись “специалисты” из Киргизии, Казахстана, Грузии, Армении, из Украины, из Краснодарского края, Ростовской области... Свои люди были в городских, областных советских и партийных органах, а отдельные из них уже передвинулись в аппарат Совмина и ЦК КПСС. В 1982–1983 гг. здесь, в центре страны, в прямом и переносном смысле слова образовалась, обкаталась и окрепла преступная система – организация с “коллективным” руководством... с отработанными системами взаимосвязи, взаимовыручки и взаимобезопасности» [72].

Подобная и даже еще более всеобъемлющая система теневой экономики и коррупции сложилась в 70-е годы в республиках Средней Азии, особенно в Узбекистане. Мощный удар по теневой экономике и коррупции был нанесен в начале 80-х годов и в Москве, и в Средней Азии. Однако в России, в отличие от Средней Азии, он довольно редко наносился по покровителям теневой экономики.

Сколь велико было число лиц, вовлеченных в теневую экономику? Крупнейший специалист по теневой экономике А. Гуров, говоря о дельцах и теневиках позднего советского периода, определяет их число «в десятки, сотни тысяч» [73]. Но он скорее всего имеет в виду только руководителей. Если же считать всех участников, то речь должна идти о миллионах и даже десятках миллионов человек. Здесь и почти все работники торговли и общественного питания, рабочие и колхозники-«несуны», многие работники правоохранительных органов, покровители теневой экономики во властных структурах различных уровней. Какое-то представление о размерах этого явления можно получить, ознакомившись с данными о числе осужденных по экономическим преступлениям. Только за один 1985 год за хищения государственного или общественного имущества было осуждено 192 тыс. человек, за спекуляцию – 20,5 тыс. за обман покупателей и заказчиков – 13,6 тыс., за самогоноварение с целью сбыта – 2 тыс. человек [74]. Известно, что по этим делам велик удельный вес латентной преступности, а потому вывод о вовлеченности в эту сферу экономики СССР в этот период десятков миллионов людей не выглядит преувеличением.

Очень важный вопрос состоит в том, какую роль в советской экономике сыграла в данный период теневая экономика. Начать рассмотрение этого вопроса приходится с определения доли и динамики теневой экономики в экономике СССР за этот период. Надежных данных в

силу самой сущности явления нет. Также нет данных и о динамике этой доли. Многое зависит и от определения границ теневой экономики. Что касается динамики, то несомненно ее нарастание (хотя и с перерывами, вызванными кампаниями по борьбе с теневой деятельностью). Если во второй половине 60-х годов теневая экономика концентрировалась в республиках Закавказья и Средней Азии и даже там нередко носила очаговый характер (например, слабо затрагивая хлопководство в Средней Азии), то в конце 70-х годов она охватила уже подавляющее большинство районов СССР и большинство отраслей экономики, хотя и в разной степени. Довольно плодотворно этой проблемой занимались в 70–80-е годы западные экономисты, в том числе такие крупные, как Грегори Гроссман. Их вывод состоял в том, что доля теневой экономики в конце 70-х годов составляла по отношению к ВВП 7–8 % [75]. На эту (или бóльшую) величину необходимо увеличить официальные оценки советского ВВП этого периода. Скорее всего эта величина несколько занижена, учитывая огромное число людей, вовлеченных в теневую экономику. Однако дать более обоснованную оценку не представляется возможным.

Более важным кажется вопрос о том, как влияла теневая экономика на всю экономику СССР.

По этому вопросу сложились в отечественной и зарубежной экономической литературе две точки зрения. Согласно первой из них теневая экономика играла полностью или частично негативную роль, дезорганизовывала советскую экономику и нравственно развращала все слои населения, замешанные в ней. В то же время сторонники этой точки зрения признавали, что она была вызвана недостатками советской экономики того периода. Советские ученые-экономисты долгое время не замечали этот феномен или им не разрешали его обсуждать, так что первые статьи о теневой экономике появились только в период перестройки. Справедливости ради следует отметить, что некоторые из ученых пытались обратить внимание власти на этот феномен еще в период застоя. Так, С.М. Меньшиков безуспешно пытался развернуть исследования этой проблемы еще в начале 70-х годов [76], футуролог И.В. Бестужев-Лада направил обширную докладную записку об этой проблеме в ЦК КПСС в середине 80-х годов. В противовес первой сложилась вторая точка зрения, сторонники которой доказывали, что теневая экономика не только была неизбежной, но и оказывала благотворное влияние на советскую экономику, поддерживая благодаря сво-

ей гибкости ее существование. Самый горячий сторонник этой точки зрения среди советских исследователей – Л.М. Тимофеев, а среди зарубежных – А. Безансон. Поскольку первая точка зрения выглядит очевидной, а вторая – более оригинальной, приведу аргументы сторонников второй точки зрения. Вот цитата из работы Тимофеева, обосновывающая эту точку зрения. «От “социалистического сектора экономики”... к началу 80-х годов вообще ничего не осталось; вся цепочка управления экономикой... и межотраслевые связи в том числе, были сверху донизу коррумпированы и пронизаны отношениями “черного рынка”. Но, как ни парадоксально, именно “черный рынок” и обеспечивал нормальный производственный процесс» [77]. Еще более ярко и подробно эту точку зрения обосновывал Аллен Безансон в вышедшей в 1981 году во Франции книге «Политическая экономика реального социализма». Он разделил советскую экономику на три сектора: 1-й – производство военной продукции, 2-й – производство гражданской легальной и обобщественной продукции и 3-й сектор – частная и теневая экономика. Говоря о последнем секторе, он писал: «Фактически 3-й сектор обеспечивает реальности последнее средство уцелеть и играет роль своего рода «спасательного круга», позволяющего пересечь бурные воды строящегося социализма и при этом не погибнуть. Приусадебные участки дают возможность крестьянам не умереть с голоду в своих колхозах, а рабочим – несколько сгладить последствия постоянных перебоев в снабжении продуктами питания. Бесчисленные артели предоставляют услуги и производят товары широкого потребления. Кроме этого, 3-й сектор обеспечивает функционирование двух первых секторов, которые вынуждены к нему прибегать. Именно 3-й сектор предоставляет рынок, где могут черпать необходимые ресурсы как те, кто отвечает за производство мощи, так и ответственные за планирование. Директор военного завода найдет на этом рынке сырье, запасные части и рабочую силу, которые ему не могут предоставить планирующие органы. Да и сами планирующие органы будут надеяться, что этот рынок, в конце концов, и обеспечит выполнение плана. Социалистическая сфера (секторы 1 и 2) быстро оказалась бы парализованной, если бы она полностью устранила несоциалистическую и уничтожила рынок. Она этого не делает и живет в симбиозе с 3-м сектором, как паразит, питающийся плотью своего хозяина, без которого он уже не в состоянии обойтись» [78]. Еще более сильным выглядит и другое утверждение Аллена Безансона: «Корруп-

ция позволяет режиму функционировать и, в конечном счете, выживать. Если бы каким-то чудом она внезапно полностью исчезла, ни один завод или фабрика не могли бы обеспечить себя сырьем и запасными частями, прекратилось бы снабжение городов, остановилось производство, начался голод, и во всей стране не осталось бы ничего кроме “социализма” – то есть попросту ничего» [79].

В утверждениях апологетов теневой экономики, как мне представляется, объективный анализ ее влияния на советскую экономику подменяется желанием во что бы то ни стало показать достоинства капиталистической экономики, какие бы дикие (чего они не отрицали) формы она ни принимала. При этом в теневую экономику искусственно включается и вполне легальная, хотя и не обобщественная экономика в виде личных подсобных хозяйств населения. Но и их значение преувеличивается: игнорируется то важнейшее обстоятельство, что личные подсобные хозяйства в значительной степени существовали за счет общественного хозяйства, используя его корма и сельскохозяйственную технику. Как раз они и паразитировали на общественном хозяйстве, а не наоборот. В отношении собственно теневой экономики игнорируются различия между ее многообразными формами. Действительно, вынужденное использование некоторых ее форм (например, приписок или использование толкачей и подарков), вызванное грубыми ошибками в планировании, выдается за благотворные явления. Напомню, что в таких гораздо более организованных странах, как Чехословакия и ГДР, теневая экономика занимала достаточно скромное место.

Очень важно и другое обстоятельство: положение в советской экономике ухудшалось параллельно росту доли теневой экономики (даже с включением ее в расчет динамики). Наиболее успешно советская экономика росла в 50-е годы, когда масштабы теневой экономики были минимальны, хуже всего с экономикой в стране было в конце 70-х годов, когда теневая экономика достигла максимальных размеров. И взаимосвязь этих явлений невозможно игнорировать.

Если проанализировать различные составляющие теневой экономики, то обнаружится, что большинство из них носило посреднический или явно паразитический характер. Основная часть теневой экономики паразитировала на недостатках социалистической экономики, зачастую эти недостатки даже искусственно создавались для обеспечения возможностей теневой экономики (например, товарный дефицит или ошибочные нормы). Если же выделить ту часть теневой экономи-

ки, которая носила производительный характер, и попытаться определить ее эффективность, то она не представляется столь уж очевидной при сравнении с плановой экономикой. Правда, по понятным причинам данных об экономических показателях предприятий теневой экономики нет и нам приходится только порассуждать на качественном уровне. Очевидно, что рядовые работники зарабатывали на этих предприятиях больше, чем на государственных предприятиях (иначе бы они там не работали), а владельцы этих предприятий получали немалые прибыли, о чем говорят их роскошный образ жизни и огромные ценности, которые находили у них при обысках. Но подтверждают ли эти факты эффективность самих предприятий? Никоим образом. Дело в том, что эти предприятия функционировали в особо благоприятных условиях. Во-первых, они платили за сырье и материалы намного меньше, чем государственные предприятия, ибо сырье было ворованное. Во-вторых, при продаже продукции предприятия не платили налогов, в том числе, что особенно важно – и налог с оборота по потребительским товарам, который по многим из них составлял до 50–60 % розничной цены. Да, им приходилось платить нечто в виде налога за оплату услуг «крыш» в виде благосклонности многочисленных властных структур, но, очевидно, что этот «налог» был значительно меньше по размеру. Вместе с тем надо отдать должное уменью «цеховиков» выявлять реальные потребности населения – их маркетинговые способности.

Истинная цена теневых предпринимателей определилась при появлении в СССР реальных рыночных отношений. Среди новых предпринимателей успешных из числа прежних «теневиков» оказалось совсем немного. Вот как пишет об этом на основе опыта Грузии Георгий Нижарадзе: «Кому не повезло, так это «теневикам», плоть от плоти советской дефицитной экономики... Теневая экономика советских времен, за малым исключением, оказалась неконкурентоспособной, и я знаю немало бывших магнатов, сводящих концы с концами лишь за счет сдачи внаем иностранцам домов, возведенных в беззаботные советские времена. На плаву остались лишь немногие, в основном те, кто сумел отхватить госзаказы или получил доступ к природным ресурсам» [80].

Извращенный характер теневой экономики советского времени были вынуждены признать даже ее горячие апологеты. Так, Ален Безансон пишет: «Это возрождение общества, идущее окольным путем коррумпции, может быть охарактеризовано в терминах экономики как

возрождение рынка. Однако это возрождение принимает столь разнужданные формы, что у нас возникает искушение позаимствовать у Маркса не только громоподобные нападки на подобную систему, но даже его методы анализа. То, что процветает в Азербайджане под застывшей коркой социализма, – разве это не капитализм эпохи молодого Маркса, “дикий капитализм”?» [81].

Конечно, теневая экономика была крайне примитивной формой капитализма, не эпохи Маркса, а скорее XIII–XIV веков в итальянских республиках. С точки зрения будущего развития экономики России важно отметить основные особенности этого капитализма. Он был преимущественно паразитическим, основывался на близости к власти и не демонстрировал экономических достижений. Чем больше его становилось, тем хуже было экономике СССР. Можно сказать, что капитализм в СССР плохо начинал. Другое дело, что в условиях преимущественно командной экономики более эффективные его формы с трудом могли бы появиться.

Понимая разрушительный характер теневой экономики для советского общественного строя, Ален Безансон оправданно вспоминал о том, как на возрождение капитализма партия отвечала контрударами в 1929 и 1945 годах (в последнем случае это было идеологическое влияние), но выражал сомнение, что ей удастся повторить этот опыт в настоящее время, когда ее связь с коррупцией зашла слишком далеко и высоко [82].

Как сказывалась теневая экономика на пропорциях развития советской экономики?

Начну с ее влияния на объем ВВП. Здесь встает непростой вопрос: какую часть теневой экономики следует включать в ВВП? Очевидно, что следует включать производство всех видов (промышленное, строительное, например, ремонт и строительство жилья, нелегальное сельскохозяйственное производство). Аналогичное положение занимает теневая экономика в сфере услуг (репетиторство, врачебная практика, частные концерты, частные столовые и «гостиницы» в курортных районах и т.д.). Сложнее обстоит вопрос с посреднической деятельностью при приобретении потребительских и производственных товаров. Формально эта деятельность является сферой торговли и могла бы включаться в состав ВВП по этой отрасли. Но в какой величине? Предположим, торговый работник в своем магазине приобретает (покупает) товар по государственной цене и продает его конечному по-

ребителю по рыночной цене в 2–3 раза выше (очень распространенный случай). Или работник предприятия крадет у него материалы и продает их. Не думаю, что такую деятельность следует включать в ВВП. В любом случае очевидно, что при расчетах динамики ВВП в советский период их нужно корректировать на величину реальной теневой экономики. Но таких обоснованных данных в виде статистических пока нет.

Другое следствие влияния теневой экономики состоит в изменении планового соотношения отдельных секторов экономики. Теневая экономика, естественно, концентрировалась в сфере потребительских товаров и услуг. Она осуществлялась чаще всего за счет перераспределения ресурсов из сферы производства средств производства в сферу производства потребительских товаров. Например, строительные материалы расхищались на строительстве производственных объектов и использовались при строительстве и ремонте жилья. Или бензин, предназначенный для грузового транспорта, использовался в легковом транспорте. Таким образом, повышалась доля потребления домашних хозяйств и непромышленного накопления за счет производственного накопления и даже военных расходов. Иногда перераспределение происходило между частным и государственным производством потребительских товаров (например, при похищении сырья с государственных предприятий группы Б). Наконец, росла доля частного сектора в экономике.

Важное значение имело изменение распределения доходов населения. Теневая экономика в широком смысле явилась мощным средством в перераспределении доходов в пользу занятых в ней лиц и в ущерб доходам социалистического сектора экономики и незанятых в теневой экономике лиц. Благодаря теневой экономике в 70–80-е годы в СССР сформировалась многочисленная категория богатых людей, зачастую «советских миллионеров». Этот факт можно проследить в огромной массе вкладов населения в сберегательных кассах, большая часть которых формировалась за счет крупных вкладов, рассредоточенных нередко в разных сберкассах во вкладах на предъявителя. Другим свидетельством стали результаты обысков среди дельцов теневой экономики и их покровителей во властных структурах, в ходе таких обысков часто находились денежные и материальные средства на миллионы рублей. Учитывая, что арестовывали только часть крупных операторов теневой экономики, можно предположить, что число «совет-

ских миллионеров» исчислялось десятками тысяч, а сосредоточенные у них денежные средства измерялись в середине 80-х годов многими десятками миллиардов рублей (в 1985 году общая сумма вкладов составляла 220,8 млрд р. [83]).

1.6. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НОВОВВЕДЕНИЯ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА ПЕРЕСТРОЙКИ: ЗАМЫСЕЛ И РЕЗУЛЬТАТ

Избрание М.С. Горбачева в марте 1985 года Генеральным секретарем ЦК КПСС означало вступление СССР в новый этап социально-экономического развития. Молодой и энергичный, честолюбивый новый советский руководитель в полной мере осознавал слабости советского общества и советской экономики, особенно в области научно-технического прогресса. То обстоятельство, что в 1983–1985 годах советская экономика вышла из непосредственного состояния кризиса, не означало, с его точки зрения, что основные опасности советской экономики остались позади. Экономический рост оставался медленным и неустойчивым. Для обеспечения устойчивого экономического роста требовался, как и в прошлой экономической истории России, подлинный рывок, на который не могли решиться престарелые прежние руководители КПСС, но который был по плечу, как ему казалось, новому молодому руководителю. Этот рывок обуславливался не только внутренними потребностями советского общества, но и необходимостью укрепления его международных позиций, слабевших в первой половине 80-х годов в результате усиления военных приготовлений на Западе и растущих затруднений СССР в социалистическом мире и в Афганистане. Идеология экономического рывка получила название ускорения. Она была выработана еще в конце 70-х годов в Институте экономики и организации промышленного производства СССР под руководством академика А.Г. Аганбегяна – единственном официальном научном учреждении, где в то время пытались исчислить реальную динамику советской экономики и разработать программу ее радикального технического перевооружения.

Если учесть огромную роль Генерального секретаря ЦК КПСС в жизни советского общества, то возможности реализации стратегии подъема советской экономики во многом зависели от личных качеств этого человека.

Вознесение Горбачева на политический олимп стало возможным только в период застоя, оно – отражение и выражение застоя, когда реальные результаты деятельности руководителя уже не принимались во внимание при назначении на руководящие должности. Имели значение только личные отношения, часто – личное впечатление. В лучшем случае (и это, видимо, и случилось с Горбачевым) принималось во внимание отсутствие крупных провалов в работе, конфликтов с коллегами и вышестоящими лицами, крупных злоупотреблений.

Если вдуматься в биографию Горбачева в сравнении с биографией его предшественников на посту Генерального секретаря (кроме Черненко), то бросается в глаза ее удивительное благополучие, что в тех условиях означало бесконфликтность, умение ладить с начальством, подлаживаться к нему. Никаких серьезных жизненных испытаний, в которых проверяется и закаляется характер человека, он не испытывал. В сущности и реальной жизни он не знал. Если исключить работу в детстве летом на комбайне с отцом, ни дня не занимался реальным делом. Не было крупных достижений в его регионе и тогда, когда он возглавил Ставропольский крайком партии, несмотря на огромные капиталовложения в развитие этого края, особенно в водохозяйственное строительство. Статистические данные о развитии сельского хозяйства Ставропольского края говорят о том, что в 70-е годы они были ничем не лучше по темпам роста сельского хозяйства РСФСР в целом [84]. В книге воспоминаний он вообще ничего не пишет о своей деятельности, например, в качестве секретаря обкома по промышленности. Видимо, умение не высовываться и расположить к себе высших руководителей во время их поездок на отдых в Кисловодск было главным его достижением. К его чести, он в воспоминаниях «Жизнь и реформы» приводит истинные причины перевода в Москву, высказанные К. Черненко: «Леонид Ильич исходит из того, что ты на его стороне, лоялен по отношению к нему. Он это ценит» [85]. Ни слова о достижениях Горбачева. Весьма показательны, для оценки самим Горбачевым своих деловых качеств, воспоминания Байбакова о беседе с Горбачевым в 1976 году, когда Байбаков предложил Михаилу Сергеевичу занять пост первого заместителя председателя Госплана СССР по сельскому хозяйству (что, кстати, не украшает и самого Байбакова): «Горбачев тут же заторопился, поднялся со стула, проговорил: “Я с этой должностью не справлюсь”, – и, попрощавшись, быстро вышел из кабинета» [86].

Совсем не впечатляют и его достижения на посту секретаря ЦК КПСС по сельскому хозяйству. Главное, чем он занимался на этом посту, судя по его же воспоминаниям, – это выбивание дополнительных средств для сельского хозяйства. Он не затрагивал механизма его ведения (кроме интеграции элементов аграрно-промышленного комплекса), что могло вызвать недовольство его коллег по Политбюро. Вполне традиционным было и его отношение к крупным политическим вопросам. Даже по вопросу о Сталине он выступал в унисон со своими коллегами, осуждая Хрущева за его критику Сталина. Одним словом, ничто не говорило, что пришел крупный государственный деятель, способный возглавить страну на критическом этапе ее развития. Даже в очень бедном талантами советском государственном руководстве того периода он выглядел слабее в деловом отношении и знании реальной экономики таких относительно молодых руководителей, как Г.В. Романов или В.И. Долгих. Надо отдать должное, однако, его работоспособности и стремлению к обновлению общества, на которое уже не была способна престарелая часть Политбюро. И, безусловно, он был гуманитарно более образован, чем его коллеги по Политбюро и секретариату ЦК партии, имевшие, как правило, техническое или агрономическое образование. Но эти гуманитарные знания были плохо организованы, если учесть характер этого образования в то время. На таком фундаменте невозможно было самостоятельно выработать обоснованную программу преобразований, учитывающую особенность советского общества. Мало могли помочь в расширении провинциального кругозора и заседания Политбюро и Секретариата ЦК, которые в то время чаще всего проводились за 15–20 мин (Политбюро) или носили сугубо конкретный и персональный характер (Секретариат). Одним словом, прошлый опыт деятельности Горбачева, который плохо изучался и руководством страны, и общественностью, не давал ни малейших оснований ожидать успехов в его преобразовательной деятельности.

Не будучи способным самостоятельно сформулировать программу социально-экономических преобразований, он (как и большинство политических лидеров мира) опирался на своих советников и консультантов. Однако те мало чем могли ему помочь. Во-первых, официальная общественная наука, на либеральную часть представителей которой он опирался, в силу общественной атмосферы того времени не могла глубоко обсуждать проблемы преобразований советского общества и реалистичные пути его преобразования. Помимо того, что «так

жить нельзя», ей мало что было известно самой. Во-вторых, весьма субъективен был сам отбор советников – скорее по политическим и личным симпатиям, чем по профессиональным качествам. В-третьих, большой ошибкой было игнорирование или недооценка мнения практиков, обладающих большим жизненным опытом, о предполагаемых изменениях. Огромное значение имело и полностью проявившееся уже во время его работы в Ставрополье присущее Горбачеву такое свойство, как поспешность в принятии решений, без их коллективного обсуждения и длительного обдумывания, зачастую в рекламных целях. Важнейшие решения начального этапа перестройки принимались без публичного обсуждения или с игнорированием его результатов.

Самым существенным таким решением, оказавшим большое влияние на развитие экономики СССР в первые годы перестройки, явился курс на ускорение экономического развития, Концепция ускорения была впервые сформулирована в выступлении Черненко на юбилейном пленуме Союза писателей СССР в сентябре 1984 года [87]. Советник Черненко по вопросам идеологии, Вадим Печенев, в своих интересных воспоминаниях о предперестроечном периоде в советском руководстве так характеризует восприятие этой концепции в советском обществе: «Тогда большинством из нас и, естественно, большинством народа этот лозунг (который робко начал “проклевываться” еще при Андропове) был воспринят позитивно – как закономерная реакция на падение темпов производства и уровня жизни, на безынициативность и бездеятельность государственно-хозяйственных органов» [88]. Однако тот же Печенев сообщает, что в последних работах Черненко, написанных его советниками, обращалось внимание на то, что «прежде чем рваться вперед “с ускорением”, надо “подтянуть” отстающие участки и в первую очередь сельское хозяйство, транспорт, сферу обслуживания, добиться качественного преобразования всех производительных сил, коренного перелома в повышении интенсификации всего народного хозяйства на основе соответствующих перемен в наших производственных отношениях» [89]. О необходимости «подтягивания тылов» для проведения ускорения, оказывается, по воспоминаниям того же Печенева, говорили и не названные им некоторые советники Андропова, которые отстаивали необходимость «для решения проблем нашей отсталой социальной инфраструктуры введения, по крайней мере, одной пятилетки так называемого нулевого роста» [90]. Более подробно о позиции противников ускорения рассказывает заместитель председа-

теля сводного отдела Госплана СССР в этот период Г. Зотеев. Вот как он описывает ее в своих воспоминаниях, написанных десять лет спустя: «Лейтмотивом начальной версии Концепции (плана на 1986–2000 годы – Г.Х.) были ухудшающиеся перспективы советской экономики, вызванные естественными и демографическими факторами, так же как и износом основных фондов. Возмещение последних требовало нескольких пятилеток из-за низких темпов инвестиций. Советская экономика приближалась к концу 80-х годов с тяжелыми нерешенными проблемами» [91]. В связи с этими обстоятельствами в проекте плана предусматривалось сохранение темпов роста, достигнутых в предыдущие две пятилетки (2,8–3,2 %). Этот вариант был принят на заседании Президиума Совета министров СССР в сентябре 1984 года [92]. Объясняя, почему этот реалистический план был неожиданно заменен политикой ускорения, Зотеев пишет: «Мотивы стратегии Андропова были тройными: как председатель КГБ он значительно лучше Горбачева знал истинное состояние советской экономики; он доверял Госплану и держал на расстоянии таких дилетантских экономических советников, как Аганбегян, Шаталин, Абалкин и Петраков; в противоположность Горбачеву он не страдал нарциссизмом» [93]. Одним словом, перед приходом Горбачева к власти происходила весьма содержательная борьба между сторонниками одновременного осуществления перестройки хозяйственного механизма (термин, появившийся также еще до прихода Горбачева к власти) и ускорения и сторонниками последовательного проведения этих мероприятий: сначала перестройка, потом ускорение.

Выскажу свое мнение относительно идеи ускорения, которая и в то время (я излагал ее в ряде выступлений в научных учреждениях Москвы весной 1986 года), и сейчас близка к тогдашней точке зрения сводного отдела Госплана СССР, хотя в то время о точке зрения госплановцев я не имел ни малейшего представления. Идея ускорения была и необоснованна, и нецелесообразна. Необоснованна, поскольку для нее нельзя было создать в короткий срок необходимых предпосылок. При тогдашней системе экономических отношений и структуре советская экономика работала почти на пределе экономических возможностей. Можно было, опираясь на большую требовательность и организованность, несколько ускорить ее развитие на несколько лет, что и произошло в 1983–1987 годах, но затем этот рост все равно прекратился бы. При принятии решения об ускорении советские руководители и

экономисты стали жертвой созданной ими же лживой макроэкономической статистики, которая не позволила выявить реальную приостановку роста основных фондов к 1985 году. В то же время практически прекратился и рост трудовых ресурсов. Фактически, самым благоприятным развитием событий было бы удержание прежнего (фактически нулевого) роста, что и предусматривали проектировщики Госплана СССР с учетом скрытого роста цен. Не названные Печеневым советники Андропова, предлагавшие, строго говоря, нулевой рост, и были, видимо, работники сводного отдела Госплана СССР, весьма квалифицированные экономисты, с мнением которых перестали считаться в годы ускорения и перестройки именно потому, что они были квалифицированными. Им же, вероятно, принадлежала и идея «подтягивания тылов» перед ускорением. Возможно, кто-то предлагал и номинально нулевой рост, но мне такие специалисты среди официальных лиц не известны.

Ускорение экономического развития требовало гораздо большего периода времени для осуществления и было возможно лишь на основе резкого изменения народнохозяйственных пропорций: сокращения военных расходов, стабилизации или даже сокращения личного потребления населения и резкого роста капитальных вложений в экономику, особенно в производственную сферу и научно-технический прогресс.

Политика ускорения была и нецелесообразна, потому что главной проблемой в то время были не сами по себе темпы, а их реальное наполнение: выпуск современной высококачественной продукции, техническая реконструкция экономики, ресурсосбережение, производство разнообразных потребительских товаров. Решение этих задач зачастую требовало как раз снижения общего выпуска продукции. Требование же ускорения толкало предприятия в прямо противоположном направлении. Между тем в плане двенадцатой пятилетки ставилась фантастическая задача: довести до уровня мировых стандартов 85 % и более гражданской машиностроительной продукции вместо 29 % в 1985 году [94]. Даже гораздо меньшее повышение этой доли требовало значительного сокращения количественного выпуска продукции, непосильные задания по которой вынуждали предприятия снижать требования к качеству продукции. Но нужно было также значительно улучшить качество работы учреждений НИОКР, усилить их экспериментальную базу, спроектировать новую технику и т. д. На все это должны были уйти годы до начала выпуска новой продукции.

Наиболее важной причиной этих грубых просчетов в оценке перспектив экономического развития была недооценка глубины болезни советского общества в тот период и невозможность в короткий срок эту болезнь вылечить. Сюда добавились и чисто экономические просчеты. Так, трудно совмещались одновременные намерения и ускорить экономическое развитие, и поднять уровень жизни населения, и увеличить военные расходы, и ускорить научно-технический прогресс, и поднять качество продукции.

Западные экономисты почти сразу после появления директив по составлению плана двенадцатой пятилетки проделали тщательный их анализ и пришли к единодушному мнению, что эти задания невыполнимы и несовместимы друг с другом [95].

Другим столь же малограмотным волюнтаристским решением уже в первый год перестройки стало решение о борьбе с алкоголизмом путем резкого сокращения производства алкогольной продукции. Руководствуясь благородным стремлением быстро покончить с действительно серьезной опасностью алкоголизма, Горбачев и его ближайшее окружение, вопреки возражениям подавляющего большинства хозяйственников, указывавших на опасные последствия этого решения для государственного бюджета и денежного обращения [96], провели это решение, которое мало повлияло на сокращение алкоголизма, но очень серьезно подорвало государственный бюджет и денежное обращение и принесло огромные прибыли теневой экономике. В то же время оно первоначально значительно снизило заболеваемость и смертность трудоспособного населения.

Дилетантский подход Горбачева к руководству экономикой и государством вообще четко проявился и в выборе руководителей экономики. Он их начал быстро менять не по признаку профессионализма, а по признаку личной преданности или возраста, как правило, на худших. Первым таким решением было назначение на ответственный пост главы правительства Н.И. Рыжкова вместо Н.А. Тихонова. Рыжков был выдвинут Андроповым (который также плохо разбирался в людях) с поста первого заместителя председателя Госплана СССР в ноябре 1982 года на должность заведующего вновь учрежденного экономического отдела ЦК партии, призванного разрабатывать экономическую стратегию. Никаких объективных данных для выполнения этой задачи у Рыжкова не было. Он был, возможно, неплохим производственником, пройдя все ступени производственного управления от мастера до

директора крупнейшего машиностроительного завода «Уралмаш», и в этом качестве хорошо знал проблемы и беды промышленного производства. С этого поста он ушел в заместители министра энергетического машиностроения, и вскоре был переведен в Госплан в качестве первого заместителя, но не по вопросам машиностроения, которое он хорошо знал, а по общим вопросам экономики, которые он знал плохо. О его экономических познаниях периода работы в Госплане СССР видный работник этого ведомства Олег Юнь пишет: «Даже в 1981 году он избегал экономических вопросов. Рыжков взял на себя ответственность за материальные балансы, переложив очень ответственные сводные вопросы на Н.П. Либединского. Позже, когда уже в качестве главы правительства он возглавлял дискуссию по проектам постановлений, требовались исключительные усилия, чтобы объяснить ему сложность экономических взаимосвязей и препятствия на пути предлагаемых решений» [97]. Не лучшими были, видимо, и административные способности Рыжкова. Вот как вспоминает о заседаниях правительства в период, когда Рыжков его возглавлял, Е. Чазов, тогда министр здравоохранения СССР: «Мне пришлось принимать участие в заседаниях Совета министров в разные времена. С ужасом вспоминаю многочасовые дискуссии на заседаниях Совета министров, когда их вел Рыжков. Вопросы, которые выносились на обсуждение, хотя и готовились месяцами, оказывались в конце концов плохо подготовленными, непродуманными. Находящийся под влиянием своих помощников, Рыжков высказывал вначале одни мнения, которые уже через шесть месяцев или год представлялись в совершенно другом виде. Честный, опытный и знающий инженер, Рыжков, не разбирающийся в тонкостях экономики, своими колебаниями, своей верой в истину, которую ему навязывало его окружение, упустил многое в развитии страны» [98].

Вслед за неудачным выбором главы правительства начались столь же неудачные перестановки на более низких уровнях. На ключевой в то время пост председателя Госплана СССР вместо Байбакова уже осенью 1985 года был назначен министр связи СССР Н.В. Талызин. По характеру своей работы и по личным качествам он был намного слабее своего предшественника. Тот успешно возглавлял работу важнейших отраслей экономики, имел опыт работы во главе и Госплана СССР, и нескольких совнархозов. Талызин всю жизнь проработал в связи, традиционно в СССР периферийной отрасли экономики, и был далек от ее основных проблем. Олег Юнь вспоминает о его деятельности во главе

Госплана СССР: «Он находился в смятении, когда речь заходила о самых элементарных экономических вопросах. В результате, он ждал указаний от вышестоящих лиц, что он откровенно признавал, Лигачев – важнее Маркса» [99]. Столь же абсурдным было назначение на пост министра финансов СССР вместо опытного финансиста В.Ф. Гарбузова партийного аппаратчика Б.И. Гостева, который опирался на назначенного в январе 1986 года первого заместителя министра финансов СССР В.С. Павлова. Как вспоминает В.С. Павлов, хорошо знавший работу этого министерства по долголетней работе в нем, он «...был несколько удивлен тем, что там происходило. Не вдаваясь в детали, обозначаю тогдашние минфиновские порядки термином “снижение профессионального уровня” [100]. Уже через 6–7 месяцев Павлов был освобожден от своей должности за чрезмерный профессионализм.

Не более удачным было и назначение В.С. Мураховского первым заместителем председателя Совета министров СССР и председателем Госагропрома СССР. Его главным «достоинством» была длительная совместная работа и дружба с Горбачевым на Ставрополье. В условиях огромного значения, придававшегося преодолению отставания СССР в научно-техническом прогрессе, крайне неудачными были назначения (даже если формально это были и выборы, как в Академии наук СССР) руководителей советской науки. Так, президентом Академии наук СССР после ухода в отставку после Чернобыльской аварии академика А.А. Александрова был избран академик Г.И. Марчук. Он показал себя наихудшим образом в качестве президента Сибирского отделения Академии наук СССР после изгнания с этого поста, не без помощи Марчука, основателя этого отделения академика М.А. Лаврентьева. Ничем хорошим Марчук не проявил себя и в качестве председателя Госкомитета по научно-техническому прогрессу. На его место в качестве председателя этого же Госкомитета был назначен академик Н.Г. Лаверов, тоже с неизвестными достижениями по руководству этим прогрессом в прошлом (в отличие, например, от академика Б.Е. Патона, не говоря уже о многих руководителях военно-научных исследований).

В области институциональных преобразований данный период был отмечен сочетанием продолжения линии Андропова по укреплению дисциплины в экономике и провозглашенной на XXVII съезде КПСС линии на расширение товарно-денежных отношений и прав предпри-

ятий [101]. В докладах Горбачева и Рыжкова на съезде прозвучали слова о радикальной экономической реформе, переходе предприятий на самофинансирование. Однако в практической деятельности государственных и партийных органов первая линия преобладала. Эта линия нашла многообразные проявления. В наиболее ярком виде она проявилась в учреждении госприемки в гражданской промышленности. Столкнувшись с крайне низким качеством гражданской продукции и неспособностью отделов технического контроля предприятий, подчиненных их администрациям, противодействовать этому, советское руководство решило опереться на опыт военной промышленности, где уже давно существовала независимая военная приемка и где качество продукции было значительно выше (хотя далеко и не идеально). По этому образцу была учреждена в 1986 году гражданская приемка, подчиненная Госстандарту СССР с представителями на каждом предприятии. При этом недооценивалось то обстоятельство, что объективные условия для качества продукции в гражданской промышленности были значительно хуже, чем в военной промышленности, из-за более низкого качества кадров, оборудования, используемых материалов. Кроме того, низкое качество объяснялось и непосильными количественными заданиями. Когда госприемка начала работать и предъявлять более высокие требования к качеству продукции, на большинстве предприятий начало сокращаться производство, уменьшились заработки рабочих. На многих предприятиях приемщики просто подкупались различными способами администрацией. Возможно, если бы хозяйственное руководство готово было пойти на резкое сокращение количественных показателей, эта кампания принесла бы определенные плоды. Но не было ни готовности идти на такие сокращения, ни методологии этого обоснованного сокращения. В результате уже в 1987 году госприемка была фактически отменена.

Другим мероприятием в том же направлении было создание новых межотраслевых органов по управлению крупными хозяйственными комплексами для координации деятельности взаимосвязанных отраслей. Так, были созданы комиссии (сверхминистерства) по агропромышленному комплексу, машиностроительному (по гражданскому машиностроению), топливно-энергетическому и химическому комплексам во главе с заместителями председателя Совета министров СССР. Эти организации узурпировали права правительства и Госплана СССР на выполнение задач координации. В сталинские времена для

этих задач существовали отраслевые бюро Совета министров СССР с небольшим аппаратом. Никаких полезных результатов от деятельности новых сверхминистерств, если судить по печати того времени, воспоминаниям современников и результатам развития экономики, не было. Частично это было связано также с неудачным подбором большинства руководителей этих комиссий и отсутствием требовательности со стороны самого правительства, а впоследствии и Верховного Совета СССР. Не оказало положительного влияния на развитие страны и применение крайне отставшей в СССР вычислительной техники создание в марте 1986 года Госкомитета по информации и вычислительной технике. Благие намерения по ликвидации отставания этой отрасли не были подкреплены выделением необходимых для этого огромных ресурсов и изменением организации этой отрасли.

В целях ускорения внедрения научно-технического прогресса были созданы межотраслевые научно-технические комплексы (МНТК), подчиненные непосредственно Госкомитету по новой технике и выведенные таким образом из подчинения отраслевых министерств. Эти организации межотраслевого характера призваны были решать крупные научно-технические проекты с участием ученых различных отраслей. В чем-то они напоминали оправдавшие себя военно-научные комплексы в атомной и ракетной технике. Однако они не включали серийные промышленные предприятия, и, даже если их научные разработки оказывались успешными, оставалась старая проблема внедрения, зависящая по-прежнему от отраслевых министерств. Было создано 29 таких МНТК, на них возлагались большие надежды в ускорении научно-технического прогресса, но впоследствии выяснилось, что из 29 результативными оказались только два комплекса под руководством действительно выдающихся ученых – офтальмолога С.Н. Федорова и академика Б.Е. Патона. Больше найти выдающихся ученых-организаторов, видимо, не удалось, да их и не искали, скорее всего пристроив на должности руководителей нужных людей.

К числу мер по укреплению дисциплины можно отнести в этот период и развернутую борьбу с нетрудовыми доходами. Их действительно было очень много в стране, но борьба с ними была искусственно сужена до борьбы с проявлениями мелкого предпринимательства и вскоре под влиянием критики в печати свернута. Таким образом, ни одна из мер в области рецентрализации и укрепления дисциплины не дала длительного положительного экономического результата из-за их

плохой продуманности и плохой реализации, низкого делового уровня руководителей.

Вместе с тем в данный период в соответствии с решениями XXVII съезда партии начали осуществляться, на первых порах весьма скромные по масштабам, меры по созданию новых экономических институтов рыночного типа и децентрализации экономики. Так, уже созданный в мае 1986 года МНТК С. Федорова получил возможность использовать новые принципы оплаты труда, с учетом его количества и качества. 17 июля 1986 года ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли постановление, расширявшее права предприятий государственной торговли и потребительской кооперации [102]. 14 августа 1986 года постановлением Совета министров СССР при местных советах было разрешено организовывать кооперативы по сбору и переработке первичного сырья – очень скромное начало разрешенной самостоятельной кооперативной деятельности, фактически с самого начала ставшей частной под прикрытием кооперативной. 19 августа 1986 года ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли постановление «О мерах по совершенствованию управления внешнеэкономическими связями». Согласно этому постановлению некоторым предприятиям и министерствам было разрешено непосредственно выходить на внешний рынок и создавать совместные предприятия с зарубежными партнерами. Это решение можно считать подлинным прорывом в экономической политике СССР. Монополия внешней торговли была одной из «священных коров» советской экономической системы, чему можно найти оправдание и объяснение: таким образом советская экономика оберегала свои устои от чужеродного влияния более мощной и иной по своей сущности системы. При всем скромном начале этого нововведения, связанного и с крайне ограниченными его размерами, и со строгим государственным контролем за проведением, это постановление сигнализировало и внешнему миру, и советской экономике о начале отказа от «священных коров» предыдущего этапа. Правда, серьезных непосредственных последствий постановление не имело: у предприятий было мало конкурентоспособной продукции, а контроль за внешнеторговыми сделками и использованием внешнеторговой выручки был все еще очень велик. Прорывной характер имело и решение о создании совместных предприятий с иностранным капиталом, в том числе и западным. Опять-таки и здесь долгое время не было практических результатов, но сигнал был подан.

Наконец, 19 ноября 1986 года был принят «Закон об индивидуальной трудовой деятельности», легализовавший кустарей-частников и разрешавший создание кооперативов в сфере мелкого производства, торговли и услуг населению. Хотя в законе запрещалось использование наемного труда, но этот запрет нетрудно было преодолеть, оформляя наемных работников в качестве членов кооперативов и внося за них паевой взнос. Этим решением был дан «зеленый свет» легализации частного капитала, до этого находившегося исключительно на нелегальном положении.

Экономическую политику первых двух лет перестройки некоторые вдумчивые исследователи называют авторитарной модернизацией, сравнивают ее с первым периодом реформ Дэн Сяопина или даже с попыткой перенять экономическую модель ГДР [103]. Немалое сходство в действиях советского руководства с этими моделями в самом деле было, а результат, как вскоре выяснилось, оказался противоположным. И дело не только в разнице условий. Дело еще и в разнице поведения, и в состоянии общества: и верхов, и низов. Верхи оказались малокомпетентными и легкомысленными, низы малоквалифицированными, безответственными и намного более корыстными, и неорганизованными.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Содержательное изложение истории подготовки экономической реформы 1965 года находим в воспоминаниях И. Бирмана «Я – экономист» (глава «Та реформа») и в воспоминаниях В. К. Ситнина «Из опыта кредитно-финансовых реформ в СССР» в журнале «Проблемы прогнозирования», № 6 за 1994 год. Эти пронизательные авторы отмечают пассивную роль А.Н. Косыгина в процессе подготовки реформы, а И. Бирман пишет еще и о его посредственном интеллектуальном уровне.

2. Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1986. – Т. 10. – С. 440–445.

3. Там же. – С. 446–482.

4. *Украинский Д.* Планирование производства продукции в натуральном выражении / Д. Украинский // Плановое хозяйство. – 1980. – № 10. – С. 51. В то же время число распределяемых Госпланом СССР видов продукции увеличилось до 2000. См.: *Ракитский Б. В.* Формы хозяйственного руководства предприятиями / Б. В. Ракитский. – М., 1968. – С. 171.

5. *Байбаков Н. К.* Сорок лет в правительстве / Н. К. Байбаков. – М., 1993. – С. 113, 115.
6. Там же. – С. 11.
7. *Антонов М.* Капитализму в России не бывать! / М. Антонов. – М., 2005. – С. 365.
8. До этого периода критика мероприятий «реформы» носила в советской экономической литературе скрытый характер, ибо постановления КПСС были вне официальной критики.
9. Альтернатива: выбор пути. – М., 1990. – С. 160.
10. Плановое хозяйство. – 1990. – № 4.
11. *Антонов М.* Капитализму в России не бывать! / М. Антонов. – М., 2005. – С. 360–361.
12. Там же. – С. 361.
13. *Малиновский Н. Б.* История вычислительной техники в СССР. Указ. соч. / Н. Б. Малиновский. – С. 160.
14. Там же.
15. Там же. – С. 163.
16. Там же.
17. Там же. – С. 166.
18. Там же. – С. 165.
19. Там же. – С. 168.
20. Там же. – С. 165.
21. *Harrison M.* Information and command economy. Warwick economic research / М. Harrison. – Department of Economics Warwick, 2002.
22. *Глушков В. М.* Кибернетика. Вопросы теории и практики / В. М. Глушков. – М., 1986. – С. 250, 312.
23. *Бирман И.* Экономика недостатч / И. Бирман. – N.Y., 1983. – С. 45.
24. При изложении изменения директивных показателей в 70-е годы я использовал следующие работы: *Бачурин А. В.* Планово-экономические методы управления / А. В. Бачурин. – М., 1976; Типовая методика разработки пятилетнего плана производственного объединения (комбината), предприятия. – М., *Shroeder G. R.* Recent Developments in Soviet Planing and Incenives / G. R. Shroeder // I Soviet Economic prospects for the seventies. – Washington, 1973.
25. *Масленников В. Н.* Денежные накопления в промышленности / В. Н. Масленников, Д. С. Моляков. – М., 1979. – С. 234.
26. *Валовой Д.* Ослепленные властью / Д. Валовой. – М., 2002. – С. 172–181.
27. Там же. – С. 148–150.
28. Постановление в полном виде (в печати публиковалось его изложение) издано в сборнике «Директивы съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС» (М., 1987. – Т. 13. – С. 355–396), комментарии к нему опубликованы в журнале «ЭКО» (1980. – № 1 и 2; 1982. – № 1).

29. ЭКО. – 1980. – № 2. – С. 17.
30. *Валовой Д.* Ослепленные властью / Д. Валовой. – М., 2002. – С. 176, 181.
31. *Ясин Е. Г.* Российская экономика / Е. Г. Ясин. – М., 2002. – С. 73–74.
32. *The Destruction of the Soviet Economic System* / ed. : М. Ellman, V. Kontorovich. – N.Y.; L., 1998. – P. 97.
33. *Бирман И.* Экономика недостатч / И. Бирман. – N.Y., 1981. – С. 162–163.
34. *Селюнин В.* Глубокая реформа или реванш бюрократии / В. Селюнин // Дружба народов. – 1988. – № 3. – С. 155.
35. *Гайдар Е.* Дни поражений и побед / Е. Гайдар. – М., 1996. – С. 37–38; *The Destruction of the Soviet Economic System.* – N.Y., L., 1998. – P. 101–103.
36. *Ibid.* – P. 116.
37. *Селюнин В.* Эксперимент / В. Селюнин // Новый мир. – 1985. – № 8.
38. *Прохоров А. А.* Русская система управления / А. А. Прохоров. – М., 2002. – С. 200–202.
39. Характеристика личных качеств, экономических взглядов и действий в области экономики Брежнева дана на основе анализа его выступлений, мемуаров государственных деятелей брежневской эпохи (Шелеста, Гришина, Горбачева, Байбакова, Новикова) и его советников (Бовина, Арбатова), а также книги Роя Медведева «Личность и эпоха. Политический портрет Л.И. Брежнева». – М., 1991.
40. *Ханин Г. И.* Экономическая история России в новейшее время / Г. И. Ханин. – Новосибирск, 2003. – Ч. 1. – С. 168–169.
41. Характеристика личных качеств и экономических взглядов А.Н. Косыгина дана на основе анализа его выступлений и мемуаров близких ему людей из числа государственных деятелей и советников (Байбаков, Новиков, Кириллин, Гвишиани, Карпов и некоторые другие). Из числа экономистов наиболее проникательную характеристику Косыгину еще в начале 80-х годов дал Игорь Бирман.
42. *Байбаков Н. К.* Сорок лет в правительстве / Н. К. Байбаков. – М., 1993. – С. 114.
43. Там же.
44. Премьер известный и неизвестный. – М., 1997. – С. 232.
45. Там же. – С. 231–232.
46. *Байбаков Н. К.* Сорок лет в правительстве / Н. К. Байбаков. – М., 1993. – С. 130–131.
47. Там же.
48. Премьер известный и неизвестный. – М., 1997. – С. 214.
49. *Шелест П. Е.* Да не судимы будем / П. Е. Шелест. – Киев, 1995. – С. 531.

50. *Байбаков Н. К.* Сорок лет в правительстве / Н. К. Байбаков. – М., 1993. – С. 253.
51. Там же. – С. 136–137.
52. Там же. – С. 291–292.
53. БСЭ. – 3-е изд. – М., 1978. – Т. 25. – С. 596.
54. *Арбатов Г.* Свидетельство современника / Г. Арбатов. – М., 1991. – С. 295.
55. *Лигачев Е. К.* Загадка Горбачева / Е. К. Лигачев. – Новосибирск, 1992. – С. 50.
56. Там же. – С. 22.
57. *Вольф М.* Игра на чужом поле / М. Вольф. – М., 1997. – С. 370–371.
58. Восторженное описание этих результатов содержится в статье о Г. Романове, опубликованной в книге «Генералы духа» (СПб., 2001). Необходим более тщательный и объективный подход к оценке этих результатов на основе достоверной экономической информации.
59. Восторженная оценка результатов деятельности Г. Алиева в Азербайджане и на посту первого заместителя председателя Совета министров СССР содержится в книге Виктора Андрианова «Гейдар Алиев», вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» в 2005 году.
60. *Антонов М.* Капитализму в России не бывать! / М. Антонов. – М., 2005. – С. 408.
61. Генералы духа. – СПб., 2001. – С. 256–257.
62. См.: *Вайль П.* Мир советского человека / П. Вайль, А. Генис. – М., 2001.
63. *Найшуль В.* Высшая и последняя стадия социализма / В. Найшуль // Погружение в трясину. – М., 1991.
64. *Smith H.* The Russians / H. Smith. – N.Y., 1976. – P. 121. В этой книге известного американского журналиста содержится огромный фактический материал обо всех аспектах советской жизни в начале 70-х годов, в том числе и о теневой экономике.
65. Ibid. – P. 119.
66. *Безансон А.* Русское прошлое и советское настоящее / А. Безансон. – L., 1984. – С. 91–93, 190.
67. *Нижарадзе Г.* Грузия: конец номенклатурной эпохи / Г. Нижарадзе // Дружба народов. – 2004. – № 3. – С. 163.
68. *Smith H.* The Russians / H. Smith. – N.Y., 1976. – P. 129.
69. *Нижарадзе Г.* Грузия: конец номенклатурной эпохи / Г. Нижарадзе // Дружба народов. – 2004. – № 3. – С. 164.
70. Там же.
71. *Безансон А.* Русское прошлое и советское настоящее / А. Безансон. – L., 1984. – С. 199–200. На основе данных, содержащихся в нашумевшей в 70-е

годы книге социолога Ильи Земцова «Партия или мафия», приглашенного в Азербайджан Г. Алиевым (незаурядный поступок!), заведовавшего при Алиеве информационно-аналитическим отделом ЦК Компартии Азербайджана и потом эмигрировавшего в Израиль.

72. Цит. по: *Гуров А.* Красная мафия / А. Гуров. – С. 168–174.

73. Там же. – С. 167.

74. Народное хозяйство СССР в 1990 году. – М., 1991. – С. 279.

75. *Grossman G.* The «Second economy» of the USSR / G. Grossman // *Problems of communism.* – 1977. – Sept. – oct. – P. 35.

76. *Меньшиков С.* Катастрофа или катарсис / С. Меньшиков. – М., 1990. – С. 5.

77. Цит. по: *Экономические субъекты постсоветской экономики.* – М., 2001. – С. 303.

78. *Безансон А.* Русское прошлое и советское настоящее / А. Безансон. – Л., 1984. – С. 309–310.

79. Там же. – С. 181.

80. *Нижарадзе Г.* Грузия: конец номенклатурной эпохи // *Дружба народов.* – 2004. – № 3. – С. 168.

81. *Безансон А.* Русское прошлое и советское настоящее / А. Безансон. – Л., 1984. – С. 184–185.

82. Там же. – С. 190–195.

83. Народное хозяйство СССР в 1990 году. – М., 1991. – С. 48.

84. Российский статистический ежегодник. – М., 2003. – С. 411–425. Об этом же говорят и данные, приведенные в воспоминаниях главного редактора органа Ставропольского крайкома партии Бориса Кучмаева «Отверженный с божьей отметиной» (М., 1992. – С. 137–139).

85. *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы / М. С. Горбачев. – М., 1995. – Т. 1. – С. 16.

86. *Байбаков Н. К.* Сорок лет в правительстве / Н. К. Байбаков. – М., 1996. – С. 288.

87. *Печенев В.* Взлет и падение Горбачева / В. Печенев. – М., 1996. – С. 93.

88. Там же. – С. 135.

89. Там же. – С. 95.

90. Там же. – С. 81.

91. *The Destruction of the Soviet Economic System.* Op. cit. / ed. : M. Ellman, V. Kontorovich. – N.Y.; L., 1996. – P. 90.

92. Ibid. – P. 91–92.

93. Ibid. – P. 92.

94. *Аганбегян А. Г.* Советская экономика – взгляд в будущее / А. Г. Аганбегян. – М., 1988. – С. 154.

95. *Hanson P.* From Stagnation to Katastroika / P. Hanson. – N.Y.; L. – P. 100–127.

96. *Рыжков Н.* История предательства / Н. Рыжков. – М., 1992. – С. 95;
Байбаков Н. Сорок лет в правительстве / Н. Байбаков. – М., 1996. – С. 160–161.
97. The Destruction of the Soviet Economic System. Op. cit. / ed. : M. Ellman, V. Kontorovich. – N.Y.; L., 1996. – P. 115.
98. *Чазов Е.* Здоровье и власть / Е. Чазов. – М., 1992. – С. 76.
99. The Destruction of the Soviet Economic System. Op. cit. / ed. : M. Ellman, V. Kontorovich. – N.Y.; L., 1996. – P. 115.
100. *Павлов В.* Упущен ли шанс? / В. Павлов – М., 1995. – С. 205–26.
101. *Горбачев М. С.* Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза / М. С. Горбачев // XXVII съезд КПСС. Стенографический отчет. – М., 1986. – Т. 1. – С. 54–65.
102. Перечень мероприятий по децентрализации начального периода перестройки приводится по: *Шубин А. В.* Парадоксы перестройки / А. В. Шубин. – М., 2005. – С. 71–74.
103. Там же. – С. 66–78. О схожести реформ первых лет перестройки и экономического механизма ГДР: *Hanson P.* From Stagnation to Katastroika / P. Hanson. – N.Y.; L., 2003.

Глава 2

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА

2.1. ФАКТОРЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Многочисленные факторы влияли на определение экономической политики советским руководством в данный период. Во-первых, доктринальные факторы. Для советского руководства того поколения, получившего политическое образование в 30–40-е годы, существовали понятия, которые оно считало священными и неприкосновенными. К ним относилось господство общественной собственности в экономике и необходимость народнохозяйственного планирования, полная занятость населения, монополия внешней торговли, интернациональная экономическая помощь своим союзникам. Выступить тогда против этих принципов означало сразу оказаться вне партийного руководства или даже вне партии. Робкая попытка П. Шелеста в середине 60-х годов предоставить Украине некоторую (в торговле со странами, которые не торгуют с Советским Союзом) самостоятельность в проведении внешнеэкономических связей вызвала единодушный отпор всех членов Политбюро и руководителей экономических ведомств, и Шелест немедленно от нее отказался [1].

Во-вторых, конкретная экономическая ситуация в стране (и в этом советское руководство поступало, как и руководство многих других стран). К изменениям экономической политики его подталкивало ухудшение экономического положения, удовлетворительное экономическое положение способствовало сохранению прежнего экономического курса: от добра добра не ищут. В отличие от прежнего политиче-

ского руководства брежневское не строило долгосрочных планов типа плана ГОЭЛРО или 20-летнего плана строительства коммунистического общества в Программе КПСС. Об этой программе благополучно забыли. Лишь в середине 70-х годов вновь вспомнили о необходимости долгосрочных планов, но они остались скорее упражнениями для научных работников, нежели имели практическое значение в экономической политике. Они так и не получили никакой официальной санкции.

В-третьих, сильное влияние оказывали политические события в СССР и в других странах, связанные с экономической политикой. Волнения в Новочеркасске в 1962 году надолго отбили желание менять розничные цены на продовольствие, хотя острая необходимость их повышения росла в 70–80-е годы, по мере роста субсидий на мясомолочные изделия. Волнения рабочих в Польше в 70–80-е годы толкали на выработку мер по подъему уровня жизни советских людей, чтобы избежать аналогичных событий. Поэтому в планы на девятую и одиннадцатую пятилетки был заложен курс на преимущественное развитие производства товаров группы Б.

В-четвертых, огромное значение имел профессиональный и интеллектуальный уровень высших советских руководителей, о чем уже говорилось выше. Среди них вообще не было профессиональных экономистов, и хотя зачастую они имели производственный опыт и знание жизни, теоретические знания у них отсутствовали. У подавляющего большинства советских руководителей не было даже понимания необходимости таких знаний. Экономическая теория ассоциировалась в их сознании с нудными, далекими от жизни учебниками по политэкономии, по которым они учились в советских вузах. Экономические советники из числа научных работников привлекались ими, судя по воспоминаниям, преимущественно для написания речей, а не для выработки экономической политики в стране. Впрочем, многие из советников (например, академики Н.И. Иноземцев и Г.А. Арбатов) сами не имели каких-либо серьезных научных заслуг в экономике и в лучшем случае могли пересказать выводы своих подчиненных в руководимых ими научных институтах Академии наук СССР, знакомых с капиталистической экономикой, но далеких от практики экономической жизни в СССР. Высшие руководители послесталинского периода в своем отношении к экономической науке коренным образом отличались от Ленина и Сталина, которые и сами обладали серьезными экономическими познаниями (особенно Ленин), и умели находить себе

квалифицированных экономических советников среди ученых старшего поколения, получивших экономическое образование еще до революции и имевших крупные научные заслуги (например, академики Е. Варга и С. Струмилин).

Проблем экономической политики, с которыми сталкивались советские руководители, – множество, и нет возможности (и необходимости) все их рассмотреть. Остановлюсь поэтому только на важнейших.

2.2. СТРУКТУРНАЯ ПОЛИТИКА

Структурная политика всегда находилась в центре внимания советского государственного руководства. Именно коренное изменение структуры экономики явилось решающим фактором динамичного развития советской экономики в 30–50-е годы. Вместе с тем этот период, с его огромными потрясениями и жертвами, показал опасность чрезмерно быстрых и резких структурных сдвигов в экономике. Это убеждение окрепло у советского руководства в результате трудностей, возникших в ходе реализации структурных сдвигов, начатых Н.С. Хрущевым, в частности, ускоренного развития химической промышленности и структуры зернового производства в пользу кукурузы.

Брежневское руководство оказалось консервативным и в области структурной политики, в чем также проявились его застойные черты. Риску и неизбежным трудностям быстрых структурных изменений оно предпочитало более спокойное и плавное развитие. Тем более что необходимости в этих быстрых изменениях не было – они не казались ему столь же насущны, как в сталинские времена.

В центре внимания советского руководства в 60–80-е годы находились пропорции между развитием потребительского, инвестиционного и военного секторов экономики. Дискуссии о соотношении этих секторов прямо или косвенно начиналось чаще всего при обсуждении директив по составлению пятилетних планов. Поскольку статистически эти секторы прямо не отражались в принятой схеме плановых показателей, дискуссии практически велись вокруг динамики развития конкретных отраслей экономики, в которых овеществлялась продукция этих секторов: сельского хозяйства, легкой и пищевой промышленности, гражданского и оборонного машиностроения и т.д. Еще более предметно дискутировали при решении вопроса о распределении капитальных вложений по отраслям экономики и при определении от-

раслевой структуры экспорта и импорта. Другим (хотя и не совсем точным) выражением той же проблемы явилось определение соотношения групп А и Б промышленности, соотношения динамики розничного товарооборота и капитальных вложений. Конечно, все эти проблемы возникали и при обсуждении вопроса о годовых народнохозяйственных планах, если развитие экономики (как это чаще всего и было) отклонялось от проектировок пятилетних планов.

К сожалению, для данного периода я не могу воспользоваться при рассмотрении всех этих проблем таким бесценным источником, как протоколы заседаний Президиума ЦК КПСС, которые пока еще не опубликованы. Поэтому приходится опираться на народнохозяйственные планы и воспоминания осведомленных современников о том, как эти вопросы обсуждались советским руководством.

Установившееся в 50–60-е годы относительное равновесие в экономике, ее довольно успешное развитие, как и довольно прочное международное положение СССР, и уже достигнутый высокий уровень военных расходов, давали основание полагать, что отсутствует необходимость в крупных изменениях указанных соотношений. Дискуссии шли о небольших их изменениях.

Поскольку советское руководство осознавало степень отставания уровня жизни в СССР по отношению к западным странам, оно при первой возможности ставило себе цель обеспечить более быстрый рост уровня жизни населения. Тем более что основной экономический закон развития советской экономики говорил о том же. Это желание было совершенно искренним. Другое дело, насколько оно было осуществимо при господствовавшем хозяйственном механизме и стремлении сохранить крупные военные расходы.

После серьезных неудач с повышением уровня жизни населения в первой половине 60-х годов послехрущевскому руководству было желательно предстать в глазах населения в наилучшем виде. Курс на большее удовлетворение потребностей населения был достаточно отчетливо выражен уже в директивах плана на восьмую пятилетку. В нем предусматривался почти тот же рост производства товаров группы Б, что и группы А (соответственно по приросту на 43–46 и 49–52 %) с опережением группы А лишь в 1,1–1,2 раза, вместо 1,6 раза – в предыдущие 15 лет [2]. Справедливости ради надо отметить, что аналогичное сближение темпов роста предусматривалось и в семилетнем плане. Однако в отличие от периода семилетнего плана это намерение в вось-

мой пятилетке было даже несколько перевыполнено. Превышение роста группы А над группой Б составило 1,01 раза – самое небольшое за весь послевоенный период в пятилетнем разрезе [3].

Острая борьба вокруг соотношения между развитием потребительского и инвестиционного секторов возникла при подготовке девятого пятилетнего плана. Вот как об этом вспоминал Александр Бовин: «В январе разыгрались бурные события вокруг экономического раздела. Арбатов и Иноземцев доказывали Брежневу, что традиционный подход, когда группа А (производство средств производства) идет впереди группы Б (производство предметов потребления), – устарел. Производство для потребления, для повышения благосостояния людей – так надо ставить вопрос. Соответственно темпы роста группы Б должны быть выше, чем темпы роста группы А. После длительных дискуссий Брежнев согласился» [4]. Тем не менее даже после этого при редактировании текста доклада горячая дискуссия продолжалась. Противники этого решения указывали на военную опасность и необходимость укрепления обороны. Иноземцев обращал внимание на то, что при низкой заработной плате становится невыгодным внедрение новой техники [5]. Хочу в этой связи еще раз обратить внимание на то, что горячая дискуссия вокруг установок развития экономики в пятилетнем плане опровергает широко распространенный в западной советологической литературе тезис, что пятилетние планы всерьез не воспринимались советским руководством и носили чисто пропагандистский характер. Другое дело, что от этих проектировок легко отказывались, если экономическое развитие шло в ином, по сравнению с намеченным, направлении.

В директивах по составлению девятого пятилетнего плана впервые предусматривались более высокие темпы роста группы Б по сравнению с группой А: соответственно 44–48 и 41–45 % [6]. В то же время впервые рассчитанный в плане девятой пятилетки показатель роста I (средств производства) и II (предметов потребления) подразделений всей производственной сферы предусматривал некоторое небольшое (1,03 раза) превышение темпов роста I подразделения [7].

Намеченный в девятой пятилетке курс на преимущественное развитие производства потребительских товаров опирался на явно нерешительные задания по повышению эффективности производства. Иноземцев, Арбатов и Бовин оказались плохими экономистами, ничуть не меньшими волонтеристами, чем их политические противники. Фактически, в ходе выполнения девятого пятилетнего плана группа А росла

быстрее, чем группа Б, хотя это превышение было небольшим (1,05 раза) [8].

Волонтаристское планирование в девятой пятилетке, наряду с традиционными недостатками либеральной модели командной экономики, тяжело сказалось на развитии экономики. Ослабленное внимание к развитию инвестиционного сектора экономики по сравнению с оборонным и потребительским секторами привело к невыполнению планов по вводу в действие производственных мощностей в ряде отраслей экономики, заданий по механизации ручного труда и к последующему замедлению развития и темпов роста производительности труда. Об этой опасности уже с начала 60-х годов предупреждал выдающийся советский экономист А. Ноткин [9]. Поскольку, однако, основные фонды по ошибочным данным ЦСУ СССР продолжали увеличиваться достаточно быстро, эта причина замедления экономического роста и других растущих проблем советской экономики выявлена не была. В то же время ограничивать военные расходы также не собирались. В результате уже к концу девятой пятилетки, по оценке Госплана СССР, «страна начала жить не по средствам, шло неуклонное нарастание зависимости от импорта многих товаров, в том числе и стратегических» [10]. Тем не менее Брежнев на заседании Политбюро, состоявшемся 2 апреля 1975 года, через три дня после получения этого доклада, обвинил Госплан в «...сгущении красок и назвал девятую пятилетку «нашей лучшей пятилеткой» [11]. После этого, чуть ли не прослезившись, он сел. Его тут же начали успокаивать» [12]. А.Н. Косыгин, судя по всему, не выступил в защиту Госплана.

В оценке Госпланом экономического положения СССР в середине 70-х годов особое внимание заслуживает констатация, что страна начинает жить не по средствам. В воспоминаниях Байбакова, откуда я взял это утверждение, его экономический смысл не раскрывается. Вряд ли речь шла только о возникшем уже небольшом дефиците государственного бюджета или даже о сокращении золотовалютных резервов. Допускаю, что квалифицированные работники Госплана СССР, хорошо знавшие реальное состояние экономики, имели в виду назревающее сокращение производственного потенциала, старение производственных фондов, что показывала даже официальная статистика. Именно последнее обстоятельство явно не понималось и не принималось в расчет Брежневым и его окружением, все более жившими только сегодняшним днем.

Об экономических приоритетах Брежнева достаточно точно говорит хорошо его знавший Александр Бовин: «В деятельности Брежнева выделяются два стратегических направления: улучшить жизнь людей, особенно деревни, и не допустить новой войны» [13], что означало не только линию на разрядку международной напряженности до середины 70-х годов, но и всемерное укрепление вооруженных сил, даже в ущерб экономике. О том же вспоминает и Горбачев, говоря, что «хлеб и оборона» были для Брежнева главными приоритетами [14]. Насколько сильной была зацикленность советского руководства на военных расходах, свидетельствует и тот факт, что в планах десятой и одиннадцатой пятилеток, в условиях уже фактически начавшегося экономического кризиса, предусматривался рост военных расходов в 2 раза больший, чем рост национального дохода.

Столкнувшись с сильным невыполнением плана девятой пятилетки (сориентированного на фактическое развитие экономики в предыдущей пятилетке) даже по данным официальной статистики, советское руководство план десятой пятилетки составило, ориентируясь на фактическое развитие экономики в девятой пятилетке. Теперь уже пришлось отказаться и от попыток более быстрыми темпами развивать группу Б.

Видимо, можно полагать, что 1975 год оказался последним, когда была возможность относительно безболезненного пересмотра экономической политики, и такая возможность была упущена, несмотря на рекомендации плановых работников, по вине недалёковидного политического руководства СССР.

В середине десятой пятилетки выявились большие трудности с ее выполнением, хотя она была намного менее напряженной, чем предыдущая. Именно в этот период Госплан СССР опять явился возмутителем спокойствия, направив в директивные органы докладную записку о большом неблагополучии с выполнением плана пятилетки и, в частности, о том, что половина прироста розничного товарооборота происходит за счет скрытого роста цен. И опять Госплан, при полном согласии Косыгина, был обвинен в очернительстве [15].

В начале одиннадцатой пятилетки в центре дискуссий о структурной политике встал вопрос о необходимых капитальных вложениях в развитие сельского хозяйства. Разгорелась ожесточенная борьба между набиравшим силу секретарем ЦК партии Горбачевым, отвечавшим в ЦК партии за развитие сельского хозяйства, и руководством прави-

тельства, противящегося чрезмерному выделению средств для развития сельского хозяйства в ущерб другим отраслям экономики, также остро в них нуждавшимся. Эта борьба завершилась победой Горбачева, получившего поддержку Брежнева, для которого сельское хозяйство всегда было приоритетной отраслью [16].

Важным свидетельством растущего понимания в СССР надвигающегося экономического кризиса явился подготовленный под руководством заместителя председателя Совета министров СССР, председателя Госкомитета по науке и технике академика В.А.Кириллина и при участии большого числа научных работников доклад о состоянии советской экономики, представленный руководству страны. К сожалению, доклад до сих пор не опубликован, и поэтому о его содержании приходится судить только по изложению тех немногих людей, кто познакомился с ним уже в постсоветский период, или участников его составления (например, С. Шаталина). Поскольку эти люди либо недостаточно компетентны в экономике, либо пристрастны, это изложение не позволяет судить о профессиональном уровне доклада – скорее о его общей направленности. Вряд ли там были реальные данные о динамике макроэкономических показателей, ибо из участников его составления тогда этим никто не занимался.

Приведу характеристику этого доклада, данную Р.Г.Пихоей, имевшим доступ к архивам высших органов государственной власти СССР того периода: «В докладе содержалась реалистическая картина экономического положения страны, указывалось, что неизбежно будут нарастать финансово-экономические проблемы, что промышленность нуждается в радикальном структурном реформировании, что страна начинает безнадежно отставать в использовании передовых технологий» [17]. Экспрессивный С. Шаталин впоследствии в своих воспоминаниях писал даже о двух докладах (варианты докладов были в одном направлении): «Первый был атомной бомбой, второй – водородной. Даже госплановские снобы говорили: да» [18]. Доклад Кириллина был отвергнут советским руководством, а сам Кириллин, по одним сведениям – добровольно, по другим – вынужденно, ушел со своих постов в правительстве.

В одиннадцатой пятилетке, под влиянием, видимо, событий в Польше и растущего недовольства населения СССР фактической стагнацией уровня жизни, вновь было предусмотрено обеспечить более быстрое развитие группы Б и расширение ее сырьевой базы на основе интенсификации

фикации экономики и ожидавшегося в результате выполнения разработанной по инициативе Горбачева Продовольственной программы подъема сельского хозяйства. Поскольку ни того, ни другого осуществить не удалось, а расходы на оборону сокращать не собирались, и это необоснованное намерение в очередной раз провалилось [19].

Острые дискуссии происходили в Госплане СССР вокруг структурных изменений в плане одиннадцатой пятилетки. Об этих изменениях достаточно подробно и квалифицированно рассказал Геннадий Зотеев. Я уже упоминал выше эту альтернативу Концепции ускорения как более реалистическую. Она исходила из трезвого анализа многих недостатков советской экономики. О причинах проблем говорилось в самых общих, но отнюдь не бессодержательных (или банальных, по выражению Зотеева) словах: «... мы должны жить и строить по средствам, зарплата должна быть заработана, экономика должна быть экономной». Составители Концепции проявили немалую и довольно редкую для того времени (начало 1983 года) прозорливость, сделав вывод, что нефтяной бум закончился и неизбежно падение цен на нефть. Они считали неизбежным сокращение расходов на «священные коровы» советской экономики: оборону и сельское хозяйство, а также экономическую помощь союзникам СССР, что требовало немалого гражданского мужества. Вместе с тем обращает на себя внимание, что авторы этой Концепции примирились с фактическим (за минусом скрытого роста цен) прекращением экономического роста до конца века. Они проектировали рост капитальных вложений до конца века на уровне намного ниже роста ВВП: 1,5–2 % ежегодно при росте ВВП почти на 3 %, что плохо вязалось с отмеченным в Концепции старением основного капитала [20]. Наиболее просвещенные деятели советской системы уже примирились, таким образом, с ее угасанием.

Горбачевское руководство придерживалось другой точки зрения. Оно выдвинуло Концепцию ускорения. Необоснованность плана ускорения на двенадцатую пятилетку была показана выше. Здесь следует обратить внимание на то, что предусматривалось также обеспечить, как и в плане предыдущей пятилетки, более быстрый рост группы Б при одновременном ускорении темпов роста группы А [21]. И это при том, что одновременно предусматривалось ускорить темп роста капитальных вложений до 25 % вместо 16 %, по данным ЦСУ СССР, за предыдущую пятилетку [22], а также ускорить развитие машиностроения при росте и оборонной промышленности. На бумаге такие несоче-

таемые пропорции обеспечивались нереальными задачами по повышению эффективности производства.

Важнейшей частью структурной политики являлось формирование межотраслевых пропорций в экономике. Частично этот вопрос рассматривался мною при анализе наиболее крупных макроэкономических пропорций. Приоритетными были военно-промышленный комплекс, куда направлялись самые качественные ресурсы, и сельское хозяйство. Далее следовали электроэнергетика, топливная промышленность (особенно нефтяная и газовая, приносящие также огромные валютные доходы), цветная металлургия, работавшая преимущественно на оборонную промышленность, некоторые отрасли химической промышленности. Из указанных отраслей только ускоренное развитие нефтяной, газовой промышленности и электроэнергетики можно отнести к бесспорно удачным решениям советского руководства.

Остальные отрасли являлись париями, для них средства выделялись по остаточному принципу. Слабо финансировались гражданское машиностроение, особенно отрасли, обеспечивавшие механизацию ручного труда (подъемно-транспортного машиностроения), межотраслевые производства и обновление самого машиностроения (станкостроительной промышленности). Низким оставался технический уровень большинства отраслей обрабатывающей промышленности вследствие недостаточных капитальных вложений и низкого их технического уровня, сельского хозяйства – вследствие низкого технического уровня сельскохозяйственного машиностроения, автомобильного и речного транспорта, связи и всей сферы услуг населению.

Традиционный для советской экономики (и совершенно правильный) принцип ускоренного развития отраслей, обеспечивавший научно-технический прогресс, сохранялся зачастую только на бумаге. Серьезные неудачи в реализации этого принципа в хрущевский период послужили основанием не для обеспечения более продуманной реализации, а для ее сдерживания, упора на традиционные отрасли и подотрасли, где риск неудач был меньше. Эта особенность развития советской экономики в брежневский период более всего очевидна в химической и электронной промышленности. В таких отраслях химической промышленности, как производство синтетических волокон и пластмасс, особенно наиболее прогрессивных видов, огромное отставание от западных стран преодолевалось крайне медленно, а иногда даже усиливалось. Исключительно высоким оставалось отставание от

Запада в области электроники. Ускоренно развивалось только производство и научные исследования в области военной электроники. Велико было отставание в области промышленной электроники в количественном и, особенно, в качественном отношении, и оно не сокращалось. Ничтожным оставалось производство бытовой электроники, крайне низким был ее технический уровень. С огромным опозданием (для такой стремительно развивающейся отрасли) было понято значение персональных компьютеров, и первые (неудачные) попытки наладить их производство относятся только к концу перестройки, с опозданием на 10–15 лет. Этот провал в области электроники резко контрастирует с огромными и успешными усилиями по ускоренному развитию прогрессивных отраслей промышленности СССР, которые осуществлялись в 30–50-е годы. Между тем на ключевое значение именно электроники для научно-технического и экономического прогресса еще в начале 60-х годов настойчиво и убедительно указывали такие выдающиеся советские ученые-естественники, как М.В. Келдыш, Н.Н. Моисеев [23], выдающийся советский экономист Я.Б. Кваша. Только части огромных и бессмысленных вложений в военно-промышленный комплекс хватило бы для преодоления этого вопиющего отставания в электронике.

Внутри отраслей, как правило, предусматривалось ускоренное развитие продукции, пользующейся повышенным спросом или с повышенными техническими характеристиками. В качестве примера можно привести задания по отраслям промышленности, содержащиеся в директивах по составлению десятого пятилетнего плана [24]. Поэтому было бы ошибочным рассматривать планирование того периода целиком консервативным. Другое дело, что планируемый научно-технический прогресс носил инерционный характер, не предусматривал научно-технических скачков.

На структурную политику советского руководства негативно влияло несовершенство использовавшейся при принятии решений общэкономической информации. Руководители страны сами стали жертвой системы обмана мирового сообщества и собственного населения, которую создавали много лет. Конечно, они скорее всего сознавали дефекты этой информации и ориентировались в практических действиях больше на относительно надежные натуральные показатели. Но натуральные показатели были не способны дать всеобъемлющую картину состояния экономики. И здесь лживые сводные общэкономиче-

ские показатели дезориентировали. Попытки наиболее талантливых ученых-экономистов (Б.Н. Михалевского) еще в середине 60-х годов на основе реальных (очищенных от скрытого роста цен) общеэкономических показателей выявить негативные тенденции экономического развития и предложить альтернативную, хотя и не бесспорную, структурную экономическую политику не только не нашли понимания у советского руководства, но и повлекли административные репрессии, например, в адрес Михалевского, а сам составленный Б.Н. Михалевским доклад с реальными данными был сожжен (!) председателем Госплана СССР и президентом Академии наук СССР [25]. Иначе как самоубийственными такие действия трудно назвать.

2.3. НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Никогда еще о научно-техническом прогрессе советские руководители не заявляли так много, как в 60–70-е годы. Однако реальные действия советского руководства именно в этой области, как никогда раньше, шли вразрез с этими декларациями. Конечно, препятствовала прежде всего косная социальная и экономическая системы. В прошлом этой косности противостояли, как могли и где считали необходимым, более просвещенные высшие руководители, знавшие, как бороться с этой косностью (Сталин и, в меньшей степени, Хрущев). Брежневское руководство, само косное, этому противостоять не могло и не хотело.

Главное, что оно не отдавало себе ясного отчета в том, от чего зависит научно-технический прогресс. Оно видело самые непосредственные причины его неудовлетворительного хода в СССР: слабая интеграция прикладной науки и производства, слабая заинтересованность производства в научно-техническом прогрессе, недостаточное финансирование и т.д. Зависимость развития науки от общего социально-политического климата, престижа научного труда, свободы научного творчества, достойной оценки лучших ученых, характера экономической системы и других тонких факторов, определяющих развитие науки, либо вообще не осознавалась, либо недооценивалась. Нередко на все это просто закрывали глаза, не имея возможности и желания что-то исправить.

Все более снижались нравственные и профессиональные критерии в науке. Этому и раньше способствовала организация советской науки,

где соревновательный элемент минимизировался. Но раньше этому препятствовало наследие «проклятого прошлого» в виде «созвездия» выдающихся ученых, а с другой стороны, поддержка их со стороны государственного руководства, знавшего нравы советской науки. Новое руководство перестало вникать в особенности научного сообщества. Для него было важнее послушание ученых, нежели их талант. Рассказанная выше история с экономистом Михалевским хорошо это показывает. В уничтожении его талантливой и правдивой работы участвовал даже президент Академии наук СССР – действительно выдающийся ученый М. Келдыш. В конце 60-х годов советским ученым были преподаны и другие наглядные уроки. Так, инакомыслящие ученые в области общественных наук (история, экономика, философия) были подвергнуты грубой проработке в связи с их гражданской позицией (среди ученых были «подписанты» против судебных репрессий писателей Синявского и Даниеля) и их профессиональной деятельностью, отклонявшейся от сложившихся догм. Не ушло от такой постыдной кампании даже отличавшееся ранее известным либерализмом Сибирское отделение Академии наук СССР во главе с М. Лаврентьевым. Изгнание людей зачастую из науки вообще, или на ее далекую периферию, или в эмиграцию в начале 70-х годов открыло дорогу к руководящим постам в науке посредственным, но лояльным власти ученым, которые продвигали вверх себе подобных. Очень удачно отобразил писатель Даниил Гранин в романе «Зубр» эти воцарившиеся в науке нравы 70–80-х годов: «Сукачев, Прянишников, Кольцов, Астауров, Зенкевич. Из таких людей составлялась горная цепь. Они создавали масштаб высоты. По ним мерили порядочность. Их боялись – что они скажут? Настоящего, постоянно действующего общественного мнения не доставало, не было того, что называется обществом, научной средой, которая определила бы нравственные критерии, осуждала бы кого-то за плагиат, за эксплуатацию учеников, за бесчестные поступки, хвалила бы за гражданскую смелость, за порядочность. Общественное мнение заменяли отдельные ученые, в которых счастливо соединялись нравственный и научный авторитеты. Все меньше становилось тех, чьего слова боялись. Не перед кем было стыдиться. Одни умирали, других усылали, одни замолкали, другие отчаялись. Их правила чести становились слишком трудными, поэтому их называли старомодными. Они уходили в легенду – Пророки, Рыцари Истины, Хранители Чести» [26]. Писатель показал процесс деградации науки на примере биоло-

гии. Но то же самое происходило и в других областях фундаментальной науки.

Выразительный портрет нового типа ученого в области общественных наук нарисовал выдающийся американский (в прошлом – советский) экономист Игорь Бирман: «По внешним признакам Николай Прокофьевич Федоренко – самая вершина: помог Немчинову основать ЦЭМИ, академик-секретарь Отделения экономики и член президиума АН, главный редактор журнала и прочая, и прочая, стало быть, полным чином “главный ученый экономист страны”, несчетны статьи-книги, вряд ли сам в них строчку написал. В 1966 году меня зазывали в ЦЭМИ: условие – писать для шефа. Общая образованность-интеллигентность на уровне Ельцина, Черномырдина... Хуже всего – Федоренко помогал не бесплатно, а писавшим для него (то есть за его подписью) и собутыльникам – личные векселя оплачивал. Известен случай, когда, выламывая руки членам совета, провел в доктора за помощь в строительстве дачи; пробивал малоученых в член-корры, академики» [27].

В управлении наукой, как и в других областях общественной жизни, возросла роль партийного аппарата. Отдел науки ЦК партии, отделы науки ЦК компартий союзных республик и обкомов партии решали, кто будет руководить научными институтами, вузами, ориентируясь прежде всего на управляемость этих людей. Во главе отдела науки ЦК КПСС был поставлен уже в середине 60-х годов весьма посредственный ученый – историк С.П. Трапезников. Он и руководил непосредственно деятельностью по разрушению фундаментальной и вузовской, прежде всего общественной, но и прочей тоже, науки. Для работников партийного аппарата открылись широкие возможности получения научных степеней. Раболепные руководители исследовательских институтов и вузов, подобранные, вышколенные ученые советы штамповали в массовом количестве для партийного (но также и ведомственного) начальства защиты диссертаций, не имевших никакой научной ценности. Потом эти, с позволения сказать, «ученые» пересаживались в кресла руководителей исследовательских институтов, ректоров вузов, заведующих кафедрами вузов и определяли развитие науки в этих научных учреждениях. Под их «мудрым» руководством защищались тысячи, десятки тысяч диссертаций, имевших ничтожную научную ценность. В то же время эмигрировали, не имея возможности реализовать свои способности внутри страны, многие крупные ученые

еврейской национальности (только им это и разрешалось в то время). Среди известных экономистов назову таких блестящих ученых, как уже упоминавшийся Игорь Бирман, А.И. Каценеленбойген, экономист и социолог Владимир Шляпентох, уже в Америке развернувший свой талант Владимир Конторович. Они к тому же имели свое мнение и плохо умели приспособливаться к подлости.

Академия наук СССР, пользовавшаяся раньше немалым научным и общественным авторитетом вследствие научных заслуг многих ученых и осмеливавшаяся иногда вступать в конфликт с партийным руководством, теперь становилась все более ручной. Относительно строптивых ее руководителей удаляли, как это случилось с академиком М.А. Лаврентьевым, не ладившим с первым секретарем Новосибирского обкома партии Ф.С. Горячевым, и замененным на посту председателя СО АН СССР в начале 70-х годов послушным, но несравненно менее заслуженным Г.И. Марчуком.

Подавляющее большинство академиков АН СССР в начале 70-х годов по указке сверху осудили взгляды и общественную деятельность академика А.Д. Сахарова, лишенного возможности ответить им публично внутри страны и в стенах Академии, чем еще больше подорвали свой общественный авторитет. К этому времени, в соответствии с новой, не побоюсь сказать, идиотской, тенденцией в академики и члены-корреспонденты преимущественно избирали не за научные заслуги, а за занятие должности: директор академического (или очень крупного неакадемического оборонной промышленности) института непременно избирался либо в академики, либо в члены-корреспонденты, независимо от своих научных заслуг. Не таким придворным академиком было проявлять самостоятельность мышления.

Еще хуже обстояли дела в гражданской отраслевой науке. Она в основном только именовалась наукой. В большинстве отраслевых НИИ число остепененных было невелико. Выполняли эти НИИ чаще всего функции подсобного персонала отраслевых министерств либо конструкторских бюро. Их изобретательская активность была минимальна, как и влияние на научно-технический прогресс в стране. Господство над этими, так называемыми НИИ своих отраслевых министерств и местных партийных организаций было абсолютным. Слабость в работе этих институтов видели в их оторванности от производственных предприятий, вследствие чего затруднялось внедрение их разработок. Это было справедливым, но не главным. Передача НИИ

в подчинение предприятиям в рамках научно-производственных объединений, вошедшая в моду в начале 70-х годов по инициативе Ленинградской партийной организации, мало что изменила в ускорении научно-технического прогресса: научно-производственные объединения оценивались прежде всего по производственным показателям их деятельности, и НИИ в их составе стали теперь уже зачастую подсобными учреждениями предприятий в выполнении производственного плана. Выдвигавшаяся первым заместителем председателя Государственного комитета по новой технике академиком В.А. Трапезниковым идея конкуренции в деятельности научных организаций поддержку советского руководства не получила.

Несколько лучше обстояли дела в науке, занимавшейся оборонными вопросами. Необходимость соревнования с Западом в военной области заставляла поддерживать их более высокий уровень. Но и здесь имелись те же тенденции, что и в академической, и в отраслевой гражданской науке. Талантливые ученые и руководители постепенно заменялись все менее талантливыми, а часто – и посредственными. Это можно показать на примере космической науки и техники. После смерти Сергея Павловича Королева во главе мирных (но связанных с военными) космических исследований был поставлен гораздо менее талантливый академик В.П. Мишин. Во многом (но не только) поэтому, как показано в ряде исследований и воспоминаний постперестроечного периода, несмотря на огромные затраты СССР, бывший все годы впереди США в области освоения космоса, проиграл им в освоении Луны – в высадке человека на Луну в 1971 году. Аналогичные явления происходили и в другой области, где СССР опережал США, – в противоракетной обороне. Как показано в воспоминаниях инициатора исследований в этой области Григория Кисунько, именно после 1967 года началось, исключительно в карьеристских интересах группы лиц из руководства ВПК, Минрадиопрома и Министерства обороны, вытеснение Кисунько и его соратников из научного руководства этими исследованиями. Их заменяли малокомпетентными руководителями, которые завели все работы в этой области в тупик, нанеся огромный материальный ущерб государству [28].

Поскольку советское руководство оказалось неспособно выработать научно-техническую политику, стимулировавшую научно-технический прогресс, и он замедлялся, оно пошло на то, чтобы заменить эту сложнейшую и непосильную для себя ношу испытанным в

30–40-е годы более дешевым и легким промышленным шпионажем в развитых капиталистических странах. Эту линию, если верить писателю Гранину, обосновал еще в середине 60-х годов один из руководителей Минрадиопрома в беседе с выдающимся ученым в области электроники, бывшим американским гражданином, выведенным в основанной на реальных событиях книге «Бегство в Россию» под фамилией Картос:

«– И чем же вы замените науку и ученых? Соцобязательствами? – спрашивает Картос.

Его поучающий тон вывел из себя Кулешова.

– У нас много чего первоклассного. У нас, например, разведка первоклассная... Она обеспечивает нас... С ними проще иметь дело, чем с вами. Как там сделают что-нибудь стоящее, они нам доставят, и порядок» [29].

Об огромных масштабах советского научно-технического шпионажа в этот период сообщает самая авторитетная на Западе история КГБ [30]. Об этом же с гордостью пишут и бывшие руководители советской внешней разведки, председатель КГБ В.А. Крючков. При такой опоре на промышленный шпионаж собственная наука могла казаться излишней. Но эта опора предопределяла и растущее научно-техническое отставание от Запада, ибо добывались таким путем уже освоенные образцы техники.

В 80-е годы администрация Рейгана, поняв огромную роль промышленного шпионажа в развитии советской экономики, приняла энергичные меры по его пресечению и снабжению СССР научной и технической дезинформацией. Советская наука и техника оказались не подготовленными к этой новой ситуации.

В начале перестройки усилению собственного научно-технического прогресса придавалось огромное значение. Но меры по его ускорению были прежними: увеличение ассигнований, научно-производственные объединения, межотраслевые научно-технические комплексы. Новые экономические условия не создавались, возглавляли новые структуры, как правило (С. Федоров и Б. Патон были исключением), люди из старой «колоды» малоспособных производственных и научных деятелей. Других и не искали. Никакого ускорения научно-технического прогресса не получилось.

Разработку экономических реформ тоже взяли на себя первоначально академики, не имевшие больших научных заслуг. Конечно, они,

в отличие от академика Федоренко, писали работы сами и были интеллигентными и хорошо информированными, умными людьми, понимавшими недостатки советской экономики, но самостоятельных оригинальных научных работ не создали (академик Ю.В. Яременко в этом отношении был исключением, но его научные интересы лежали в другой плоскости, не связанной с формированием нового хозяйственного механизма). Глубокого понимания механизма функционирования советской экономики у них, слабо связанных с реальной хозяйственной жизнью, не было. Не говоря уже о понимании особенностей истории России и советского общества. Образцом для них были хозяйственные реформы в Восточной Европе. Опытные практики, как и талантливые, менее титулованные ученые, по-видимому, были бы более подходящими и умелыми реформаторами. Одним словом, и здесь советское руководство расплачивалось за свою порочную в этот период политику в области науки, затруднявшую ее развитие. С таким бедным интеллектуальным багажом СССР вступил в решающий период перестройки, а затем и в постперестроечный период. Сказанное выше не означает, что в советском обществе и науке отсутствовали умные, талантливые люди или их было мало (хотя никто не знает, даже примерно, сколько же их было реально). Просто общественный и научный механизм держал их чаще всего на вторых ролях, не позволял заметно влиять на научно-технический и общественный прогресс. Дать возможность этим людям выйти из второстепенного положения – сложнейшая социальная задача, не решаемая быстро демократическими методами (ее решал Сталин в 30-е годы, но с тех пор экономика и наука намного усложнились). Данное обстоятельство требуется отметить еще и потому, что в постсоветский период многие молодые журналисты и историки, сопоставляя огромные успехи советской науки и техники с полной деградацией научно-технического прогресса постсоветского периода, делали вывод об огромном, не реализованном в середине 80-х годов потенциале индустриально-технического развития СССР, сорванного перестройкой. Особенно характерны в этом отношении многочисленные очень яркие по форме и интересные по содержанию работы журналиста и историка Максима Калашникова, вышедшие в свет во второй половине 90-х годов и начале XXI века [31]. Приводя в качестве доказательства действительно выдающиеся примеры отдельных достижений (в том числе и не реализованные из-за инертности бюрократии) советской науки и техники, Калашников распространяет

их на всю огромную сферу научно-технических исследований того периода. Нередко он опирается и на недостаточно проверенные факты реальных или потенциальных достижений.

2.4. ПОЛИТИКА ДОХОДОВ

В политике доходов населения в данный период достаточно отчетливо проявляется одна линия: увеличение прежде всего доходов низкооплачиваемых слоев населения. К таким слоям традиционно в СССР относились работники сельского хозяйства, особенно нечерноземного Центра России и некоторых других районов, низшие разряды работников несельскохозяйственного производства и бюджетных учреждений, пенсионеры. Увеличение доходов этих низкооплачиваемых групп населения диктовалось стремлением улучшить жизненные условия наиболее обездоленных категорий граждан и привлечь их симпатии на сторону власти. Эта линия, начавшаяся еще в годы шестой пятилетки, когда больше всего был поднят минимальный уровень оплаты труда (с 27 до 40 р. в месяц), была продолжена и в восьмой, и в девятой пятилетках: минимальный уровень оплаты труда был поднят до 60 р. в 1968 году и 70 р. в 1975 году [32]. В результате доля минимальной оплаты труда к средней по народному хозяйству выросла с 34 % в 1959 году (до повышения) до 48 % в 1975 году [33]. В начале 80-х годов минимальная заработная плата выросла до 80 руб., что составляло 42 % от средней заработной платы. В то же время ежемесячные пенсии в среднем были ниже минимальной заработной платы, составляя лишь 33 р. в 1965 году и 72,7 р. в 1986 году.

Одновременно в промышленности происходило очень значительное (с 3,5 до 2) уменьшение разрыва в тарифных ставках рабочих высшего и низшего разрядов [34]. Все эти годы заработная плата инженерно-технических работников росла медленнее, чем всех остальных работников, в результате чего ее доля к средней по стране неуклонно падала и к 1985 году почти сравнялась с ней. Очень медленно росла оплата квалифицированного труда в бюджетных учреждениях (например, профессорско-преподавательского состава в вузах, труда научных работников). На выравнивание условий жизни высокооплачиваемых и низкооплачиваемых работников влияла и проводимая неуклонно с середины 50-х годов политика преимущественного развития общественных фондов потребления, которые распределялись официально равно-

мерно между различными доходными группами. Все эти мероприятия в совокупности привели к тому, что стимулы к повышению квалификации и интеллектуального потенциала общества, чрезвычайно сильные в период классической модели командной экономики, почти исчезли в данный период, что крайне негативно сказалось на развитии экономики и вело к деинтеллектуализации общества. Частично это снижение разрыва между квалифицированным и неквалифицированным трудом было связано с чрезмерным по сравнению с нуждами экономики и общества увеличением числа лиц умственного труда, для достойной оплаты которых у экономики, обремененной огромными военными расходами, не было ресурсов.

Вместе с тем в обществе происходили процессы, реально усилившие дифференциацию в уровне жизни. Они связаны, во-первых, с расширением сферы действия теневой экономики; во-вторых, с многочисленными привилегиями номенклатуры.

Огромное расширение теневой экономики приводило к увеличению доходов у миллионов и, возможно, даже десятков миллионов людей, в ней занятых. Но особенно значительным оно было у сотен тысяч руководителей предприятий и их покровителей в государственном аппарате. Производившиеся в первой половине 80-х годов обыски у высокопоставленных чиновников выявляли у многих из них материальные и денежные ценности на миллионы рублей, что означало годовые доходы в сотни тысяч рублей, в десятки раз превышавшие их годовые официальные доходы (которые они, как и теневые доходы, еще и тратили на личные потребительские нужды). С учетом теневых доходов скорее всего дифференциация доходов в этот период даже существенно выросла. Однако этот рост дифференциации доходов, в отличие от 30-х годов, был связан не со стимулированием напряженного и квалифицированного труда, а преимущественно с паразитированием на недостатках командной экономики (некоторые высокие доходы, как, например, доходы «шабашников» или репетиторов, совмещали то и другое). Именно в этот период среди населения стало популярным ругательство: «Чтобы ты жил на свою зарплату...» Государство очень долго не предпринимало никаких серьезных усилий по ограничению паразитических доходов, дезорганизовавших советскую экономику.

Таким образом, позитивной политики доходов, ориентированной на стимулирование экономики, в этот период не было. Государство

безвольно плелось в хвосте почти стихийных процессов хозяйственной жизни. Максимум чего оно добилось, так это недопущение массовой нищеты населения и терпимой, хотя и малосодержательной, жизни большей ее части.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Микоян А. И. Так это было / А. И. Микоян. – М., 1999. – С. 623–627.
2. Структура народного хозяйства СССР. – М., 1967. – С. 41.
3. Пропорции воспроизводства в период развитого социализма. – М., 1976. – С. 10.
4. Бовин А. XX век и жизнь. Воспоминания / А. Бовин. – М., 2003. – С. 228.
5. Там же. – С. 229–230.
6. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1986. – Т. 12. – С. 49.
7. Пропорции воспроизводства в период развитого социализма. – М., 1976. – С. 14.
8. Там же. – С. 10.
9. Структура народного хозяйства СССР. – М., 1967. – С. 17–44; Пропорции воспроизводства в период развитого социализма. – М., 1976. – С. 5–19.
10. Байбаков Н. К. Сорок лет в правительстве / Н. К. Байбаков. – М., 1993. – С. 126.
11. Там же.
12. Там же. – С. 127.
13. Бовин А. XX век и жизнь. Воспоминания / А. Бовин. – М., 2003. – С. 255.
14. Горбачев М. С. Жизнь и реформы / М. С. Горбачев. – М., 1995. – С. 206.
15. Байбаков Н. К. Сорок лет в правительстве / Н. К. Байбаков. – М., 1993. – С. 129–133.
16. Горбачев М. С. Жизнь и реформы / М. С. Горбачев. – М., 1995. – С. 195–212.
17. Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти / Р. Г. Пихоя. – Новосибирск, 2000. – С. 333.
18. Шаталин С. Прерванный диалог / С. Шаталин. – Тверь, 1998. – С. 135.
19. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1986. – Т. 9. – С. 54.
20. The Destruction of the Soviet Economic System / ed. : M. Ellman, V. Kontorovich. – N.Y.; L., 1998. – P. 90–91.
21. Рыжков Н. И. Об основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986–1990 годы и на период до 2000 года / Н. И. Рыжков. – М., 1986. – С. 18.

22. *Рыжков Н. И.* Об основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986–1990 годы и на период до 2000 года / Н. И. Рыжков. – М., 1986. – С. 19.
23. На пороге кризиса: нарастание кризисных явлений в партии и обществе. – М., 1990. – С. 237–238.
24. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1986. – С. 54–71.
25. *Никольская А. Н.* Борис – наш герой / А. Н. Никольская // ЭКО. – 2006. – № 4. – С. 128–130.
26. *Гранин Д. Зубр* / Д. Гранин // Новый мир. – 1987. – № 2. – С. 73–74.
27. *Бирман И.* Я – экономист / И. Бирмана. – М., 2001. – С. 232–233. Весной 2006 года академик Н.П. Федоренко умер. Многие ученые, знакомые с работой ЦЭМИ, подтверждают оценку И. Бирмана.
28. *Кисунько Г.* Секретная зона / Г. Кисунько. – М., 1996. – С. 478–507.
29. *Гранин Д.* Бегство в Россию / Д. Гранин. – М., 1995. – С. 340.
30. *Эндрю К.* КГБ: История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева / К. Эндрю, О. Гордиевский. – М., 1992. – С. 624–627.
31. *Калашников М.* Битва за небеса / М. Калашников. – М., 2005; Оседлай молнию (совместно с Юрием Крупновым). – М., 2003; Вперед в СССР-2. – М., 2003; Третий проект (совместно с Сергеем Кугушевым). – М., 2005.
32. *Садаэеси Оцу.* Советский рынок труда / Садаэеси Оцу. – М., 1992. – С. 193–194. Эта книга японского экономиста – лучшее исследование состояния рынка труда в СССР в 60–80-е годы.
33. Там же.
34. Там же. – С. 193.

Глава 3

РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ

3.1. МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЭКОНОМИКИ

Поскольку макроэкономические показатели развития советской экономики в данный период, как и в предыдущие, не заслуживают доверия, я буду опираться в своем анализе на альтернативные оценки, исчислявшиеся в это же время рядом западных авторов и научных коллективов. Читатели поймут меня, если я отдам предпочтение своим оценкам, впервые опубликованным в 1988 году [1] (табл. 1).

Наиболее авторитетные западные оценки экономического роста в СССР были несколько выше моих, но показывали те же тенденции. В табл. 2 сопоставлены мои оценки экономического роста с оценками Центрального разведывательного управления США, пользовавшимися большим доверием на Западе (и сейчас в России), в среднегодовом выражении за период.

Разница в результатах объясняется, частично, выбором показателя экономического роста. У меня это традиционный для советской статистики национальный доход, включающий только отрасли материального производства, у ЦРУ – традиционный для западной статистики ВВП. Возможно, что сфера услуг в этот период росла несколько быстрее. Самое же главное, в оценке ЦРУ не учтено ухудшение качества продукции в большинстве отраслей экономики во второй половине 70-х – первой половине 80-х годов [2]. С другой стороны, возможно, что мои оценки этот фактор переоценивали, и истинная величина экономического роста находится между нашими оценками.

Т а б л и ц а 1

Динамика основных макроэкономических показателей развития советской экономики в 1961–1987 гг., к концу предыдущего периода

Показатели	1961–1965	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985	1986–1987
Индекс национального дохода	1,24	1,22	1,17	1,05	1,03	1,04
Индекс основных производственных фондов по остаточной стоимости	1,33	1,28	1,21	1,10	1,03	1,00
Индекс фондоотдачи	0,93	0,95	0,97	0,95	1,00	1,04
Индекс производительности труда	1,22	1,16	1,10	1,01	1,00	1,04
Индекс материалоемкости	1,02	1,02	1,05	1,05	1,05	0,99
Индекс производственных капиталовложений	1,29	1,19	1,05	1,04	0,95	–

Источник. Ханин Г.И. Экономический рост в СССР. Альтернативная оценка // Коммунист. – 1988. – № 7.

Т а б л и ц а 2

Среднегодовые темпы экономического роста в СССР в 1966–1985 гг., %

Показатели	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985
Индекс национального дохода	4,1	3,2	1,0	0,6
Индекс ВВП	5,0	3,1	2,2	1,8

Источник. Индекс ВВП – цит. по: Кудров В.М. Крах советской модели экономики. – М., 2000. – С. 176; индекс национального дохода рассчитан на основе табл. 1.

Первый вывод, который напрашивается из представленных оценок, состоит в том, что экономическое развитие СССР в данный период делится на три этапа: относительно неплохое развитие в 1966–1975 годах; резкое ухудшение в 1976–1985 и некоторое улучшение в 1986–1987 годах. Обнаруживается, таким образом, монотонное, начиная с

седьмой пятилетки, замедление экономического роста. Это замедление, по моим расчетам, относится и к 1966–1970 годам, которые подавляющим большинством российских экономистов характеризуются как пятилетка ускорения экономического развития в результате «косыгинских реформ». Независимо от предпочтений тех или иных оценок важно обратить внимание на редко учитываемое при обсуждении этого вопроса обстоятельство, что восьмая пятилетка была исключительно благоприятна в климатическом отношении (за весь период не было ни одной серьезной засухи), что положительно сказалось и на развитии легкой и пищевой промышленности. Что же касается других отраслей материального производства (например, таких очень крупных, как машиностроение, строительство и автомобильный транспорт, для которых мною велись расчеты альтернативных оценок динамики), то они развивались в этот период и медленнее, и менее эффективно, чем в предшествующий период [3]. Поэтому широко распространенное и сейчас представление о благотворном влиянии «косыгинских реформ» на экономику – миф. Вместе с тем менее драматическим выглядит и спад темпов роста в экономике в девятой пятилетке, когда она перенесла две тяжелейшие засухи (1972 и 1975 годов).

В рассматриваемый период выявилась растущая неэффективность советской экономики. Наиболее очевидным показателем снижения эффективности советской экономики явилось повышение ее материалоемкости. Даже ее рост в 2 % за восьмую пятилетку, по меркам западных стран, является значительным, рост же на 5 % в последующие 15 лет считается просто катастрофическим. При всей возможной оспариваемости точной величины данного показателя наличие тенденции к росту материалоемкости продукции в данный период подтверждается растущим числом научных и публицистических сообщений о вопиющей расточительности в использовании материальных ресурсов в ряде отраслей экономики, особенно в строительстве, сельском хозяйстве и на автомобильном транспорте. Крайняя расточительность в использовании материальных и других ресурсов приводила к все большим капитальным вложениям в сырьевые отрасли экономики и производство полуфабрикатов в ущерб выпуску конечной продукции.

Другое проявление растущей неэффективности экономики – систематическое превышение роста фондовооруженности труда над ростом его производительности. Результаты расчета этого соотношения по данным табл. 1 представлены в табл. 3.

Т а б л и ц а 3

**Сопоставление роста фондовооруженности и производительности труда
в советской экономике за 1966–1985 гг. по пятилетиям**

Показатели	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985
Фондовооруженность	1,22	1,14	1,06	1,00
Производительность труда	1,16	1,10	1,01	1,00

Примечание. Рост фондовооруженности труда исчислен делением роста производственных фондов на рост численности занятых в материальном производстве (в свою очередь исчисленных по данным табл. 1 делением роста индекса национального дохода на индекс производительности труда).

Как видим, во все пятилетки, кроме одиннадцатой, динамика фондовооруженности заметно превышала динамику производительности труда. Другим проявлением ухудшения использования основных фондов в материальном производстве явилось непрерывное, кроме одиннадцатой пятилетки, снижение фондоотдачи. Оба эти феномена, как и рост материалоемкости продукции, отличали советскую экономику от экономики развитых стран в худшую сторону и дали полное основание называть ее в этот период «самоедской» экономикой – она в значительной мере работала сама на себя, а не на конечные нужды общества.

Поскольку фондовооруженность труда непрерывно замедлялась в связи с затуханием инвестиционного процесса (о чем речь пойдет ниже), непрерывно снижался и рост производительности труда. С относительно неплохого уровня роста в восьмой пятилетке он снизился до практического прекращения роста в десятой и одиннадцатой пятилетках.

В то же время снижались и экстенсивные факторы экономического роста. Наиболее очевидно это проявилось в медленном росте занятости в материальном производстве, что было связано и с демографическими последствиями Великой Отечественной войны, и с замедлением рождаемости, и с ростом доли занятых в сфере услуг. Об этой достаточно очевидной и во многом объективно неизбежной стороне дела подробно писала, объясняя суть дела, экономическая и политическая литература того времени. Почти незамеченным из-за ошибочности макроэкономической статистики того периода остался другой, более существенный, экстенсивный фактор: стремительное замедление роста основных фондов. Этот фактор остался незамеченным и западными аналитиками, расчеты которых по этому показателю мало отличались от советских.

Причиной такого стремительного замедления явилось резкое замедление роста производственных капиталовложений. Уже в восьмой пятилетке этот рост оказался весьма скромным: всего лишь 19 %. Впоследствии он непрерывно снижался, пока в одиннадцатой пятилетке не произошло абсолютное снижение этого объема. И здесь советское руководство оказалось жертвой ошибочной статистики, которая показывала большой рост капиталовложений вообще и производственных в частности. Так Советский Союз потерял один из секретов своих экономических успехов в прошлом: высокие темпы роста основных фондов. В одиннадцатой пятилетке рост производственных основных фондов оказался минимальным, а в первые годы двенадцатой пятилетки – нулевым.

Ослабление внимания к инвестиционному процессу во многом объяснялось тем, что уже имевшиеся основные фонды плохо использовались из-за излишка рабочих мест. Это объяснялось ошибочной инвестиционной политикой: ориентацией на новое строительство вместо реконструкции и механизации вспомогательных производственных процессов, в которых было занято огромное количество ручного труда. Многих миллионов рабочих, занятых ручным трудом, не хватало (после переобучения) для укомплектования механизированных рабочих мест и в сфере услуг.

Ориентация на завышенные оценки роста основных фондов приводит даже очень хороших экономистов к ошибочным выводам в отношении факторов экономического роста в данный период. Так, в целом в выдающейся работе одного из лучших российских экономистов В.А. Мельянцева об экономическом развитии России в последние три века [4] рассчитано с помощью модели производственной функции, что в 1971–1975 годах факторная производительность обеспечивала лишь 10–12 % роста ВВП, в 1976–1980 годах она даже составила отрицательную величину (–108 % !!), а в 1986–1990 годах – даже 900 % (!!!). Причина такого неправдоподобного вывода связана с использованием завышенных данных о росте основных фондов при реальных данных о росте ВВП. Стоит заменить данные о росте основных фондов на реальные – и явно несуразные цифры исчезнут, хотя вывод об отрицательной величине факторной производительности, возможно, и останется, но не в таких нелепо больших размерах.

Объективное определение состояния основных фондов в середине 80-х годов, практическое прекращение их роста – все это требовало

самых срочных мер по возобновлению быстрого роста основных фондов во избежание стагнации экономики. Хотя советское руководство не имело достоверной статистики динамики основных фондов, но оно осознавало неблагополучие в этой сфере по таким показателям, как высокий средний возраст оборудования, низкий уровень обновления основных фондов, низкий технический уровень основных фондов в ряде отраслей экономики. Тем не менее весь драматизм ситуации с основными фондами в отсутствие достоверных обобщающих показателей об их динамике руководством не осознавалось. Политика ускорения была известным ответом на имеющиеся угрозы, связанные со старением основных фондов. Но она, помимо неудачных методов осуществления, все же была неадекватна размерам угрозы. В сущности, оставаясь в рамках социалистического выбора, можно вести речь о повторении (с учетом изменения обстановки) того экономического рывка, который был осуществлен в 30-е годы. Но на такой решительный сдвиг не только экономический, но и социально-политический посредственное советское руководство этого периода уже не было способно.

О критическом положении с воспроизводством основных фондов в советской экономике и с источниками его финансирования в середине 80-х годов говорит сравнение, исчисленное мною приблизительно, их восстановительной стоимости с размером годовых капитальных вложений. Для определения восстановительной стоимости основных фондов было исчислено соотношение балансовой и восстановительной стоимостей основных фондов в жилищном хозяйстве, где такое исчисление легче всего можно провести, где оно наиболее показательно. В 1985 году балансовая стоимость основных фондов в жилищном хозяйстве составила в сопоставимых ценах, практически равных текущим, 430 млрд р. при величине жилищного фонда 4,072 млрд м² [5]. Следовательно, балансовая стоимость 1 м² имевшегося парка жилья составила 105,6 р. В то же время капитальные вложения в жилищное строительство в этом же году составили 28,1 млрд р. в сопоставимых ценах, близких к текущим, при вводе жилья в том году – 113 млн м² [6]. Восстановительная стоимость 1 м² составила, следовательно, 248,6 р. и ее превышение над балансовой составило 2,35 раза. Приняв такое же превышение для всех основных фондов, получаем их восстановительную стоимость, равную 5,24 (2,23¹ · 2,35) трлн р. Исходя из выбытия

¹ Балансовая стоимость основных видов в 1985 году.

этих фондов в размере 3 % к их стоимости, получаем размер этого выбытия, равный 157,2 млрд р., что практически равно годовым капитальным вложениям в этом году (159,5 млрд р.). Это хорошо согласуется с приведенным выше моим расчетом динамики основных фондов. Отсутствие таких расчетов в то время дезориентировало советское руководство.

Ключевая роль в макроэкономических пропорциях советской экономики в данный период принадлежала объему и динамике военных расходов. К сожалению, до сих пор в российской экономической литературе и официальной статистике нет ясности с величиной и динамикой этих расходов, несмотря на то что прежние данные об их величине давно признаны ложными. В качестве примера продолжающихся искажений в этой области приведу новейшие данные ответственного работника Государственного комитета статистики РФ А.Н. Пономаренко в работе, призванной исправить прежние искаженные данные советской статистики о динамике советской экономики в 60–80-е годы на территории России. Согласно этим расчетам, военные расходы России (без расходов на науку и военное строительство) в текущих ценах уменьшились по отношению к ВВП с 14,8 % в 1961 году до 8,5 % в 1985 году [7]. Эти расчеты производились на основе некоторых данных ЦРУ США (!). Ввиду чрезвычайной сомнительности этих данных, показывающих резкое уменьшение доли военных расходов в советской экономике в указанный период, приходится обращаться к более достоверным источникам.

В качестве важнейшего элемента таких данных может быть рассмотрена динамика военной продукции, рассчитывавшаяся выдающимся американским экономистом Дмитрием Штейнбергом. Этот показатель, как мне представляется, близок к динамике закупок вооружения советскими вооруженными силами, хотя и не равен ему, поскольку часть военной продукции экспортировалась. Предполагается, следовательно, неизменный удельный вес экспорта в военном производстве. К сожалению, приводимые Андреем Белоусовым расчеты Д. Штейнберга [8] распределены по десятилетиям, а не по пятилетиям. Согласно этим данным, среднегодовой темп роста военной продукции составил 7,8 % в 60-е годы и 6,2 % в 70-е. Эти данные свидетельствуют о том, что закупки вооружения и в 60-е, и 70-е годы росли значительно быстрее, чем валовой внутренний продукт или национальный доход. Рост закупок вооружения в 60-е годы по периодам подтверждают рас-

четы Ю.В. Яременко динамики продукции машиностроения и металлообработки, используемой на «прочие нужды» в постоянных ценах. Согласно его данным, эти закупки выросли в первой половине 60-х годов на 37 %, во второй половине – на 41 % [9]. В среднегодовом выражении это составляет рост в 6,5 % в первой половине и 7,1 % – во второй половине 60-х годов.

Однако закупки вооружения – не единственный компонент военных расходов. О росте затрат на содержание персонала вооруженных сил и военной техники свидетельствуют расходы государственного бюджета СССР на эти цели. Они изменялись за рассматриваемый период следующим образом, в млрд р.: 1965 – 12,8; 1970 – 17,9; 1975 – 17,4; 1980 – 17,1; 1985 – 19,1 [10]. Не все в этих данных понятно. Вызывает большие сомнения неизменность расходов на содержание вооруженных сил в 70-е годы, когда численность вооруженных сил оставалась неизменной, а расходы на содержание техники должны были увеличиваться в связи с ростом ее парка, сложности обслуживания и роста цен. Возможно, для сокрытия военных расходов снижались цены на поставки продукции в вооруженные силы.

Остается еще один важный компонент военных расходов: расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Определить динамику этого компонента по имеющимся данным практически невозможно. Скорее всего, рост его был еще больше, чем по расходам на закупку вооружения. Один вывод представляется бесспорным: в целом за весь период происходило значительное увеличение доли ВВП, используемой на нужды обороны. Вместе с тем можно выделить три этапа в увеличении доли военных расходов, соответствующие изменениям международной обстановки: быстрый ее рост в 60-е годы, более медленный рост в 70-е – в годы разрядки, ускорение роста в первой половине 80-х – в годы войны в Афганистане и ухудшения международной обстановки.

Таким образом, выявляются следующие приоритеты в конечном распределении ВВП в этот период: военные расходы, личное потребление населения, общественное потребление, капиталовложения. Существенным было только изменение доли военных расходов, по остальным компонентам конечного использования ВВП поддерживалось довольно стабильное соотношение. Поскольку военные расходы были намного больше, чем это требовалось для поддержания оборонной достаточности, они оставались самым крупным возможным источни-

ком средств для ускорения роста экономики. Но к этому источнику обратились с очень большим опозданием: практически лишь в 1987 году, когда обнаружилась острая нехватка средств для осуществления политики ускорения и появились первые признаки смягчения международной напряженности. Поскольку конверсия военной экономики – очень длительный процесс, требующий к тому же и капиталовложений, ускорение экономического развития невозможно было сочетать с намечавшимся в двенадцатой пятилетке ускорением роста уровня жизни населения. Этот рост должен был быть минимизирован и сочетаться с ограничением и даже изъятием доходов теневой экономики в пользу трудовых доходов. Неспособность советского руководства и основной части научно-экономического сообщества уяснить реальное положение в экономике помешало выработке реалистической макроэкономической политики в первые годы перестройки.

Как же оценивалось экономическое положение СССР в этот период советским руководством и советской общественностью? Одно дело, если советские руководители не осознавали надвигающегося кризиса и поэтому не принимали мер по его предотвращению, другое дело, если не принимали мер в силу неспособности их принимать. Между общественностью и руководством не было непроходимой стены, мнение первой разными путями доносилось до руководства.

Еще в 1969 году Андрей Амальрик на основе глубокого анализа состояния советского общества в книге «Доживет ли СССР до 1984 года?» делал вывод о надвигающемся глубочайшем кризисе советского общества. Но в этой работе специально экономике было отведено мало места.

Первой по времени из опубликованных в настоящее время (предыдущая по времени оценка Б. Михалевского до сих пор не опубликована) авторитетной оценкой положения в советской экономике явилось письмо академика Андрея Сахарова, математика Владимира Турчина и историка Роя Медведева от 19 марта 1971 года Л.И. Брежневу, А.Н. Косыгину и Н.В. Подгорному. В нем, в частности, говорилось: «В течение последнего десятилетия в народном хозяйстве нашей страны стали обнаруживаться угрожающие признаки разлада и застоя, причем корни этих трудностей восходят к более раннему периоду и носят глубокий характер. Неуклонно снижаются темпы роста национального дохода. Возрастает разрыв между необходимым для нормального развития и реальным вводом новых производственных мощ-

ностей. Реальные доходы населения в последние годы почти не растут. Питание, медицинское обслуживание, бытовое обслуживание улучшаются очень медленно и территориально неравномерно. Растет число дефицитных товаров. В стране имеются явные признаки инфляции.

Особенно тревожно для будущего страны замедление в развитии образования. Наши расходы на образование втрое меньше, чем в США, и растут медленно. Трагически возрастает алкоголизм и заявляет о себе наркомания. Во многих районах страны систематически увеличивается преступность. В ряде мест растут симптомы явлений коррупции. В работе научных и научно-технических организаций усиливаются бюрократизм, ведомственность, формальное отношение к своим задачам, безынициативность...

Сравнивая нашу экономику с экономикой США, мы видим, что наша экономика отстает не только в количественном, но и, что самое печальное, в качественном отношении – чем новее и революционнее какой-либо аспект экономики, тем больше здесь разрыв между нами и США... чрезвычайно сильно отстаем по химии, бесконечно отстаем по вычислительной технике... Мощность нашего парка вычислительных машин в сотни раз меньше, чем в США, а что касается использования ЭВМ в народном хозяйстве, то здесь разрыв так велик, что его невозможно даже измерить. Мы живем в другой эпохе.

Не лучше обстоит дело и в сфере научных и технических открытий. И здесь не видно возрастания нашей роли. Скорее наоборот. В конце 50-х годов наша страна была первой страной в мире, запустившей спутник и человека в космос. В конце 60-х годов мы потеряли лидерство и в этой области, как давно потеряли его во многих других областях» [11]. И далее делается вывод, что основная причина этих трудностей – недемократическая политическая система, сдерживающая творческую активность населения, и предлагается система мер по демократизации советского общества. В заключение письма делается провидческий вывод: «Сейчас у нас есть еще возможность стать на правильный путь и провести необходимые реформы. Через несколько лет, быть может, будет уже поздно» [12]. Ответа на это письмо его авторы не получили.

И сейчас вызывает восхищение высочайшая квалификация авторов письма, которые сумели, не будучи экономистами, удивительно точно и полно оценить реальное состояние экономики и общества (слово «застой» появилось уже тогда!).

На уровне среднего звена государственного аппарата надвигающийся экономический кризис в начале 70-х годов не только осознавался, но и оглашался в узком кругу научных работников. Так, крупный научный работник из Института мировой экономики АН СССР Я.А. Певзнер записал в своих дневниках в 1970 году: «На днях я слушал доклад члена коллегии Госплана СССР некоего Роговского. Он привел цифры, обнаруживающие очень плохое положение в хозяйстве, а потом добавил: "...мы не можем публиковать такие цифры, у нас ведь прекрасная молодежь, верящая в наше дело. Мы должны ее оберегать от видения наших недостатков и недоработок. Ну, а правительство? Его мы должны информировать, но осторожно, так, чтобы наша нынешняя информация не пришла в столкновение с прежними данными, которые мы им давали"» [13]. Именно в связи с этим выступлением Я.А. Певзнер писал уже тогда о том, что советскому народу угрожает гибель от внутренних сил [14].

В 1971 году тот же Певзнер делал гениальный прогноз того, что может случиться в СССР, если в нем победит демократия: «С государственной точки зрения развал немедленный и неотвратимый: кроме Белоруссии, все вышли бы из Союза... В социальном смысле – немедленное и неотвратимое возрождение мелкой собственности и крупной частной торговли. В общежитейском смысле – все потенциальные силы гангстеризма во всех его разновидностях в действии» [15].

В какой степени высшее государственное руководство осознавало назревающий кризис до середины 70-х годов? Частично этот вопрос рассматривался в предыдущем параграфе. Напомню о докладных записках Госплана СССР в начале и середине 70-х годов с критической оценкой состояния советской экономики. С опозданием на несколько лет по сравнению с Михалевскими, Амальриком, Сахаровым и его соавторами и не столь резкой, конечно. Все же прогресс: еще в 1968 году председатель Госплана СССР сжигал записку Михалевского. Но напомню и о почти единодушном отпоре со стороны Косыгина и его заместителей.

Что касается самого Л.В. Брежнева, то он в декабре 1969 года выступил в прениях по докладу о плане на 1970 год с большой и по тем временам довольно радикальной речью по проблемам управления народным хозяйством. Эта речь содержала резкую критику в адрес органов государственного управления; оратор откровенно говорил о плохом состоянии и больших трудностях советской экономики, ставящих под угрозу выполнение восьмой пятилетки [16].

В декабре 1972 года исключительно критическая оценка состояния советской экономики была дана на декабрьском пленуме ЦК КПСС при обсуждении очередного годового плана. По записи присутствовавшего на этом пленуме видного работника международного отдела ЦК А. Черняева: «Байбаков заявил, что план 1972 года не выполнен очень крупно и план на 1973 год не будет выполнен, и что вообще не известно, как выходить из положения, Брежнев произнес большую речь. Вот ее короткое изложение. Не выполняем пятилетний план практически по всем показателям, кроме отдельных. Некоторые наиболее показательные примеры из этой речи: "... как вам не стыдно, больше США. А качество металла? А то, что из каждой тонны только 40 % выходит в продукцию, по американским стандартам, остальное – в шлак и стружку"» (как в воду глядел Ален Безансон. – Г.Х.). После перечисления целого ряда негативных явлений в ряде отраслей экономики вывод: «Что же это такое? Лень, безответственность, головотяпство, преступление?! Мы не выполняем главного в постановлении XXIV съезда партии – подъема производительности, эффективности» [17]. Следует иметь в виду, что критика состояния советской экономики Брежневым, возможно, частично отражала и его соперничество с Косыгиным, желание показать, кто в доме хозяин. Тем не менее она отражала тот факт, что несмотря на лживую макроэкономическую статистику, исходя из конкретного состояния отдельных отраслей экономики, советское руководство уже в первой половине 70-х годов начало осознавать серьезность экономического положения в СССР.

Читатель не сочтет нескромностью, если я сообщу, что летом 1976 года на основе своих расчетов, альтернативных оценок динамики советской экономики за 1955–1975 годы на конференции, проводившейся в ЦЭМИ АН СССР, в Звенигороде, я, впервые публично изложив результаты этих расчетов, намного отличавшихся в худшую сторону от официальных, предсказал при продолжении существовавших тенденций наступление «застоя» в советской экономике в середине 80-х годов. Спустя некоторое время после этого я сообщил о результатах своих расчетов и прогнозах в письмах на имя Косыгина и Брежнева [18].

Несмотря на рост цен на нефть, серьезно облегчивший положение советской экономики, тревога за ее состояние в соответствии с объективными данными о ее развитии не покидала советское руководство. Такой хорошо информированный человек, как Б.И. Гостев, говорил

А. Бовину, что «...никогда еще не было так плохо в экономике, как в 1976 году». По абсолютно надежным сведениям Бовина, «...в начале февраля 1977 года Совет министров обсуждал проект постановления «О мерах по улучшению планирования народного хозяйства, стимулирования технического прогресса и повышения производительности труда». Заседание было бурным. Некоторые министры... выступали резко, требовали перестать обманывать себя. Косыгин, как рассказывают, утопил все в общих фразах» [19].

Характерно описание Бовиным обсуждения плана на 1978 год в Политбюро ЦК: «Косыгин, Суслов, Романов – все нормально, “катастрофы нет”, надо перевыполнять. Устинов, Мазуров, Гришин, Кунаев, Соломенцев – выступали резко: “...для выполнения плана нужен план, а его нет”, – это Устинов. Текст, который мы подготовили для Брежнева и который он прочитал, гармонировал с критиками плана» [20].

Подготовка к пленуму ЦК КПСС в конце 1979 года показала, что прежние проблемы сохранились и усилились. Приглашенный для консультаций заместитель председателя Госплана СССР Н.П. Либединский сообщил: «Уже снижаются не только темпы. Падают абсолютные приросты, абсолютные уровни. Поскольку темпы снижаются неравномерно, усиливается разбалансированность, растут диспропорции. Резко ухудшилось положение на транспорте. Поехала вниз группа Б. Растут денежные сбережения и неудовлетворенный спрос, что снижает заинтересованность в результатах труда. Появляется теневая экономика... снижается дисциплина, растут безответственность и коррупция» [21]. Вполне квалифицированный и правдивый анализ.

Осенью 1982 года Б.И. Гостев обстановку в хозяйстве описал словом «ужасная» [22].

На рубеже 70-х и 80-х годов неизбежность экономического кризиса при продолжении прежних тенденций в 80-е годы помимо меня (в результате новых расчетов) предсказывал известный диссидент Виктор Сокирко, новосибирский экономист Константин Вальтух, тоже проводивший при поддержке А.Г. Аганбегяна альтернативные расчеты экономического роста в СССР. В результате осознания надвигающегося кризиса родился реформистский «Новосибирский манифест Заславской» в начале 1983 года.

Следует отметить, что многочисленная армия советологов, за единичными исключениями, недооценила глубину экономического кризиса в СССР. Советские экономисты в этой области оказались не такими

уж плохими по сравнению с западными. Среди этих исключений оказались два наших соотечественника-эмигранта – экономист Игорь Бирман и социолог Александр Штротас, и английский экономист Алек Ноув. Новая администрация США также начала осознавать в начале 80-х годов глубину советского экономического кризиса, о чем подробно рассказано в книге П. Швейцера «Победа», и пыталась содействовать его углублению.

Как видим, о непрерывно ухудшающемся экономическом положении говорили ответственные работники Госплана и ЦК КПСС, многие министры и члены Политбюро ЦК КПСС. Отдавал себе отчет в этом и Брежнев «...мучительно, что каждый год одно и то же», – сказал он при подготовке очередного выступления на пленуме ЦК в конце 1978 года [23]. Почему же при столь широком понимании надвигающегося кризиса правящим слоем не следовало решительных действий? Хорошо знавший Брежнева А. Бовин пишет об этом так: «У докладчика не было воли повернуть события в реформистское русло. А может быть, и уверенности не было, что не сядем на мель в этом русле» [24]. Нельзя не отдать должного в прозорливости последнего опасения.

Из сказанного о понимании значительной частью правящего класса надвигающегося кризиса экономики не следует, что это понимание было полным и всесторонним. Отсутствие достоверной макроэкономической статистики не позволяло полностью оценить глубину кризиса и его причины. Особенно этому препятствовала недостоверная статистика о динамике основных фондов и отсутствие сводной достоверной статистики военных расходов. Это не давало возможности установить обоснованные приоритеты структурной политики.

3.2. РАЗВИТИЕ ВАЖНЕЙШИХ ОТРАСЛЕЙ ЭКОНОМИКИ

3.2.1. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Начну, как обычно, с промышленности.

Советское руководство неизменно и совершенно справедливо к важнейшему сектору экономики относило **топливно-энергетический сектор**. К традиционному рассмотрению этого сектора как базы развития экономики своей страны и союзников, обделенных топливно-энергетическими ресурсами, в этот период добавилось новое обстоятельство. Последовательно, в два этапа, в этот период, начиная с

1974 года, исключительно сильно выросли мировые цены на нефть, а вслед за этим – и на другие виды топлива. Советское руководство увидело в этом благоприятную возможность, экспортируя нефть в капиталистические и развивающиеся страны, резко увеличить экспортные поступления для оплаты растущих потребностей в импорте и для пополнения золотовалютных резервов. С другой стороны, открытые еще в 60-е годы грандиозные запасы нефти и газа в Западной Сибири создали необходимую ресурсную базу для быстрого развития нефтяной и газовой промышленности. Ускоренное развитие этих отраслей не было легкой задачей, поскольку новые месторождения находились в неблагоприятных климатических условиях, в малозаселенной местности со слабо развитой производственной и социальной инфраструктурой. Для освоения этих месторождений пришлось приложить колоссальные усилия: привлечь работающих, создать почти с нуля производственную и социальную инфраструктуры, проложить нефтепроводы и газопроводы. Следует отдать должное хозяйственному механизму того времени: при больших издержках и потерях эту грандиозную производственно-строительную задачу удалось выполнить в относительно короткие сроки – за 10–15 лет.

Развитие электроэнергетики также традиционно рассматривалось как одно из основных направлений научно-технического прогресса – наряду с развитием машиностроения и химической промышленности – и имело приоритетный характер.

Основные показатели развития топливно-энергетического комплекса в 1965–1985 годах представлены в табл. 4.

Как видно из данных табл. 4, в целом данный период характеризовался очень значительным ростом топливно-энергетического комплекса. Так, производство электроэнергии выросло более чем в 3 раза (!), а топлива – более чем в 2 раза. До начала одиннадцатой пятилетки ни производство электроэнергии, ни производство топлива не являлись препятствием для развития советской экономики. Росла и доля СССР по отношению, например, к США по выпуску топливно-энергетических ресурсов. Так, по производству электроэнергии эта доля выросла с 42 % в 1965 году до 58 % в 1985 году [25]. По производству нефти и газа в 1965 году СССР еще отставал от США, а в 1985 году уже заметно превосходил США [26]. И только по углю, на расширение производства которого США в отличие от СССР, лучше обеспеченного запасами нефти и газа, сделали ставку – это отставание

Т а б л и ц а 4

**Основные показатели развития топливно-энергетического комплекса
в 1965–1987 гг.**

Вид продукции	1965	1970	1975	1980	1985	1987
1. Электроэнергия, млрд кВт·ч	500,6	740,9	1038,6	1293,8	1544,1	1664,9
2. То же, % к предыдущему году		148,0	140,2	124,5	119,3	107,4
3. Производство топлива, млн т условного топлива	966,6	1221,8	1571,3	1895,6	2071,3	2230,1
4. То же, % к предыдущему году		126,4	128,6	120,6	109,2	107,6
5. Газ, млн т условного топлива	149,8	233,5	342,9	514,2	742,9	840,1
6. То же, % к предыдущему году		155,8	146,8	149,9	144,8	113,8
7. Нефть, млн т условного топлива	346,4	502,5	701,9	862,6	851,3	892,6
8. То же, % к предыдущему году		145,0	139,7	122,9	98,6	104,8
9. Уголь, млн т условного топлива	412,5	432,7	471,8	476,9	439,8	459,7
10. То же, % к предыдущему году		104,8	109,0	101,0	92,2	104,5

Источник. Промышленность СССР. – М., 1988. – С. 138, 141.

усилилось. Заметно выросла и доля СССР в мировом производстве нефти и газа [27]. Накопленный к данному периоду огромный производственный потенциал этого сектора в последующем сыграл исключительно важную роль в развитии уже российской экономики.

Следует отметить важные структурные сдвиги в развитии топливно-энергетического комплекса в этот период. В электроэнергетике к ним относится развертывание производства атомной электроэнергетики. Еще в начале периода она занимала ничтожное место в производстве электроэнергии (0,3 %), а в конце периода – уже больше 10 %. Эта огромная и сложнейшая отрасль была создана целиком на отечественной научно-технической и производственной базе, но не без очень серьезных недостатков из-за поспешности в ее создании, выявленных черныбыльской катастрофой в 1987 году.

В производстве топлива основными сдвигами было резкое увеличение доли более дешевого производства нефти и газа по сравнению с углем. Налаживание в огромных масштабах добычи нефти и газа явилось крупнейшей производственной победой советской экономики. Вместе с тем в конце периода стагнировало производство угля вследствие ослабления внимания к этой отрасли, что не предполагалось народнохозяйственными планами и что и в этот период, и особенно впоследствии негативно сказалось на развитии экономики.

При всей успешности развития топливно-энергетического комплекса нетрудно увидеть и здесь два подпериода: очень успешное развитие в 1966–1975 годах и медленное развитие в последующий подпериод, особенно в одиннадцатой пятилетке, когда темпы роста производства электроэнергии и топлива резко снизились, а по нефти и углю произошло даже сокращение производства, что создало серьезные трудности и в развитии советской экономики, и в обеспечении топливом восточно-европейских стран, и в валютных поступлениях. Трудности были вызваны тем, что снизилась эффективность производства в этом комплексе и ухудшились условия для его развития в связи с перемещением производства всех видов топлива и электроэнергии в районы с неблагоприятными климатическими условиями и слаборазвитой инфраструктурой, а также в связи с начавшимся вступлением многих богатейших ранее месторождений нефти и газа в период стабилизации и падения добычи. Вновь потребовались огромные усилия нового советского руководства, чтобы в 1986–1987 годах обеспечить рост производства нефти и угля. Это было одним из немногих реальных достижений начального периода перестройки.

Ускоренное развитие топливно-энергетического комплекса потребовало значительного увеличения его доли в капитальных вложениях в экономику. Это, конечно, сдерживало развитие других отраслей экономики, особенно социальной сферы и обрабатывающей промышленности.

Черная и цветная металлургия, как и топливно-энергетический комплекс, рассматривалась в СССР как базовые отрасли промышленности, от которых зависело развитие всей экономики. Конкурентами черных и цветных металлов стали в развитых странах новые химические материалы, но в СССР в этот период они конкурировали преимущественно с продукцией цветной металлургии.

Для черной металлургии данный период был временем значительного роста и количественного опережения производства в других стра-

нах мира. Основные результаты развития отрасли в 1965–1985 годах представлены в табл. 5.

Т а б л и ц а 5

Основные результаты развития черной металлургии в 1965–1987 гг.

Продукция	1965	1970	1975	1980	1985	1987
1. Железная руда, млн т	153	197	235	245	248	251
2. То же, % к предыдущему году		128,7	119,3	104,2	101,2	101,2
3. Прокат черных металлов, млн т	70,9	92,5	115,0	118,0	128,0	134,0
4. То же, % к предыдущему году		130,4	124,3	102,6	108,4	104,6
5. Трубы стальные, млн т	9,0	12,4	16,0	18,2	19,4	20,1
6. То же, % к предыдущему году		137,7	129,0	113,8	106,6	103,6

Источник. Промышленность СССР. – М., 1988. – С.156.

Как видим, в этот период черная металлургия значительно нарастила свое производство. По производству проката черных металлов ее прирост составил 80,5 %, а выпуск стальных труб увеличился в 2,15 раза. По выпуску железной руды, стали и стальных труб советская промышленность уже в начале 70-х годов вышла на первое место в мире, о чем с гордостью сообщала советская пропаганда, умалчивая о том, что оборотной стороной этого роста были неразвитость производства заменителей черных металлов, крайняя неэкономичность его использования в хозяйстве страны и низкое качество металла. Тем не менее созданные в этот и предыдущие периоды огромные производственные мощности отрасли еще долго обеспечивали нужды народного хозяйства и экспорта.

Обращает на себя внимание тот факт, что и в черной металлургии отчетливо выделяются два подпериода: до 1975 года и после 1975 года с соответственно довольно успешными и очень умеренными количественными показателями роста производства. Отчетливо выделяются в этой отрасли и несколько стадий добычи и переработки черных металлов с различными техническими и технико-экономическими показателями. Относительно неплохо обстояли дела с производством чугуна, которое все больше опиралось на выплавку его в самых больших

в мире доменных печей. Слабым местом в доменном производстве оставалась низкая механизация вспомогательного производства, что не позволяло достичь американских или японских показателей производительности труда в доменных цехах. Значительно хуже обстояло дело с производством стали. Во-первых, велик был выпуск низкоуглеродистых сталей в ущерб более качественным легированным или электросталям. Это вынуждало потребителей тратить больше проката на единицу продукции. Во-вторых, СССР уже с начала 60-х годов начал все больше отставать от развитых капиталистических стран в экономических способах выпуска стали, в производстве конверторной стали вместо мартеновской. Так, в развитых капиталистических странах и даже в некоторых развивающихся странах к 1987 году кислородно-конверторный способ уже преобладал в выпуске стали, в то время как в СССР он еще занимал лишь немногим более трети ее производства [28]. Еще больше отставал СССР в качественном отношении в выпуске проката черных металлов. В нашей стране преобладал выпуск менее экономичных для потребителей сортов проката: сортового вместо листового, менее обработанного вместо упроченного, профильного и т.д. Почти не развивался изобретенный в СССР экономичный метод непрерывной заготовки металла. И хотя все эти крупнейшие недостатки в работе черной металлургии многократно подвергались критике в научной литературе, в постановлениях съездов партии, в выступлениях, как мы видели, руководителей КПСС, изменения к лучшему происходили очень медленно. Разрыв по качественным показателям от развитых капиталистических стран увеличивался. Общая причина растущего отставания черной металлургии СССР от других стран в этот период по качественным показателям состояла в том, что, как и в других отраслях экономики, работа металлургов оценивалась прежде всего по количественным показателям выпуска чугуна, стали, проката черных металлов, труб в тоннах. Ограниченные капитальные вложения шли в улучшение не качественных, а количественных показателей производства. Поэтому при колоссальных, самых больших в мире, объемах производства черных металлов в СССР непрерывно ощущался дефицит проката черных металлов. Важная особенность черной металлургии к концу данного периода – значительная устарелость ее основных фондов. Основные металлургические предприятия отрасли были созданы еще до войны (из крупных после войны построены только Череповецкий и Новолипецкий металлургические комбинаты).

И старые заводы, конечно, расширялись и реконструировались, но все же доля устарелого оборудования и сооружений была в отрасли большой. Накануне перестройки она была больше, чем в среднем по промышленности, а степень обновления основных фондов – ниже [29]. Вследствие устарелости основных фондов и недостаточного внимания в СССР к вопросам экологии экологическая обстановка вокруг металлургических комбинатов была крайне неблагоприятной.

В отличие от черной металлургии, положение которой достаточно подробно освещалось в научной литературе и прессе даже до перестройки, цветная металлургия относилась к тем отраслям, о которых писалось крайне мало, скудно. В постсоветский период положение улучшилось, но и сейчас абсолютные данные о производстве в этой отрасли запрещены к публикации не только для современного периода, но и в ретроспективе, отсутствуют они и в статистических справочниках. Только благодаря либеральности российской власти эти сведения частично все же просачиваются в печать. Такие жесткие ограничения объясняются теснейшей связью этой отрасли с военно-промышленным комплексом, который в советское время был основным потребителем ее продукции.

По объему продукции в стоимостном выражении цветная металлургия все эти годы уступала черной металлургии, но это в значительной степени было связано с заниженностью цен (и затрат), вызванной заниженностью цен на электроэнергию, куда не включалась огромная инвестиционная составляющая.

Весь данный период цветная металлургия росла значительно быстрее, чем черная металлургия и вся остальная промышленность. Так, за 1966–1970 годы продукция черной металлургии по расчетам Ю. Яременко выросла на 30,3 %, цветной металлургии – на 54,5 % [30], в то время как всей промышленности по альтернативным оценкам – на 40,3 %. Лишь в одиннадцатой пятилетке эти темпы практически сравнялись (соответственно 10 и 11 %) [31], что отражало растущие проблемы советской экономики, поскольку в пятилетнем плане предусматривалось быстрое развитие производства алюминия, меди, никеля и кобальта [32]. В начале двенадцатой пятилетки развитие цветной металлургии ускорилося, как, впрочем, и черной металлургии.

Ускоренное развитие цветной металлургии в данный период определялось потребностями быстрорастущего военно-промышленного комплекса, многих отраслей гражданского машиностроения (напри-

мер, электротехнической промышленности), экспорта для обеспечения потребностей экономики социалистических стран и выпуска многих предметов потребления долговременного пользования. Создание в этот период мощнейшей, возможно, самой крупной в мире, цветной металлургии, включавшей не только производство сырья и полуфабрикатов, но и проката цветных металлов, явилось крупнейшим достижением советской экономики, поскольку цветная металлургия – технически передовая и очень сложная отрасль. Значимость этого достижения возрастает в связи с тем, что оно осуществлялось почти полностью на отечественном оборудовании. В отрасли существовало много научно-исследовательских и проектных организаций с сильным научно-инженерным потенциалом. Создание крупнейшей в мире цветной металлургии обеспечивалось наличием в СССР богатых и разнообразных запасов руд многих цветных металлов, разведанных в довоенный и послевоенный периоды советскими геологами.

Цветная металлургия охватывала ряд отраслей, среди которых можно выделить отрасли тяжелых металлов (медь, цинк, свинец, олово), легких (алюминий и никель) и редких металлов (титан, платина, палладий, бериллий и т. д.). Особое место в отрасли занимало производство золота. Как и во всем мире, медленнее развивалось производство тяжелых традиционных металлов, намного быстрее – экономических и нужных военно-промышленному комплексу легких металлов, и особенно быстро – редких металлов, широко используемых в военно-промышленном комплексе. Конечный продукт цветной металлургии – выпуск проката цветных металлов, но о состоянии именно этой отрасли в научной литературе меньше всего данных. Имеющиеся скудные сведения дают основания полагать, что, как и в черной металлургии, эта стадия была наименее развита, что и выявилось в постсоветский период.

Наиболее важными событиями в цветной металлургии в данный период явились быстрое развитие алюминиевой, никелевой и титановой промышленности, а также выплавка редких металлов.

Для быстрейшего развития алюминиевой промышленности в 60–70-е годы в Восточной Сибири на базе дешевой электроэнергии построенных здесь гидроэлектростанций были сооружены крупнейшие в то время в мире три алюминиевых комбината – Красноярский, Братский и Саянский. В строительстве этих объектов (электростанции сооружались преимущественно для обеспечения электроэнергией имен-

но алюминиевых комбинатов) участвовали сотни тысяч советских людей, затрачены были десятки миллиардов рублей. В связи с созданием этих объектов были построены два города – Братск и Саяногорск. После сооружения комбинатов СССР стал, наряду с США, крупнейшим в мире производителем алюминия. Поскольку данные о производстве алюминия опубликованы в российской печати только по России, уровень его производства в СССР можно определить лишь примерно. Судя по всему, в середине 80-х годов СССР производил примерно 4,5 млн т алюминия, что было близко к его производству в США [33] и составляло более 20 % мирового производства алюминия. Самым слабым местом алюминиевой промышленности СССР было то, что она базировалась в значительной части на импортном сырье, так как отечественная база дешевого алюминиевого сырья была недостаточна. Плохими были и экологические условия при производстве алюминия.

Другим крупнейшим достижением этого периода в отрасли было ускоренное развитие производства никеля, также широко используемого в военной промышленности. В СССР еще до войны было разведано крупнейшее в мире месторождение никеля в Норильске. Добыча руды и выплавка никеля начались там во время войны, но только в 60–70-е годы были введены в строй основные мощности крупнейшего в мире Норильского горно-металлургического комбината – тоже одной из самых крупных строек этого периода. Особенностью Норильского месторождения никеля являлось то, что там имелись огромные по мировым меркам запасы ценнейших руд платины и палладия, а также большие запасы меди. Таким образом, в результате строительства этого комбината, СССР стал наряду с Канадой крупнейшим в мире производителем никеля (40 %) и палладия (60 %) [34], а также платины. Очень быстро в тот же период росло и производство титана в результате строительства одного из крупнейших в мире Верхне-Салдинского металлургического завода по производству титана и магния на Северном Урале [35]. По производству титана и урана СССР занимал в конце 80-х годов первое место в мире.

К сожалению, из-за отсутствия опубликованных данных невозможно показать динамику производства редких металлов в этот период. Что касается производства золота, то, по имеющимся данным (преимущественно из западных источников), его рост тогда был относительно небольшим, так как самые богатые россыпные месторождения Колымы были в значительной степени исчерпаны еще в ста-

линский период, а коренные (рудные) месторождения разрабатывались слабо, потому что они требовали больших капиталовложений и отсутствовавшей тогда в СССР современной технологии их разработки. В целом золотая промышленность была отсталой отраслью советской цветной металлургии. Ей не придавалось большого значения в тот период, так как она была слабо связана с развитием оборонной промышленности, а в качестве экспортных ресурсов были другие, намного более эффективные, источники. Немного нужно было золота и для развития ювелирной промышленности из-за относительно низкого уровня жизни населения. Более значительно выглядели в те годы достижения СССР в развитии алмазной промышленности. Еще в 50-е годы в Якутии были открыты богатейшие в мире запасы алмазов. В 60–70-е годы на базе этих запасов построены крупнейшие рудники, и СССР стал одним из самых крупных производителей алмазов в мире. В 70-е годы была создана отрасль по производству бриллиантов.

Самой важной отраслью советской промышленности в этот период оставалось **машиностроение**. Более того, ее удельный вес в продукции промышленности продолжал расти. Для того чтобы получить представление о развитии этой отрасли в рассматриваемый период, начать следует с данных о численности работающих в ней и об изменении ее удельного веса в общей численности занятых в промышленности, поскольку именно эти данные свободны от искажающего влияния роста цен (табл. 6).

Если опираться на эти данные, то можно сделать вывод о быстром, но замедляющемся росте машиностроения в указанный период. Явное и резкое замедление наступило только в 1981–1985 годах.

Т а б л и ц а 6

Занятость в машиностроении СССР в 1965–1987 гг.

Показатели	1965	1970	1975	1980	1985	1987
1. Численность ППП*, млн человек	9,9	12,0	13,8	15,6	16,4	16,5
2. То же, % к предыдущему году		121,2	15,0	113,0	105,1	100,6
3. Доля в ППП, %	36,1	38,0	40,5	42,3	43,0	43,3

* Промышленно-производственный персонал.

Источник. Промышленность СССР. – М., 1988. – С. 114–115.

В продукции машиностроения четко выделяются две составляющие: большая – оборонное машиностроение, и меньшая – гражданское машиностроение. Это деление по ведомственному принципу: к оборонному машиностроению относились отрасли, подчинявшиеся восьми оборонным министерствам (Министерство среднего машиностроения относилось к химической промышленности). Деление не совпадало полностью с экономическим назначением продукции, поскольку на предприятиях оборонных министерств производилась и гражданская продукция, а на предприятиях гражданских министерств нередко выпускалась и военная продукция. Но в качестве грубой оценки доли той и другой продукции за неимением лучшего можно использовать это деление, тем более что было немало и промежуточной продукции, которая поставлялась предприятиям обеих групп министерств.

Впервые в открытой печати доля этих составляющих отраслей машиностроения была в неявном виде обнародована в 1988 году, когда в справочнике «Промышленность СССР» были приведены одновременно две группы данных за 1987 год о численности промышленно-производственного персонала по машиностроительному комплексу: 16,5 и 5,6 млн человек [36]. Из этих данных видно, что в этом году доля гражданских министерств в общей численности занятых в отрасли составляла всего лишь 34,9 %. Это говорило о преимущественно военной направленности советского машиностроения и отражало глубокую милитаризацию советской экономики. К сожалению, не удастся проследить динамику этого соотношения за весь анализируемый период ввиду отсутствия опубликованных данных.

Анализ развития машиностроения начну с более обозримой его части – гражданского машиностроения. Показатели выпуска основных видов его продукции представлены в табл. 7.

Т а б л и ц а 7

**Выпуск основных видов продукции гражданского машиностроения
в 1965–1987 гг.**

Вид продукции	1965	1970	1975	1980	1985	1987
1. Турбины, млн кВт	14,6	16,2	18,9	19,6	21,6	22,2
2. Дизели (без автотракторных), млн л. с.	13,6	16,5	18,6	19,0	16,6	15,9

Окончание табл. 7

Вид продукции	1965	1970	1975	1980	1985	1987
3. Электродвигатели переменного тока с высотой оси вращения 63–450 мм, млн кВт	26,9	33,3	41,7	47,6	49,4	49,7
4. Энергетические реакторы, млн кВт	–	1,88	1,44	5,3	6,5	6,9
5. Станки металлорежущие, тыс. шт.	186	202	231	216	182	156
6. В том числе с числовым программным управлением, тыс. шт.	0,05	1,6	5,5	8,9	17,8	21,0
7. Промышленные роботы, тыс. шт.	–	–	0,1	1,4	13,2	14,7
8. Приборы, средства автоматизации и запасные части к ним, млн р.	759	1407	2647	4328	4531	5002
9. Средства вычислительной техники и запасные части к ним, млн р.	99	451	1921	4500	4202	5538
10. Экскаваторы, тыс. шт.	21,6	30,8	39,0	42,0	42,6	41,5
11. Тракторы, млн л. с.	21,0	29,4	41,4	47,0	52,8	51,9
12. Зерноуборочные комбайны, тыс. шт.	85,8	99,2	97,5	117	112	96,2
13. Грузовые автомобили, тыс. шт.	379,6	524	696	787	823	862,4*
14. Подшипники качения, млн шт.	524,5	673	849	1050	1089	1094*
15. Часы всех видов, млн шт.	30,6	40,2	55,1	66,7	67,2	70,6
16. Радиоприемные устройства, млн шт.	5,16	7,81	8,37	8,48	8,84	8,14
17. Телевизоры, млн шт.	3,65	6,68	6,96	7,53	9,37	9,08
18. Холодильники и морозильники, млн шт.	1,67	4,14	5,58	5,93	5,86	5,98
19. Легковые автомобили, тыс. шт.	201,2	344,2	1201	1327	1332	1332

* 1998 год.

Источник. Промышленность СССР. – М., 1988. – С. 22–23, 171–194, 249; Ханин Г.И. Динамика экономического развития СССР. – Новосибирск, 1991. – Приложение 8; Народное хозяйство СССР в 1990 году. – М., 1991. – С. 405–407.

Данные табл. 7 показывают, что этот период в целом являлся периодом значительного роста продукции гражданского машиностроения. Это только с чисто количественной стороны. Понятно, что почти все указанные в табл. 7 виды продукции машиностроения подвергались (хотя и в разной степени) качественному совершенствованию. Очень заметный спад в темпах роста произошел только в 1981–1985 годах.

Быстрее всего в этот период увеличивался выпуск продукции, определявшей научно-технический прогресс (приборы и средства механизации, вычислительная техника, станки с программным управлением, промышленные роботы). Некоторые из этих видов продукции либо вообще не производились в начале периода, либо производились в ничтожном количестве. В количественном (но не качественном) отношении по производству промышленных роботов и станков с программным управлением СССР не уступал развитым капиталистическим странам.

Очень быстро росло и производство строительной и сельскохозяйственной техники, большинства предметов культурно-бытового назначения. Последняя отрасль также стала в количественном отношении отраслью массового производства. Исключением оставалось производство легковых автомобилей и новейших предметов культурно-бытового назначения (персональных компьютеров, видеомэгагитофонов и т.д.).

Как видим, и в этой гражданской части отрасли о «застое» в означенный период не приходится говорить, разве что в последней пятилетке и то только в количественном отношении. По ряду видов продукции гражданского машиностроения в натуральном выражении СССР к 1985 году превосходил, иногда в разы, ведущие капиталистические страны. К таким видам продукции относятся металлорежущие станки, тракторы (без садово-огородных) (больше чем в США почти в 5 раз), зерноуборочные комбайны (больше чем в США в 15 раз). Далеко не всегда это превышение шло на пользу советской экономике, ибо сопровождалось низким качеством и низким сроком службы механизмов. В то же время огромным по-прежнему было отставание в количестве и особенно качестве легковых автомобилей, современных предметов долговременного пользования, бытовой электроники.

В отличие от гражданского машиностроения данные по выпуску военной техники в натуральном выражении ввиду их секретности, от-

сутствуют в статистических справочниках или литературных источниках постсоветского периода. Поэтому мне придется использовать для оценки динамики некоторых видов военной техники западные расчеты, не всегда, возможно, точные. Для этой оценки нельзя использовать оценки динамики военного бюджета, так как, во-первых, менялась доля закупок военной техники в этих расходах; во-вторых, немалая часть военного производства использовалась для растущего экспорта вооружения в социалистические и все большее число развивающихся стран, для нужд революционного движения и пополнения запасов военной техники на случай войны.

Для иллюстрации динамики военного производства в этот период приведу данные из западных и российских источников о динамике выпуска наиболее дорогостоящих видов вооружения: атомных подводных лодок и ядерных боеголовок. Оба вида вооружения относятся к стратегическим ядерным силам.

Данные о выпуске ядерных боеголовок получены на основе динамики производства, исходя из предположения, что в этот период не было их списания ввиду относительной молодости продукции (табл. 8).

Т а б л и ц а 8

Динамика выпуска ядерных боеголовок

Параметры	1961–1965	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985
Производство ядерных боеголовок, шт.	400	1200	1000	3200	3900
К предыдущему периоду, %		300	83,3	320	121,8

Примечание. Выпуск в 1961–1965 годах принят в размере 2/3 от их парка в 1965 году.

Источник. Макнамара Р. Путем ошибок к катастрофе. – М., 1988. – С. 37.

Как видим из табл. 8, наибольшие и огромные (более 3 раз) темпы роста были достигнуты в восьмой и девятой пятилетках.

Данные о вводе в действие атомных подводных лодок приведены в табл. 9.

Как видим из табл. 9, в количественном отношении ввод был весьма неравномерным. Но качество лодок непрерывно улучшалось, и все эти годы ввод их в СССР был намного больше, чем в США.

Т а б л и ц а 9

Ввод в действие атомных подводных лодок

Параметры	1961–1965	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985
Выпуск атомных подводных лодок, шт.	31	47	49	40	25
К предыдущему году, %		151,6	104,2	81,6	62,5

Источник. Калашиников М. Сломанный меч империи. – М., 1998. – С. 390.

Имеющиеся западные оценки говорят о систематическом значительном превышении в данный период военной продукции (преимущественно машиностроительного происхождения) над гражданской машиностроительной продукцией, или продукцией оборонных машиностроительных министерств по сравнению с гражданскими [37]. Я исчислял динамику продукции машиностроения, распространяя на оборонные машиностроительные министерства динамику производительности труда гражданского машиностроения [38]. С учетом доли гражданских и оборонных машиностроительных министерств в общей численности занятых в машиностроении мне удалось получить альтернативную оценку динамики продукции машиностроения в данный период. Результаты этой оценки приведены в табл. 10.

Т а б л и ц а 10

**Динамика продукции машиностроения в 1966–1985 гг.,
% к началу периода**

1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985
132	131	117,3	104,1

Источник. Ханин Г.И. Динамика экономического развития СССР. – Новосибирск, 1991. – С. 163, 166.

Как видим, и здесь выделяются те же два периода в динамике продукции, причем в одиннадцатой пятилетке темпы роста оказались минимальными.

Важная особенность развития машиностроения в данный период – очень медленные темпы роста производительности труда и других показателей эффективности производства.

Начну с производительности труда. В табл. 11 представлено соотношение динамики производительности труда в промышленности и машиностроении в данный период.

Т а б л и ц а 11

**Динамика производительности труда в промышленности
и в машиностроении в 1966–1985 гг., %**

Параметры	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985
1. Продукция промышленности*	124,3	124,6	124,6	116,0
2. Численность ППП**	115,3	115,3	107,9	108,2
3. Производительность труда в промышленности (1:2)	108,0	108,0	115,4	107,2
4. Производительность труда в машиностроении***	109,3	115,4	103,8	99,0

Источники. * Ханин Г.И. Динамика экономического развития СССР. – Новосибирск, 1991. – С. 146.

** Промышленность СССР. – М., 1988. – С. 112.

*** По данным табл. 7 и 10.

Как видим, темпы роста производительности труда в машиностроении были невелики и либо незначительно превышали темпы роста производительности труда во всей промышленности, либо были на том же уровне, либо даже заметно отставали, как в десятой пятилетке. И это при том, что фондовооруженность труда в машиностроении росла быстрее, чем во всей промышленности [39]. В одиннадцатой пятилетке произошло даже падение производительности труда в машиностроении при неизменном ее уровне по всему материальному производству. Систематически, значительно больше, чем по всему материальному производству, повышалась материалоемкость машиностроительной продукции [40]. Заметно и тоже быстрее, чем по всему материальному производству, ухудшалось использование основных фондов, если измерять его по таким объективным показателям, как использование мощности электромоторов, коэффициент сменности оборудования и рабочих. Как исчислил Л. Малмыгин, в середине 80-х годов в машиностроении в основных цехах было 45 % (!) лишних рабочих мест [41]. Видно, что в этот период машиностроение преврати-

лось в подлинную «черную дыру» экономики. Выявить это растущее отставание машиностроения по эффективности производства не позволяла та же ошибочная статистика, поскольку именно в машиностроении были наиболее благоприятные условия для скрытого роста оптовых цен, которые здесь были особенно велики [42].

Если объединить все указанные факторы эффективности производства, то очевидно, что в этот период реально значительно выросли издержки производства в машиностроении, о чем и свидетельствовал огромный скрытый рост оптовых цен.

Машиностроение является одной из самых сложных отраслей экономики и по составу продукции, и по ее сложности, и по наукоемкости, и по организации производства и управления. В данный период выявилось, что советская экономика оказалась не в состоянии справиться с этими сложнейшими проблемами. В структуре продукции чрезмерное место занимал выпуск зачастую излишних по сравнению с нуждами экономики видов продукции (и гражданской, и военной), она была нередко низкого качества (при большом количестве) и крайне материало- и трудоемкая, оборудование использовалось отвратительно, конструкторские и технологические службы были слабыми. Полным фиаско закончились попытки расширить специализацию и кооперирование в машиностроении, несмотря на то что задания на этот счет прописывались в каждом пятилетнем плане. Частично неэффективность машиностроения определялась и слабостью смежников, поставлявших низкокачественный металл и другие материалы и комплектующие (особенно электронику). С таким неэффективным машиностроением невозможно было ожидать ни ускорения экономического развития, ни успешной конкуренции с западным машиностроением. Развал отрасли в постсоветский период во многом определился раньше – уже в рассматриваемый период. Многие отрасли машиностроения, по-видимому, уже в эти последние советские пятилетки приносили негативную добавленную стоимость и уж определенно были убыточными, что скрывалось в связи с низкими ценами на материалы, топливо, электроэнергию и высокими ценами на продукцию отрасли.

Разумеется, состояние отдельных отраслей машиностроения было весьма различным. Это определялось и приоритетами в его развитии, и технико-экономическими особенностями отдельных отраслей, и даже индивидуальными качествами его руководителей в прошлом и настоящем. Наиболее очевидны различия между оборонной и граждан-

ской частями машиностроения, и особенно – в техническом прогрессе. В то время как в гражданском машиностроении отставание СССР в этот период не только было почти всеобщим, но и нарастало, в военном машиностроении было немало примеров опережения. Есть даже точка зрения, опирающаяся на многочисленные примеры, что именно в 80-е годы были созданы далеко опередившие западные страны по боевым качествам образцы военной техники [43], освоить которые в массовом производстве помешала перестройка. Но нет данных, позволяющих судить о том, была ли оборонная промышленность более эффективной, чем гражданская в текущем производстве. С другой стороны, большие различия имелись и между отдельными отраслями гражданского машиностроения и по техническому уровню продукции, и по организации производства. В лучшую сторону выделялись такие отрасли, как энергетическое машиностроение и электротехническая промышленность; в худшую – автомобильная промышленность, машиностроение по выпуску продукции группы Б и сферы услуг. Однако более конкретный анализ требует расчетов альтернативных оценок динамики выпуска продукции и эффективности отдельных отраслей машиностроения.

Особое место в СССР занимала электронная промышленность, ставшая к этому времени ведущей отраслью, обеспечивавшей нужды и оборонной промышленности, и промышленности вообще, и бытовой техники. К сожалению, для этого периода информация о ее развитии еще более скудна, чем для предыдущего, где можно было опираться на данные, приводившиеся в работах Н. Симонова и А. Шокина. Периодически появлявшиеся в печати того периода сообщения о росте в несколько раз производства в этой отрасли, конечно, в какой-то мере отражали ее динамичное развитие, но с большим преувеличением ввиду скрытого роста цен, особенно сильного в этой многономенклатурной отрасли с быстро обновляющейся номенклатурой продукции. О более реальной динамике можно было бы судить по динамике численности занятых и выпуске важнейших видов продукции в натуральном выражении. Но об этом есть данные только из зарубежных источников и то лишь по производству электронно-вычислительных машин. И эти данные говорят о стремительном росте выпуска ЭВМ в 70-е годы. Если исключить выбытие ЭВМ, которое из-за их дефицита было редким, то их выпуск по пятилеткам выглядит следующим образом: в 1961–1965 годах – 1880 шт., 1966–1970 – 4000, 1971–1975 (по плану) –

16 000 шт., при этом новые поколения ЭВМ были намного производительнее старых [44]. Однако и по количеству, и по срокам начала производства аналогичных ЭВМ наша страна продолжала отставать от США, и это отставание даже усиливалось. По количеству отставание выросло с 5000 шт. в 1960 году до 64 000 в 1970 году, по срокам начала производства каждого последующего поколения компьютеров – с 4 лет в 1964–1965 годах до 6–8 лет в начале 70-х годов [45]. Однако если раньше отечественные ЭВМ создавались на базе собственных разработок, то ЭВМ третьего поколения в 70-е годы представляли собой копии американских ЭВМ. Вследствие погони за количеством и из-за низкого качества исходных материалов и комплектующих изделий эти серии ЭВМ были крайне ненадежны в эксплуатации. К 1985 году в СССР практически отсутствовало производство персональных ЭВМ, не было даже их разработок, в то время как в США они производились уже миллионами экземпляров и вошли в быт американцев. Об ориентировочном росте производства вычислительной техники свидетельствуют официальные данные в стоимостном выражении, млн р.: в 1965 году – 99; 1970 – 451; 1975 – 1192; 1980 – 4500; 1985 – 4202 [46]. Эти данные при всей их преувеличенности говорят об огромном росте отрасли в рассматриваемый период и его замедлении в одиннадцатой пятилетке. ЭВМ в этот период благодаря выросшему их количеству начали широко применяться не только в научной работе и военном деле, как в 60-е годы, но и в управлении технологическими процессами в промышленности и даже, менее удачно, экономическими системами.

Химическая промышленность, наряду с электроэнергетикой и машиностроением, традиционно рассматривалась как отрасль, определяющая технический и экономический прогресс в экономике, обороноспособность страны. Последнее обстоятельство стало особенно важным в ядерный век, поскольку атомная промышленность в целом традиционно включалась в состав химической промышленности. Это создает большие трудности при анализе развития отрасли, так как данные о деятельности Министерства среднего машиностроения, руководившего атомной промышленностью, всегда были государственной тайной самой высокой степени. О значении этой отрасли свидетельствует сопоставление общей численности занятых в химико-лесном комплексе с численностью занятых по кругу министерств, куда не включалось Министерство среднего машиностроения, в 1985 году – соот-

ветственно 4,7 и 3,4 млн человек [47]. О динамике продукции Министерства среднего машиностроения говорят приводившиеся выше (табл. 8) данные о производстве ядерных боеголовок (почти в 10 раз) и производстве электроэнергии на атомных электростанциях (более чем в 100 раз).

Производство продукции в остальной части химической промышленности характеризуют данные о выпуске важнейших видов в натуральном выражении (табл. 12).

Т а б л и ц а 12

**Выпуск важнейших видов продукции химической промышленности
в натуральном выражении в 1965–1987 гг., млн т**

Вид продукции	1965	1970	1975	1980	1985	1987
1. Серная кислота	8,5	12,0	18,4	23,0	26,0	28,5
2. Синтетический аммиак	3,8	7,6	12,0	16,7	22,1	24,3
3. Минеральные удобрения (в пересчете на 100 % питательных веществ)	7,39	13,1	22,0	24,8	33,2	36,3
4. Синтетические смолы и пластические массы	0,80	1,67	2,83	3,63	5,0	5,48
5. Химические волокна и нити	0,41	0,62	0,95	1,17	1,39	1,52
6. Синтетические моющие средства	0,14	0,47	0,77	1,0	1,15	1,24

Источник. Промышленность СССР. – М., 1988. – С. 196–207.

Как видим, химическая промышленность действительно развивалась в этот период ускоренными темпами. Даже производство традиционных ее продуктов (серная кислота, минеральные удобрения, синтетический аммиак) выросло за этот период в 3–5 раз. Если же взять новые для СССР продукты (пластмассы, химические волокна, синтетические моющие средства), то рост их выпуска был еще больше. Обращает на себя внимание и то, что в одиннадцатой пятилетке в отличие от многих других отраслей в химической промышленности продолжался быстрый рост продукции. Понятно, что такое огромное расширение производства требовало ввода в действие десятков крупнейших предприятий, оснащенных современным, преимущественно импорт-

ным, оборудованием. Если же учесть и рост продукции Министерства среднего машиностроения, то химическая промышленность представляет собой пример исключительно быстро растущей отрасли. В ней происходили и благоприятные структурные изменения: росла доля синтетических волокон в выпуске химических волокон, термопластов в выпуске пластмасс, сложных и концентрированных минеральных удобрений, прогрессивных видов лакокрасочной продукции, радиальных шин в общем производстве шин [48].

По многим видам продукции химической промышленности в этот период значительно выросла доля СССР в мировом промышленном производстве. Так, к 1985 году СССР превзошел США по выпуску минеральных удобрений и приблизился к США по выпуску серной кислоты [49]. Вместе с тем наша страна еще далеко (в 4–5 раз) отставала от США по передовым видам продукции отрасли: синтетическим смолам и пластическим массам, синтетическим волокнам [50].

Лесная, целлюлозно-бумажная и деревообрабатывающая отрасли продолжали оставаться крупнейшими отраслями в советской промышленности. Они имели огромную сырьевую базу в виде самых крупных в мире (более 20 % мировых) запасов леса. В этих отраслях было занято более 3 млн человек [51], преимущественно в лесной промышленности. Развитие этой отрасли имело важное значение для строительства, химической промышленности, для обеспечения растущего внутреннего спроса на мебель, тару, бумагу, картон, для крепежа в шахтах, для расширения экспорта.

Основные натуральные показатели развития этих отраслей в данный период представлены в табл. 13.

Таблица 13

Производство важнейших видов продукции лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности в 1965–1987 гг.

Продукция	1965	1970	1975	1980	1985	1987
1. Вывозка древесины, млн плотных м ³	378,9	385,0	395,1	356,6	368,0	389,2
2. Пиломатериалы, млн м ³	111,0	116,4	116,2	98,2	102,1	102,4
3. Целлюлоза, млн. т	3,2	5,1	6,8	7,1	8,3	8,6
4. Бумага, млн т	3,2	4,18	5,2	5,3	6,0	6,19
5. Картон, млн т	1,45	2,51	3,36	3,44	4,0	4,37

Окончание табл. 13

Продукция	1965	1970	1975	1980	1985	1987
6. Клееная фанера, млн м ³	1,75	2,04	2,2	2,0	2,18	2,30
7. Столы, млн шт.	10,4	12,1	16,3	16,6	19,2	21,1
8. Гарнитур, млн комп- лектов	0,04	0,27	0,56	2,08	4,47	5,28

Источник. Промышленность СССР. – М., 1988. – С. 208–212, 252.

Как видим из табл. 13, в сырьевых стадиях отрасли наблюдался практически «застой», даже некоторое падение производства. В значительной степени это было связано с более экономным использованием сырья и заменой древесины другими, более дешевыми, материалами, изысканием более эффективных экспортных ресурсов. Но этот «застой» в немалой степени был связан и с большими трудностями в добыче сырья, – лесоразработка все более перемещалась на восток страны, велась в суровых климатических условиях. Относительно низкая механизация лесодобычи при нехватке трудовых ресурсов затрудняла расширение производства. Из-за нехватки древесного сырья систематически не выполнялись планы по его переработке. Только в качестве примера: в девятой пятилетке производство целлюлозы и картона при плановом росте соответственно – на 70 и 80% [52], выросло лишь на 33 и 34 %. Доля СССР в мировом производстве древесины и пиломатериалов неуклонно и быстро падала в этот период [53], отстав по вывозке древесины даже от США, что для сырьевой отрасли было совершенно необычно. Это отставание создавало, конечно, сложные проблемы для ряда отраслей советской экономики в данный период. О слабости развития всей отрасли свидетельствует низкий удельный вес экспорта в ее выпуске – менее 10 % [54], что очень мало для страны, столь богатой лесом.

Вместе с тем значительный прогресс наблюдался по тем видам продукции, где отставание СССР в начале периода было особенно значительным: по производству целлюлозы, бумаги, картона, мебели. Для расширения производства этих видов продукции были введены в действие очень крупные по объему производства мощности в целлюлозно-бумажной и мебельной промышленности с использованием импортного оборудования, в том числе и самые крупные в мире целлюлозно-бумажные комбинаты в Восточной Сибири, работавшие на базе мест-

ного сырья, водных ресурсов и дешевой электроэнергии. По этим видам продукции заметный рост наблюдался даже в одиннадцатой пятилетке. Но по ряду товаров (по количеству и особенно по качеству), например, по мебели, отставание СССР продолжало оставаться огромным. К тому же эта отрасль наносила огромный ущерб окружающей среде.

Промышленность строительных материалов, наряду с черной и цветной металлургией, с некоторыми отраслями химической и деревообрабатывающей промышленности, играла важнейшую роль в обеспечении строительной отрасли материалами и таким образом обеспечивала инвестиционный процесс в экономике.

В выпуске стройматериалов было занято в 1985 году 2,3 млн человек [55]. В прошлом эта отрасль была одной из самых приоритетных, обеспечивавшей инвестиционный процесс. В рассматриваемый период в связи с замедлением инвестиционного процесса падала ее доля и в численности занятых в промышленности [56], и выпуске продукции [57] (табл. 14).

Т а б л и ц а 14

**Производство основных видов продукции промышленности
строительных материалов в 1965–1987 гг.**

Продукция	1965	1970	1975	1980	1985	1987
1. Цемент, млн т	72,4	95,2	122	125	131	137,4
2. Сборные железобетонные конструкции и изделия, млн м ³	56,1	84,6	114	122	136	149,1
3. Строительный кирпич, млрд шт. условного кирпича	36,6	43,2	47,2	41,8	41,2	43,3
4. Мягкие кровельные и изоляционные материалы, млн м ²	1082,5	1333,7	1760,4	1722,8	1928,4	1983,2
5. Шифер, млн условных плиток	4161,8	5839,7	7840,2	7308,3	8270,2	8777,6
6. Оконное стекло, млн м ²	190,3	231,4	268,9	244,8	242,9	251,8

Источник. Промышленность СССР. – М., 1988. – С. 216–224.

Как видим из табл. 14, очень быстрый рост производства в промышленности строительных материалов наблюдался в первое десятилетие рассматриваемого периода. Во втором десятилетии в связи с затуханием инвестиционного процесса выпуск продукции был минимален по ряду продуктов, заметно сокращалось даже производст-

во по строительному кирпичу и оконному стеклу. Эта стагнация в отрасли по объему производства сопровождалась и стагнацией по численности занятых в это десятилетие на уровне 2,2–2,3 млн человек; заметно меньше, чем в среднем по промышленности, росли и основные производственные фонды в отрасли [58]. По объему производства в натуральном выражении СССР по этой отрасли (например, по производству цемента) в данный период опережал все страны мира, что отражало и огромный объем строительства, и низкое качество строительных материалов, и расточительное их использование в строительстве [59]. При огромном масштабе производства низким оставалось качество продукции отрасли, о чем говорили непрерывные жалобы строителей и жителей новых микрорайонов. Многие прогрессивные строительные материалы выпускались в небольшом количестве. Производство в отрасли было крайне энергоемким. Так, в цементной промышленности преобладало производство по «мокрому» способу, в то время как в развитых капиталистических странах уже в 70-е годы энергосберегающий «сухой» способ стал преобладать. Очень сильным было загрязнение среды предприятиями отрасли.

От анализа развития тяжелой промышленности перейду к анализу развития отраслей, удовлетворяющих значительную часть потребностей населения в потребительских товарах: к **легкой и пищевой промышленности**. По мере роста уровня реальных доходов населения потребности в продукции этих отраслей также росли, особенно это касалось продуктов, по которым потребление в СССР в середине 60-х годов значительно отставало от уровня западных стран. Начну с легкой промышленности. Данные о производстве основных видов продукции легкой промышленности в этот период представлены в табл. 15.

Все товары легкой промышленности СССР, как видим из табл. 15, по темпам роста делятся на две группы: первая – с невысокими темпами роста, близкими темпам роста населения, – по этим товарам уже к началу периода уровень потребления на душу населения был близок к уровню развитых стран (хлопчатобумажные и шерстяные ткани, обувь, чулочно-носочные изделия); вторая – с высокими темпами роста – по этим товарам к началу периода было значительное отставание СССР от душевого потребления в развитых странах (колготки, белье и верхний трикотаж, ковры и ковровые изделия). По второй группе и в абсолютных цифрах, и в относительных прогресс был весьма внушителен. Особенно это заметно по колготкам, производство которых

Т а б л и ц а 15

**Производство основных видов продукции легкой промышленности
в натуральном выражении в 1965–1987 гг.**

Продукция	1965	1970	1975	1980	1985	1987
1. Хлопчатобумажные ткани, млрд м ²	7,07	7,48	7,81	8,06	8,64	8,89
2. Шерстяные ткани, млн м	365,0	495,7	551,6	563,8	490,6	503,8
3. Шелковые ткани, млн м	937,1	1241,2	1517,0	1632,0	1718,0	1789,0
4. Льняные ткани, млн м	587,3	725,3	768,4	653,8	750,6	862,4
5. Нетканые материалы, млн м	102,4	204,5	325,9	490,0	911,3	1058,9
6. Чулочно-носочные изделия, млрд пар	1,35	1,33	1,49	1,67	1,91	2,04
7. В том числе колготки, млн шт.	3,2	107,8	154,8	278,6	370,2	445,2
8. Бельевой трикотаж, млн шт.	714,8	814,4	955,1	1143,9	1224,0	1278,9
9. Верхний трикотаж, млн шт.	187,9	415,2	465,6	478,9	507,0	552,2
10. Ковры и ковровые изделия, млн м ²	19,6	30,3	47,7	93,4	108,5	113,5
11. Обувь, млн пар	486,4	678,9	698,1	742,9	787,6	809,0

Источники. Промышленность СССР. – М., 1988. – С. 228–240; Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 289.

в начале периода практически отсутствовало, а в конце носило ширококомасштабный характер, это производство и было налажено в этот период. Расширение производства продукции легкой промышленности во многом было связано с быстрым ростом в этот период производства продукции химической промышленности, обеспечившей сырьевую базу расширения производства. Впечатляет и девятикратный рост производства нетканых материалов, освоенных преимущественно именно в данный период, что потребовало создания новых мощностей в этой подотрасли.

По объему выпуска продукции легкой промышленности СССР занимал почетное место в мире: по хлопчатобумажным тканям – второе (после Китая), шерстяным – первое, шелковым – третье (после США и Японии), чулочно-носочным изделиям, верхнему и бельевому трикотажу – второе (после США), обуви (первое) [60]. Таким образом, СССР по масштабам производства имел одну из крупнейших отраслей в мире.

Самым слабым местом в развитии легкой промышленности в этот период было качество продукции. Здесь речь идет не только о долговечности изделий, которая снижалась из-за использования заменителей и уменьшения содержания сырья (например, при производстве тканей), но прежде всего о дизайне, внешнем виде, тщательности отделки, модности. Советская промышленность так и не освоила производство столь любимых населением джинсов. С учетом сказанного, развитие легкой промышленности было в этот период весьма медленным, что было связано в основном с недостаточными капитальными вложениями в ее развитие. В общих вложениях в промышленность их доля уменьшалась с, и без того ничтожной, величины в 4,1 % в 1971–1975 годах до 3,6 в 1981–1985 и до 2,6 % в 1986–1987 годах [61]. Отрасль машиностроения для легкой промышленности в СССР была одной из самых слаборазвитых и производила ничтожно мало оборудования – менее чем на 1 млрд р. в 1987 году, и притом крайне низкого качества [62]. Оборудование в легкой промышленности, особенно в ее традиционных отраслях (текстильной и обувной), было очень старое, заработки – одними из самых низких в промышленности, несмотря на тяжелые условия труда в отрасли и большую долю ручного труда.

Основные показатели производства продукции пищевой промышленности в натуральном выражении в данный период представлены в табл. 16.

Особенностью развития пищевой промышленности в СССР по сравнению с легкой промышленностью была ее высокая зависимость от сельского хозяйства (кроме рыбной промышленности). Правда, некоторая часть сырья приобреталась по импорту (например, для сахарной и кондитерской промышленности), но это все же были исключения. Поэтому развитие пищевой промышленности хорошо коррелировало с развитием сельского хозяйства и изменением его товарности.

В пищевой промышленности, как и в легкой, можно выделить две группы отраслей: медленно развивающиеся с насыщенным спросом уже к началу периода (помимо указанных в табл. 16 сахарной промышленности и производства растительного масла сюда же относятся хлебопекарная и мучная промышленности) и быстро развивающиеся с ненасыщенным спросом к началу периода, с эластичными к изменению реальных доходов населения мясной и молочной отраслями, с производством консервов и рыбной продукции, пива, винно-водочных и табачных изделий.

Таблица 16

**Производство продукции пищевой промышленности СССР
в натуральном выражении в 1965–1987 гг.**

Продукция	1965	1970	1975	1980	1985	1987
1. Сахар-песок, млн т	11,0	10,2	10,4	10,1	11,8	13,7
2. Мясо (включая субпродукты 1-й категории), млн т	5,2	7,14	9,86	9,14	10,8	12,2
3. Колбасные изделия, млн т	1,61	2,29	2,96	3,07	3,41	3,71
4. Улов рыбы и добыча других рыбопродуктов, млн т	5,77	7,82	10,36	9,53	10,6	11,3
5. Животное масло, млн т	1,07	0,96	1,23	1,28	1,52	1,67
6. Цельномолочная продукция в пересчете на молоко, млн т	11,8	19,8	23,7	25,5	29,8	32,5
7. Мороженое, тыс. т	278	376	463	506	587	698
8. Растительное масло, млн т	2,77	2,78	3,34	2,65	2,54	2,95
9. Маргариновая продукция, тыс. т	670	762	999	1263	1411	1535
10. Консервы, млрд условных банок	7,1	10,7	14,6	15,3	18,0	20,5
11. Кондитерские изделия, млн т	2,31	2,9	3,24	3,86	4,28	4,63
12. Водка и ликероводочные изделия, млн декалитров	–	214,3	260	295	238	147
13. Вино виноградное, млн декалитров	133,9	268	297	323	265	141
14. Пиво, млн декалитров	316,9	419	571	613	657	507
15. Папиросы и сигареты, млрд шт.	304	323	364,3	364	381	378

Источники. Промышленность. – М., 1988. – С. 258; Народное хозяйство СССР в 1990 году. – М., 1991. – С. 523; Народное хозяйство СССР в 1985 году. – М., 1986. – С. 254.

В целом данные табл. 16 говорят о быстром развитии отрасли в количественном отношении в этот период, даже в последнем, неблагоприятном для экономики, пятилетии (исключением именно в последнем пятилетии стало производство алкогольных напитков, которое начало сокращаться в 1985 году в результате антиалкогольной кампании). Это должно свидетельствовать о значительном росте уровня жизни населения в рассматриваемый период. Здесь очень важно проанализировать

изменение качества продукции. А оно непрерывно ухудшалось. Предоставлю слово председателю Госплана СССР в этот период Н. Байбакову, отнюдь не стремившемуся к очернению советской экономики. Говоря о начале десятой пятилетки, он пишет: «Предприятия пищевой промышленности встали на путь ухудшения качества продовольствия. При тех же материальных ресурсах пищевойки из прежнего количества мяса производили больше колбасы, добавляя в продукт больше крахмала, воды. Впервые ухудшение качества продуктов питания обнаружилось еще при Н.С. Хрущеве. Но тогда подобные случаи носили частный характер. Теперь же это стало своего рода эпидемией... Экономический анализ показывал, что примерно половина прироста товарооборота достигалась за счет ухудшения качества и скрытого роста оптовых цен... Непринятие действенных мер способствовало дальнейшему развитию негативных процессов. Производители поняли, что раз нет действенных санкций за нарушение стандартов, значит, можно отступать от требований к качеству... Шло разращение людей, занимающихся производством продовольственных и промышленных товаров. В хлеб добавлялась кукурузная мука, в молоко – вода, в колбасу – крахмал» [63]. Байбаков справедливо связывает ухудшение качества с погоней за выполнением плана по выпуску в стоимостном выражении и прибылью в пищевой промышленности любой ценой. Но этому же способствовало и другое: и нехватка, и низкое качество сельскохозяйственного сырья (например, грузинского и азербайджанского чая или винограда), недостаточные мощности пищевой промышленности. Многие предприятия пищевой промышленности были построены еще в дореволюционный период и с тех пор мало реконструировались. В них была велика доля ручного труда. Доля пищевой промышленности в капитальных вложениях в промышленность была мала и непрерывно снижалась в 70–80-е годы. Так, в десятой пятилетке она составила 7 %, в одиннадцатой – 6,4, в двенадцатой – 6, 1987 году – 5,6 % [64]. Машиностроение для пищевой промышленности оставалось одной из самых слабых отраслей советского машиностроения и в количественном (в 1985 году выпуск был на 810 млн р.) [65] и особенно в качественном отношении. Тем не менее в этот период были введены значительные мощности в мясной, рыбной, молочной, винно-водочной и пивной промышленности, в ряде других подотраслей пищевой промышленности, но невысокого качества, с устаревшим оборудованием и технологией, слабой механизацией руч-

ного труда. Продукты питания в СССР редко и плохо упаковывались, упаковка (например, пробки в бутылках) была неудобной, баночное пиво не производилось вообще, отсутствовало или было ничтожным производство специй, консервированных супов и каш, фруктовых соков, крайне узок был ассортимент продовольственных товаров.

При всем том, что официальная статистика сильно преувеличивала реальный рост пищевой промышленности, он все же был довольно заметным. Это как будто противоречит растущему дефициту продовольственных товаров в тот период, и к этому вопросу я еще вернусь при рассмотрении уровня жизни населения. Сейчас же отмечу, что это явление тесно связано с чрезмерным по сравнению с товарной массой ростом доходов населения в рассматриваемый период и растущим неравномерным распределением продовольственных товаров по регионам и группам населения.

По масштабам производства многие отрасли пищевой промышленности занимали видное место в мировой пищевой промышленности. Так, в 1985 году отечественная промышленность занимала первое место в мире по производству сахара-песка, второе – по производству кондитерских изделий, по улову рыбы и добыче других морепродуктов, по выпуску консервов. Очень сильно отставал СССР от развитых стран по качеству большинства видов продукции пищевой промышленности, богатству ассортимента и внешнему виду товара (упаковке).

Проанализировав развитие основных отраслей промышленности, можно перейти к анализу продукции промышленности в целом. Данные о ее динамике по пятилеткам по альтернативным оценкам представлены в табл. 17.

Т а б л и ц а 17

Индекс продукции промышленности СССР в 1965–1985 гг., %

1961–1965	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985
140,3	124,6	124,6	116,0	112,0

Источники. За 1961–1980 годы: Ханин Г.И. Динамика экономического развития СССР. – Новосибирск, 1991. – С. 146; за 1981–1985 годы определено в соответствии со снижением индекса ЦСУ СССР в этот период по сравнению с предыдущей пятилеткой.

Как видим, в данный период происходило почти (за исключением седьмой пятилетки) неуклонное падение темпов роста промышленности. При этом началось оно, вопреки широко распространенному мне-

нию, как раз в 1966–1970 годах, когда проводилась косыгинская реформа. В этот период замедлились темпы роста производительности труда (с 15,6 до 8 %), ухудшилось использование основных производственных фондов, измеряемое по использованию электромоторов с учетом структурных сдвигов [66]. Некоторая рецентрализация управления экономикой в следующей пятилетке привела к прекращению спада в темпах роста промышленности и заметному повышению темпов роста производительности труда (до 15,5 % за пятилетку). В последующем, однако, спад темпов роста возобновился и в начале 80-х годов перешел в стагнацию, преодоленную только благодаря энергичным мерам по наведению государственной и трудовой дисциплины после смерти Брежнева. Рост промышленного производства теми же темпами, что и в конце одиннадцатой пятилетки, продолжался и в первые два года перестройки. Падение темпов роста производительности труда происходило и в десятой, и в одиннадцатой пятилетках. В десятой пятилетке производительность труда выросла лишь на 7,9. В то же время ухудшалось использование мощности электромоторов вплоть до 1980 года – последнего года проведения расчетов [67]. В первые два года двенадцатой пятилетки продолжался рост производительности труда: при неизменной численности промышленно-производственного персонала продукция промышленности продолжала расти.

При такой динамике технико-экономических показателей ее довольно высокая рентабельность обеспечивалась благодаря периодическим (раз в 10–12 лет) реформам оптовых цен, связанным с их повышением в отраслях, где был невозможен скрытый рост оптовых цен, и скрытому росту оптовых цен в остальных отраслях. Динамика оптовых цен промышленности в данный период представлена в табл. 18.

Т а б л и ц а 18

Динамика оптовых цен предприятий промышленности в 1965–1975 гг., %

Показатель	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985
Всего	142	112	105	116,1
Индекс прейскурантных цен	117	97	98	108,3
Скрытый рост цен	121	115	107	107,2

Источники. За 1965–1980 годы: Ханин Г.И. Динамика экономического развития СССР. – Новосибирск, 1991. – С. 219; за 1981–1985 годы исчислено по: Промышленность СССР. – М., 1988. – С. 7 и табл. 14.

Как видим, в этот период наблюдался значительный для СССР в послевоенный период рост оптовых цен в промышленности, преимущественно за счет скрытого роста оптовых цен. Особенно значительным он был в период 1966–1970 годов, что и создало впечатление ускорения экономического развития. Этот рост оптовых цен позволял скрывать реальную эффективность отдельных отраслей советской экономики. Особенно он был выгоден для отраслей обрабатывающей промышленности, где его легче всего было осуществить, а среди них – в машиностроении, с его огромной и быстро обновляемой номенклатурой продукции. Здесь этот рост был наибольшим [68].

Для определения реального экономического положения отдельных отраслей промышленности приходится сравнивать экономические показатели с аналогичными в развитых странах. Сразу хочу отметить, что имеющиеся в литературе последних лет оценки этого сравнения не точны. Главная проблема, которую не удалось удовлетворительно решить немногочисленным исследователям, связана с качеством продукции такой сложной отрасли, как машиностроение. Тем не менее эти оценки все же проливают свет на реальное состояние промышленности накануне перестройки, особенно отдельных отраслей.

Я приведу две, на мой взгляд, наиболее квалифицированные оценки этого соотношения. Одна принадлежит голландскому экономисту Р. Коувенховену (Remco Kouwenhoven) [69] и относится к 1987 году, другая – российскому экономисту В.М. Кудрову и относится к 1992 году [70]. Для сопоставления придется привести их к сопоставимому периоду – 1987 году. Оба эти исследования имеют серьезные методологические и информационные недостатки. Во-первых, довольно узок охват продукции промышленности (у Коувенховена – 133 продукта, у Кудрова – 90 продуктов). Это намного меньше, чем в более ранних сопоставлениях производительности труда в советской и американской промышленности, а также производительности труда в промышленности восточно-европейских и западно-европейских стран. Особенно плохо было представлено машиностроение. Во-вторых, практически не учитывалась разница в качестве продукции, что заведомо должно было привести к более благоприятному отношению для СССР. Тем не менее в предположении о репрезентативности данных для соответствующих отраслей эти исследования могут служить ориентиром при определении соотношения производительности труда в СССР и США в конце 80-х годов.

Результаты сравнения, исчисленные Р. Коувенховеном [71], представлены в табл. 19.

Таблица 19

**Сравнение производительности труда в промышленности СССР
по отношению к промышленности США в 1987 г.
по добавленной стоимости**

Отрасль промышленности	%
Угольная	11,1
Железорудная	8,6
Нефтегазовая	31,9
Пищевая	17,3
Пивная	4,9
Табачная	18,0
Текстильная	18,5
Швейная	18,5
Обувная	47,2
Деревообрабатывающая и мебельная	29,1
Бумажная	19,5
Химическая	12,5
Резиновая и пластмассовая	33,3
Нефтеперерабатывающая	59,9
Неметаллические минеральные продукты	28,0
Металлургия	53,2
Машиностроение и транспортное оборудование	46,1
Электромашиностроение	15,2
Остальные отрасли обрабатывающей промышленности	24,0
Всего	28,8

При анализе табл. 19 бросаются в глаза следующие обстоятельства: большой разрыв производительности труда между приоритетными в советской экономике отраслями и неприоритетными (он был значительно меньше в металлургии и нефтегазовой промышленности, чем в легкой и пищевой промышленности) и между отдельными отраслями машиностроения, что объяснялось и крайне узким охватом расчетов этих отраслей, и неучетом разницы в качестве продукции, это особенно было очевидно в отрасли транспортного оборудования, представленного в основном автомобильной промышленностью. Если учесть явное преувеличение по отрасли «Машиностроение и транспортное оборудова-

ние», занимающее в добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности около 35 %, то становится ясно, что одна только эта поправка может снизить конечный результат до уровня менее 25 %.

Прежде чем делать окончательный вывод, рассмотрим результат, полученный В. Кудровым, – он лучше учитывает разницу в качестве продукции в обеих странах. Для возможности сравнения обоих расчетов, как уже упоминалось выше, я перевел данные Кудрова для 1992 года в данные для 1987 года, используя индекс производительности труда за 1990–1992 годы, по данным Госкомстата РФ о динамике продукции и численности занятых в отраслях промышленности России в эти годы (предполагалась одинаковая динамика производительности труда в СССР и США за 1987–1990 годы). Результаты расчета представлены в табл. 20.

Данные, полученные этими исследователями, по многим отраслям оказались близки. Большие различия наблюдаются по швейной, целлюлозно-бумажной, резиновой отраслям, по отрасли, выпускающей изделия из пластмасс, по металлургии, промышленному и транспортному машиностроению. В одних случаях лучшие для СССР результаты содержатся в работе Коувенховена, в других – у Кудрова. Для того чтобы оценить, чьи оценки более достоверные, надо знать не только тонкости методики, но и исходную информационную базу. Очевидно, что эти исследования необходимо расширить. Ближе к действительности, видимо, результаты исследования Кудрова из-за неучета Коувенховеном разницы в качестве продукции.

Тем не менее оба эти исследования говорят об огромном отставании СССР в производительности труда по сравнению с США. По данным Кудрова, это отставание составило в 1987 году примерно 5 раз. В то же время еще в 1976 году отставание населения СССР по потреблению товаров и бытовых услуг, по наиболее достоверным расчетам Игоря Бирмана, составляло 4 раза [72], и можно полагать, что таким же примерно оно было и для занятых в промышленности. Следовательно, относительные затраты на заработную плату в промышленности СССР были больше. Кроме того, очень сильным было превышение материалоемкости продукции в промышленности СССР – примерно в 1,3 раза (ее доля составила в промышленной продукции СССР и США соответственно 65,6 и 50,3 %), а по некоторым отраслям еще больше [73]. Это обстоятельство уже учтено при расчете производительности труда по добавленной стоимости. Если сюда добавить значительно большую

Т а б л и ц а 20

**Сравнение производительности труда в промышленности СССР и США
в 1987 г., %**

Отрасль промышленности	1992	1992/1990	1987	Оценка Р. Коувен- ховена
Напитки	7,7	75,6	10,2	4,9
Табачная	21,0	75,6	27,7	18,0
Пищевая	10,9	75,6	14,4	17,3
Текстильная	12,2	79,4	15,3	18,5
Швейная	50,7	79,4	64,1	18,5
Кожевенно-обувная	48,3	79,4	60,8	47,2
Деревообрабатывающая и ме- бельная	20,9	77,1	27,1	29,1
Целлюлозно-бумажная	6,9	77,1	8,9	19,5
Химическая	6,0	72,2	8,3	12,5
Резиновая и изделия из пластмасс	7,8	72,2	10,8	33,3
Нефтеперерабатывающая	13,1	84,6	15,5	59,9
Стройматериалы	18,0	75,3	23,9	28,0
Металлургия	19,2	74,0	25,9	53,2
Промышленное и транспортное машиностроение	10,8	84,8	12,7	46,1
Электротехническая и инстру- ментальная	16,7	84,8	19,7	15,2
Прочие отрасли обрабатывающей промышленности	13,6			24,0
Коммунальное хозяйство	30,0	83,6	35,9	–
Добывающая промышленность	61,6	80,4	76,6	52,2
Всего	16,8	80,8	20,8	28,8

Примечание. Динамика производительности труда по добывающей промышленности определена как среднеарифметическая динамика производительности труда по угольной, нефтедобывающей и газовой промышленности.

Источники. Кудров В., Правдина С. Сопоставление производительности труда в промышленности России, США и Германии в 1992 г. // Вопросы экономики. – 1998. – № 1. – Табл. 6; данные по динамике производительности труда в промышленности в 1990–1992 годах: Литвинцева Г.П. Продуктивность экономики и институты на современном этапе развития России. – Новосибирск, 2003. – С. 332–344.

фондоемкость продукции и амортизационных отчислений, то становится очевидным, что промышленность СССР в этот период при обесцененных ценах должна была быть убыточной. В особенно тяжелом положении оказывались отрасли обрабатывающей промышленности, в том числе пищевая, химическая и машиностроение. Для обеспечения их прибыльности требовалось глубокое техническое перевооружение и улучшение организации производства, а в краткосрочном плане – резкое сокращение численности занятых и средней оплаты труда одного занятого, закрытие многих предприятий. Но советское руководство и не знало в полной мере о реальном положении дел, и не способно было эту «горькую» правду о состоянии промышленности сообщить своему населению. А тем более – принимать нужные кардинальные меры.

Известным дополнительным свидетельством реальной эффективности промышленности накануне перестройки может явиться переоценка ее сводных финансовых показателей в соответствии с восстановительной стоимостью основных фондов промышленности. Удорожание стоимости основных фондов на уровне, принятом выше для всей экономики (2,35 раза), потребовало бы увеличения амортизационных отчислений промышленности на 76,1 млрд р. (57,1 млрд р. в 1985 году), что снизило бы прибыль промышленности с 98,8 млрд р. до ничтожной величины в 22,7 млрд р., или немногим более 3 % от валовой продукции промышленности в этом году (803,8 млрд р.). Это было бы меньше, чем налоги, уплаченные промышленностью в бюджет в том же году (55,3 млрд р.). При всей условности такого расчета, не учитывающего всех особенностей финансовых отношений в экономике того периода, полученные расчетные данные говорят о крайней неэффективности промышленности в те годы, о завышенности и численности работающих, и оплаты их труда в промышленности.

3.2.2. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Сельское хозяйство в данный период, как уже неоднократно указывалось выше, оставалось приоритетной отраслью советской экономики, так как от ее развития зависело благосостояние населения, а значит, его отношение к власти. Об огромном внимании советского государства к развитию сельского хозяйства можно судить по доле сельского хозяйства в капитальных вложениях в экономику. Эти данные представлены в табл. 21.

Т а б л и ц а 21

**Доля сельского хозяйства в капитальных вложениях в экономику
в 1960–1985 гг., %**

1961–1965	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985
16,2	16,7	19,8	20,0	18,5

Источники. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 618–619; Народное хозяйство СССР в 1985 году. – М., 1968. – С. 366–367.

Следует, правда, иметь в виду, что, как было показано в работах Института народнохозяйственного прогнозирования АН СССР, в конце 80-х годов в сельском хозяйстве 1 р. капитальных вложений стоил намного меньше, чем во всем народном хозяйстве, и соответственно инфляция в инвестиционной сфере была больше. Поэтому важно посмотреть на физическое наполнение этих инвестиций. Как показано в табл. 7, стремительно росло и производство таких ключевых видов продукции сельскохозяйственного машиностроения, как тракторы и зерноуборочные комбайны. В результате огромных капитальных вложений в этот период быстро рос парк сельскохозяйственных машин (табл. 22).

Как видим, энергетические мощности сельского хозяйства за этот период увеличились почти в 2,5 раза, парк комбайнов, тракторов и грузовых машин в физических единицах вырос значительно меньше, но с учетом роста мощности каждой единицы – тоже примерно в тех же размерах. Поскольку численность занятых в сельскохозяйственном производстве в рассматриваемый период даже сократилась, а площади сельскохозяйственных угодий не изменились, это означало резкий рост

Т а б л и ц а 22

Парк сельскохозяйственных машин в 1965–1985 гг., тыс. шт.

Продукция	1965	1980	1985
1. Все энергетические мощности, млн л. с.	236,6	444,0	548,5
2. Тракторы	1613,2	2562,0	2775,0
3. Комбайны	520,0	722,0	828,0
4. Грузовые автомобили	982,0	1691,0	1987,0

Источники. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 456; Народное хозяйство СССР в 1990 году. – М., 1991. – С. 446.

энерговооруженности одного занятого и обеспеченности необходимой техникой сельскохозяйственных угодий. Менее значимыми были изменения в непроизводственной сфере сельского хозяйства. В бытовом отношении разрыв между сельским и городским населением не сокращался. По-прежнему подавляющее большинство сельских домов было лишено водопровода и канализации, сельские дороги были преимущественно грунтовыми; намного хуже, чем в городе, было обеспечение торговыми учреждениями, бытовыми услугами, а также учреждениями образования и здравоохранения.

Резкое улучшение материального обеспечения сельского хозяйства в данный период обеспечивалось также расширившимися поставками минеральных удобрений (в 4,5 раза), что в этот период практически совпадало с ростом их производства (табл. 12), гербицидов, запасных частей для сельского хозяйства, горючесмазочных материалов в соответствии с ростом парка сельскохозяйственных машин и грузовых автомобилей. За данный период более чем в 2 раза выросла площадь орошаемых и осушенных земель [74], достигнув весьма внушительной величины – почти 40 млн га.

Как же эти огромные вложения сказались на сельскохозяйственном производстве? Об этом говорят данные табл. 23, основанные на информации ЦСУ СССР, отражающей достаточно объективно эту динамику ввиду относительной однородности и немногочисленности продукции отрасли. Вместе с тем есть основания полагать, что во второй половине рассматриваемого периода эти данные несколько преувеличены, так как в ряде отраслей сельского хозяйства в этот период отмечались крупные приписки продукции и ухудшение ее качества (хлопководство, производство чая и винограда, продукция животноводства).

Т а б л и ц а 23

**Динамика сельскохозяйственного производства в 1960–1985 гг.,
% в среднегодовом исчислении**

1961–1965	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985
112,0	121,1	113,5	108,8	105,1

Примечание. Данные за девятую пятилетку относятся к 1971–1974 годам.

Источники. БСЭ. – Т. 23. – С. 623; Народное хозяйство СССР в 1990 году. – М., 1991. – С. 8.

Как видим, и здесь можно выделить два подпериода: до 1975 года и после него. В первом подпериоде сельское хозяйство развивалось еще относительно неплохо. Разница в темпах роста в это время объясняется во многом климатическими условиями: исключительно благоприятными в первые две пятилетки и столь же исключительно неблагоприятными в конце подпериода, когда в одну пятилетку случилось два крайне тяжелых по погодным условиям года: 1972 и 1975. Во второй подпериод рост сельскохозяйственного производства практически совпал с ростом населения, а в последнюю пятилетку даже оказался ниже этого роста. В целом за весь подпериод продукция сельского хозяйства СССР выросла меньше, чем мировая сельскохозяйственная продукция (по отношению к 1960 году соответственно на 71 и 84 %) [75]. Растущую роль в развитии животноводства в этот подпериод играли закупки кормового зерна на мировом рынке, особенно в засушливые годы, из-за недостаточного объема его производства в стране.

Другая особенность этого развития состоит в огромном разрыве между ростом производства и материальным обеспечением сельского хозяйства, которое выросло за весь период в 2,5 раза – по энергетическим мощностям, в 4,5 раза – по минеральным удобрениям. Частично (по энергетическим мощностям) этот разрыв объяснялся сокращением числа занятых в сельском хозяйстве. Но он сигнализировал и об огромной неэффективности сельского хозяйства. В сельское хозяйство внедрялись индустриальные методы и новые технологии в растениеводстве и животноводстве, расширялись специализация и кооперирование. Но из-за слабой материальной заинтересованности работников сельского хозяйства и плохого управления эти передовые приемы не давали серьезного эффекта.

Значительный рост производительности живого труда намного отставал тогда от роста энерговооруженности. Росла и урожайность сельскохозяйственных культур, и продуктивность животноводства, но намного меньше, чем количество минеральных удобрений на единицу площади и обеспеченность поголовья кормами на единицу поголовья, и меньше, чем в большинстве крупных стран мира, включая развивающиеся. В то же время быстро росла оплата труда: например, колхозников на один отработанный человеко-день – с 2,65 р. в 1965 году до 7 р. в 1985 году [76], т. е. почти в 3 раза больше. Такой рост средств, используемых в сельском хозяйстве при уменьшении его эффективности, мог быть получен только благодаря неоднократному росту загото-

вительных цен на ее продукцию. К тому же у колхозов и совхозов неоднократно списывались долги по выданным государственными банками кредитам, и большая часть капитальных вложений в сельское хозяйство осуществлялась из государственного бюджета. Не удивительно, что среди части экономистов и плановиков в 80-е годы широко распространилось мнение о сельском хозяйстве, как о «черной дыре» советской экономики. Отсюда и хорошо описанный М. Горбачевым в мемуарах драматизм борьбы за размер средств, выделяемых государством на выполнение Продовольственной программы. Попытки М. Горбачева опровергнуть представление о сельском хозяйстве как о «черной дыре» экономики с помощью расчетов, созданного и использованного в сельском хозяйстве национального дохода [77], которым показывали эффективность сельского хозяйства, из-за необоснованности применяемых в экономике цен, вызывают большие сомнения. Показательно, что по совхозам в 1985 году, уже после значительного повышения заготовительных цен, при переоценке основных фондов в соответствии с принятым соотношением в 2,35 раза их прибыльность превращается в заметную убыточность [78].

Разумеется, можно сказать, что государство в этот период отдавало долги, образовавшиеся за почти 30 лет безудержной эксплуатации деревни, и с этой точки зрения вложения в сельское хозяйство могут показаться даже недостаточными. Ошибкой экономической политики в области сельского хозяйства были не столько недостаток вложений в него, сколько их неэффективное распределение. Избыточными были вложения в часть сельскохозяйственной техники и водохозяйственное строительство, но явно недостаточными – в механизацию ручного труда в животноводстве и непроизводственное и дорожное строительство, в хранение и транспортировку сельскохозяйственной продукции для сокращения огромных потерь при ее уборке, хранении и транспортировке.

Сельское хозяйство СССР вступило в период перестройки как крупное и высокомеханизированное в основных производственных процессах (но и с большим количеством ручного труда во вспомогательных процессах) производство с относительно современной технологией ведения сельскохозяйственных работ и большим количеством более или менее квалифицированных кадров – рабочих, колхозников, агрономических и зоотехнических работников, но с низкой индивидуальной и коллективной заинтересованностью в результатах производ-

ства, с наличием большой массы безынициативных спившихся работников. Индивидуальное хозяйство в виде личных подсобных хозяйств работников колхозов и совхозов играло существенную роль в производстве ряда сельскохозяйственных культур и в общем производстве сельскохозяйственной продукции, но опиралось на общественное хозяйство колхозов и совхозов, обеспечивавшее личные подсобные хозяйства легально или нелегально сельскохозяйственной техникой и кормами.

3.2.3. СТРОИТЕЛЬСТВО

Строительство в этот период оставалось одной из крупнейших и приоритетных отраслей советской экономики, обеспечивавшей огромный объем производственного, жилого, культурно-бытового и оборонного строительства. О значении строительства в экономике СССР тех лет говорит тот факт, что в нем было занято в 1985 году 11,5 млн человек. И по числу занятых эта отрасль была третьей после промышленности и сельского хозяйства [79]. О значении, придававшемся этой отрасли, свидетельствует и огромный рост ее технической оснащенности (данные об изменении парка строительных машин и механизмов в рассматриваемый период представлены в табл. 24).

Т а б л и ц а 24

Парк строительных машин в строительстве в 1965–1985 гг., тыс. шт. на конец года

Строительные машины	1965	1985
Экскаваторы	69,2	148,0
Скреперы	20,1	32,9
Бульдозеры	68,5	127,3
Краны передвижные	83,3	189,0

Примечание. Парк машин в 1985 году показан только по подрядным организациям (часть строительных работ осуществлялась хозяйственным способом силами строительных подразделений самостоятельных предприятий).

Источники. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 640; Народное хозяйство СССР в 1990 году. – М., 1991. – С. 574.

Само собой разумеется, что в этот период значительно улучшались также технические показатели и росла производительность строительных машин. Вместе с тем часть строительных работ, прежде всего малярных и штукатурных, все еще осуществлялась вручную.

Строители в эти годы выполнили огромный объем работ. Ежегодно вводилось более 100 млн м² жилой площади (второй в мире показатель по объему и место в первой десятке стран по вводу жилья на 1000 жителей), более 10 млн кВт электроэнергетических мощностей, сотни крупных и средних промышленных предприятий, множество объектов сельского хозяйства, тысячи школ и больниц, культурных и научных учреждений, огромные и дорогостоящие оборонные сооружения (площадки для запуска ракет, аэродромы, полигоны, военные городки), новые города. В СССР в этот период были возведены уникальные в мировой практике строительные объекты – крупнейшие тепло-, гидро- и атомные электростанции, алюминиевые заводы, машиностроительные гиганты – ВАЗ, КамАЗ, Павлодарский тракторный завод, крупнейшие водохозяйственные объекты, Байкало-Амурская железнодорожная магистраль протяженностью в 4000 км, проложенная в тяжелейших условиях климата и местности. Огромным достижением страны было гигантское трубопроводное строительство в нефтяной и газовой промышленности, введение в строй крупных угольных разрезов в Восточной Сибири.

Вместе с тем строительство являлось одной из самых неэффективных отраслей экономики. Огромными были потери строительных материалов, велики простои рабочей силы и оборудования, велика была доля ручного труда на вспомогательных и отделочных операциях, на стройках процветала «штурмовщина» и вследствие этого почти повсеместно отмечалось низкое качество работ, исключительно продолжительными были сроки строительства большинства объектов. Последнее объяснялось как распылением сил строителей по вине плановых органов и заказчиков, так и выгодностью для строительных организаций начальных стадий строительства и невыгодностью заключительных стадий.

Обобщенные результаты строительного производства в данный период по альтернативным оценкам представлены в табл. 25.

Возможно, приведенные данные несколько преуменьшают рост строительного производства, так как по одному из методов расчета не учитывается ввод мощностей в оборонной промышленности и оборонное строительство (из-за отсутствия данных), но порядок цифр от этого

Т а б л и ц а 25

**Обобщающие показатели динамики строительства в СССР
в 1965–1985 гг., % к началу периода**

Показатели	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985
1. Продукция	117	120	100	97
2. Численность занятых	123	113	103	103
3. Производительность труда	94	106	97	94
4. Потребление строительных материалов	124	116	102,5	102,4
5. Материалоемкость	106	97	102,5	105,5

Источники. За 1965–1975 годы: Ханин Г.И. Динамика экономического развития СССР. – Новосибирск, 1991. – С. 167–172; производительность труда за 1975–1980 годы: там же. – С. 172; продукция и производительность труда за 1980–1985 годы рассчитаны на основе данных об объеме жилищного строительства и доле жилищного строительства в объеме капитальных вложений: Народное хозяйство СССР в 1990 году. – М., 1991. – С. 175, 551; материалоемкость за 1975–1985 годы определена по соотношению динамики продукции и производства цемента.

не меняется. Очевидно, что очень сильно увеличилась материалоемкость продукции (более чем на 11 % за весь период) и на 9 % снизилась производительность труда. В то же время средняя заработная плата одного работника в строительстве выросла в месяц со 109 р. в 1965 году [80] до 236,6 р. в 1985 году [81], т.е. в 2,17 раза. Одновременно реально увеличились амортизационные отчисления на единицу продукции в связи со значительным превышением роста основных фондов над ростом продукции. Все это должно было привести к огромному снижению эффективности производства, которое скрывалось в связи с ростом цен на строительные-монтажные работы. Так, при увеличении ввода в действие жилой площади с 96,7 млн м² в 1965 году до 113 млн в 1985 году капитальные вложения в жилищное строительство выросли с 8,1 млрд р. в 1965 году [82] до 28,1 млрд в 1985 году [83] в сопоставимых ценах, или с 83,7 р. в 1965 году за 1 м² до 248,6 в 1985 году, или в 2,97 раза. В текущих ценах рост капитальных вложений был меньше на 20–30 % ввиду роста этих цен за период 1955–1967 годов, но порядок величин сохраняется. Даже с учетом некоторого улучшения комфортности жилья рост цен получается огромным. Можно не сомневаться, что при таком огромном уровне издержек строительство при обоснованных ценах также было бы убыточной отраслью.

3.2.4. ТРАНСПОРТ

Транспорт имел важнейшее значение для развития экономики, обеспечивая растущий объем перевозок грузов и пассажиров во внутригородском и в междугородном сообщении и растущие внешнеторговые связи СССР. Его значение увеличивалось в этот период в связи с происходившим сдвигом производства и населения на Восток, что увеличивало дальность перевозок и требовало в новых районах сооружения новых транспортных путей. Объективная оценка его динамики в этом, как и в предыдущих периодах, затрудняется недостоверностью официальной информации о важнейшей и быстрорастущей в те годы части транспорта – автомобильного, вследствие огромного объема приписок в этой отрасли. Конечно, приписки допускали и в других видах грузового транспорта, но их размер был относительно невелик. Поэтому, прежде чем оценивать общую картину деятельности грузового транспорта, нужно определить предварительно динамику грузового автомобильного транспорта.

Особенностью развития транспорта в СССР в данный период была относительно неплохая обеспеченность его сетью железных дорог, во многом доставшейся в наследство от царской России. В то же время исключительно слабой была обеспеченность СССР шоссейными дорогами, особенно с твердым покрытием, и нефте- и газопроводами в начале периода, также наиболее дешевым (для транспортировки газа – единственным) средством транспортировки нефти и газа, производство которых быстро расширялось. Большие вложения требовались в развитие гражданского воздушного флота, который к началу периода далеко отставал от гражданского воздушного флота США. С учетом больших расстояний в СССР эта задача была важной не просто для удобства пассажиров, но и для повышения качества жизни населения.

О значении, которое придавалось в этот период развитию транспорта, говорит доля транспорта и связи (в основном транспорта) в капитальных вложениях (табл. 26).

Если судить по общему росту капитальных вложений, транспорту в этот период уделялось немалое внимание. Куда же пошли государственные средства? Наиболее значимыми были вложения в трубопроводный транспорт. Длина нефтепроводов выросла с 28,2 тыс. км в 1965 году до 63,6 тыс. в 1985 году, или более чем в 2,5 раза, газопроводов – с 38,3 тыс. км в 1965 году до 174,5 тыс. в 1985 году, или более чем в 4,5 раза. Достижение, по всем меркам, очень крупное. В сущности,

Т а б л и ц а 26

**Доля капитальных вложений в транспорт и связь в 1965–1985 гг.
в общих капитальных вложениях в экономику, %**

Показатели	1965	1970	1975	1980	1985
Всего	10,0	9,5	10,7	12,0	12,2
В том числе, железнодорожный транспорт	3,1	2,8	2,7	3,0	2,7

Источники. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1998. – С. 619; Народное хозяйство СССР в 1985 году. – М., 1996. – С. 366–367.

за эти двадцать лет появилась новая крупная отрасль транспорта. С учетом огромной стоимости прокладки трубопроводов в тяжелых условиях Востока и Севера можно понять, что эта отрасль и взяла на себя значительную часть капитальных вложений в транспорт. Другим фаворитом руководителей страны был гражданский воздушный флот. К сожалению, привести данные о динамике физической величины его фондов не представляется возможным: они до сих пор не опубликованы. Поэтому приходится судить по росту перевозок пассажиров – основной части продукции этого вида транспорта. Перевозки выросли с 42,1 млн человек в 1965 году до 113 млн в 1985 году, почти в 3 раза. Для обеспечения такого роста нужно было увеличить парк воздушных судов, пополнив его новыми судами большей вместимости и с большей скоростью полетов, построить новые аэродромы, расширить посадочные полосы и т.д. Самым уязвимым местом в этой обширной деятельности оказалось обеспечение комфорта пассажиров, которое оставалось очень низким ввиду плохого качества и тесноты аэровокзалов и весьма сильно отставало от зарубежных стандартов. Советские самолеты значительно уступали западным и по такому важному показателю, как снижение потребления топлива.

Следующим по приоритетности во вложениях в транспорт был морской транспорт (в основном грузовой) в связи с большим расширением внешнеэкономических связей, преимущественно сырьевой направленности. И здесь имеются только отрывочные данные, которые, однако, позволяют сделать вывод, что водоизмещение морского транспорта выросло примерно с 8 млн т в 1965 году до 22–23 млн в 1985 году [84], что превратило морской транспорт СССР в один из крупнейших в мире. Грузовой морской флот пополнялся в этот период самыми совершенными судами, закупаемыми по импорту, и был по

своему возрасту одним из самых молодых в мире. Одновременно шло большое портовое строительство, позволившее значительно расширить мощности портового хозяйства, намного увеличить механизацию погрузочно-разгрузочных работ.

Большое внимание в этот период уделялось развитию грузового и пассажирского автомобильного транспорта. Предполагалось, что грузовой автомобильный транспорт позволит снять с железной дороги часть перевозок на короткие расстояния, где он выигрывает по экономичности и, особенно, по скорости доставки грузов. Ввиду того что данные о динамике парка грузовых автомобилей по СССР не опубликованы, воспользуюсь для характеристики этого показателя данными по России и, к сожалению, только с 1970 года (они содержатся в табл. 27).

Т а б л и ц а 27

Парк автомобилей в России в 1970–1985 гг., тыс. шт.

Вид автотранспорта	1970	1975	1980	1985
Грузовые автомобили	1766	2128	2347	2724
Автобусы общего пользования	82	112	140	154
Таксомоторы	45	65	73	65

Примечание. Парк грузовых автомобилей, очевидно, не включал данные по сельскому хозяйству и вооруженным силам.

Источник. Российский статистический ежегодник. – М., 2003. – С. 458.

Как видим, автомобильный парк (за исключением таксомоторов, которых остро не хватало даже в Москве) рос исключительно быстро. Увеличивались и средняя грузоподъемность грузовых автомобилей (особенно с вводом в действие в начале 70-х годов завода грузовых автомобилей повышенной грузоподъемности в Набережных Челнах), и вместимость автобусов. Число грузовых автомобилей (с учетом сменности их работы) превышало даже число шоферов. Одновременно шло и большое автодорожное строительство, хотя его объемы и особенно качество не отвечали потребностям экономики. Даже дороги с твердым покрытием намного отставали по качеству от дорог западного нормального типа. А те дороги, что примерно соответствовали западным, – асфальтовые и цементно-бетонные – строились в ничтожном объеме. Протяженность шоссейных дорог с твердым покрытием изменялась в данном периоде следующим образом, тыс. км: 1965 год – 379,0;

1970 – 511,6; 1975 – 658,0; 1980 – 921,3; 1985 – 1131,0 [85]. Таким образом, их длина выросла за весь период на огромную величину – более чем в 3 раза. Это говорит о большом внимании, уделяемом в данный период дорожному строительству, и о больших средствах, выделяемых на эти цели. При средней стоимости строительства дорог в середине 70-х годов в размере 60 тыс. р. за 1 км [86] вложения составили 48 млрд р., или 12 млрд р. – за пятилетие. Тем не менее средств было совершенно недостаточно для такой огромной страны, и многие населенные пункты соединялись только грунтовыми дорогами, сообщение по которым часто прерывалось зимой или в период дождей, а расходы на автомобильные перевозки были чрезмерно высокими из-за преодоления этих, почти экстремальных, трудностей на дорогах. На железнодорожном транспорте основное внимание уделялось не столько новому железнодорожному строительству, которое велось в относительно небольших масштабах (менее 1000 км в год новых путей), сколько переводу железных дорог на более дешевую электрифицированную и тепловозную тягу (процесс завершился как раз в этот период) и обновлению подвижного состава (локомотивов и вагонов) на технически более совершенный и производительный. Вложения в железнодорожный транспорт, однако, было гораздо меньшими, чем в другие виды транспорта, – об этом говорит небольшая его доля в общих капитальных вложениях в экономику, что частично объяснялось прежним отставанием других видов транспорта.

Росли также в этот период протяженность транспортных линий и парк подвижного состава на других видах транспорта (речного, электрического городского, метро). Но ввиду их гораздо меньшего значения в грузо- и пассажироперевозках, я не буду приводить на этот счет цифровых данных. Отмечу только большой рост протяженности линий метро и появление его в этот период в крупнейших городах СССР, прежде всего в столицах ряда союзных республик, что сильно облегчило пассажирское транспортное обеспечение населения этих городов. В целом очевидны большие и результативные усилия государства в увеличении материально-технической базы грузовых и пассажирских перевозок в рассматриваемый период. По многим показателям уровень этого обеспечения был на уровне развитых стран или незначительно отставал от них. Наибольшее отставание наблюдалось в пассажирских перевозках, где парк личных автомобилей, хотя и значительно вырос за весь период, но на душу населения достиг лишь уровня развиваю-

щихся стран, а общественный транспорт был малокомфортен и недостаточен, что создавало большие трудности для пассажиров междугородного и внутригородского сообщения, особенно в часы пик. Отсутствовало сверхскоростное пассажирское железнодорожное сообщение. И, конечно, крайне низким было обеспечение шоссейными дорогами.

Как же сказались государственные вложения на динамике и эффективности работы транспорта в этот период? Данные об объеме перевозок, необходимые для расчета динамики продукции транспорта грузов, представлены в табл. 28. Из общего объема перевозок грузов исключены (во все годы) данные о перевозках автомобильным транспортом, где приписки были особенно велики. Я взял в качестве показателя не грузооборот, а именно перевозки грузов, поскольку здесь искажения отчетности наименее вероятны. Кроме того, нередко транспортные организации сознательно удлинляли маршруты, чтобы улучшить свои показатели. Перевозки грузов автомобильным транспортом являются преимущественно производными от перевозок грузов другими видами транспорта. Поэтому их исключение из расчета не должно повлиять на точность определения динамики перевозок всеми видами транспорта.

Т а б л и ц а 28

Перевозки грузов в СССР за 1965–1985 гг., млн т

Вид транспорта	1965	1970	1975	1980	1985
1. Железнодорожный	2415,3	2896,0	3621,1	3728	3951
2. Морской	119,3	161,9	200,0	228	240
3. Речной	269,4	357,8	475,5	568	633
4. Нефтепроводы	225,7	339,9	498,3	626,9	630,8
Итого (1+2+3+4)	3029,7	3755,6	4794,9	5150,9	5454,8
К предыдущему году, %	–	123,9	127,6	107,4	105,9

Источники. За 1965 и 1970 годы: Транспорт и связь СССР. – М., 1972. – С. 21; за 1975 год: Народное хозяйство СССР в 1982 году. – М., 1983. – С. 298, 301, 304, 307; за 1980 и 1985 годы: Народное хозяйство СССР в 1990 году. – М., 1991. – С. 576.

Как и в других отраслях экономики, на транспорте четко выделяются два периода: до и после 1975 года, т. е. период относительно успешно развития и период очень резкого замедления развития. Другое, тоже общее с остальными отраслями, явление – более высокие темпы роста в девятой пятилетке по сравнению с восьмой. Такая динамика

определялась прежде всего состоянием экономики, которую обслуживал транспорт. Однако имеются свидетельства того, что в начале 80-х годов уже сам транспорт стал препятствием для развития других отраслей. В это время в периодической печати было много сообщений о неполадках в развитии транспорта, особенно железнодорожного. Был смещен министр железнодорожного транспорта И.Г. Павловский. Есть основания полагать, что длительное пренебрежение развитием железнодорожного транспорта (если судить по его малой доле в капитальных вложениях) стало сдерживать развитие экономики.

Динамика производительности труда на транспорте (кроме автомобильного) рассчитана и отражена в табл. 29. Расчет велся на основе динамики грузоперевозок, так как они давали основную часть продукции и выручки всех видов транспорта.

Т а б л и ц а 29

**Расчет динамики производительности труда на транспорте СССР
в 1965–1985 гг., % за пятилетку к началу периода**

Показатели	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985
1. Динамика грузоперевозок	123,9	127,6	107,4	105,9
2. Динамика численности занятых на перевозках	101,7	104,9	100,8	100,1
3. Динамика производительности труда (1:2)	122,8	121,6	106,5	105,8

Примечание. Численность занятых на перевозках на трех видах транспорта (железнодорожном, морском и речном) составляла, тыс. чел.: в 1965 году – 2154,6; 1970 – 2191,9; 1975 – 1980 – 2320,0; 1985 – 2322.

Источники. Данные о динамике грузоперевозок: табл. 28.

Как видим, самые высокие темпы роста производительности труда наблюдались в первые десять лет. Причем, темпы были значительно выше, чем в других отраслях экономики, что объяснялось масштабным обновлением в те годы активной части основных фондов этих видов транспорта (электрификация, дизелизация, новые локомотивы, суда и вагоны и т.д.). Во втором десятилетии в связи с завершением такого обновления темпы роста производительности труда резко снизились, хотя и в это время оставались выше, чем в промышленности и строительстве.

Совершенно иначе происходили изменения производительности труда на автомобильном транспорте. Динамику перевозок грузов на автомобильном транспорте, по высказанным выше соображениям, я принял равной перевозкам грузов на остальных видах транспорта. Однако, поскольку данные о численности занятых на автомобильном транспорте приводятся только по автомобильному транспорту общего пользования, встает вопрос об изменении доли автомобильного транспорта общего пользования в перевозках грузов автомобильным транспортом в рассматриваемый период. Эти данные приведены в табл. 30.

Т а б л и ц а 30

Доля перевозок грузов автомобильным транспортом общего пользования в перевозках грузов автомобильным транспортом народного хозяйства, %

Показатели	1965	1970	1975	1980	1985
1. Перевозки грузов народного хозяйства автомобильным транспортом, млрд т	10,74	14,62	20,9	24,15	25,88
2. То же, автомобильным транспортом общего пользования, млрд т	3,29	3,81	5,4	6,45	6,32
3. Доля автомобильного транспорта общего пользования	30,6	26,0	25,8	26,7	24,4

Источники. За 1965 и 1970 годы: Транспорт и связь СССР. – М., 1972. – С. 213, 222; за 1975 год: Народное хозяйство СССР в 1985 году. – М., 1986. – С. 336, 340; за 1980 и 1985 годы: Народное хозяйство СССР в 1990 году. – М., 1991. – С. 581, 576.

Предполагается, что доля приписок грузов на автомобильном транспорте общего пользования и ведомственном была одинакова. Расчет динамики производительности труда на автомобильном транспорте общего пользования содержится в табл. 31.

Как видим, в восьмой пятилетке производительность труда на автомобильном транспорте общего пользования практически не выросла, как и в строительстве. В девятой пятилетке опять произошел заметный рост, а затем она сокращалась, особенно сильно в десятой пятилетке (1976–1980 годы). За весь период она практически не выросла. И это при бесспорном значительном росте технической оснащенности транспорта. Напомню хотя бы о поступлении в 70-е годы большого количества большегрузных автомобилей Камского автомобильного

Т а б л и ц а 31

Расчет динамики производительности труда на автомобильном транспорте общего пользования, % за пятилетку

Показатели	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985
1. Динамика перевозки грузов	123,9	127,6	107,4	105,9
2. Доля автомобильного транспорта общего пользования на начало периода	30,6	26,0	25,8	26,7
3. Динамика перевозок грузов автомобильным транспортом общего пользования	105,2	126,3	103,5	97,9
4. Динамика численности занятых	105,1	115,6	114,2	105,8
5. Динамика производительности труда	100,1	109,2	90,6	92,5

Источники. Динамика перевозки грузов: табл. 29; доля автомобильного транспорта общего пользования: табл. 30; численность занятых: Транспорт и связь СССР. – М., 1972. – С. 224; Народное хозяйство СССР в 1985 году. – М., 1986. – С. 340.

завода. В то же время на автомобильном транспорте общего пользования имело место чудовищное расточительство главного материального ресурса отрасли – бензина, который расходовался (расхищался) в 3–4 раза больше необходимого [87]. Исключительно плохо использовался подвижной состав: в течение суток в среднем он находился на линии менее 8 ч, из-за несоответствия его размеров потребностям потребителей нередко бывал незагруженным по габаритам, в обратном направлении чаще всего шел вообще незагруженным.

Одно только уменьшение выручки по грузоперевозкам в 3–4 раза в соответствии с их реальным объемом делает автомобильный транспорт в текущих ценах убыточным. Еще больше этот вывод усиливается при необходимой переоценке основных фондов. Здесь, однако, возникает вопрос о правомерности использования в оценках тарифов, основанных на недостоверной и заниженной, из-за колоссальных приписок, себестоимости 1 т-км автомобильных перевозок. Но при их увеличении автомобильный транспорт оказался бы неконкурентоспособным с железнодорожным даже на ближние расстояния. Достаточно только приведенных натуральных показателей эффективности (неэффектив-

ности) автомобильного транспорта общего пользования, чтобы убедиться, насколько этот самый многочисленный по числу занятых преимущественно грузовыми перевозками вид транспорта был реально чудовищно убыточным. Гораздо труднее судить об эффективности других видов транспорта из-за необоснованности тарифов. Судя по натуральным показателям эффективности, мог оказаться эффективным железнодорожный транспорт вследствие исключительно высокой напряженности использования сети железных дорог (в несколько раз выше, чем в США). Вместе с тем опасно судить о его эффективности только по этому наиболее широко используемому показателю. Железнодорожный транспорт СССР в этот период отличался пренебрежением к сохранности грузов, длительными сроками их доставки.

Пассажирский транспорт СССР рос в данный период достаточно быстро, что объяснялось быстрой урбанизацией населения, ростом его денежных доходов и крайне низкими пассажирскими тарифами, особенно на такие фондоемкие виды транспорта, как метро и воздушный транспорт. Стоимость пассажирских билетов на последние виды транспорта в десятки раз, по валютному курсу, была меньше, чем на Западе. Со стороны предложения быстрый рост пассажирских перевозок обеспечивался быстрым ростом подвижного состава пассажирского транспорта, особенно метрополитенов и гражданского воздушного флота. Вместе с тем спрос на пассажирские перевозки обычно превышал предложение, в результате чего создавались огромные неудобства для пассажиров – давка в часы пик, огромные трудности с приобретением билетов в периоды сезона отпусков, низкая комфортность при использовании большинства видов пассажирского транспорта. Очень сильно отставала инфраструктура пассажирского транспорта (железнодорожные и воздушные вокзалы и т.д.).

Поскольку на пассажирском транспорте приписки были, по-видимому, минимальными, воспользуюсь для характеристики его развития официальными данными. Они представлены в табл. 32.

Как видим, до самого конца периода пассажироперевозки росли очень быстро благодаря низкой стоимости билетов. Лишь в одиннадцатой пятилетке темпы роста упали в связи с насыщенностью спроса. Довольно быстро росли пассажирские перевозки и на автомобильном транспорте (автобусы и такси). С учетом этого роста экономические показатели автомобильного транспорта общего пользования могут оказаться лучше, чем исчисленные выше только по грузоперевозкам,

Т а б л и ц а 32

Динамика пассажирских перевозок в 1965–1985 гг.

Показатели	1965	1970	1975	1980	1985
1. Пассажирооборот, млрд пас.-км	366,6	548,9	747,1	1051,3	1189,6
2. То же, % к предыдущему году	–	149,7	136,1	140,7	113,1

Примечание. В итог не включен городской электрический транспорт.

Источники. За 1965 и 1970 годы: Транспорт и связь СССР. – М., 1972. – С. 19; за 1975 год: БСЭ. – Т. 26. – С. 453; за 1980 и 1985 годы: Народное хозяйство СССР в 1990 году. – М., 1991. – С. 593.

если принять во внимание то, что в доходах на пассажирские перевозки приходилось около 40 % (возможно при реальных ценах эта пропорция изменилась бы). Но коренным образом картина не менялась.

3.2.5. СФЕРА УСЛУГ

От отраслей материального производства и связанной с ним сферы услуг, перейду к сфере услуг, связанной преимущественно с нуждами населения. Начну со связи.

Связь традиционно относилась к неприоритетным отраслям советской экономики. Свидетельство того – огромное отставание от развитых капиталистических стран в обеспеченности населения телефонами и низкое качество услуг связи, вызванное ее низкой технической оснащенностью. Тем не менее в рассматриваемый период эта отрасль развивалась довольно быстро. В табл. 33 представлены основные показатели развития связи в 1965–1985 годах. Следует отметить, что в расчетах использованы официальные данные о ее динамике, поскольку ввиду относительно однородного характера продукции отрасли возможности искажения этого показателя были минимальны (они, кстати, подтверждаются и приводимыми натуральными показателями).

Как видим, связь развивалась быстрее, чем подавляющее большинство крупных отраслей экономики СССР в данный период. Падение темпов произошло тоже в десятой пятилетке, но сам рост был и в те годы больше, чем в других отраслях. О динамике эффективности в отрасли можно судить по динамике производительности труда (табл. 34).

Как видим, и производительность труда в связи СССР росла достаточно быстро, что объясняется прежде всего крупными капиталовложениями в отрасль на новой технической базе, объясняющими также

Т а б л и ц а 33

Развитие связи СССР в 1965–1985 гг.

Показатели	1965	1970	1975	1980	1985
1. Индекс продукции, к предыдущему году	–	1,62	1,42	1,17	
2. Отправлено писем, млрд шт.	5,2	8,0	9,0	9,5	8,8
3. Междугородные телефонные разговоры, млн ед.	257	431	768	1265	1824
4. Число телефонов, млн шт.	6,39	10,98	17,16	23,7	31,1
5. Число телевизионных станций	653	1233	1957	3447	6812

Источники. Народное хозяйство СССР в 1982 году. – М., 1983. – С. 324–325; Народное хозяйство СССР в 1985 году. – М., 1986. – С. 352–353.

Т а б л и ц а 34

**Динамика производительности труда в связи СССР в 1965–1985 гг.,
% к началу периода**

Показатели	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985
1. Индекс продукции	162	142	117	127
2. Индекс занятости	132	116	106	102,6
3. Индекс производительности труда (1:2)	122	122	110	123,8

Источники. Данные об индексе продукции связи – табл. 33, данные о численности занятых – в отрасли связи за: 1965–1970 годы: Транспорт и связь в СССР. – М., 1972. – С. 27; за 1971–1985 годы: Народное хозяйство СССР в 1985 году – М., 1986. – С. 352, 391.

рост ее продукции в этот период. Учитывая необоснованность цен на продукцию связи, трудно сделать вывод о рентабельности отрасли, но многое говорит о том, что отрасль и реально была рентабельной. Вместе с тем она далеко отставала от уровня связи в развитых капиталистических странах и по уровню, и по техническому состоянию телефонизации, телевизионного вещания, новым видам связи (факсимильной связи). Это объяснялось многолетним, еще с дореволюционных времен, отставанием вложений в эту отрасль.

По необходимости кратко рассмотрю развитие других отраслей сферы услуг. Начну с капитальных вложений, выделяемых на их развитие, – ключевого показателя для оценки приоритетности отраслей. Эти данные представлены в табл. 35.

Т а б л и ц а 35

**Доля сферы услуг в капиталовложениях в экономику СССР
в 1965–1985 гг., %**

Сфера услуг	1965	1970	1975	1980	1985
1. Жилищное хозяйство	16,7	17,1	15,0	14,0	15,6
2. Торговля и общественное питание, материально-техническое снабжение и сбыт, информационно-вычислительное обслуживание, заготовки, лесное хозяйство, коммунальное хозяйство, наука, культура, искусство, образование, здравоохранение	16,7	17,0	14,8	14,9	14,7
В том числе наука, культура, искусство, просвещение	6,2	5,5	5,2	4,9	4,8
Итого (1+2)	33,4	34,1	29,8	28,9	30,3

Источники. За 1965 год: Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 618–619; за 1970–1985 годы: Народное хозяйство СССР в 1985 году. – М., 1986. – С. 366–367.

Как видим, капитальные вложения в сферу услуг, в отличие от развитых капиталистических стран, не просто значительно уступали производственным капиталовложениям, но их доля в данный период снижалась. При этом сокращение касалось вложений и в жилищное хозяйство, и в остальные отрасли услуг, в том числе в отрасли духовной жизни и образования, которые в предыдущий период носили приоритетный характер. Эти сдвиги отражали, с одной стороны, снижающуюся эффективность материального производства, а с другой – предпочтение текущего потребления населением товаров по сравнению с развитием сферы услуг, в значительной степени удовлетворяющих перспективные потребности общества.

Другим измерителем роли услуг в развитии экономики СССР являлась их доля в численности занятых. Соответствующие данные представлены в табл. 36.

Как видим, совершенно отчетливо просматривается резкое замедление увеличения доли занятых в сфере услуг со второй половины 70-х годов по мере снижения эффективности советской экономики. Это особенно бросается в глаза в сравнении с периодом 1961–1965 годов, когда эта доля за одно пятилетие выросла с 22,2 до 26,1 %, или на

Т а б л и ц а 36

**Доля занятых в сфере услуг в общей численности занятых
в экономике СССР, %**

Показатели	1965	1970	1975	1980	1985
Всего	26,1	27,5	29,6	30,2	30,9
В том числе в просвещении и культуре, здравоохранении, науке и научном обслуживании	13,8	15,6	16,5	16,7	17,3

Примечание. Общая численность занятых исчислена на основе данных о занятых в производственной сфере (куда не включены торговля и общественное питание и их доля в общей занятости) с последующим прибавлением численности занятых в торговле и общественном питании.

Источники. За 1965 год: Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 646, 648, 649; за 1970 и 1975 годы: Soviet economy in a new perspective. – Washington, 1976. – P. 135, 136; за 1980 и 1985 годы: Народное хозяйство СССР в 1990 году. – М., 1991. – С. 100–101.

3,9 процентных пункта. Резко замедлился рост удельного веса численности занятых во вложениях в человеческий капитал, какими являются просвещение, здравоохранение и наука. По доле численности занятых в сфере услуг в этот период СССР значительно уступал не только развитым капиталистическим странам, что естественно, учитывая разницу в уровне экономического развития, но и многим развивающимся странам, находившимся на значительно более низком уровне экономического развития. С особой очевидностью эта разница обнаруживалась в доле занятых в торговле и сфере бытовых услуг. Это создавало большие трудности для населения в удовлетворении его потребностей в этих услугах, что проявлялось в огромных очередях в магазинах и низком качестве бытовых услуг. И если прекращение роста доли занятых в просвещении, здравоохранении и науке имело известное основание из-за насыщенности этих отраслей кадрами по количеству (но не качеству), то в остальных сферах оно шло в ущерб нуждам населения.

При всем том несомненно, что объем сферы услуг в этот период рос. Ввиду их разнородности наиболее адекватным обобщенным измерителем их динамики является численность занятых в этой сфере, особенно с учетом того, что она с трудом поддается механизации (кроме обороны), и потому этот показатель вполне отражает ее общую динамику. Соответствующие данные представлены в табл. 37.

Т а б л и ц а 37

Занятость в сфере услуг в 1965–1985 гг.

Показатели	1965	1970	1975	1980	1985
1. Численность занятых в сфере услуг, млн чел.	25,5	29,5	34,8	38,8	41,2
2. К предыдущему году, %	–	115,6	118,0	111,5	106,2

Источники. Народное хозяйство в 1967 году. – М., 1968. – С. 648–649; Народное хозяйство в 1985 году. – М., 1986. – С. 391.

Как видим, тенденции движения продукции этой отрасли (изменяемой динамикой ее численности) те же, что и по ВВП: ускорение в девятой пятилетке и последовательное снижение темпов в двух следующих пятилетках. Основные физические характеристики динамики сферы услуг в этот период представлены в табл. 38.

Все приведенные в табл. 38 важнейшие виды сферы услуг переживали в данный период значительный рост. Он не очевиден в сфере среднего образования, но только потому, что к середине 60-х годов, практически, было достигнуто всеобщее среднее образование. Особенно значителен рост в науке. Вместе с тем приведенные данные не характеризуют качественные улучшения в этих сферах, связанные с повышением их технической и квалификационной оснащенности. Для этой стороны дела предпочтительно использовать данные о финансировании этих сфер из государственного бюджета, памятуя о происшедшем скрытом росте цен и о том, что в этих ассигнованиях содержится только текущее их содержание, а не капитальные вложения. Кроме того, расходы на науку военного назначения скрывались в это время в расходах на народное хозяйство. Данные о расходах государственного бюджета СССР на социально-культурные мероприятия представлены в табл. 39.

По отношению к национальному доходу расходы государственного бюджета на указанные социально-культурные мероприятия, являвшиеся вложениями в человеческий капитал, снизились с 13,9 % в 1965 году [88] до 11,8 % в 1985 году [89]. Если из этих расходов исключить расходы на науку, доля которых росла, с учетом значительного замедления роста национального дохода во второй половине 70-х годов, то можно говорить о практической стагнации расходов на цели образования и здравоохранения. Такая стагнация проявлялась в замораживании

Т а б л и ц а 38

Основные показатели сферы услуг в 1965–1985 гг.

Характеристики	1965	1970	1975	1980	1985
Торговля и общественное питание					
1. Торговая площадь в магазинах, млн м ²	24,7	31,4	39,3	46,1	52,2
2. Число мест на предприятиях общественного питания, млн ед.	6,86	10,0	13,7	17,2	20,4
Образование (число учащихся)					
1. В общеобразовательных школах, млн чел.	48,2	49,4	48,8	44,2	44,4
2. Средние специальные учебные заведения, млн чел.	3,65	4,39	4,52	4,61	4,5
3. Высшие учебные заведения, млн чел.	3,86	4,58	4,9	5,23	5,15
Здравоохранение					
1. Численность врачей всех специальностей, тыс. чел.	554,2	668,0	835,2	997	1170
2. Число больничных коек, млн ед.	2,29	2,66	3009,2	3,32	3,61
Наука					
Число научных работников, тыс. чел.	664,6	927,7	1223,4	1373,3	1463,8

Источники. По торговле: Торговля СССР. – М., 1989. – С. 362, 363; по образованию: Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 777; БСЭ, 3-е изд. – М., 1977. – Т. 24 (2). – С. 406–409; Народное хозяйство СССР в 1990. – М., 1991. – С. 213; по здравоохранению: Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 843; БСЭ, 3-е изд. – М., 1977. – Т. 24 (2). – С. 273; Народное хозяйство СССР в 1990 году. – М., 1991. – С. 843; по науке: Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 809; БСЭ, 3-изд. – М., 1977. – Т. 24 (2). – С. 825; Народное хозяйство СССР в 1985 году. – М., 1986. – С. 64, 496, 539.

Т а б л и ц а 39

Расходы государственного бюджета СССР на социально-культурные мероприятия, млрд р.

Сферы	1965	1970	1975	1980	1985
Просвещение	16,5	24,8	32,8	40,0	49,6
Наука	4,1				
Здравоохранение	6,4	9,3	11,5	14,8	17,6
Итого	27,0	34,1	44,3	54,8	67,2

Примечание. Данные за 1970–1985 годы относятся к просвещению и науке вместе.

Источники. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 889; Народное хозяйство СССР в 1985 году. – М., 1986. – С. 559.

и даже абсолютном падении реальной заработной платы занятых в этой сфере, относительном ухудшении ее материального обеспечения (приборы, лекарства и т.д.). Это привело к ухудшению реальной отдачи в этих сферах: ухудшению качества обучения во всех видах учебных заведений, качества лечения, что, в частности, проявилось в росте младенческой смертности, прекращении роста продолжительности жизни. Положение в сфере торговли могло показаться лучше, так как росла обеспеченность населения торговыми учреждениями в соответствии с реальным ростом товарооборота или даже выше, но и здесь ухудшалось качество торгового обслуживания по причине растущей дефицитности потребительских товаров. На этой проблеме следует остановиться отдельно. Этот дефицит, конечно, был вызван в значительной степени товарно-денежной несбалансированностью, нараставшей в 70–80-е годы, и фиксированными ценами на основную часть потребительских товаров, независимо от соотношения спроса и предложения на потребительском рынке. Но сводить эту проблему только к таким факторам было бы неправильно. Дефицит ощущался и по тем видам продукции, по которым в целом по стране не было большого несоответствия между спросом и предложением. Здесь играли важную роль два обстоятельства, которые слабо учитываются исследователями этой проблемы, хотя они широко известны. Во-первых, товары распределялись по территории страны крайне неравномерно, отнюдь не в строгом соответствии с размером платежеспособного спроса. Преимущество в снабжении получали жители крупных городов (прежде всего Москвы и Ленинграда, затем столиц союзных и автономных республик, крупнейших промышленных и научных центров). Так, в 1988 году розничный товарооборот на душу населения в Москве составлял 2924 р., в то время как в соседней Московской области – только 1154 р. [90]. Такая политика в распределении товарных фондов диктовалась политическими (сохранение лояльности населения самых важных городов) и экономическими (приоритет для самых важных экономических центров) соображениями. Но не только: острый дефицит ощущался и в ряде крупных промышленных центров. Немаловажную роль играли, видимо, соображения и административного и торгового удобства, и близость торговых работников Москвы и Ленинграда к центрам принятия решений, и просто желание сделать жизнь для своих близких более комфортной. Другое важное обстоятельство – привилегии номенклатуры и деятелей теневой экономики. В любом географическом

пункте СССР наиболее дефицитные и ценные товары в первую очередь поступали в закрытые магазины и предприятия общественного питания для номенклатурных работников и деятелей теневой экономики, для самих торговых работников, их покровителей и партнеров. Аналогичное явление имело место и в других отраслях сферы услуг, например, в медицинском обслуживании, где большая доля финансовых средств и материальных ресурсов выделялась четвертому управлению Министерства здравоохранения СССР, обслуживавшему партийную и государственную номенклатуру.

Очень кратко остановлюсь на бытовом обслуживании населения – весьма разнородной отрасли, обеспечивающей промышленные и непромышленные услуги населения (ремонт одежды, обуви и бытовых приборов, а также парикмахерские, бани, фотоателье и т.д.). Данные о ее развитии в этот период представлены в табл. 40.

Т а б л и ц а 40

Развитие бытового обслуживания населения СССР в 1965–1985 гг.

Показатели	1965	1975	1985
1. Число предприятий, тыс. ед.	193,0	263,0	293,0
2. Прирост к предыдущему году, %	–	136,2	111,4
3. Абсолютный прирост, тыс. ед.	–	70,0	30,0
4. Численность работающих, млн чел.	1320,7	2293,0	2834,0
5. Прирост к предыдущему году, %	–	173,6	123,5
6. Абсолютный прирост, тыс. чел.	–	973,2	541,0

Источники. За 1965 год: Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 771; за 1975 год: БСЭ. 3-е изд. – М., 1977. – Т. 24 (2). – С. 249; за 1985 год: Народное хозяйство СССР в 1990 году. – М., 1991. – С. 153.

Как видим, и здесь выделяются два периода в развитии этой сферы: очень быстрый рост в 1965–1975 годах и медленный – в 1975–1985 годах. Разница между ними очевидна из абсолютного и относительного прироста в эти периоды по обоим исходным показателям (1 и 4). И это при том, что населению эти услуги оказывались к концу периода плохо и в количественном, и особенно в качественном отношении.

Из сферы отдыха и развлечений отмечу только гостиницы. Хотя общее число гостиниц и мест в них казалось немалым (8871 гостиниц с общей вместимостью в 782 тыс. мест в 1990 году) [91], оно было на-

много ниже, чем в США, где в 1972 году было 10 тыс. гостиниц и 30 тыс. мотелей с общим числом комнат (номеров) 2,5 млн [92]. Но самое главное состояло в том, что современные отели могли принять одновременно лишь 100 тыс. гостей [93]. Их было в 20 раз меньше, чем в Италии. Остальные гостиницы не имели самых элементарных удобств. Нередко в таких, как знаменитые Дома колхозников, умывальники и туалеты были в коридорах. Попасть в приличные гостиницы без знакомств и взяток в летний сезон в больших городах и в курортных местностях было крайне сложно.

3.3. СОСТОЯНИЕ ФИНАНСОВО-КРЕДИТНОЙ И ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМ

Состояние финансово-кредитной и денежной систем в данный период отражало общее состояние советской экономики. С другой стороны, оно влияло на это состояние. Особенно это относится к денежной системе. Некоторые видные советские экономисты (например, С.Б. Сverdлик) видели главную причину крушения советской экономики еще до начала перестройки как раз в потере контроля за денежным обращением. Остается выяснить, как и почему он был потерян.

В развитии советской финансовой системы также выделяются два этапа: до и после 1975 года, точно отражающих состояние советской экономики в целом. Это отчетливо видно в динамике денежных накоплений народного хозяйства (кроме колхозов), куда включались прибыль, налог с оборота и прочие накопления (табл. 41).

Как видим, абсолютный прирост валовых накоплений, несмотря на быстрый рост цен, на протяжении этого периода «топтался» на одном месте. Их относительный прирост в последние три пятилетки ненамного превышал реальный рост цен в экономике. Доля абсолютного прироста денежных накоплений устойчиво держалась на одном уровне.

Однако эти показатели динамики накоплений могли быть еще терпимыми при реалистической экономической политике предприятий и государства. Между тем и государство, и предприятия плохо соизмеряли свои доходы и расходы. Прежде всего это относилось к государству, желавшего совместить несовместимое при относительном ухудшении экономических показателей: одновременно наращивать и потребление населения, и капитальные вложения в экономику, и свое влияние в мире благодаря военным расходам и экономической и военной помощи

Т а б л и ц а 41

**Денежные накопления народного хозяйства (кроме колхозов)
в 1965–1985 гг., млрд р.**

Показатели	1965	1970	1975	1980	1985
1. Все денежные накопления	83,3	139,7	176,2	232,0	295,2
В том числе:					
прибыль	37,0	87,0	104,5	116,0	167,6
налог с оборота	38,7	49,4	66,6	94,1	97,7
прочие накопления	7,6	3,3	5,1	21,9	29,9
2. Абсолютный прирост денежных накоплений, к предыдущему году	–	56,4	36,5	55,8	63,2
3. Прирост национального дохода, к предыдущему году	–	96,4	73,4	98,9	115,5
4. Прирост денежных накоплений, % к приросту национального дохода (2:3)	–	58,5	49,7	56,4	54,7
5. Относительный прирост денежных накоплений, % к предыдущему году	–	67,7	26,1	31,6	27,2

Источники. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 671, 857; Народное хозяйство СССР в 1985 году. – М., 1986. – С. 548.

другим государствам. Советское государство еще с конца 60-х годов увеличивало свои расходы быстрее, чем наращивались его доходы. Так, впервые за период после 1957 года (года отмены массовых государственных займов) государственный бюджет СССР стал дефицитным (что вплоть до начала перестройки скрывалось) вместо профицитного, использовавшегося как ресурс кредитования народного хозяйства. Дефицит государственного бюджета СССР финансировался за счет кредитов Государственного банка СССР, частью которого в то время были сберегательные кассы, формировавшие значительную долю его пассивов. Фактически, по бессрочному этому кредиту уплачивались проценты для покрытия операционных расходов сберегательных касс и самого Госбанка СССР, но не предусматривалось его погашение. Поскольку большая часть расходов государственного бюджета СССР носила непроизводственный характер, растущее кредитование дефицита государственного бюджета СССР создавало предпосылки для развития инфляции. Дефицит государственного бюджета СССР, вследствие неэкономной экономической политики, продолжал расти и в тот период, когда доходы государственного бюджета страны

стали быстро расти за счет доходов от внешнеторговой деятельности после резкого подъема мировых цен на топливо в 70-е годы, плодами которого СССР широко пользовался, быстро увеличивая экспорт нефти и газа.

Данные о росте внутреннего долга СССР в этот период представлены в табл. 42.

Т а б л и ц а 42

**Внутренний 3%-й государственный долг СССР в 1971–1985 гг.,
млрд р. на конец года**

Показатели	1971	1975	1980	1985
Всего	8,2	29,2	70,7	106,7
Национальный доход за год	289,9*	363,3	462,2	577,7
Государственный долг, % к национальному доходу	2,8	8,0	15,3	18,5

* Национальный доход в 1970 году.

Примечание. Вся сумма внутреннего долга в 1985 году была больше (141,6 млрд р.), поскольку в нее включались приобретения гражданами облигаций государственного займа.

Источники. О размере внутреннего 3%-го государственного долга: Барковский Н.Д. Записки банкира. – М., 1998. – С. 88; о национальном доходе: Народное хозяйство СССР в 1985 году. – М., 1986. – С. 409.

Как видим, в начале 70-х годов величина государственного долга и в абсолютном и относительном выражении была еще ничтожна, но за последующие 14 лет выросла в 13 раз и в относительном выражении по мировым меркам составила уже заметную, хотя и не угрожающую, часть национального дохода. Опасность возникала в случае массового изъятия по каким-либо причинам (например, по причине паники) населением части сбережений из сберегательных касс, что в СССР было вполне возможно. Тогда пришлось бы либо объявлять фактическое банкротство этой системы, либо срочно печатать огромное количество наличных денег, что перевело бы инфляцию из скрытой в открытую форму.

Как только цены на нефть с рекордного уровня начала 80-х годов резко снизились летом 1985 года, о чем позаботились США для улучшения положения своей экономики и как продолжение экономи-

ческой войны против СССР, это немедленно неблагоприятно сказалось на советском бюджете и всей нашей экономике. Одновременно усилиями США по экономике СССР было нанесено еще два мощных удара: из-за срыва поставок западного оборудования, которое не умели производить в СССР, на два года были отложены сроки ввода в действие газопровода из Сибири в Европу, что лишило СССР ежегодных поступлений валюты в размере от 8 до 10 млрд долларов, начиная с 1985 года [94]; и был снижен курс доллара, что снизило на одну четверть реальную цену долларовых валютных поступлений, это, по американским оценкам, стоило СССР еще 1,5 млрд долларов [95]. СССР расплачивался за свою чрезмерную надежду на вечно высокие мировые цены на нефть и за технологическую отсталость, вынуждавшую полагаться на критически важное технологическое оборудование из капиталистических стран. Эти события наряду с продолжавшейся неэффективностью экономики и чрезмерными потребительскими и военными расходами немедленно привели к резкому ухудшению финансового положения. Уже в 1985 году дефицит бюджета, который в предыдущие годы ежегодно составлял немногим более 5 млрд р., достиг 13,9 млрд р., а в 1986 году – 45,5 млрд р., т. е. за два года вырос в 9 раз (!) [96]. Озабоченное своим престижем в глазах населения в самом начале перестройки и опасаясь задеть военных при сохранявшейся высокой международной напряженности, советское государственное руководство пошло на резкое увеличение государственного долга, усиливая инфляционные тенденции в экономике и неустойчивость финансовой и денежной систем.

Важным источником инфляции в данный период стала кредитная система СССР. Весьма консервативная до 1960 года по части предоставления кредитов, после 1960 года она все шире начала их предоставлять под давлением сверху для облегчения положения предприятий, а возможно, и по собственной инициативе, стремясь повысить свою значимость в экономике (хотя высшие банковские работники той поры это отрицают). Кредитование банками народного хозяйства и населения (последнее в ничтожном размере) в этот период изменялось следующим образом (табл. 43).

Уже в седьмой пятилетке краткосрочная задолженность выросла на 26 млрд р. – больше чем за предыдущее десятилетие [97], а с 1965 по 1985 год – в 6,2 раза, т. е. намного больше, чем национальный доход

Т а б л и ц а 43

**Кредитование банками народного хозяйства и населения
в 1965–1985 гг., млрд р.**

Вид кредитования	1960	1965	1970	1975	1980	1985
Краткосрочное	42,7	68,0	104,7	160,5	261,4	426,4
Долгосрочное	3,8	6,0	21,5	43,5	81,1	94,9

Источники. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 891; Народное хозяйство СССР в 1985 году. – М., 1986. – С. 565.

в текущих ценах за тот же период (в 2,98 раза). Показательно, как абсолютно росла краткосрочная задолженность по сравнению с предыдущим периодом: в 1970 году – на 36,7 млрд р., в 1975 – на 55,8 млрд, в 1980 – на 100,9 млрд, в 1985 – на 166 млрд р. Более чем в 15 раз увеличился за этот период и объем долгосрочной задолженности. Начальник планово-экономического управления Госбанка СССР Н.Д. Барковский в своих воспоминаниях, говоря о 70-х годах, признает, что этот период «характерен “накачкой”» хозяйства кредитом, независимо от его возвратности, что связано было с уменьшением у ряда отраслей собственных источников, большим истощением бюджетных средств при одновременном “потребительском” подходе к использованию банковских ссуд. Властные органы превращали банковские учреждения в кассу взаимопомощи, поддерживали стремление хозяйственников получать беспроцентный кредит, несколько раз его пролонгировать». В другом месте он пишет об этом периоде в своей системе: «Беспорядок был неимоверный» [98]. О своей личной ответственности за этот неимоверный беспорядок он, конечно, не пишет.

Инфляция в СССР возникла как результат несоответствия между быстро растущими денежными доходами населения и значительно более медленным ростом товарного предложения потребительских продуктов и услуг за счет внутреннего производства и импорта. Избежать такого несоответствия было возможно, либо сдерживая рост денежных доходов населения, либо наращивая предложение товаров и услуг, либо то или другое вместе. Ни то, ни другое не делалось. Не была проведена и назревшая денежная реформа по образцу реформы 1947 года, которая могла значительно снизить избыток денег в экономике. Скорее всего потому, что она могла больше коснуться сбережений номенклатуры и уже сросшейся с ней частично организованной преступности

и частного предпринимательства. Хотя слухи о такой реформе неоднократно возникали даже в начале 70-х годов [99]. Просто напрашивалось для преодоления денежного навеса и ослабления дефицитности на потребительском рынке значительное повышение розничных цен – это перевело бы инфляцию из скрытой формы в открытую. Кое-что в этом отношении делалось в самом конце 70-х годов, когда были значительно подняты розничные цены на некоторые предметы роскоши (ювелирные изделия, меха и т.д.). Но это имело небольшой эффект из-за их ограниченной роли в розничном товарообороте. Более масштабный характер носило подготовленное и уже разосланное в 1982 году постановление о повышении розничных цен на хлеб, который вследствие его дешевизны скапливался скоту, и на хлопчатобумажные ткани. Однако, по настоянию Горбачева и Рыжкова, которые сумели убедить Андропова, ставшего совсем недавно Генеральным секретарем ЦК, это постановление было отменено [100]. Эта нерешительность в повышении розничных цен была вызвана не только пропагандистскими соображениями об отсутствии инфляции в СССР, но и опасением задеть интересы номенклатуры, которая имела возможность беспрепятственно приобретать дефицитные предметы потребления по низким ценам (для малосостоятельных слоев населения могла быть предусмотрена компенсация).

Наиболее очевидным проявлением инфляционных тенденций был огромный рост денежных сбережений населения в сберегательных кассах. В отличие от стран с рыночной экономикой, где денежные сбережения осуществляются для извлечения процентных доходов, в СССР преимущественно вынужденно население несло свои деньги в сберкассы – из-за отсутствия возможности своевременно приобрести дорогие предметы потребления. Таким образом, вклады являлись индикаторами товарно-денежной несбалансированности. Хотя и не совсем точными, преуменьшенными из-за скрытого роста цен в розничной торговле. Динамика вкладов населения в сберегательных кассах в данный период представлена в табл. 44.

Как видим, за этот период вклады населения выросли почти в 12 раз при росте розничного товарооборота в текущих ценах лишь в 3 раза. Особенно заметный скачок в отношении вкладов к розничному товарообороту произошел в восьмой пятилетке – пятилетке «косыгинских» реформ, в результате которых и был выпущен руль управления товарно-денежной сбалансированности денежным обращением.

Т а б л и ц а 44

Вклады населения в сберегательных кассах СССР в 1965–1985 гг.

Показатели	1965	1970	1975	1980	1985
Сумма вкладов на конец года, млрд р.	18,8	46,6	91,0	156,5	220,8
Розничный товарооборот, млрд р.	108,4	159,4	215,6	278,0	332,8
Отношение вкладов к розничному товарообороту, %	17,3	29,3	42,2	56,3	66,3

Источники. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 699, 711. Народное хозяйство СССР в 1985 году. – М., 1986. – С. 448, 458.

К сожалению, я не могу представить данных о росте денежной массы за весь этот период (М3), поскольку они все еще не опубликованы, но очевидно, что здесь была та же тенденция. Так, только за 1979–1985 годы денежная масса выросла на 60 % [101], или на 8 % – ежегодно.

Дезорганизация денежного обращения в 60–80-е годы имела губительные последствия для советской экономики. Она (и это самое главное) облегчала расточительное хозяйствование, поскольку хозяйственные прорывы покрывались безвозвратными кредитами Госбанка СССР и скрытым ростом оптовых и розничных цен, с которыми не боролись. В этих условиях вольготно чувствовали себя бездарные руководители предприятий и министерств. Она создавала товарный голод, который вынуждал население тратить много времени на поиски предметов потребления в ущерб досугу и полезной трудовой деятельности. Благоприятные условия создавались для теневой деятельности в торговле дефицитными товарами и мелком предпринимательстве. Дegrадировала трудовая мораль, поскольку наиболее оплачиваемым оказывался не честный квалифицированный труд, а спекуляция и теневая деятельность. В условиях товарного голода бессмысленно было увеличивать трудовые усилия. Не случайно, в это время конкурсы на технические специальности в вузах оказались минимальными, а на торговые – максимальными.

Одним из возможных путей повышения доходов бюджета было получение иностранных кредитов от капиталистических стран (других

кредиторов тогда не было). Эти кредиты прежде всего позволяли расширить возможности импорта из этих стран за пределы текущих экспортных поступлений и довольно скудных к середине 60-х годов золотовалютных резервов. Нужны были долгосрочные и среднесрочные кредиты для финансирования закупок оборудования из капиталистических стран. Такие кредиты довольно охотно предоставлялись частными и государственными банками при поощрении правительств, заинтересованных по экономическим (расширение экспорта) и политическим (смягчение международной напряженности) причинам в расширении экономических связей с СССР и другими социалистическими странами. К тому же платежеспособность СССР тогда не вызвала больших сомнений ввиду весьма аккуратного исполнения СССР своих внешних платежных обязательств. Особенно эта уверенность окрепла после подъема мировых цен на нефть, которые очень сильно увеличили экспортные доходы СССР в торговле с капиталистическими странами. Обнадеживали и проводившиеся экспертами расчеты золотых запасов СССР на основе примерных данных о добыче, внутреннем потреблении и экспорте золота. Огромный рост мировых цен на золото приводил к росту долларовой оценки золотых резервов, которые составляли значительную часть советских золотовалютных резервов.

До сих пор не опубликованы данные о движении внешнего долга СССР в данный период. Есть только отрывочные расчеты западных экономических организаций за отдельные годы. Так, по размеру годовых выплат на обслуживание внешнего долга (162 млн долларов) [102] можно определить, что (если исходить из нормы в 3 % на уровне ставки ФРС США в тот период) в 1964 году он составил примерно 5 млрд долларов или меньше, если ставка была выше, что весьма вероятно. Однако в 1970 году чистая задолженность в свободно конвертируемой валюте составила лишь 1 млрд долларов [103], что свидетельствует о выплате основной части прежней задолженности и отсутствии крупных долгосрочных кредитов во второй половине 60-х годов. Зато в 70-е годы этот долг быстро увеличивался: до 7,8 млрд долларов в 1975 году и 8,7 млрд в 1980 году (имеется и более высокая оценка валовой задолженности, которая, конечно, выше чистой задолженности в 24,7 млрд долларов в 1981 году [104]). Весь чистый внешний долг стран – членов СЭВ составил в этом году 62,9 млрд долларов [105]. При советских золотовалютных резервах того периода такой долг был небольшим, но СССР уже не мог быть гарантом (зонтиком) всей

внешней задолженности социалистического лагеря, на что рассчитывали без основания западные страны и банкиры и в чем им пришлось убедиться, когда в 1981 году Польша оказалась неспособной расплачиваться по своему внешнему долгу. Огромный рост внешнего кредитования СССР пришелся на первую половину 80-х годов и первые годы перестройки. На конец июня 1987 года внешняя задолженность СССР составила уже 37,5 млрд долларов [106], т.е. увеличилась более чем в 4 раза по сравнению с 1980 годом.

В 60–70-е годы роль внешнего кредитования в финансовых доходах СССР была ничтожной: менее 1 млрд долларов в год, или 600 млн р., что было немногим более 0,3 % доходов государственного бюджета СССР в тот период. В первой половине 80-х годов эта доля была уже заметно больше, хотя все еще невелика.

Долгое время уровень внешней задолженности СССР был вполне умеренным с точки зрения обычно применяемого в международной практике критерия: соотношения с валютной выручкой и золотовалютными резервами. Так, в первой половине 60-х годов выплаты по внешнему долгу не превышали 15 % от выручки в свободно конвертируемой валюте, а в начале 80-х годов – 20 %, в середине 80-х годов – снова 15 % [107]. Эти величины вполне благополучные в отношении платежеспособности (критической считается доля в 25 %). Следует иметь в виду, однако, что это благополучие основывалось на высокой выручке от топливного экспорта в условиях высоких мировых цен на нефть. С ростом внешней задолженности и падением мировых цен на нефть уже в 1986 году эта задолженность приблизилась к опасной черте, составив, по расчетам американских экономистов, 23,2 % [108].

К этому времени ухудшилась платежеспособность нашей страны и с точки зрения ее соотношения с золотовалютными резервами. СССР не воспользовался огромным ростом мировых цен на нефть, чтобы накопить крупные золотовалютные резервы на случай их падения. И в этом также сказалась недальновидность советского руководства того периода. В конце 1985 года золотовалютные резервы СССР составили, по оценкам западных экономистов, лишь немногим более 19 млрд долларов, или немногим более 2 % мировых резервов [109]. Они оказались значительно меньше внешней задолженности, и при их дальнейшем вероятном сокращении – в случае снижения мировых цен на нефть – рост задолженности мог создать серьезные проблемы с ее выплатами. Правда, по сравнению с годовыми платежами в конвертируемой валю-

те эти резервы казались очень большими. Они превышали восьмимесячные платежи, хотя международная практика считает достаточными резервы в размере трехмесячного импорта. Но здесь следует иметь в виду и возможность сокращения экспортных поступлений, и необходимость помощи другим социалистическим странам. Внешнее банкротство Польши сильно ударило по международной политической и коммерческой репутации всей социалистической системы. В целом состояние платежного баланса СССР к концу данного периода было напряженным, но не критическим, и формально СССР в этот период был страной-кредитором. Его задолженность была значительно (в 4–5 раз) меньше, чем задолженность ему. Однако подавляющая часть долгов нашей стране была безнадежной. Огромный объем кредитов СССР предоставлял заведомо неплатежеспособным странам, прежде всего на закупку вооружения (а не на экономические нужды) и на плохо окупаемые объекты.

Совершенно ничтожную роль в финансировании расходов государства играли государственные займы. Несмотря на то что ставка по ним была даже выше, чем в сберегательных кассах (3 %), их приобретали в год немногим более чем на 1 млрд р. Так велико было недоверие людей к этой форме сбережений, вызванное прошлой плохой их историей.

3.4. ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

В СССР в данный период происходил тот же процесс глобализации, что и в остальном мире (тогда он назывался интеграцией). Но он имел наряду с общими причинами и специфические причины и цели. В отношении с социалистическими странами преследовалась цель укрепления их экономики. В отношении капиталистических стран – воспользоваться достижениями их техники и технологий. В отношении развивающихся стран – усилить свое политическое влияние.

Для развития внешнеэкономических связей СССР в этот период существовали тогда благоприятные и неблагоприятные экономические и политические факторы. Причем в отдельные подпериоды эти факторы вели себя по-разному. К благоприятным факторам относилось укрепление экономики и ее научно-технического уровня, что расширяло экспортные возможности и импортные потребности нашей страны. Особенно важное значение имело огромное увеличение производства

в СССР нефти и газа, ряда цветных металлов, а также большой скачок мировых цен на нефть. Этим преимущественно и объясняется гигантский рост советского экспорта и импорта в 70-е годы. К благоприятным политическим факторам относят также улучшение отношений с капиталистическими странами во второй половине 60-х годов и в 70-е годы и большое влияние идей социализма в развивающихся странах в тот же период, тесное политическое сотрудничество стран-членов СЭВ. С конца 70-х годов и политические, и экономические факторы стали неблагоприятными. Ухудшились отношения с капиталистическими странами после начала войны в Афганистане. Ослабло влияние идей социализма в развивающихся странах. В связи с растущими экономическими трудностями в СССР ослабли его возможности и как экспортера, и как импортера.

Развитие внешнеэкономических связей в этот период представлено в табл. 45.

Т а б л и ц а 45

Внешнеэкономические связи СССР в 1965–1985 гг.

Показатели	1965	1970	1975	1980	1985
1. Объем внешней торговли, млрд р.	14,6	22,1	50,7	94,1	141,6
2. Индекс внешней торговли (1960=100)	141	209	304	394	472
3. То же, к предыдущему году, %	–	148	145	129,5	119,7

Источник. Внешняя торговля СССР в 1985 году. – М., 1986. – С. 6, 16.

Как видим, здесь те же тенденции, что и в остальной экономике: быстрый рост до 1975 года и намного медленнее – после 1975 года. Тем не менее рост внешней торговли был намного быстрее, чем увеличение валового внутреннего продукта в оба эти подпериода, что и говорит о растущей интеграции СССР в мировую экономику и повышении значения внешней торговли в экономике страны. Огромный рост внешнеторгового оборота в стоимостном выражении во многом связан с происходившим в рассматриваемый период (особенно в 70-е годы) ростом внешнеторговых цен. Доля же СССР в мировой торговле менялась медленно и оставалась незначительной в сравнении с его экономическим потенциалом (табл. 46).

Т а б л и ц а 46

Доля СССР в мировом экспорте в 1965–1986 гг.

Показатели	1965	1970	1975	1980	1985	1986
1. Мировой экспорт, млрд долларов	185,6	315,1	871,2	2001	1930	2118
2. Экспорт СССР, млрд долларов	8,2	12,8	32,0	76,4	86,7	96,3
3. Доля СССР в мировом экспорте, %	4,4	4,0	3,7	3,8	4,5	4,6

Источник. СССР и зарубежные страны. – М., 1967. – С. 274; Устинов И.Н. Мировая торговля. – М., 2000. – С. 41; валютный курс рубля к доллару взят из книги: Борисов С. Рубль: золотой, червонный, советский, российский. – М., 1997. – С.187.

Как видим, доля СССР в мировом экспорте оставалась крайне малой и лишь незначительно выросла к концу рассматриваемого периода, преимущественно в связи с ростом мировых цен на нефть. Но все же выросла, а не упала, как случилось с другими сферами экономики со второй половины 70-х годов. Так что в целом удельный вес СССР в мировом экспорте за этот период вырос. Но страна оставалась примерно на уровне России в 1913 году, когда доля России в мировом экспорте составляла 4,5 % [110]. Такое положение дел в СССР объяснялось линией на ограничение внешнеэкономических связей с капиталистическим миром и нехваткой экспортных товаров.

По-прежнему во внешней торговле СССР преобладали (66,8 % экспорта в 1986 году) отношения с социалистическими странами, несмотря на их небольшой удельный вес в мировой экономике. В этом отразился преимущественно политический характер советской внешней торговли. На втором месте находились развитые капиталистические страны (19,2 % экспорта в 1986 году), на третьем – развивающиеся страны (14 % экспорта в 1986 году) [111]. Эта доля почти не менялась в данный период, что говорит и о консерватизме в такой важнейшей области экономики, и об объективных ресурсных и спросовых ограничениях на ее изменение.

Внешняя торговля с социалистическими странами строилась по прежним направлениям. В советском экспорте в ней преобладали сырьевые ресурсы, которыми европейские социалистические страны были обделены, в импорте – приобретение оборудования из этих стран и предметов потребления. Советский Союз долгое время гарантировал этим странам обеспечение топливно-сырьевыми ресурсами, и это служило надежной гарантией их экономического развития в целом. Стоило только в начале 80-х годов, из-за ухудшения условий производства

этих ресурсов, прекратиться росту их экспорта, как сразу же экономическое положение этих стран резко ухудшилось. Некоторые из них вынуждены были искать выход из возникших трудностей в сближении с капиталистическими странами (Венгрия вступила в МВФ, ГДР искала сближения с Западной Германией). С этого времени начался фактически распад мировой социалистической системы.

В 60–70-е годы СССР и другие европейские социалистические страны пытались поднять свое экономическое сотрудничество на более высокую ступень экономической координации. И в этом отношении были достигнуты определенные результаты: это сотрудничество приобрело долгосрочный характер. В его основе лежали пятилетние планы, что позволяло до начала 80-х годов обеспечивать сотрудничеству стабильный характер и, опираясь на эти планы, строить и пятилетние планы экономического развития – это имело особое значение для европейских социалистических стран и с точки зрения их ресурсного обеспечения, и с точки зрения экспортных рынков. Предпринимались попытки наладить совместное производство отдельных видов сложной продукции, совместные дорогостоящие инвестиции в капиталоемкие отрасли (например, в топливную промышленность), организовать совместные научные проекты и создавать совместные предприятия. Сейчас имеется еще мало данных для общей оценки успешности этих проектов. Часть из них (скорее всего меньшая) была успешной.

Наиболее амбициозными проектами в сфере экономического сотрудничества были попытки создать коллективную валюту и международные банки социалистических стран, наподобие эю и Международного валютного фонда или Всемирного банка. Из этих проектов меньше всего реализовался первый, так как командная экономика в этих странах не позволяла обеспечить конвертируемость их валют.

В отношениях с социалистическими странами СССР по-прежнему был явным донором. Можно сказать, что он «покупал» их политическую преданность и лояльность. Такой характер их экономических отношений особенно сказывался на ценообразовании на сырьевые товары – уровень цен на них был намного ниже, чем на мировом рынке. Отразился стиль этих экономических взаимоотношений также и в характере обмена сырья на значительно менее качественные, чем на мировом рынке, потребительские товары и оборудование. Практически на безвозмездной основе (хотя формально и в рамках кредитных соглашений) поставлялось в эти страны советское вооружение. Поэтому

можно сказать, что расширение экономических связей с социалистическими странами шло в ущерб экономике СССР. Это не означает, что такие связи не приносили нам никаких выгод. Многие потребительские товары этих стран были выше качеством, чем производимые в СССР, и они обогащали советский потребительский рынок. Это же относится и к ряду видов оборудования, особенно ввозимых из таких стран, как ГДР и Чехословакия. Доля импорта из этих стран во внутреннем потреблении СССР по отдельным товарным группам была весьма значительной (например, по фруктам и овощам, одежде и мебели, автобусам и т. д.); произошла действительная, хотя и не всегда экономически оправданная, интеграция экономики этих стран.

Наиболее важной особенностью внешнеэкономических связей СССР в данный период явились огромные усилия по их наращиванию с развитыми капиталистическими странами. Эта линия была взята еще в предыдущие годы, но в рассматриваемый период она стала значительно интенсифицирована. В этом, наряду с объективным процессом экономической интеграции, нашли свое отражение растущая экономическая слабость СССР, неспособность и нежелание советского руководства этого периода (в отличие от второй половины 30-х годов) предпринимать усилия по решению своих экономических и научно-технических проблем самостоятельно или объединенными усилиями социалистических стран, среди которых были и такие высокоразвитые, как ГДР и Чехословакия. При этом СССР продолжал свои усилия по подрыву капиталистической системы, в особенности в странах третьего мира, что неизбежно со временем должно было воспрепятствовать всем его усилиям по налаживанию экономических связей с этими же капиталистическими странами.

Главные усилия в отношениях с капиталистическими странами направлялись на приобретение оборудования для строительства сложных объектов в области автомобильной промышленности (ВАЗ и КамАЗ), нефтяной и газовой промышленности и трубопроводного транспорта, химической промышленности, лесной и деревообрабатывающей промышленности. Не желая растрачивать свои относительно небольшие золотовалютные резервы для приобретения этого оборудования за наличный расчет, СССР еще шире, чем в предыдущий период, прибегал к средне- и долгосрочным банковским кредитам. Широко стали использоваться для расплаты по кредитам формы компенсационных соглашений, когда погашение кредитов осуществлялось за счет продук-

ции строящихся предприятий. В торговле с капиталистическими странами все больший удельный вес стали занимать в этот период закупки зерна в годы серьезных неурожаев. Эти закупки измерялись десятками миллионов тонн в год и приводили к большому росту цен на зерно на мировом рынке. И, конечно, они резко ухудшали валютное положение СССР. Тем не менее повышение мировых цен на топливо в 70-е годы обеспечивало долгое время достаточно прочное валютно-финансовое состояние нашей страны и ее кредитоспособность в глазах иностранных банков.

Расширение торговли с СССР отвечало экономическим интересам капиталистических стран, расширяя рынки сбыта их товаров, обеспечивая и диверсифицируя удовлетворение их сырьевых потребностей. Вместе с тем часть правящих кругов в этих странах надеялась, вовлекая СССР в международные экономические отношения, постепенно обеспечить эволюцию его политической системы в направлении конвергенции с капиталистическими странами.

Сложности в отношении внешнеэкономических связей с капиталистическими странами неоднократно возникали в периоды обострения международной напряженности. Особенно они усилились в конце 70-х – начале 80-х годов в связи с войной в Афганистане и приходом к власти в США администрации Рейгана, которая объявила экономическую войну СССР [112]. Эта экономическая война включала: изматывание СССР гонкой вооружений, усилия по снижению мировых цен на нефть, уменьшение экспорта в СССР передовой техники и технологии, ограничение доступа его к кредитам и т.д. В этой экономической войне США приходилось преодолевать сопротивление своих союзников в Западной Европе и Японии, заинтересованных в советских сырьевых ресурсах и рынках сбыта. Поэтому США не всего удалось добиться из задуманного. Но многое все же удалось. Из самых заметных достижений США в этой войне можно назвать: рост военных расходов СССР; снижение мировых цен на нефть (с 34 долларов за баррель в начале 80-х годов до 12 долларов в начале 1986 года); замедление на два года ввода газопровода из Сибири в Западную Европу и уменьшение его мощности в 2 раза; сокращение экспорта высокотехнологичной продукции из США в СССР с 219 млн долларов в 1975 году до 39 млн в 1983 году [113] и усиление экспортного контроля за вывозом высокотехнологичной продукции из других западных стран в рамках КОКОМ (созданной в 1949 году организации по контролю за экспортом

стратегических товаров в социалистические страны). Несомненно, что все эти меры тяжело сказались на экономике СССР и замедлили его развитие, но все же не повергли в кризис, как полагает П. Швейцер. Как раз в 1983–1986 годах советская экономика переживала некоторый подъем. В целом она, хотя и с большим трудом и жертвами для населения, выдержала эти удары, показав еще сохранявшуюся свою жизнеспособность. Эти удары напомнили об опасности чрезмерной опоры на западную технику, в ущерб развитию собственного научно-технического потенциала. Именно тогда родился термин «импортная чума» в отношении чрезмерной опоры на иностранные технику и технологию. Тем не менее объемы торговли с развитыми капиталистическими странами начали сокращаться. Так, в 1985 году по сравнению с 1984 годом экспорт в эти страны сократился с 21,3 млрд инвалютных рублей до 18,6 млрд, или на 13 % [114]. Пришлось значительно сократить и импорт многих потребительских товаров.

Торговля с развитыми капиталистическими странами создавала сложные проблемы для советской экономики, поскольку уровень требований рынка этих стран к качеству продукции и к ее обслуживанию был высоким. Возможности расширения экспорта сырьевых товаров и материалов в эти страны ограничивались внутренними потребностями советской экономики. Возникла сложнейшая задача расширения экспорта продукции обрабатывающей промышленности, который в начале периода был ничтожным. Эта задача непрерывно и настойчиво ставилась советским руководством перед промышленностью и внешнеторговыми организациями с середины 60-х годов. Некоторые достижения здесь наблюдались. Так, с 1965 по 1974 год экспорт продукции обрабатывающей промышленности в развитые капиталистические страны вырос с 48 млн долларов до 267,9 млн [115]. Особенно заметно вырос экспорт автомобилей (с 6,5 до 42,5 тыс. ед.), часов (с 0,8 до 11,1 млн шт.), тракторов и сельскохозяйственных машин (с 0,9 до 9,2 млн долларов), горно-добывающего оборудования (с 0,3 до 8,1 млн долларов), электротехнического и электроэнергетического оборудования (с 1 до 35,9 млн долларов). Однако очень внушительный относительный рост не мог скрыть весьма скромные его абсолютные размеры. К тому же он достигался в немалой степени благодаря более низким (на 30–50 %) [116] ценам и, таким образом, нередко носил скорее престижный характер. При всем том некоторые образцы этого оборудования ценились тогда и за качество (например, часы и фотоаппараты).

Развивающиеся страны занимали третье место во внешней торговле СССР. Торговля с теми странами, которые не являлись союзниками СССР, носила преимущественно экономический характер. Они обеспечивали СССР необходимыми ему сырьевыми и продовольственными товарами, получая взамен топливо и некоторые виды оборудования. На этом конкурентном, хотя и менее требовательном к качеству продукции, рынке также проверялся уровень советских изделий. Здесь тоже были заметные успехи. Советское оборудование и предметы потребления длительного пользования (часы, легковые автомобили, фотоаппараты) покупали в этих странах люди со средними (для этих стран) доходами. Значительный рост внешней торговли СССР с Бразилией, Мексикой, Аргентиной говорил об успехах советской экономики. Но и здесь нужно помнить о более низких ценах на советские товары.

Совсем по-иному вел внешнюю торговлю СССР со своими союзниками среди развивающихся стран. Прежде всего, эта торговля носила преимущественно политический характер. Особенно это было очевидно при экспорте вооружения, которое в огромном количестве поставлялось в эти страны по кредитным соглашениям, заведомо неплатным, если принимать во внимание состояние экономики этих стран. Большое количество оборудования и технической помощи направлялось на строительство нескольких тысяч объектов народного хозяйства, культуры и спорта, многие из которых по завершении этого строительства оказывались неэффективными либо из-за ошибок при проектировании, либо из-за неумения их эксплуатировать. Очень осложняли экономические отношения с этой группой стран частые политические изменения в них, когда к власти приходили враждебные нашей стране силы, отказывавшиеся от выполнения прежних обязательств и переориентировавшие свои внешнеэкономические связи на развитые капиталистические страны.

Хотя доля внешней торговли СССР в мировой торговле была невелика, ее значение для экономики СССР в ряде отраслей была весьма значительна. Так, в 1985 году доля импорта в объеме внутреннего потребления составляла, %: по животному маслу – около 16, зерну – свыше 20, табаку – 23, шерсти – 24, растительному маслу – 25, сахару – сырцу – 26, оборудованию для швейной промышленности – свыше 42, пищевкусовой и текстильной – 52, химической и полиграфической – 56, обувной и кожевенной – 73 [117]. Велика была ее роль в обеспече-

нии ключевого оборудования и для ряда других отраслей экономики (например, нефтяной и газовой промышленности), в приобретении иностранных технологий. Не менее важным, чем прямой эффект от внешней торговли, был ее косвенный эффект, связанный с общим повышением технического уровня экономики. Только в качестве примера можно указать на то, что строительство ВАЗа и освоение на нем лицензионного производства легкового автомобиля, по признанию руководства автомобильной промышленности, подняло на качественно новый уровень всю отрасль и многие другие отрасли советской промышленности, потребовав организации производства многих новых, более качественных видов материалов и полуфабрикатов.

Отдельно следует остановиться на роли внешней торговли в обеспечении потребительских нужд населения в этот период. В результате огромного роста валютных поступлений, особенно после энергетического кризиса 70-х годов и ограничения импорта инвестиционного оборудования, с середины 70-х годов стало возможным значительное увеличение импорта потребительских товаров. Покажу это на примере некоторых высококачественных продовольственных товаров (табл. 47).

Т а б л и ц а 47

Импорт некоторых продовольственных товаров в 1965–1985 гг., тыс. т

Продукция	1965	1975	1985
1. Мясо и мясные изделия	252,3	515,2	857,4
2. Масло сливочное	5,6	11,6	276,6
3. Апельсины	140,4	335,3	365,3
4. Бананы	14,9*	34,4	69,9
5. Лимоны	38,9	79,0	119,9

* Ввиду отсутствия данных об импорте бананов в 1965 году приведены данные за 1970 год.

Источники. За 1965 год: Внешняя торговля СССР. – М., 1967. – С. 112–113; за 1975 год: Внешняя торговля СССР в 1976 году. – М., 1977. – С. 43; за 1985 год: Внешняя торговля СССР в 1985 году. – М., 1986. – С. 42–43.

Как видим, произошло значительное увеличение импорта всех продовольственных товаров. По некоторым из них рост был огромным (например, по сливочному маслу почти в 50 раз, или 18,2 % в общих

продажах). Вместе с тем на душу населения даже к концу периода импорт был невелик: например, по апельсинам – немногим более 1 кг, по бананам – менее 300 г.

Из сказанного выше о характере внешней торговли с отдельными группами стран становится ясна отраслевая структура внешней торговли СССР: в экспорте преобладали сырьевые товары, в импорте – оборудование и потребительские товары. Эта структура отражала и сравнительные преимущества СССР, и слабости СССР в выпуске качественной и дешевой продукции обрабатывающей промышленности. Внешняя торговля, таким образом, являлась зеркалом экономики страны. Немалые усилия, предпринимавшиеся в СССР в этот период по изменению характера внешней торговли, давали ограниченный результат.

До сих пор говорилось о товарной структуре внешней торговли. Между тем в этот период во внешнеэкономических связях увеличивалась доля торговли разнообразными услугами (транспорт, связь, научные достижения, туризм, финансовые услуги и т.д.). Зачастую торговля услугами оказывалась более выгодной, чем торговля товарами, в связи с чем росла и ее доля в мировой торговле. Естественно, на этом рынке преобладали развитые капиталистические страны, поскольку услуги требовали высокой культуры производства и были там наиболее развиты. Естественно, возможности СССР по их экспорту были минимальны, ибо они были в нашей стране чрезвычайно слабо развиты. К сожалению, опубликованная советская статистика не позволяет установить ни объем, ни динамику внешней торговли услугами, поскольку не опубликованы платежные балансы СССР за этот период, где бы содержались такие данные. Тем не менее отрывочные сведения, появившиеся в печати в период перестройки, позволяют сделать вывод, что в этой сфере, как и следовало ожидать, баланс внешней торговли был отрицательным. И это при том, что СССР целенаправленно и по политическим, и по экономическим соображениям ограничивал отдельные виды торговли услугами, например, иностранный туризм советских граждан в капиталистические страны или импорт лицензий, предпочитая ему более дешевый способ получения научно-технической информации с помощью своей разведки.

Из-за неразвитости гостиничного комплекса и другой туристической инфраструктуры незначительным был иностранный туризм, особенно из капиталистических стран. Ничтожной была выручка от про-

даже лицензий. Относительно значительным был только экспорт образовательных услуг. В СССР обучались сотни тысяч студентов из социалистических и развивающихся стран и небольшое – буквально несколько сотен человек – из развитых капиталистических стран. Такой относительно значительный объем образовательных услуг говорил о престиже советского высшего образования, главным образом военного, естественнонаучного и технического. Однако не следует переоценивать размеры экспорта образовательных услуг СССР. Во-первых, у многих стран не было реального выбора либо по политическим, либо по экономическим соображениям. Во-вторых, доходы от этого экспорта были, по-видимому, невелики (точные данные не опубликованы). Часть расходов по обучению брал на себя Советский Союз, плата за обучение была низкой.

Отраслевая структура внешней торговли заметно изменилась после 1970 года в соответствии с изменением характера советского экономического развития. Особенно это было видно в отношении импорта из капиталистических стран. Внешняя торговля в этот период служила средством преодоления текущих слабостей советской экономики. Поэтому наращивался импорт товаров народного потребления и сырья для их производства (например, зерна) и сдерживался импорт оборудования, рост которого, в неизменных ценах, прекратился после 1976 года [118].

3.5. УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Многие аспекты этой проблемы практически уже рассматривались выше при анализе развития отдельных областей экономики. Это позволяет быть кратким и рассмотреть здесь подробнее наиболее спорные вопросы темы.

Самым интригующим вопросом выглядит вопрос о том, почему при отсутствии в нашей стране серьезного экономического кризиса, сопровождающегося резким ухудшением общего уровня потребления, что так хорошо знакомо по глубоким кризисам капиталистической экономики довоенного периода, этот период значительной частью бывших советских граждан в экономическом отношении воспринимается резко негативно, часто с отвращением?

Начну с личного потребления населения. Исходя из приведенных данных о реальном росте валового национального продукта и некото-

ром увеличении в нем удельного веса личного потребления населения, можно сделать вывод, что в целом душевое личное потребление населения за этот период заметно выросло. Это подтверждается и легко проверяемыми на достоверность данными о душевом потреблении важнейших продовольственных и непродовольственных товаров кратковременного пользования (табл. 48).

Т а б л и ц а 48

**Душевое потребление важнейших продовольственных
и непродовольственных товаров кратковременного пользования
в СССР за 1965–1985 гг.**

Продукция	1965	1975	1985
1. Мясо и сало, кг	44	56,7	61,4
2. Молоко и молочные продукты (в пересчете на молоко), кг	260	316	323
3. Яйца, шт.	132	216	260
4. Рыба и рыбопродукты, кг	12,9	16,8	17,7
5. Сахар, кг	35,3	40,9	42,0
6. Фрукты и ягоды, кг	–	39	46
7. Ткани, м ²	27,1	32,5	37,1
8. Верхний трикотаж, шт.	1,0	2,0	2,1
9. Бельевой трикотаж, шт.	3,5	4,4	4,7
10. Чулочно-носочные изделия, шт.	5,5	6,1	7,2
11. Обувь, шт.	2,0	3,2	3,2

Источники. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 697–698; Народное хозяйство СССР в 1985 году. – М., 1986. – С. 445–446.

Как видим, действительно произошло существенное увеличение душевого потребления и продовольственных, и непродовольственных товаров на основе роста промышленного и сельскохозяйственного производства и импорта. При этом выделяются два периода в этом росте: быстрый – до 1975 года и очень медленный (но все-таки рост!) – после 1975 года. Все происходит в точном соответствии с общим развитием советской экономики.

О растущем среднем благосостоянии советских граждан говорят и данные об их обеспеченности предметами культурно-бытового назначения (табл. 49).

Т а б л и ц а 49

**Обеспеченность населения предметами длительного пользования
в расчете на 1000 человек, на конец года, шт.**

Продукция	1965	1975	1985
1. Часы всех видов	885	1319	1580
2. Радиоприемники и радиолы	165	230	289
3. Телевизоры	68	215	293
4. Фотоаппараты	67	77	102
5. Пылесосы	18	52	117
6. Холодильники	29	178	275
7. Стиральные машины	59	189	205
8. Легковые автомобили	6	16	45

Источники. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 698; Народное хозяйство СССР в 1985 году. – М., 1986. – С. 446.

Данные табл. 49 говорят о стремительном росте обеспеченности населения СССР большинством предметов потребления длительного пользования, в начале периода о подобной обеспеченности не было даже речи. Из этих данных видно, что к концу периода большинство семей уже имело в своем распоряжении такие дорогостоящие предметы долговременного пользования, как холодильники, телевизоры, стиральные машины, пылесосы. Единственным исключением стала обеспеченность населения легковыми автомобилями и персональными компьютерами, но по легковым автомобилям она также быстро росла. Намного хуже обеспечивался спрос населения на платные услуги, и по некоторым из них (например, по связи, услугам торговли, общественному питанию, гостиничному хозяйству) СССР отставал от ряда развивающихся стран, хотя и по этим услугам наблюдался быстрый рост.

Значительно возросла в этот период обеспеченность населения жильем: по городскому населению – с 9,9 м² общей площади на одного человека в 1965 году [119] до 14 м² в 1985 году [120], или более чем на 40 %. И в среднем это уже совсем немалая величина для страны, где еще недавно бóльшая часть населения жила в коммунальных квартирах.

Высокоразвита была система образования и здравоохранения, о чем уже говорилось. По продолжительности жизни и уровню образования СССР входил в группу развитых стран. Вместе с тем во втором

десятилетия этого периода в нашей стране стали отмечаться отрицательные явления, вызванные ослаблением внимания государства к этим сферам. На два года (!) сократилась в 70-х – первой половине 80-х годов средняя продолжительность жизни, и по этому показателю СССР попал в группу менее развитых стран, таких как Китай и Аргентина [121], далеко отстав от развитых стран. Выросла детская смертность, что было редчайшим явлением в мире вообще в эти годы. Тем не менее и по этому показателю СССР оставался еще среди развитых стран [122].

Продолжительность рабочего дня и рабочей недели в этот период не менялась, но оставалась по международным меркам достаточно короткой. Явно ухудшилась в это время экологическая обстановка в стране, в значительной ее части загрязнение окружающей среды намного превысило предельно допустимые нормы.

Если суммировать приведенные данные о различных аспектах уровня жизни населения, то при всех ее негативных моментах очевиден рост этого уровня за весь период, минимальный рост – в последнее десятилетие. Почему же к концу периода столь велико было недовольство большей части населения как раз уровнем жизни? И здесь мы подходим к труднейшему для измерения вопросу о социальной дифференциации.

Бессмысленно для этого периода пользоваться при определении размеров социальной дифференциации официальными данными о размерах доходов граждан. Крупные доходы образовывались в недрах теневой экономики. Сколь велики они были? Многочисленные (разумеется, очень неточные) оценки теневой экономики в годы перестройки определяли ее размеры в 10–15 % национального дохода или валового внутреннего продукта; поскольку доходы от теневой экономики практически полностью использовались в сфере личного потребления, то их доля в личном потреблении населения могла достигать 25–30 %. К таким же результатам приводит исчисление ее величины исходя из круга лиц, вовлеченных в значительной степени в теневую экономику. Возьмем наиболее мафиозные отрасли – торговлю и общественное питание. Здесь функционировало несколько сот тысяч предприятий. Почти на каждом из них в незаконные действия было вовлечено несколько человек: директор магазина, заместитель директора, товаровед, главный бухгалтер. Имеем уже примерно 2 млн человек. Добавим сюда руководство тысяч баз и контор, торгов, работников областных управ-

лений министерств торговли союзных и автономных республик, СССР. Крупное взяточничество и хищения наблюдались и в других распределительных ведомствах (системах материально-технического снабжения, заготовок). Огромные приписки и хищения обнаруживались в пищевой и легкой промышленности, в строительстве, на автомобильном транспорте и даже в сфере просвещения и здравоохранения. Для их сокрытия требовалось соучастие работников правоохранительных, административных и партийных органов. Не будет ошибкой предположить, что только наиболее активных деятелей теневой экономики (включая «цеховиков») было не менее 5 млн человек. С членами семей – это уже 20 млн человек, или 7 % населения СССР в то время. Если предположить, что среднедушевой доход этих деятелей был в 4–5 раз выше, чем в среднем в стране, выходим на ту же величину – 25–30 % личных доходов населения СССР. Не все эти доходы потреблялись: часть накапливалась в виде денежных сбережений и жилищного строительства. Но даже с учетом этого обстоятельства очевидна огромная доля участия этой группы населения в розничном товарообороте и потреблении материальных благ и услуг. Добавим сюда многочисленные натуральные привилегии номенклатуры в виде льготного снабжения самыми дефицитными товарами, медицинским обслуживанием и санаторным лечением. Становится очевидным, что ограниченный объем производства и импорта наиболее ценных и дорогих товаров мог приобретаться благодаря наличию средств, а главное – связей в основном этой небольшой частью населения. Но речь идет также и о ряде товаров повседневного пользования. Вот почему стабилизация душевого личного потребления во втором десятилетии данного периода вполне совмещалась с заметным ухудшением душевого потребления основной части населения. Добавим сюда постоянный дефицит огромного количества товаров, ухудшение качества товаров и услуг, законное недовольство кричащим и неоправданным разрывом в уровне жизни трудящихся и кучки воров – и основания для недовольства значительной части населения уровнем жизни станут понятными и оправданными. Можно полагать, что реально децильный коэффициент доходов, отражающий их дифференциацию, был в середине 80-х годов в СССР равен примерно 10:1, а не 5:1, как вытекало из официальных данных, не учитывавших теневых доходов населения. Недовольство наблюдалось и среди наиболее состоятельной части населения – оно было недовольно нелегальным статусом своих доходов и намного бо-

лее низким их уровнем, чем на Западе, о котором многие из них уже имели представление, посещая эти страны.

Несмотря на очень серьезные проблемы и растущую социальную дифференциацию доходов населения в данный период следует отметить, что СССР по уровню жизни, если измерять его по общепринятым критериям (продолжительность жизни, уровень питания, уровень урбанизации, обеспеченность жильем, предметами долговременного пользования, уровень и доступность образования и здравоохранения), по подавляющему их большинству, безусловно, вошел в первую тридцатку наиболее развитых стран мира. Большую часть населения по тем же критериям можно было считать средним классом. Огромным достижением было отсутствие безработицы, при всех негативных побочных следствиях этого. Вместе с тем во второй половине периода эти достижения СССР постепенно стал терять. С точки зрения экономических возможностей уровень жизни в СССР был даже чрезмерным, сдерживавшим развитие экономики при сохранении прежних военных расходов. Во всяком случае, широко распространенное в период перестройки определение СССР как «Верхняя Вольта с ракетами» было совершенно неоправданным, хотя по отдельным аспектам (комфортное деревенское жилье, дороги в сельской местности, товарный дефицит) имело определенный смысл.

3.6. НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

Эту проблему рассмотрим по отдельным ее стадиям: научные исследования, разработки и внедрение.

Самым элементарным показателем научного прогресса является динамика численности научных работников. Эти данные представлены в табл. 50.

Т а б л и ц а 50

Численность научных работников в СССР в 1965–1985 гг.

Показатель	1965	1970	1975	1980	1985
1. Численность, тыс. чел.	664,6	927,7	1223,4	1373,3	1463,8
2. Рост, % к предыдущему году	–	134,6	112,5	112,2	106,6

Источники. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1985. – С. 809; Народное хозяйство СССР в 1985 году. – М., 1986. – С. 64.

Как видим, и в этот период продолжался рост числа научных работников. И, как не переставали с гордостью сообщать статистические справочники и печать [123], в СССР насчитывалась четверть научных работников мира. Однако этот рост относительно все более замедлялся, пока в начале 80-х годов не сравнялся с ростом населения. Правда, первоначально в абсолютном выражении он еще оставался достаточно большим: более чем на 250 тыс. человек за пятилетку. Но затем, с середины 70-х годов, и он заметно сократился: сначала до 150 тыс. человек, а в последнем пятилетии – и до 90 тыс. человек. В этом отношении в СССР наблюдались те же тенденции, что и в США в аналогичный период [124], и это укрепляло понимание того факта, что в науке результаты достигаются не столько количеством, сколько качеством научных исследований да еще размером их финансирования.

Более значимым индикатором усилий в области научно-технического прогресса являются расходы на его осуществление. Эти данные представлены в табл. 51.

Т а б л и ц а 51

**Расходы на науку из государственного бюджета СССР
и других источников в 1965–1985 гг.**

Показатель	1965	1970	1975	1980	1985
1. Расходы на науку, млрд р.	6,9	11,7	17,4	22,3	28,6
2. То же, % к предыдущему году	–	169,5	148,7	128,1	128,2

Источники. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 888; Народное хозяйство СССР в 1985 году. – М., 1986. – С. 561.

Как видим, расходы на науку росли значительно быстрее, чем число научных работников, даже с учетом инфляции во все периоды, но после 1975 года относительный их рост резко замедлился, что отражало и уменьшившиеся возможности экономики, и, по-видимому, растущее разочарование советского руководства в результативности отечественной науки и техники. Однако если по числу научных работников (при всей неточности их сопоставления) СССР опережал, и намного, даже США, то по расходам на НИОКР он далеко отставал от них: в 1985 году вложения в НИОКР в США составили 106,6 млрд долларов [125], в то время как в СССР в 1985 году вложения в науку составили 28,6 млрд р. Сопоставление этих расходов с помощью валютного курса или даже паритета покупательной способности рубля затруднительно,

учитывая разную структуру затрат на науку и, в особенности, гораздо меньшую долю затрат на заработную плату, и все же можно говорить об отставании СССР по затратам на науку от США в этот период в несколько раз. И, конечно, результативность научных и технических исследований в СССР в этот период по сравнению с США надо рассматривать обязательно с учетом этого обстоятельства.

Если говорить о фундаментальной науке, то здесь разрыв по финансированию с США был в середине 80-х годов еще больше. По оценке тогдашнего президента Академии наук СССР Г.И. Марчука, он достигал в середине 80-х годов величины в 7,5 раза, а стоимость основных фондов в этой сфере была меньше в 5 раз [126]. Можно полагать, что советское руководство в этот период больше надеялось на научные открытия западной фундаментальной науки, чем своей собственной. Похожее положение в те же годы среди крупных государств сложилось в Японии, где также была слабая фундаментальная наука. Но Япония не претендовала на роль мирового лидера, как СССР, и как раз в середине 80-х годов начала принимать энергичные меры по преодолению своего отставания в фундаментальной науке.

Однако по результативности научных исследований в области фундаментальной науки отставание СССР было намного больше, чем по материальному потенциалу этой сферы. Если говорить об общественных науках, то в этой сфере имелось некоторое число талантливых ученых, но, скованные необходимостью придерживаться официальных канонов, они не смогли реализовать свой научный потенциал в виде оригинальных опубликованных работ, и их место в мировой гуманитарной науке было близко к нулю (в отличие даже от восточно-европейских стран, где гнет идеологии был не так силен). Гораздо более благоприятным было отношение в СССР к естественным наукам, но и здесь результативность научных исследований оказалась невелика. Возьмем самый точный (при всех его недостатках) показатель уровня научных достижений в области естественных наук (кроме математики) – Нобелевские премии. За весь этот период из 100 Нобелевских премий, присужденных в области естественных наук, только 1(!) была присуждена советскому ученому – П.Л. Капице в 1978 году. Американские ученые за этот период получили не менее 70 Нобелевских премий, или в 70 раз больше. Так что даже по показателю результативности на единицу затрат СССР по Нобелевским премиям уступал США в этот период не менее чем в 10 раз. Уместно отметить, что в

1956–1965 годах лауреатами Нобелевской премии в области естественных наук стали четверо советских ученых (Л. Ландау, Н. Семенов, А. Прохоров и Н. Басов) за три открытия. Очевиден огромный регресс по сравнению с предыдущим – в 2 раза меньшим – периодом. По числу Нобелевских премий в этот период СССР далеко уступал странам с гораздо меньшими расходами на фундаментальную науку (Япония, ФРГ, Великобритания, Франция, ряд небольших европейских стран). По экономическим наукам Нобелевские премии стали присуждаться только в конце 60-х годов. Единственным советским лауреатом в этой области стал академик Л. Конторович (совместно с Д. Данцигом) за работы по линейному программированию (скорее математической дисциплине).

Понижающийся уровень советской фундаментальной науки отражался и в доле советских ученых в составе наиболее авторитетных научных обществ, где были представлены все естественные и общественные науки. Еще в начале 60-х годов доля советских ученых среди иностранных членов Лондонского королевского общества составляла 7 %, а в 1987 году – только 3,5 %, причем среди оставшихся трех членов двоим (В. Амбарцумяну и И. Гельфанду) было более 80 лет [127]. Из 232 иностранных членов Национальной академии наук США в 1986 году советских ученых было лишь 18 [128]. Нет нужды говорить, что все эти советские члены научных обществ были представителями естественных наук.

Очень низким был уровень цитируемости работ советских ученых – тоже весьма важный показатель значимости научных достижений, поскольку отражал их качество публикаций. В 1973 году по числу опубликованных статей, проанализированных знаменитым Science Citation Index, по приоритетным в СССР естественным и техническим наукам, по числу публикаций СССР занимал третье место в мире, отставая от США при этом более чем в 6 раз. Однако по числу ссылок на одну цитируемую статью в 1973–1978 годах из 25 наиболее развитых в научном отношении стран мира СССР занимал предпоследнее место (3,6), опережая только Индию (2,0) и отставая от самых развитых стран по этому показателю в несколько раз: этот показатель был для США 10,8, а для Швеции – 11,3. Этот показатель для СССР был ниже, чем для остальных социалистических стран Европы, вошедших в такое исследование (Польша, Венгрия, ГДР, Чехословакия). Ниже была и доля цитируемых статей [129]. Показательно, что среди 25 советских авто-

ров наиболее цитируемых в 1973–1988 годах публикаций в области естественных наук и техники был только один академик АН СССР. По общему числу цитируемых статей в этой приоритетной области науки СССР в этот период отставал от США более чем в 25 раз. По этому показателю отставание по эффективности от США (без учета доли естественных и технических наук в общих расходах на науку и ее потенциале) составляло 8–10 раз. Обращает на себя внимание разная величина отставания по выдающимся (намного большая) и средним научным результатам, что может говорить об относительно худших условиях в СССР для деятельности как раз самых выдающихся ученых или (и) недостаточного наличия их среди всех ученых.

Основная часть расходов и научного персонала в СССР была сосредоточена в сфере прикладной науки и разработок. Здесь функционировало несколько тысяч научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро, лабораторий в вузах и на предприятиях. Отдача от их деятельности в большинстве случаев была крайне низка. Здесь, правда, следует выделить оборонную и гражданскую науку и исследования. Наиболее квалифицированная часть исследователей была сосредоточена в военном секторе. Он и финансировался несравненно лучше (до 70–80 % всех расходов на науку), в первую очередь обеспечивался лучшим оборудованием и материалами, имел мощную экспериментальную базу. С учетом этого обстоятельства и следует оценивать результативность прикладной науки.

Если пользоваться принятыми в СССР показателями научной и изобретательской активности, то может создаться впечатление весьма внушительного объема и бурного роста. Так, в 1966–1970 годах было признано изобретениями (выдано авторских свидетельств) 125 тыс. работ [130], а в 1981–1985 годах – 397 тыс. [131], что было намного больше, чем число выдаваемых в США патентов. Однако и значимость (за патент надо платить), и критерии выдачи авторских свидетельств в нашей стране были намного ниже, чем в США, поэтому такое сравнение вводит в заблуждение относительно размеров и результативности изобретательской деятельности. Несравненно более правдивую картину дают объемы продажи лицензий на мировом рынке. И здесь показатели по СССР выглядели удручающе низкими. Впервые эти показатели стали публиковаться только в годы перестройки. И тогда выяснилось, что в год (в 1981–1985 годах) продавалась только 251 лицензия [132], в то время как в капиталистических странах их продавали

многими тысячами. Но здесь нет еще данных о стоимости проданных лицензий, которые не публиковались, что само по себе говорило о нашем плачевном состоянии в этой области. Если одну лицензию считать стоимостью в 400 тыс. долларов, получается их годовая стоимость в размере 100 млн долларов. Это чуть ли не в 20 раз больше, чем в середине 60-х годов, когда только начался экспорт лицензий из СССР, но в 80 раз меньше ожидаемого экспорта лицензий из Японии в 1990 году [133].

Если говорить о гуманитарных науках, то здесь результаты были еще хуже, чем по естественным и техническим наукам, вследствие огромных препятствий, создаваемых политической системой и научной бюрократией. Чтобы не повторяться о причинах, отошлю к параграфу о научной политике. По более мне известной экономической науке, отмечу довольно высокий (хотя и уменьшавшийся) уровень исследований в области конкретных исследований экономики СССР и современного капитализма. Трудности возникали в их теоретическом осмыслении. Здесь политическая экономия была совершенно беспомощна.

Анализ состояния научных исследований в СССР показывает, что эта область экономики по своей эффективности отставала даже от сельского хозяйства и была, пожалуй, самой неэффективной областью советской экономики в данный период. Советский социализм безнадежно проигрывал капитализму в самой интеллектуальной и решающей области экономики. Многочисленные попытки повысить эффективность этих исследований не давали результата, ибо не затрагивали коренных причин этого отставания.

Если от научных исследований и разработок перейти к их использованию на практике, то здесь положение было намного лучше. И не только в военной технике. Отставание по производительности труда в такой важнейшей отрасли, как промышленность, как было показано выше, составило 4–5 раз, больше – в сельском хозяйстве и строительстве. Но заведомо меньше, чем в области науки. Очевидно, объясняется это тем, что советская экономика, как и в предыдущие периоды, опиралась в гораздо большей степени на научные и технические достижения западной науки и техники, чем на достижения отечественных ученых. Заимствование осуществлялось в самых разнообразных формах. Это и изучение западной научной и технической литературы (чему способствовала превосходная система научно-технической информации), посещение многочисленных международных научных

конференций и промышленных выставок, приобретение в порядке внешней торговли образцов западной техники и их последующее копирование, строительство промышленных объектов с иностранным участием. Наименьшую роль в этом процессе играл такой цивилизованный метод заимствования иностранной техники и технологии, широко использовавшийся, скажем, в Японии, как приобретение лицензий. Объем закупок лицензий в этот период не превышал 100 млн долларов в год. Очевидно, что это объяснялось наличием намного более дешевых и эффективных способов приобретения иностранной техники и технологии. Речь идет о промышленном шпионаже, который в этот период, как и в предыдущий, получил широкое распространение. Он касался прежде всего, конечно, военной техники и технологии, но также и гражданской, и двойного назначения. Если прочитать вышедшие в постсоветский период работы о научно-технической разведке СССР, то может создаться впечатление, что советской науки и техники вообще не было [134]. Все же бросается в глаза, что разведка добывала данные преимущественно по военной технике, а также технике и технологии двойного назначения.

Наиболее обобщенным (и грубым из-за влияния других факторов, кроме научно-технического прогресса) измерителем темпов научно-технического прогресса (своего и заимствованного) в этот период является динамика производительности труда в народном хозяйстве. Как мы видели, она (по темпам роста) неуклонно снижалась в течение периода, вплоть до почти полной остановки в последние десять лет. Более детальную макроэкономическую оценку влияния научно-технического прогресса на динамику экономического роста предприняли С.И. Голосовский и Б.М. Гринчель в работе, вышедшей в 1981 году, о которой я уже упоминал при анализе научно-технического прогресса в 1961–1965 годах [135]. К сожалению, их исследование заканчивается десятой пятилеткой. Но тенденция видна и из данных по этому периоду. Доля фактора «рост качества техники и уровня технологии» в общем приросте национального дохода, достигнув не столь уж большого для развитой страны уровня в 54,2 % в 1956–1960 годах, снизилась до 28,6 % в 1961–1965 годах, до 31,5 в 1966–1970 и 35,8 % в 1971–1975 годах [136]. Если учесть еще неуклонное реальное снижение самого относительного и абсолютного роста национального дохода, то резкое замедление научно-технического прогресса в СССР в этот период становится очевидным.

Более частным показателем научно-технического прогресса является число созданных и освоенных образцов новых типов машин и оборудования. В этот период число созданных типов машин и оборудования за пятилетку ежегодно сокращалось, а освоенных впервые в СССР – лишь незначительно росло [137]. Однако самое главное в этом вопросе – уровень создаваемых и осваиваемых машин и оборудования. При всей либеральности применявшихся тогда в СССР оценок для установления этого уровня пришлось признать, что в 1981–1985 годах только 15 % созданных новых типов машин и оборудования были совершеннее самых лучших отечественных и зарубежных образцов [138], а это определенно означает, что только они и соответствовали этому уровню.

Другим показателем низкого уровня научно-технического прогресса в СССР в этот период являлся крайне низкий уровень экспорта машин и оборудования и особенно наукоемкой продукции на наиболее требовательном рынке капиталистических стран, о чем уже говорилось в параграфе, посвященном внешнеэкономическим связям.

Низка была и доля продукции самого передового тогда пятого (самого современного) технологического уклада в общем выпуске продукции народного хозяйства, намного уступавшего этой доле в развитых капиталистических странах в тот же период. При этом неуклонно рос разрыв в технологическом и техническом уровне советской экономики и экономики передовых зарубежных стран, где в 70–80-е годы особенно интенсивно шел научно-технический прогресс. Произведенные американскими и английскими экономистами под руководством Р. Дэвиса, А. Амана и Дж. Купера очень тщательные исследования позволили установить растущее отставание СССР по подавляющему числу направлений научно-технического прогресса в 70–80-е годы. С.Ю. Глазьев рассчитал отставание СССР по пятому технологическому укладу от США и Японии за последние 10 лет анализируемого периода. По его расчетам это расстояние от США выросло с 2 до 7 лет, и от Японии – с 4 до 12 лет [139].

Намного лучше, чем в гражданских отраслях экономики, происходил научно-технический прогресс в военной сфере. Здесь даже были области военной техники, где СССР длительное время опережал западные страны. Большие успехи советской военной техники продемонстрировали войны во Вьетнаме и на Ближнем Востоке в 1973 году.

Неоспоримые успехи были достигнуты в начале этого периода в исследованиях космического пространства. Однако к концу периода и здесь выросло отставание. Космонавты США первыми высадились на Луне, несмотря на огромные усилия СССР опередить их. Война в Ливане в 1982 году выявила слабости советской авиационной техники. По американским данным, из двадцати важнейших перспективных оборонных технологий СССР лишь по одной опережал США, в трех – был равен, в девяти – отставал, в семи – отставал безнадежно [140].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ханнин Г. И. Советский экономический рост: альтернативная оценка / Г. И. Ханнин // Коммунист. – 1988. – № 17. – С. 96.
2. Эта проблема подробно рассматривается в моей книге: Ханнин Г. И. Советский экономический рост: анализ западных оценок / Г. И. Ханнин. – Новосибирск, 1993.
3. Ханнин Г. И. Динамика экономического развития СССР / Г. И. Ханнин. – Новосибирск, 1991. – С. 144–172.
4. Meliantsev V. A. Three Centuries of Russies Endeavours to Surpass East and Catch up West: Trends, Factories, Consequencies / V. A. Meliantsev // Working paper. Miami University – Oxford – Ohio. – 2002. – March. – P. 48.
5. Народное хозяйство СССР в 1990 году. – М., 1991. – С. 188, 288.
6. Там же. – С. 175, 551.
7. Пономаренко А. Н. Ретроспективные национальные счета России. 1961–1990 годы / А. Н. Пономаренко. – М., 2002. – С. 150, 221.
8. Белоусов А. Становление советской индустриальной системы / А. Белоусов // Россия – XXI. – 2000. – № 3. – С. 49.
9. Яременко Ю. В. Приоритеты структурной политики и опыт реформ / Ю. В. Яременко. – М., 1999. – Приложение.
10. Народное хозяйство СССР в 1982 году. – М., 1983. – С. 520; Народное хозяйство СССР в 1990 году. – М., 1991. – С. 16.
11. Бовин А. Воспоминания / А. Бовин. – М., 2003. – С. 205–207.
12. Там же. – С. 212.
13. Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 4. – С. 108.
14. Там же.
15. Там же.
16. Медведев Р. Личность и эпоха / Р. Медведев. – М., 1970. – С. 146.
17. Черняев А. На Старой площади / А. Черняев // Новая и новейшая история. – 2004. – № 5. – С. 135.

18. The Destruction of the Soviet Economic System / ed. : M. Ellman, V. Kontorovich. – N.Y.; L., 1998. – P. 76–84.
19. Бовин А. Воспоминания. – М., 2003. – С. 344.
20. Там же. – С. 359.
21. Там же. – С. 366.
22. Там же. – С. 391.
23. Там же. – С. 363.
24. Там же.
25. Народное хозяйство СССР в 1967 г. – М., 1968. – С. 158; СССР и зарубежные страны. – М., 1967. – С. 11.
26. СССР и зарубежные страны. – М., 1988. – С. 12, 13.
27. Там же.
28. Там же. – С. 131–133.
29. Российский статистический ежегодник. – М., 2003. – С. 353.
30. Яременко Ю. В. Приоритеты структурной политики и опыт реформ / Ю. В. Яременко. – М., 1999. – Приложение.
31. Промышленность СССР. – М., 1988. – С. 16.
32. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1988. – Т. 15. – С. 59.
33. Statistical Abstracts of the United States. – Washington, 1989. – P. 740.
34. Кому принадлежит Россия. – М., 2001. – С. 277.
35. Эксперт. – № 21. – 2003. – С. 32.
36. Промышленность СССР. – М., 1988. – С. 114–115, 170.
37. См., например, The impoverished superpower / ed. : H. S. Rowen, C. Wolf Jr. – San Francisco, 1989. – P. 119.
38. За 1976–1985 годы индекс продукции машиностроения был исчислен на основе соотношения динамики производства электромоторов и подшипников качения и альтернативной оценки динамики продукции машиностроения за 1960–1975 годы.
39. Например, для 1981–1987 годов: Промышленность СССР. – М., 1988. – С. 120.
40. Ханин Г. И. Динамика экономического развития СССР / Г. И. Ханин. – Новосибирск, 1991. – С. 163, 165.
41. Там же. – С. 194.
42. Там же. – С. 160.
43. Калашников М. Сломанный меч империи / М. Калашников. – М., 1988. – С. 390.
44. Industrial innovation in USSR / ed. : R. Amann, J. M. Cooper. – N.Y.; L., 1982. – P. 400.
45. Ibid. – P. 393.
46. Промышленность СССР. – М., 1988. – С. 184.

47. Промышленность СССР. – М., 1988. – С. 114, 195.
48. Там же. – С. 198–207.
49. Там же. – С. 34.
50. СССР и зарубежные страны. – М., 1967. – С. 18, 19.
51. Исчислено по: Народное хозяйство СССР в 1990 году. – М., 1991. – С. 362, 388.
52. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1986. – Т. 12. – С. 60.
53. СССР и зарубежные страны. – М., 1967. – С. 20–21.
54. Промышленность СССР. – М., 1988. – С. 131.
55. Там же. – С. 114.
56. Там же. – С. 115.
57. Там же. – С. 11.
58. Там же. – С. 50–51.
59. СССР и зарубежные страны. – М., 1967. – С. 163.
60. Там же. – С. 164–170.
61. Промышленность СССР. – М., 1988. – С. 78.
62. Там же. – С. 187.
63. *Байбаков Н. К.* Сорок лет в правительстве / Н. К. Байбаков. – М., 1993. – С. 129–133.
64. Промышленность СССР. – М., 1988. – С. 78.
65. Там же. – С. 189.
66. *Ханин Г. И.* Динамика экономического развития СССР / Г. И. Ханнин. – Новосибирск, 1991. – С. 154.
67. Там же.
68. Там же. – С. 219.
69. *Kouwenhoven R.* A comparison of Soviet and US Performance in Manufacturing / R. Kouwenhoven. – 1987. – Groningen Juny, 1995.
70. *Кудров В.* Сопоставление уровней производительности труда в промышленности России, США, Германии за 1992 год / В. Кудров, С. Правдина // Вопросы экономики. – 1998. – № 1. – С. 129–130.
71. *Kouwenhoven R.* A comparison of soviet and US Performance in Manufacturing / R. Kouwenhoven. – 1987. – Groningen Juny, 1995. – P. 12, 18, 39.
72. *Бирман И.* Экономика недостатч / И. Бирман. – N.Y., 1983. – С. 372.
73. *Кудров В. М.* Сопоставление уровней производительности труда в промышленности России, США, Германии за 1992 год / В. М. Кудров // Вопросы экономики. – 1998. – № 1. – Табл. 2.
74. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 421, 423; Народное хозяйство СССР в 1990 году. – М., 1991. – С. 490, 493.
75. СССР и зарубежные страны. – М., 1987. – С. 188.

76. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 466; Народное хозяйство СССР в 1990 году. – М., 1991. – С. 528.
77. *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы / М. С. Горбачев. – М., 1996. – Т. 1. – С. 196.
78. Народное хозяйство СССР в 1990 году. – М., 1991. – С. 20, 25.
79. Там же. – С. 100–101.
80. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 657.
81. Народное хозяйство СССР в 1990 году. – М., 1991. – С. 37.
82. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 619.
83. Народное хозяйство СССР в 1990 году. – М., 1991. – С. 551.
84. *Маркова Н. А.* Транспорт СССР и основные этапы его развития / Н. А. Маркова. – М., 1977. – С. 82.
85. Там же. – С. 96; Народное хозяйство СССР в 1990 году. – М., 1991. – С. 622.
86. *Маркова Н. А.* Транспорт СССР и основные этапы его развития / Н. А. Маркова. – М., 1977. – С. 4.
87. *Селюнин В.* Эксперимент / В. Селюнин // Новый мир. – 1985. – № 8. – С. 188.
88. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 672.
89. Народное хозяйство СССР в 1990 году. – М., 1991. – С. 5.
90. Торговля СССР. – М., 1989. – С. 429.
91. Деловые люди. – 1991. – № 6. – С. 36.
92. *Бирман И.* Экономика недостатч / И. Бирман. – N.Y., 1983. – С. 334.
93. Деловые люди. – 1991. – № 6. – С. 36.
94. *Швейцер П.* Победа / П. Швейцер. – Минск, 1995. – С. 358.
95. Там же. – С. 388–389.
96. Народное хозяйство СССР в 1990 году. – М., 1991. – С. 16.
97. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 891.
98. *Барковский Н. Д.* Записи банкира / Н. Д. Барковский. – М., 1998. – С. 82–83.
99. *Бирман И.* Экономика недостатч / И. Бирман. – N.Y., 1983. – С. 81.
100. *Горбачев М.* Жизнь и реформы / М. Горбачев. – М., 1995. – Т. 1. – С. 234.
101. Переход к рынку. – М., 1990. – С. 21.
102. *Hanson P.* The rise and fall of the soviet economy / P. Hanson. – N.Y.; L., 2003. – P. 84.
103. *Shelton J.* The coming soviet crash / J. Shelton. – N.Y.; L., 1989. – P. 113.
104. *Пихоя Р.* Советский Союз: история власти / Р. Пихоя. – М., 2000. – С. 453.
105. *Shelton J.* The coming soviet crash / J. Shelton. – N.Y.; L., 1989. – P. 128.

106. *Shelton J.* The coming soviet crash / J. Shelton. – N.Y.; L., 1989. – P. 127.
107. *Hanson P.* The rise and fall of the soviet economy / P. Hanson. – N.Y.; L., 2003. – P. 84, 156, 175.
108. *Ibid.* – P. 192.
109. *Борисов С. М.* Рубль: золотой, червонный, советский, российский / С. М. Борисов. – М., 1997. – С. 220.
110. Там же. – С. 92.
111. СССР и зарубежные страны. – М., 1988. – С. 308.
112. История этой экономической войны весьма красочно и подробно описана в книге П. Швейцера «Победа» (Минск, 1995).
113. Швейцер П. Победа / П. Швейцер. – Минск, 1995.
114. Внешняя торговля СССР в 1985 году. – М., 1986. – С. 8.
115. Soviet economy in a new perspective. – Washington, 1976. – P. 722.
116. *Ibid.* – P. 723.
117. *Борисов С. М.* Рубль: золотой, червонный, советский, российский / С. М. Борисов. – М., 1997. – С. 217.
118. *Hanson P.* The rise and fall of the soviet economy / P. Hanson. – N.Y.; L., 2003. – P. 156.
119. Народное хозяйство СССР в 1967 году. – М., 1968. – С. 7, 682.
120. Народное хозяйство СССР в 1985 году. – М., 1986. – С. 5, 426.
121. СССР и зарубежные страны. – М., 1989. – С. 350–351.
122. Там же. – С. 352.
123. Народное хозяйство СССР в 1985 году. – М., 1986. – С. 64.
124. Наука и техника современного капитализма. – М., 1987. – С. 20.
125. Там же. – С. 185.
126. 19-я Всесоюзная конференция КПСС. Стенографический отчет. – М., 1988. – Т. 1. – С. 209.
127. *Ханин Г. И.* Почему пробуксовывает советская наука / Г. И. Ханин // Постигжение. – М., 1989. – С. 142.
128. Там же.
129. *Маршакова И. В.* Система цитирования научной литературы как средство слежения за ее развитием / И. В. Маршакова. – М., 1988. – С. 110.
130. БСЭ. – 3-е изд. – Т. 10. – С. 88.
131. Народное хозяйство СССР в 1985 году. – М., 1986. – С. 68.
132. Народное хозяйство СССР в 1990 году. – М., 1991. – С. 310.
133. *Хисао Канамори.* Япония – мировая экономическая держава / Хисао Канамори, Дзюн Вада. – М., 1986. – С. 179.
134. Например, *Чертопруд С.* Научно-техническая разведка от Ленина до Горбачева / С. Чертопруд. – М., 2002.

135. *Голосовский С. И.* Измерение влияния научно-технического прогресса на эффективность общественного производства / С. И. Голосовский, Б. М. Гринчель. – М., 1981.

136. Там же. – С. 153.

137. Народное хозяйство СССР в 1985 году. – М., 1986. – С. 73–75.

138. Народное хозяйство СССР в 1990 году. – М., 1991. – С. 314.

139. *Глазьев С. Ю.* Теория долгосрочного технико-экономического развития / С. Ю. Глазьев. – М., 1993. – С. 153.

140. *Рогов С.* Какой будет военная реформа / С. Рогов // Коммунист. – 2001. – № 6. – С. 93.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теперь можно подвести краткие итоги рассматриваемого периода развития советской экономики, не прибегая к статистическим данным, которые можно найти в тексте. Это был период значительного экономического роста, позволившего увеличить в несколько раз и национальное богатство, и валовой национальный продукт. Этот рост был намного выше, чем рост населения, что позволило при высоких военных расходах значительно увеличить почти все показатели уровня жизни населения. В конце периода этому заметно способствовала и внешнеторговая конъюнктура в виде высоких мировых цен на топливо. Экономический рост в СССР по темпам был вполне сравним с экономическим ростом в большинстве развитых стран мира и намного выше на душу населения, чем в подавляющем большинстве развивающихся стран, какой была не так уж давно и дореволюционная Россия. В структуре экономики страны за этот период произошли огромные структурные изменения, характерные для быстро растущих развитых стран. Численность городского населения к концу периода значительно превзошла численность сельского населения, несельскохозяйственные отрасли производили основную часть продукции народного хозяйства. Уровень образованности населения стал очень высоким и был сопоставим в количественном отношении с этим уровнем в самых развитых капиталистических странах. Особенно быстро развивались отрасли, определяющие научно-технический прогресс и создающие материальные условия для успешного развития экономики: электроэнергетика, машиностроение, черная и цветная металлургия, топливная промышленность. Созданным в этих (и других) отраслях в рассматриваемый период огромным производственным потенциалом будет пользоваться российская экономика в почти неизменном виде еще 15 постсоветских лет. Так же, как и созданным для обслуживания этих отраслей кадровым потенциалом. Важнейшим достижением

советской экономики в этот период явилось значительное расширение объема разведанных полезных ископаемых, особенно в нефтяной и газовой промышленности, что позволило резко увеличить производство в этих отраслях и вывело СССР на первые места в мире по добыче нефти и газа.

Крупнейшим производственным и научно-техническим достижением СССР в этот период явилось обеспечение военного паритета с самой развитой страной капиталистического мира – Соединенными Штатами Америки. Как бы ни относиться к усилиям СССР по развитию своей военной мощи в этот период (а они, по моему мнению, были избыточными и разорительными для экономики нашей страны), этот факт свидетельствует о больших возможностях советской экономики. Велика была и роль промышленного шпионажа в их достижении. Но для реализации результатов промышленного шпионажа в этой и других областях требовался немалый научный и инженерный уровень и достаточно развитая производственная база. Высокая экономическая и военная мощь позволяла СССР в этот период оказывать значительную военную и экономическую помощь своим союзникам в социалистическом лагере и третьем мире, стать основным геополитическим соперником США.

Очень серьезно вырос в этот период уровень жизни населения. Значительно возросло душевое потребление основных продовольственных и промышленных товаров. Впервые в советской истории значительная часть населения СССР была обеспечена дорогостоящими культурно-бытовыми предметами долгосрочного пользования. Появился заметный парк личных автомобилей. Значительно улучшились жилищные условия населения, основная часть городского населения получила отдельные квартиры. На относительно высоком уровне долгое время находилось здравоохранение. Свидетельством крупных достижений в уровне жизни населения явилась средняя продолжительность жизни, характерная для развитых стран мира.

Вместе с тем, и это было для СССР крупнейшим поражением в этот период, не удалось доказать решающих преимуществ социализма перед капитализмом. Поставленная в начале периода задача – превзойти США в экономическом и научно-техническом отношении к 1980 году – полностью провалилась. Разрыв между странами оставался огромным. Особенно унижителен провал был в научно-технической области – самой интеллектуальной и творческой. Огромным оставался

разрыв и в уровне жизни людей, особенно в обеспечении жильем, личными автомобилями, многими видами услуг. Материальных (не говоря уже о многих духовных и политических) условий для привлечения на сторону социализма населения развитых стран создано не было. Лучшие условия были в отношении развивающихся стран, поскольку экономический и культурный подъем отстававших прежде регионов был важнейшим приоритетом советской экономической политики.

Если перейти от общих оценок к тенденциям внутри периода, то обнаруживаются неуклонное, от десятилетия к десятилетию, замедление экономического роста, научно-технического прогресса и падение уровня жизни населения вплоть до стагнации в начале 80-х годов. Такое замедление наблюдалось в этот период и в других развитых странах, но в СССР этот процесс был значительно сильнее, несмотря на благоприятную внешнеторговую конъюнктуру 70–80-х годов. В результате в середине 80-х годов уменьшился удельный вес СССР в мировой экономике. Замедление экономического роста объяснялось одновременным ослаблением некоторых экстенсивных (например, трудовых ресурсов) и интенсивных факторов роста. Если в отношении экстенсивных факторов сокращение имело объективный характер, то сокращение интенсивных факторов носило преимущественно субъективный характер, явилось следствием растущего несовершенства политического и экономического механизмов, их несоответствия новым экономическим и культурным условиям жизни общества. Политическое руководство СССР пыталось приостановить процесс падения. В этот период ухудшение в экономике было связано с плохо продуманной либерализацией экономической и политической жизни. Для улучшения экономического положения трижды (в первой половине 60-х годов, в 70-х и 80-х годах) были проведены контрреформы, усилившие централизацию в экономике, государственную, трудовую и плановую дисциплину. Они давали положительный экономический эффект на протяжении нескольких лет, но затем он исчерпывался и начинался новый цикл либерализации. Советскому Союзу так и не удалось в этот период сформировать жизнеспособную экономическую систему, чтобы, не прибегая к тоталитарным методам, обеспечивать устойчивый, длительный и быстрый экономический рост. Самые важные причины растущего отставания советской экономики лежали в политической области. Сложившийся в 30–50-е годы тоталитарно-авторитарный политический механизм затруднял выдвижение новых экономических

идей, способных и компетентных экономических руководителей на всех уровнях управления. Усиливалась деградация руководящих кадров, особенно в последнее десятилетие рассматриваемого периода из-за огромного распространения теневой экономики, в которую были вовлечены миллионы людей, в том числе множество хозяйственных руководителей, жертвовавших своими должностными обязанностями в пользу личных, корыстных. Сложившуюся хозяйственную систему уже нельзя было назвать командной или социалистической, в ней был силен, хотя и уродливый, рыночный элемент, протокапитализм, преимущественно разрушительного характера. Поэтому и неудачи последнего периода нельзя целиком относить к неэффективности командной экономики, которая существовала уже во многом только на бумаге. Отнюдь не показал свои экономические достоинства и нарождавшийся капитализм. Следствием распространения теневой экономики стала растущая дифференциация доходов, которая привела к абсолютному снижению уровня жизни большей части населения в последнее десятилетие этого периода. Попытка борьбы с теневой экономикой как главной опасностью для плановой экономики и социалистического общества, предпринятая в начале 80-х годов, захлебнулась после прихода М.С. Горбачева к руководству партией и страной, ибо в нее было вовлечено уже множество представителей правящего слоя.

Долгое время советской экономике удавалось решать крупные, сложные производственные и научно-технические задачи, требующие скоординированных усилий многих отраслей экономики и тысяч предприятий. Здесь выявились сильные стороны командной экономики и организационные способности воспитанных и выдвинутых в сталинский период руководителей. К достигнутому можно отнести обеспечение военно-стратегического паритета с США, быстрое освоение районов Сибири и Дальнего Востока, огромное электроэнергетическое строительство, создание в кратчайший срок мощнейшей нефтегазовой промышленности, развитие морского и трубопроводного грузового транспорта, пассажирского авиационного транспорта. К концу периода эта способность значительно уменьшилась, хотя и не исчезла полностью. Западу, несмотря на огромные усилия, так и не удалось сорвать, например, строительство газопровода Уренгой–Запад, хотя и удалось замедлить ввод его в эксплуатацию и уменьшить масштабы.

Крупнейшей неудачей советской экономики в этот период, определившей во многом ее кризис, явилась дезорганизация денежного об-

ращения. В этой проблеме сплелись все проблемы советской экономики. Реальная убыточность большей части производственной сферы экономики сужала доходную базу бюджета. Гипертрофированная доля военных расходов и внешнеполитических обязательств раздувала его расходную часть. Несоответствие структуры потребительского спроса и объема производства потребительских товаров и импорта потребительских товаров создавало товарный дефицит и сокращало денежные поступления в кассу Госбанка. Сложилось несоответствие между динамикой средней заработной платы и реальной производительностью труда с опережением первой. Недостаточные капитальные вложения в последнем десятилетии рассматриваемого периода затрудняли техническое обновление производственного аппарата и повышение производительности труда. Растущая доля теневой экономики, отвлекая материальные и трудовые ресурсы, снижала поступления в государственный бюджет и трудовую активность людей по их основному месту работы. Указанные провалы советской экономики затушевывались долгое время ростом мировым цен на топливо, что приводило к дополнительному росту доходов бюджета и валютных поступлений, позволявших увеличить импорт потребительских товаров. Снижение мировых цен на нефть в конце 1985 года обнажило накапливавшиеся многие годы противоречия и слабости советской экономики.

Дезорганизация денежного обращения усиливала товарный дефицит, который вызывал огромное недовольство населения и был выгоден дельцам теневой экономики, ослаблял стимулы к труду.

Многие указанные противоречия советской экономики вуалировались ошибочной макроэкономической статистикой, которая не учитывала скрытый рост цен в экономике. Поэтому высшее советское руководство обнаруживало их с опозданием. Лучшие советские ученые симптомы надвигающегося экономического кризиса выявили уже в конце 60-х – начале 70-х годов. Спустя два-три года это осознали и советские руководители на разных уровнях. Но они в силу действительно исключительной сложности задачи найти пути выхода из надвигающегося кризиса не смогли. Коренные причины кризиса лежали в неспособности сложившейся в 30-х – начале 50-х годов социально-политической системы, обеспечившей выживание СССР и его развитие на заимствованной основе, обеспечить успешное экономическое и социальное развитие на собственной основе, предполагавшей раскры-

тие творческого потенциала народа. Это было осознано еще И.В. Сталиным в последние годы его жизни¹, но он не успел (или ему не дали) осуществить необходимые политические и экономические изменения. Это же было осознано и Н.С. Хрущевым незадолго до его смещения, и он был смещен из-за попытки такие изменения произвести. Через 20 лет в обстановке уже начавшегося экономического кризиса это было осознано М.С. Горбачевым, что и послужило причиной перестройки, которая продемонстрировала – как сложно произвести эти изменения.

¹ Ханин Г.И. И. В. Сталин – инициатор перестройки и либерализации? // ЭКО. – 2005. – № 9 (полный текст – в Интернете на сайте <http://socionet.ru>).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Часть I. ЭКОНОМИКА СССР В КОНЦЕ 30-х годов–1960 год	11
Глава 1. Предвоенный и военный периоды: проверка на зрелость советской экономики выдержана... с трудом	13
1.1. Чистки приводят... к улучшению кадров	13
1.2. Хозяйственное руководство перед войной рационализируется... ..	19
1.3. Результаты развития советской экономики в предвоенный период.....	25
1.4. Экзамен на зрелость в годы войны.....	48
Библиографические ссылки и примечания	58
Приложения.....	62
Глава 2. Первый послевоенный период: экзамен на зрелость сдается все еще с трудом.....	71
2.1. Быстрое послевоенное восстановление	71
2.2. Научно-технический прогресс на подъеме с помощью иностранных специалистов и техники	72
2.3. Создаются новые отрасли	76
2.4. Военный опыт используется плохо	80
2.5. Управление экономикой рационализируется	81
2.6. Экономика в СССР восстанавливается быстрее, чем в капиталистических странах	82
2.7. Чистки продолжают... в худшую сторону	85
Библиографические ссылки и примечания.....	86
Приложение	88
Глава 3. Пятая пятилетка: экзамен на зрелость наконец сдан	92
3.1. Анализ плана пятой пятилетки (1951–1955 годы)	92
3.2. Выполнение плана пятой пятилетки	100

3.3. Вторая индустриализация начинается	103
3.4. Значительное улучшение условий жизни населения в пятой пятилетке.....	107
3.5. Экономика СССР выигрывает соревнование с капиталистическими странами.....	109
3.6. Подъем сельского хозяйства	110
3.7. Недостатки сохраняются	111
Библиографические ссылки и примечания	124
Глава 4. Шестая пятилетка – триумф и начало кризиса советской экономики.....	126
4.1. Что представлял собой план шестой пятилетки?	126
4.2. Институциональные изменения после смерти Сталина начинают разваливать командную экономику	131
4.3. Хозяйственное руководство становится хуже.....	134
4.4. Непосильные военные расходы, содействие социалистическим и развивающимся странам	146
4.5. Технический прогресс в шестой пятилетке	151
4.6. Улучшение организации производства.....	156
4.7. Итоги первых трех лет шестой пятилетки	158
Библиографические ссылки и примечания	160
Глава 5. Начало семилетки: новые симптомы кризиса	163
5.1. Анализ семилетнего плана (1959–1965 годы)	163
5.2. Технический прогресс и организация производства: успехи и неудачи	166
5.3. Попытка рационализации планирования и управления с помощью ЭВМ и экономико-математических методов	169
5.4. Первые симптомы кризиса «советского чуда».....	171
Библиографические ссылки и примечания	176
Заключение	177
Часть II. ЭКОНОМИКА СССР В 1961– 1965 годах.....	183
Глава 1. Поворот к рецентрализации экономики: незамеченная страница советской экономической истории.....	185
1.1. Причины поворота к рецентрализации	185
1.2. Направления рецентрализации	187
1.2.1. Рецентрализация управления экономикой	188
1.2.2. Увеличение числа директивных показателей и детализация распределения материальных ресурсов	196

1.2.3. Ограничение подсобных хозяйств.....	201
1.2.4. Усиление борьбы с коррупцией и экономической преступностью	202
1.2.5. Обновление руководящих кадров	204
1.2.6. Макроэкономические результаты рецентрализации ..	205
Библиографические ссылки и примечания.....	209
Глава 2. Кадровые изменения в высшем хозяйственном руководстве	211
2.1. Кадровые изменения в высшем партийном руководстве экономикой.....	211
2.2. Кадровые изменения в высшем государственном руководстве экономикой.....	213
Библиографические ссылки и примечания.....	217
Глава 3. Научно-технический прогресс в СССР.....	218
3.1. Уровень развития советской фундаментальной науки.....	218
3.2. Уровень развития советской прикладной науки и разработок.....	223
3.3. Влияние науки на экономическое развитие СССР	226
3.4. Внутренняя жизнь советской науки	228
Библиографические ссылки и примечания.....	233
Глава 4. Внешнеэкономические связи СССР	235
4.1. Роль внешнеэкономических связей в советской экономике	235
4.2. Изменения структуры внешнеэкономических связей	237
Библиографические ссылки и примечания.....	242
Глава 5. Результаты экономического развития СССР.....	243
5.1. Тяжелая промышленность	243
5.2. Легкая и пищевая промышленность.....	261
5.3. Сельское хозяйство	263
5.4. Строительство	267
5.5. Сфера услуг	269
Библиографические ссылки и примечания.....	278
Глава 6. Уровень жизни населения	282
Библиографические ссылки и примечания.....	287
Глава 7. Состояние финансовой и денежной систем	288
Библиографические ссылки и примечания.....	289

Глава 8. Изменения экономической политики.....	290
8.1. Структурная политика.....	290
8.2. Улучшение методов планирования и управления.....	292
8.3. Экономические эксперименты.....	294
Библиографические ссылки и примечания.....	297
Глава 9. Дискуссия вокруг экономической реформы.....	298
Библиографические ссылки и примечания.....	303
Заключение.....	304
ЧАСТЬ III. ЭКОНОМИКА СССР В 1966–1987 годах.....	307
Введение.....	309
Глава 1. Институциональные изменения.....	310
1.1. Экономическая реформа 1965 года: замысел и его реализация.....	310
1.2. Рецентрализация экономики в начале 70-х годов.....	317
1.3. Экономическая реформа 1979 года в промышленности: замысел и его реализация. Хозяйственные реформы 1983–1986 годов.....	323
1.4. Изменения в составе и стиле хозяйственного руководства. Деградация политического и хозяйственного руководства в брежневский период.....	328
1.5. Возникновение и развитие протокапитализма, попытки борьбы с ним в брежневский период. Влияние протокапитализма на хозяйственную жизнь СССР.....	343
1.6. Экономические нововведения начального периода перестройки: замысел и результат.....	355
Библиографические ссылки и примечания.....	367
Глава 2. Экономическая политика советского руководства.....	373
2.1. Факторы определения экономической политики.....	373
2.2. Структурная политика.....	375
2.3. Научно-техническая политика.....	384
2.4. Политика доходов.....	391
Библиографические ссылки и примечания.....	393

Глава 3. Результаты развития советской экономики	395
3.1. Макроэкономические показатели экономики	395
3.2. Развитие важнейших отраслей экономики	408
3.2.1. Промышленность	408
3.2.2. Сельское хозяйство	442
3.2.3. Строительство	447
3.2.4. Транспорт	450
3.2.5. Сфера услуг	459
3.3. Состояние финансово-кредитной и денежной систем.....	467
3.4. Внешнеэкономические связи	476
3.5. Уровень жизни населения	486
3.6. Научно-технический прогресс	491
Библиографические ссылки и примечания	499
Заключение	505

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Гириш Ицкович Ханин

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ
В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ**

Том 1

Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год

Монография

Редактор *Н.А. Лукашова*
Технический редактор *Н.В. Гаврилова*
Выпускающий редактор *И.П. Брованова*
Корректор *И.Е. Семенова*
Дизайн обложки *А.В. Ладыжская*
Компьютерная верстка *В.Ф. Ноздрева*

Лицензия ИД № 04303 от 20.03.01
Подписано в печать 18.03.2008
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная
Уч.-изд. л. 32,25. Печ. л. 32,25
Тираж 3000 экз. (1-й з-д – 1–500 экз)
Изд. № 506. Заказ № 434

Издательство Новосибирского государственного
технического университета
630092, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20
Тел. (383) 346-31-87
E-mail: office@publish.nstu.ru

Отпечатано в типографии
Новосибирского государственного технического университета
630092, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20